

Путь к социализму в России

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н. И. БУХАРИНА

OMICRON BOOKS
NEW YORK

1967

**ПУТЬ
К
СОЦИАЛИЗМУ
В
РОССИИ**

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Н. И. БУХАРИНА**

**OMICRON BOOKS
NEW YORK**

THE PATH
TO
SOCIALISM
IN
RUSSIA

Selected Works of
N. I. BUKHARIN

Edited with an Introduction
by SIDNEY HEITMAN
Professor of History
Colorado State University

Russian Translation
of Introduction and Notes
by EUGENIA ZHIGLEVICH

OMICRON BOOKS
NEW YORK

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ В РОССИИ

Избранные произведения
Н. И. БУХАРИНА

Редакция и вступительная статья
СИДНИ ХЭЙТМЕНА
профессора истории
университета штата Колорадо

Русский перевод вступительной статьи
и примечаний
ЕВГЕНИИ ЖИГЛЕВИЧ

ОМИКРОН БУКС
НЬЮ ИОРК

*The editor wishes to acknowledge the assistance of the
Colorado State University Faculty Research Grant Program,
which made possible compilation of this anthology.*

© Copyright 1967 all original material
by Sidney Heitman

All rights reserved

ВВЕДЕНИЕ

Ранним утром 13 марта 1938 года, когда Москва была еще обята предраассветной мглой, залы прежнего (царского времени) Благородного Собраниа, ныне ставшего Домом Союзов, были залиты ослепительным светом. Третий и последний из крупных советских политических процессов близился к концу. Военный трибунал из трех человек, целых одиннадцать дней ведший слушание необычного дела против антисоветского «правотроцкистского блока», решал — с 9:25 часов вечера — судьбу двадцати одного советского гражданина, обвинявшегося в ужасающих противогосударственных преступлениях: от вредительства и контрреволюции до убийства и измены родине. В ожидании приговора — вот уже больше шести часов — триста человек, допущенных в зал суда, — включая иностранных обозревателей, журналистов, коммунистических аппаратчиков и тайных агентов наблюдения, — кружили по коридорам, обрамляющим великодушную залу суда, в которой когда-то давались пышные званые обеды и блестящие аристократические балы. Конечно, исход экстраординарного процесса не подвергался серьезному сомнению. «Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного», издевался в своем резюме суду государственный прокурор А. Я. Вышинский, «изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять как поганных псов!» Принимая во внимание исход предшествующих процессов по обвинению в государственной измене с 1936 года, было мало оснований считать, что это требование не будет удовлетворено.

Ровно в четыре часа утра раздался резкий звонок, призывающий публику в зал суда. Судьями было вынесено решение, процесс возобновился. В нетерпеливом ожидании публика стала тесниться в зал, где, установленные во время перерыва для фотографов, прожекторы бросали на все резкий, обличительный свет. Явно проступали непрошенные тени былого — нежно-голубые стены, завершаемые лепным фризом беззаботно кружащихся девушек и искусными хрустальными люстрами... Но вот воцарилась напряженная тишина: двери распахнулись, и один за другим стали входить обвиняемые, занимая места на стульях, расставленных в два ряда за шаткой соснового дерева перегородкой, отделяющей подсудимых. Разодетая в щеголеватую форму стража заняла места вокруг ограждения, высшие ее чины усердно следили за соблюдением мер безопасности. Впервые за все время со дня начала процесса 2 марта исчезла карнавальная атмосфера, окружавшая предшествующие заседания суда. Она сменилась ожиданием и тревогой, по мере того, как публике становилось все яснее, что приближается апогей исторического события.

Ровно в четыре часа тридцать минут утра комендант суда резко объявил: «Суд идет — встать!» В зал суда через двери с синими портьерами вошли трое судей и секретарь суда во главе с председателем Военной Кол-

легии Верховного Суда СССР, коренастым В. В. Ульрихом, и заняли места за длинным столом на возвышении. Публике разрешили сесть. Пока председательствующий приводил в порядок бумаги, прокурор Вышинский восседал с каменным лицом за передним столом справа от судей, смотря прямо перед собой. Обвиняемые на скамье подсудимых, одни — нервно и напряженно, другие — почти равнодушно и невозмутимо — ожидали решения своей судьбы. Один из них средних лет лысеющий человек, небольшой и крепкий, спокойно, но пристально разглядывал половицы, как будто все происходящее совершенно его не касалось. Но это было обманчиво. На самом деле этот человек был главным обвиняемым, он был наиболее значительным из всех привлеченных к советскому суду подсудимых на нашумевших показательных процессах по обвинению в крупных преступлениях против правительства и мировой революции (а этих подсудимых за последние два года было несколько десятков). Этот внешне спокойный человек был Николай Иванович Бухарин, когда-то зачинщик большевистской революции, любимец Ленина и всей партии, выдающийся теоретик международного коммунистического движения, главное руководящее лицо Коминтерна, и, возможно, наиболее известный публицист и представитель советской и международной коммунистической революции. Теперь, однако, он был жалкой тенью того, кто — одним своим появлением на трибуне — мог вдохновлять на безудержные демонстрации собравшихся на массовый митинг. Теперь его обвиняли в «чудовищном лицемерии, вероломстве, иезуитстве и нечеловеческой подлости». В частности, «этого болтливого господинчика», как уничтожающе-презрительно называл его Вышинский, обвиняли в тайной связи с внутренними и внешними врагами советского народа, в целях восстановления в России капитализма, убийства важнейших советских руководителей и свержения коммунистического режима путем отдачи России фашистским захватчикам и расчленения советского государства.

Наступила тишина, казалось не прерывавшаяся целую бесконечность. Переведя глаза с бумаг на публику, председательствующий отчеканил: «Заседание возобновляется». Он снова взглянул на стопку бумаг. «Я объявляю приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР, заявил он деловито. Именем Союза Советских Социалистических Республик...», быстро и без выражения зачитал он текст приговора, и перешел к перечислению предъявленных подсудимым обвинений. Дойдя, наконец, до решения суда, он прочел о признании всех подсудимых виновными, и в соответствии с этим, «на основании изложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: 1. Бухарина, Николая Ивановича, 2. Рыкова, Алексея Ивановича, 3. Ягоду, Генриха Григорьевича...» и пятнадцать из остальных обвиняемых «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества». Трое других подсудимых признавались виновными в менее серьезных преступлениях и приговаривались к длительному тюремному заключению, но не к смертной казни.

Немедленно после прочтения приговора заседание суда закрылось, и обвиняемых вывели из залы суда через те же двери, в которые они вошли менее часа тому назад. Процесс кончился. Когда публика, придя в себя,

стала расходиться, тихие московские улицы все еще были объаты зябкой мглой.

На следующий день в Верховный Совет от имени всех осужденных, соблюдая обычную формальность, была подана апелляция, и также на чисто формальных основаниях — она была отклонена. 15 марта находящиеся в советской столице иностранные корреспонденты узнали из лаконичного официального коммюнике, что приговор был приведен в исполнение. Несмотря на то, что вначале сенсационный процесс привлекал широчайшее внимание и детально освещался во всех странах мира — теперь, по какой-то странной иронии, в международной печати говорилось очень мало о вынесенном приговоре и гибели одного из последних крупных старых большевиков и выдающихся деятелей русской революции.

К 15 марта другие, более грозные, события вытеснили московские сообщения с первых страниц газет: за три дня до этого немецкие войска перешли австрийскую границу, произведя гитлеровский «аншлусс». Напряженность встревоженного мира затмила апогей московского процесса. Надвигалась война, всеобщее внимание было обращено на неминуемый кризис. Столь бесславно кончилась жизнь и карьера Николая Бухарина, и его когда-то блестящие имя и деятельность канули в неизвестность.

Если годы и смена политической линии и сгладили в памяти то раннее московское утро — приговор советского суда, — то пересмотра дела Бухарина и его роли в истории советского коммунизма приходится еще ждать и ждать. Спустя почти целое поколение со времени процесса, обращенные к суду заключительные слова прокурора Вышинского звучат пророчески. Вот эти слова: «Пройдет время. Могила ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа». Не один только Сталин заботился о том, чтобы это пророчество сбылось, — фальсификацией и переработкой курса истории партии. Но и изучающие советские проблемы эксперты-некоммунисты, сами того не сознавая, содействовали сохранению сталинских мифов о Бухарине, принимая их на веру, не разбирая и не рассматривая их в свете имеющихся показаний. Еще совсем недавно западные ученые почти совершенно обходили Бухарина молчанием, считая его, — если они вообще о нем вспоминали, — небольшой партийной фигурой, заслоняемой крупнейшими — Лениным, Троцким и Сталиным. За последнее десятилетие, однако, Бухарин привлекает все больше и больше внимание объективных исследователей.¹ Результаты этих изысканий ясно указывают на необходимость пересмотреть старые взгляды на Бухарина и его роль в истории советского коммунизма. Это еще более подтверждается признанием сталинских преемников в том, что обвинения, предъявленные Бухарину в 1938 году, были ложными. И все-таки, до сих пор, нет крупного труда о жизни, деятельности и взглядах Бухарина, — труда, основанного на тщательном и объективном разборе всех исторических данных. Как в коммунистическом мире, так и на Западе о Бухарине продолжают судить без надлежащего критического отношения к событиям.

Цель настоящего труда — дать более объективную оценку, предоставив читателю возможность, на основании неоспоримых данных, ознакомиться с ограниченным по времени, но значительным вкладом Бухарина в дело

исторического развития советского коммунизма. Сосредоточусь на одном явлении в первые определяющие годы роста большевистского движения, в котором Бухарину принадлежала ведущая и — одно время, господствующая роль, а именно — на исторической внутривнутрипартийной полемике относительно построения в России социализма — между революцией 1917 года и началом сталинской революции в 1928-29 годах. Поэтому и труд этот ставит себе целью дать документальные материалы, то-есть публикации Бухарина по этому критическому вопросу, от которого непосредственно зависела дальнейшая судьба не только Советского Союза, но и всего мира. Это — собрание документальных материалов, извлеченных из многочисленных разбросанных и малодоступных на Западе источников, и все еще запрещенных в мире коммунистическом, тщательно подобранное для наиболее полного отражения взглядов Бухарина и воспроизведенное без исправлений или изменений первоначального текста. Оно, может быть, будет содействовать лучшему пониманию не только роли Бухарина в истории большевизма, но и хода той истории, на которую он оказал гораздо большее влияние, чем принято думать на Западе или официально признано в государствах коммунистического блока.

Краткий обзор основных моментов деятельности и заслуг Бухарина, как политического лидера и теоретика, не оставляет сомнений в том, насколько важен пересмотр текущих оценок Бухарина и шаблонных мнений о раннем развитии советского коммунизма, в особенности в двадцатые годы, когда складывался общий характер и будущее лицо советской коммунистической системы. Один из самых молодых старых большевиков, Бухарин родился в Москве 27 сентября (старого стиля) 1888 года. Родители его были преподавателями гимназии. До двенадцати лет Бухарин учился дома, где ему было дано классическое образование. Будучи не по летам развитым ребенком, Бухарин, как об этом говорит автобиография,² читал и писал еще до пяти лет, а в отроческие годы ревностно изучал естественные науки, искусство и литературу. Естественными науками он интересовался до последних лет жизни, а его раннее знакомство с языками Запада послужило фундаментом для дальнейшего основательного знакомства с научными трудами в самых разнообразных областях знания, почему он и стал самым образованным и начитанным в большевистском руководстве.

В 1900 году Бухарин поступил в московскую гимназию, где товарищи ознакомили его с марксизмом. Он подпал под влияние взглядов Дмитрия Писарева и порвал с религией, хотя и был воспитан в религиозных традициях: основой его идеологии стал марксизм. В 1905 году, выдержав вступительные экзамены в Московский университет, он участвовал в противоправительственных студенческих демонстрациях и на следующий год вступил в Социал-демократическую рабочую партию. Его назначили агитатором и организатором московских рабочих, и в 1906 году он — совместно с товарищем по университету, Ильей Эренбургом, возглавлял забастовку фабричных рабочих.

Несмотря на нелегальную деятельность, Бухарин был принят в 1907 году в Московский университет, где в течение последующих четырех лет он делил время между университетским курсом философии, экономики и социологии и партийной работой, что и помешало ему получить диплом.

Будучи уже убежденным марксистом, он вступал в споры с профессорами и написал для семинара свою первую серьезную работу по экономике — «Теория развития народного хозяйства», которая была опубликована в студенческой газете. В 1908 году он был принят в Московский комитет партии. Но в 1910 году полиция выследила руководителей московской организации и разогнала ее.

Бухарина приговорили к тюремному заключению, замененному ссылкой на Онегу. Оттуда в 1911 году он бежал за границу, где провел шесть лет, переезжая из страны в страну (побывал он и в Соединенных Штатах), прежде чем вернуться в Россию после февральской революции. Кое-как сводя концы с концами, он пополнял свое образование в иностранных университетах и библиотеках и активно участвовал в деятельности эмигрантского центра большевистской партии.

В 1912 году Бухарин отправился в Краков, чтобы повидаться с Лениным, перед которым он преклонялся, но которого знал лишь по его репутации и трудам. Так началась историческая дружба Бухарина и Ленина. В воспоминаниях о Ленине Крупская пишет о первой встрече с Бухариным:

«Еще осенью 1912 года мы познакомились с Николаем Ивановичем Бухариным. Кроме Багоцкого, с которым мы часто виделись, к нам первое время заходил поляк Казимир Чапинский, работавший в краковской газете «Нашуд» («Вперед»). Так вот Чапинский много рассказывал о знаменитом краковском курорте Закопане, какие там горы замечательные, и красота какая неописуемая и, между прочим, рассказывал, что там живет социал-демократ Орлов, который очень хорошо рисует закопанские горы. Вскоре после того, как мы переехали из Звежинца в город, смотрим раз в окно и видим — идет какой-то молодяга с огромным холщевым мешком на плече. Это и оказался Орлов, он же — Бухарин. Они довольно обстоятельно потолковали тогда с Ильичем. Бухарин жил в Вене. С тех пор установилась у нас с Веней тесная связь. Там же жили и Трояновские. Когда мы стали спрашивать Николая Ивановича о его рисовании, он вытащил из своего холщового мешка ряд великолепных изданий картин немецких художников, которые мы стали усердно рассматривать».³

Из таких прозаических истоков стала расти тесная, горячая, хотя по временам и бурная, дружба между Бухариным и Лениным, имевшая роковые последствия в будущем.

Но в 1912 году будущее еще было неизвестно, и Ленин, чувствовавший к Бухарину личную симпатию и пораженный его умственной зрелостью, предложил ему участвовать в большевистских изданиях «Правда» и «Пролетарият», а также послал его, как наблюдателя от имени партии, на съезд Германской социал-демократической партии в Хемнице. В том же году Бухарин вернулся в Вену, в тамошнюю колонию русских политических эмигрантов. Последние восемнадцать месяцев он сотрудничал в партийной организации эмигрантов, подготавливая доклады и речи, которые тайно переправлялись в Россию большевистским депутатам Думы, изучал австрийское рабочее движение, слушал лекции в Венском университете, где непосредственно знакомился со взглядами Вема-Баверка и Вайзера. в то время главных представителей экономической теории предельной полез-

ности. Именно в этот период Бухарин написал первый из ряда его экономических трудов, которые впоследствии среди европейских социалистов создали ему репутацию одного из важнейших марксистских экономистов того времени.⁴

В Вене же Бухарин впервые встретился со своим будущим палачем — Сталиным, присланным сюда Лениным для изучения национальной проблемы в Австрии. Бухарин помог Сталину, не знавшему немецкого языка, в составлении первой его статьи об отношении большевиков к национальному вопросу; эта статья закрепила за Сталиным звание партийного авторитета в этой области.

Когда летом 1914 года разразилась война, Бухарина интернировали как иностранца-врага, но затем по заступничеству видных австрийских социалистов освободили. Он был, однако, выслан из страны, и следующие два года — уже в Швеции — он сотрудничал с радикальными социалистическими организациями, включая интернационалистические и антивоенные молодежные группы. В 1915 году он играл ведущую роль на конференции большевистской фракции в Берне. Несмотря на преследования полиции и частые аресты за пропаганду против войны, он сумел продолжить свои занятия в различных европейских библиотеках и университетах и написал несколько важных теоретических трудов, из которых два имели первейшее значение в создании большевистской революционной доктрины. Зимой 1914-1915 года внимание Бухарина было обращено на проблему империализма, о которой подробно писали некоторые марксистские и не-марксистские идеологи, но которой — столь систематически и с такой полнотой еще никто из большевиков не разрабатывал. В начале года Бухарин закончил первую работу в этой области — о причинах, характере и значении европейской колониальной экспансии — «Мировое хозяйство и империализм»; — она первоначально была опубликована в сокращенном виде в большевистском журнале «Коммунист».⁵ В этой работе Бухарин предвосхитил главные идеи, выраженные Лениным годом позже в его основополагающем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма»; этот труд многим обязан бухаринским изысканиям и выводам, хотя Ленин никогда этого открыто не признавал, и именно Ленин все еще признается основоположником коммунистической теории империализма.

Вторым ранним трудом Бухарина было написанное в 1916 году исследование «К теории империалистического государства»,⁶ также предвосхитившее взгляды Ленина на проблему государства до, во время и после пролетарской революции, и повлиявшее на них. Эти взгляды Ленина отражены в книге «Государство и Революция», в которой на этот раз, хотя и косвенно, он с благодарностью упомянул Бухарина. И здесь Ленин поныне считается основоположником классической коммунистической доктрины о государстве. До сих пор еще не общеизвестно, что первенство в создании этой теории и прямое влияние на мысли Ленина принадлежат Бухарину, почему и нужен пересмотр существующих мнений — как в коммунистическом мире, так и на Западе, мнений, касающихся вопроса о создании и первоначальном развитии большевистской политической теории и о роли Бухарина и роли Ленина в этой главе истории советского коммунизма.⁷

Осенью 1916 года Бухарин был выслан из Швеции, где он работал с радикальным крылом шведской социалистической партии. Нелегально эмигрировав в Соединенные Штаты, он обосновался в Нью-Йорке. Там он вошел в группу эмигрантских радикалов и стал редактором ее газеты «Новый Мир». Вскоре после приезда Льва Троцкого, Бухарин и Троцкий стали соредакторами и содействовали формированию организации русских и американских социалистов, основавших позднее американскую коммунистическую партию. Когда пало царское правительство, Бухарин все еще был в Нью-Йорке. Он сразу же решил вернуться в Россию, и прибыл в Москву в мае 1917 года, после утомительного путешествия через Японию и Сибирь. Бухарин объявил поддержку ленинским «Апрельским тезисам», настаивавшим на скорейшем свержении Временного правительства, и взял на себя руководство партийной работой в Московском округе. Во время Октября — захвата власти большевиками — Бухарин сыграл видную роль в завоевании Москвы большевистской партией.

До того Бухарин был лишь виднейшим последователем Ленина. Он питал к Ленину огромное уважение и, в самый разгар ожесточенных споров, писал ему: «Я отношусь к Вам с величайшим уважением, считаю Вас моим революционным учителем и люблю Вас»; несмотря на это, в период пребывания Бухарина и Ленина в эмиграции, между ними не раз происходили острые столкновения. Расхождения, разделявшие их, коренились в разном подходе к основным проблемам мировой революции, которой оба были одинаково преданы. В то время как Ленин в общем смотрел на эти проблемы прагматическим взглядом реалистического политика, заинтересованного в конечных результатах, Бухарину был присущ юношеский идеализм и устремленность к доктринерской интеллектуальной непреклонности, вынуждавшей его искать простых, всеобъемлющих и крайних решений сложных — уже по сути своей — вопросов. Эти различия в темпераменте и мировоззрении разделяли Бухарина с Лениным не раз и в дореволюционные годы, и снова проявились в начале 1918 года, в вопросах сепаратного мира с Германией и общей революционной перспективы для России и Европы. На этот раз Бухарин даже основал внутри партии организационно-оформленную фракцию «левых коммунистов», заставившую Ленина вступить в спор по различным внутренним и международным вопросам; фракция некоторое время выпускала свои газеты и журналы.

Отступничество Бухарина было, однако, кратким и, когда летом 1918 года вспыхнула гражданская война, он снова присоединился в партийном центре к последователям Ленина, поставив заинтересованность в победе выше своих личных убеждений. Продолжая расходиться с Лениным во взглядах по различным текущим делам, как например, роль профсоюзов в новом советском государстве, национальный вопрос, пересмотр партийной программы, — он работал в качестве экономического организатора и пропагандиста, содействовал, будучи членом ЦК и Политбюро, укреплению партийной позиции, играл крупную роль в основании Коммунистического Интернационала, членом Исполкома которого он стал, и редактировал влиятельный орган партии — газету «Правда». В 1921 году Бухарин стал одним из первых руководящих коммунистов, поддерживавших призыв Ле-

нина к Новой Экономической Политике; в принятии ее партией большая заслуга принадлежит ему же.

Этот переход от крайней революционной позиции в 1918 году к умеренной установке в 1921, проявившийся в его поддержке НЭП'а, характеризует основные изменения в мышлении и политических отношениях Бухарина. Между 1921 и 1924 годами он продолжал занимать в партии независимую позицию, не примыкая ни к одной из существующих группировок. Резкое уменьшение в эти годы его литературной активности и общественных выступлений говорит о том, что это был трудный период интеллектуального и идеологического самоанализа, порожденный отрезвляющим опытом гражданской войны, крушением оптимистических надежд партии на скорую пролетарскую революцию в Европе и растущей дилеммой, вызванной перерождением партии из нелегальной революционной организации в правящую власть с неясным будущим. Но столь продуктивный ум и столь блестящее перо не могли, однако, замолкнуть надолго. Отойдя от активной политической деятельности, он посвятил себя завершению ряда теоретических изысканий, созревших в нем в эту пору, для которых в критические дни гражданской войны не оставалось времени. Написав в 1920 году свой полемический труд «Экономика переходного периода» и тем самым распростившись с радикальным идеализмом, Бухарин обратился к более абстрактным теоретическим проблемам. Наиболее значительные плоды этих лет: авторитетное изложение догмы и творческая разработка марксистской философии и социологической теории — «Теория исторического материализма», несколько работ о проблемах культуры и интеллигенции в период диктатуры пролетариата и перехода к коммунизму, и первые пробы перестройки ортодоксальной революционной теории марксизма на основе накопленного партийного опыта в России после семнадцатого года, пробы, проложившие путь для его дальнейшей разработки всеобщей новой теории мировой пролетарской революции в условиях двадцатого столетия.

После смерти Ленина в 1924 году деятельность Бухарина вступила в новую фазу. Бухарин вышел из своего политического уединения и в течение нескольких дальнейших лет поднялся на ведущую позицию в партийном центре, как его крупнейший представитель и наиболее яркий толкователь новой официальной линии, все более и более кристаллизовавшейся после окончания гражданской войны. Благодаря, главным образом, усилиям Бухарина, как теоретика, публициста, оратора и политического руководителя, партия приняла политику, основывающуюся на новых доктринах «стабилизации капитализма», «построения социализма в родной стране» и на НЭП'е, как прямом пути к социализму, — возглавляемая Троцким оппозиция была сломлена. В результате победы над Троцким и его сторонниками, карьера Бухарина в конце двадцатых годов достигла зенита. Единственный среди всех последователей Ленина, Бухарин пользовался не только большим авторитетом и влиянием, как политический руководитель и теоретик, но и огромной личной популярностью, как у лидеров партии, так и у рядовых ее членов, уважение которых к Бухарину выражено Лениным в его «завещании», где он охарактеризовал Бухарина, как «любимца всей партии».

Личное обаяние Бухарина заключалось в его открытой простоте, искренности, честности. Незвратный внешне, он излучал тепло, вызывая дружеские чувства и располагая к себе всех, с кем соприкасался. Его находчивость, острый язык, живость ума заставляли забывать о его скромной одежде, застенчивости и, нередко, некоторой замкнутости. Он вел спартанский, почти аскетический образ жизни, работая подолгу, не щадя себя, когда только представлялась возможность, пренебрегая материальными удобствами и развлечениями. Разойдясь с первой женой в начале двадцатых годов, он посвящал все свое свободное время партии и непрерывной научной работе. Поглощая литературу на нескольких языках, он с компетентностью профессора-эксперта обсуждал весь спектр идеологической мысли двадцатого века. Особенно Бухарину поклонялась советская молодежь, отождествлявшая себя с ним и черпавшая вдохновение из его трудов. Одно появление Бухарина на трибуне (это касается в особенности конца двадцатых годов) вызывало долгие и бурные овации. В протоколах речей Бухарина всегда отмечается, что по окончании его выступлений происходили неистовые демонстрации. За исключением Ленина, с которым Бухарина часто сравнивали как коммунистические, так и некоммунистические современники, никто не пользовался в истории партии такой всеобщей популярностью.

В эти годы, — после поражения Троцкого, — Бухарин также пользовался в коммунистическом мире большим авторитетом, чем какой бы то ни было из последователей Ленина. Кульминацией деятельности Бухарина были руководящие посты в многочисленных организациях партии, Совета и Коминтерна, включая Центральный Комитет и Политбюро Российской Коммунистической партии, Центральный Исполнительный Комитет и Президиум Съезда Советов, центральные органы Коминтерна (он стал его представителем — после Зиновьева — (в 1926 году), Комсомол, Центральный Совет Профсоюзов, Красный Интернационал Профсоюзов, Институт Красной Профессуры, Коммунистическую Академию, Институт Маркса-Энгельса-Ленина и множество других определяющих партийную линию и административных организаций, занятых политическими, экономическими, социальными, культурными, научными и педагогическими вопросами. Впродолжение всех двадцатых годов он был, кроме того, ведущим делегатом и оратором на каждом съезде партии и Коминтерна, где он играл господствующую роль в вынесении решений и в их официальной формулировке. Авторитет и влияние Бухарина возросли еще более, благодаря занимаемому им посту редактора «Правды» (с 1917 до 1929 года, с небольшим перерывом в 1918 году).

Ретроспективно, однако, следует отметить, что, невзирая на то, что Бухарин занимал ряд самых высоких постов в советской и международной коммунистической иерархии, наиболее значительное и длительное влияние его на эволюцию большевизма происходило не из использования им орудий и символов властвования, а из его роли, как мыслителя. Прежде и превыше всего Бухарин был интеллектуалом. По его мнению, борьба за коммунизм должна была вестись не только на баррикадах, но и в сознании людей, и именно на это были направлены главные усилия Бухарина. Наделенный острым умом, уступавшим может быть одному лишь Троцкому, обладавший

несравнимой со всеми другими партийными лидерами эрудицией и даром живого изложения своих мыслей, Бухарин считался в то время — как среди коммунистов, так и некоммунистов — наиболее талантливым и многосторонним мыслителем партии. Его взгляды на множество задач, перед которыми стояли главари большевизма до и после семнадцатого года, оказали больше влияния на партийную идеологию, чем взгляды кого бы то ни было, за исключением Ленина. В области теоретической экономики Бухарину в коммунистическом мире не было равного, он был первым исследователем марксистской экономической доктрины, нашедшим для нее новую формулировку, и эти его труды уже при его жизни стали классическими произведениями партийной литературы. А излагая свои мысли по таким различным вопросам, как философия, социология, политическая теория, психология, естественные науки, литература, искусство и педагогика, он направил партию на путь развития марксистской основы в применении к теоретическим и методологическим проблемам в этих областях. Наконец, как автор многих сотен книг, брошюр, статей, как оратор, неоднократно выступавший на бесчисленных партийных собраниях, съездах Советов и сессиях Коминтерна и как постоянный участник десятков других организаций, и особого назначения, и массовых, он не только содействовал формированию, но и распространению и популяризированию большевистской идеологии внутри партии, среди непартийных масс и за пределами Советского Союза. Хорошо известная характеристика, данная Лениным Бухарину, разделялась почти повсеместно и русским и международным коммунистическим движением. В так называемом «завещании» Ленин называл Бухарина «ценнейшим и важнейшим теоретиком» партии. И вполне справедливо современники внутри Советского Союза и за его пределами считали Бухарина крупнейшим лидером того времени и законным наследником и преемником Ленина.

Но триумф Бухарина в конце двадцатых годов, как выдающейся политической фигуры, теоретика и представителя партии был, однако, кратковременным, ибо 1928 год явился не только апогеем его карьеры, но и роковым поворотом, вскоре приведшим его к унижению и забвению. Растущие разногласия между ним и Сталиным, с которым прежде он был союзником, дошли до кризиса. То, что началось с внутрипартийной полемики по вопросам экономической политики, постепенно вошло составной частью в возникшую после смерти Ленина борьбу за власть. Когда Сталин выпустил на свет ramпы Бухарина, чтобы в это время закрепить за собою власть над партийным аппаратом, Бухарин не воспользовался этим для того, чтобы создать организованную базу для удержания своего авторитета. Когда же в 1928 году конфликт достиг кульминационной точки, Бухарин увидел, что он колосс на глиняных ногах, но было уже поздно. Не имея хорошо организованных последователей и потеряв потенциальных союзников, уничтожению которых он сам содействовал во время их борьбы против Сталина, он вдруг очутился в одиночестве и легко потерпел поражение. Начиная с 1929 года, Бухарина все определенной и настойчивей снимали с наиболее влиятельных постов, заставляя публично отказываться от многих его прежних революционных заслуг и вынуждали высказывать к Сталину унижительное почтение. Лишенный Сталиным политической силы и отодвинутый им

же на задний план, Бухарин прожил последние годы своей жизни в неизвестности, лишь изредка печатая статьи по неполитическим вопросам, принимая участие в научных и культурных организациях и, только лишь одно время занимая пост редактора «Известий». В 1936 году, во время пребывания Бухарина по поручению партии за границей, его парижские друзья настаивали на том, чтобы он искал убежища в Европе, убежища от грозившей ему — он это предвидел — сталинской расправы. Бухарин, однако, вернулся в Советский Союз, одновременно «подоспев» к публичной кампании поношения, ставшей прелюдией к его аресту и процессу. Решив во что бы то ни стало освободиться от Бухарина, Сталин прибегал к извращению фактов, искажениям и просто-напросто фальсификации деятельности Бухарина, как мыслителя и политического руководителя. Прежние разногласия между Бухариным и Лениным в тот период партийной жизни, когда независимые взгляды и относительно свободные дискуссии еще допускались, изображались теперь как преступная подрывная деятельность, а идеи и политика, прежде предлагавшиеся Бухариным и одно время разделявшиеся Сталиным, клеймились теперь как ересь.

Кампания дискредитирования Бухарина достигла апогея в 1937 году — он был арестован, заключен в тюрьму и обвинен в диверсии, государственной измене и убийстве. Последовавший за всем этим публичный показательный процесс предал анафеме дело всей жизни Бухарина, сам же Бухарин был обречен на забвение, из которого он до сих пор так и не возвращен истории. После того, как в течение многих лет Бухарин изображался в официальных коммунистических писаниях лишенным человеческого образа, в 1962 году с него сняли обвинение в государственной измене; но, несмотря на это, его идеи в Советском Союзе все еще считаются еретическими и труды его все еще находятся под запретом. Да и на Западе сделаны лишь робкие шаги по восстановлению всех данных его жизни и деятельности и по пересмотру истории современного коммунизма в свете этих данных.⁸ Итак, вопреки советской реакции против сталинизма, начиная с 1953 года, и вопреки возобновлению интереса к Бухарину среди западных экспертов по советским делам, он остался одним из наименее изученных и понятых персонажей ранней истории русского коммунизма.

Эта антология ставит себе целью рассеять хотя бы частично окружающий Бухарина мрак, давая возможность изучить один из его главных вкладов в дело развития современного коммунизма — а именно, его взгляды на построение социализма в СССР, на проблему, перед которой стояло большевистское руководство между 1917 и 1929 годом. Хотя и ограниченная одним аспектом его деятельности и мысли, эта антология все же может улучшить понимание не только роли Бухарина в истории советского коммунизма, а и самой истории, на которую он оказывал преобладающее влияние в период, предшествующий сталинской революции тридцатых годов. Ибо проблема построения коммунизма в СССР, как она проявлялась в первые два десятилетия большевистской власти, была наиболее жизненно-важным вопросом, поставленным перед партией после 1917 года. Любой другой вопрос политической линии, от крупных проблем международного коммунистического революционного движения и до отдельных директив по

советской экономике или преобразованию русского общества — зависел от теоретического и практического понимания переходного периода.

Общеизвестно, что первоисточник этой проблемы кроется в ранних трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса, развивавших свою теорию пролетарской революции, имея в виду главным образом передовые, стоящие на высоком уровне капиталистические страны. Короче говоря, Маркс и Энгельс предсказывали, что нормальное развитие капитализма неизбежно породит как объективную необходимость, так и человеческие и материальные предпосылки для свержения капитализма и его преобразования в коммунизм в тех странах, где капитализм достиг максимального развития. Некоторые общепризнанные недостатки классической марксистской схемы революции побудили все же как Маркса и Энгельса, так и их последователей несколько видоизменить первоначальную доктрину. К многообразным течениям «ревизионистской» марксистской теории в начале двадцатого века должно быть причислено и очень определенное направление взглядов большевистской фракции Российской социал-демократической партии, возглавлявшейся Лениным. Теоретической подосновой для захвата власти в России, в стране — по марксистскому мерилу — неразвитой, отсталой, большевикам послужила некая амальгама из классического марксизма и его модификаций как заимствованных со стороны, так и доморощенных; модификации эти были направлены на то, чтобы приспособить марксизм к европейским и российским условиям начала нашего века. Несмотря на то, что Россия — по всеобщему признанию — сделала лишь первые шаги на пути к индустриализации и капиталистическому развитию, характерное сочетание гнетущих социальных условий определило ее, по мнению Ленина и его последователей, как одну из потенциально наиболее революционных стран Европы. Эволюция же мирового капитализма предоставила исключительные, не предвиденные Марксом и Энгельсом, возможности к возникновению международной пролетарской революции почти в любой точке земного шара, где капиталистическая эксплуатация, империализм или война могли вызвать неразрешимый, ведущий к революции кризис.

Когда же именно в России произошел «первый разрыв цепи мирового капитализма», Ленин и его последователи оправдывали свой захват власти в стране, явно неготовой к социализму, тем, что они подчиняют дело русской революции интересам международной пролетарской революции. Россия, как они сначала утверждали, — только исходный пункт мировой атаки на капитализм и империализм — искра, которая подожжет пороховую бочку Европы, где развитие капиталистических отношений подготовило путь к тому, что рассматривалось как относительно быстрый и легкий переход к социализму и — в итоге — к коммунизму. В России же, однако, коммунизм будет достигнут иным путем. Из-за отсталости страны материальные предпосылки для прямого перехода к социализму в России отсутствуют. Но необходимые материальные, экономические, технические и человеческие ресурсы предоставит победоносный пролетариат Европы, устранив таким образом пробел, вызванный поздним вступлением России на путь индустриализации и капиталистического развития. После этого, вместе с более передовыми странами Запада, Россия пойдет к общей цели мирового коммунизма.

Эта оптимистическая надежда и поддерживала большевиков в первые восемь месяцев их пребывания у власти, когда осторожно и сдержанно они приступили к национализации отдельных секторов русской экономики и к логически согласованную и на практике осуществимую альтернативу с целью разрешить вопрос построения в России социализма в условиях сегодняшнего дня.

Теория социалистического строительства, выдвинутая Бухариным во второй половине двадцатых годов, стала созревать в нем по меньшей мере с первых дней революции. Хотя прежде он и держался левого крыла большевистского политического спектра, даже и тогда в его общественных заявлениях можно было заметить подоснову его последующих взглядов. Как и большинство других членов партии в тот период, он был разрываем головокругением от успехов, с одной стороны, а с другой — более трезвыми соображениями практики и действительности тех дней. Этот конфликт проявился не только у Бухарина в писаниях и заявлениях первых лет советского режима, но и у Ленина, Троцкого, Сталина и других крупных деятелей. К 1924-1925 годам, однако, проблемы, перед которыми была поставлена партия, стали уже яснее, и альтернативы заключали в себе либо курс Троцкого, либо — Бухарина. То, что началось как идейный конфликт, кончилось личным конфликтом между партиями.

Контр-предложения Бухарина постепенно разрабатывались между 1924 и 1928 годами. Ни систематически, ни обобщенно, идеи эти никогда не были изложены Бухариным во всей своей совокупности в каком-нибудь определенном труде или заявлении. Но идеи эти, противопоставленные Бухариным идеям Троцкого, представляют собой не только альтернативный курс социалистического строительства в России, но и важнейшее переосмысливание и применение классического марксизма, придавшие вопросу русской революционной перспективы двадцатых годов новую значительность. Только в более широком контексте восприятия Бухариным причин, процессов и целей пролетарско-коммунистической мировой революции возможно правильное понимание установленных им принципов развития советского общества.

Исходной точкой его мышления в вопросах, стоящих перед партией, была, конечно, классическая формулировка Маркса и Энгельса о динамических законах капиталистического развития.¹⁰ Но, в то время как основатели научного социализма делали вывод, что капитализм неизбежно рухнет, и в наиболее передовых капиталистических странах, в согласии с непреложным социальным законом, произойдет коммунистическая революция, Бухарин, уже в начале своей деятельности, существенно видоизменил эту основную схему. Пределы для капиталистического развития определяются не для каждой отдельной страны — утверждал Бухарин — а в мировом масштабе. Ибо, силясь преодолеть те противоречия капиталистического развития, которые марксизм считает традиционными, капиталисты передовых стран прибегают к экономическому курсу, избавляющему их от разрушительной конкуренции внутри их собственных стран и преодолевающему закон падения прибылей путем колониальной и империалистической экспансии. Империализм неминуемо ведет к войнам соревнующихся в деле создания мировой империи государств, войнам, захватывающим весь земной шар и в итоге разделяющим его на два основных лагеря — один, со-

стоящий из нескольких крупнейших сверх-государств, другой — из колониальной и полуколониальной периферии мирового капитализма. Так же как разрушительная конкуренция в стадии индустриального капитализма заставляет капиталистов создать организованную национальную экономику, появление нескольких огромных сверх-держав, как следствия империалистической войны, побуждает победоносных финансовых капиталистов к устранению анархии мировой капиталистической системы путем организованных раздела и эксплуатации всего земного шара. Тут человечество подходит к критической грани: либо всецело отдать себя в рабство финансового капитализма и идти к неминуемому разрушению цивилизации, либо революционно преодолеть этот кризис, преобразовав мировую экономику в систему, единственно способную разрешить дилемму и открыть путь к дальнейшему прогрессивному развитию, а именно, преобразовав ее в мировой коммунизм.

На этом роковом перекрестке истории возникает как объективная необходимость, так и реальная возможность коммунистической мировой революции. Ибо: когда мировой капитализм начинает допускать централизованную глобальную организацию и регулирование со стороны международных капиталистов, он уже созрел для его преобразования в мировой коммунизм; и, более того, в ходе своего развития финансовый капитализм порождает социальные силы, необходимые для осуществления такой перемены.

Крушение мирового капитализма и возникновение мировой революции могут происходить различно. По сути своей, коммунистическая мировая революция — прямое или косвенное следствие империалистических войн, неизбежно сопровождающих развитие капитализма. Разрушение производительных сил, растущие тяготы, налагаемые на рабочий класс капиталистических стран, нищета и гнет в колониальных странах, — все эти следствия империалистических войн взятые вместе, — порождают глобальные кризисы, подрывающие жизнеспособность капиталистической системы. В какой-то момент, в какой-то точке система теряет внутреннее равновесие и рушится в «слабейшем своем звене» — то-есть, там, где капитализм более всего уязвим, а силы революции — наиболее мощны.

Первая брешь в капиталистической системе может появиться в передовом капиталистическом государстве, где усиленная эксплуатация, политическое угнетение и вызванные войной страдания приводят к классической пролетарской революции. Брешь эта может также появиться в полукapиталистическом государстве, где эксплуатация пролетариата капиталистами, а крестьян — капиталистами и феодалами-помещиками приводит к сочетанию пролетарской революции и крестьянского восстания. Крушение капитализма может, однако, произойти и в колонии или угнетенной национальной области, где оно приобретает форму восстания различных классов против империализма. В каждом случае определяющим фактором является соотношение сил мирового капитализма, и антикапитализма и антиимпериализма. После первоначальной трещины в стене мирового капитализма последующие трещины появляются в системе опять-таки там, где эта система наиболее уязвима и где революционные силы наиболее

мощны, пока, наконец, система в целом не рухнет окончательно и не будет заменена мировым коммунизмом.

Казалось бы, цепь мирового капитализма можно разъять прежде всего в передовом капиталистическом государстве, а, в действительности, по мнению Бухарина, революция скорее всего разразится именно на колониальной или полуколониальной периферии мира. В высокоразвитых капиталистических центрах капиталистическое государство — устранением экономической и социальной анархии — на какой-то срок предотвращает революцию пролетариата. В колониальных и полуколониальных областях, однако, где все противоречия мирового капитализма — экономическая эксплуатация, национальный гнет и политическая тирания — встречаются в своем соединении и где, следовательно, бедственное положение и враждебность к капитализму наличествуют в высшей мере, революция созревает прежде всего. В этих областях силы противодействия революции со стороны капиталистов отличаются слабостью, так как эти сферы расположены обычно вдалеке от мировых империалистических центров и в них не успели еще развиться более передовые формы репрессивного государственного капитализма.

Так, по мнению Бухарина, Первая мировая война была вызвана империалистической конкуренцией между великими державами и вызвала первую трещину в системе мирового капитализма в наиболее уязвимой своей точке — в России, бывшей и слабо развитым капиталистическим государством и объектом империалистической экспансии. Именно в России такие факторы, как пролетарская революция против капитализма и империализма, крестьянское восстание, как против капитализма, так и против остатков феодализма, и освободительные движения угнетаемых правительством национальных меньшинств, вылились в своем сочетании в неудержимую революционную силу, которой удалось разорвать цепь мирового капитализма в его слабейшей точке.

Как только капитализму нанесен первый удар, — дальнейшее его крушение неминуемо. Но это не означает, что система рухнет окончательно или сразу же. Как это было после 1923 года, за первоначальной трещиной в мировой капиталистической системе может последовать период восстановления и реорганизации остатков сил мирового капитализма. Капиталистические кризисы и вызываемые ими революции развиваются неровными кривыми приливов и отливов, утверждал Бухарин. Циклы кризисов, упадка и революций могут перемежаться периодами капиталистического возрождения и устойчивости. Такие периоды стабилизации, однако, временны и «частичны», так как после первоначальной трещины система пребывает в состоянии перманентного кризиса. Каждая последующая брешь вынуждает финансовых капиталистов восстанавливать равновесие глобальных капиталистических взаимоотношений на сокращенном базисе, что неизбежно усиливает основные противоречия системы и приводит к новым революционным кризисам. Итак, — делал вывод Бухарин, — несмотря на восстановление сил капитализма в годы, следовавшие за 1923 годом, сил, утерянных во время первого, вызванного войною, упадка, и несмотря на упрочение экономических и социальных взаимоотношений, установление равновесия

лишь «временно» и «частично», и в дальнейшем неизбежен наплыв новых революционных волн.

И, наконец, по мере того, как от капиталистического сектора постепенно отсекаются все новые и новые области земного шара, устойчивость капитализма подрывается окончательно, восстановление даже частичного равновесия становится все более затруднительным, что, в конце концов, влечет за собой крушение всей системы в целом. Тут начинается период политического и экономического преобразования, когда мировой пролетариат переплавляет материальное наследие капитализма в коллективные формы грядущего коммунизма, и для человечества восходит новая эпоха, лишенная тирании, гнета и бедствий капитализма.

Это видоизменение классической марксистской теории пролетарской революции требует пересмотра первоначального понимания самого революционного процесса. Преобразование мирового капитализма в мировой коммунизм требует создания во всем мире диктатуры пролетариата, прокладывающей путь к бесклассовому и безгосударственному обществу будущего. Но так как мировая диктатура возникает в результате революционных переворотов в отдельных странах, на различных стадиях экономического и социального развития, сам процесс прихода пролетариата к власти и применения этой власти в целях достижения коммунизма различен и сложен. В полукапиталистических государствах и колониальных странах, где революции обычно созревают скорее всего, пролетариат составляет лишь меньшинство населения. Чтобы выполнить миссию свержения капитализма и разорвать империалистическую цепь, нужны союзники в борьбе. Крестьянские массы таких стран, живущие одновременно под гнетом капиталистическим, феодальным, империалистическим и национальным, являются резервуаром революционной мощи, которая может и должна быть мобилизована для похода против капитализма. Для обеспечения поддержки со стороны крестьянства в борьбе за власть и сохранения союза с крестьянством в дальнейшем, во время неизбежной контрреволюции, а также строительства социализма, следующих за захватом власти, рабочий класс должен считаться с интересами крестьян на всех этапах революционного процесса. Перед захватом власти пролетариат должен выдвигать революционные цели и лозунги, не противоречащие нуждам крестьянства. После захвата власти также следует удовлетворять наиболее настоятельным требованиям крестьянства. Итак, революция в наполовину развитых капиталистических государствах и странах колониальных не может перейти прямо к пролетарской диктатуре в чистом виде и к немедленному проведению в жизнь социализма. Политическое союзничество, дающее пролетариату возможность обрести власть, следует продолжать и впредь в виде политического сотрудничества, в котором пролетариат сотрудничает, разделяя власть с непролетарскими массами. Только после такого периода экономического развития, расширяющего социализированную основу общества переходной стадии союзничество уступает место подлинной диктатуре пролетариата, которая затем быстро продвинет общество к социализму, и в конце концов, к коммунизму.

В политической сфере такое союзничество требует допущения в правительственные органы непролетарских элементов и гарантирования опреде-

ленных минимальных прав тем, кто либо активно поддерживает пролетариат, либо не находится к нему в оппозиции. Что же касается экономической сферы, пролетариат должен признать, что вначале крестьяне хотят не социализма, а земельных реформ и прекращения капиталистического и феодального гнета. Более того, поскольку в таких странах пролетариат наталкивается на множество пережитков докапиталистических экономических форм, он не может идти прямо к социализму во всех областях экономики. Вначале социализм можно ввести в больших предприятиях, унаследованных от предыдущего режима, в частном же мелком секторе следует применять иные методы. Тут для искоренения частного предпринимательства и замены его социалистическим производством следует применять мирные, эволюционные средства, чтобы избежать отчуждения своих классовых союзников и повода к возникновению классовой войны. А потому пролетариату следует проявлять терпимость к временному существованию частного производства, вытесняя частный сектор экономики и привлекая его участников к коллективным формам будущего лишь побуждениями, убеждениями, экономическим соревнованием и другими мирными средствами. Итак, промежуточная переходная политическая организация пролетариата и крестьянства должна проводить промежуточную переходную экономическую политику, ведущую со временем — путем эволюционного развития — к чистому социализму.

Ввиду всего этого — заключал Бухарин — социализм в недоразвитых странах вырастает лишь постепенно, и темп его развития и применяемые для этого методы должны руководствоваться характером материального наследия, полученного от предыдущего режима, соотношением силы пролетариата с другими классами и размерами и стойкостью мелкого, частного предпринимательства. Любая попытка ускорить или насильственно форсировать темп может лишь привести к нарушению равновесия переходного общества и к разрыву рабоче-крестьянского союза.

В более передовых капиталистических странах, однако, где материальная основа общества, унаследованная от буржуазного режима, шире и где меньше докапиталистических экономических и социальных форм, переход к социализму гораздо быстрее и непосредственнее. В таких странах революции приобретают формы скорее чистой классической пролетарской революции, оставляя лишь минимум буржуазно-демократических задач.

Наконец, в тех колониальных странах, где восстания против империализма могли бы произойти, но где капиталистические формы не существуют или только начали развиваться и где, следовательно, нет пролетариата и нет никакой внутренней экономической базы для социалистического строительства, процесс прихода к коммунизму — как утверждал Бухарин — единствен в своем роде. Такие страны можно привести непосредственно к социализму, и в конце концов, к коммунизму, без прохождения периода капиталистического развития, включив их просто в пролетарский сектор мира и дав им таким образом возможность перескочить стадию капитализма и идти при содействии мирового пролетариата, прямо к коммунизму.

Эта фундаментальная теория и была базисом тех особых предписаний, с которыми, начиная с 1924 года, выступал Бухарин против Троцкого, взгляды которого вырастали, в свою очередь, из его личной революционной

теории, нашедшей свое выражение в доктрине так называемой «перманентной революции». Противопоставляя свое понимание более широкой революционной программы и роли России внутри этой программы взглядам Троцкого, Бухарин подчеркивал существенное различие между ним и Троцким — расхождение революционных перспектив, из чего произросла диаметрально-противоположная оценка ими международной обстановки, а также возможностей построения в СССР социализма без помощи извне.

Россию на пороге революции 1917 года Бухарин причислял к странам полукапиталистическим. В соответствии с этим, всеобщая программа по отношению к полукапиталистическим странам в период, следующий за захватом власти пролетариатом, была в особенности применима именно в России. Политический союз между рабочими и крестьянами, приведший партию к власти и давший ей возможность удержать власть во время гражданской войны, надлежало в период социалистической стройки не только продолжать, но и укреплять посредством экономической программы, учитывающей как потенциал, так и ограниченные возможности России и, в особенности, считаясь с интересами крестьянства. Исходя именно из этих соображений — говорил Бухарин — была в конце гражданской войны принята Новая Экономическая Политика. Бухарин более не рассматривал НЭП как вынужденное отступление. НЭП он рассматривал теперь, как правильную умеренную политику, которой партия следовала в первые восемь месяцев пребывания у власти, и благодаря которому социализм будет постепенно в России построен. Медленное, но верное приближение страны к социализму, уверял Бухарин, обеспечено следующей стратегией: перенесением продолжающейся классовой борьбы с арены политической на арену экономическую; проявлением терпимости к частному предпринимательству, в особенности, в области сельского хозяйства и одновременной его ликвидацией мирными средствами; экономическим соревнованием между социализированным государственным сектором и сектором частным, постепенным расширением сектора социализированного темпами, обуславливаемыми возможностями России; и сохранением в переходный период любой ценою экономического, политического и социального равновесия. Нарушение хрупкого равновесия сил в России путем насильственного форсирования темпов развития, вмешательство в реальный процесс обмена или сбрасывание со счетов крестьянства, к чему призывал Троцкий, могли бы привести лишь к разрыву рабоче-крестьянского союза, который только и мог дать партии возможность направить социальное развитие к намеченным ею целям.

Как эта теория установления равновесия рынка отражается в конкретных мероприятиях, и является предметом нашей антологии. Заметим только, что с 1925 по 1928 год официальная партийная политика формировалась и определялась Бухариным и что в эти годы были сделаны большие шаги на пути к социализированной советской экономике. К 1928 году, однако, стали действовать новые силы, и бухаринская политика уже в следующем году была отменена. Нехватка поступлений зерновых, невозможность полагаться на крестьян-производителей, от которых зависела промышленность, а потому и централизованное планирование и регулирование, а

также постоянные трудности проектирования долгосрочного экономического плана, все это заставило Бухарина занять оборонительную позицию.

Бухарин вполне обоснованно доказывал, что для восстановления экономического равновесия и для сохранения доверия крестьянства к советскому режиму необходимо произвести лишь небольшие изменения. Однако, возобновление борьбы за власть, последовавшей после смерти Ленина, превратило к 1928 году дискуссию об экономической политике в заранее рассчитанное орудие восхождения Сталина к власти. Укрепив свой контроль над партийным аппаратом, Сталин сверх всякого ожидания стал приверженцем лишь недавно дискредитированных взглядов Троцкого и, противопоставляя их установке Бухарина, использовал их с целью поражения последнего и лишения его власти. И в 1929 году в Советском Союзе была введена программа усиленной индустриализации и насильственной коллективизации; бухаринские же умеренность, сдержанность и эволюционные методы были заменены крайними, революционными методами, характерными для сталинской эры.

Несмотря на то, что отказ от НЭП'а и введение первой пятилетки ознаменовали собой окончание кратковременного периода, в котором господствующая роль в партии принадлежала Бухарину, понимание этого периода и роли Бухарина в этот период важно по многим причинам. Во-первых, отношение Бухарина к основным идеологическим вопросам двадцатых годов дает нам возможность вникнуть в ту проблематику, перед которой стояло большевистское руководство в первое, столько важное для будущего, десятилетие советской власти, когда вопрос о судьбе России еще не был разрешен и мог разрешиться по-разному. После прихода к власти, Сталин — с большим успехом, отрицал наличие в партии проблем, представляя историю партии как нечто предрешенное; якобы в истории партии всегда была одна лишь каноническая линия ортодоксальной доктрины, идущая от Маркса к Ленину и, далее, к нему самому. Ознакомление с ролью Бухарина в двадцатые годы и, в особенности, с его теорией построения России в эти годы социализма может не только помочь окончательно рассеять сталинские мифы, но и углубить понимание подлинной природы разногласий и тех различных линий, которые могла принять партия до 1928 года.

Во-вторых, ознакомление это может осветить все еще недостаточно понятые причины отказа от взглядов Троцкого, принятия, а затем также отказа от взглядов Бухарина и, наконец, возвращения в эпоху сталинизма, начиная с 1928 года, к генеральной линии того же Троцкого. Ибо, несмотря на обширные труды, посвященные этим важным событиям, как в мире коммунистическом, так и на Западе, в объяснениях событий, имевших место между 1921 и 1928 годами, весьма мало согласованности.

В-третьих, следует заметить, что если бы после 1928 года верх взяли не взгляды Сталина, а взгляды Бухарина, результаты были бы совсем иные. Пусть и тщетно строить предположения, что именно могло бы быть, так как историю составляет только то, что действительно произошло, тем не менее сравнение между тем, что могла бы принести бухаринская теория постепенности социалистического строительства с очевидными для всех плодами сталинского курса, поможет вникнуть в суть коммунизма и пролить свет на то, как одна из наиболее гуманистических и идеалистических доктрин была

трагически извращена и стала орудием одной из жесточайших тираний за всю историю человечества.

В-четвертых, мысли Бухарина по вопросам, касающимся перехода к коммунизму в России, представляют более чем ретроспективный интерес. Несмотря на то, что Бухарин и его деятельность все еще преданы в Советском Союзе анафеме, взгляды Бухарина продолжают пользоваться популярностью — еще с 1928 года — в других коммунистических странах, в частности, в странах Восточной Европы, где после Второй мировой войны встали проблемы, подобные тем, перед которыми стояла Россия в двадцатых годах. Желание многих ведущих коммунистов Восточной Европы избежать судьбы Советской России под властью Сталина, применимость многих теорий Бухарина к условиям в странах Восточной Европы, и притягательность его личности и мысли для тех, кто их знал, — все это содействовало вначале — при жизни Сталина — тайному, а потом и явному возрождению бухаринской идеологии и, в особенности, его программы социалистического строительства. Наличие этой программы — в разной степени — мы видим в политике восточно-европейских коммунистических стран и Красного Китая, а, может быть, даже в недавних экономических реформах самого Советского Союза. Следовательно, лучшее знание всего объема бухаринской мысли в период двадцатых годов важно для более ясного понимания не только Советского Союза, но и разновидности современного коммунизма в других странах.

Наконец, бухаринская теория о переходе России к коммунизму может рассматриваться в более широком контексте, чем одна русская революция, — а именно, как один из важнейших вкладов в историю марксистской мысли. Рассматривать ли их в этом свете или в более узком аспекте, как феномен русский, взгляды Бухарина приобретают новую значительность после получения новых сведений, лишь недавно увидевших свет. Уже на основании прямой очевидности можно установить тесную связь между бухаринскими взглядами на переход России к коммунизму и ленинскими, выраженными незадолго до его смерти в 1924 году, что еще раз подтверждает существовавшее в двадцатых годах мнение, что Бухарин является законным наследником идеологического авторитета Ленина. Мы теперь располагаем явным доказательством, что так это и было. Это доказательство — недавно опубликованная книга Бориса Николаевского, одного из крупнейших экспертов по вопросам Советского Союза и участника первых лет его истории. Во вступительной статье к книге Николаевского «Власть и советская элита. Письмо старого большевика и другие очерки» — редактор книги Жанет Загория передает многозначительное интервью ее с автором книги. Интервью это касается встреч Николаевского с Бухариным в Париже в 1936 году, отношений, фигурировавших как важный элемент на процессе Бухарина в 1938 году. На основе этих встреч с Бухариным Борис Николаевский написал напумевшую брошюру «Письмо старого большевика»; она была анонимно опубликована в 1937 году и только позднее Николаевский признал себя ее автором.

Бухарин прибыл в Париж как член советской делегации, которой было поручено купить для Института Маркса-Энгельса-Ленина архив германской социал-демократической партии, где находились и рукописи Маркса и Эн-

гельса. Хранителем архива был Николаевский, перевезший его в 1933 году из Берлина в Париж, после прихода в Германии к власти национал-социалистической партии.

Бухарин и Николаевский встречались для совещаний несколько раз, и каждый раз касались при этом интересующих их обоих тем. В одну из встреч Бухарин откровенно говорил о своих взаимоотношениях с Лениным, особенно в период его болезни и в предсмертные месяцы. Вот отрывок этого интервью с буквальными цитатами Бухарина:

Вопрос: Говорили ли вы с Бухариным о Ленине, Сталине и других?

Ответ: Да. Особенный интерес представляли его замечания о Ленине, о котором Бухарин говорил с большой любовью. Даже когда он говорил об их разногласиях, например, о деле Малиновского, его слова звучали очень тепло и благожелательно. Очень много Бухарин говорил о последнем периоде жизни Ленина.

«Ленин, — рассказывал Бухарин, — часто вызывал меня к себе. Доктора запретили ему разговаривать на политические темы, так как ему были опасны волнения. Но когда я приходил, Ленин немедленно уводил меня в сад, несмотря на протесты жены и врача.

«Они не хотят, чтобы я говорил о политике, так как это меня волнует. Но как они не понимают, что в этом ведь вся моя жизнь? Если мне не позволяют об этом говорить, то это волнует меня еще хуже, чем когда я говорю. Я успокаиваюсь только тогда, когда имею возможность обсуждать эти вопросы с такими людьми, как вы».

Я спросил Бухарина, о чем точно шли эти разговоры. Он ответил: «Говорили мы с Лениным главным образом о том, что мы называли тогда 'лидерологией', то-есть о проблеме преемственности, о том, кто является наиболее подходящим для роли лидера партии после смерти Ленина».

«Этот вопрос — прибавил Бухарин — больше всего тревожил и волновал Ленина. Что будет с партией после его смерти?»

В связи с этим Бухарин рассказал мне, что последние статьи Ленина, «Лучше меньше, но лучше», о кооперации и др. — были только частью того, что Ленин думал написать. Он собирался написать еще 4-5 статей, чтобы осветить все стороны политики, которой следовало придерживаться. Это Ленин считал своей главной задачей.

Так называемое «Завещание» Ленина состояло из двух частей: из более короткой, о вождях — и более длинной — о политике. Я спросил Бухарина, какие принципы Ленин считал нужным положить в основу политики. Бухарин мне ответил: «Я написал две вещи на эту тему — «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», с одной стороны, и «Политическое завещание Ленина» — с другой. Первая — это брошюра, которая вышла в 1925 году, вторая была опубликована в 1929 году. В них я подвел итоги нашим разговорам с Лениным»...

Бухарин меня спросил: «Помните вы эти брошюры?»

Я признался, что «Пути к социализму» не припоминаю. — «А эта брошюра как раз наиболее интересная — заметил Бухарин. — Когда я писал, то включил в нее мои разговоры с Лениным о статьях им опубликованных, и о тех, которые еще не были им написаны. Я пытался в этой брошюре ограничиться только передачей мыслей Ленина так, как он их мне излагал.

Там не было, конечно, цитат. Мое понимание его мыслей отражалось в том, как я писал. Это было мое изложение мыслей Ленина, как я их тогда понимал. Главным пунктом его завещания была мысль о возможности прийти к социализму, не применяя больше насилия против крестьянства, которое тогда составляло 80% населения России. По мнению Ленина, применение силы к крестьянству возможно было только в определенный момент, только в период гражданской войны, но ни в коем случае не должно становиться постоянным методом отношения советской власти к деревне. Это было главной мыслью Ленина и стало центральным пунктом брошюры «Путь к социализму».

«Что касается «Политического завещания Ленина» — продолжал Бухарин — то дело тут было совсем иное. К этому времени у нас уже разгорелись большие споры в политике по отношению к крестьянству, и я должен был написать только о том, что Ленин уже напечатал. В основном это было, конечно, то же самое. Но первая брошюра шла дальше и изложенный в ней круг идей был шире, цельнее. Они не ограничивались тем, что Лениным было уже написано, а давали сводку того, что он думал и высказывал в беседах со мной».

Позднее я перечел эти брошюры и убедился, что Бухарин совершенно прав, так формулируя различие между этими двумя брошюрами. Ленин видел в Бухарине человека, который лучше других способен понять и изложить его мысли. Он так говорил с Бухариным, чтобы тот мог изложить эти мысли, если сам Ленин не успеет их сформулировать в письменном виде.

Здесь следует отметить, что когда Бухарин рассказал мне содержание взглядов Ленина, то я заметил: «А знаете ли вы, что, говоря эти вещи, Ленин по существу повторяет старые мысли Струве?» В конце девяностых годов прошлого столетия Струве напечатал по-немецки большую статью по вопросу о насилии после социалистической революции, где доказывал, что социалистическая система производства должна исключить насилие из своих методов строительства. Бухарин был заинтересован. Он не знал этой статьи Струве и сказал, что непременно ее отыщет и с ней познакомится».¹¹

Так как достоверность слов Николаевского не подлежит сомнению, мы имеем явное доказательство, что сходство взглядов Бухарина и Ленина на переходный период было отнюдь не случайным. Этот факт дает важную перспективу для оценки не только исторической ценности бухаринской теории построения в России социализма в конце двадцатых годов, но и сталинского утверждения о том, что его политический курс восходит к Ленину: утверждая это. Сталин пытался навязать партии свои собственные взгляды и наделить их ореолом ленинских авторитета и санкции. Это тоже придаст мыслям Бухарина новую значительность.

Переходя к избранным трудам Бухарина, следует снова подчеркнуть, что эта антология содержит лишь часть обширных статей и речей Бухарина, относящихся к главному интересующему нас вопросу — вопросу построения в России социализма в первое десятилетие советской власти. В антологию вошли те тексты Бухарина, которые касаются главным образом экономической и политической стороны исторической дискуссии в двадцатых годах о советской политической линии. Но не обойдены и взгляды Бухарина

о культурном аспекте перехода к коммунизму, об интеллигенции в переходном обществе и о других связанных с этим вопросах. Собранные в антологии статьи и речи дают возможность проследить развитие и эволюцию бухаринской мысли в этом направлении — сюда включены некоторые статьи, предшествующие кристаллизации в 1924-25 годах партийной полемики. И все-таки, конечно, собранное в этой книге — лишь малая часть всех трудов Бухарина, которые в своей совокупности заняли бы свыше тридцати больших томов. Поэтому в пределах одного тома пришлось ограничиться лишь трудами наиболее существенными и наиболее характерными для его взглядов по вопросу о социалистическом строительстве в России.¹²

Избранные для этого собрания произведения дословно перепечатываются с первоначальных изданий без изменений или исправлений текста. Лишь в одном случае перепечатывается отрывок из более длинных произведений, ввиду ограниченности объема книги. Издания книг или другие источники, как например, газеты и журналы, из которых взяты приводимые тексты, перечисляются во вступительных заметках, предшествующих каждому тексту. Во вступительных заметках для лучшей исторической перспективы поясняются обстоятельства написания каждого текста. Тексты распределены в хронологическом порядке, то-есть, в порядке их первоначального написания. Некоторые из текстов были первоначально изданы как книга или брошюра, некоторые появлялись в форме статей в советских газетах и журналах. Многие переиздавались, перепечатывались и переводились на другие языки. В этой антологии тексты приводятся по-русски, на языке, на котором они первоначально и были изданы, чтобы предоставить изучающим историю Советского Союза редкие или недоступные материалы на языке оригинала и тем самым дать наиболее верную и подлинную документацию. Это также предоставит возможность гражданам Советского Союза, в случае получения ими этой книги, снова ознакомиться с важной главой их истории и с крупной исторической личностью, заслуги которой все еще держатся втайне от советского народа его руководством.

Появление этой книги заставляет надеяться на возрождение интереса к яркой, влиятельной и трагической личности Бухарина и на более тщательное изучение его деятельности, равно как и на пересмотр — в свете всего этого — истории современного коммунизма. Если такой надежде суждено осуществиться, не исключена возможность, что возникнет желание вывести из исторического забвения достижения других деятелей, оставивших свой след в развитии советского государства, заслуги которых, однако, оставляются в коммунистическом мире и на Западе, преднамеренно ли или просто по небрежности, без внимания. До тех пор, пока не будут собраны все данные, подлинное понимание одной из наиболее судьбоносных глав современной истории или тех сложнейших сил, которые формируют нашу эпоху — будь то в мире коммунистическом или на Западе — невозможно. А только такое понимание поможет преодолеть кризисы нашего времени.

Сидни Хейтмен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До окончания Второй мировой войны западные ученые вопросом о Бухарине серьезно не занимались. В конце сороковых и в начале пятидесятых годов,

благодаря возобновившемуся интересу к Советскому Союзу, началось изучение деятельности Бухарина, но лишь малая часть этих трудов увидела свет. Вот перечень законченных трудов западных ученых, посвященных непосредственно Бухарину, на Западе или уже опубликованных, или готовых к публикации: *An Annotated Bibliography of Nikolai I. Bukharin's Published Works*, compiled by Sidney Heitman (Fort Collins, Colo., 1958); N. I. Bukharin, Bd. 1: *Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universitaet Berlin*, von Sidney Heitman und Peter Knirsch verfasst (Berlin, 1959); Peter Knirsch, *Die oekonomischen Anschauungen Nikolaj I. Bucharins* (Berlin, 1959); Sidney Heitman, *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries* (Stanford Calif., 1967); того же автора: "The Myth of Bukharin's Anarchism," *The Rocky Mountain Social Science Journal* (Fort Collins, Colo.), I, No. 1 (April, 1963), pp. 39-53, и "Between Lenin and Stalin: Nikolai Bukharin," глава V в кн.: *Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas* (New York and London, 1962).

Законченные, но еще неопубликованные исследования: John E. Flaherty, "The Political Career of Nicholas Bukharin" (Doctoral dissertation, New York University, 1954); Daniel J. Nelson, "The Views of N. Bukharin on the Future Good Society" (Certificate Essay, Russian Institute of Columbia University, 1952); и Sidney Heitman, "Bukharin's Conception of the Transition to Communism in Soviet Russia: An Analysis of His Basic Views, 1923-28" (Certificate Essay, Russian Institute of Columbia University, 1952), и "Bukharin's Theory of Revolution" (Doctoral dissertation, Columbia University, 1963). Два отгиска произведений Бухарина под редакцией и со вступительными статьями того же автора, намеченные к печати в 1966 году: *The ABC of Communism* (Ann Arbor, Mich.), *Historical Materialism* (Indianapolis, Ind.), оба в английском переводе.

В настоящее время в работе следующие ученые труды Сидни Хейтмена, посвященные Бухарину: *Bukharin on Revolution* и *Prophet Without Honor: The Life and Career of Nikolai I. Bukharin*, обе книги выйдут в издании Stanford University Press и The Hoover Institution; к изданию под покровительством École Pratique des Hautes Études (Paris) намечена книга *The Collected Works of Nikolai I. Bukharin*. Готовятся также две докторских диссертации: George Phillips (University of Chicago) — о деятельности Бухарина; Stephen Cohen (Columbia University) — о «правой оппозиции» Бухарина.

Множество появившихся в печати статей и комментариев написано эмигрировавшими из СССР бывшими советскими гражданами, в частности, — Борисом Николаевским, исторические исследования и многочисленные статьи которого печатались в Западной Европе и в Соединенных Штатах, преимущественно в эмигрантской русской прессе.

² Сведения о жизни и деятельности Бухарина основываются на следующих биографических источниках: автобиографический очерк Бухарина, написанный в двадцатых годах и опубликованный в Энциклопедическом Словаре Русского Библиографического Института Гранат (52 тома, Москва, 1910-34), XLI, часть I, стр. 52-56; и «Н. И. Бухарин» Д. П. Марецкого в Большой Советской Энциклопедии (изд. I, 66 томов, Москва, 1926-47), VIII, столб. 271-284; очерки о Бухарине в Малой Советской Энциклопедии (10 томов, Москва, 1928-31), в Литературной Энциклопедии (2 тома, Москва, 1929) и «Двенадцать биографий» Бориса Фрадкина (Москва, 1924).

³ Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине» (Москва, Государственное издательство политической литературы, 1957), стр. 208-09.

⁴ Эти ранние экономические труды были направлены против взглядов Бём-Баверка, Вайзера, Оппенгеймера и русских экономистов Струве и Туган-Барановского. Первоначально напечатаны в «Просвещении» и в "Die Neue Zeit", а затем переизданы в антологии бухаринских сочинений «Атака. Сборник теоретических статей» (Москва, Государственное издательство, 1924, 303 стр.). Обзор экономических взглядов Бухарина этого периода представлен в книге: Peter Knirsch,

Die oekonomischen Anschauungen Nikolaj I. Bucharins (Berlin, Osteuropa-Institut an der Freien Universitaet Berlin; in Kommission bei Dunker u. Humblot, 1959, 236 S.).

⁵ Полностью не издавалось до публикации в Москве Государственным издательством в 1923 году.

⁶ Полностью не издавалось до напечатания в «Революции Права» в 1925 году (Москва, Коммунистическая Академия), I, стр. 5-32. Бухарин поместил этот свой труд в сокращенном виде в ряд журналов и газет, после того как горячо о нем поспорил с Лениным. Более подробные сведения об этом труде и о вызванном им споре с Лениным см.: Robert V. Daniels, "The State and Revolution: A Case Study in the Genesis and Transformation of Communist Ideology," *American Slavic and East European Review*, XII, No. 1 (February, 1953), pp. 22-43; Sidney Heitman, "The Myth of Bukharin's Anarchism," *The Rocky Mountain Social Science Journal* (Fort Collins, Colo.), I, No. 1 (April, 1963), pp. 39-53; и библиографическое примечание к этому труду в кн.: *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries* (Stanford, Calif., 1967).

⁷ Такая переоценка будет произведена в готовящейся Сидни Хейтменом к печати биографии Бухарина.

⁸ Об исследовательских работах, проведенных до сих пор по вопросу о Бухарине западными учеными, см. примечание 1.

⁹ Цитируется из «Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): краткий курс» (Москва, Государственное издательство политической литературы, 1951), стр. 259-260.

¹⁰ Сводка теории Бухарина о коммунистической мировой революции основывается на ряде его трудов периода 1915-1928 гг., включая: «Мировое хозяйство и империализм» (1915); «К теории империалистического государства» (1916); «Азбуку коммунизма» (1919); «Экономику переходного периода» (1920) (см. раздел II настоящего тома); «Проект программы Коммунистического Интернационала» (1922); «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем» (1924) (см. раздел V настоящего тома); «Империализм и накопление капитала» (1924) и «Программу Коммунистического Интернационала» (1928), главным автором которой был Бухарин. Среди других источников — сообщения и заявления Бухарина, занесенные в опубликованные протоколы с шестого по десятый и с двенадцатого по пятнадцатый съезд Русской Коммунистической Партии, с первого по шестой съезд Коммунистического Интернационала, и с третьей по седьмую пленарную сессию Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Подробному разбору взглядов Бухарина по этому вопросу посвящен готовящийся к печати в издании Stanford University Press труд автора вступительной статьи, тема которого — заслуги Бухарина в области развития коммунистической революционной мысли.

¹¹ Boris I. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite: "The Letter of an Old Bolshevik" and Other Essays*, edited by Janet D. Zagoria (New York, Praeger, 1965), pp. 11-13. Извлечение из этой книги: «Страницы истории. Бухарин об оппозиции Сталину». Опубликовано в «Социалистическом Вестнике», сборник № 4, Нью-Йорк, декабрь 1965, стр. 88-102; наша цитата стр. 88-90.

¹² Полный перечень трудов Бухарина см.: *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries*, составленная автором вступительной статьи и намеченная к изданию The Hoover Institution в 1967 году.

INTRODUCTION

Early in the morning of March 13, 1938, while pre-dawn darkness still shrouded the city of Moscow, lights burned brightly in the House of Trade Unions, formerly the Nobles' Club of bygone tsarist days. The third and last of the major Soviet purge trials was entering its final hours. Since 9:25 the evening before, the three-member military tribunal which for eleven days had heard the bizarre case against the "Anti-Soviet Bloc of Rights and Trotskyites" had been deliberating the fate of twenty-one Soviet citizens accused of heinous crimes against the state, ranging from sabotage and counter-revolution to murder and treason. For more than six hours the 300 spectators, including foreign observers, newsmen, Communist officials, Soviet workers, and plain-clothes police, had been milling about the corridors outside the large, ornate courtroom, once the scene of sumptuous dinner parties and gay aristocratic balls, awaiting the verdict. Not that the outcome of the spectacular trial was seriously in doubt. "Our whole country, from young to old, is awaiting and demanding one thing," State Prosecutor A. Y. Vyshinsky had railed in his summation to the court—that "the traitors and spies who were selling our country to the enemy must be shot like dirty dogs!" In view of the outcome of the preceding treason trials held since 1936, there was little reason to believe that this demand would not be met.

The sharp sound of warning bells in the corridors at exactly 4:00 a.m. summoned the spectators back to the court room. The judges had reached a decision, and the trial was resuming. Expectantly the milling crowd filed back into the large hall, where flood lights, which had been set up during the recess for the benefit of photographers, now bathed the chamber in garish light. Clearly visible were the incongruous reminders of an earlier day—the baby blue walls topped by a sculptured frieze of gay dancing girls, the ornate crystal chandeliers. . . . Suddenly a tense hush fell over the assembly, as a door at the front of the hall opened and the defendants appeared, shuffling in single file to their places in two rows of chairs behind a flimsy pine fence that marked the prisoners' dock. Smartly uniformed guards assumed their places around the enclosure while their officers busily checked security precautions. For the first time since the trial had begun on March 2, the carnival atmosphere that had attended the preceding sessions of the court was now missing. Instead, expectancy and anxiety were visibly evident, as the spectators realized that the climax of a great historic event was approaching.

Promptly at 4:30 the commandant of the court called out sharply, "The Court is coming—everyone rise!" Led by the stocky chief justice, V. V. Ulrich, the three presiding judges and an alternate justice entered the court room through a blue-curtained door at the front of the hall and took their seats behind a large table set upon a raised platform. The spectators were permitted to sit down again. While the chief justice arranged some sheets

of paper, prosecutor Vyshinsky, at his table in front and to the right of the judges, stared stonily straight ahead. The defendants in the dock, some visibly nervous and tense, others almost indifferent and casual, awaited the announcement of their fate. One of them, a short, stocky figure, middle-aged and balding, gazed at the floor of the dock impassively, as though the proceedings did not concern him. Appearances were deceptive, however, for he was, in fact, the chief defendant and the most prominent of the several scores of men who during the past two years had been brought before the bar of Soviet justice in a series of spectacular show trials to answer charges of high crimes against the state and the world revolution. This seemingly impassive man was Nikolai Ivanovich Bukharin, one-time firebrand of the Bolshevik revolution, favorite of Lenin and the entire Party, outstanding theoretician of the international Communist movement, chief officer of the Comintern, and perhaps the most widely and best known publicist and spokesman of the Soviet and world-wide Communist revolutionary cause. Now, however, he was a pitiable shadow of the figure who could rouse mass meetings to uncontrolled demonstrations of affection merely by stepping onto the speaker's platform, accused of "monstrous hypocrisy, perfidy, jesuitry, and inhuman villainy." Specifically, "this garrulous little gentleman," as Vyshinsky had referred to him with withering contempt, was charged with conspiring with internal and foreign enemies of the Soviet people to restore capitalism in Russia, to murder prominent Soviet leaders, and to overturn the communist régime by opening Russia to fascist invasion and dismembering the Soviet state.

After what seemed like an interminable silence, the chief justice looked up from his papers and crisply announced, "The session is resumed." He turned back again to the sheaf of papers before him. "I will announce the verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR," he stated in businesslike tones. "In the name of the Union of Soviet Socialist Republics . . .," he read rapidly without expression from the verdict, and proceeded to review the catalog of charges against the prisoners. Finally reaching the decision of the court, he intoned the established guilt of all the accused and, accordingly, "on the basis of the aforesaid, and guided by Articles 319 and 320 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR sentences: 1. Bukharin, Nikolai Ivanovich, 2. Rykov, Alexei Ivanovich, 3. Yagoda, Genrikh Grigorevich . . ." and fifteen others of the defendants "to the supreme penalty—to be shot, with confiscation of all their personal property." Three of the accused were adjudged guilty of less serious crimes and were given heavy prison sentences but spared from death.

Promptly upon the completion of the reading of the verdict, the court session was adjourned, and the defendants were led out of the chamber through the door they had entered less than an hour before. The trial was ended. Chill darkness still shrouded the quiet streets of Moscow as the sober spectators emptied the hall and dispersed.

Perfunctorily, a plea for clemency was submitted the following day to the Supreme Soviet on behalf of all the defendants, and perfunctorily it was

denied. On March 15, foreign newsmen in the Soviet capital were informed in a terse official communiqué that the decision of the court had been duly carried out. Ironically, however, though the spectacular trial had attracted widespread attention at its outset and was reported in detail by newspapers throughout the world, by the time the verdict was returned a fortnight later, only little public notice was given to its outcome and to the passing of one of the last of the prominent Old Bolsheviks and great figures of the Russian Revolution. By March 15 other, more ominous events in Europe were crowding the dispatches from Moscow off the front pages. Three days before, German troops had crossed the Austrian frontier and carried out Adolph Hitler's *Anschluss*, and the culmination of the Moscow trial was eclipsed by the tense reactions of apprehensive capitals throughout the world. War loomed on the horizon, and public attention was diverted to the approaching crisis. In this ignominious and anticlimactic manner the life and career of Nikolai Bukharin came to an end, and his once renowned name and deeds passed into the limbo of history.

If time and change since that early March morning in Moscow have served to mitigate the verdict of the Soviet court, a reassessment of Bukharin's guilt and of his role generally in the history of Soviet Communism has been long in coming. For nearly a generation after the trial, Prosecutor Vyshinsky's closing remarks to the court had prophetic truth when he intoned, "Time will pass. The graves of the hateful traitors will grow over with weeds and thistles; they will be covered with the eternal contempt of honest Soviet citizens, of the entire Soviet people." Not only did Stalin make certain that this prophecy would be fulfilled by falsifying and rewriting the course of Bolshevik history, but even non-Communist students of Soviet affairs have inadvertently helped to perpetuate the Stalinist myths regarding Bukharin by accepting them uncritically and neglecting to examine them in the light of the available evidence. Until recently, Bukharin remained almost totally ignored by Western scholars, who generally considered him, when they dealt with him at all, as a lesser figure in the Party, overshadowed by the towering Lenin, Trotsky, and Stalin. During the past decade or so, however, increasing attention has been devoted to Bukharin in the West,¹ and the results of this research thus far clearly point to the need to revise the older conceptions of him and of his role in the history of Soviet Communism, a need reinforced by the admission even of Stalin's successors that the charges levelled against Bukharin in 1938 were false. As yet, however, no major study of Bukharin's life, career, and thought based upon a thorough and objective analysis of the entire historic record has appeared, and the traditional uncritical view of him persists in both the Communist world and the West.

The intent of the present work is to attempt to pull the pendulum of historical judgment regarding Bukharin back to a more balanced position by providing an opportunity for the reader to acquaint himself with and to assess critically on the basis of incontestable evidence a limited, but significant aspect of Bukharin's contribution to the historic development of Soviet Com-

munism. It is concerned with a single issue during the early, formative years of the Bolshevik movement in which Bukharin played a leading and, for a time, a dominant role—namely, the historic controversy within the Party regarding the problem of building socialism in Russia between the Revolution of 1917 and the beginning of the Stalinist revolution in 1928-1929. Its purpose is to provide a documentary record of Bukharin's published views regarding this crucial question, on which the later fate, not only of the Soviet Union, but of the entire world directly depended. This record, compiled from numerous scattered sources difficult of access today in the West and still proscribed in the Communist world, carefully assembled to provide a representative selection of Bukharin's views, and reproduced without emendation or change of the original versions, may contribute to a better understanding than presently exists not only of Bukharin's role in the history of Bolshevism, but also of the course of that history itself, on which he exerted a far greater impact than is generally recognized in the West or officially acknowledged in the Communist bloc of states.

A brief review of the highlights of Bukharin's career and of his achievements as a political leader and theoretician clearly reveals the importance of reconsidering the current evaluations of him and the standard accounts of the early development of Soviet Communism, particularly the decade of the nineteen-twenties, when the general character and the future configuration of the Russian Communist system were molded. One of the youngest of the Old Bolsheviks, Bukharin was born in Moscow on September 27, 1888 (old style). Both of his parents were teachers in a gymnasium, and he received a classical education at home for the first twelve years of his life. A precocious child, before he was five he could already read and write, according to his own autobiographical account,² and he spent his youthful years studying natural history, art, and literature. His interest in nature study would last until his final years, and his early familiarization with Western languages would pave the way for his later mastery of learned works in a wide range of disciplines, making him the most scholarly and erudite of all the leading Bolsheviks.

In 1900 he entered a Moscow gymnasium, where he was introduced to Marxism by fellow students, came under the influence of the thought of Dmitri Pisarev, and repudiated his religious background, adopting materialism as his personal philosophy. In 1905, after passing the entrance examinations for Moscow University, he participated in student demonstrations against the government and joined the Social Democratic Workers' Party the following year. He was assigned as an agitator and organizer among Moscow workers, and together with a fellow student, Ilya Ehrenburg led a strike of factory workers in 1906.

Notwithstanding his illegal activities, he was admitted to Moscow University in 1907, where for the next four years he divided his time between formal study of philosophy, economics, and sociology and Party work, never completing the requirements for a degree. Already a convinced Marxist, he debated with his professors and wrote his first serious economic study—a seminar paper entitled, "*Teoriia razvitiia narodnogo khoziaistva*," which was

published in a student newspaper. In 1908 he was taken into the Moscow Committee of the Party. The following year he was arrested twice but released each time. In 1910, however, the police apprehended the leaders of the Moscow organization and disbanded it.

Bukharin received a prison sentence, which was commuted to exile in Onega Province, from which he escaped abroad in 1911, beginning a six-year period of foreign exile that would take him around the world before his return to Russia after the March Revolution. While living in some dozen European countries, and, for a time in the United States, he eked out a precarious existence, continued his studies in various universities and libraries, and participated actively in the affairs of the emigré center of the Bolshevik Party.

In 1912, Bukharin traveled to Cracow, Poland, to meet Lenin, whom he admired but knew only by reputation and through his works, beginning their historic association. Krupskaja has left a brief account of this first meeting in her memoirs of Lenin:

In the autumn of 1912 we made the acquaintance of Nikolai Bukharin. Besides Bagocki, whom we saw pretty often, we received visits at the beginning from Kazimierz Czapinski, a Pole who worked on the Cracow newspaper *Naprzod* (*Forward*). This Czapinski told us a lot about the famous Cracow health resort Zakopane, about the lovely mountains there and the wonderful scenery, and incidentally, mentioned that a Social Democrat by the name of Orlov lived there, who made fine paintings of the Zakopane mountains. Shortly after this we moved into town from Zwierzynce, and looking through the window one day we saw a young fellow coming up to the house with a huge canvas bag on his back. It turned out to be Orlov—otherwise Bukharin. He and Ilyich had a fairly long talk together. Bukharin lived in Vienna. We were in close touch with Vienna ever since. The Troyanovskys lived there too. When we asked Bukharin about his paintings he pulled a number of splendid reproductions of German painters out of his bag. We examined them with great interest.³

From this prosaic beginning would grow a close, warm, though at times stormy, companionship between Bukharin and Lenin with fateful consequences in later years.

The future could not be known in 1912, however, and Lenin, attracted to the young Bukharin personally and impressed by his precociousness, invited him to write for the Bolshevik publications, *Pravda* and *Prosveshchenie*, and sent him to represent the Party as an observer at the German Social Democratic Party congress in Chemnitz. Later that year, Bukharin returned to Vienna, joining the colony of Russian exiles gathered there. For the next eighteen months he worked for the emigré Party organization drafting reports and speeches which were smuggled into Russia to the Bolshevik deputies in the Duma, studied the history of the Austrian labor movement, and attended lectures at Vienna University, where he heard first-hand the views of Boehm-Bawerk and Weiser, the then leading exponents of the marginal utility school of economic theory. It was during this period also that he pro-

duced the first of a series of economic studies that would later earn him a reputation among European socialists as one of the foremost Marxist economists of his day.⁴

It was in Vienna that Bukharin first met his future executioner, Stalin, who had been sent there by Lenin to study the national problem in Austria. Bukharin assisted Stalin, who knew no German, with his first article on the Bolshevik attitude toward the nationality question, which established Stalin as the Party's authority on the subject.

When war broke out in the summer of 1914, Bukharin was interned as an enemy alien but was released when prominent Austrian socialists intervened on his behalf. He was expelled from the country, however, and for the next two years worked with radical socialist organizations, including internationalist and anti-war youth groups in Scandinavia. In 1915 he played a leading role at the Berne conference of the Bolshevik faction. Despite harassment by the police and frequent arrests for conducting propaganda against the war, he managed to continue his studies in various European libraries and universities and wrote several important theoretical works, two of which were of paramount significance in shaping Bolshevik revolutionary doctrine. During the winter of 1914-15, Bukharin turned his attention to the problem of imperialism, which had been dealt with at length by several Marxist and non-Marxist writers, but not as yet in systematic or exhaustive fashion by any of the Bolsheviks. Early in 1915 he completed a pioneering study of the causes, character, and implications of European colonial expansion, *Mirovoe khoziaistvo i imperialism*, which was first published in abbreviated form in the Bolshevik journal, *Kommunist*.⁵ In this work Bukharin anticipated the main ideas enunciated about a year later by Lenin in his own basic study, *Imperialism as the Highest Stage of Capitalism*, which was heavily indebted to Bukharin's findings and conclusions, among others, though Lenin never publicly acknowledged his debt and is still generally credited today with being the original author of the Communist theory of imperialism.

The second of these early works by Bukharin was *K teorii imperialisticheskogo gosudarstva*,⁶ written in 1916, which also anticipated and directly influenced Lenin's views on the question of the state preceding, during, and following a proletarian revolution as expressed in the latter's *The State and Revolution*, this time with an indirect acknowledgement by Lenin. As in the case of the preceding work, Lenin is today credited with having founded the classical Communist doctrine regarding the state. The still insufficiently known fact of Bukharin's prior authorship of this theory and of his direct influence on Lenin's thought, however, requires a revision of the current opinions in both the Communist world and the West regarding the founding and early development of Bolshevik political theory and Bukharin's and Lenin's respective roles in this chapter of the history of Soviet Communism.⁷

In the fall of 1916 Bukharin was expelled from Sweden, where he was then working with the radical wing of the Swedish socialist party, and emigrated illegally to the United States. Settling in New York, he joined a group of emigré radicals and became editor of their newspaper, *Novyi Mir*. When Leon Trotsky arrived shortly afterward, they worked together as co-editors

and helped to form an organization of Russian and American socialists who later founded the American Communist Party. Bukharin was still in New York when the tsarist government fell, and he immediately made plans to return to Russia. After an arduous journey which took him through Japan and Siberia, he arrived in Moscow in May 1917. He declared his support of Lenin's "April Theses," which looked toward an early overthrow of the Provisional Government, and assumed direction of the Party's activities in the Moscow region. When the Bolsheviks seized power in November, Bukharin played a leading role in winning the city for the Party.

Until this time, Bukharin had been only a qualified follower of Lenin. Though he held Lenin in the highest personal esteem—"I have the greatest respect for you and look upon you as my revolutionary teacher, and love you," he once wrote Lenin in the midst of a heated debate—the two had disagreed several times during their period of foreign exile. The specific issues which divided them arose from a basic difference of approach to the problems of world revolution, to which both men were equally committed. Whereas, Lenin generally viewed these problems with the pragmatic eye of a realistic politician concerned with results, Bukharin exuded a youthful idealism and tended toward doctrinaire intellectual rigidity, which impelled him to seek simple, totalistic, and extreme solutions of inherently complex issues. In the pre-revolutionary years, these differences in temperament and outlook several times came between them, and early in 1918, they again came to the fore over the issues of a separate peace with Germany and the general revolutionary perspective for Russia and Europe. This time, Bukharin went so far as to form an organized faction within the Party—the "Left Communists"—which challenged Lenin on various domestic and international questions and even published its own organs for a time.

Bukharin's defection was only short-lived, however, and when civil war broke out in the summer of 1918, he rejoined Lenin's followers in the Party center, placing the interests of victory above his own convictions. While continuing to differ with Lenin on various issues of the day, such as the role of the trade unions in the new Soviet state, the nationality question, the revision of the Party program, and other current problems, he worked as an economic organizer and propagandist, helped to consolidate the position of the Party as a member of its Central Committee and Politburo, played a major role in the founding of the Communist International, of whose Executive Committee he became a leading member, and edited the Party's influential newspaper, *Pravda*. In 1921, Bukharin was one of the first of the leading Communists to support Lenin's call for the New Economic Policy, and he was influential in securing its adoption by the Party.

This shift from an extreme revolutionary position in 1918 to a moderate stand in 1921, manifested by his support of NEP, presaged a basic transition in Bukharin's thought and political attitudes. Between 1921 and early 1924, he continued to occupy an independent position in the Party, identifying with none of the existing groupings. A sharp decline in his literary production and in the frequency of his public appearances during these years reflected what must have been a difficult period of intellectual and ideological

self-examination, brought on by the chastening experience of the civil war, the failure of the Party's sanguine hopes for an early proletarian revolution in Europe, and the growing dilemma arising from the Party's transformation from an illegal revolutionary organization into a ruling power with an uncertain future. So fertile a mind and prolific a pen could not remain still for long, however. Withdrawing from the active political arena, he devoted his time to completing a number of theoretical studies which had been incubating in his mind until then, but for which there had not been time during the critical days of the civil war. After a parting gesture in the direction of radical idealism in 1920, when he wrote his controversial study, *Ekonomika perekhodnogo perioda*, he turned to more abstract theoretical problems. The most notable products of these years were his influential restatement and elaboration of Marxist philosophy and sociological theory, *Teoriia istoricheskogo materializma*; several studies of the problem of culture and the intelligentsia during the period of the dictatorship of the proletariat and the transition to communism; and some initial efforts to recast orthodox Marxist revolutionary theory in the light of the Party's experience in Russia since 1917, which paved the way for his later elaboration of a comprehensive, new theory of proletarian world revolution appropriate to the conditions of the twentieth century.

Following Lenin's death in 1924, Bukharin's career entered a new phase. He emerged from political retreat and rose during the next several years to a leading position in the Party center as its foremost spokesman and the most articulate exponent of a new official line that had been gradually crystallizing since the end of the civil war. Due largely to his efforts as a theoretician, publicist, speaker, and political leader, the policies resting on the new doctrines of "capitalist stabilization," "socialism in one country," and NEP as the direct path to socialism were adopted by the Party, and the opposition led by Trotsky was defeated. As a result of this victory over Trotsky and his supporters, Bukharin's career attained its zenith in the late nineteen-twenties. Alone among all of Lenin's successors, he enjoyed not only great authority and influence as a political leader and theoretician, but also immense personal popularity with both the leaders and the rank and file of the Party, whose regard for him was expressed by Lenin in his "testament" when he characterized Bukharin as the "favorite of the whole Party."

Bukharin's personal appeal rested on his open simplicity, sincerity, and integrity. Though undistinguished in appearance, his personal warmth and congeniality touched all who knew him. A ready wit, sharp tongue, and facile mind overshadowed his simple dress, retiring manner, and frequently detached air. He lived a spartan, almost monk-like existence, worked exceedingly long and irregular hours, and cared little for the material comforts or amenities of life. Having separated from his first wife in the early nineteen-twenties, he devoted all his waking hours to the Party and to ceaseless study. He devoured books in several languages and could discuss with professorial authority the entire spectrum of twentieth century thought. Most particularly, he was idolized by the youth of Soviet Russia, who identified with him and drew much of their intellectual inspiration from his writings. During the

later nineteen-twenties Bukharin had only to step up to a speaker's podium at the numerous meetings he attended to touch off long and boisterous ovations, and the recorded accounts of his speeches invariably note tumultuous demonstrations following their conclusion. Except for Lenin, with whom Bukharin was often favorably compared by Communists and non-Communist observers alike, no other individual in the Party's history until that time occupied so universally popular a place.

At the same time, he also commanded during these years (after the defeat of Trotsky) greater authority in the Communist world than any of Lenin's successors. At the peak of his career, Bukharin held leading positions in numerous Party, Soviet, and Comintern organizations, including the Central Committee and the Politburo of the Russian Communist Party, the Central Executive Committee and the Presidium of the Congress of Soviets, the central organs of the Comintern, of which he became chairman in 1926, succeeding Zinoviev, the Komsomol, the Central Council of Trade Unions, the Red International of Trade Unions, the Institute of Red Professors, the Communist Academy, the Institute of Marx-Engels-Lenin, and a multitude of other policy-making and administrative organizations concerned with political, economic, social, cultural, scientific, and educational affairs. Throughout the nineteen-twenties, moreover, he was a leading delegate and speaker at every Party and Comintern congress, where he played a dominant role in shaping decisions and formulating their official pronouncements. His authority and influence were further heightened by his post as editor of *Pravda*, which he held continuously from 1917 to 1929, with the exception of a brief interval during 1918.

In retrospect, however, it should be noted that notwithstanding his attainment of some of the highest offices in the Soviet and international Communist hierarchy, Bukharin's most significant and enduring impact on the evolution of Bolshevism resulted not from the manipulation of the instruments and symbols of power, but rather from the force of his thought. Bukharin was first and foremost an intellectual. For him, the struggle for communism had to be waged not only on the barricades, but also in the minds of men, and it was to this latter task that he devoted his major effort. Possessed of a keen mind, perhaps second only to that of Trotsky, amazing erudition unmatched by any other Party leader, and a facile pen, he was regarded in his day as the ablest and most versatile thinker in the Party by Communists and non-Communists alike. His views on a multitude of problems confronting the Bolshevik leadership before and after 1917 exerted a greater impact on the ideology of the Party than those of any other individual, except Lenin. As a theoretical economist, Bukharin had no peer in the Communist world, and his pioneering studies and reformulations of Marxist economic doctrine became Party classics during his lifetime. Through his writings on such diverse subjects as philosophy, sociology, political theory, psychology, natural science, literature, art, and education, moreover, he was instrumental in directing the Party's efforts to develop a Marxist foundation for the conceptual and methodological problems in these areas. Finally, as the author of literally hundreds of books, pamphlets, and articles, as a frequent speaker at

innumerable Party, Soviet, and Comintern meetings, and as a regular participant in scores of other specialized and mass organizations, he not only helped to shape, but also to disseminate and popularize current Bolshevik thought within the Party, among the non-Party masses, and beyond the Soviet Union. Lenin's well-known testamentary characterization of Bukharin as the Party's "most valuable and most important theoretician" was almost universally shared throughout the Russian and international Communist movement, and it was with justification that observers within and outside Soviet Russia considered him the foremost leader of his day and the legitimate heir and successor of Lenin.

Bukharin's triumph in the late nineteenth-twenties as the Party's outstanding political figure, theoretician, and spokesman was only short-lived, however, for the year 1928 marked not only the apex of his career, but also a fateful turning point that would soon lead to humiliation and oblivion. Mounting differences between him and Stalin, with whom he had been allied until then, had reached a crisis. What had begun earlier as a controversy in the Party over economic policy gradually became merged in the struggle for power following Lenin's death. While Stalin had left the limelight to Bukharin in order to consolidate his power over the Party apparatus, Bukharin neglected to build an organizational base of authority. When the conflict reached a climax in 1928, too late Bukharin discovered that he was a giant with feet of clay. Lacking a well-organized following, and having earlier helped to destroy any potential allies in the struggle against Stalin, he was suddenly isolated and easily defeated. From 1929 onward, Bukharin was progressively removed from his most influential posts, required to repudiate publicly many of his earlier contributions to the revolutionary cause, and compelled to pay degrading homage to Stalin. Deprived of political power and forced into the shadows by Stalin, Bukharin spent the last years of his life in obscurity, occasionally writing on non-political topics, participating in scientific and cultural organizations, and, for a time, editing the newspaper, *Izvestiia*. During a mission abroad for the Party in 1936 he was urged by friends in Paris to seek sanctuary in Europe from what he knew would be his eventual fate at Stalin's hands, but he returned to the Soviet Union and to a public campaign of vituperation that was the prelude to his arrest and trial. Determined to rid himself of Bukharin, Stalin resorted to distortions, misrepresentations, and outright falsifications of Bukharin's record as a thinker and political leader. Past differences between him and Lenin at a time in the Party's history when independent views and relatively free debate were still permissible were now portrayed as criminal subversion, while ideas and policies which Bukharin had earlier advocated, and which Stalin had at one time shared, were branded as heresy.

The campaign to discredit Bukharin was climaxed in 1937, when he was arrested, imprisoned, and charged with sabotage, treason, and murder. The public show trial that followed passed the sentence of anathema on Bukharin's lifework and condemned him to historical oblivion, from which he has not been resurrected until now. Although after many years of total eclipse as an absolute "unperson" in the official Communist texts he was

posthumously absolved of treason in 1962, his ideas are still considered heretical in the Soviet Union, and his works remain proscribed. In the West, moreover, only the barest beginnings have been made to recover the full record of his life and work or to reconsider the history of modern Communism in the light of it.⁸ Thus, despite the Soviet reaction against Stalinism since 1953 and the revival of interest in Bukharin among Western students of Soviet affairs in recent years, he remains one of the least known or understood of the leading figures in the early history of Russian Communism.

The purpose of this anthology is to dispel part of the obscurity that today surrounds him by providing an opportunity to study one of his major contributions to the development of modern Communism—namely, his response to the problem of building socialism in Soviet Russia as it confronted the Bolshevik leadership between 1917 and 1929. Although limited to this single aspect of his career and thought, it may nonetheless contribute to a better understanding not only of Bukharin's role in the history of Soviet Communism, but also of that history itself, on which he exercised a dominant influence during the period preceding the Stalinist revolution of the nineteen-thirties. For the problem of "building socialism" in Russia, as it came to be known during the first two decades of Bolshevik rule, was the single most vital issue confronting the Party after 1917. Every other question of policy, ranging from the broader dimensions of the international Communist revolutionary movement to specific directives for operating the Soviet economy or refashioning Russian society, hinged upon the theoretical and practical conception of the transition period.

The origin of the problem, as is generally known, lay in the early writings of Karl Marx and Friedrich Engels, who had developed their theory of proletarian revolution primarily with advanced, highly developed capitalist countries in mind. In the simplest terms, they had predicted that the normal course of capitalist development would inevitably create both the objective necessity and the human and material prerequisites for the overturn of capitalism and its transformation into communism in those states where capitalism had reached its maximum development. Certain acknowledged defects in the classical Marxist scheme of revolution, however, had led both Marx and Engels and their followers to introduce a number of modifications into the original doctrine. Among the several streams of "revisionist" Marxist theory to appear in the early twentieth century was a distinctive body of thought held by the Bolshevik faction of the Russian Social Democratic Workers' Party, led by Lenin. The ideological rationale that underlay their efforts to seize political power in Russia, an admittedly undeveloped, backward country by Marxist standards, consisted of an ingenious amalgam of classical Marxism and both borrowed and original modifications designed to accommodate Marxism to the conditions of Europe and Russia during the early years of this century. Though Russia admittedly had made only a beginning toward industrialization and capitalist development, Lenin and his followers reasoned, a distinctive combination of oppressive social conditions there had made it one of the potentially most revolutionary countries in Europe. The evolution of world capitalism, moreover, had created unique

possibilities not envisaged by Marx or Engels for the onset of the international proletarian revolution at almost any point on the globe where capitalist exploitation, imperialism, or war might precipitate an irresolvable crisis leading to revolution.

When, indeed, it was in Russia that the first “break in the chain of world capitalism” occurred, Lenin and his followers justified their seizure of power in a country admittedly not ready for socialism by subordinating the Russian Revolution to the interests of the international proletarian revolution. Russia, they at first claimed, was only the starting point of the world-wide assault against capitalism and imperialism—a spark that would ignite the powder keg of Europe, where the development of capitalist relations had prepared the way for what was believed would be a relatively rapid and easy transition to socialism and ultimately communism. In Russia, however, communism would be reached by a different path. Because of Russia’s backwardness, the material prerequisites for a direct transition to socialism were lacking. However, the necessary material, economic, technological, and human resources would be provided by the victorious proletariat of Europe, thus closing the gap left by the late launching of Russia on the path of industrialization and capitalist development. Then, together with the more advanced countries of the West, Russia would proceed toward the common goal of world communism.

It was this sanguine expectation that sustained the Bolsheviks during the first eight months of power, during which they proceeded with caution and restraint in nationalizing select sectors of the Russian economy and enacting democratic and egalitarian reforms. Two unforeseen developments radically altered the Party’s initial course, however. One was the outbreak of civil war in the summer of 1918; the other was the failure of the anticipated revolutions in Europe that were to rescue Russia from its backwardness to materialize. For two and one-half years following the start of civil war, the needs of simply retaining power at all costs in the face of determined internal and foreign armed opposition created a demand of their own and took precedence over all abstract or theoretical revolutionary plans. The caution and restraint of the first eight months were abandoned, and the entire economy was brought under state control, while the newly created Soviets were bypassed in favor of Party rule by fiat and military force.

Although the more radical, doctrinaire, and visionary members of the Party hailed the economic and political measures of “War Communism” as bold strokes on behalf of communism, which they believed lay just over the horizon, and wished to retain them even after internal peace was restored in late 1920, the Party supported Lenin’s call for a retreat in early 1921. Though Lenin won his point that War Communism had been an unavoidable expedient arising from the need to marshal every material and human resource against the counter-revolution, the very retreat to NEP raised the issue of “whither Russia” in critical form. If the sole justification of seizing and retaining power in Russia had been to stimulate and aid the European proletarian revolution, and if, by common agreement, Russia could not achieve socialism without foreign assistance—which admittedly in 1921 was

not in the immediate offing—then could or should the Party attempt to retain power in Russia, and if so, for what end consistent with Marxist theory?

Deferring definite responses to these questions for the time being, the Party concentrated on repairing the ravages of the civil war, reviving economic life, and restoring social equilibrium in Russia. At the same time it was compelled to defend itself against the radical left within the Party, which attacked the compromise with private enterprise embodied in NEP, and against the socialist and non-socialist right both in Russia and abroad, which accused the Bolsheviks of “Blanquism” or “Bonapartism” and predicted an inevitable Thermidorean reaction. Lenin, moreover, was able to lead the Party only for a brief time before illness incapacitated him early in 1922, and in January 1924 he was removed from the scene by death.

It fell to his successors, therefore, to cope with the persistent question of the future fate of the Russian Revolution, which by the middle of the nineteen-twenties had assumed even more critical form. Not only had the Party's pre-revolutionary expectations failed to materialize after 1917, but developments in Russia and elsewhere in the world were creating new and unforeseen problems. The New Economic Policy, while successfully reviving economic life in Russia, had also stimulated the growth of private enterprise and was diverting energies and attention away from the original goal of socialism. Moreover, not only had revolution elsewhere in the world not yet occurred, but by the reluctant admission of the Party leaders, world capitalism had recovered its pre-war position and was beginning to expand once again, relegating new revolutionary waves to a distant future.

Deprived of Lenin's guidance, forced back upon the limited resources of the country, confronted by a resurgence of capitalism, and despairing of revolution abroad, the Party leadership found itself in 1924-1925 in a dilemma described by the official Stalinist history of the Party as follows:

The restoration of the national economy was approaching completion. But mere economic restoration, the mere attainment of the pre-war level, was not enough for the Soviet Union, the land of socialism in construction. The pre-war level was the level of a backward country. The advance had to be continued beyond that point. The prolonged breathing space gained by the Soviet state ensured the possibility of further development.

But this raised the question in all its urgency: what were to be the perspectives, the character of our development, of our construction, what was to be the destiny of socialism in the Soviet Union? In what direction was economic development in the Soviet Union to be carried on, in the direction of socialism, or in some other direction? Should we and could we build a socialist economic system, or were we fated but to manure the soil for another economic system, the capitalist economic system? Was it possible at all to build a socialist economic system in the U.S.S.R., and if so, could it be built in spite of the delay of the revolution in the capitalist countries, in spite of the stabilization of capitalism? Was it at all possible to build a socialist economic system by way of the new Economic Policy, which, while it was strengthening

and augmenting the forces of socialism in the country in every way, nevertheless still promoted a certain growth of capitalism? How was a socialist economic system to be constructed, from which end should its construction begin?⁹

The conflicting responses to these basic issues divided the Party into two main camps, one led by Leon Trotsky and Evgeny Preobrazhensky, the other by a shifting coalition of leaders grouped around Stalin and Bukharin. Trotsky's stand on these questions was clinically logical and uncompromising. With justification he reminded the Party like an irrepressible voice of conscience that the primary purpose for which the Bolsheviks had seized power in Russia was to spark proletarian revolutions which had ripened in the advanced countries of Western Europe, after which Russia would recede to the backwater of the revolutionary movement. He further emphasized the universally accepted principle that without substantial assistance from successful proletarian régimes in Europe, the Russian foothold would be lost or would abort, owing to Russia's economic and cultural backwardness, to the dominance of pre-capitalist economic forms, and to the great preponderance of the peasantry in the country. Though Russia could and should make, and had made, significant steps toward collective organization and control of the large private economic enterprises, "socialism in one country" was impossible without aid from abroad. In the absence of successful proletarian revolutions in Europe, therefore, every effort should be directed toward rekindling the international revolutionary movement, even at the risk, if need be, of sacrificing the gains at home. While launching an uncompromising assault against private enterprise, particularly the peasant economy, accelerating the pace of socialized industrial development, and extracting the last measure of effort from the working class itself, the Party should also renew the international offensive against the capitalist world, regardless of the inherent dangers to the security of the Soviet régime.

Despite the logic and doctrinal purity of Trotsky's views, they were in direct conflict with the prevailing mood of the country and of the majority of the Party, which had welcomed the respite NEP afforded from the earlier period of revolutionary "*Sturm und Drang*." For this reason, and also to avoid the pessimistic conclusions of Trotsky's argument—that unless his prescriptions were followed the Russian Revolution would abort or "degenerate," his opponents sought to counter his stand with an alternative course of action. Though the policies that defeated Trotsky's are often attributed to Stalin, who arrogated credit for them in the nineteen-thirties, it was, in fact, Bukharin who provided the Party with a positive, ideologically coherent, and feasible alternative solution of the question of building socialism in Russia under the conditions of the day.

The theory of socialist construction advanced by Bukharin in the second half of the nineteen-twenties had been germinating in his mind since at least the first days of the revolution. Although he had earlier stood on the left of the Bolshevik political spectrum, as it has been seen, even then the antecedents of his later views could be discerned in his public statements; for like most other members of the Party at that time, he was torn between the

intoxicating exhilaration of success and the more sobering considerations of the practical realities of the day. This conflict was evident not only in Bukharin's writings and statements produced during the first years of the Soviet régime, but also in those of Lenin, Trotsky, Stalin, and other leading figures, as well. By 1924-1925, however, the issues confronting the Party were clearer, and the alternatives had been reduced to either Trotsky's course or Bukharin's. What had begun as a conflict in the minds of men now became a conflict between men of different minds.

The counter-proposals advanced by Bukharin were progressively elaborated between 1924 and 1928. Though never expressed in systematic or comprehensive form in any single work or statement, the ideas he opposed to those of Trotsky represent not simply an alternative course of socialist construction in Russia, but a major reinterpretation and application of classical Marxism, in which the question of Russia's revolutionary perspective in the nineteen-twenties assumed new significance. And it is only in terms of the broader context of Bukharin's general conception of the causes, processes, and goals of proletarian-communist world revolution that his prescriptions for Russia can be properly understood.

The starting point of his thought on the issues confronting the Party was, of course, the classical formulations of Marx and Engels regarding the dynamic laws of capitalist development.¹⁰ However, whereas the founders of scientific socialism had concluded that capitalism would inevitably collapse and communist revolution occur in the most highly advanced capitalist states in accordance with immutable social law, Bukharin early in his career had advanced a major modification of this basic scheme. The limits of capitalist development are reached not within individual, isolated countries, he claimed, but rather on a global scale. For in the course of their efforts to overcome the traditional Marxist contradictions of capitalist development, the capitalists in the advanced states resort to economic organization so as to abolish ruinous competition within their own countries while seeking solutions for the falling rate of profit beyond their borders by embarking on colonial and imperialist expansion. Imperialism inevitably leads to competitive wars for empire, which encompass the entire earth and ultimately divide it into two basic spheres—one consisting of a few great super-states, the other of the colonial and semi-colonial periphery of world capitalism.

Just as ruinous competition during the stage of industrial capitalism impels the capitalists to organize their respective national economies, similarly, the emergence of a few huge super-powers as a result of imperialist war leads to efforts by the victorious finance capitalists to abolish the anarchy of the world capitalist system by means of dividing and exploiting the entire earth in an organized manner. At this point, mankind approaches a critical threshold, where it is confronted by the alternatives of either total enslavement by finance capitalism and the inevitable destruction of civilization, or a revolutionary surmounting of this crisis by means of transforming the world economy into the only system capable of resolving the dilemma and opening the way for further progressive development—world communism.

At this fateful juncture in history, both the objective necessity and the feasibility of communist world revolution arise. For when world capitalism becomes susceptible to centralized global organization and regulation by the international capitalists, it is also ready for its transformation into world communism; and, moreover, in the course of its development, finance capitalism produces the social forces needed to bring this change about.

The collapse of world capitalism and the onset of world revolution occur in several ways. Essentially, communist world revolution arises directly or indirectly from the imperialist wars which inevitably accompany the development of capitalism. The destruction of productive forces, the increasing hardships imposed on the working class in the capitalist states, and the misery and oppression in the colonial areas of the world resulting from imperialist wars all combine to produce global crises, which undermine the viability of the capitalist system. At some point, the system loses its internal equilibrium and breaks down at its "weakest link"—that is, where capitalism is most vulnerable and the forces of revolution strongest.

The first breach in the capitalist system may occur in an advanced capitalist state, where intensified exploitation, political repression, and the suffering caused by war lead to a classic proletarian revolution. Or it may occur in a semi-developed capitalist state, where the exploitation of the proletariat by the capitalists and of the peasantry by both the capitalists and the feudal landlords leads to a combination of proletarian revolution and peasant revolt. The breakdown of capitalism may occur also, however, in a colony or an oppressed national area, where it assumes the form of a revolt against imperialism by various classes. The determining factor in each instance is the relative strength of the forces of world capitalism and of anti-capitalism and anti-imperialism. Following the initial breakdown of world capitalism, subsequent breaches in the system occur thereafter wherever it is most vulnerable and the forces of revolution most intense, until it finally collapses as a whole and is supplanted by world communism.

Although conceivably the chain of world capitalism may be severed first in an advanced capitalist state, Bukharin held, in reality it is more likely that revolution will break out first in the colonial or semi-colonial periphery of the world. In the highly developed capitalist centers the elimination of economic and social anarchy by the capitalist state effectively forestalls revolution by the proletariat for some time. In the colonial and semi-colonial areas, however, where the contradictions of world capitalism converge in the form of combined economic exploitation, national oppression, and political tyranny and where, consequently, misery and hostility to capitalism are greatest, revolutions mature first. There, too, the powers of resistance to revolution on the part of the capitalists are weakest, for such areas generally lie far from the imperialist centers of the world and have not yet developed the more advanced forms of repressive state capitalism.

Thus, in Bukharin's view, the First World War was brought on by imperialist competition among the great powers and led to the first breach in the system of world capitalism at its most vulnerable spot—Russia, which was both an object of imperialism and a weakly developed capitalist state,

as well. There, the combination of proletarian revolution against capitalism and imperialism, peasant revolt against both capitalism and the vestiges of feudalism, and liberation movements by Russia's oppressed national minorities all converged into an irrepressible revolutionary force which succeeded in severing the chain of world capitalism at its then weakest link.

Once capitalism was assailed, its continued collapse from that time onward became inevitable. This did not mean, however, that the system breaks down completely or at once. An initial break in the global system of capitalism may be followed, as it was after 1923, by a period of recovery and reorganization of the remaining forces of world capitalism. Capitalist crises and the revolutions to which they give rise develop in uneven patterns of ebb and flow, maintained Bukharin. Cycles of crisis, breakdown, and revolution may be followed by periods of capitalist recovery and stability. Such periods of stabilization are only temporary and "partial," however, for after the initial breach in the system, a state of permanent crisis exists. Each successive break compels the finance capitalists to restore the equilibrium of global capitalist relations on a diminished base, which inevitably intensifies the basic contradictions of the system and leads to new revolutionary crises. Thus, he held, although world capitalism had recovered after 1923 from the first break in the system brought on by the war, and although it had stabilized its economic and social relations, the restoration of equilibrium was only "temporary" and "partial," and new waves of revolution would inevitably follow in time.

Finally, as additional areas of the world are progressively severed from the capitalist sector, its stability becomes completely undermined, and the restoration of even partial equilibrium becomes increasingly difficult, until the entire system collapses as a whole. At this point, a period of political and economic transformation begins, during which the world proletariat reorganizes the material legacy of capitalism into the collective forms of future communism, and a new epoch, free of the tyranny, oppression, and misery of capitalism, dawns for all mankind.

This modification of the classical Marxian theory of proletarian revolution involved also a revision of the original conception of the revolutionary process itself. The transformation of world capitalism into world communism requires the creation of a world-wide proletarian dictatorship, which paves the way to the classless, stateless society of the future. Since this world dictatorship arrives as the result of revolutionary upheavals in individual countries at various stages of economic and social development, however, the actual process by which the proletariat comes to power throughout the world and utilizes its power to achieve communism is varied and complex. In semi-capitalist states and colonial countries, where revolutions tend to mature first, the proletariat comprises only a minority of the population. In order to fulfill its mission of overturning capitalism and severing the chain of imperialism, allies are required in the struggle. The peasant masses in such countries, who live under combined capitalist, feudal, imperialist, and national oppression, are a reservoir of revolutionary power which can and must be mobilized for the assault against imperialism. To secure the support of

the peasantry in the struggle for power and to retain it afterward during the inevitable counter-revolution and the construction of socialism that follow a seizure of power, the working class must take account of the peasants' interests at all stages of the revolutionary process. Preceding a seizure of power, the proletariat must advance revolutionary slogans and objectives that correspond to the peasants' needs. Following a seizure of power, the most pressing demands of the peasantry must still be met. Thus, revolutions in semi-developed capitalist states and in colonial countries cannot proceed directly toward a pure proletarian dictatorship and the immediate introduction of socialism. The political alliance that enables the proletariat to acquire power must be continued indefinitely in the form of a political partnership in which the proletariat shares power with the non-proletarian masses but dominates this partnership. Only after a period of economic development, which broadens the socialized base of society, does the transitional alliance yield to a genuine proletarian dictatorship, which may then advance society rapidly toward socialism and ultimately communism.

In the political sphere this alliance requires admitting non-proletarian elements into the organs of government and the guarantee of certain minimum rights for those who either actively support or do not oppose the proletariat. In the economic sphere, the proletariat must recognize that the peasants do not at first desire socialism but rather land reform and an end of capitalist and feudal oppression. Moreover, inasmuch as the proletariat is confronted in such countries by many vestiges of petty and pre-capitalist economic forms, it is unable for this reason also to proceed directly toward socialism in all areas of the economy. Socialism may be introduced at first only in the large enterprises inherited from the preceding order, while other methods must be employed in the private, petty sector. There, the proletariat must strive by peaceful, evolutionary means to eliminate individual enterprise and supplant it by socialist production, lest it alienate its class allies and precipitate class war. Accordingly, the proletariat must tolerate the temporary existence of private production, attempting only by means of incentives, persuasion, economic competition, and other peaceful measures to eliminate the private sector of the economy and attract its members to the collective forms of the future. Thus, the intermediate transitional political organization of the proletariat and peasantry must carry out an intermediate transitional economic policy leading in time through a process of evolutionary development to pure socialism.

For all of these reasons, Bukharin concluded, socialism arrives in underdeveloped countries only gradually, and the rate of development and the methods employed to achieve it must be governed by the character of the material legacy inherited from the preceding order, by the relative strength of the proletariat and the other classes, and by the extent and tenacity of small-scale, private enterprise. Any effort to accelerate or force the pace can lead only to a disruption of the equilibrium of transitional society and to a rift in the worker-peasant bloc.

In more advanced capitalist states, however, where the material base of society inherited from the bourgeois régime is broader and where fewer pre-

capitalist economic and social forms exist, the transition to socialism is more rapid and direct. In such countries, revolutions take more nearly the form of pure, classical proletarian revolution with only a minimum of "bourgeois-democratic" tasks to complete.

Finally, Bukharin held, in those colonial countries where revolts against imperialism may conceivably occur but where capitalist forms do not exist or have only begun to develop, and where, consequently, there is no proletariat and no internal economic base for socialist construction, the process of transforming such societies into communism is unique. Such states, he held, may be advanced directly toward socialism, and ultimately communism, without passing first through a period of capitalist development by simply integrating them into the proletarian sector of the world, thereby enabling them to "skip" the stage of capitalism and proceed directly toward communism with the assistance of the world proletariat.

It was this fundamental theory that underlay the specific prescriptions Bukharin advanced from 1924 onward in opposition to those of Trotsky, whose views in turn grew logically out of his own distinctive revolutionary theory embodied in the doctrine of so-called "permanent revolution." By juxtaposing his conception of the broader revolutionary scheme and of Russia's place within it, therefore Bukharin underscored what was in reality the basic difference between himself and Trotsky—divergent revolutionary perspectives, out of which grew diametrically opposed assessments of the international scene and of the possibilities and prospects of building socialism unaided in Soviet Russia.

Reducing the issue to concrete terms applicable to Russia, then, Bukharin placed it in the category of a semi-capitalist country on the eve of the 1917 Revolution. Accordingly, the general plan for such countries following a proletarian seizure of power applied to Russia specifically. The political alliance between the workers and the peasants that had brought the Party to power and enabled it to retain power during the civil war now not only had to be continued during the period of socialist construction, but also reinforced by a corresponding economic program that took proper account of Russia's potential and limitations and, particularly, of the peasantry's interests. It was for this purpose, he claimed, that NEP had been adopted at the end of the civil war. But no longer did he view it as simply a forced retreat. NEP was now portrayed as a return to the correct policy of moderation followed by the Party during the first eight months of power, and precisely through NEP socialism would be gradually built in Russia. By means of transferring the ongoing class struggle from the political to the economic arena; by indefinitely tolerating private enterprise, particularly in agriculture, while peacefully eliminating it; by means of economic competition between the socialized state sector and the private sector; by gradually expanding the socialized sector of the economy at a rate determined by the limits of Russia's capacities; and by maintaining, at all costs, the economic, political, and social equilibrium of the transitional process—on the basis of such a strategy a slow but steady advance toward socialism would be assured. To disrupt the delicate balance of forces in Russia by forcibly accelerating

the pace of development, interfering in the natural market process, or alienating the peasantry, as Trotsky advocated, could only lead to a breach in the worker-peasant bloc, which alone enabled the Party to direct social development toward its intended goals.

What this market-equilibrium theory meant in terms of concrete action is the subject of this anthology. Suffice it to note that from 1925 to 1928 Bukharin's prescriptions shaped and expressed official Party policy, and notable gains were made during these years in advancing toward a socialized Soviet economy. By 1928, however, new forces had entered the picture, and in the following year Bukharin's policies were abandoned. Shortages in grain collections, the unpredictability of the peasant producers on whom industry and, therefore, centralized planning and regulation depended, and the persistent difficulties of projecting a long-term economic plan all combined to force Bukharin onto the defensive.

With good cause he argued that only relatively minor readjustments of policy were required to restore equilibrium to the economy and to retain the peasantry's confidence in the Soviet régime. However, the renewal of the power struggle following Lenin's death had by 1928 transformed the debate over economic policy into a weapon in Stalin's calculated climb to personal power. Having consolidated his control over the Party apparatus, Stalin suddenly embraced the recently discredited views of Trotsky and, opposing them to Bukharin's stand, utilized them to defeat Bukharin and force him from power. In 1929 the country was launched on a program of intensive industrialization and forced collectivization, and Bukharin's moderation, restraint, and evolutionary methods were supplanted by the cataclysmic, revolutionary methods that characterized the Stalinist era.

Although the abandonment of NEP and the inauguration of the First Five Year Plan signalled the end of the brief stage of Soviet history identified with Bukharin's predominance in the Party, an understanding of this period and of Bukharin's role during it is important for several reasons. In the first place, Bukharin's response to the basic ideological issues of the nineteen-twenties provides unique insight into the problems confronting the Bolshevik leadership during the first formative decade of Soviet rule, when the question of Russia's future was still unresolved and susceptible to alternative solutions. Following Stalin's rise to unrivalled power, he effectively denied this fact by depicting the history of the Party as something predetermined, in the course of which there had always been only one canonical line of orthodox doctrinal descent running from Marx through Lenin to himself. A better knowledge of Bukharin's role in the history of the nineteen-twenties and particularly of his theory of building socialism in Russia during these years may not only help to dispel further the Stalinist myths, but also provide greater understanding of the true nature of the issues and of the possible courses open to the Party before 1928.

Secondly, such knowledge may illuminate the still insufficiently understood reasons for the rejection of Trotsky's views, the adoption and then rejection of Bukharin's, and the return to Trotsky's course under Stalin from 1928 onward. For despite the great volume of publication devoted to these

momentous developments, both in the Communist world and in the West, there is little agreement on the explanations that account for the course of events between 1921 and 1928.

Third, it may be noted that had Bukharin's views rather than Stalin's prevailed after 1928, they would have yielded radically different results than those that followed from Stalin's course. While it may be futile to speculate on what might have been, since history consists only of what in fact occurred, nonetheless a comparison of the projected implications of Bukharin's gradualist theory of socialist construction with the manifest consequences of Stalin's may provide considerable insight into the inherent nature of Communism and illuminate the perplexing question of how one of the most humane and idealistic doctrines in all of history was transformed into a tragic perversion of itself and bent to the service of one of the cruellest tyrannies in all of history.

Fourth, Bukharin's thought on the problems of the transition to communism in Russia has more than retrospective interest. Although he and his work are still considered anathema in the Soviet Union, his views have continued ever since 1928 to enjoy currency in other Communist countries, particularly those of Eastern Europe, where problems similar to those confronting Russia in the nineteen-twenties arose after the Second World War. The desire on the part of many leading Communists in Eastern Europe to avoid the fate of Soviet Russia under Stalin, the appropriateness of many of Bukharin's policies to conditions in Eastern Europe, and the general attraction his personality and thought had for those who were familiar with them all encouraged a revival—at first clandestine while Stalin lived, but today open—of his thought and, particularly, of his program of socialist construction, which can be identified in varying degrees with the current policies of the East European Communist states and Red China, if not with the recent economic reforms in the Soviet Union itself. Accordingly, a better awareness of the body of thought advanced by Bukharin in the nineteen-twenties is important for a clearer understanding of not only the Soviet Union, but also of the varieties of contemporary Communism elsewhere in the world.

Finally, Bukharin's theory of the transition to communism in Russia may also be profitably studied within a broader context than that of the Russian Revolution—namely, as a major contribution to the unfolding history of Marxist thought. Whether viewed in this light or more narrowly as a Russian phenomenon, however, his views take on added importance as a result of new information which has only recently come to public light. On the basis of internal evidence alone it is possible to establish a close affinity between Bukharin's thought regarding the transition to communism in Russia and that of Lenin, insofar as it was expressed prior to his death in 1924, lending support to the belief in the late nineteen-twenties that Bukharin was the legitimate heir to Lenin's mantle of ideological authority. Concrete evidence to support this presumption is now available, however. This is contained in the most recent publication by Boris I. Nicolaevsky, one of the foremost authorities on Soviet Russia and a participant in its early history. In an introductory section of his book, *Power and the Soviet Elite*; "*The Letter of an*

Old Bolshevik” and *Other Essays*, Mrs. Janet Zagoria, who edited the volume, records a revealing interview with the author, which covered the subject of his relations with Bukharin in Paris in 1936, a liaison that figured in Bukharin’s trial in 1938 and out of which grew Nicolaevsky’s sensational pamphlet, “The Letter of an Old Bolshevik,” published anonymously in 1937 but later acknowledged by the author as his work. Bukharin was in Paris as a member of a Soviet delegation commissioned to purchase for the Marx-Engels-Lenin Institute the archive of the German Social Democratic Party, which contained the papers of Marx and Engels. The archive had been entrusted to Nicolaevsky as curator, and he removed it from Berlin to Paris in 1933 for safekeeping after the rise of the Nazi Party to power.

The negotiations between Bukharin and Nicolaevsky required several meetings, during which many subjects of mutual interest were discussed. On one occasion, Bukharin spoke frankly of his relations with Lenin, especially during the latter’s illness and last days. This portion of the recorded interview bears verbatim quotation:

INTERVIEWER (Mrs. Zagoria): Did you discuss any people with Bukharin—Lenin, Stalin, or others?

NICOLAEVSKY: Yes, His remarks about Lenin were particularly interesting, too, because Bukharin was so devoted to him. Even when he spoke about their disagreements—over the Malinovsky case, for example—he did so in a tone of warmth and friendship.

This is what he told me about the final period of Lenin’s illness. From various details in Bukharin’s account, I gathered that he meant the early fall of 1922. ‘Lenin would summon me to come and see him,’ Bukharin said. ‘The doctors had forbidden him to speak lest he become upset. But when I arrived, he would immediately take me by the hand and lead me into the garden. He would begin to speak: “They don’t want me to think about this. They say that this upsets me. But why don’t they understand that I have lived my whole life this way? If I cannot speak about this, I become more upset than when I do speak. I calm down when I am able to talk about these matters with people like you.”’

I asked Bukharin what the conversations had been about. He replied that he and Lenin spoke mostly about ‘leaderology,’ as we called it—that is, the problem of succession, of who was fit to be leader of the Party after Lenin was gone. ‘This,’ said Bukharin, ‘is what worried and upset Lenin the most.’

In this connection, he told me that the last articles of Lenin’s, *Better Less but Better*, about cooperatives and so forth, were only part of what Lenin had planned to do. He had wanted to put out another series of approximately the same number of articles which would give a complete picture of the future policy to be pursued. This was his principal goal.

Lenin’s testament consisted of two parts, a small part about the leaders, and a bigger one about policies. I asked Bukharin what the principle of Lenin’s policy was. He said to me: ‘I have written two

things about this policy, *The Road to Socialism and the Worker-Peasant Alliance* and *Lenin's Political Testament*. The first is a pamphlet, which came out in 1925, the second was published in 1929.' Bukharin asked me, 'Do you remember those pamphlets?' I replied, 'I confess I don't at present remember *The Road to Socialism*.'

'That is the more interesting one,' he said. 'When I wrote it, I included my conversations with Lenin about the articles already published and those not yet published. I tried in that pamphlet to keep to only what Lenin thought, to what he told me. Of course, they were not quotations; my understanding of what he meant was reflected in what I wrote. But it was my outline of Lenin's ideas as he expounded them to me. The main point of his testament was that it is possible to arrive at Socialism without applying more force against the peasantry.' The question concerned, of course, the treatment of the peasantry, which constituted 80 per cent of the population of Russia. In the opinion of Lenin and of all Communists in general, it was possible to apply force against the peasantry at a given moment, yet this was not to be made a permanent method of treatment. This was the point of *The Road to Socialism*.

With *Lenin's Political Testament*, Bukharin said, it was a different matter. 'There were big arguments about it, and I had to write only about what Lenin had already published. It was fundamentally the same thing. But the first pamphlet went further and the ideas in it were more crystallized; it did not stop at what he had already written.'

I have reread these pamphlets and I see that Bukharin was quite right in presenting Lenin's ideas in this way. This was the way Lenin thought. And Lenin considered Bukharin the one most able to convey his thought. He spoke with him so that Bukharin would write what he himself had left unsaid.

I should add here that when Bukharin told me about what Lenin said to him, I replied, 'You know, in telling you these things, Lenin in essence was returning to Struve.' At the end of the 1890's, Struve wrote a long article that discussed the question of the use of force after the Socialist revolution, maintaining that a Socialist system of production must not be built on force as a permanent factor. Bukharin was interested in this article. He said that he would without fail find it and look at it.¹¹

Since Nicolaevsky's credibility permits no doubt, this revelation provides clear evidence that the affinity between Bukharin's views regarding the transition period and Lenin's was neither fortuitous nor coincidental. This fact provides important perspective for an evaluation not only of the historic importance of Bukharin's theory of socialist construction in Russia during the late nineteen-twenties, but also of Stalin's claim to orthodox Leninist lineal descent, by which he attempted to impose his own views on the Party and endow them with the aura of Lenin's authority and sanction. For this reason, as well, Bukharin's thought takes on new significance.

Turning to the selections that follow, it should again be emphasized that this anthology presents only a portion of Bukharin's voluminous writings and statements relating to the central topic of interest here—the problem of socialist construction in Russia during the first decade of Soviet rule. It is concerned with those of his works that deal primarily with the economic and political issues of the historic debate over Soviet policy in the nineteen-twenties, though his views regarding the problem of the cultural transition to communism, of the intelligentsia in transitional society, and of other related matters are not neglected. The selections also trace the development and evolution of Bukharin's thought on these issues by the inclusion of several writings antedating the crystallization of the controversy in the Party in 1924-1925. Even so, the works reprinted here represent only a small fraction of Bukharin's total literary production, which, if assembled in collected form, would fill thirty or more large volumes. Within the confines of a single volume, therefore, the effort here has been to select those of his works that are most basic and representative of his views on the question of socialist construction in Russia.¹²

The selections included here are reprinted verbatim from original editions with no changes or emendations of the text. In only one instance—in deference to the limitations of space of the present volume—has an excerpt from a longer work been included. The specific editions or other sources, such as newspapers or journals, from which the reprinted texts have been taken are indicated in introductory headnotes preceding each selection. These headnotes also furnish background and other information regarding the circumstances in which each selection was written so as to provide continuity and to place the individual items in historical context. The selections, furthermore, have been arranged chronologically in the order in which they were originally written. Some of the items appeared originally as books or pamphlets, others as articles in Soviet newspapers and periodicals. Many went through numerous editions, reprintings, and translations into non-Russian languages. The versions reprinted here are presented in the original Russian in which they first appeared, however, in keeping with the recent trend to make available to students of Soviet affairs rare or inaccessible materials in the original language of publication so as to provide accurate and authentic records of the history of the Soviet Union. In this way also, it is hoped, Soviet nationals to whom this volume may become available will be able to reacquaint themselves with an important chapter in their own history and with one of their former great historical figures, whose significant contributions are still withheld from them by their leaders.

Finally, it is hoped that by providing this partial view of only one of Bukharin's many and significant contributions to the development of Soviet Communism, sufficient interest may be generated to encourage further study of his colorful, influential, and tragic career and a re-examination of existing interpretations of the history of modern Communism in the light of it. Should this hope be fulfilled, it may also be possible to stimulate interest in retrieving from the limbo of history the record of achievements of other leading and secondary figures who also at one time left their imprint on the course of

Soviet development, but whose contributions remain obscured today both in the Communist world and in the West, whether by design or neglect. For until such a complete account is rendered, there can be no valid understanding of one of the most fateful chapters in the history of modern times or of the complex forces that shape the age in which we live—either in the Communist world or in the West. And it is on the basis of such an understanding alone that the surmounting of the crises of our times can be realized.

Sidney Heitman

NOTES

¹ Until the end of the Second World War, no special research on Bukharin had been undertaken by any Western scholar. The renewed interest in the Soviet Union during the late nineteen-forties and early nineteen-fifties stimulated several studies, only a few of which have as yet been published. Completed works dealing directly with Bukharin and either published or scheduled for early publication include: *An Annotated Bibliography of Nikolai I. Bukharin's Published Works*, compiled by Sidney Heitman (Fort Collins, Colo., 1958); N. I. Bucharin, Vol. I in *Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der freien Universitaet Berlin*, compiled by Sidney Heitman and Peter Knirsch (Berlin, 1959); Peter Knirsch, *Die oekonomischen Anschauungen Nikolaj I. Bucharins* (Berlin, 1959); Sidney Heitman, *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries* (Stanford, Calif., 1967); also by the same author, "The Myth of Bukharin's Anarchism," *The Rocky Mountain Social Science Journal* (Fort Collins, Colo.), I, No. 1, (April 1963), pp. 39-53, and "Between Lenin and Stalin: Nikolai Bukharin," Chapter V in *Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas* (New York and London, 1962).

Completed, but unpublished, research on Bukharin includes: John E. Flaherty, "The Political Career of Nicholas Bukharin" (doctoral dissertation, New York University, 1954); Daniel J. Nelson, "The Views of N. Bukharin on the Future Good Society" (Certificate Essay, Russian Institute of Columbia University, 1952); and Sidney Heitman, "Bukharin's Conception of the Transition to Communism in Soviet Russia: An Analysis of His Basic Views, 1923-1928" (Certificate Essay, Russian Institute of Columbia University, 1952), and "Bukharin's Theory of Revolution" (doctoral dissertation, Columbia University, 1963). Two reprints of Bukharin's works edited and introduced by the same author and scheduled for publication in 1966 are *The ABC of Communism* (Ann Arbor, Mich.) and *Historical Materialism* (Indianapolis, Ind.), both in English translation.

Scholarly studies of Bukharin presently in progress include the following by Sidney Heitman: *Bukharin on Revolution and Prophet without Honor: The Life and Career of Nikolai I. Bukharin*, both of which are scheduled for publication by the Stanford University Press and the Hoover Institution; also *The Collected Works of Nikolai I. Bukharin*, to be published under the sponsorship of the École Pratique des Hautes Études, Paris. Two doctoral dissertations are also in progress, one by George Phillips dealing with the career of Bukharin and being written at the University of Chicago, and the other by Stephen Cohen, dealing with the period of Bukharin's "right opposition," being written at Columbia University.

A considerable body of published writing and commentary has been produced by former Soviet nationals who have emigrated from the USSR, particularly Boris Nicolaevsky, whose historical studies and numerous periodical articles have appeared in Western Europe and in the United States, primarily in the emigré Russian press.

² This summary of Bukharin's life and career is based on the following sources of biographical information: an autobiographical article written by Bukharin in the nineteen-twenties and published in *Entsiklopedicheskii Slovar' Russkogo Bibliograficheskogo Instituta Granat* (52 vols.; Moscow, 1910-34), XLI, Part I, pp. 52-6; and "N. I. Bukharin," by D. P. Maretskii, in *Boi'shaia Sovetskaia Entsiklopediia* (1st ed.; 66 vols.; Moscow, 1926-47), VIII, col. 271-84; articles on Bukharin in *Malaia Sovetskaia Entsiklo-*

pediia (10 vols.; Moscow, 1928-31), *Literaturnaia Entsiklopediia* (2 vols.; Moscow, 1929), and Boris Fradkin, *12 Biografii* (Moscow, 1924).

³ N. K. Krupskaja, *Reminiscences of Lenin* (Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1959), pp. 258-9.

⁴ These early economic studies were directed against the views of Boehm-Bawerk, Weiser, Oppenheimer, and the Russian economists, Struve and Tugan-Baranovsky. They were originally published in *Prosvieshenie* and *Die Neue Zeit* and later republished in an anthology of Bukharin's works, *Ataka: sbornik teoreticheskikh statei* (Moskva, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1924, 303 pp.). For a discussion of Bukharin's economic views during this stage of his career, see Peter Knirsch, *Die oekonomischen Anschauungen Nikolai I. Bucharins* (Berlin, Osteuropa-Institut an der freien Universitaet Berlin; in Kommission bei Dunker u. Humblot, 1959, 236 s.).

⁵ It was not published in full until 1928, when it was issued in Moscow by the State Publishing House.

⁶ This work was not published in full until 1925, when it appeared in *Revoliutsiia prava* (Moskva, Kommunisticheskaja Akademiia), I, pp. 5-32. It was published by Bukharin in several journals and newspapers in abbreviated form following a dispute with Lenin over the pamphlet. For details regarding the work and the controversy with Lenin over it, see Robert V. Daniels, "The State and Revolution: A Case Study in the Genesis and Transformation of Communist Ideology," *American Slavic and East European Review*, XII, No. 1 (February 1953), pp. 22-43; Sidney Heitman, "The Myth of Bukharin's Anarchism," *The Rocky Mountain Social Science Journal* (Fort Collins, Colo.), I, No. 1 (April 1963), pp. 39-53; and the bibliographical entry for this item in *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries* (Stanford, Calif., 1967).

⁷ Such a re-examination will be made in the present writer's forthcoming biography of Bukharin.

⁸ See footnote 1 for a description of the research conducted on Bukharin in the West until now.

⁹ Quoted from the *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks): Short Course* (English edition; Moscow, 1950), pp. 335-6.

¹⁰ The summary of Bukharin's theory of communist world revolution has been abstracted from a number of his works produced between 1915 and 1928, including: *Mirovoe khoziaistvo i imperializm* (1915); *K teorii imperialisticheskogo gosudarstva* (1916); *Azbuka kommunizma* (1919); *Ekonomika perekhodnogo perioda* (1920) (see Section II of the present volume); *Proekt programmy Kommunisticheskogo Internatsionala* (1922); *O mirovoi revoliutsii, nashei strane, kul'ture i prochem* (1924) (see Section V of the present volume); *Imperializm i nakoplenie kapitala* (1924); and *Programma Kommunisticheskogo Internatsionala* (1928), of which Bukharin was the main author. Other sources include Bukharin's reports and statements recorded in the published protocols of the sixth to tenth and twelfth to fifteenth congresses of the Russian Communist Party, the first through sixth congresses of the Communist International, and the third through seventh plenary sessions of the Executive Committee of the Communist International. Bukharin's views on this subject will be treated in detail in the present writer's forthcoming book dealing with his contribution to the development of Communist revolutionary thought, to be published by the Stanford University Press.

¹¹ Boris I. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite: "The Letter of an Old Bolshevik" and Other Essays*, edited by Janet D. Zagoria (New York, Praeger, 1965), pp. 11-13.

¹² For a complete listing of Bukharin's published works produced during his career, consult *Nikolai I. Bukharin: A Bibliography with Annotations, Including the Locations of His Works in Major American and European Libraries*, which was compiled by the present writer and is scheduled for publication by the Hoover Institution in 1967.

I

Теория пролетарской диктатуры 1919

До 1919 года, когда Бухарин написал «Теорию Пролетарской Диктатуры», у партии все еще не было систематической и разработанной политической линии в отношении государства. Маркс и Энгельс в общих чертах этот вопрос рассматривали, не учитывая, однако, таких моментов, как роль буржуазного государства в процессе подготовки захвата власти пролетариатом или роль пролетарского государства в период перехода к коммунизму. Более того: так как большевики не сталкивались с этими вопросами на практике до 1917 года, — даже и они не уделяли им особого внимания. Уже в 1916 году Бухарин подверг теоретическому анализу государство в эпоху финансового капитализма и империализма и сделал некоторые новые выводы, которые Ленин сначала раскритиковал за наличие в них, по его мнению, «полуанархических» взглядов. Дальнейшие размышления убедили, однако, Ленина в правоте Бухарина; между Февральской и Октябрьской революцией Лениным было написано исследование «Государство и Революция», которое, по общему признанию, обязано предшествующему труду Бухарина. И все же у партии не было последовательной и разработанной во всех деталях теории государства в переходный период: центром внимания исследований как Бухарина, так и Ленина являлась подготовка революции и захват власти пролетариатом. Лишь в 1919 году Бухарин обратился к политическим аспектам переходного периода, когда и написал «Теорию пролетарской диктатуры». Несмотря на то, что это исследование содержало относительно мало нового, оно было в то время наиболее всеобъемлющим трудом о коммунистической теории государства во всех ее ответвлениях. «Теория пролетарской диктатуры» целиком отражает ранние взгляды Бухарина на политические аспекты построения в России социализма. Впервые это исследование было опубликовано в 1919 году в сборнике статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», затем переиздано в отдельных публикациях, и, наконец, вошло в собрание сочинений Бухарина «Атака. Сборник теоретических статей» 1924 года издания, из которого и приводится нижеследующий текст.

I

The Theory of the Dictatorship of the Proletariat 1919

Until 1919, when Bukharin wrote *Teoriia proletarskoi diktatury*, the Party still lacked a systematic and detailed policy regarding the state. Though Marx and Engels had dealt generally with this question, they had not considered such specific issues as the role of the bourgeois state in the preparation for a proletarian seizure of power or of the proletarian state during the transition to communism. Because these questions did not confront the Bolsheviks in practice until 1917, moreover, neither had they given special attention to them. As early as 1916 Bukharin had undertaken a theoretical analysis of the state in the epoch of finance capitalism and imperialism and had drawn certain novel conclusions, which Lenin at first criticized for containing what he believed were "semi-anarchist" views. Further reflection by Lenin, however, convinced him that Bukharin had been correct, and between the March and November Revolutions, Lenin wrote *The State and Revolution*, which was admittedly indebted to Bukharin's prior work. Still, the Party lacked a coherent and detailed theory of the state during the transition period, for both Bukharin's and Lenin's studies had focussed mainly on the preparation for revolution and the actual seizure of power by the proletariat. It was not until 1919 that Bukharin turned to the political aspects of the transition period when he wrote *Teoriia proletarskoi diktatury*. Though it contained relatively little original material, it represented the most comprehensive statement until that time by any of the Party leaders of the Communist theory of the state in all of its ramifications. Accordingly, it provides a clear expression of his early views regarding the political aspects of building socialism in Russia. This work was first published in 1919 in a collection of articles entitled, *Oktiabr'skii perevorot i diktatura proletariata*, and was reissued in separate publications as well as in a collection of Bukharin's works entitled, *Ataka; sbornik teoreticheskikh statei*, published in 1924, from which the following text is taken.

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

«В конечном счете» *всякая* теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это «верно в квадрате» по отношению к общественным наукам. Они являются направляющей всем видимой двигательной силой, и тут особенно ярко сказывается положение Маркса, что «и теория становится силой, если она овладевает массами».

Но, чтобы теория двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теорией. А чтобы она была правильной теорией, для этого она должна удовлетворять некоторым общим «методологическим» требованиям.

Таким требованием для общественно-теоретических построений является требование *историчности*. Это значит, что всякую полосу общественного развития нужно понять в особых, ей, и *только* ей, свойственных чертах; духу настоящей общественной науки прямо претит бестолковое повторение «вечных истин», прогоркая жвачка, достойная ученых коров либерализма.

Однако этой по существу своему глубоко-революционной *диалектической* точки зрения не могут усвоить себе ни буржуазные ученые, ни пустопорожние болтуны из «живых трупов» распавшегося II Интернационала. Типичным образчиком их служит *Каутский*.

С началом империалистической эпохи, когда история поставила перед рабочим классом задачу, во-первых, *понять* новый цикл развития, а во-вторых, так или иначе на него *реагировать*, Каутский окончательно растерялся, и тот жалкий лепет, та невинная (и вместе с тем ядовитая) розовая водица, которою он кропил немецкий пролетариат, теоретически оказались *протитуированием* марксизма, а практически вели к полному *ренегатству*. Каутский абсолютно не понял *особенностей* империалистской эпохи, ее специфического характера. В империализме он видел лишь историческую случайность, какой-то «грех» капиталистического развития, патологическое явление, которое можно было излечить заклинаниями и формулами третейских судов и разоружений, — формулами, взятыми напрокат у убогого буржуазного пацифизма. Известно, каков был результат. Не кто иной, как Каутский, пугал рабочих «вражеским нашествием» и благословил политику шейдемановцев, — подлую политику «защиты» разбойничьего буржуазного отечества.

Теперь наступает опять *новая* историческая полоса. Кривая империалистского развития, все время шедшая вверх, начинает катастрофически падать вниз. Наступает эпоха *разложения капитализма*, за которой непосредственно следует *диктатура пролетариата*, рождающаяся в муках *гражданской войны*.

Это — период, еще более «неудобный» для трусливых и подлых душ. Здесь все летит на-смарку, все старое, гнилое, отжившее. Здесь не может быть места ни теории, ни практике Буриданова осла. Здесь нужно выбирать и *действовать*.

И опять мы видим, что Каутский, который все время войны занимался, — правда, умеренным, — лизанием генеральского сапога и проповедывал «осторожность», теперь занимается благородной задачей обстрела большевиков и изливанием помоев на советскую республику, благо это весьма одобряется начальством. Если рассматривать его, — *sit venia verbo*, — «взгляды» с логической стороны, опять-таки обнаружится полное неумение исторически проанализировать вопрос, подойти к нему не с точки зрения общей фразы, а с точки зрения революционной диалектики.

Советская республика, — это величайшее завоевание пролетариата, — должна быть рассмотрена как форма *пролетарской диктатуры*, как особая форма *государственной власти*, неизбежно возникающая в определенный исторический период, несмотря на то, хотят или не хотят иметь ее господа Даны, Керенские, Каутские и Шейдемань.

Но для того, чтобы понять историческую правомерность диктатуры пролетариата, необходимо, как говорят немцы, «проветилировать» сперва вопрос о государстве вообще.

1. Общая теория государства

Если даже оставаться в плоскости чисто теоретических оценок, можно заметить, какой громадный шаг назад сделали многие «выдающиеся мыслители» за время войны как раз в *этой* области. То, что раньше, и по заслугам, обозначалось как беспардонное пустозвонство, котируется сейчас как величайшая ценность на бирже воинствующей «науки» наших дней. Взрослые люди залепетали, как двухлетние ребята. Нечленораздельные звуки, которые издаются теперь Шейдеманами и Данами всех стран, — лучшее тому доказательство. И поэтому пусть не посетует на нас читатель, если мы прежде всего постараемся напомнить кое-какие «забытые слова».

Существует бесконечное множество всяких «дефиниций» государства. Мы проходим мимо всех тех теорий, которые видят в государстве какую-либо теологическую или метафизическую сущность, «сверхразумное начало», «реальность моральной идеи» и т. д. Неинтересны для нас и многочисленные теории юристов, которые, рассматривая дело с ограниченной точки зрения формально-юридической догматики, вертятся в порочном кругу, определяя государство через право, а право — через государство. Такие теории не дают никакого положительного знания, потому что они лишены социологического фундамента, они висят в воздухе. Государство же невозможно понять иначе, как явление социальное. Необходима, следовательно, *социологическая* теория государства. Такую теорию и дает *марксизм*.

С точки зрения марксизма государство есть наиболее общая организация господствующего класса, основной функцией которой являются защита и расширение условий эксплуатации классов поработанных. Государство есть отношение между людьми, и притом, — поскольку мы говорим о классах, — отношение господства, власти, порабощения. Правда, уже 2500 лет до Р. Х., в знаменитом вавилонском кодексе Хаммураби, было заявлено, что «целью правителя являются обеспечение в стране права, уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому».² В существеннейших чертах эти идилические благоглупости с серьезнейшим видом преподносятся

и теперь.³ Сия «истина» совершенно аналогична утверждению, что целью предпринимательских союзов является повышение заработной платы рабочих. В действительности, поскольку имеется сознательно регулируемая организация государственной власти, поскольку можно, следовательно, говорить вообще о постановке *целей* (что предполагает уже известную высоту общественного и государственного развития), эти цели определяются интересами господствующих классов и *только ими*. Так называемые «общепользные функции» суть лишь *conditio sine qua non*, необходимые условия существования государства; точно так же и любая синдикатская организация ставит себе *целью* (мы подчеркиваем именно эту сторону дела: *цели* организации) отнюдь не производство *an und für sich*, а получение прибыли и сверхприбыли, хотя *без* производства не могло бы жить человеческое общество. «Общественнополезные» функции буржуазного государства суть, следовательно, *условия* максимально длительной и максимально успешной эксплуатации классов угнетенных, в первую голову пролетариата. Эволюция этих функций определяется двумя моментами: во-первых, непосредственной заинтересованностью командующих классов (без железных дорог невозможно развитие капитализма, — отсюда постройка железных дорог; чрезмерное вырождение нации лишает государство необходимого ему солдатского материала, — отсюда санитарные мероприятия etc.); во-вторых, соображениями стратегии против угнетенных классов (так называемые «уступки» под давлением снизу), — здесь предпочитается наименьшее с точки зрения верхов зло. И в том, и в другом случаях действует «принцип экономии сил» в целях создания наилучших условий для эксплуатационного процесса. Регулятивным принципом поведения для государственной власти служат интересы господствующего класса, которые лишь прячутся под псевдонимом интересов «нации», «целого», «народа» и пр. Всюду государство является организацией «наиболее могущественного, господствующего экономического класса, который благодаря ему становится и политически господствующим, приобретая себе таким образом новое средство для обуздания и эксплуатации классов поработенных».⁴

Являясь наиболее общей организацией господствующего класса, государство возникает в процессе общественной дифференциации. Оно есть продукт *классового* общества. В свою очередь процесс социального расщепления есть производная экономического развития, а отнюдь не простой результат голого насилия со стороны групп победителей иноземного происхождения, как то утверждают некоторые экономисты и социологи (Гумплович, Оппенгеймер), которые в данном пункте по существу дела лишь повторяют пресловутого Дюринга. Вот как определяет «историческое государство» *Франц Оппенгеймер*:

«По *форме*, — пишет этот автор, — оно (государство) есть правовая институция, навязанная победоносной группой группе побежденной. Его *содержанием* является планомерная эксплуатация (“Bewirtschaftung”) подчиненной группы».⁵

«Классы созданы при помощи политических средств и могли быть созданы только политическими средствами».⁶

Таким образом классы являются, по Оппенгеймеру, лишь трансформированными группами победителей и побежденных, а вовсе не законным

дитятей экономического развития. Их появление связано *исключительно* с «внеэкономическим фактором».

В этой теории «происхождения классов» и государства верно лишь одно, — что конкретная история есть история насилий и грабежа. Но этим вопрос отнюдь не исчерпывается, ибо в действительности ни «правовые институты», ни производственные отношения определенного типа не могут возникнуть и *удержаться*, раз в экономическом развитии данного общества нет для этого достаточной почвы. В частности для появления классов и упрочения их в качестве основной общественной категории этим базисом являлась хозяйственная дифференциация в связи с ростом *разделения труда и частной собственности*.⁷

Образование классов *логически* отнюдь не предполагает завоеваний, и история приводит нам примеры образования классов помимо всякого «завоевания». Таково образование государства в Северной Америке. Правда, обычно не дооценивают зародышей северо-американского феодализма и господства поземельной аристократии.⁸ Однако эволюция капиталистических отношений Америки становится совершенно непонятной с точки зрения «чистой теории завоевания».

Кажущийся радикализм аналогичных теоретических конструкций имеет весьма апологетические корни, ибо здесь идет нападение не на основы товарного хозяйства, — частную собственность, а лишь на монополистическую форму этой последней, как будто эта монополистически превращенная форма не есть логическое и историческое продолжение элементарной формы простого товарного хозяйства. На самом деле государство, как и классы, «никоим образом не является силой, навязанной обществу извне... оно есть, наоборот, продукт этого общества на известной ступени развития».⁹

Если конститутивный признак государства, его «сущность» видеть в том, что оно есть всеобщая организация господствующего класса, то необходимо признать, что государство есть категория историческая. Таков был взгляд Маркса и Энгельса. Точно так же, как капитал, по Марксу, не есть вещь, именно средства производства *an und für sich*, а общественное отношение, выраженное в вещи, «сущность» государства заключается не в его технико-административной роли, а в *отношении господства*, которое скрывается под этой административно-технической оболочкой.¹⁰ Но так как это отношение господства есть выражение классовой структуры общества, то вместе с исчезновением классов исчезнет и государство. Таким образом государство имеет не только свое историческое начало, но и свой исторический конец. «Даже радикальные и революционные политики, — писал Маркс, — вскрывая ограниченную точку зрения своих современников, ищут корень зла не в сущности (Wesen) государства, а в определенной государственной форме, на место которой они хотят поставить другую государственную форму».¹¹ Еще решительнее говорит Энгельс: «Все социалисты, — утверждает он, — согласны в том, что государство, а вместе с ним и политическая власть (Autorität) исчезнут в силу грядущей социальной революции, — другими словами, что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, блюдущие общественные интересы».¹²

В «Анти-Дюринге» Энгельс заявляет, что государство должно «отмереть»

(absterben). В «Происхождении семьи etc.» он помещает государство в музей древностей будущего общества «наряду с бронзовым топором и прялкой». Приведенные цитаты (а их можно было бы, конечно, увеличить) вовсе не случайны, — наоборот. Здесь выступают специфические особенности марковского метода, который рассматривает общественные явления не как вечные и неизменные категории, а как преходящие явления, возникающие и исчезающие на определенной ступени общественного развития. Это, таким образом, не вопрос терминологии, как хотят изобразить дело некоторые критики, точно так же, как вовсе не терминологическое словопроение заключается в споре, есть ли палка дикаря — капитал или просто палка.¹³ Для Маркса критерием различения, логическим *fundamentum divisionis* было различие типов отношений между людьми, а не фетишистски извращенная «поверхность явлений». Понять общественное развитие как процесс непрерывного изменения этих типов («социально-экономических структур») и было собственно задачей Маркса. Таким же путем подходил он и к вопросу о государстве, как *политическому выражению широкой социально-экономической категории: классового общества*. И точно так же, как буржуазные экономисты, точка зрения которых статична и неисторична, не могут понять специфической точки зрения Маркса на экономические категории, — так и юристы и социологи буржуазии не понимают и марксистского взгляда на государство. «Теория Маркса, — говорит, напр., Гумплович, — содержит новое и в значительной степени правильное понимание государства». Но... «ужасная ошибка социализма коренится в том, что он верит, будто государство делает себя излишним».¹⁴ Так говорит «радикальный» Гумплович. Другие его коллеги могут уже *ex officio* не понимать Маркса.¹⁵

Итак, коммунистическое общество есть *безгосударственное* общество, потому что это есть общество *бесклассовое*. Но если коммунизм отрицает государство, то что же означает завоевание государственной власти пролетариатом? Что означает диктатура рабочего класса, о которой так много говорили и говорят марксисты? На этот вопрос ответ дается ниже.

2. Диктатура пролетариата и ее необходимость

Предварительно одно небольшое замечание. До каких пределов может доходить ренегатство бывших социалистов, видно из специальной брошюры Каутского, выпущенной против большевиков (Karl Kautsky, "Die Diktatur des Proletariats", Wien 1918, Verl. Ignaz Brand).

В этом «элаборате» отреченской мысли мы находим, между прочим, такое поистине классическое место: «Тут (т.-е. для оправдания своей диктатуры. Н. Б.) вспомнили (большевики) кстати *слово* о диктатуре пролетариата, которое Маркс *однажды*, в 1875 году, употребил *в одном из писем*».¹⁶ Для Каутского все учение о диктатуре, в котором сам Маркс видел *основу* теории революции, превратилось в пустенькое «слово», случайно оброненное «в одном из писем»! Немудрено, что в теории диктатуры Каутский видит «*новую*» теорию.

Эту «новую» теорию, однако, мы почти целиком имеем у Маркса.

Маркс ясно видел необходимость *временной* государственной организации рабочего класса, его диктатуры, потому что он видел неизбежность це-

лого исторического периода, целой исторической полосы, которая будет иметь специфические особенности, отличающие ее и от капиталистического периода, и от периода коммунизма, как рационально построенного безгосударственного общества.

Особенности этой эпохи состоят в том, что пролетариат, разбивший государственную организацию буржуазии, вынужден считаться с ее продолжающимся в разных формах сопротивлением. И именно для того, чтобы это сопротивление преодолеть, необходимо иметь сильную, крепкую, всеобъемлющую и, следовательно, *государственную* организацию рабочего класса.

Маркс ставил вопрос о диктатуре пролетариата более абстрактно, чем ставит его конкретная действительность. Как в своем анализе капиталистического производства он брал капиталистическое хозяйство в его «чистой» форме, т.-е. в форме, не осложненной никакими пережитками старых производственных отношений, никакими «национальными» особенностями и т. д., точно так же и вопрос о диктатуре рабочего класса у Маркса ставился как вопрос о диктатуре рабочего вообще, т.-е. о диктатуре, уничтожающей капитализм в его чистом виде.

Иначе и нельзя было ставить вопроса, если ставить его абстрактно-теоретически, т.-е. если давать самую широкую алгебраическую формулу диктатуры.

Теперь опыт социальной борьбы позволяет конкретизировать вопрос по самым разнообразным направлениям. И прежде всего этот опыт указывает на необходимость самой решительной, действительно *железной* диктатуры рабочих масс.

Социалистическая революция, тот *насильственный переворот*, о котором говорил еще «Коммунистический манифест», не совершается по мановению дирижерской палочки сразу во всех странах. Жизнь гораздо запутаннее и сложнее «серой теории». Капиталистическая оболочка лопается не одновременно повсюду, а начинает расползаться в тех местах, где буржуазная государственная ткань наименее крепка. И тут перед победившим пролетариатом ставится проблема отражения внешнего врага, чужеземного империализма, всем ходом развития неизбежно толкаемого на разрушение государственной организации пролетариата.

Одна из величайших заслуг товарища Ленина состоит в том, что он первый во всем марксистском лагере поставил вопрос о *революционных войнах* пролетариата.¹⁷

А, между тем, это — одна из самых важных проблем нашей эпохи. Ясно, что грандиозный мировой переворот будет включать и оборонительные, и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы *отбиться* от наступающих империалистов, наступательные — чтобы *добить* отступающую буржуазию, чтобы поднять на восстание угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрепостить колонии, чтобы закрепить завоевания пролетариата.

Современный капитализм есть *мировой* капитализм. Но этот мировой капитализм не есть организованная единица, а анархическая система борющихся всеми средствами государственно-капиталистических трестов.¹⁸ Однако он есть *мировая* система, все части которой связаны друг с другом.

Как раз поэтому европейская война превратилась в *мировую войну*. Но, с другой стороны, относительная дробность мирового хозяйства, соединенная с *различным* положением империалистских государств, вызвала мировую войну не как одновременно наступившее явление, а как *процесс постепенного стягивания* в войну одной капиталистической страны за другой. Италия, Румыния, Америка выступили значительно позднее. Но как раз выступление Америки и превратило войну в войну, захватившую оба полушария, т.-е. в *войну мировую*.

Аналогично развивается и *мировая революция*. Это есть процесс деградации капитализма и восстания пролетариата, где одна страна следует за другой. При этом причудливо переплетаются самые различные моменты: империалистской войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри стран и, наконец, классовой войны между государственно-организованной буржуазией (империалистскими государствами) и государственно-организованным пролетариатом (советскими республиками).

Однако, чем дальше развиваются события, тем резче выступает на первый план момент *классовой войны*. Знаменитый «союз народов», о котором буржуазные пацифисты прожужжали все уши, все эти «лиги наций» и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-предательские банды, на самом деле суть *не что иное, как попытки создания священного союза капиталистических государств на предмет совместного удушения социалистических восстаний*.¹⁹ Маркс правильно указывал, что партия революции сплачивает партию контр-революции. И это положение верно по отношению к мировой революции пролетариата: мировой революционный процесс, или, как его теперь называют с полным правом, «мировой большевизм» — сплачивает силы международного капитала.

Но подобная «внешняя» конъюнктура не может не иметь громадного «внутреннего» значения. Если бы не было наличия империалистских сил во-вне, побежденная отечественная буржуазия, опрокинутая в открытом столкновении классов, не могла бы надеяться на буржуазную реставрацию. Процесс *деклассирования* буржуазии шел бы более или менее быстро, а вместе с тем исчезала бы и необходимость в специальной организации противобуржуазной репрессии, в государственной организации пролетариата, в его диктатуре.

Однако действительное положение дел как раз обратно. Буржуазия, уже сваленная, уже разбитая в какой-нибудь одной или каких-нибудь двух-трех странах, имеет еще громадные *резервы в лице иностранного капитала*. А отсюда вытекает, что ее сопротивление *затягивается*. Опыт русской революции блистательно подтверждает это. Саботаж, заговоры, мятежи, организация кулацких восстаний, организация банд с бывшими генералами во главе, чехо-словацкая авантюра, бесчисленные «правительства» окраин, опирающиеся на иноземные штыки и кошелек, наконец, карательные экспедиции и походы на Советскую Россию со стороны всего капиталистического мира, — это явления одного и того же порядка.

Из такого совершенно неизбежного *неотвратимого* хода исторических событий можно и должно сделать *два* вывода: во-первых, перед нами целый *период* ожесточеннейшей борьбы не на живот, а на смерть; во-вторых, для того, чтобы этот период был изжит возможно скорее, необходим режим

диктатуры вооруженного пролетариата. Тактическое правило выводится здесь из научно-поставленного прогноза, для которого есть все данные.

Конечно, все на свете можно оспаривать. Есть жалкие софисты, жизненное назначение которых состоит в бесконечном схоластическом переливании из пустого в порожнее. Таков как раз Каутский. Он не мог понять смысла *империализма*. Теперь он не может понять смысла следующей фазы, эпохи социалистических революций и пролетарской диктатуры. «Я ожидаю, пишет сей «рабочий» вождь, — что социальная революция пролетариата примет совершенно особые формы, чем революция буржуазии; что пролетарская революция, в противоположность буржуазной, будет бороться «мирными» средствами экономического, законодательного и морального порядка повсюду, где укоренилась демократия».²⁰

Трудно, конечно, спорить с ренегатами, которые переучились настолько, что в военных ботфортах Тафта видят демократию.

Но у нас перед глазами пример действительно демократической страны, где демократия действительно «укоренилась»: это — Финляндия. И пример этой *единственной* страны показывает, что гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключаяющей всякую почву для «мирных» и «законодательных» (!!) методов.

Каутский пытается установить, что под диктатурой Маркс подразумевал не диктатуру, а что-то совсем другое, ибо, мол, слово «диктатура» может относиться только к отдельному лицу, а не классу. Но стоит только привести мнение *Энгельса*, который отлично видел, чем должна быть диктатура пролетариата, чтобы понять, как далеко ушел Каутский от марксизма. Энгельс писал против анархистов:

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством *ружей, штыков, пушек*, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И *победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством страха, который внушает реакционерам ее оружие*. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, *порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом?* (Здесь нужно перевести: «своей властью» *“autoriata”*. Н. Б.).²¹

И Энгельс, и Маркс прекрасно понимали грядущее положение. Теперь, когда у нас на-лицо опытное подтверждение этого взгляда, говорить о «мирных» и «законодательных» путях просто смешно.

Начавшаяся *эпоха революции* требует соответствующей ориентировки. Если эпоха эта есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны*, то совершенно естественно, что политическая форма господства рабочего класса должна носить своеобразно *милитарный* характер. Здесь должна быть новая форма власти, — диктаторской власти класса, «штурмующего небо», — как говорил Маркс о парижских коммунарах.

По Каутскому, Маркс писал не о «форме правительства» (*Regierungsform*), а о «фактическом состоянии» (*einem Zustande*), когда он писал о диктатуре. На самом деле Маркс писал о чем-то *большем*, чем «форма правительства». Он писал о новом совершенно своеобразном *типе госу-*

дарства. На той же странице, где Каутский «опровергает» тезисы о диктатуре, написанные автором этих строк,²² он приводит цитату из Маркса, который говорит о том, что Коммуна была, «наконец, открытой *политической формой*» пролетарской диктатуры, а вовсе не случайным «состоянием».

Итак, между коммунизмом и капитализмом лежит целый исторический период. На *это время* еще сохраняется государственная власть в виде пролетарской диктатуры. Пролетариат является здесь *господствующим классом*, который прежде чем распустить себя, как класс, должен раздать всем своих врагов, перевоспитать буржуазию, переделать мир по своему образу и подобию.

3. Крах демократии и диктатура пролетариата

Одним из самых существенных вопросов, которые играют крупнейшую практическую роль, является вопрос о соотношении между «демократией» и диктатурой рабочих.

Марксисты не выдумывают из головы чисто рационалистическим образом «форм правления». Они улавливают основные тенденции развития и свои цели соотносят с этими тенденциями. Так и только так нужно подходить и к вопросу о диктатуре.

При этом нужно помнить, что политическая форма есть «настройка» над определенной экономической структурой, что она выражает определенное соотношение *между классами* и что политическая скорлупа неизбежно разлетается в прах, если она не находит себе опоры в структуре классовых соотношений.

Выше мы дали общую оценку начавшейся эпохи. Это — эпоха все более и более нарастающих гражданских войн, переходящих в организованную классовую войну. Поэтому первый вопрос, который мы должны задать, это — вопрос о том, совместима ли *гражданская война* с демократическими формами, или нет.

Но предварительно одно маленькое замечание. Наши противники, и в их числе Каутский, толкуют о демократии, как о чем-то существующем. Но это *заведомая ложь*. Сейчас не существует демократических государств. То, что существует сейчас в Европе, Америке и Японии, есть *диктатура финансового капитала*. Именно это — исходный пункт развития.

Следовательно, вопрос должен быть поставлен так: *можно ли в эпоху гражданской войны организовать пролетарское государство в формах старой буржуазной демократии, везде и всюду уничтоженной финансовым капиталом?*

Демократия, поскольку мы подразумеваем под этим словом определенный политический строй, была до сих пор одной из форм, — самой утонченной формой, — господства буржуазии. В чем состояла основная предпосылка демократического устройства? В наличии ряда *фикций*, которые чрезвычайно ловко использовались для систематического обмана масс. Основной такой фикцией было понятие *общенародной воли*, «нации», «целого». Вся система демократических учреждений покоится на «общенародности». Нетрудно понять классовый смысл «общенародных» норм. Понятно, что в действительности есть *классы* с противоположными непримиримыми ин-

тересами; понятно, что ни о какой «общенародной» воле, которая объединяла бы и рабочих, и капиталистов, в действительности нет и речи. Но буржуазии нужна, ей *необходима* фикция «общенационального». Буржуазия — правящее меньшинство. Но как раз потому, что она — меньшинство, ей приходится, чтобы держать массы в повиновении, говорить от имени «всей нации», ибо она не может *открыто* говорить от имени кучки. Таким образом возникает фетиш общенародной воли, и *буржуазия* выступает, как *нация*, как «страна», а *буржуазная государственная организация* — как общее всем «отечество».

Пролетарская революция есть, однако, разрыв гражданского мира, — это есть *гражданская война*. Гражданская же война вскрывает истинную физиономию общества, расколотого на классы. Как раз в огне гражданской войны стораает общенациональный фетиш, а классы размещаются с оружием в руках по различным сторонам революционной баррикады. Поэтому неудивительно, что в процессе революционной борьбы пролетариата неизбежно возникает *распад* всех тех форм, всех учреждений и институтов, которые носят видимость «общенационального». Это есть опять-таки совершенно *неотвратимый*, исторически абсолютно неизбежный процесс, хотят его или не хотят отдельные люди, отдельные группы или даже некоторые промежуточные классы, ибо гражданская война имеет свою внутреннюю логику, и раз она дана, тем самым дан и процесс распада старых форм, где буржуазия господствовала под псевдонимом всего общества.

Эти соображения, выдвигавшиеся некоторыми товарищами и до октябрьской революции, получили теперь опять-таки опытное подтверждение. Какую область ни взять, всюду и везде мы видим одно и то же: общенациональные, «общедемократические» институты *немыслимы*, при данном соотношении сил они *невозможны*.

Возьмем одну из главных составных частей всякой государственной власти — *армию*. Для всякого неутописта ясно, что общенациональная армия *теперь* немыслима. Пролетариат не может пускать в свою армию буржуазию, и Советская республика организует рабоче-крестьянскую *красную армию*. Но и для буржуазии все более опасно становится пускать в свою армию принудительно набранных рабочих и крестьян; поэтому она вынуждена организовать *белую гвардию*. Там же, где пробуют организовать «общенациональный» военный аппарат, с буржуазными контр-революционерами во главе (ср., напр., «народную армию» чехо-словацко-белогвардейских сил), этот аппарат неизбежно разлагается и погибает, ибо конструкция его по *теперешним* временам внутренне противоречива.

То же самое происходит по всей линии, вплоть до экономики: на фабрике становится невозможным «межклассовое» сожительство буржуа и пролетария; общие «домовые комитеты» распадаются и заменяются домовыми комитетами *бедноты*; деревенские общие советы разрушаются, и на их место ставятся комитеты *деревенской бедноты*; в муниципалитетах не могут ужиться рядом те, кто на улицах стоит друг против друга с оружием в руках, и муниципалитеты заменяются отделами рабочих классовых советов; Учредительное Собрание по той же причине существовать не может; старые парламенты взрываются вместе со всякой «общенациональной» конституцией.

Можно, конечно, сказать, что во всех этих рассуждениях есть логическая ошибка, что все это — только *petitio principii*, что здесь вместо доказательства правомерности действий большевиков *описываются* эти действия.

Но это не так. Наши враги, яростные сторонники «дум» и «Учредилки», только на словах стоят за общедемократические формулы. Ведь вместо Учредилки есть один только *правый*, т.-е. *классовый*, сектор, а во всех думах и пр. Сибири и «Чехо-Словакии» торжественно заявлялось, что там есть всеобщее избирательное право, но *нет места представителям антигосударственных партий*, т.-е. большевикам, а следовательно, рабочему классу.

Было бы смешно думать, что все это — случайные, «патологические» явления. На самом деле здесь происходит распад того, что могло быть связано лишь при одном условии: при таком положении вещей, когда пролетариат находится под гипнозом буржуазной идеологии, когда он не сознает себя еще, как класс, ниспровергающий буржуазию, когда он рассматривает себя, как часть не подлежащего изменению целого. Победа пролетариата, полная и окончательная, его *мировая* победа, восстановит *в конце концов* единство общества на новых началах, на началах деклассирования всего общества. Тогда осуществится полный безгосударственный коммунизм. Но до этого периода предстоит пройти через жестокую борьбу, которая не мирится ни с какими иными формами, кроме диктатуры: если побеждает рабочий класс, тогда будет *диктатура рабочих*; если побеждает буржуазия, это будет *диктатура буржуазии и ее генералов*.

Можно подойти к вопросу и с несколько другой точки зрения, хотя по существу здесь будет речь идти о том же. Можно выделить основные классовые силы и посмотреть, кто же будет носителем власти. Каутский, который в 1905—1906 г.г. писал о русской революции, как о революции не буржуазной, а «своеобразной», теперь, через 12 лет после того, как в России сформировался финансовый капитал, пишет о в сотни раз более зрелой октябрьской революции, как о революции буржуазной. Но если, по Каутскому, историческое развитие идет так же, как и развитие самого Каутского, то-есть *вспять*, то, следовательно, у власти должна стоять буржуазия. Но буржуазия хочет военной диктатуры генералов, чего абсолютно не хочет пролетариат. Мелкая буржуазия, интеллигенция и пр. не могут быть властью, это — азбука для марксиста. Крестьянство сейчас дифференцировано, — у нас происходит революция в деревне. Но ни один слой крестьянства не может играть самостоятельной роли. Остается один пролетариат. Власть пролетариата, однако, ставит на дыбы не только крупную буржуазию, но и «среднее сословие». Тем не менее пролетариат достаточно силен, чтобы, ведя за собой деревенскую бедноту, разбить своих врагов. При таком положении не может быть иного выхода, как *диктатура пролетариата*.

Предатели социализма больше всего боятся «беспокойства». Таков и Каутский. Он проповедывал «мирный» капитализм, когда этот капитализм убивал десятки миллионов на полях сражений. Теперь он проповедует «мирную революцию», чтобы удержать пролетариев от восстания против капитала. Он всерьез пишет «о безопасности и покое», которые нужны для революционного строительства, и потому он из всех сил протестует против «самой страшной» *гражданской* войны. Предпосылкой его поистине чудо-

вищной по своему ренегатству критики является жажда мещанского спокойствия. Демократия, т.-е. такая форма *господства буржуазии*, которая предохраняла бы наилучшим образом от возмущения пролетариата, — вот его *конечный* идеал.

Что это так, — ясно видно хотя бы из одного замечания: «В боях за... политические права возникает современная демократия, зреет пролетариат; вместе с тем возникает новый фактор: *охрана меньшинства, оппозиции* в государстве. Демократия означает господство большинства. Но в не меньшей мере она означает охрану меньшинства».²³ А потому теперь, по Каутскому, и необходима демократия.

Стоит взглянуть только на это великолепное рассуждение, чтобы увидеть, что Каутский ровно ничего не понимает в текущих событиях. Разве можно советовать русскому пролетариату охранять права «меньшинства», т.-е. права *контр-революции*, мягко называемой добреньким Каутским «оппозицией»? Охранять права чехо-словаков, царских охранников, генералов, спекулянтов, попов, всех тех, кто идет с бомбой и револьвером против пролетариата, — это значит либо быть дураком, либо быть политическим шарлатаном. Но это нужно делать с точки зрения тупого мещанина, стремящегося примирить классы и не понимающего, что крупная буржуазия, подержанная им, расправившись с пролетариатом, пожрет и его, своего помощника.²⁴

Всякое государство есть орудие насилия. В моменты острых классовых битв это орудие должно действовать особенно интенсивно. Поэтому в эпоху гражданской войны тип государственной власти неизбежно должен быть диктаторским. Но это определение есть определение формальное. Важен *классовый характер* государственной власти. И поскольку государственная власть находится в руках пролетариата, постольку до его решающей победы во всем мире она неизбежно должна носить характер диктатуры.²⁵ Пролетариат не только не дает никаких «свобод» буржуазии, — он применяет против нее меры самой крутой репрессии: он закрывает ее прессу, ее союзы, силой ломает ее саботаж и т. д., и т. п., точно так же, как буржуазия в свое время делала это с агентами помещичье-царского режима. *Но зато пролетариат не на словах, а на деле, дает широчайшую свободу трудящимся массам.*

Этот пункт нужно особенно подчеркнуть. Все «демократические свободы» носят *формальный, чисто декларативный* характер. Таково, например, демократическое «равенство всех перед законом». Это «равенство» прекрасно воплощается в формальном «равенстве» продавца рабочей силы рабочего, и покупателя ее — капиталиста. Это есть *лицемерное* равенство, за которым скрывается действительное порабощение. Здесь равенство прокламируется, но по сути дела *фактическое* экономическое неравенство превращает равенство формальное в пустой призрак. Немногим лучше и свобода печати, прессы и т. д. для рабочих, которая дается буржуазной демократией. Здесь прокламируют «свободу», но рабочие ее не могут реализовать: фактическая монополия на бумагу, типографии, машины и т. д. со стороны класса капиталистов превращает почти в ничто печать рабочего класса. Это напоминает приемы американской цензуры: она часто не просто запрещает рабочие газеты, а «всего-на-всего» запрещает почте их распространять. и таким

образом формальная «свобода печати» сводится к полному ее удушению.

Точно то же происходит с рабочими собраниями; рабочим предоставляется «право» на собрания, но им не предоставляется *помещений* для этой цели, а уличные собрания воспрещаются под предлогом «свободы уличного движения».

Диктатура рабочего класса уничтожает формальное равенство *классов*, но тем самым она освобождает рабочий класс от материального порабощения. «Свобода договора» исчезает вместе со «свободой торговли». Но это нарушение «свободы» капиталистического класса дает *гарантию действительной свободы* для трудящихся масс.

Центр тяжести переносится именно на эти *гарантии*. Советская власть не просто прокламирует свободу рабочих собраний, а предоставляет все лучшие залы городов, все дворцы и театры для рабочих собраний, для организаций рабочего класса и т. д. Она не просто прокламирует свободу рабочей печати, а предоставляет в распоряжение рабочих организаций всю бумагу, все печатные станки, все типографии, реквизируя и конфискуя все это у прежних капиталистических владельцев. Простой подсчет домов под рабочими и крестьянскими организациями — партийными, советскими, профессиональными, фабрично-заводскими, клубными, культурно-просветительными, литературными и т. д., которых *никогда* не было так много, покажет, что делает Советская власть для этой действительной свободы и действительного раскрепощения трудящихся масс.

Чрезвычайно характерно, что Каутский, критикующий наши тезисы, мошеническим образом обрывает цитату *как раз* на том месте, которое говорит об этих *гарантиях* свободы для рабочего класса. Самое существенное Каутский выбросил для того, чтобы еще раз *обмануть* пролетариат.

Нам остается рассмотреть здесь еще один вопрос, а именно — вопрос о том, почему коммунисты стояли раньше за буржуазную демократию, а теперь идут против нее.

Понять это нетрудно, если стоять на *марксистской* точке зрения. Марксистская точка зрения отрицает все и всяческие абсолюты. Она есть *историческая* точка зрения. Поэтому совершенно ясно уже *a priori*, что конкретные лозунги и цели движения всецело зависят от *характера эпохи*, в которой приходится действовать борющемуся пролетариату.

Прошлая эпоха была эпохой накопления сил, *подготовки* к революции. *Текущая* эпоха есть эпоха *самой революции*. Из этого основного различия вытекает и глубокое различие в конкретных лозунгах и целях движения.

Пролетариату нужна была раньше демократия потому, что он *не мог* еще реально помышлять о диктатуре. Ему нужна была свобода *рабочей* прессы, *рабочих* собраний, *рабочих* союзов и т. д. Ему и тогда были вредны *капиталистическая* пресса, черные *капиталистические* союзы, собрания локкаутиков. Но пролетариат не имел сил выступить с требованием роспуска буржуазных организаций, — для этого ему нужно было бы свалить буржуазию. Демократия была ценна постольку, поскольку, она помогала пролетариату подняться на ступеньку выше в его сознании. Но пролетариат *вынужден* был тогда облекать свои *классовые* требования в «общедемократическую» форму, — он *вынужден* был требовать не свободы *рабочих*

собраний, а свободы собраний вообще (следовательно, и свободы контр-революционных собраний), свободы прессы вообще (а следовательно, и черносотенной прессы) и т. д. Но из нужды нечего делать добродетели. Теперь, когда наступила эпоха прямого штурма капиталистической крепости и подавления эксплуататоров, только убогий мещанин может довольствоваться рассуждениями о «защите меньшинства».²⁶

4. Советская власть как форма пролетарской диктатуры

Выше мы уже отмечали, что длительный характер затягивающейся гражданской войны требует не просто единичных мероприятий против буржуазии, но и соответствующей *государственной организации*. Мы рассматривали эту организацию только как *диктатуру*, т.-е. форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти.

Теперь нам необходимо выяснить особенности *пролетарской диктатуры* как совершенно нового *типа государства*.

Необходимость нового типа государства отлично понималась и Марксом, и Энгельсом. Именно поэтому они и стояли не на точке зрения завоевания *буржуазного* государства (в том числе и *демократии*, гражданин Каутский!), а на точке зрения *взрыва* (*Sprengung*), *ломки* (*Zerbrechen*) государственной машины. Они с величайшим презрением относились к «государственному хламу», к «народному государству» («*Volksstaat*»), о котором так заботились оппортунисты.²⁷

Чем же определяются особенности нового государственного типа?

Они зависят от двух причин:

Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была диктатурой кучки;²⁸ во-вторых, всякая прежняя государственная власть ставила своей целью сохранение и упрочение *процесса эксплуатации*. Наоборот, совершенно ясно, что большинство не может жить за счет кучки, и пролетариат не может эксплуатировать буржуазию. Целью пролетарской диктатуры являются *ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики*, «диктаторское посягательство» (Маркс) на права частной собственности. Основным смыслом пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть *рычаг экономического переворота*.

Если государственная власть пролетариата есть рычаг экономической революции, то ясно, что «экономика» и «политика» должны сливаться здесь в одно целое. Такое слияние мы имеем и при диктатуре финансового капитала в его классически-законченной форме, форме государственного капитализма. Но диктатура пролетариата переворачивает все отношения старого мира, — другими словами, *политическая диктатура рабочего класса* должна неизбежно быть и его *экономической диктатурой*.

Все вышесказанное вызывает прежде всего тот признак Советской власти, что *это есть власть массовых организаций пролетариата и деревенской бедноты*. В «демократии», столь любимой Каутским, все участие рабочего и крестьянина-бедняка в государственной жизни покоилось на том, что он раз в четыре года опускал билетик в избирательную урну

и уходил потом спать. Здесь опять-таки яснее ясного виден буржуазный обман масс путем систематического вколачивания в их головы разнообразных *иллюзий*. По *видимости* рабочие принимают участие в управлении государством, *фактически* они полностью *изолированы* от какого бы то ни было участия в управлении государством. Допустить такое участие буржуазия не может, но создавать фикцию она при известных условиях должна. Вот почему всякая форма правления меньшинства, будь то феодально-помещичье, торгово-капиталистическое или финансово-капиталистическое государство, неизбежно должна быть бюрократична. Она всегда, при всех и всяких условиях изолирована от масс, а массы изолированы от нее.

Совершенно иное видим мы в Советской Республике. *Советы* — непосредственная классовая организация. Это — не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это — сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, *все* рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих — важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры — Высшем Совете Народного Хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата Труда; фабрично-заводские комитеты — нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты — один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы — точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат — Центральный Исполнительный Комитет или Совет Народных Комиссаров.

В одной из самых замечательных своих брошюр²⁹ тов. Ленин писал, что задача пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы приучить даже каждую кухарку к управлению государством. И это был вовсе не парадокс. Через организации пролетариев города и деревенской бедноты, — организации, которые все глубже и глубже захватывают самую толщу народных масс, — эти массы, боявшиеся когда-то и думать о своей власти, начинают *работать* как органы этой власти. Никакое государство никогда и нигде не было таким близким к массам. Советская Республика есть в сущности громадная организация самих масс.

Мы подчеркиваем здесь и *другую сторону дела*, а именно то, что это — организация не только *рабочая* по преимуществу, но и *работающая*. В «демократических республиках» высшим органом является «парламент», в переводе на русский язык — «говорильня». Власть делится на законодательную и исполнительную. Путем посылки депутатов от рабочих в парламент (раз в 4 года) создается опять-таки фикция, что рабочие принимают участие в государственной *работе*. Но на самом деле этого не делают даже депутаты, ибо они говорят. Все же дела вершит специальная бюрократическая каста.

В Советской Республике законодательная власть соединена с исполнительной. Все ее органы, от самого верхнего до самого нижнего, суть *работающие коллеги*, связанные с массовыми организациями, опирающиеся на них и втягивающие через них всю массу в дело социалистического строительства.

Таким образом все рабочие организации становятся *правящими* организациями. Их функциональное значение изменяется. Иначе и не может быть в период пролетарской диктатуры, когда господином положения является рабочий класс, когда само государство есть *рабочая организация*.

Нужно иметь безнадежное тупоумие наших меньшевиков или Каутского, чтобы протестовать против превращения Советов в органы власти. «Теория» их состоит в сказке про белого бычка. Пусть Советы будут органами борьбы против правящей буржуазии. А дальше, когда победят? Пусть тогда они распустят себя, как органы власти, и снова начинают «борьбу», чтобы... не сметь побеждать.

Но возражения против власти Советов, против того, чтобы профессиональные союзы стали «казенными» учреждениями и т. д., имеют и другую сторону. Ни Каутский, ни меньшевики не хотят, чтобы *массовые организации* управляли государством и принимали *активное* участие в государственном строительстве. Таким образом, они стоят, что бы они ни заявляли, за комбинацию «говорильни» *плюс оторванная от масс бюрократия*. Дальше этого старого хлама их горизонт не распространяется.

Таким образом советская форма государства есть *самоуправление масс*, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. От центральных коллегий власти тянутся организационные нити к местным организациям по самым разнообразным направлениям, от них — к самим массам в их непосредственной конкретности. Эта связь, эти организационные нити никогда не обрываются. Они — «нормальное явление» советской жизни. Это — то *основное*, что отличает Советскую Республику от всех решительно форм государственного бытия.

Связь между политикой и экономикой, между «управлением над людьми» и «управлением над вещами» выражается не только в максимально тесной кооперации между экономическими и политическими организациями масс, но и в том, что даже выборы в Советы производятся не по чисто искусственным территориальным округам, а по данным *производственным единицам*: фабрикам, заводам, рудникам, селам, на местах работы и борьбы. Таким образом достигается постоянная *живая связь* между коллегией представителей, «*рабочих депутатов*», и теми, кто их посылает, т.-е. самой массой, сплоченной общими трудовыми усилиями, сконцентрированной самой техникой крупного производства.

Самостоятельность масс — вот основной принцип всего строительства Советской власти. И достаточно посмотреть, какую роль сыграли рабочие Петербурга, Москвы и других городов в деле организации Красной армии, с величайшим энтузиазмом дав на фронт тысячи товарищей, организаторов, агитаторов, бойцов, которые переделали и поставили армию на ноги. или взглянуть на рабочих, которые выросли на несколько голов, воспитались на деловой работе в разного рода советских экономических учрежде-

ниях, чтобы понять, какой колоссальный шаг вперед сделала Россия со времени октябрьской победы.³⁰

Советам принадлежит будущее, — этого не могут отрицать даже их враги. Но эти последние жестоко ошибаются, когда думают, что заграничные Советы поставят себе исключительно лакейские задачи и смогут стоять лишь на запятках господина капитала. *Советы, это — совершенная, открытая русской революцией форма пролетарской диктатуры.* И поскольку это так, — а это безусловно так, — постольку мы стоим на пороге превращения старых разбойничьих государств буржуазии в организации пролетарской диктатуры. Третий Интернационал, о котором так много говорили и писали, придет. Это будет *Интернациональная Советская Социалистическая Республика.*

¹ Сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», Москва, 1919 г.

² L. Gumplovicz, "Geschichte der Staatstheorien", Innsbruck 1905, S. 8.

³ См. напр., Loening: "Der Staat" в Handwörterbuch der Staatswissenschaften; Wygodzyn'sy, "Staat und Wirtschaft", Handbuch der Politik etc. Или из новых книг: Jerusalem, "Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre", S. 61.

⁴ Fr. Engels, "Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates", 3 Aufl., 1889, S. 137. «Государство есть организация владеющих классов для обороны против классов, не имеющих собственности» (ibid., 138). "La politique n'est qu'une méthode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété" (Achille Loria, "Les bases économiques de la constitution sociale", 2 éd., Paris 1903, p. 362).

⁵ F. Oppenheimer, "Staat und Gesellschaft", Handbuch der Politik, S. 117. См. также "Der Staat" его же. О развитии политики и экономики у О. см. его: "Theorie der reinen und politischen Oekonomie", 2 Aufl., Berl. 1911.

⁶ "Staat und Gesellschaft", S. 115; "Der Staat", S. 9.

⁷ См. G. Schmoller (Jahrbücher, 1890, S. 72). "Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung", где Шмоллер критикует Гумпловича, перегибая, однако, палку в сторону «смягчения» действительной исторической картины; также G. Schmoller, "Die Tatsachen der Arbeitsteilung", Jahrbücher, 1889. Общие теоретические соображения у Durkheim'a, "De la division du travail social", Paris 1893.

⁸ См. об этом у Mayers, "The History of Great American Fortunes."

⁹ Engels, "Der Ursprung", S. 135. Что возникновение теорий à la Оппенгеймер имеет ту социальную подкладку, о которой мы говорили выше, показывают и «система» практических требований Оппенгеймера, и его «либеральный социализм», который на самом деле означает возврат к простому товарному хозяйству, со «справедливой» куплей-продажей «по труду».

¹⁰ Кстати, г. Реннер, один из виднейших представителей так называемого «австромарксизма», который в своих внешне блестящих статьях в "Kampf" побил, пожалуй, все рекорды фальсификации марксова учения, обосновывает лозунг «самозащиты» тем, что капитал, по Марксу, есть отношение между двумя одинаково *необходимыми* полюсами общества — рабочими и капиталистами. Реннер позабывает только тот пустяк, что Марксу никогда и в голову не приходило увековечивать эти отношения, да еще в их ограниченной пределах данного государства формулировке.

¹¹ Marx, "Kritische Randglossen etc.", Nachlass, B. II, S. 50.

¹² Engels, "Dell'Autorità", — "Neue Zeit", XXXII, I, S. 32; нем. пер. с итальянск. Н. Рязанова.

¹³ Adolph Wagner, напр., пишет (Staat in national-ökonomischem Hinsicht. Handw. der Staatswissenschaften), что социалистическое «государство» имеет все признаки государства в «высочайшей степени» (in höchster Potenz), ибо классовой налет современного государства есть лишь «эксцессы» и «злоупотребления». Вся эта

галиматъя имеет полную аналогию в теоретических конструкциях современных буржуазных экономистов (*Бем-Баверк, Кларк и Ко.*); капитал, по их мнению, не есть отношение господства, а просто средство производства; «злоупотребления» (ростовщичество, напр.) вовсе не существенны; в будущем обществе тоже будут и капитал, и прибыль и т. д.

¹⁴ *Gumplovicz, I. c., S. 373.*

¹⁵ См., напр., *Jellinek, "Allgemeine Staatslehre"*, 3, Aufl., Berlin 1914, S.S. 89, 194, 195 etc. Любопытно признание, что "Machttheorie" внушает «безумие и ужас», ибо "sie öffnet der permanenten Revolution die Wege" («прокладывает дорогу перманентной революции», стр. 196), и что "die praktischen Konsequenzen der Machttheorie bestehen nicht in der Begründung, sondern in der Zerstörung des Staates" («практические последствия силовой теории состоят не в обосновании, а в разрушении государства», стр. 195).

¹⁶ *K. Kautsky, "Die Diktatur des Proletariats"*, S. 60: "Da erinnerte man sich rechtzeitig des Wörtchens von der Diktatur des Proletariats, das Marx einmal 1875 in einem Briefe gebraucht hatte".

¹⁷ См. статьи, появившиеся во время войны в «Социал-Демократе», «Коммунисте» и «Сборнике Социал-Демократа». Их перепечатку можно найти в издании Петр. Совета: *Зиновьев и Ленин: «Против течения»*.

¹⁸ Анализ структуры мирового капитализма см. в нашей работе: «Мировое хозяйство и империализм», изд. «Прибой», СПБ.

¹⁹ Это откровенно высказал в свое время мистер *Тафт*, американский империалист first class и в то же время один из основателей пацифистской лиги. Под «миром» он разумеет прежде всего гражданский мир, и поэтому он готов утопить в крови его нарушителей, т.-е. рабочих.

²⁰ *K. Kautsky, "Die Diktatur des Proletariats"*, S. 18.

²¹ *Энгельс, "Dell'Autorità"*, — "Neue Zeit", 1913-14, XXXII, B. I, S. 39. Русский перевод мы цитируем по великолепной книжке тов. *Ленина*: «Государство и революция». Ввиду необычайно тщательного подбора цитат из Маркса и Энгельса в этой книжке, мы считаем излишним повторять их здесь и отсылаем читателя к работе Владимира Ильича.

²² "Thesen über die sozialistische Revolution und die Aufgaben des Proletariats während seiner Diktatur in Russland". Verl. Freie Jugend Zürich. Вышли также польский, финский и др. переводы.

²³ *Kautsky, I. c, S. 15.*

²⁴ Жажда социального мира так сильна у Каутского, что он гражданскую войну между большевиками и правыми с.-р. «объясняет» не различием классов и групп, а различием «тактических методов». Все русские «социалисты», по его мнению, «хотят того же самого». Это напоминает рассуждения старых либералов, которые уверяли, что и они стремятся к «счастью человечества», но только другими путями...

²⁵ Эта необходимость подавления эксплуататоров была ясна не только Марксу и Энгельсу. *Плеханов* когда-то говорил, что мы отменим всеобщее избирательное право, если этого потребует революция. Тот же *Плеханов* высказывался за массовый террор и против всяких свобод для низвергнутых классов при известных условиях. См. его брошюру о «Столетии Великой Революции». Ее весьма не мешало бы знать каждому товарищу.

²⁶ См. выше.

²⁷ Эта чрезвычайно существенная сторона дела блестяще изложена у тов. *Ленина*: «Государство и революция».

²⁸ Всевозможные благоглупости фактического характера, которые имеются в изобилии у Каутского, усиленно обрабатываемого меньшевистскими клеветниками, опровергать, конечно, не стоит.

²⁹ *Н. Ленин, «Удержат ли большевики государственную власть?»*

³⁰ Каутский, ничего не понимая, пишет о страшной «апатии масс», как неизбежном следствии советской диктатуры. Но давно известно, что *ignorantia non est argumentum*.

II

Экономика

переходного периода

1920

К 1920 году военный коммунизм привёл к такой степени централизации экономической и политической власти, которая превзошла все цели, намеченные в первые месяцы революции. Хотя некоторые члены партии и приветствовали то, что они считали решительными шагами к достижению коммунизма, Ленин выступил с предупреждением, что экстренные меры, вынужденные Гражданской войной, не могут рассматриваться как нормальная политика пролетариата в стране, в такой мере лишенной предпосылок для социализма, как Россия. Бухарин, с 1917 года колебавшийся между содействием радикальному крылу партии и поддержкой умеренных взглядов Ленина, вдруг стал, опубликовав в 1920 году свой полемический труд «Экономика переходного периода», ведущим глашатаем военного коммунизма. Этот примечательный труд, за которым должен был следовать второй том, где общая теория переходного периода была бы применена к особым условиям России того времени, можно рассматривать лишь как необъяснимое заблуждение Бухарина. Тот факт, что продолжения не последовало, объясняется отказом Бухарина от взглядов, выраженных в первом томе, почти сразу же после его опубликования. И все же с «Экономикой переходного периода» нельзя не считаться, как с очередным этапом мыслей Бухарина о построении в России социализма, так как в ней отражается не только внутренний конфликт Бухарина между радикальными устремлениями большевиков и реальностью текущего момента, но и внутренний конфликт — в большей или меньшей степени — почти всех членов партии. Извлечения из первого издания 1920 года отражают образ мыслей Бухарина как раз перед решительным изменением его взглядов на НЭП. Это — последние семь глав, посвященные вопросу о процессе пролетарской революции и о переходе к коммунизму; в первых четырех главах анализу подвергается мировой капитализм.

II

The Economics of the Transition Period 1920

By 1920, War Communism had led to a degree of centralization of economic and political authority that exceeded all intentions during the first months of the revolution. Though some members of the Party welcomed what they believed to be bold steps toward the goal of communism, Lenin warned that the emergency measures required by the demands of the civil war should not be taken for a normal proletarian policy in a country so lacking in the prerequisites for socialism as Russia. Bukharin, who after 1917 had vacillated between encouragement of the radical wing of the Party and support of Lenin's moderate views, suddenly emerged in 1920 as the leading exponent of War Communism as the highroad to socialism by publishing his controversial book, *Ekonomika perekhodnogo perioda*. This curious work, which was to have been followed by a second volume applying its general theory of the transition period to the specific conditions in Russia at the time, can be viewed only as an inexplicable aberration in Bukharin's thought. The fact that the sequel was never written was due to his abandonment of the views expressed in the first volume almost as soon as it was published. Still, it is necessary to take account of it as a step in the development of his thought on the question of building socialism in Russia, for it is a reflection of the conflict not only in his mind between the radical aspirations of the Bolsheviks and the realities of the day which confronted them, but also in the minds of most other members of the Party in varying degrees. Accordingly, the following excerpt, taken from the original 1920 edition of the book, shows the tenor of his thought just before his shift to NEP. It consists of the last seven chapters, which deal with the process of proletarian revolution and the transition to communism, the preceding four chapters being devoted to an analysis of world capitalism.

ГЛАВА V

Город и деревня в процессе общественной трансформации

1. Процесс отрицательного расширенного воспроизводства и сельское хозяйство. 2. Производственные отношения и сельское хозяйство. 3. Государственный капитализм и сельское хозяйство. 4. Крах капиталистической системы, город и деревня. 5. Предпосылки социализма в сельском хозяйстве и общие принципы социалистического строительства.

«Основой всякого развитого и обусловленного товарным обменом разделения труда является разграничение между городом и деревней. Можно сказать, что вся экономическая история общества построена на движении этой противоположности».¹

Эту характеристику Маркса необходимо иметь в виду в переходный период более, чем когда бы то ни было. Ибо если в «нормальный» период капиталистического развития, т.-е. при данной заранее относительной пропорциональности между «городом» и «деревней», — поскольку речь идет о распределении общественных производительных сил, необходимом для равновесия всей системы, — если в этот период можно было рассматривать производственный процесс в его абстрактной форме, как процесс производства ценности и прибавочной ценности, то теперь этого недостаточно.

Вещественно-натуральная точка зрения получает решающее значение, а вместе с ней приобретает и исключительную важность деление общественного производства на разного рода сферы «конкретного» труда и в первую голову на индустрию и сельское хозяйство. Растущая диспропорциональность между этими отраслями хозяйственной системы обнаруживалась еще и до войны; империалистские поиски «хозяйственного дополнения», то-есть аграрной базы для индустриальных стран, — это в сущности есть проявление того самого противоречия между «городом» и «деревней», о котором говорил Маркс, но уже в мировом масштабе.² Проблема *сырья* — основная проблема современности — и проблема *продовольствия* являются самыми жгучими проблемами. Все это заставляет выделить вопрос о городе и деревне, как вопрос, нуждающийся в особом анализе.

Прежде всего мы должны проследить, каким образом отразился на сельском хозяйстве *процесс расширенного отрицательного воспроизводства*.

Рассмотрим сперва процесс изолированно. Само собой разумеется, что здесь по существу наблюдаются те же явления, что и в индустрии. Война отвлекает громадное количество производительных сил: она перемещает рабочие руки, отвлекая их от производительного труда; она отнимает сельскохозяйственный инвентарь; она лишает сельское хозяйство животной рабочей силы, сокращает количество скота, уменьшает количество удобрения; она уменьшает площадь годной для обработки земли; извлекая рабочую силу, которая в сельском хозяйстве играет более значительную относительно

роль, чем в индустрии (ибо органический состав «капитала» здесь ниже), она сужает базис производства и воспроизводства. Сужение производственного базиса находит свое выражение в падающем количестве производимых продуктов. Такова общая картина.

Но процесс сельскохозяйственного воспроизводства реально не есть отдельный и изолированный процесс воспроизводства. *Это есть часть общего процесса*, который предполагает «обмен веществ» между городом и деревней. Следовательно, поскольку речь идет о воспроизводстве средств производства, сельскохозяйственное производство зависит от условий воспроизводства в индустрии (машины, орудия труда, искусственное удобрение, подача электрической энергии и так далее). Расширенное отрицательное воспроизводство в индустрии обостряет аналогичный процесс в сельском хозяйстве. И, наоборот, пониженное количество средств потребления, являющихся элементами воспроизводства рабочей силы, обостряет, с своей стороны, процесс расширенного отрицательного воспроизводства в индустрии. Как единый процесс, расширенное отрицательное воспроизводство выражается во все понижающемся количестве всего комплекса производимых продуктов (всех средств производства и всех средств потребления).

Сокращение производственного базиса выражается здесь парадоксальным образом в повышении денежной «рентабельности» сельского хозяйства.³ Однако повышение цен на продукты сельского хозяйства сопровождается не меньшим (а по правилу даже и большим) повышением цен на продукты индустрии. Тем не менее сельское хозяйство за время войны быстро избавлялось от задолженности, накапливало капитал в денежной форме и накапливало запасы продуктов. Это противоречие, как совершенно правильно отмечает проф. Ледерер, объясняется тем, что возросшие гигантски цены на продукты индустрии были функцией такого уменьшения их реального количества, что сельское хозяйство не могло их получить вообще. Отсюда следует, что производственный базис сельского хозяйства сохранился лучше, чем производственный базис в индустрии, что сельское хозяйство, несмотря на процесс отрицательного расширенного воспроизводства, реально располагает относительно гораздо большими продуктивными массами, чем индустрия. Это — довольно существенное отличие, которое не может не сказываться и в период распада капиталистической системы.

Самым существенным отличием является, однако, *экономическая структура* этой важнейшей отрасли производства. Своеобразием этой структуры является крайняя *пестрота* хозяйственных типов, которая отражает и выражает *относительно слабую степень обобществления труда*. В общем и целом мы можем выделить здесь такие категории: крупно-капиталистическое хозяйство, основанное на наемном труде; капиталистическое крестьянское хозяйство («кулак», «Grossbauer»), точно так же употребляющее наемный труд и держащееся на нем; «трудовое» крестьянское хозяйство, не эксплуатирующее наемного труда; наконец, парцелярное хозяйство полупролетариев. Различные сочетания отношений между *людскими элементами* этих типов дают крайне неоднородную картину. В рамках крупно-капиталистического хозяйства мы наблюдаем приблизительно ту же производственно-социальную иерархию, что и в промышленности: экономическая конституция латифундии в общем та же, что и конституция фабрики; сверху

— капиталист-предприниматель; далее — главный управляющий (директор); затем штат квалифицированной интеллигенции (агрономы, бухгалтеры и т. д.); еще ниже — «служащие»; за ними — квалифицированные рабочие (при сельскохозяйственных машинах, на подъездных путях, электрических станциях и т. д.) и, наконец, «чернорабочие». Иное соотношение — в хозяйстве кулака или Grossbauer'a, где обычно производственная лестница ограничивается двумя категориями: хозяином и рабочим. «Трудовое» хозяйство не знает иерархической лестницы, а хозяйство полупролетария людским своим составом образует низшее звено иерархической лестницы другого хозяйства — латифундии, фабрики или завода. В предыдущих главах мы видели, что основным моментом, определяющим возможность непосредственной рационализации производства, является (в какой угодно формулировке — государственно-капиталистической или социалистической) обобществленный труд. Ясно поэтому, что уже система государственного капитализма должна была по отношению к сельскому хозяйству принять несколько иной «организационный вид».

Само собой разумеется, что потребность для буржуазии включить сельское хозяйство в государственно-капиталистическую систему была прямо колоссальна. Ибо сельское хозяйство — в момент потрясений особенно — есть решающая производственная отрасль: можно жить без сюртуков, электрических лампочек или книг, но нельзя жить без хлеба. Армия может быть разута, но она не может существовать на пище св. Антония. Следовательно, моменты, толкавшие в сторону государственно-капиталистической организации, были налицо в обостренной степени. А в то же время непосредственная возможность рационализации производства была как раз наиболее слаба.

Как решал эту задачу капитализм?

Двумя путями: во-первых, *путем огосударствления части крупных производственных единиц*; во-вторых, *путем косвенного регулирования процесса производства через процесс обращения*.

Из вышеприведенного довольно ясно вытекает относительная «слабость» первого метода. Правда, у капиталистического государства уже были в распоряжении некоторые отрасли сельскохозяйственного производства (напр., государственные леса), но у него не было таких опорных пунктов, как, например, тресты в промышленности. Поэтому размах непосредственной буржуазной национализации *производства* был относительно узок и совершался обычно в формах разного рода «коммунализаций» и «муниципализаций». Тем большее значение приобретал второй метод: регулирование производства через *регулирование процесса обращения или организацию распределения*. Государственная хлебная монополия, карточная система на продукты сельского хозяйства, обязательная сдача продукта, твердые цены, организованный отпуск продуктов промышленности и т. д. и т. п., — все это в конечном счете направляло развитие *в сторону* огосударствления производства. Здесь мы наблюдаем более отсталый тип развития, начальные стадии организационного процесса, который, как и в индустрии, исходной точкой имел именно процесс обращения (корнеры, ринги, синдикаты).

В этой области государственно-капиталистическая система могла уже опираться на синдикатообразные сельскохозяйственные объединения особо-

го типа, в первую очередь на *кооперативы*. Через регулирование процесса обращения в сущности регулировался и механизм сельскохозяйственного производства в его целом, включая даже мелкое индивидуальное хозяйство. Система «свободной торговли» сельскохозяйственными продуктами была подорвана в корне. Правда, специфические условия сельского хозяйства, крупный удельный вес мелкого и среднего товаропроизводящего хозяйства создавал и здесь большие трудности, что выражалось в «нелегальном», «вольном» рынке, спекулятивной торговле из-под полы (*Schleichhandel*, как называют это немцы); но все же, пока была крепка система государственно-капиталистической организации *в целом*, и сельское хозяйство входило в *общий* аппарат, основной частью которого была организованная индустрия.⁴

Отсюда вытекает такое положение: *крах системы государственного капитализма, поскольку он отправной своей точкой имеет распад производственных отношений в индустрии, означает также и крах этой системы в отношении к сельскому хозяйству.*

Гниение государственно-капиталистического аппарата выражается здесь в его постоянном прорыве спекулятивной торговли продуктами сельского хозяйства. Революционный разрыв связей способствует на первых порах — *обособлению города и деревни.*

Между городом и деревней в эпоху государственного капитализма можно различать такого рода связи: 1) связи кредитно-денежного, финансово-капиталистического типа (гл. образом, через банковые институты); 2) государственные и коммунальные организационные аппараты; 3) самый реальный процесс обмена между городом и деревней, идущий частью через и посредством организованных аппаратов, частью помимо них. Рассмотрим теперь, что неизбежно и неотвратимо должно произойти при завоевании власти пролетариатом в сфере отношений между городом и деревней.

Связи кредитно-денежного и финансово-капиталистического типа рвутся при завоевании власти пролетариатом целиком, бесповоротно и навсегда. При захвате банков кредитные отношения лопаются и ни о каком «восстановлении кредита» не может быть и речи, ибо нарушена вся основная система привычных отношений, исчезло всякое «доверие», а государство пролетариата представляется в буржуазном сознании, как коллективный бандит.

Государственные и коммунальные аппараты точно так же распадаются на составные элементы вместе с распадом почти всех государственных механизмов старого типа. Тот аппарат, который выражал гегемонию индустрии над сельским хозяйством и города над деревней (в капиталистической формулировке), перестает существовать, как стройная организационная система.

Наконец, *реальный процесс обмена*, который выражает единство «народного хозяйства», страшно уменьшается по своим размерам. После подробного анализа распада капиталистической индустрии, нетрудно понять, почему это происходит. Уже процесс отрицательного расширенного воспроизводства во время империалистской войны подорвал базу обмена, сократив до минимума количество продуктов, выбрасываемых городом, то-есть реальный продуктивный эквивалент, необходимый деревне. С крахом капита-

листического производственного аппарата процесс производства почти замирает: живут на старые запасы, остатки, еще уцелевшие от войны и оставшиеся в наследство пролетариату. Деньги, которые в «нормальное» время представлялись самоценностью, окончательно обнаруживают себя как посреднический знак, не имеющий самостоятельной ценности. Следовательно, для лиц, командующих массами сельскохозяйственных продуктов, теряется почти всякий стимул к доставке их в города. *Общественное хозяйство распадается на две автономные сферы: голодающий город и деревня, имеющая — несмотря на частичное разрушение производительных сил — довольно значительное количество нигде несбываемых продуктивных «излишков».* Распад всей общественно-производственной системы достигает своего кульминационного пункта. Этот фазис «экономической истории общества» выражается в обособлении двух главных подразделений общественного труда — обстоятельство, при котором дальнейшее существование общества становится невозможным.

Но, прежде чем перейти к анализу условий *нового равновесия*, необходимо рассмотреть те основные формы, которые принимает крах капиталистической системы *внутри* самой «деревни».

Здесь сразу бросается в глаза следующее положение: при относительной устойчивости «деревни» и наличности довольно значительной продуктивной массы процесс распада отношений внутри сельскохозяйственного производства должен идти гораздо медленнее; с другой стороны, поскольку здесь налицо такая пестрота хозяйственных формаций, какой не знает крупно-капиталистическая индустрия, постольку и самая форма трансформационного процесса во всех его фазисах будет отлична от того процесса, который мы анализировали в предыдущих главах.

Возьмем сперва крупно-капиталистические хозяйства. Здесь процесс разрыва связей наиболее похож на то, что происходит в индустрии. Однако с некоторыми модификациями. Во-первых, здесь он совершается медленнее, чем в городе. Это происходит потому, что в сельском хозяйстве, на месте производства средств потребления, не так резко сказывается недопотребление рабочего класса. Переход на систему частичной натуральной оплаты фактически обеспечивает воспроизводство рабочей силы, и, следовательно, стимул для разрыва связи между людскими элементами системы значительно меньше. Во-вторых, сам пролетариат здесь далеко не так «вышколен» «механизмом капиталистического производственного процесса». Его состав (полукрестьянские элементы), методы работы (сезонный характер труда, гораздо большая пространственная разобщенность в трудовом процессе и т. д.) — все это мешает его «идеологическому революционизированию» и выработке «рабочего революционного плана». Однако, эти факторы лишь замедляют общую линию развития, но не отрицают ее. Влияние города и организаций индустриального пролетариата дает внешний толчок к усилению самостоятельно-развивающегося процесса и, в конце концов, неизбежен разрыв капиталистических производственных отношений, разрыв, идущий по той же линии, что и в индустрии.⁵

Но разрыв деревенских производственных отношений идет и по другим направлениям, что обуславливается специфическими структурными особенностями деревенской экономики. Мы видели выше, что часть людского ме-

ханизма (полупролетарские владельцы парцеллярных хозяйств) сами входят, как низшее звено капиталистической иерархии; другие элементы («средняки», «трудовое крестьянство») являются не только «конкурентом» крупного хозяйства на рынке: они часто служат объектом эксплуатации в прикрытой и затушеванной форме необычайно сложных и разнообразных отношений (аренда, ростовщичество, зависимость от земельных банков и т. д.). Здесь перед нами такая форма низших или низше-средних элементов трудовой иерархии, которая не имеет места в чисто капиталистической схеме и не представляет собою обобщественного труда, а представлена, так сказать, сбоку. Тем не менее удельный вес ее весьма значителен, поскольку мы рассматриваем всю общественную систему в ее конкретной целокупности. Такой характер производственных связей, когда сбоку стоящие низшие звенья системы состоят из громадного количества самостоятельных хозяйств, определяет и тип распада связей, который выражается здесь *в борьбе между хозяйствами*, т.-е. в борьбе между трудовым крестьянством и полупролетариями, с одной стороны, крупными крестьянами и полупомещиками — с другой. Конкретное сочетание борющихся элементов может быть весьма разнообразным, в зависимости от удельного веса различных хозяйственных типов, в зависимости от вариаций этих типов (ибо это — категории крайне текущие, переходные, с массой оттенков и т. д.). Взятый *сам по себе*, изолированно от всего остального хозяйственного комплекса, этот разрыв связей таит в себе и возможность возврата к более примитивным формам, ибо активной силой здесь является как раз распыленный труд мелких собственников, а не обобществленный труд пролетариев. Но *в данном историческом контексте* он входит как составная часть общего процесса краха капиталистической системы.⁶ Такова *аграрно-крестьянская революция*, значение которой тем больше, чем менее развиты капиталистические отношения. Эта борьба может сопровождаться и обычно сопровождается большой растратой сил и раздроблением материально-производственного базиса (частичный раздел крупных имений, инвентаря, скота и проч.),⁷ т.-е. *дальнейшим понижением производительных сил*.

Возникает теперь вопрос о том, как возможно *новое равновесие*, с одной стороны, равновесие *внутри* самого сельского хозяйства, с другой — равновесие *между городом и деревней*.

Этот вопрос является решающим для судьбы человечества, ибо он наиболее важный и наиболее *сложный* вопрос.⁸

Мы уже видели, что общий тип *нового* равновесия должен быть вывернутым наизнанку (диалектическим отрицанием) типом равновесия в условиях системы государственного капитализма.

Прежде всего рассмотрим процесс *внутри* сельского хозяйства.

Разрыв связи между различными людскими элементами *крупно-капиталистического хозяйства* должен смениться организацией этих элементов в их новом сочетании. По существу здесь проблема того же порядка, что и в индустрии. Однако она осложняется двумя моментами: во-первых, частичным разрушением крупно-капиталистического хозяйства, как крупного хозяйства вообще; во-вторых, гораздо меньшей зрелостью самого сельскохозяйственного пролетариата. Первое неизбежно при наличии борьбы за землю со стороны крестьянства. Понятно, что величина уступок резко ко-

леблется в зависимости от удельного веса крестьянства вообще и от его распределения по различным категориям. Второе — создает гораздо большее количество внутриорганизационных трений; процесс самовоспитания пролетариата идет медленнее.

Что касается равновесия в остальной сфере сельскохозяйственного производства, то оно имеет тенденцию установиться на базе уравнительного передела, как исходного пункта развития. Совершенно ясно, что такое состояние, взятое независимо от развития в городах, должно было бы дать толчок новому капиталистическому циклу «американского» типа. Эта возможность, однако, отпадает при ликвидации товарного хозяйства в городе и при социалистической организации в индустрии. Следовательно, диктатура пролетариата неизбежно сопровождается *скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства.*

В каких формах, однако, может быть установлено организующее влияние пролетарского города? И как может быть достигнуто новое равновесие *между городом и деревней?*

Очевидно, что реальный процесс «обмена веществ» между городом и деревней только и может служить прочной и устойчивой базой для решающего влияния города. *Возрождение процесса производства в индустрии*, возрождение промышленности в ее социалистической формулировке, является, таким образом, необходимым условием более или менее быстрого втягивания деревни в организующий процесс.

Но так как возрождение индустрии само обусловлено притоком жизненных средств в города, то совершенно ясна абсолютная необходимость этого притока *во что бы то ни стало*. Это минимальное «равновесие» может быть достигнуто лишь а) *за счет части оставшихся в городах ресурсов* и б) при помощи *государственно-пролетарского принуждения*. Это государственное принуждение (изъятие хлебных излишков, натуральный налог или какие-либо другие формы) фундировано экономически: во-первых, непосредственно, поскольку крестьянство само заинтересовано в развитии индустрии, дающей ей с.-х. машины, инструменты, искусственное удобрение, электрическую энергию и т. д.; во-вторых, косвенно, поскольку государственная власть пролетариата есть лучшее средство охраны от восстановления экономического давления крупного землевладельца, ростовщика, банкира, капиталистического государства и проч. Следовательно, здесь государственное принуждение не есть «чистое насилие» дюринговского типа, и постольку оно является фактором, идущим по главной линии обще-экономического развития.⁹ Поскольку индустриальный пролетариат опирается на формально-обобществленное (огосударственное пролетариатом) крупное хозяйство, он непосредственно организует *производственный* процесс. Недостаток сельскохозяйственного инвентаря может побудить и часть сельских хозяев к производственному объединению (с.-х. коммуны, товарищества, артели). Но для главной массы *мелких производителей* втягивание их в организованный аппарат возможно, главным образом, через *сферу обращения*, следовательно, формально таким же путем, как и при системе государственного капитализма.¹⁰ *Государственные и коммунальные* (кото-

рые теоретически нельзя противопоставлять государственным) *органы распределения и заготовок* — таков главный аппарат новой системы равновесия.

Здесь возникает вопрос о тех организациях крестьянства, которые еще в период капиталистического развития спланивали распыленных производителей именно в процессе обращения, т.-е. *сельскохозяйственной кооперации*. Ведь, из анализа распада связей капиталистической системы в сельском хозяйстве выяснилось, что мелкое производство в процессе этого распада сохранило свою относительную устойчивость. Правда, крестьянская кооперация имела тенденцию превратиться, а отчасти и целиком превратилась, в сельскохозяйственные синдикаты, во главе которых стояли капиталистически-помещичьи верхи. Постольку и аппарат кооперации должен был оказаться поврежденным. Точно так же ясно, что некоторые формы кооперации должны неизбежно лопнуть — такова судьба *кредитной* кооперации. Однако в то же время совершенно несомненно, что устойчивость крестьянского хозяйства должна найти свое выражение и в относительной устойчивости кооперативного крестьянского аппарата. Какова его дальнейшая судьба? Распадется ли он, как неизбежно распадается синдикат или трест? Или нет? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать более точно другую, основную проблему: борьбу между пролетариатом и крестьянством, как классовыми носителями различных хозяйственных типов.

«Основные силы — и основные формы общественного хозяйства (это): капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм... Основные силы (это) — буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат».¹¹ «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы — мешечничество и спекуляция, направленные против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), — вообще против государственного распределения продуктов».¹² Борьба за или против товарного рынка, как скрытая борьба за типы производства, — вот та экономическая обстановка в соотношении между городом и деревней, которая складывается в общем *после* захвата власти пролетариатом. Здесь есть глубокое различие с тем, что имеется в городе. В городах главная борьба за тип хозяйства *кончается* с победой пролетариата. В деревне она кончается, поскольку речь идет о победе над крупным капитализмом. Но в тот же момент она — в других формах — *возрождается*, как борьба между государственным планом пролетариата, воплощающего обобществленный труд, и товарной анархией, спекулятивной разнузданностью крестьянства, воплощающего раздробленную собственность и рыночную стихию. Но так как простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства, то борьба вышеописанных тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом. Однако, так как в груди самого крестьянина живут две «души», и чем он беднее, тем больший удельный вес имеет пролетарская тенденция, то эта борьба осложняется и внутренней борьбой среди самого крестьянства.

Как отражается такое положение на судьбе крестьянского кооперативного аппарата? Ясно, что здесь дело обстоит иначе, чем в промышленности. Кооперативный аппарат может атрофироваться (при все возрастающем падении связи через обмен между городом и деревней); он может быть разрушен (при перевесе в деревне кулаков и при обостренной борьбе между ними и пролетариатом); он может быть всосан в обще-социалистическую организацию распределения и постепенно перестроен (при возобновлении реального процесса продуктообмена и решающем *экономическом* влиянии городов). Следовательно, здесь полный распад аппарата теоретически не обязателен.

Таким образом, новое равновесие возникает здесь в непрерывной борьбе, и потому его установление медленно и болезненно. Процесс идет тем скорее, чем скорее восстанавливается воспроизводство в индустрии, чем скорее пролетариат приступает к наиболее глубокой задаче — *технической* революции, которая совершенно изменяет консервативные формы хозяйства и дает мощный толчок к обобществлению сельскохозяйственного производства. Но эта тема относится уже к следующей главе.

ГЛАВА VI

Производительные силы, издержки революции и технический переворот

1. Понятие производительных сил. 2. Производительные силы и общественное воспроизводство. 3. Производительные силы и кризисы. 4. Производительные силы и войны. 5. Производительные силы и революции. 6. Пролетарская революция, как необходимое условие устранения капиталистических противоречий. 7. Издержки пролетарской революции. 8. Формы издержек пролетарской революции и падение производительных сил. 9. Новое общественное равновесие и технический переворот. 10. Методы технического переворота. 11. Технический переворот, город и деревня.

В III главе мы уже касались в общем вопроса о производительных силах и издержках революции. Теперь нам необходимо этот вопрос разобрать подробно, так как от оценки его зависит решительно все. Ибо производительные силы общества, их уровень и их *движение* определяют, в конечном счете, весь комплекс общественных явлений. И прочность всякого *структурного* равновесия, т.-е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие *между обществом и внешней средой*, равновесие, характер которого определяется ступенью в развитии общественно-материальных производительных сил.

Но прежде всего нужно дать ответ на вопрос, что такое производительные силы.

В «Нищете философии» Маркс писал: «Исходить из разделения труда вообще с надеждой объяснить таким образом происхождение специфического орудия труда — машины — значит впадать в явное противоречие с историей. Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как, напр., быка, которого впрягают в плуг; их следует относить к

производительным силам (наш курсив. Н. Б.). Экономической (наш курсив. Н. Б.) категорией, т.-е. общественным отношением производства, является не машина, а основанная на применении машин фабрика».¹³

Тут Маркс под производительными силами понимает, очевидно, вещественные и личные элементы производства и, сообразно с этим, категория производительных сил является категорией не экономической, а технической. С другой стороны, мы находим у него же и иное определение производительных сил. В I и III томе «Капитала» Маркс очень часто употребляет термин «производительные силы» совершенно в том же смысле, что выражение «производительность общественного труда».¹⁴ Однако Маркс, называя производительными силами производительность общественного труда, сам неоднократно указывает, что рабочая сила является основной производительной силой общества.

Как бы то ни было, ясно, что если на первых ступенях анализа можно оперировать с неопределенным понятием, то впоследствии неточность этого понятия дает себя знать.

Прежде всего, в чем смысл этого понятия? Когда говорят о производительных силах, то этим хотят обозначить степень власти человека над природой, степень овладения этой природой. Именно этим и определяется в конце концов ступень достигнутого развития. С такой точки зрения и нужно рассмотреть, прежде всего, вопрос, в каком соотношении друг с другом стоят определения Маркса. Родбертус предлагает строго разграничивать оба эти понятия. В своей работе “Zur Beleuchtung der sozialen Frage” он пишет: «Производительную силу нужно строго отличать от производительности. Производительность означает действие или полезный эффект производительной силы. Если вместо 10 рабочих становится на работу 20, или если вместо одной машины известной степени работоспособности ставятся две такие же машины, то производительная сила повысилась вдвое; если 10 рабочих производят столько же, сколько до сих пор 20, или если машина, которая стоила не больше другой, обладает двойной степенью эффективности по сравнению с ней, то производительность поднялась вдвое. Труд и здесь последний масштаб. Большие суммы труда являются большей производительной силой; большее количество продукта при одинаковой сумме труда есть повышение производительности».¹⁵ В этой постановке вопроса довольно ясно видна причина «неопределенности» понятия производительных сил; дело в том, что это есть *пограничное* понятие, стоящее на рубеже техники и экономики. Экономически важно понятие производительности общественного труда. Технически важен материальный эквивалент этой производительности общественного труда, то-есть наличная совокупность средств производства и рабочих сил. Мы поэтому можем говорить о производительных силах и производительности общественного труда, как о двух

сторонах одной и той же математической величины $\frac{M}{a+b}$, где M — вся масса продуктов, выраженная в каких-либо единицах полезности (будь то энергетические величины или что-либо иное — в данном случае безразлично), а и b — единицы общественного труда: a — единицы мертвого труда, b — живого. Если рассматривать эту формулу с точки зрения «вещественной», то мы будем иметь 1) массу разнородных продуктов; 2) массу разнородных

средств производства; 3) массу разнородной квалификации рабочих сил. Эти три величины находятся в полной зависимости друг от друга, при чем первичным элементом являются средства производства. Средства производства распадаются на орудия труда и другие средства производства (сырой материал, вспомогательные вещества и т. д.). Эти две части, в свою очередь, органически связаны друг с другом. Конкретные средства производства вообще предполагают адекватное количество качественно определенных рабочих сил, ибо в производственном процессе имеется своя техническая логика, и в каждый данный момент вещественные и личные элементы производства связаны друг с другом по совершенно определенному типу и в совершенно определенной пропорции. Но, с другой стороны, сами средства производства в их вещественной определенности распадаются на две части, взаимно определяющие друг друга. С этой точки зрения мы можем взять за основной пункт анализа активную часть средств производства, а именно орудия труда, *техническую систему* общества. Именно она, как говорит Маркс, и «образует действительное мерило прогресса производительных сил».

Таким образом, если мы говорим о росте или регрессе производительных сил общества, под этим мы разумеем повышение или понижение общественной производительности труда; если мы говорим о распределении и перераспределении производительных сил, мы говорим о распределении и перераспределении средств производства и рабочих сил; если мы говорим о физическом уничтожении производительных сил, мы говорим точно также об уничтожении средств производства и рабочих сил; если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять *техническую систему* общества, активный переменный «фактор» общественного развития.

Однако, такая взаимная связь частей формулы $\frac{M}{a+b}$, где а и в означают наличность всех средств производства и всех рабочих сил, предполагает «нормальный» ход общественного воспроизводства, т.-е. состояние плавного подвижного равновесия. Технически данная пропорциональность этих величин (а, следовательно, и возможность заменять одну величину другой) исчезает при нарушении общественного равновесия. Производительность общественного труда будет по-прежнему выражаться формулой $\frac{M}{a+b}$ он

(а) будет уже означать не *все* наличные средства производства, (b) — не *все* наличные (т.-е. могущие быть использованными) рабочие силы; а соотношение между (а) и (b), которое является при нормальных условиях величиной данной, технически определенной, *перестает* быть таковой.

Динамика производительных сил связана с динамикой производства, т.-е. процессом воспроизводства. Вещественные и людские элементы производительных сил (комплекс средств производства и рабочих сил) воспроизводятся *in natura* в этом процессе для того, чтобы стать активными факторами этого процесса. Поэтому, с точки зрения воспроизводства фор-

мулу $\frac{M}{a+b}$ нужно рассматривать со стороны (а) и (b), т.-е. вещественных и людских элементов процесса воспроизводства. (А) и (b) являются при

этом не изолированными комплексами, а величинами, *органически связанными в процессе труда*. Лишь поскольку они входят в процесс труда, постольку они непосредственно являются слагаемыми производительных сил.

Развитие производительных сил вовсе не представляет из себя плавной поднимающейся кривой. Наоборот, уже а priori должно быть ясно, что в антагонистическом обществе, обществе, основанном на производственной и социальной анархии, *не может быть непрерывного развития производительных сил*. Ибо в таком обществе законы равновесия реализуются и могут реализоваться исключительно путем постоянных или периодически повторяющихся нарушений равновесия. Следовательно, восстановление равновесия должно иметь своим исходным пунктом его нарушение. А так как каждое нарушение равновесия, функциональное значение которого в данном случае состоит в восстановлении его на более широкой, — но в то же время на еще более глубокопротиворечивой, — основе, неизбежно связано с падением производительных сил, то само собою разумеется, что в *антагонистическом обществе развитие производительных сил возможно лишь посредством их периодического разрушения*.

Очень ярко это проявляется в капиталистических кризисах. «Мировые рыночные кризисы необходимо рассматривать как реальное выражение и *насильственное выравнивание* (наш курсив. Н. Б.) всех противоречий буржуазной экономики.¹⁶

Это «насильственное выравнивание» противоречий, т.-е. создание условий нового равновесия сопровождается разрушением производительных сил. Новое равновесие воспроизводит старое противоречие на расширенной основе и т. д. Следовательно, с этой точки зрения процесс капиталистического воспроизводства есть не только процесс расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений: *он есть в то же время процесс расширенного воспроизводства капиталистических противоречий*.¹⁷ Новое равновесие устанавливается каждый раз путем «массового уничтожения производительных сил», и притом во все возрастающем размере. В «Теориях прибавочной ценности» Маркс дает превосходный анализ главных форм этого уничтожения, и притом с двух точек зрения: реально вещественной («натуральной») и фетишистски-капиталистической (ценностной).

«Когда идет речь об *уничтожении капитала* кризисами, необходимо различать двоякого рода явления.

Поскольку заstopоривается процесс воспроизводства, ограничивается или местами прекращается процесс труда, постольку уничтожается *реальный капитал*. Машины, которые не употребляются, не суть капитал. Труд, который не эксплуатируется — это все равно, что пропавшее производство. Сырой материал, который валяется неиспользованным, не есть капитал. Потребительные ценности (точно так же, как и вновь построенные машины), которые не используются или остаются недооконченными, товары, которые гниют на складах, все это уничтожение капитала. Все это (в то же время) ограничивается нарушением процесса воспроизводства и тем, что *имеющиеся средства производства реально не действуют, как средства производства*... Их потребительная ценность и их меновая ценность летит при этом к чёрту.

Но, во-вторых, *разрушение капитала* кризисами означает обесценивание *ценностных масс*... Это — разрушающее падение товарных цен. Здесь не уничтожаются потребительные ценности. Что теряет один, то выигрывает другой... Что же касается только фиктивного капитала, государственных бумаг, акций и т. д., то, — поскольку это не приводит к банкротству государства или акционерной компании, или поскольку это вообще не нарушает процесса воспроизводства, — здесь налицо лишь переход богатства из одних рук в другие». ¹⁸

Но так как «вообще» процесс воспроизводства нарушается и в последнем случае, разрушение капитала в его вещественной форме происходит и здесь. С другой стороны, *централизация* капитала, ускоренная кризисами, создает «высшую форму» дальнейшего движения, и дальнейшее развитие производительных сил покупается *ценой временного и частичного их разрушения, т.-е. ценой понижения их уровня*.

По существу то же явление наблюдается и при анализе *капиталистической конкуренции*, которая своим основанием имеет раздробленность общественного производства. Если бы налицо была разумно регулируемая система, тогда труд распределялся бы по отдельным отраслям и предприятиям в необходимой пропорции. В капиталистическом обществе такого сознательного регулятора нет. Поэтому закон равновесия — закон ценности — действует как стихийный закон, «на манер закона тяжести, когда над вашей головою обрушивается дом». Но именно потому, что он есть слепой закон общественной стихии, он реализуется лишь посредством *постоянных нарушений*. И здесь нарушение равновесия является неперменным условием установления нового равновесия, за которым следует опять нарушение и т. д. Механизм этих колебаний, т.-е. постоянных нарушений равновесия, путем которых последнее постоянно реализуется, является *механизм конкуренции*. А отсюда следует, что развитие производительных сил в капиталистическом обществе покупается ценой их постоянной растраты. Эта растрата («издержки конкуренции») есть необходимое условие движения вперед для всей капиталистической системы. Ибо каждое новое звено в цепи подвижного равновесия воспроизводит это равновесие в высшей форме, на основе централизационного процесса.

С этой точки зрения необходимо рассматривать и войну, которая есть не что иное, как один из методов конкуренции, на определенной ступени развития. Это есть метод *комбинированной конкуренции между государственно-капиталистическими трестами*. Следовательно, издержки войны сами по себе суть не что иное, как издержки централизационного процесса. С точки зрения капиталистической системы в целом они играют положительную роль, поскольку они не приводят систему к краху.

Вообще говоря, и кризисы, и конкуренцию можно рассматривать с тройкой точки зрения: с точки зрения тех звеньев процесса воспроизводства, когда происходит понижение производительных сил; с точки зрения воспроизводства данной системы производства, когда временное падение производительных сил само является условием их дальнейшего прогрессивного движения; с точки зрения краха старой системы и общественной трансформации, когда противоречия старой системы взрывают ее на воздух, и когда издержки краха переходят в издержки революции.

Эти издержки революции, в свою очередь, можно рассматривать или *sub specie* тех самых циклов воспроизводства, когда происходит разрушение материальных производительных сил или *sub specie* перехода к новой, более производительной общественной структуре, которая устраняет противоречие между развитием производительных сил и их структурными «оковами». Что переход к новой структуре, которая является новой «формой развития» производительных сил, немислим без временного понижения производительных сил, должно быть ясно само собою. И опыт всех революций, сыгравших колоссальную положительную роль именно с точки зрения развития производительных сил, показывает, что это развитие покупалось ценой иногда колоссального расхищения и разрушения их. Иначе и не может быть, поскольку речь идет о революции.¹⁹ Ибо в революции «взрывается» (*wird gesprengt*) «оболочка» производственных отношений, т.-е. людского трудового аппарата, что означает и что *не может* не означать нарушения процесса воспроизводства и, следовательно, разрушения производительных сил.

Если это так, — а это безусловно так, — то *a priori* должно быть ясно, что *пролетарская* революция неизбежно сопровождается крайне глубоким упадком производительных сил, ибо ни одна революция не знает столь далеко и так глубоко идущей ломки старых отношений и их *перестройки* на новый лад. И тем не менее, как раз с точки зрения *развития* производительных сил, пролетарская революция является объективной необходимостью. Эта объективная необходимость дана тем, что экономическая оболочка стала *несовместимой* с развитием производительных сил. *Мировые производительные силы не мирятся с государственно-национальной структурой общества, и противоречие «разрешается» войной. Сама война становится несовместимой с существованием основной производительных сил — рабочего класса, — и противоречие может быть разрешено — действительно разрешено — только революцией.*²⁰

Рабочий класс, основная производительная сила общества,²¹ только и может *спасти* это общество и дать толчок дальнейшему развитию. Но он может сделать это лишь ценою жертв, неизбежно вызываемых сопротивлением лопавшейся капиталистической «оболочки», которая персонифицирована в *капиталистической буржуазии*.²² Громадность издержек пролетарской революции обуславливается глубиной коммунистического переворота, *принципиальным* изменением производственной структуры. В буржуазных революциях не происходило такого принципиального изменения, ибо частная собственность, как юридическое выражение определенного типа производственных отношений, была базой и докапиталистических отношений. Соответственно этому общественное равновесие после революции достигалось: в области экономической — лишь некоторыми поправками к тому, что было раньше, в области политической переходом власти из рук *собственников* одного типа в руки *собственников* другого типа. Следовательно, здесь *a priori* ясно, что нет и не может быть *такого* распада, какой неизбежен при принципиальной, коренной ломке старых отношений, что является неизбежным законом *пролетарской* революции.²³

Все *реальные* издержки революции сводятся к *сокращению* процесса вос-

производства и к понижению производительных сил. По своей *форме* они могут быть разбиты на несколько рубрик:

I. Физическое уничтожение элементов производства. Сюда относится уничтожение средств производства (фабрик, машин, железных дорог, аппаратов, скота и проч.); уничтожение людей — рабочих и т. д. в процессе *гражданской войны* и *классовой войны* между государствами пролетариата и государствами буржуазии; уничтожение машин и др. средств производства и их порча от плохого обращения, саботажа, от невоспроизводства во-время определенных частей и т. д.; уничтожение технической интеллигенции (в гражданской войне, от общих последствий разрухи и проч.).

Ясно, что речь идет здесь, с одной стороны, об уничтожении вещественно-материальных элементов производства, с другой — об уничтожении людских его элементов.

II. Деквалификация элементов производства. Здесь следует упомянуть снашивание машин и средств производства вообще; истощение (физическое) рабочего класса; деквалификация рабочей силы технической интеллигенции; переход на «суррогаты» в средствах производства и «рабочих силах» (большой % женщин, не чисто пролетарских элементов в пролетариате и т. д.).

III. Распад связи между элементами производства. Сюда относится подробно анализированный выше распад иерархической трудовой системы капиталистического общества, социальный раскол, нарушение всякого равновесия, что влечет за собой временный *паралич процесса воспроизводства*; сюда же относится распад связей между городом и деревней, распад связей между государствами и проч. В процессе этого распада выпадают из реального производства не только *людские* части общетрудового аппарата, но и *вещественно-материальные*: когда машины, их «система», целые фабрики «стоят», они фактически пропадают. *Производительные силы* здесь не уничтожаются физически, но они переходят на положение *потенциальных производительных сил*. Они существуют *in natura*, но они существуют вне процесса общественного воспроизводства.

Распад связи между элементами производства есть *важнейшая причина* понижения уровня производительных сил в переходный период. Она связана и реально неотделима от структурной реорганизации общества, *неизбежно* из нее вытекает и поэтому должна стоять в центре теоретического анализа. Сюда должны быть сопричислены и другие издержки собственно перестройки: напр., первоначальное *неумение* рабочего класса «взять» элементы производства, «ошибки» строительного периода и т. д., т.-е. вся энергия, которая идет на переорганизацию общественно-трудового аппарата, *со всеми faux frais* этого процесса.

IV. Перераспределение производительных сил в сторону непроеизводительного потребления. Здесь, прежде всего, необходимо отметить обслуживание нужд гражданской и классовой социалистической войны. При разворачивании революционного процесса в *мировой* революционный процесс гражданская война трансформируется в классовую войну, которую со стороны пролетариата ведет регулярная «красная армия». Совершенно ясно, что с точки зрения ближайших циклов воспроизводства издержки этой

войны вызывают такое же экономическое истощение, как и издержки всякой другой войны. Она *может* вестись, потому что на новой базе происходит процесс структурной *организации*. Но падение производительных сил в связи с процессом отрицательного расширенного воспроизводства продолжается постольку, поскольку продолжается война. Эта война требует не только материально-вещественных ресурсов: она отбирает и лучший людской состав, рабочих-администраторов и организаторов.

Нетрудно видеть, что во всех перечисленных случаях дело сводится к сокращению, перебоям, заstopориванию, а иногда и параличу *процесса воспроизводства*, чему адекватно падение производительных сил, «отрицать» которое столь же неумно, как и «отрицать» самый процесс революции. Вопрос заключается в том, чтобы выяснить функциональное значение этого падения. Между близорукими идеологами буржуазии и идеологами пролетариата разница здесь не в том, что одни «констатируют» эти факты, а другие их отрицают, а в том, что идеологи буржуазии рассматривают эти явления статически, тогда как единственно правильный (и следовательно общезначимый) метод заключается в рассматривании временного падения производительных сил с *точки зрения трансформационного процесса*, т.-е. не только с точки зрения *ближайших* циклов общественного воспроизводства, а с широкой точки зрения крупных исторических масштабов.

Само собою разумеется, что поскольку процесс падения производительных сил выражается в непосредственном уничтожении элементов производства, постольку он тем более болезнен, чем больше были сокращены производительные силы за время войны. Падение производительных сил от последней причины связывается с их «революционным» падением: война и революция, как взрыв капиталистической системы, сливаются в процессе общественной трансформации.²⁴

Из всего предыдущего анализа вытекает, что остановка в падении производительных сил не может начаться раньше установления новой структуры общества, нового социально-производственного равновесия. Оно есть необходимейшее условие для возобновления процесса воспроизводства. Только после перестройки человеческого трудового аппарата, перестройки, которая уничтожает препятствия для развития производительных сил, разрывает ту «оболочку», которая из «форм развития» превратилась в «оковы для развития», — только после этого возможна последняя фаза революции — *технический переворот*, переворот не в отношении между людьми, а в отношении между человеческим коллективом и внешней природой.

Здесь придется пережить на первых порах период «первоначального социалистического накопления».²⁵ В чем состояла производственная сущность *капиталистического* первоначального накопления? В том, что политическая власть буржуазии мобилизовала огромные массы населения, ограбив их, превратив их в пролетариев, создав из них основную производительную силу капиталистического общества. *Производство пролетариата* — вот «сущность» периода первоначального накопления. «Делающими эпоху в истории первоначального накопления являются все перевороты (*Umwaltungen*), которые служат рычагом в руках образующегося класса капиталистов; но прежде всего, моменты, когда большие человеческие массы внезапно и насильственно отрываются от своих необходимых средств к жизни

и выбрасываются на рынок как стоящие вне закона ("vogelfreie") пролетарии".²⁶ *Капитал* путем грабежа, классового насилия и разбоя мобилизовал таким образом производительные силы, сделав их исходным пунктом дальнейшего развития.

Но и социализм, вырастающий на гряде обломков, должен неизбежно начинать с *мобилизации живой производительной силы*. Эта трудовая мобилизация составляет основной момент социалистического первоначального накопления, которое есть диалектическое отрицание капиталистического. Его классовая сущность состоит не в создании предпосылок для процесса эксплуатации, а в хозяйственном возрождении при *уничтожении* эксплуатации; не в насилии кучки капиталистов, а в самоорганизации трудящихся масс.

Выше мы видели, что процесс распада капиталистической системы сопровождается не только уничтожением живой рабочей силы или ее декалфикацией, но и простым *выпадением* ее из трудового процесса. Совершенно ясно поэтому, что когда пролетариат приступает к восстановлению процесса воспроизводства, он должен начинать с мобилизации выпавших из производственного процесса сил. Но он не может ограничиваться этим. На первых ступенях развития, когда пролетариату достается в наследство жестоко пострадавший материально-машинный технический остов, особое значение приобретает живая рабочая сила. Поэтому переход к системе *всеобщей трудовой повинности*, т.-е. вдвигание в пролетарски-государственный трудовой процесс и широких *непролетарских* масс, в первую очередь масс крестьянства, является повелительной необходимостью.²⁷ Создание коллективно-действующей живой массовой производительной силы есть исходный пункт для дальнейшей работы. Наиболее важными сферами труда первоначально является транспорт, заготовка топлива, сырья и продовольствия.²⁸ Отсюда начинается *восходящая* линия развития, которая будет сопровождаться мощным развитием *техники*. Отмена частной собственности на средства производства, отмена патентного «права» и коммерческой тайны, единство плана и т. д. делают возможным переход на электрическую энергию. Если при капитализме частная собственность на землю со всеми ее «дополнениями» (водопады, реки, залежи торфа и проч.) и монополия капиталистических кланов страшно тормозили развитие производительных сил, и даже в самых мощных капиталистических странах применение электрической энергии, постройка новых силовых станций и проч. наткнулись на границы, указываемые частной собственностью,²⁹ то при господстве пролетариата за периодом «первоначального социалистического накопления» последует настоящий технический переворот, революция общественно-производственной техники. «Век пара — век буржуазии. Век электричества — век социализма» — это совершенно правильная *техническая* характеристика начальных стадий развивающегося социализма.³⁰

Электрификация промышленности, постройка громадных силовых станций, создание могучей транспортной сети в корне перевернет и соотношение между городом и деревней. Она не только будет способствовать превращению раздробленных мелких собственников в общественных работников,

она рационализирует и перевернет в корне весь процесс сельскохозяйственного производства. Примитивные, почти варварские орудия она заменит последним словом техники и тем уничтожит основную диспропорциональность капиталистического производства, диспропорциональность между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства, которая вызывалась существованием поземельной ренты и частной собственностью на землю и которая еще до войны приводила к громадному росту цен на продукты сельскохозяйственного производства.³¹ Противоположность между городом и деревней понемногу будет исчезать, а вместе с нею будет исчезать специфический «идиотизм деревенской жизни». Производительные силы человеческого общества будут распределяться между различными областями в зависимости от наиболее подходящих естественных условий (близость к источникам топлива, сырья и т. д.). Вопрос о “Standart'e der Industrie” будет уже решаться вне связи с существованием капиталистических барьеров, и развитие производительных сил пойдет гигантскими шагами вперед плавным и уверенным ходом.

ГЛАВА VII

Общие организационные формы переходного периода

1. Государственный капитализм. 2. Система социалистической диктатуры.
3. Социализация (обобществление). 4. Национализация. 5. Муниципализация.
6. Другие формы обобществления.

Буржуазная политическая экономия «принципиально» абстрагирует от *историческо-социальных форм* производственного процесса. Поэтому для нее совершенно «не важны» отношения господства, эксплуатации, классовой характеристики данной общественной формации и т. д. Немудрено, что такая «принципиальность» есть возведение в «принцип» невероятной теоретической путаницы, практически весьма небезвыгодной для буржуазии. Эта путаница достигла своего высшего напряжения как раз за время войны и в послевоенный период. Она выразилась, прежде всего, в грубейшем смешении системы *государственного капитализма* с системой *социалистической диктатуры пролетариата*.

Вернер Зомбарт, во введении к “Grundlagen und Kritik des Sozialismus”,³² определяет социализм таким образом: «социализм есть практическая социальная рационалистика с антихрематистической тенденцией» (“Sozialismus ist praktische Sozialrationalistik mit anti-chrematistischer Tendenz”). Это, с позволения сказать, «определение» имеет свои глубокие литературные корни. Ибо существует старинная традиция, приобретающая прочность предрассудка, традиция, которая рабовладельческий коммунизм Платона, прусско-юнкерский «государственный социализм» Родбертуса, финансово-капиталистический государственный капитализм эпохи войны и марксов коммунизм берет за одну скобку на том достаточном основании, что во всех этих формах есть «социальная рационализация с антихрематистической тенденцией». Ясно, однако, что такая точка зрения несколько не лучше тех варварски грубых одновременно и наивных, и хитрых опре-

делений, какие за время войны давались империализму, как внеисторической, а иногда даже всеобщей биологической функции.³³ Логически эта путаница связана с тем, что здесь прячется под спуд классовая характеристика государства, которое выступает под псевдонимом «общего», «целого», «общественного целого» и прочих прекрасных слов, а также специфический характер производственных отношений. Эти последние рассматриваются лишь под углом зрения того, что уничтожается анархия производства и связанная с ней денежная система. Но так как под эту формулу подойдут все и всяческие виды экономических структур, построенных на основе натурально-хозяйственных и в то же время планомерно регулируемых отношений, *какую бы классовую или выклассовую характеристику эти отношения ни носили*, то понятно, что эта формула не годится как раз потому, что она слишком обща, что она обнимает прямо *противоположные* по своей классовой характеристике общественные структуры.

Если мы перейдем теперь к государственному капитализму, то увидим, что государственный капитализм есть совершенно специфическая и чисто-историческая категория, несмотря на то, что в нем есть и «социальная рационалистика» и «антихрематистическая тенденция». Ибо он есть в то же время один из видов — самый «совершенный» — вид *капитализма*. Основным производственным отношением капиталистического строя является отношение между капиталистом, владеющим средствами производства, и рабочим, продающим капиталисту свою рабочую силу. При рассмотрении государственно-капиталистической структуры нельзя, абсурдно выкидывать этот основной классовый признак. С точки зрения соотношения социальных сил государственный капитализм представляет из себя *потенцированную* (возведенную в степень) власть буржуазии, где господство капитала достигает своей высочайшей силы, поистине чудовищной величины.³⁴ Другими словами, *государственный капитализм есть рационализация производственного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии*.

Так как государственный капитализм есть сращение буржуазного государства с капиталистическими трестами, то очевидно, что не может быть и речи о каком бы то ни было «государственном капитализме» при диктатуре пролетариата, которая принципиально исключает такого рода возможность.³⁵

Рассуждая «вообще», можно было бы поставить вопрос о возможности такой формы, когда пролетарское государство в самом начале своего существования регулирует деятельность капиталистических трестов *до* «экспроприации экспроприаторов», «разумно подготовляя» эту экспроприацию так, чтобы сохранить в целостности все «аппараты». Если бы такая система была возможна, то это не был бы государственный капитализм, ибо последний предполагает капиталистическое государство. Это было бы не высшее выражение капиталистического порядка, а некоторая промежуточная ступень в развитии революции. Но такая форма *невозможна*, ибо допущение ее покончит на иллюзии — правда, чрезвычайно распространенной — будто бы пролетариат может «овладеть» всеми капиталистическими аппаратами, не трогая их капиталистической девственности, а господа капиталисты могут

с удовольствием подчиняться всем велениям пролетарской власти. Здесь, следовательно, предполагается состояние равновесия в таких условиях, которые *заранее исключают* всякое равновесие.³⁶

Система социалистической диктатуры, которую можно было бы назвать государственным социализмом, если бы последний термин не был испорчен его обычным употреблением, есть диалектическое отрицание, противоположность государственного капитализма. Здесь в корне меняется *тип* производственных отношений, уничтожается верховная власть капитала в производстве, ибо меняется основа основ капиталистического строя — отношения собственности. И здесь есть «общественная рационализация с антихрематистической тенденцией», но эти черты даны на базе совершенно иного соотношения классов, что меняет целиком и весь характер производственного процесса. В системе государственного капитализма хозяйствующим субъектом является *капиталистическое* государство, собирательный, *коллективный капиталист*. При пролетарской диктатуре хозяйствующим субъектом является *пролетарское* государство, коллективно-организованный рабочий класс, «пролетариат, организованный, как государственная власть». При государственном капитализме процесс производства есть процесс производства прибавочной ценности попадающей в руки класса капиталистов, с тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт. При пролетарской диктатуре процесс производства служит средством для планомерного удовлетворения общественных потребностей. Система государственного капитализма есть наиболее совершенная из всех форм эксплуатации масс кучкой олигархов. Система пролетарской диктатуры делает невыносимой какую бы то ни было эксплуатацию вообще, ибо она превращает коллективно-капиталистическую собственность и частно-капиталистическую форму ее в «собственность» коллективно-*пролетарскую*. Следовательно, несмотря на формальный момент сходства, здесь дана диаметрально противоположность по существу.³⁷ Этой противоположностью определяется и противоположность всех функций рассматриваемых систем, хотя бы они были формально сходными. Так, всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе пролетарской диктатуры она есть не что иное, как трудовая самоорганизация масс; мобилизация промышленности в первом случае есть усиление власти буржуазии и укрепление капиталистического режима, тогда как во втором она есть укрепление социализма; все формы государственного принуждения в государственно-капиталистической структуре есть пресс, который обеспечивает, расширяет и углубляет процесс эксплуатации, в то время как государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества. Одним словом, *функциональная противоположность формально сходных явлений предопределяется здесь целиком функциональной противоположностью организационных систем, их противоположной классовой характеристикой*.³⁸

Коммунизм есть уже не форма переходного периода, а его завершение. Это структура безклассовая, безгосударственная, вполне гармонично построенная во всех своих частях. Только здесь впервые появляется абсолютно единое организованное «целое». Диктатура пролетариата эволюци-

онным путем «вызывает» в коммунизм, отмирая вместе с государственной организацией общества.

Переход от капитализма к социализму совершается через концентрированную мощь пролетариата — рычаг пролетарской диктатуры. Система мер, при помощи которых совершается этот переход, обычно обозначается термином «социализация» или «обобществление».³⁹ Уже из предыдущего ясно, что это термин не совсем точный. Если говорить об обобществлении, понимая под этим то, что трудовой процесс в целом удовлетворяет общественные потребности, т. е. потребности всего общества, как системы, то такое «обобществление» было и в пределах капитализма. Именно это разумел Маркс, когда говорил об «обобществленном труде». То же самое утверждал и Родбертус, когда выставлял свое положение, что сущностью общества является коммунизм. Однако, ясно, что не об этом идет речь в данной связи. Здесь речь идет о таких мероприятиях, которые создавали бы новый тип производственных отношений *на основе коренного изменения в отношениях собственности*. Другими словами, «экспроприация экспроприаторов» и должна быть содержанием социализирующего процесса. Следовательно, под социализацией разумеется передача средств производства в руки общества. Однако, здесь как раз и вскрывается некоторая неточность термина. Ибо в переходную эпоху между государственным капитализмом и коммунизмом сознательным хозяйствующим субъектом является не «все общество», а *организованный рабочий класс*, пролетариат. Тем не менее, поскольку мы рассматриваем весь процесс в целом, начиная с насильственной экспроприации вплоть до отмирания пролетарской диктатуры, что есть также *процесс*, разница между пролетариатом и всей совокупностью общественных работников становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает совершенно. Тем самым дано оправдание и термину «социализация».⁴⁰ Если под социализацией мы разумеем переход средств производства в руки организованного пролетариата, как господствующего класса, то возникает вопрос о конкретных формах этого перехода. Мы уже по существу разбирали его в предыдущих главах. Здесь только необходимо отграничить друг от друга понятия, которые постоянно путаются противниками коммунистического переворота. Ясно, что, поскольку в переходный период хозяйствующим субъектом является конституировавшийся, как государственная власть, рабочий класс, постольку основной формой социализации производства является его *огосударствление*, или *национализация*.⁴¹ Однако, совершенно очевидно, что огосударствление (национализация) «вообще» скрывает в себе совершенно различное материально классовое содержание, в зависимости от классовой характеристики самого государства. Если не смотреть — как это делают представители буржуазной науки — на государственный аппарат как на организацию нейтрально-мистического свойства, то необходимо точно так же понять, что и все функции государства носят классовый характер. Отсюда следует, что необходимо строго различать *буржуазную* национализацию и национализацию *пролетарскую*. Буржуазная национализация приводит к системе государственного капитализма. Пролетарская национализация приводит к государственной формулировке социализма. Точно так же, как пролетарская диктатура есть отрицание, антипод, буржуазной диктатуры — пролетар-

ская национализация есть отрицание, полная противоположность буржуазной национализации.

То же необходимо сказать и о различного вида «муниципализациях», «коммунализациях» и т. д. Теоретически в высокой степени неправильно *противопоставлять* эти понятия понятию огосударствления. Ибо система так называемого «местного самоуправления» во *всяком классовом* обществе (следовательно, в таком обществе, где существует государство) есть не что иное, как составная часть местных аппаратов государственной организации господствующего класса.⁴² Определенный классовый характер государственной власти создает такой же определенный классовый характер местных органов этой власти. Поэтому пролетарская муниципализация и буржуазная муниципализация должны различаться так же строго, как и разнородные «национализации».

Само собой разумеется, что кроме этих основных форм, когда пролетариат, как целое, *непосредственно* овладевает производственным процессом, есть ряд *низших* форм *этого* же процесса (в особенности по отношению к деревне). Здесь связь с пролетарским государством менее тесна, но она все же есть. Ибо пролетарская диктатура является тем рычагом, который переворачивает старый порядок и строит новый. В конечном счете процесс социализации во *всех* его формах есть таким образом функция пролетарского государства.

ГЛАВА VIII

Системы управления производства при диктатуре пролетариата

1. Классовый характер государства и методы управления. 2. Пролетарское управление промышленностью в период разрушения капиталистической системы. 3. Пролетарское управление промышленностью в критические периоды («милитаризация»). 4. Управление и обучение управлению в разные фазы трансформационного процесса. 5. Вероятный ход развития.

Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей. Различное функциональное значение всего производственного процесса дано *различием в отношениях собственности и в классовой характеристике государственной власти*.⁴³ Теоретически совершенно неправильно представление, что определенный класс связан единственной, в деталях своих неизменной формой управления. Любой общественный класс может находиться в различных условиях, к которым должны быть приспособлены методы и формы управления. Эти последние определяются нормами технической целесообразности, при чем *разные* формы имеют одно и то же классовое содержание, поскольку даны определенные отношения собственности и определенный классовый характер государственной власти.

Лучшим примером может служить практика буржуазии. От форм «широкой демократии» буржуазия в эпоху империализма перешла к ограничению прав парламента, к системе «малых кабинетов», усилению роли пре-

зидента и т. д. Но было ли ограничение «прав парламента» и «кризис парламентаризма» ограничением прав буржуазии и кризисом ее господства? Не было ни на йоту. Наоборот, эти явления знаменовали собой *усиление* господства буржуазии, централизацию и милитаризацию ее власти, что было в эпоху империализма категорической необходимостью как раз с точки зрения буржуазии.

Если Спенсер полагал, что «индустриальное государство» должно быть анти-милитарным по существу, потому что военщина есть специфическое свойство феодального режима, то он глубоко заблуждался, ибо превращал особенности одной *фазы* капиталистического развития в универсальную форму. Конкурентная мировая борьба, поставившая все развитие под знак войны, заставила буржуазию изменить форму своего господства. Но только вульгарные умы могут в этом видеть ограбление прав буржуазии в пользу несуществующей величины. Даже так называемый «личный режим» отнюдь неправильно *противопоставлять* классовому господству. Наоборот, при определенном сочетании условий господство класса может находить себе наиболее адекватное выражение как раз в личном режиме. Таково, например, господство помещиков, выражавшееся в самодержавии. Такова буржуазная диктатура в эпоху гражданских войн, когда она находит свою наиболее совершенную (т. е. приспособленную к условиям момента) формулировку в диктатуре «честной шпаги». Изменение *формы* управления может найти себе место и в сфере управления промышленностью, в зависимости от технической целесообразности.

Но если эти положения правильны вообще, то они правильны и для эпохи пролетарской диктатуры.

Отсюда ясно, что различные системы управления промышленностью в процессе общественной трансформации следует рассматривать в строгой зависимости от конкретной *фазы развития*. Только при таком методе рассмотрения можно понять необходимую смену форм, неизбежные вариации различных систем управления, в пределах *постоянной* *классовой «сущности»* данной системы.

Первоначальная фаза развития есть период *разложения и разрыва капиталистических отношений производства* и в то же время период *овладения пролетариатом стратегическими узлами экономики*. Этот период, вообще говоря, начинается раньше «перехода» политической власти к пролетариату, потому что этапы революции (идеологическая, политическая, экономическая, техническая ступени ее) не ограничены резкой гранью друг от друга, и один период «захлестывается» другим. Борьба за социализацию производства, т.-е. за пролетарскую фабрику, идет по всей линии снизу, параллельно с нарастанием революционной волны. Она выражается в том, что в старую систему клином врезаются и раскалывают ее окончательно такие организации, как революционные «фабрично заводские комитеты» (Россия), «производственные советы» («Betriebsräte» в Германии) или другие аналогичные представительные и иногда широко коллегиальные органы сплачивающегося в ходе борьбы рабочего класса. Эту фазу развития необходимо анализировать в первую очередь.

В рассматриваемый период общество находится в состоянии максимальной неустойчивости. Соотношение социальных сил таково, что никакое рав-

новесие на старой основе абсолютно невозможно. Капиталистическая буржуазия и техническая интеллигенция, идущая, как общее правило, в этот период вместе с капиталистической буржуазией, не имеют особого интереса «налаживать производство». Их внимание сосредоточивается на том, чтобы предупредить победу рабочего класса. Фабрики и заводы все более и более остаются «без хозяина». Первой попыткой поставить нового «хозяина» — рабочий класс — и являются вышеназванные организации пролетариата. Является ли эта система широкой коллегиальности, фабричных советов, *технически* наиболее совершенной? Конечно, нет. Но вовсе не в этом состоит ее функциональная роль. *В рассматриваемый период речь идет о первых шагах к установлению нового равновесия, без которых* немислимо какое бы то ни было строительство действительно более совершенных форм. Даже в «нормальное» капиталистическое время буржуазные организаторы производства считали одной из самых крупных проблем управления проблему соотношения между органами капиталиста и рабочими.⁴⁴ Здесь эта проблема *не может быть решена вовсе*. Дело идет лишь о нащупывании *новой системы равновесия*. Следовательно, на данной ступени развития «совершенное техническое управление» нельзя вовсе и ставить, как очередную задачу. Решение такой задачи предполагает некоторую устойчивость элементов производства, не только вещественно материальных, *но и людских*. А в рассматриваемый период как раз нет и не может быть такой предпосылки. Однако, в некотором смысле все же и здесь можно говорить о шаге вперед.

В самом деле, выше мы видели, что людские технически-трудовые отношения суть в то же время отношения социальные. Поэтому с точки зрения сравнения с абсолютной дезорганизацией хозяйственного аппарата, когда в предприятии нет никакого организующего начала, «захват власти» на фабрике рабочими ячейками представляет плюс даже с точки зрения логики «чистого производства». Неизмеримо существеннее представляется он с точки зрения его роли в общесоциальном процессе. Ибо только таким путем и может произойти внедрение рабочего класса, как организующего начала, в производственный процесс. По сути дела здесь задача экономически *боевая*: укрепить *рабочий класс, как класс господствующий, во всех порах экономической жизни*. *Технически, такая система, сопровождающаяся неизбежно широчайшей коллегиальностью, принципом абсолютной выборности (при чем эта выборность идет под политическим флагом, а не под флагом технического стажа), частой сменяемостью и — в силу широкой коллегиальности — децентрализацией и распылением ответственности, весьма далека от совершенства.*⁴⁵ Но только так рабочий класс может укрепить свои позиции в экономической жизни, создавая низовые ячейки своего аппарата управления, ячейки, которые быстро связываются между собой, срастаются с вызревшими еще в «лоне капитализма» организациями рабочего класса *и таким путем образуют новую ткань пролетарского экономического аппарата*. Разложение старого, грубый набросок нового, — вот что представляет собой разбираемый тип производственного администрирования.

Здесь уместно будет привести аналогию с тем процессом, который происходит в армии. На смену строжайшей империалистской субординации

выдвигается принцип широкой выборности: создаются бесчисленные комитеты во всех звеньях армейского аппарата; вопросы армии становятся предметом широчайшего обсуждения и дискуссий; «старая власть» в армии окончательно дискредитируется и подрывается; реальными узлами власти становятся новые органы и через них новые классы. Каков объективный смысл этого процесса? Первое и самое главное: *разложение, разрушение старой империалистской армии*. Второе: *воспитание, подготовка активных организующих сил будущей пролетарской армии, воспитание, покупаемое ценой разрушения старого*. Никто не станет утверждать, что полковые комитеты делают армию боеспособной. Но объективная задача, ведь, и не состоит в том, чтобы поддержать боеспособность старой армии. Наоборот, она состоит в ее разложении и подготовке сил для *иного* аппарата.

Однако, несмотря на все сходство процесса там и тут, есть все же одно крупное различие. В производстве сохраняется большая *непрерывность* всего процесса. Это происходит потому, что в недрах капиталистической системы уже была дана *основа* производственного аппарата будущего, в первую очередь профессиональные союзы. Соответствующих же военных организаций не было и не могло быть. Поэтому в военной сфере развитие идет большими скачками, весь процесс выражен более резко, грубо, если угодно, более революционно.

Резко отличается от разбираемого случая тип *пролетарски милитаризованного производства*. «Милитарный» тип любой организации выступает на сцену тогда, когда данная система находится в критическом положении. На войне налицо постоянная угроза гибели как отдельных частей борющегося аппарата (армии), так и «целого». Поэтому здесь требуется самими условиями существования этой организации совершенно определенный тип ее: величайшая точность, безусловная и беспрекословная исполнительность, быстрота решений, единство воли и поэтому минимум обсуждения и говорения, минимум коллегий, максимум единоличия. С другой стороны, поскольку элементы этой организации не являются спаянными внутренне, не выполняют всех решений сами, постольку армия опирается на систему репрессий, которые именно в этой области достигают своего максимума и находят как раз здесь свое наиболее яркое выражение.

Последний элемент должен быть особенно силен тогда, когда армия вербуются из элементов, которые *сами* не заинтересованы в войне, когда война ведется *против* их интересов. Такова империалистская война. Но и при господстве пролетариата элемент принуждения и репрессии играет большую роль, тем большую, чем больше процент не чисто пролетарских элементов — с одной стороны и несознательных или полусознательных элементов среди самого пролетариата — с другой.⁴⁶ В таком случае «милитаризация»⁴⁷ населения — в армейской организации прежде всего — является методом *самоорганизации рабочего класса и организации им крестьянства*.

Поскольку пролетарская диктатура и ее классический тип — советская система государства — находится в критическом положении, постольку совершенно ясно, что она должна приобрести характер *военно-пролетарской диктатуры*. Это значит, что деловые аппараты управления сжимают-

ся, широкие коллегии сменяются узкими, все наличные организаторы и администраторы из рабочих распределяются наиболее экономным образом.

Это же явление — в усиленном виде — необходимо возникает при опасности *хозяйственной* катастрофы. Опасность эта дана хозяйственным истощением за время империалистской войны и войны гражданской. Поскольку центр тяжести пролетарских задач переносится в область хозяйственного строительства, где основная ткань хозяйственных аппаратов *уже* пропитана рабочими-администраторами, где рабочие организации *уже* стали основой, стержнем этих аппаратов, там с абсолютной неизбежностью намечается реорганизация их, идущая по линии сокращения коллегиальности, а в некоторых случаях (на отдельных заводах, фабриках и т. д.) к введению единоличного управления. Это последнее не есть ни уменьшение прав класса, ни уменьшение роли его организаций. Это есть сжатая, уплотненная *форма* пролетарского управления промышленностью, форма, приспособленная к условиям быстрой работы, ее «военного» темпа. Технически эта форма гораздо более совершенна, ибо ее значение не в том, чтобы разрушать старое или только обеспечить господство новым отношениям или воспитывать массы; центр тяжести лежит здесь как раз в конструкции делового аппарата, в плавном и точном ходе работы. Эту задачу революция решает *после* того, как создана основа пролетарского административного аппарата вообще. Здесь уже не приходится центр внимания сосредоточивать на проблеме укрепления классовых позиций пролетариата — это вопрос в основном решенный: здесь центр тяжести лежит не в принципиальном изменении производственных отношений, а в подыскании такой формы управления, которая обеспечивает максимальную деловитость. Принцип широкой выборности, снизу (обычно даже рабочими по фабрикам) заменяется принципом тщательного *подбора* в связи с техническим и административным стажем, компетентностью, твердостью кандидатов. Во главе правлений заводов становятся ответственные лица — рабочие или специалисты-инженеры. Но они подбираются и назначаются хозяйственными органами *пролетарской* диктатуры; их выставляют и предлагают тоже рабочие организации. В порах такой системы любой инженер не может выполнять никакой другой функции, кроме той, которая требуется от него пролетариатом.

Этот тип пролетарского управления промышленностью возможен и целесообразен лишь при определенных условиях; прежде всего, он предполагает прочность уже сложившейся советской власти, некоторое уже установившееся социальное равновесие на новом базисе. Такая система была бы невозможна и нецелесообразна в первую фазу переворота, фазу разрушения старых связей и овладения производственными пунктами. Это нужно подчеркнуть со всей решительностью.⁴⁸

Здесь нужно поставить еще один вопрос, стоящий в связи с уже разобранными, а именно вопрос о соотношении методов *управления* с методами *обучения управлению*. Одной из важнейших задач советской системы вообще является привлечение самых широких масс к непосредственному управлению. Точно так же обстоит дело, поскольку мы говорим о *хозяйственных* организациях государственного аппарата. В первый период функция обучения *сливается* с функцией самого управления. Иначе и не может быть. Буржуазные организаторы производства, техническая интеллиген-

ция, идет тогда против пролетариата, рабочие еще не имеют административного опыта, но на их плечи ложится все. При таком положении дела пролетарии-передовики управляют, обучаясь, и обучаются, управляя. Другого выхода на первой ступени строительства социализма нет. Но для выполнения этих целей как раз и пригодна форма широко проведенной системы коллегиальности. Это есть не столько управление, сколько школа управления. Однако, совершенно очевидно, что из нужды не следует делать добродетели. В дальнейших фазах развития, поскольку укрепились позиции рабочего класса, как класса господствующего, и поскольку создается твердый остов компетентного управления промышленностью, базой которого служит уже слой выделившихся рабочих-администраторов; поскольку, с другой стороны, техническая интеллигенция возвращается, подобно блудному сыну в производственный процесс, — постольку функция управления отделается от функции обучения этому управлению. Обучение управлению уже не покупается ценой постоянных ошибок в самом управлении. Массы, все более широкие, заинтересовываются и обучаются промышленному администрированию в особых учреждениях, особыми методами и приемами, гораздо более систематично, чем это было возможно в предыдущую фазу.⁴⁹

Каков вероятный ход дальнейшего развития на пути к коммунизму? Поскольку острота хозяйственного кризиса (кризиса истощения) будет проходить и поскольку будут накапливаться все большие ресурсы человеческого материала, который может управлять и умеет управлять, постольку не будет надобности в резко выраженном милитарном типе управления. При всех своих безусловных преимуществах он имеет и некоторые крупные недостатки, вытекающие из типа принудительной дисциплины. Он категорически необходим при таких условиях, когда нужно действовать решительно и быстро: тогда его недостатки тонут в его достоинствах. Раз, однако, он выполнил свое назначение, на смену ему приходит новая фаза «развернутой» системы управления, которая отнюдь не является простым повторением уже пройденной ступени, а синтезом двух предыдущих. Тогда, говоря языком Гегеля, первая фаза представится, как тезис, вторая, как антитезис, а третья, как их объединение в некотором высшем единстве. Развитие, конечно, не остановится на этом. По мере отмирания государственной власти и всякой принудительной нормировки человеческих отношений коммунистическое человечество создаст наивысший тип «управления над вещами», где исчезнет и самая проблема коллегиальности или единоличия в какой бы то ни было формулировке, ибо люди будущего будут делать то, что будут требовать сухие выкладки статистического подсчета. Управление над людьми исчезнет навсегда.

ГЛАВА IX

Экономические категории капитализма в переходный период⁵⁰

1. Методология марксистской экономики: объективно-общественный материально-производственный и историческо-диалектический подход. 2. Постулат

равновесия производственной системы. 3. Видоизменение этих точек зрения в переходный период: непроизводительное получение потреб. ценностей, отсутствие правильного воспроизводства и т. д.; отсутствие равновесия. 4. Товар. 5. Ценность. 6. Цена. 7. Заработная плата и прибыль. 8. «Натурализация» экономического мышления.

В анализе экономики переходного периода приходится иметь дело не только с «чистыми» формами и категориями. Этот анализ потому и труден, что здесь нет устойчивых величин. Если вообще наука в ее теперешнем состоянии изучает текущие «процессы», а не застывшие метафизические «сущности», то как раз в переходный период по причинам, совершенно очевидным, категории бытия заменяются категориями «становления». Текучесть, изменяемость, движение — эти черты свойственны переходному периоду в гораздо большей степени, чем «нормально» развивающимся отношениям внутри прочной производственной системы. *Поэтому перед нами возникает вопрос, годятся или не годятся те методологические, приемы и те «мыслительные категории», которые употреблялись Марксом по отношению к капиталистическому обществу, годятся ли они теперь, в эпоху ломки капитализма и закладывания нового общественного фундамента.*

В самом деле. «При изучении экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции».⁵¹ Изучая капиталистическую форму хозяйства и пользуясь этой силой абстракции, Маркс создал целую систему понятий, систему орудий познания живой экономической действительности. Не только в руках гения, но и в руках всех последующих исследователей — не апологетов и сикофантов, а действительно научных исследователей — явлений хозяйственной жизни понятия эти были важнейшим средством научного овладения хозяйственным процессом. Научно овладеть хозяйственным процессом значит понять его в его развитии, понять каждое явление в его возникновении, эволюции и исчезновении и понять, как часть целого — при такого рода научном овладении понятия, отчеканенные Марксом, действовали «без отказа». Краеугольными камнями всего здания теоретической политической экономии, т.-е. теории хозяйства в его капиталистической форме, основными понятиями всей системы, были понятия: *товар, ценность, цена.*

Но пробил час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприруются. Капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы пришло к отрицанию себя самого. Коммунистическая революция потрясает всю хозяйственную систему до глубочайших основ, кощунственно разбивая «вечный» храм капитализма. Начинается процесс гигантских экономических сдвигов, грандиозных изменений, процесс перестройки всей системы производственных отношений. Старое переплетается с новым, новое борется со старым и то преодолевает его, то бессильно отступает назад. Нам необходимо познавательное овладеть этим сложным процессом, и здесь снова и снова приходится прибегать к силе абстракции.⁵²

При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством пе-

реходного периода, мы натываемся на то, что *старые понятия теоретической экономики моментально отказываются служить*. Мы натываемся на любопытное противоречие. *Старые категории политической экономики продолжают быть формами практического обобщения непрерывно меняющейся живой экономической действительности*. В то же время эти категории не дают никакой возможности проникнуть за «поверхность явлений», т.-е. отделаться от вульгарного мышления, понять процесс хозяйственной жизни в его целом и в его развитии. Это и понятно. В самой действительности те элементарные отношения, идеологическим выражением которых являются категории товара, цены, заработной платы, прибыли и т. д., одновременно и существуют и не существуют. Они не существуют и в то же время как бы существуют, и они существуют, как бы не существую. Они влачат какое-то странное призрачно реальное и реально призрачное существование, на манер душ усопших в старославянском представлении или языческих богов в благочестивой христианской религии. Поэтому старые, испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни они продолжают некритически рассматриваться, как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни.⁵³

Теоретическое пользование этими категориями предполагает теперь полное понимание их ограниченно исторического характера, понимание границ их значимости, понимания условий, смысла и предела их применимости при хозяйственных отношениях, перескакивающих на принципиально иные рельсы. Нам предстоит поэтому, во-первых, проанализировать исходные пункты, «методологию» теоретической экономики и выяснить роль основных ее понятий; во-вторых, проследить видоизменения и ограничения, которые возникают для них в системе переходного хозяйства.

Можно различать три характерные особенности марксистской экономической методологии: объективно общественную точку зрения, материально-производственный подход и, наконец, диалектически историческую постановку вопроса.

Объективно общественная точка зрения утверждает примат общества над отдельным хозяйствующим субъектом — личностью. Последнего она рассматривает не как «атом», не как изолированного Робинзона, а как часть социальной системы. «Производство изолированного индивидуума вне общества — такой же вздор, как развитие языка без совместно живущих и друг с другом разговаривающих индивидуумов».⁵⁴

Материально-производственный подход утверждает примат производства над потреблением и над всей экономической жизнью вообще. Первая (объективно общественная) точка зрения, являясь, как говорят математики, необходимой, отнюдь не является достаточной для характеристики всего метода. Общество существует, как некоторая устойчивая система. Каковы материальные условия существования этой системы? «Всякий ребенок знает, что любая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель».⁵⁵ Существование общества обусловлено его производством, которое носит

«общественно определенный характер». Само общество рассматривается, прежде всего, как «производственный организм», а хозяйство, как «производственный процесс». Динамика производства определяет собой динамику потребностей. Производство, как основное условие существования общества, является элементом *данным*.⁵⁶

Диалектико-исторический метод рассматривает общество в его специфически исторических формах, а общие законы общественного развития в их конкретном проявлении, как законы определенной общественной формации, ограниченные в своем действии историческими пределами этой формации.⁵⁷ Поэтому и экономические категории суть «теоретическое выражение тех исторических отношений производства, которые сами соответствуют определенным ступеням развития этого материального производства». ⁵⁸ Они ни в коем случае не имеют вечного характера, как то утверждает буржуазная наука, которая увековечивает их потому, что увековечивает капиталистический способ производства.⁵⁹

Кроме этих основных особенностей марковского метода, необходимо отметить *еще один методологический прием, который можно условно назвать постулатом равновесия*. На этом приеме, в виду его сугубой важности, с одной стороны, непонимания его в обычных изложениях марковского учения — с другой, следует остановиться особенно подробно.

Теоретически овладевая капиталистической системой производственных отношений, Маркс исходит из *факта ее существования*. Раз эта система существует, значит — худо ли, хорошо ли — общественные потребности удовлетворяются, по меньшей мере, в такой степени, что люди не только не вымирают, но и живут, действуют и размножаются. В обществе с общественным разделением труда — а товарно капиталистическое общество предполагает это последнее — это означает, что должно быть определенное *равновесие* всей системы. В нужных количествах производится уголь, железо, машины, ситцы, полотна, хлеб, сахар, сапоги и т. д. и т. п. В нужных количествах на производство всего этого соответственно затрачивается живой человеческий труд, пользующийся нужными количествами средств производства. Тут могут быть всякие отклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но, в общем и целом, находится в состоянии равновесия.⁶⁰

Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии. Результат рассмотрения всей капиталистической системы *при условии ее равновесия* и есть теоретическая экономия, как научная система.

«Известно всем, что для соответствующих различным потребностям масс продуктов, требуются различные и количественно определенные массы совокупного общественного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда — эта форма и есть меновая ценность продукта».⁶¹

Тут кратко и отчетливо виден весь подход к решению основной проблемы — проблемы *ценности*.

Если с этой точки зрения мы взглянем на всю конструкцию «капитала», то мы увидим, что анализ начинается с твердой, устойчивой системы равновесия. Постепенно вводятся усложняющие моменты. Система начинает колебаться, она становится подвижной. Эти колебания, однако, не теряют своего закономерного характера, и, несмотря на самые резкие нарушения равновесия (кризисы), система, как целое, сохраняется; через нарушение равновесия устанавливается новое равновесие, так сказать, более высокого порядка. Лишь поняв законы равновесия, можно было идти дальше и ставить вопрос о колебаниях системы. Самые кризисы рассматриваются не как прекращение равновесия, а как нарушение его, при чем считается необходимым отыскать закон этого движения, поняв не только, как нарушается равновесие, но и как оно снова восстанавливается. Кризис не выходит за пределы колебания системы. К концу исследования *эта система движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесия восстанавливается снова и снова. Закон ценности есть закон равновесия простой товарной системы производства. Закон цен производства есть закон равновесия превращенной товарной системы, капиталистической системы. Закон рыночных цен есть закон колебаний этой системы. Закон конкуренции есть закон постоянного восстановления нарушенного равновесия. Закон кризисов есть закон необходимого периодического выведения системы из равновесия и восстановления его.*

Маркс всегда ставит вопрос так: равновесие дано, как это возможно? Равновесие нарушено — как оно восстанавливается? Это и есть *постулат равновесия*, есть рассматривание всей системы в том *тиичном* случае, когда вопрос о возможности невосстановления равновесия и возможности гибели системы не ставится.⁶²

Рассматривание общественной, и притом иррациональной, слепой системы с точки зрения равновесия ничего общего, конечно, не имеет с *harmonia praestabilitata*, ибо оно исходит из *факта* существования этой системы и из такого же *факта* ее развития. Последнее предполагает тип этого равновесия как равновесия *подвижного*, а не статического.

Таковы основы методологии теоретической экономики. Нам необходимо теперь перейти к вопросу о «значимости» этих точек зрения по отношению к *периоду развала капитализма и к периоду господства пролетариата*.

Общественно-объективный подход остается обязательным и не нуждается ни в каких ограничениях. В самом деле, и в процессе общественной трансформации хозяйствующий субъект в своих мотивах и в своих действиях зависит от общественной среды, даже поскольку он остается, как индивидуальный товаропроизводитель. Задача состоит в том, чтобы анализировать перестройку *общественной* системы. Здесь: а) *растет коллективный, собирательный, сознательный хозяйствующий субъект* — пролетарское государство со всеми его соподчиненными органами; б) поскольку сохраняется анархическо-товарная система, постольку сохраняется иррациональный, слепой «рок» рынка, т.-е. опять-таки *общественная стихия, все больше подпадающая под регулирующее воздействие окристаллизовавшегося общественно сознательного центра*; с) наконец, по-

сколько налично элементы распада социальных связей (напр., образование замкнутых натурально-хозяйственных ячеек), то они, с одной стороны, «лимитируются» в своих действиях хозяйственной средой (самая их внутренняя реорганизация есть функция общественных сдвигов); с другой, они во все возрастающей степени вовлекаются в строительный процесс, постоянно подвергаясь планомерному воздействию со стороны государственно-хозяйственной организации пролетариата (трудовая повинность, всевозможные виды натуральной повинности и т. д.). Таким образом, даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они находятся в постоянной сфере воздействия и сами рассматриваются с точки зрения общественной системы производства; в моменты своей максимальной обособленности они теоретически интересны, как объект общественного притяжения, как потенциальная составная часть новой общественной системы.

Однако, несмотря на то, что сохраняется значимость объективно общественного метода, этот последний приобретает иной логический тон. При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа все закономерности носят характер стихийных закономерностей, «слепой» силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе структуры переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастающей пропорции рационализация общественно-хозяйственного процесса.

Материально-производственная точка зрения в общем тоже остается обязательной. Однако, она претерпевает существенные изменения и ограничения. Во-первых, самый процесс производства не является а priori данной величиной. Точнее сказать: в то время, как в «нормальные» периоды общественного развития заранее дан процесс общественного воспроизводства и предполагается непрерывное возобновление элементов производства в самом ходе этого производства, в переходный период, при сотрясении всего общественно-трудового аппарата, процесс воспроизводства стоит под знаком вопроса. Поэтому проблема гласит здесь не «как возможно производство?», а «возможно ли производство?» То же самое, с точки зрения производительных сил, можно выразить следующим образом: если в нормальное время развитие производительных сил было скрытой предпосылкой всех теоретических суждений, здесь вопрос ставится и о возможности их стационарного состояния, и о возможности их катастрофического падения.

Во-вторых, может наступить чрезвычайно значительное сокращение, а местами прекращение производственного процесса. Поскольку общество не вымирает, это компенсируется другими путями: а) более экономным распределением остатков прежних производственных (чисто капиталистических) циклов, — здесь процесс потребления отрывается от процесса производства и становится несоизмеримым с последним; б) принудительным извлечением из деревни продуктов сельскохозяйственного производства (здесь отличие от «нормального» положения состоит в том, что это извлечение лишь отчасти фундировано непосредственно экономическими методами; следовательно, в цикл воспроизводства входит лишь одна половина «народного хозяйства»); с) непроизводительными методами получения

продуктов (военная добыча, переход из рук в руки базисных складов и т. д.).

В-третьих, поскольку процесс производства отрывается от процесса потребления, постольку — даже там, где сохраняется вольный рынок — на поверхности явлений выступают потребительные мотивы.

Диалектико-исторический подход не только не подлежит ограничению, а, наоборот, выпячивается на первый план. *Слагающиеся формы новых отношений, их переплетение со старыми, иногда в необычайно причудливых сочетаниях — все это делает из производственных отношений переходного периода комплекс sui generis.* Далее, совершенно понятно, что диалектико-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания *процесса*, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов. *Относительность «категории» политической экономии становится ясной до полной очевидности.*

Постулат равновесия недействителен. Равновесие нужно принять, как состояние, к которому должна притти система (если она будет существовать), но может и не притти. *Нет пропорциональности ни между производством и потреблением ни между различными отраслями производства* (в скобках прибавим: ни между людскими элементами системы). *Поэтому в корне неправильно переносить на переходный период категории, понятия и законы, адекватные состоянию равновесия.* На это можно возразить, что, поскольку общество не погибло, равновесие есть. Однако, такое рассуждение было бы правильно, если бы период времени, который мы рассматриваем, представлял бы весьма длительную величину. Вне равновесия общество долго жить не может и умирает. Но эта же общественная система может некоторое время находиться в «ненормальном» состоянии, т.-е. вне состояния равновесия. В данном случае некоторое *относительное* равновесие покупается (поскольку мы не имеем внепроизводственной компенсации, что тоже невозможно *a la longue*) ценою частичного разрушения *само́й системы.*

Таким образом, общая характеристика изменений и вариаций в методе исследования может быть выражена следующим образом: в анализе переходного периода недопустим целый ряд методологических упрощений, которые вполне уместны и допустимы в условиях прочной производственной системы. У Маркса постановка вопроса была такова: как возможно существование данной формы хозяйства и каковы законы возникновения, развития, исчезновения.

Измененная для переходного периода постановка вопроса гласит: каковы материальные условия существования общества в данный момент, как долго возможно его существование при данных условиях; как возможно производство; возможно ли установление равновесия; какой результат получится при установлении его и какой — при отрицательном решении этого вопроса; каково изменение производственных отношений в *обоих* случаях, каковы законы движения в *обоих* случаях и т. д.

Теперь нам необходимо перейти к некоторым основным понятиям политической экономии, чтобы выяснить степень их пригодности в рассматри-

ваемый период. Ибо «идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения. Они представляют собою исторические и переходящие продукты».⁶³

Границы применимости этих категорий станут тотчас ясными, если мы определим основные условия существования соответствующих им (этим категориям) реальных соотношений.

Товар. Эта категория предполагает, прежде всего, общественное разделение труда или его дробление и вытекающее отсюда отсутствие сознательного регулятора экономических процессов. В различии потребительных ценностей товаров проявляется общественное разделение труда, в их ценности проявляется всеобщая трудовая связь между частицами системы, не имеющей сознательного регулятора. Для того, чтобы какой-либо продукт или просто вещь стали товаром, еще не обязательно состояние прочных общественных связей. Например, при так называемых «случайных» сделках. Часто здесь общественные связи впервые устанавливаются (заморские купцы в редких экспедициях, редкие колониальные товары, «Raubhandel» и т. д.).⁶⁴ Во всех этих случаях товар, однако, не может быть всеобщей формой. Здесь нет товарного производства и товарного хозяйства, как типа общественной структуры, здесь может и не быть даже единого общества (напр., ранний колониальный обмен). Товар может быть всеобщей категорией лишь постольку, поскольку имеется постоянная, а не случайная общественная связь на анархическом базисе производства. Следовательно, поскольку исчезает иррациональность производственного процесса, т.-е. поскольку на место стихии выступает сознательный общественный регулятор, постольку товар превращается в продукт и теряет свой товарный характер.

Ценность появляется тогда, когда мы имеем правильное производство товаров. Здесь обязателен не случайный, а постоянный тип анархической связи через обмен. Здесь необходимо также состояние равновесия. Закон ценности и есть не что иное, как закон равновесия товарно-анархической системы. С этой точки зрения, напр., ясно, что обмен слоновой кости на бусы (там, где, как говорил Маркс, обмен действительно есть обман) не есть ценностный обмен. Не всякий обмен есть товарный обмен (когда мальчики меняются перьями; или когда пролетарское государство практикует продуктообмен между городом и деревней). С другой стороны, не каждый товарный обмен есть ценностный обмен (напр., обмен на «вольном рынке» с его «несуразными» ценами не есть ценностный обмен, хотя он есть товарный обмен). Следовательно, ценность, как категория товарно-капиталистической системы в ее равновесии, менее всего пригодна в переходный период, где в значительной степени исчезает товарное производство и где нет равновесия.

Цена есть, вообще говоря, выражение ценностного отношения. Но не всегда. В первом случае можно различать такие варианты: а) ценность совпадает с ценой по величине (статическое равновесие простой товарной системы); б) ценность не совпадает по величине (типичный случай); в) цена является производной величиной, свойственной товару, который сам по себе не имеет ценности, напр., цена земли, как капитализированная рента). От этих случаев нужно отличать минимую форму, когда цена

не опирается на ценностное соотношение. Здесь цена абсолютно отрывается от ценности. Следовательно, в переходную эпоху случай мнимой формы неизбежно становится близким к типичному.

Это явление, в свою очередь, связано также с крахом денежной системы. Деньги являются той вещно-общественной связкой, тем узлом, которым завязана вся развитая товарная система производства. Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной, системы, как таковой, происходит процесс «самоотрицания» денег. Он выражается, во-первых, в так называемом «обесцениении денег», во-вторых, в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов, и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным — и притом крайне несовершенным — знаком обращения продуктов.

Заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает наемный труд. В социализированном производстве наемного труда нет. А поскольку нет наемного труда, постольку нет и заработной платы, как цены продаваемой капиталисту рабочей силы. От заработной платы сохраняется лишь ее внешняя шелуха — денежная форма, которая тоже идет к самоуничтожению вместе с денежной системой. При системе пролетарской диктатуры «рабочий» получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату.

Разным образом исчезает и категория прибыли, равно как и категория прибавочной ценности, поскольку мы говорим о новых производственных циклах. Однако, в той мере, в какой существует еще «вольный рынок», имеется спекуляция и т. д., налицо спекулятивный барыш, законы движения которого определяются иначе, чем в нормально-капиталистической системе. Здесь действует монопольное положение продавца, которое присасывает к нему продуктные массы из других сфер.

Вообще говоря, одна из основных тенденций переходного периода есть разрыв товарно-фетишистских оболочек. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.-е. рассматриванию и общества и его частей, как систем элементов в их натуральной форме.

ГЛАВА X

«Внеэкономическое» принуждение в переходный период

1. Насилие и принуждение в их соотношении с экономикой. 2. Насилие в переходные периоды. 3. Государственная власть, как концентрированное насилие. 4. Экономическое значение пролетарской диктатуры. 5. Насилие и принуждение по отношению к непролетарским слоям. 6. Принуждение, как проявление самоорганизации трудящихся. 7. Отмирание принуждения.

В теоретической политической экономии, т.-е. в науке, изучающей стихийные закономерности товарно-капиталистического общества, господству-

ют категории «чисто экономические». «В действительной истории, как известно, завоевание, порабощение, убийство и грабеж, одним словом, насилие играют большую роль. В смиренномудрой (sanft) политической экономике постоянно царил идилизм. Право и «труд» были всегда единственными средствами обогащения, конечно, с исключением всякий раз «этого года».⁶⁵ Не подлежит никакому сомнению, что на всем протяжении исторического процесса роль насилия и принуждения была чрезвычайно велика. Именно на этой почве могли возрасти теории, которые в насилии видят альфу и омегу истории.⁶⁶ С другой стороны, на отрицании насилия покоится целый ряд противоположных теорий, которые просто напросто не хотят видеть эмпирически данных явлений, ряда фактов, упрямо требующих своего объяснения. Марксизм не может «отмыслить» того, что дано реально, как крупнейший исторический фактор. Ограбление общинных земель в Англии и период первоначального накопления, массовый принудительный труд рабов в древнем Египте, колониальные войны, «великие бунты» и «славные революции», империализм, коммунистическая революция пролетариата, трудовые армии в Советской Республике, — все эти разншерстные явления разве не связаны с вопросом о принуждении? Конечно, да. Вульгарный исследователь успокоился бы, подведя все под одну рубрику. Сторонник диалектического метода должен анализировать эти формы в их историческом контексте, в их связи с целым, в их специфических особенностях, в их — иногда совершенно противоположном по существу — функциональном значении.

Социальное насилие и принуждение (а только о таковом у нас и идет речь) находится в двояком соотношении с экономикой: во-первых, оно появляется, как функция этой экономики; во-вторых, оно, в свою очередь, влияет на экономическую жизнь. В этой последней роли влияние его может идти по двум направлениям: либо оно идет по линии объективно развивающихся экономических отношений, — тогда оно удовлетворяет назревшей общественной потребности, *ускоряет* экономическое развитие, является его прогрессивной формой; либо оно стоит в противоречии с этим развитием, — тогда оно *замедляет* развитие, является его «оковами» и, по общему правилу, должно уступить место другой форме принуждения, с другим, если так можно выразиться, математическим знаком.⁶⁷ Особенно вышукло проявляется роль насилия в «критические эпохи». «Войны и революции суть локомотивы истории». И оба эти «локомотива» являются формами — и притом наиболее резко выраженными — насилия. О переходе от феодализма к капитализму Маркс писал: «Эти методы покоются отчасти на самом зверском насилии (auf brutalster Gewalt), напр., колониальная система. Но все они используют государственную власть (Staatsmacht), концентрированное и организованное общественное насилие, чтобы ускорить... процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить переходный период (die Uebergänge). Насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, которое беременно новым. Оно само есть экономическая сила (ökonomische Potenz)».⁶⁸

В переходную эпоху, когда одна производственная структура сменяется другой, повивальной бабкой является революционное насилие. Это революционное насилие должно разрушить оковы развития общества, т.-е.,

с одной стороны, старые формы «концентрированного насилия», ставшего контр-революционным фактором, старое государство и старый тип производственных отношений. Это революционное насилие, с другой стороны, должно активно помочь формированию новых производственных отношений, создав новую форму «концентрированного насилия», государство нового класса, которое действует, как рычаг экономического переворота, изменяя экономическую структуру общества.⁶⁹ С одной стороны, следовательно, насилие играет роль разрушающего фактора, с другой — оно является силой сцепления, организации, строительства. *Чем больше по своей величине эта «внеэкономическая» сила, которая в действительности является «ökonomische Potenz», тем меньше «издержки» переходного периода (при прочих равных условиях, конечно), тем короче этот переходный период, тем скорее устанавливается общественное равновесие на новой основе и тем быстрее кривая производительных сил начинает подниматься вверх.* Эта сила не есть какая-то сверх-эмпирическая, мистическая величина: она есть сила класса, совершающего переворот, его социальная мощь. Вполне понятно поэтому, что она в своей величине прежде всего зависит от степени организованности этого класса. А революционный класс наиболее организован тогда, когда он конституировался, как государственная власть. Вот почему государственная власть является «концентрированным и организованным общественным насилием». Вот почему *революционная государственная власть является могущественнейшим рычагом экономического переворота.*

В эпоху перехода от капитализма к коммунизму революционным классом, творцом нового общества является пролетариат. Его государственная власть, его диктатура, советское государство, служит фактором разрушения старых экономических связей и создания новых. «Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса».⁷⁰ Поскольку эта политическая власть, как «концентрированное насилие» над буржуазией, сама является *экономической силой*, это есть сила, разрывающая капиталистические производственные отношения, *переводящая в распоряжение пролетариата материально-вещественный остов производства и постепенно вставляющая непролетарские людские элементы производства в систему новой общественно-производственной связи.* С другой стороны, это же «концентрированное насилие» отчасти *обращается и вовнутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся.* Таким образом, нам необходимо анализировать обе стороны принуждения: по отношению к непролетарским слоям и по отношению к самому пролетариату и близким к нему общественным группировкам.

Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя 1) паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры; 2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.); 3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, «деллаги» промыш-

ленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.); 4) квалифицированную бюрократию — штатскую, военную и духовную; 5) техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.; 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию; 9) духовенство, даже неквалифицированное.

Все эти слои, классы и группы неизбежно ведут активную борьбу против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета. Эти атаки нужно отбить и врага дезорганизовать. Другие методы борьбы с его стороны (саботаж) нужно подавить и т. д. Все это может сделать только «концентрированное насилие». По мере того, как пролетариат побеждает в этой борьбе и силы его все больше сплываются вокруг основного кристаллизационного пункта социально-революционной энергии — диктатуры пролетариата — начинается ускоренный процесс разложения старой психологии у экономически полезных и непаразитарных групп враждебного лагеря. Эти элементы нужно учесть, собрать, поставить на новое место, вдвинуть в новые трудовые рамки. И это может сделать только принудительно действующая организация пролетарского государства. Она ускоряет процесс вбирания тех людских элементов, которые полезны и в новой системе, в первую голову технической интеллигенции. Само собой понятно, что сколько-нибудь планомерно, общественно-целесообразно применить эти силы невозможно без принудительного давления. Ибо старые психологические остатки, находящиеся еще в головах этих людских категорий, с их отчасти индивидуалистической, отчасти анти-пролетарской психологией, воспринимают план общественной целесообразности как грубейшее нарушение прав «свободной личности». Внешнее государственное принуждение является здесь поэтому абсолютно необходимым. Лишь в ходе развития, при постоянном перевоспитании этих слоев, по мере их классовой деформации и превращения их просто в общественных работников, элементы принуждения становятся все меньше. Понятно, что процесс психологического перевоспитания тем труднее и тем болезненнее, чем выше данная группа стояла в системе капиталистической иерархии; общественной переработке труднее всего поддаются такие социальные группы, бытие которых всего теснее связано со специфическими формами и методами капиталистического производства. Непосредственная борьба с ними в первый фазис революции, постановка их в условия, когда они могут совершать общественно-полезную работу, не будучи в состоянии вредить делу коммунистического строительства, целесообразное размещение этих сил, правильная *политика* по отношению к ним, меняющаяся в зависимости от психологического содержания их — все это предполагает, в конечном счете, «санкцию» «концентрированного насилия», стоящего на страже коммунистического общества *im Werden*.

Принуждение, однако, не ограничивается рамками прежде господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период — в других формах — переносится и на самих трудящихся, и на сам пра-

вающий класс. Эту сторону дела нам необходимо разобрать с большей подробностью.

В переходный период анализ нельзя ограничивать предпосылкой сплошной однородности класса. При изучении абстрактных законов капиталистического механизма незачем было останавливаться на молекулярных движениях внутри классов и на дифференцированности этих «реальных совокупностей». Там они принимались, как некоторая сплошная величина, более или менее однородная. Перенесение этого взгляда — совершенно верного в рамках абстрактно-теоретического анализа «чистого капитализма» — на анализ переходного времени с его крайне текучими формами, с его, так сказать принципиальной динамикой, являлось бы грубейшей методологической ошибкой. Не только механика междуклассовая, но и механика внутриклассовая должны быть приняты во внимание. И соотношения общественных сил и соотношения внутри классов суть крайне подвижные величины, подвижность которых делается особенно большой в «критические эпохи».⁷¹

Воздействуя на природу, человек меняет свою собственную природу — говорил Маркс. Но то же самое происходит и в ходе общественной борьбы. В этом и состоит процесс революционного *воспитания* пролетариата. Если рассматривать этот процесс с точки зрения внутриклассовых прослоек, то его можно обозначить как процесс постоянного приближения к авангарду рабочего класса его средних и низших слоев. Здесь и происходит превращение «класса в себе» в «класс для себя». Точка зрения на «народ» кающегося барина заключается в идеализации каждого члена «нижнего класса» *in concreto*. Пролетарски-марксистская точка зрения оперирует с реально существующими величинами.

Пролетариат приходит к своему господству, как класс. Но это отнюдь не означает сплошного характера этого класса, где каждый его член представляет какую-то идеальную среднюю. Пролетарский авангард активно ведет за собой других. Он — сознательная, продуманно действующая, организующая величина. Он увлекает за собой сочувствующую середину, которая инстинктивно «сочувствует» перевороту, но не может ясно формулировать цели и точно наметить пути. В ходе развития *нет* грани между авангардом и этим очень обширным слоем. Наоборот, происходит постоянное вовлечение в передовый слой все новых и новых сил. Этот процесс и есть та внутренняя спайка, которая делает из класса класс. За серединой сочувствующих есть слой индифферентных, а затем и так называемых шкурников. Процесс воспитания, однако, касается и их: пролетарский авангард растет, расширяется численно, впитывает в себя все большие слои класса, который все больше становится «классом для себя».

Если мы подойдем к этому вопросу несколько с другой стороны, то обнаружим, примерно, такие группировки: ядро индустриального пролетариата, порвавшего связи с деревней, типичного, постоянно занятого в промышленности рабочего класса; рабочую аристократию, иногда чрезвычайно связанную с интересами капитала (особо квалифицированные рабочие Америки, Германии, Англии; печатники почти во всех странах и т. д.); сезонных рабочих, периодически входящих и выходящих из сферы промышленности; рабочих с привесками частной собственности (домиками,

иногда земель и т. д.); рабочих, связанных с деревней, иногда хозяйничающих и на земле; рабочих, ставших таковыми за время войны, не прошедших капиталистической выучки, иногда рекрутировавшихся из городского мещанства, ремесленников, торговцев и проч.; рабочих, специально отобранных по социально-политическому признаку капиталистическими государствами (напр., некоторые слои железнодорожников); сельскохозяйственных рабочих, чистых батраков и полубатраков и т. д. и т. п. Таким образом, получается довольно пестрая картина «бытия» различных категорий рабочего класса, а, следовательно, и их общественного «сознания». Ясно, что среди этих групп есть и группы, совершенно развращенные капитализмом, с максимумом узких эгоистических, «шкурнических» побуждений. Но даже сравнительно широкие круги рабочего класса несут на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежна *принудительная дисциплина*, принудительный характер которой тем сильнее чувствуется, чем менее добровольной, внутренней дисциплины, то-есть чем менее революционен данный слой или данная группа пролетариата. Даже пролетарский авангард, который сплочен в партию переворота, в коммунистическую партию, устанавливает такую *принудительную самодисциплину* в своих собственных рядах она ощущается здесь многими составными частями этого авангарда мало, так как она совпадает с внутренними мотивами: но тем не менее она есть.⁷² Но она устанавливается *не другой силой*, а выражает коллективную волю всех, обязательную для каждого.

Само собою разумеется, что этот элемент принуждения, которое здесь есть самопринуждение рабочего класса, возрастает от его кристаллизованного центра в сторону гораздо более аморфной и распыленной периферии. *Это есть сознательная сила сцепления частиц рабочего класса, которая для некоторых категорий, субъективно, является внешним давлением, которая для всего рабочего класса, объективно, является его ускоренной самоорганизацией.*

В коммунистическом обществе будет полная свобода «личности» и отсутствие какой-бы то ни было внешней нормировки отношений между людьми, самостоятельность без принуждения. В *капиталистическом* обществе для рабочего класса не было никакой самостоятельности и одно принуждение со стороны враждебного класса. В *переходный период* самостоятельность рабочего класса имеется на-ряду с принуждением, устанавливаемым рабочим классом, как классом для себя, ко всем своим частям. Противоречие между принуждением и самостоятельностью выражает собою здесь противоречивый характер самого переходного периода, когда пролетариат уже вышел из рамок капиталистического принуждения, но еще не сделался работником коммунистического общества.

Одной из главных принудительных форм нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой «свободы труда». «Свобода труда» в капиталистическом обществе означала одну из многочисленных фикций этого общества, т. е. в действительности монополизация средств производства капиталистами заставляла рабочих продавать свою рабочую силу. Эта «свобода» сводилась к следующему: во-первых, к относительной возможности выбора себе хозяина (не-

переход с фабрики на фабрику), возможности «уволиться» и «получить расчет»; во-вторых, под этой «свободой» разумеалась конкуренция между самими рабочими. В своем последнем значении «свобода труда», отчасти уже преодолевалась рабочими организациями еще в период капитализма, когда профессиональные союзы частично уничтожали конкуренцию рабочих друг с другом, объединяя их, организовывая распыленные частицы класса, сплачивая их и делая их сильнее в их борьбе против класса капиталистов. Профессиональные союзы выставляли требование, чтобы на фабрику допускались только члены союза; они подвергали бойкоту (т.е. применяли насилие) штрейкбрехеров, это живое воплощение буржуазной «свободы труда» и т. д. При диктатуре пролетариата вопрос о «хозяине» отпадает, т. к. «экспроприаторы экспропрированы». С другой стороны, остатки неорганизованности, несолидарности, индивидуализма, цеховой ограниченности, пороков капиталистического общества проявляются в виде непонимания общепролетарских задач, которые получают свое концентрированное выражение в задачах и требованиях советской диктатуры, рабочего государства. Так как эти задачи необходимо выполнять во что бы то ни стало, то понятно, что, с точки зрения пролетариата, как раз во имя действительной, а не фиктивной свободы рабочего класса необходимо уничтожение так называемой «свободы труда». Ибо последняя не мирится с правильно организованным, «плановым» хозяйством и таким же распределением рабочих сил. Следовательно, режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук при диктатуре пролетариата выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти вообще.⁷³

При капиталистическом режиме принуждение защищалось от имени «интересов целого», тогда как в действительности речь шла об интересах капиталистических групп. При пролетарской диктатуре впервые принуждение действительно есть орудие большинства в интересах этого большинства.

Пролетариат, как класс, есть единственный класс, который в общем лишен собственнических предрассудков. Но ему приходится действовать бок-о-бок с иногда весьма многочисленным крестьянством. Если крупные крестьяне (кулаки) активно борются против мероприятий пролетарской диктатуры, то «концентрированному насилию» пролетариата приходится давать более или менее внушительный отпор кулацкой вандее. Но массы среднего, а отчасти даже бедного крестьянства, постоянно колеблются, движимые то ненавистью к капиталистически-помещичьей эксплуатации, ненавистью, которая толкает их к коммунизму, то чувством собственника (а, следовательно, в годину голода и спекулянта), которое толкает его в объятия реакции. Последнее выражается в сопротивлении государственной хлебной монополии, в стремлении к свободной торговле, которая есть спекуляция, и к спекуляции, которая есть свободная торговля; в сопротивлении системе трудовой повинности и вообще всяческим формам государственного обуздания хозяйственной анархии. Эти стимулы особенно подчеркиваются, поскольку истощенные города не могут на первых порах дать эквивалента за хлеб и повинности, идущие «в общий котел». Поэтому и здесь принуждение является абсолютной и повелительной необходимостью.

Итак, по отношению к бывшим *буржуазным группам* принуждение со стороны пролетарской диктатуры есть принуждение со стороны инородного класса, который ведет классовую борьбу с объектами своего принуждения; по отношению к некулацкой *крестьянской* массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба постольку, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт; оно есть его сплочение и трудовая организация, его воспитание и вовлечение в коммунистическое строительство, поскольку крестьянин есть трудящийся, не эксплуататор, противник капитализма; наконец, по отношению к самому *пролетариату* принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.-е. метод принудительной, ускоренной *самоорганизации*.

С более широкой точки зрения, т.-е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи. В самом деле, эпоха пролетарской диктатуры есть в то же время эпоха *деформации классов*. Капитализм сопровождался все далее и далее идущим социальным *расщеплением* общества: он разлагал крестьянство, уничтожал «среднее сословие», доводил классовые противоречия до максимальной степени остроты. Диктатура пролетариата, выражая на первых порах, самый кричащий раскол капиталистического мира, после установления некоторого равновесия, *начинает вновь собирать человечество*. Бывшая буржуазия, пораженная, разбитая, смирившаяся, обнищавшая, приучившаяся к физическому труду, духовно перерабатывается и перевоспитывается. Часть ее гибнет в гражданской войне, но та часть, которая выживает, представляет уже иную социальную категорию. Интеллигенция тоже. Крестьянство, гораздо более друтих устойчивое в общем потоке, все же втягивается в общее русло и перевоспитывается медленно, но верно. Сам пролетариат точно так же «перекрашивает свою собственную природу». Таким образом, специфические классовые особенности стираются, классы начинают распадаться, как классы, равняясь по пролетариату. Наступает период *деформации* классов. Рычагом этой деформации является пролетарская диктатура. Будучи концентрированным насилием, она в конце концов уничтожает какое бы то ни было насилие. Будучи наивысшим выражением класса, она уничтожает всякие классы. Будучи режимом класса, организованного как государственная власть, она подготавливает гибель всякого государства. Ведя борьбу за свое существование, она уничтожает свое собственное существование. В бесклассовом, безгосударственном коммунистическом обществе, где на место внешней дисциплины станет простое влечение к труду нормального общественного человека, потеряют всякий смысл внешние нормы человеческого поведения. Принуждение в какой бы то ни было форме исчезнет раз навсегда.

ГЛАВА XI

Мировой революционный процесс и мировая система коммунизма

1. Система равновесия мирового хозяйства. 2. Война, как нарушение произ-

водственного равновесия. 3. Крах системы, начиная с наиболее слабых звеньев. 4. Типы коммунистической революции. 5. Соотношения между государствами пролетариата и государствами буржуазии. 6. Коммунистическая революция и капиталистические колонии. 7. Кристаллизация советских республик и союзы их. 8. Мировая диктатура пролетариата и ее уничтожение. 9. Мировая система коммунизма.

До войны система мирового хозяйства находилась в состоянии подвижного равновесия. Процесс обмена между странами, международное движение капитала (экспорт и импорт капитала), интернациональное передвижение рабочей силы крепко связывали отдельные части этой системы прочными узами «нормальных» процессов, жизненно необходимых для самого существования мирового хозяйства и его составных элементов. Законы капиталистическо-товарной системы, которые в их абстрактной форме анализировались чистой теорией, как законы абстрактного, «чистого», капиталистического общества и которые конкретно реализовались в эпоху промышленного капитализма в рамках государственно отграниченных территорий, стали стихийными законами анархической *мировой* системы прежде всего. Мировые цены, и, след., общественно-мировой труд, как их регулятор «in der letzten Instanz»; мировая конкуренция, мировой рынок, тенденция к мировой средней норме прибыли; тяготение процента к единой, опять-таки мировой, средней; выравнивание заработных плат и их тяготение к одному мировому уровню, который двигал рабочую силу из страны в страну; мировые промышленные кризисы и так далее и тому подобное, — все это было проявлением основного *факта* находящейся в состоянии подвижного равновесия, но развивающейся в противоречиях системы *мирового* капитализма.

Эта всеобщая связанность и взаимозависимость отдельных капиталистических государств друг от друга, — то обстоятельство, что все они были составными частями *общей* системы, — неминуемо влекло за собой *мировой* характер войны. Точно также, как кризисы приняли характер *мировых* кризисов именно в силу цепной связи между частями мирового хозяйства, и *война* должна была неизбежно принять характер грандиозного мирового побоища. Кризис распространяется и катится волной потому, что нарушение равновесия в одной части системы неизбежно переносится, как по телеграфной проволоке, на все ее части. Война в условиях мирового хозяйства, означая нарушение равновесия в одном месте, превратилась с неизбежностью в гигантское потрясение *всей* системы, в мировую войну. Разрыв связей мирового хозяйства означал распадение его на куски, а процесс расширенного отрицательного воспроизводства, протекавший параллельно в воюющих странах в условиях этого разрыва, привел в конце концов к краху всей системы.

С каких звеньев должен был начаться этот крах? Само собой понятно, что он должен был начаться как раз с тех звеньев, которые были *организационно-капиталистически* наиболее слабы.⁷⁴

В самом деле, мы уже видели в III главе этой работы, что устойчивость частных капиталистических систем внутри мирового хозяйства, поскольку война стала конкретным фактом, объяснялась той внутренней реорганизацией производственных отношений, которая приводила к форме государст-

венного капитализма. В общем и целом можно сказать поэтому, что устойчивость этих систем была прямо пропорциональна высоте государственно-капиталистической организации. Без нее капитализм не выжил бы даже и того срока, который отвела ему история. Эта устойчивость, связанная с формой государственного капитализма, шла и по линии производственной, и по линии социально-классовой. Однако, сама государственно-капиталистическая форма народного хозяйства была возможной лишь при определенной «зрелости» капиталистических отношений вообще. Она была тем совершеннее, чем — при прочих равных условиях — было выше развитие производительных сил, финансово-капиталистическая организация, совокупность монопольных отношений нового капитализма. Она была тем менее совершенна, чем более отсталой и аграрной была данная страна, чем менее были развиты производительные силы, чем слабее была финансово-капиталистическая организация хозяйства. Но не только с точки зрения экономической и социальной структуры, а и с точки зрения технически производственной наиболее устойчивыми в гигантском конфликте должны были оказаться системы с наиболее развитой техникой, которой требовала империалистская война. Эта *техника* имела решающее военное значение. Совершенство *организационной формы* отчасти компенсировало процесс отрицательного расширенного воспроизводства. *Концентрация социальной мощи* буржуазии в государственной власти, сросшейся с экономическими организациями капитала, создавала гигантское сопротивление для рабочего движения. Поэтому крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией.⁷⁵

С вопросом хронологического порядка пролетарских революций отнюдь не следует смешивать вопроса о высоте *типа* данной революции. Высота типа революции определяется удельным весом того комплекса производственных отношений, которые воплощены в пролетариате. Чем больше относительно концентрированного пролетариата, тем выше тип коммунистической революции, тем труднее *победить*, но тем легче *строить*.⁷⁶ Организационные предпосылки коммунизма лежат, как мы видели, в области концентрированных средств производства и обобществленного труда. В мировой капиталистической системе эти предпосылки наиболее ярко выражены в «великих державах» капитала, где наиболее крепка мощь буржуазии. С другой стороны, именно потому, что перед нами *анархическая* мировая система, с особым положением «в мировом хозяйстве» его составных частей, как раз для «великих» империалистских систем создавалась возможность эксплуатации колоний. А на этой почве создавалась и другая возможность, а именно возможность временной «общности интересов» между империалистским «отечеством» и рабочим классом. Эта «*Interessengemeinschaft*», в свою очередь, страшно задерживала ход революции, которая базируется на разрыве всякой общности между буржуазией и пролетариатом. И тем не менее, поскольку революция есть уже данный факт, она по своему типу выше всего именно в тех странах, где рабочий класс составляет максимальный процент всего населения и где средства производства концентрированы сильнее всего. Потому что этими двумя факторами дается, во-первых, материально-вещественный остов нового общества, а, во-вторых,

основные его производственные отношения. С этой точки зрения совершенно понятно, почему революция пролетариата произошла раньше всего в России. Здесь государственная машина была наименее крепка организационно. Только наметились формы государственного капитализма. Техническая слабость аграрной, в общем, страны обусловила неслыханный военный разгром. Государственный аппарат оказался настолько неустойчивым, что мог быть сравнительно легко опрокинут пролетариатом в крупных городских центрах. Но, с другой стороны, после победы пролетариата причины легкости этой победы диалектически превращаются в причины величайшей трудности. Экономическая отсталость страны, громадное поле расщепленного, раздробленного мелкособственнического труда в противоположность труду действительно обобществленному, — все это представляет громадные препятствия для организации планомерной общественно-хозяйственной системы. Революция победила легко и потому, что пролетариат, стремящийся к коммунизму, был поддержан крестьянством, которое шло против помещика. Но то же самое крестьянство оказывается величайшим тормазом в период строительства коммунистических производственных отношений.

Наоборот, в Германии революция шла гораздо болезненнее. Капиталистическое государство оказывает здесь сопротивление гораздо более упорное; пролетариат является единственной революционной силой; победа достается труднее. Но тип революции здесь выше, несмотря на то, что революция приходит позднее.⁷⁷

Таким образом, если мы рассматриваем революционный процесс в мировом его масштабе, то мы можем выставить следующее общее положение: *мировой революционный процесс начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства, где победа пролетариата легче, но кристаллизация новых отношений труднее; скорость наступления революции обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений и высоте типа революции.*

Прекращение империалистской войны не может остановить распада капиталистической системы, ее краха, коммунистической революции пролетариата. Падение производительных сил продолжается и после заключения мира. Империалисты думали организовать мировое хозяйство методами, которые отрицают мировое хозяйство. Победители думали выйти из затруднений путем беспощадной эксплуатации, которая в конце концов уничтожает самую возможность этой эксплуатации. А дух мировой конкуренции играет над ними злую шутку, заставляя их бороться друг с другом. Так история показывает империализму свое роковое а posteriori, которое внезапно предстает перед «победителями» во всей своей ужасающей наготы.⁷⁸

Экономическая изоляция и распадение связей во время войны, последствия такого состояния после нее обостряют процесс разрушения производительных сил и ускоряют крах капиталистической системы, звено за звеном; революционное завоевание власти пролетариатом и переворот в способе производства хотя бы в одной стране крайне обостряют процесс разрушения старой идеологии, «революционизируют» рабочий класс в других странах, для чего дана подпочва всем предыдущим развитием. В

первых советских республиках мировой пролетариат имеет свои организации, обладающие максимумом социальной и материальной мощности. Поэтому среди распадающейся мировой системы капиталистического хозяйства они являются неизбежно новыми кристаллизационными пунктами, центрами притяжения пролетарской энергии и крупнейшим фактором дальнейшего разложения капиталистической системы. Во всем капиталистическом мире, несмотря на попытки вдохнуть в него новую жизнь, разруха идет гигантскими шагами. Производительные силы падают. Производственные отношения разлагаются и разрываются. Экономического равновесия между производственными сферами нет, и нарушение его принимает все более и более резкие формы. Социально-классового равновесия тоже нет, и дело идет к решающему конфликту. Политическая организация, вернее, государства буржуазии переживают кризис, ибо мировой империализм оказывается неспособным вести абсолютно единую, во всех частях однородную политику. Капиталистические армии разлагаются. Поскольку мировая производственная анархия и ее выражение, мировая конкуренция, диктуют свою слепую волю буржуазным государственным организациям, постольку весь процесс все более принимает стихийный характер распада. Стихия капиталистических отношений на базисе их разрушения создает то характерное состояние неуверенности, которое предвещает близкий конец. И среди этой расплывающейся мировой ткани капиталистического хозяйства появляются нового типа *растущие* организации, где дана принципиально возможность *развития*, ибо только здесь возможно восстановление общественного равновесия; организации, которые как раз из разложения капиталистических систем черпают добавочное количество своей собственной мощи; государства пролетариата с новой системой экономических отношений, которые тем более укрепляются, чем более слабеют распадающиеся старые, капиталистические группировки. Капиталистический строй эпохи промышленного капитализма был воплощением стихийного процесса, ибо здесь была полная неурегулированность отношений; место сознательного регулятора занимал бессознательный «рынок». Государственно-капиталистическая форма общества, оставив неорганизованными мировые связи, заменила бессознательные процессы сознательным регулированием экономических отношений, поставив классовый план буржуазии на место стихийных закономерностей товарного общества. Эпоха распада государственно-капиталистических организаций снова раздувает эту стихию, которая отличается от товарной стихии прошлого направлением своего движения: там эта стихия была рычагом капиталистической концентрации и централизации, *роста* капиталистического общества и, в конце концов, его организации; здесь эта стихия является рычагом распада организованной системы на части. И опять таки: среди этого стихийного процесса распада только в пролетарских государствах может быть процесс организации и рационализации экономической жизни, но уже на принципиально иной основе. Разложение и распад старой системы и организация новой, это — *основные* и наиболее общие закономерности переходного периода. Поэтому, каковы бы ни были отклонения в сторону, равнодействующая идет по линии социализма. Соотношение между государствами пролетариата и государствами буржуазии лучше всего видно

на их военных столкновениях, на классовой войне, где старые армии разлагаются, потому что всем ходом развития делается невозможным общественное равновесие на капиталистической основе.

Крупнейшим фактором разложения капиталистической системы является распад связи между империалистскими государствами и их многочисленными колониями. Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было чистойшей фикцией. На самом деле, реально, существовали субъекты колониальной политики, империалистские государства, представлявшие из себя сложные системы, с крепким ядром и подчиненной периферией, и объекты этой колониальной политики, с различными оттенками и степенями подчинения. Как раз в деле образования этих гигантских тел организованное «внеэкономическое» насилие, которое, как говорил Маркс, само есть экономическая сила, играло колоссальную роль. «Macht-politik», «Armee und Flotte» и прочие прелести империализма были средствами организации империалистских государственных систем. Государственная спайка, в конечном счете опиравшаяся на вооруженную силу, имела решающее значение. Следовательно, по мере разложения государственной власти капитала, неизбежно должно начаться и разложение империалистских систем, отпадение колоний, дробление «великих держав», выделение самостоятельных «национальных государств». С точки зрения борьбы общественных сил, это может выразиться в ряде колониальных восстаний, национальных восстаний, мелких национальных войн и т. д. Конечно, колониальные восстания и национальные революции (Ирландия, Индия, Китай и проч.) абсолютно не имели бы никакого прямого отношения к развертывающейся пролетарской революции; их *местный* и непосредственный смысл заключается отнюдь не в установлении диктатуры пролетариата; пролетариат здесь по общему правилу не играет руководящей политической роли, ибо он крайне слаб. Но тем не менее эти колониальные восстания и национальные революции входят, как составная часть, в великий мировой революционный процесс, который перемещает всю ось мирового хозяйства. Ибо объективно здесь налицо факторы общего распада капиталистических производственных отношений, распада, который облегчает победу пролетарской революции и диктатуры рабочего класса.

Диктатура пролетариата не может победить, если пролетариат разных стран изолирован друг от друга. Поэтому уже в ходе борьбы неизбежно спеление, связь, спайка, союз между всеми возникающими пролетарскими советскими республиками. Уже для буржуазии в переходный период объективно необходимым является ее мировой союз: он необходим для нее и экономически, ибо только таким путем можно надеяться изжить кризис; он необходим для нее и политически, ибо только таким путем можно оказывать сопротивление пролетариату. Отсюда попытки создания «Лиги Наций». Однако, начавшийся уже распад капиталистической системы, ее колоссальная дезорганизация, массы новых возникших трений чрезвычайно усилили децентрализаторские тенденции, и поэтому буржуазия терпит крах. Стихия распада перерастает организаторский разум буржуазии. Для *пролетариата* его экономическое и политическое единство есть вопрос жизни. И так как его частичные победы (его диктатуры) выражают собой преодоление распада, то отсюда вытекает объективная необходимость объ-

единения пролетарских государственных систем. По мере перерождения экономической и политической ткани мирового хозяйства и перемещения центра тяжести на пролетарские государства и их союзы, видоизменяется вся картина мирового хозяйства. Бывшие колонии и отсталые аграрные страны, где нет пролетарской диктатуры, тем не менее входят в экономическую связь с индустриальными социалистическими республиками. Они понемногу втягиваются в социалистическую систему, приблизительно по тому же типу, как втягивается крестьянское сельское хозяйство в отдельных социалистических странах.

Так растет мало-по-малу мировая диктатура пролетариата. По мере ее роста слабеет сопротивление буржуазии, и под конец оставшиеся буржуазные комплексы будут по всей вероятности сдаваться со всеми своими организациями *in corpore*.⁷⁹

Но мировая диктатура пролетариата есть уже в сущности начало отрицания диктатуры пролетариата вообще. Государственная власть рабочего класса необходимо растет, поскольку растет сопротивление капиталистических групп. Так как процесс развертывания капиталистического краха и коммунистической революции есть целая историческая полоса, целая эпоха, которая включает и ряд беспощадных классовых войн, не говоря уже о войнах гражданских, то вполне понятно, что государство не может отмирать в *такой* обстановке. Но как скоро выясняется решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарской государственности круто начнет падать вниз. Ибо главная и основная задача государственной власти, как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена. Внешне принудительные нормировки начнут отмирать: сперва отомрет армия и флот, как орудие наиболее острого внешнего принуждения; потом система карательных и репрессивных органов; далее — принудительный характер труда и проч. Производительные силы, размещаемые не по государственным делениям, а по принципу хозяйственной целесообразности, развиваются с неслыханной быстротой. Гигантские резервуары энергии, которая уходила раньше на классовую борьбу, войны, милитаризм, преодоление кризисов, конкуренцию, и т. д. обращаются теперь на производительный труд. Деформация классов и трудовое воспитание и образование новых поколений, рационализация всего производственного процесса ускоряют рост производительных сил еще более. Распределение теряет характер принудительного эквивалентного распределения «по труду». Социализм пролетарской диктатуры и дальнейшего периода развертывается в мировую систему коммунистического общества.⁸⁰ Впервые за все время существования человечества создается система гармонично построенная во всех своих частях: она не знает ни производственной, ни социальной анархии. Она навсегда уничтожает борьбу человека с человеком и сплачивает все человечество в единый коллектив, быстро овладевающий неисчислимыми богатствами природы.

Пролетариат, который активно строит будущее человечества и ясно видит это будущее, может сказать словами великого борца науки: *Novarum rerum mihi nascitur ordo*. Пусть слепые не видят этого нового порядка. Его пришествие неизбежно и неотвратимо.

¹ *Karl Marx*, Kapital, B. I, S. 299 (Volksausgabe): “Die Grundlage aller entwickelten und durch Waarenaustausch vermittelten Teilung der Arbeit ist die Scheidung von Stadt und Land. Man kann sagen, dass die ganze ökonomische Geschichte der Gesellschaft sich in der Bewegung dieses Gegensatzes zusammenfasst”.

² Из этого вовсе не следует, как это думает *Каутский* (см. его статьи об империализме в *Neue Zeit*), что корни империализма лежат исключительно в этой сфере. С точки зрения условий воспроизводства важно изменение во всех трех частях формулы $\underbrace{D-T}_{\text{I}} \text{ (Ср. пр. + раб. сила)} \dots \underbrace{P}_{\text{II}} \dots \underbrace{T-D}_{\text{III}}$. Первой части фор-

мулы соответствуют «рынки сырья» и «дешевой рабочей силы», второй — сферы приложения капитала, наконец, третьей — рынки сбыта. Изменение происходит в этих *трех* областях, и, соответственно этому, по трем линиям направляется борьба империалистских тел.

³ *Emil Lederer* (“Die ökonomische Umschichtung im Kriege”, Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik”, Krieg und Wirtschaft, Heft 7, 1918, S. 34) приводит такую таблицу, иллюстрирующую “Verschiebung in der Rentabilität”:

	Валовой доход	Издержки (Kosten).	Чистый доход.
Перед войной	100	75	25
Теперешний минимум	200	95	105
Вероятная средняя	250	95	155
Максимум	300	95	205

“Die weitaus höheren im Schleichhandel erzielten Preise müssten... noch höhere Erträge gezeitigt werden”. Так как разница между ценами на «вольном» рынке и твердыми ценами растет, то само собой разумеется, что действительная “Verschiebung” гораздо больше.

⁴ На русском языке об этом см. брошюру тов. *Ю. Ларина*: «Утописты минимализма и действительность». Книгоизд. «Социалист», Петроград, 1917. В этой брошюре т. Ларин совершенно правильно замечает: «Словом, если само земледелие *изнутри* недостаточно созрело в организационном отношении, — то у современного германского... капитализма оказался достаточный запас материальных и общественных организационных сил, чтобы сверху и *извне* объединить и связать сельское хозяйство в единый планомерно управляемый организм. Иначе сказать, материальную «зрелость» страны надо рассматривать не с точки зрения необходимости довести предварительно до технически-организационной зрелости каждую отрасль хозяйства в ее изолированном виде, — а как производную общего состояния всех ее производительных сил в их среднем итоге» (стр. 17—18).

⁵ *Karl Kautsky*, в своей последней книжке “Die Sozialisierung der Landwirtschaft” (Berlin, Paul Cassirer, 1919) пишет: “Die Revolution in den Städten ist an den Arbeitern auf dem flachen Lande nicht spurlos vorübergegangen. Es gäbe unseglisches Unheil, würden auch sie vom Streikfieber (!) ergriffen”... (S. 10). *Каутский* прав, когда он дальше предостерегает против *дележки* крупных имений между сельскохозяйственными рабочими. Но протестовать против «стачечной горячки» — это значит идти на поклон к *прусскому аграрию*. Ниспровержение капитализма в деревне есть такое же необходимое звено общего процесса, как и ниспровержение его в городе. В развитых капиталистических государствах без вовлечения масс сельскохозяйственного пролетариата в движение («стачечная горячка», как говорит *Каутский*, «стачечный азарт», как говорили когда-то наши меньшевики) немыслима победа рабочего класса, ибо аграрий — хотя бы это был и фон-Тюнен — не будет добровольно осуществлять даже программы *Каутского*. Непонимание этого, элиминирование классовой борьбы, есть основной грех *Каутского* и *Ко*. См. также *Otto Bauer*, “Der Weg zum Sozialismus”.

⁶ Здесь можно провести аналогию между вышеописанным процессом и распадом связей между развитыми метрополиями и их колониями. Колониальные восстания объективно таят в себе *возможность* нового капиталистического цикла развития, если рассматривать этот процесс изолированно. Но в общем комплексе явлений это — побочный продукт, и в то же время сильнейший фактор распада империалистской системы, как предварительного условия *социалистического* возрождения человечества.

⁷ См. статью т. *Гойхбарга*: «Обобществление сельского хозяйства», «Нар. Хоз.», 1919, № 5; также *Милютин*: «Социализм и сельское хозяйство»; *Н. Богданов*: «Организация советских хозяйств», «Нар. Хоз.», 1919, № 6.

⁸ Прав поэтому *Каутский*, когда он пишет (*Sozialisierung der Landwirtschaft*, Vorwort, S. 12): “Für uns ist das agrarische Problem das komplizierteste, aber auch das wichtigste der Revolution”. Однако, вся беда *Каутского* как раз в том и состоит, что он не видит и не понимает именно всей *сложности* проблемы. Для него нет основного «осложняющего» фактора, классовой борьбы разных общественных группировок. Логически это связано с непониманием того, что производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения *социально-классовые* и технически-трудовые.

⁹ Этого абсолютно не понимает «социолог» *Каутский*. В предисловии к своей, уже не раз цитированной нами книжке («Социализация сельского хозяйства»), он нападает на большевиков за то, что они дали крестьянству хозяйничать как ему угодно (стр. 10), и здесь обнаруживает свою полную безграмотность (ибо он не знает даже о советских хозяйствах). А на следующей (11) странице он обрушивается на них за то, что они «притесняют» крестьянство, отнимая излишки для города и армии. «Умный» *Каутский* не понимает даже значения войны против Деникина, не понимает того, что понятно самому темному крестьянину. Голая злоба против партии революционного коммунизма диктует мысли, достойные гимназиста второго класса из «хорошей семьи».

¹⁰ Angesichts des vorherrschenden Kleinbetriebes wird diese (d. h. Sozialisierung. N. B.) allerdings zunächst mehr auf eine Regelung des *Zirkulationsprozesses* zwischen Stadt und Land bedacht sein müssen, als auf eine Organisation der *Produktion*” (*Kautsky*, I. c. S. 9).

¹¹ *Н. Ленин*: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6; 890.

¹² *Ibidem*, стр. 891.

¹³ *К. Маркс*. «Нищета философии», изд. III, пер. Алексеева. СПб. 1906, стр. 134.

¹⁴ Ср., напр., “Das Kapital”, B. I, Volksausgabe, SS. 451, 541—543 ff; так же III том, I часть, где дается анализ средней нормы прибыли. Пример: “Mit der Produktivkraft der Arbeit wächst die Produktenmasse, worin sich ein bestimmter Wert, also auch Mehrwert von gegebener Grösse darstellt. Je mehr die Produktivkraft der Arbeit zunimmt, um so mehr Mittel des Genießens und Akkumulierens umfasst der Mehrwert” (539—540). Или, еще более определенно: “Jener Teil des konstanten Kapitals, den A. Smith den fixen nennt, die Arbeitsmittel, wie Baulichkeiten, Maschinen und dergleichen, funktioniert immer vollständig im Produktionsprozess, verschleisst aber nur allmählich und überträgt nur nach und nach seinen Wert auf die Waren, die er nach und nach herstellen hilft. Er bildet einen wahrhaften Gradmesser des *Fortschritts der Produktivkräfte*” (S. 543, курсив наш. Н. Б.). Точно так же в “*Theorien über den Mehrwert*”, B. III, S. 498: “Produktivkraft oder Kraft der Arbeit”. Наоборот, “Produktivkraft” (“Produktionsmittel”) — в “Einleitung zu einer Kritik d. pol. Oek”, S. XLVII.

¹⁵ *C. Rodbertus-Jagetzow*: “Zur Beleuchtung der sozialen Frage”, SS. 60-61, Anmerkung. См. также литературу о производ. силах, приведенную в III главе нашей работы.

¹⁶ К. Маркс: *Теории über den Mehrwert*, Band II, Teil II, S. 282: "Die Weltmarktkrisen müssen als die reale Zusammenfassung und gewaltsame Ausgleichung aller Widersprüche der bürgerlichen Oekonomie gefasst werden".

¹⁷ Автор настоящей работы усиленно выдвигал эту точку зрения в книжке: *Мировое хозяйство и империализм*. СПб. Изд. Прибой, 1918. См. *Marx und Engels: Kommun. Manifest*, s. 28: "Wodurch überwindet die Bourgeoisie die Krise? Einerseits durch die erzwungene Vernichtung einer Masse von *Produktivkräfte* (наш купс. Н. Б.), andererseits durch die Eroberung neuer Märkte und die gründlichere Ausbeutung alter Märkte. Wodurch also? Dadurch, dass sie allseitigere und gewaltigere Krisen vorbereitet und die Mittel, den Krisen vorzubeugen, vermindert".

¹⁸ Karl Marx: *Теории über den Mehrwert*, Band II, Teil II, S. 267—269.

¹⁹ Известны разрушения, произведенные гражданской войной в Америке, войной, которая дала громадный толчок развитию капитализма. Известна разруха времен французской революции, двинувшей вперед развитие производительных сил после периода глубокого их упадка. Известно также и то, что французских якобинцев, которые были наиболее активным фактором революционного движения, обвиняли буквально теми же словами, что и современных коммунистов. Вот выдержки из процесса *Шарлотты Корде*, убийцы Марата:

- Какие мотивы могли вас заставить решиться на столь ужасный поступок?
- Его преступления.
- В каких преступлениях упрекаете вы его?
- В разорении Франции и в гражданской войне, которую он зажег по всему государству.
- На чем основываете вы это обвинение?

— Его прошлые преступления являются показателем его преступлений настоящих. Это он устроил сентябрьские убийства; это он поддерживал огонь гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором или кем-нибудь иным, и опять-таки он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая нынешнего года арестовать и заключить в тюрьму депутатов конвента. (*«Революционный Трибунал в эпоху Великой Франц. Революции»*. Воспоминания современников и документы. Ред. проф. Е. Тарле. Ч. I, стр. 59).

Разве этот диалог между якобинцем-революционером и контр-революционной жирондистской дамой не есть прообраз «диалога» между коммунистами и социал-демократами? Недаром Плеханов в «Искре» предсказывал для XX века раскол социалистов на «Гору» и «Жиронду». Это предсказание оправдалось с астрономической точностью, и г. Каутский и Ко. выступают в полном облачении добродетельной и не слишком умной жирондистки. Когда-то Каутский защищал якобинцев. Но что же поделять? "Nous avons changé tout cela".

²⁰ Тов. Л. Крицман (см. его статью: «Развитие производительных сил и диктатура пролетариата» в сборнике «Два года диктатуры пролетариата», изд. Высш. Сов. Нар. Хоз., стр. 70) совершенно правильно говорит: «Но пролетариат отличается от других производительных сил (машин, материалов и проч.) тем, что на грозящее ему разрушение отвечает возмущением. Время кризиса есть время пробуждения революционного возмущения в пролетариате. Сама революция пролетариата есть не что иное как противодействие пролетариата стремлению буржуазии путем крушения его рабочей силы смягчить растрату и сократить бездействие принадлежащих ей сил и за счет жертв, приносимых пролетариатом, изжить кризис, вызванный анархией капиталистического способа производства» (курсив автора).

²¹ Рс. К. Маркс: Нишета фил., стр. 140: «Из всех орудий производства наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые вообще могли развиваться в недрах старого общества».

²² С этой точки зрения абсолютно нелепо «винить» рабочий класс и его партию в разрухе. Ибо как раз он и есть сила, которая делает возможным восстановление общества. Сопротивление «старого порядка» — вот чему нужно «вменить» разруху переходного периода.

²³ Господа «критики» пролетарской революции в разрухе видят доказательство незрелости капиталистических отношений. Из нашего анализа вытекает, что при самых «зрелых» отношениях разруха (временная) также неизбежна. «Критики» часто приводят слова Маркса (K. Marx: Zur Kritik, Vorwort, LVI): “Eine Gesellschaftsformation geht nie unter, bevor *alle* Produktivkräfte entwickelt sind, für die sie weit genug ist, und neue höhere Produktionsverhältnisse treten nie an die Stelle, bevor die materiellen Existenzbedingungen derselben im Schosse der alten Gesellschaft selbst ausgebrütet worden sind”. Однако, у Маркса немедленно отсюда делается и вывод: “Daher stellt sich die Menschheit immer nur Aufgaben, die sie lösen kann, denn genauer betrachtet, wird sich stets finden, dass die Aufgabe selbst nur entspringt, wo die materiellen Bedingungen schon vorhanden oder wenigstens im Prozess ihres Werdens begriffen sind”. Падение производит. сил в процессе пролетарской революции теоретически предвидел тов. Ю. Ларин в вышеупомянутой брошюре «Утописты минимализма и действительность».

²⁴ Проф. Гринецкий («Послевоенные перспективы русской промышленности», Москва 1919, стр. 64) в главе «Революционное разложение промышленности» объясняет его влиянием следующих факторов: 1) *полного расстройтва снабжения сырьем и топливом* в зависимости от падения их добычи и парализа транспорта; 2) *кризиса труда* в зависимости от общей его дезорганизации, под влиянием революции и классовой борьбы, и падения производительности от многих причин; 3) *технической дезорганизации*, как в материальной, так и в административно-технической части...; 4) *крайней неустойчивости и замирания рынка...*; 5) *катастрофического хода демобилизации...* благодаря технической дезорганизации и финансовому краху промышленности; 6) *финансового краха промышленности* в зависимости от роста оплаты труда и падения его производительности, полного расстройтва снабжения, национализации банков и т. д.». Нетрудно видеть, что все эти факторы входят и в нашу классификацию. Но г. Гринецкий вменяет вину не капиталистической системе, с ее войной и ее сопротивлением новому обществу, а рабочему классу. Иначе, конечно, и не может рассматривать дела апологет капитализма, перед которым «послевоенные перспективы» расцветают, как *капиталистические* перспективы. По существу, то же самое говорит Mr. Hoover, «продовольственный диктатор» Европы (см. “National Food Journal”. Aug. 13th, 1919): “The economic difficulties of Europe as a whole at the signature of peace may be almost summarised in the phrase: “demoralised productivity”. “It is not necessary to review at length the cause of this decrease of productivity. They are, in the main, as follows:

The industrial and commercial demoralisation arising originally out of the war, but continued out of the struggle for political rearrangements during the armistice, the creation of new Governments, their inexperience, and frictions between these Governments in the readjustment of economic relations.

The proper and insistent demand of labor for higher standards of living and a voice in the administration of their effort has unfortunately (II) become impregnated with the theory that the limitation of effort below physical necessity will increase the total employment or improve their condition.

There is a great relaxation of effort as the reflex of physical exhaustion of large sections of the population from privation and from the mental and physical strain of the war.

To a minor degree, considering the whole volume, there has been a destruction of equipment and tools, and the loss of organization..., due to war diversions, with a loss of man-power...

The demoralisation in the production of coal... It is due in a small percentage — from the destruction of man-power to the physical limitation of coal mines or their

equipment. It is due in the largest degree to the human factor of the limitation of the effort.

The *continuation of the blockade*... has undoubtedly destroyed enterprise even in open countries... и т. д. Все эти причины порождают «политический, моральный и экономический хаос».

В экономической сводке о послевоенном положении мирового хозяйства инженер *Roedder* пишет: (Ober-Ingenieur a. D. O. C. *Roedder*: Nacht und Morgen der Weltwirtschaft. Industrie-Verlag Vogler und Seiler Chemnitz.): “Vom deutschen Arbeiter allein hängt jetzt Alles ab. Es klingt bald wie ein Hohn, von der Wiederaufnahme des Exports zu reden, wenn drinnen der Arbeiter feiert” (s. 49). Аналогичны показания американского финансиста *Вандерлипа*. См. также доклад *А. Зеленко*: «Меморандум по вопросу о кредитовании русской кооперации в Сев. Америке». Конечно, все эти господа видят лишь «леность рабочего класса», не замечая саботажа предпринимателей. Они в простоте душевной думают, что классовая борьба, ведущаяся в недрах производственного процесса, есть акт односторонний, что ее ведут только рабочие, тогда как капиталисты сидят на «общечеловеческом» троне и строго блюдут «интересы производства», «самого по себе», «чистого производства». В действительности, однако, чистый производственный разум имеет все черты нечистого практического разума, который позвякивает кошельком и весьма мало похож на платоновскую «идею».

²⁵ Термин, предложенный тов. *В. М. Смирновым* (в «Еженедельнике Правды»).

²⁶ *K. Marx*: “Das Kapital”, B. I, Volksausgabe, S. 647. Кстати. Обычно переводчики наивно переводят слово «vogelfrei» — «свободный, как птица».

²⁷ Это ясно видел *Маркс* еще в «Коммун. Манифесте».

²⁸ Эти задачи *технически* необходимы при всяком социальном типе хозяйственного возрождения. См., напр., *Гриневецкий*, I. с.; *С. И. Гусев*: Очередные вопросы хозяйственного строительства. Материалы к 9-му съезду Р. К. П. Изд. Реввоенсовета Кавказского фронта; см. также *тезисы Ц. К. Р. К. П.* к 9-му съезду, а также газету «*Экономическая Жизнь*».

²⁹ См. об этом *Karl Marx*, “Das Kapital”; *K. Kautsky*, “Entwicklung und Vermehrung” etc.; *J. Hevesi*, Die technische Notwendigkeit der Kommunistischen Weltrevolution.

³⁰ См. блестящую брошюру тов. *Кржижановского*, инженера и специалиста по электротехнике, об электрификации русской промышленности. Так же *W. A. Müller* “Sozialisierung des landwirtschaftlichen Verkehrswesens” в сборнике “Wege und Ziele der Sozialisierung”.

³¹ Буржуазные экономисты причину этого видели в «естественном» «законе убывающего плодородия почвы», который имеет свою длинную «историю». Прекрасный разбор этого «закона» имеется в работе тов. *Н. Ленина*: «Аграрный вопрос и критики Маркса». Выставляя этот закон, как имманентный закон сельскохозяйственного производства, буржуазная наука подставляла вместо социальной категории категорию натуральную — таков основной «метод» этой «науки». Общую характеристику технического развития под углом зрения отношений между городом и деревней дает *Marx* в “Theorien über den Mehrwert”, II. B. I. Teil, S. 280; “Im ganzen ist anzunehmen, dass in der roheren, vorkapitalistischen Produktionsweise die Agrikultur produktiver ist als die Industrie, weil die Natur als Maschine und Organismus hier mitarbeitet, während die Naturkräfte in der Industrie fast noch ganz durch Menschenkraft ersetzt werden, wie in der handwerksmässigen Industrie u. s. w.: in der Sturmperiode der kapitalistischen Produktion entwickelt sich die Produktivität der Industrie rasch gegen die Agrikultur, obgleich ihre Entwicklung voraussetzt, dass in der Agrikultur schon bedeutende Variation zwischen konstantem und variablem Kapital stattgefunden hat, das heisst eine Masse Menschen von dem Ackerbau vertrieben sind. Später geht die Produktivität in beiden voran, obgleich in ungleichem

Schritte. Aber auf einem gewissen Höhepunkt der Industrie muss die Disproportion abnehmen, dass heisst die Produktivität der Agrikultur sich relativ rascher vermehren als die der Industrie”.

³² “Grundlagen und Kritik des Sozialismus”, bearbeitet von *Werner Sombart*, erster Teil, Askanischer Verlag, Berlin, 1919, S. VII.

³³ Один французский писатель определял империализм, как стремление всякой жизненной формы к распространению за счет других. С этой точки зрения курица, даже не несущая золотых яиц, но клюющая зерно, является субъектом империалистской политики, ибо она «аннектирует» это зерно.

³⁴ См. нашу статью: Некоторые основные понятия современной экономики. «Коммунист», 16 мая 1918 г., № 3, стр. 9.

³⁵ Эта, казалось бы, ясная мысль была неясной многим товарищам. Так, т. *Цыперович* в цитированном уже издании своей работы о синдикатах и трестах в России пишет о *послеоктябрьском* периоде: «даже на подготовительной стадии, которую мы сейчас переживаем, стадии государственного капитализма (!!), рабочий является в то же время хозяином производства...» (I. с., стр. 170). Каким это образом рабочий может быть «хозяином производства» в *капиталистической* системе — этого понять, конечно, не может никто, ибо такая странная система ничем не отличается от сухой воды. Конечно, она «существовала» только в головах некоторых людей, а не в «общезначимой» действительности. Еще «точнее» эту систему определял в свое время тов. *Боярков* в «Вестнике Металлиста» (январь 1918 г. Петроград), как «развернутый капитализм», который рабочий класс должен построить «без предпринимателей». «Капитализм без капиталистов» — вот к какой абсурдной формуле привела неясность в основных понятиях. Нечего и говорить, что буржуазная и соглашательская литература вся сплошь проникнута путаницей, еще более горшей.

³⁶ См. *Н. Ленин*: «Заметки публициста». «Коммунистический Интернационал», № 9.

³⁷ Довольно многочисленное количество «сочинений» о социализме, появившихся за последнее время за границей, обходит этот *основной* вопрос. Достаточно привести пример из работы *Franz'a Eulenburg'a*: *Arten und Stufen der Sozialisierung. Ein Gutachten. München und Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot. 1920.* На стр. 5 автор определяет социализм следующим образом: это — “Vergesellschaftung der Produktionsmittel; dass schliesst die Leitung der Erzeugung und Verteilung für und durch die Volksgesamtheit in”. На стр. 6 он различает, в числе прочих, такие «ступени»: под рубрикой II — “Überführung reifer Gewerbe in die Hände der Gesamtheit; Vollsozialisierung (Verstaatlichung); под рубрикой III — “Beteiligung der Gesamtheit am Wirtschaftsleben überhaupt: gemischtwirtschaftliche Betriebe (Staatskapitalismus)”. Трудно «изловчиться», чтобы в столь малом количестве «ученых» строк написать столь много ерунды, как это сумел сделать почтенный немецкий исследователь. «Общественное целое» у него имеется и в лице государства «вообще», т.-е. такого государства, которого на свете не бывает и в лице явно капиталистического государства: с одной стороны, социализм — это «обобществление» — и только; с другой стороны, “Vollsozialisierung” — это Verstaatlichung; полная «социализация» отличается от неполной, по *Эйленбургу*, как социализация от государственного капитализма и т. д. И все это разнесено по ящикам, расклассифицировано и разграфлено! Ни капли понимания нет также и у *Rudolf'a Goldscheid'a*, в книге специально написанной на эту тему. См. *R. Goldscheid: Staatssozialismus oder Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung der Staatsschulden-Problems. 4 und 5 Auflage. Anzengruber-Verlag Brüder Suschitzky. Wien-Leipzig. 1917.* В очень интересном докладе *Otto Neurath'a* (“Wesen und Weg der Sozialisierung”) автор всемерно старается уклониться от сути дела, заявляя, что его не интересует вопрос о том, какие *силовые средства* необходимы для социализации.

Однако, он вплотную подходит к правильной постановке вопроса и стоит бесконечно выше ученого болтуна и кокетта *Зомбарта*. Ср., напр., такие строки: "Die Sozialisierung setzt voraus, dass ein *Wirtschaftsplan* durch irgend eine entscheidende Zentralstelle verwirklicht wird. Eine solche *Verwaltungswirtschaft* muss nicht sozialistischer Natur sein, sie kann z. B. einer bevorrechteten Menschengruppe günstigere Lebenslagen sichern; in Sparta sicherte eine Art Verwaltungswirtschaft den Spartiaten die Arbeitserträge der Heloten... Einen Sozialisten nennen wir den, der für eine *Verwaltungswirtschaft* mit *sozialistischer Verteilung* eintritt". S. 4. (Курсив автора). Однако, элиминирование вопроса о "Machtmittel", т.-е. о классовой борьбе и о *классах*, делает всю постановку вопроса туманной и расплывчатой.

³⁸ Кстати, на непонимании этого обстоятельства основаны все «обвинения», выставляемые против коммунистической партии мещанами социалдемократии. В лучшем случае эти господа протестуют против «готтентотской морали», создавая таким образом принципиальное «равенство» между коммунизмом и капиталистическим варварством. В самом деле, разве может «демократ» отрицать «равное право на существование» волка и овцы? Ведь, это было бы нарушением божественной справедливости!

³⁹ Для международной соглашательской идеологии характерен тот факт, что этот термин употребляется, как замена термина «экспроприация экспроприаторов» и «конфискация». Делается это потому, чтобы тем легче говорить о «социализации» в связи с пресловутым «целым», т.-е. подвести под «социализацию» и мероприятия государственной власти капитала. См. в особенности работы *Edmund'a Fisher'a*.

⁴⁰ *Отто Бауэр* в своей брошюре "Weg zum Sozialismus" обобществление *противопоставляет* огосударствлению и видит в первом комбинацию органов из представителей рабочих, служащих, чиновников — с одной стороны, потребителей — с другой, государства, как нейтральной величины — с третьей; фабрики предполагается, между другими мерами, сдавать в аренду сельскохозяйственным кооперациям (т.-е. синдикатам). Вопрос о диктатуре не поставлен, как нужно; государство является «демократией вообще». Гораздо более резко выражена эта насквозь буржуазная точка зрения у *W. v. Ratenau*, где «обобществление» происходит таким образом, что производство сосредоточивается в руках профессиональных капиталистических группировок. Про эту «теорию социализации» *D-r Karl Tyszka* (I. c., S. 25) правильно замечает, что такая концепция есть возрождение средневековых цехов. Однако, сам *проф. Тышка* ни в малейшей степени не обнаруживает понимания классового существа социализации. У *Hermann'a Beck'a* (*Sozialisierung als organisatorische Aufgabe*) субъектами социализирующего процесса являются и "Interessenverbände der Unternehmer" (стр. 51). В дискуссии на конференции немецких инженеров *D-r Prange* откровенно назвал такую структуру «облагороженным капитализмом» (*veredelter Kapitalismus*) и тем раскрыл все карты. *E. Fischer* (*Vom Privatkapitalismus zum Sozialismus*), классический тип социалдемократического кретина, все время играет понятием обобществления и социализации, употребляя его в двух равных смыслах и на основании такого фокуса, получая блестящий результат, что социализация была уже давным давно. *Prof. Oppenheimer*, который отлично понимает, в чем дело, обороняет капиталистические позиции теорией незрелости. Для него всякий, стремящийся к социализации теперь, есть "Putschist", "Blanquist" и проч.

⁴¹ Последний термин, конечно, далеко не точен. Во-первых, он смешивает «нацию» («целое») с государством, т.-е. организацией господствующего класса. Во-вторых, он носит отпечаток эпохи национальных государств. Мы его оставляем потому, что он абсолютно укоренился, хотя логических оснований для его существования нет.

⁴² На непонимании этого покоилась иллюзия т. наз. «муниципального социализма». Конечно, в процессе распада капитализма и революции, при неорга-

низованных выступлениях могут быть захваты пролетариатом отдельных округов и пролетарские «муниципализации» при государственной власти капитала. Но всякий читатель легко поймет, что эта категория совсем особого порядка. В тексте речь идет об относительно устойчивых общественных системах.

⁴³ Ср. *Н. Ленин*. Речи на 9-м съезде Рос. Коммунист. Партии (большевиков).

⁴⁴ Ср., напр., *Тэйлор'a*.

⁴⁵ Поэтому прав *Otto Neurath*, когда он говорит, что "Ausschüsse" («комитеты» или «советы») по своей конструкции мало пригодны для чисто деловых производственных функций. (То же см. у *F. Eulenberg'a*, I. с.). Но все эти «критики» абсолютно не понимают — или притворяются, что не понимают — общественного и общественно-необходимого значения этих переходных форм. Правильно ставит вопрос инж. *Hermann Beck*, I. с.

⁴⁶ Если под милицией понимать идеальную милицию, где все выполняют свои функции добровольно, подобно тому, как участники оркестра слушаются палочки дирижера, то к ней вполне приложимы слова *Энгельса*: «Только общество, организованное и воспитанное на коммунистических началах, может приблизиться к милиционной системе, но и оно едва ли дойдет до нее» (цит. по книге *Ф. Меринга*: «Карл Маркс. История его жизни». Госуд. издательство. Петербург, 1920, стр. 242).

⁴⁷ По сути дела здесь термин «милитаризация» и проч. совсем неприменим, потому что и военная организация пролетарского государства, и военный тип организации промышленности имеет здесь совершенно иное значение. «Красный милитаризм» — словосочетание поистине варварское. Но бедность языка и «обычай» заставляют нас употреблять термин «милитаризация».

⁴⁸ Поэтому, напр., решения 9-го съезда Рос. Ком. Партии (б-ков), совершенно правильные для соответствующего периода в жизни русской советской республики, абсолютно непригодны для хронологически того же момента в других странах. Мы не можем здесь говорить об этой системе управления подробно и отсылаем интересующихся к следующим источникам: *Протоколы 9-го съезда Р. К. П.*: газета «*Экономическая Жизнь*» за 2-ю половину марта и 1-ю половину апреля 1920 г.; *Протоколы 3-го съезда Проф. Союзов*.

⁴⁹ В России эту мысль впервые выдвинул т. *Троцкий*. Хорошо формулирует это инж. *Hermann Beck*: "Eine viellköpfige Versammlung kann nicht Entscheidungen fällen, an Wenigsten im Wirtschaftsleben mit seinen komplizierten Zusammenhängen und der Folgeschwere jedes Beschlusses. Zunächst muss einmal ausgesprochen werden, dass es nicht Aufgabe der Betriebsräte ist, in den Gang der technischen und wirtschaftlichen Betriebsverwaltung laufend hineinzureden, so wenig wie ein Parlament in die laufenden Geschäfte der Staatsverwaltung sich hineinmischen kann. Die Verwaltung eines Unternehmens kann auch absolut nicht von Ausschüssen und Räten geführt werden, sie muss von verantwortlichen fachmännisch geschulten und selbständig handelnden Einzelpersonlichkeiten geleitet werden... Die Bedeutung aller dieser Kollektivorgane kann nur darin liegen, die Betriebsverfassung sowie Richtung und Geist der Produktionsleitung festzulegen und die Handhabung der Betriebsführung laufend zu überwachen... Dagegen ist eine zweite wichtige Funktion der Ausschüsse und Räte die der *Auslesevorrichtung* ("Sozialisierung als organisatorische Aufgabe", S. 52). И в дрыом месте: "Nur Verbehrtheit kann leugnen, dass Betriebsrat und Arbeiterat die wertvollsten Neuschöpfungen politischer Organisation sind. Obschon sie heute vielfach noch unfruchtbare Schwatzklubs sind... Man mass sich eben hüten über die Unreife der ersten Entwicklungsphase einer Organisationsform ihren echten Kern zu überschen" (Eröffnungsansprache, S. 8). Несмотря на последнее замечание, сам *Beck* далеко не понимает специфических особенностей различных фаз трансформационного процесса. Отсюда его организационные планы, которые по своей конструкции абсолютно непригодны как раз к тому времени, для которых их предназначал сам автор.

⁵⁰ Эта глава написана на основе черновых набросков, сделанных моим другом, тов. Ю. Пятаковым. Мы хотели писать данную работу совместно, но практические задачи, к величайшему моему сожалению, отвлекли тов. Пятакова от этой работы и расстроили общий план ее. Мне пришлось эту главу отчасти сократить, отчасти дополнить, отчасти переработать согласно с контекстом книги. Во многих местах текст тов. Пятакова оставлен целиком. Но и в переделанных частях главы основа принадлежит ему. *Н. Б.*

⁵¹ *Маркс*: «Капитал», т. I, стр. XVI.

⁵² Из этого не следует, конечно, что не нужно пользоваться эмпирическим материалом. Наоборот. Ибо «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть для мышления только тот способ, коим оно усваивает конкретное, это есть метод, благодаря которому мышление духовно воспроизводит конкретное, как конкретное». (*K. Marx*: *Einleitung zu einer Kritik der polit. Oekonomie*, 2-е изд. “Zur Kritik”, Dietz Verl., S. XXXVI; ср. также *Н. Бухарин*: Полит. экономия рантье, 1919, стр. 14.

⁵³ Это отражается и на состоянии нашей практической экономической литературы. Берем наудачу один из номеров самого серьезного издания «Народное Хозяйство», № 5 за 1919 г. Открываем статью *И. Д. Михайлова*: «Положение ж.-д. транспорта». Тут мы находим цифры «валового дохода», «эксплуатационных расходов», «расходов на содержание личного состава», «эксплуатационных расходов на 1 версту» и, наконец, «чистого дохода или дефицита». Все приводимые цифры обозначают суммы *рублей* и даются читателям *сравнительно* за 1910—1918 гг. и даже за первую половину 1919. Далее автор добросовестно и настойчиво высчитывает «себестоимость» — тоже в рублях — 1 пуда в 1913, 14, 15, 16, 17 и 1918 году. Произведя эти арифметические упражнения, он делает *вывод*: «таким образом себестоимость перевозки за 4 года увеличилась более, чем в 50 раз». *Какой смысл имеют все эти вычисления?* Так называемый «курс рубля» выделяет пируэты не менее причудливые, чем товар в главе о фетишизме у Маркса или столы у спиритов. Можем ли мы пользоваться рублем, как единицей измерения? Но эта одна сторона дела. Что говорят эти цифры, если исчезает регулирующая роль рынка? *Однако, рынок не вполне исчез: отчасти существует «вольный рынок» и «вольные цены»; отчасти «твердые цены», отчасти ресурсы поступают «бесплатно».* Но и этого мало. Что говорят эти цифры, если многих предметов *нельзя вовсе достать* в добавочном количестве, т.-е. если денежная величина становится абсолютно бессодержательной? Все эти вопросы даже не возникают у автора статьи. И это не единичный случай. Это — *типичный* образчик своеобразного вульгаризаторства наших дней.

⁵⁴ *K. Marx*. *Einleitung*., S. XIII.

⁵⁵ *Маркс*: Письма к Кугельману. Перевод под ред. Н. Ленина. СПб., 1907, стр. 43.

⁵⁶ Ср., напр., «Капитал», т. I, стр. 27: «Какова бы ни была форма» и т. д.

⁵⁷ В этом состоит величайшая революционная сторона марксовской диалектики: «Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике» (Письма к Кугельману, стр. 44).

⁵⁸ *K. Marx*: «Нищета философии», русск. пер. Львовича. СПб., 1906, стр. XX.

⁵⁹ О вышеупомянутых методологических положениях подробно см. нашу работу: «Полит. экономия рантье».

⁶⁰ См. *Энгельс*, полемика с *Родбертусом* в предисловии к Марксовой «Нищете философии», цит. изд., стр. XI.

⁶¹ *Маркс*. Письма к Кугельману, стр. 43.

⁶² Обращаем внимание на следующее, крайне интересное, место из «Капитала» (т. I, стр. 320—321, пер. Степанова и Базарова): «Что устанавливает связь между независимыми работами скотовода кожевника и сапожника? То обстоятельство, что их продукты существуют, как товары... Лишь совокупный продукт многих частичных рабочих превращается в товары... Общественное разделение труда (предполагает) раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных производств и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, *различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию*, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т.-е. удовлетворять определенной общественной потребности — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему; с другой стороны, *закон стоимости товаров* определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако, эта постоянная тенденция различных сфер производства *к равновесию* обнаруживается лишь как *реакция против постоянного нарушения этого равновесия*. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской а priori и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь а posteriori, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен». В этих словах заключается in pace вся марксова теория товарного хозяйства и тут-то мы видим, какую роль играет молчаливо предполагаемый при всем исследовании принцип равновесия. Интересно, что сам Маркс погодя отмечает этот свой научный подход: «Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга... Однако, в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию, виде, т.-е. рассматривать их независимо от того, чем они кажутся вследствие колебания спроса и предложения» («Капитал», т. III, стр. 165). Это и значит рассматривать общественное хозяйство в состоянии равновесия.

⁶³ К. Маркс. «Нищета философии». Там же другая формулировка этой мысли: «Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства».

⁶⁴ Маркс различает (в Einleitung zu einer Kritik), на-ряду с производственными отношениями, производные (abgeleitete) производственные отношения. Об их установлении и идет речь.

⁶⁵ Karl Marx. Das Kapital, B. I, S. 645 (Volksausgabe).

⁶⁶ Таковы работы Dühring'a: из более поздних авторов — Gumplovicz'a из новейших — Franz'a Oppenheimer'a.

⁶⁷ См. об этом Fr. Engels: Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 8. Auflage, Stuttgart, Verl. Dietz. 1914, S. 191—192. Также Fr. Engels: «Gewalt und Oekonomie» etc. (предполагавшаяся IV часть о «теории насилия», опубликованная Бернштейном в Neue Zeit вскоре после смерти Энгельса).

⁶⁸ Karl Marx. Das Kapital, B. I, S. 680 (Volksausgabe).

⁶⁹ Каутский, Бауэр с tutti quanti с негодованием и отвращением говорят «о насилии, откуда бы оно ни исходило». Не так смотрели на дело творцы научного коммунизма. Вот что писал, напр., Энгельс о Дюринге: «Dass die Gewalt aber noch eine andere Rolle in der Geschichte spielt, eine revolutionäre Rolle... davon

kein Wort bei Herrn Dühring. Nur unter Seufzen und Stöhnen (слушайте! слушайте! *H. B.*) gibt er die Möglichkeit zu, dass zum Sturz der Ausbeutungswirtschaft vielleicht Gewalt nötig werde leider, denn jede Gewaltsanwendung demoralisire den, der sie anwendet... Und diese matte, saft- und kraftlose Predigerdenkweise macht den Anspruch, sich der revolutionärsten Partei aufzudrängen, die die Geschichte kennt!». *Engels* Herrn Eugen Dührings Umwälzung etc. S. 193). Как не вспомнить по поводу рассуждений *Каутского* о «Bestialität» и «Humanität» блестящих строк Энгельса об «истинных социалистах»: «Немного человечности», как принято выражаться в новейшее время, немного «реализации» этой человечности, или, вернее, чудовищности, очень немного о собственности из третьих или четвертых рук, немного о страданиях пролетариата, организации труда, насаждении неизбежных, но скучных ферейнов для поднятия низших классов народа. И наряду с этим безграничное невежество в вопросах... действительной общественной жизни. Таково содержание всей их литературы, которая благодаря... «абсолютному беспристрастию» мысли утрачивает последние следы энергии и действительности. И такой скукой хотя бы революционизировать Германию, поднять пролетариат, вызвать в массах способность думать и действовать». Эти филистерски-трусливые черты «истинных социалистов» были типичны и для внутрипартийных отношений. «Характерно для этих старых баб, — говорил Маркс, — что они стараются затухать и подсластить всякую серьезную партийную борьбу» (цит. по *Мерингу*, I, с. 92—93). Разве это не истинный прообраз «беспристрастных», «нейтральных», «независимых» теоретиков?

⁷⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунист. Манифест.*

⁷¹ Поэтому нелепа точка зрения *Каутского* и иже с ним, когда они представляют себе революцию на манер парламентского голосования, где арифметическая величина (половина населения + 1) решает дело. См. *Н. Ленин: «Выборы в Учред. Собрание и диктатура пролетариата»*. Комм. Интернационал 1919, № 7—8.

⁷² В Советской России коммунист, который совершил преступление, по инициативе партии, получает наказание гораздо большее, чем «простой смертный».

⁷³ Вопли российских меньшевиков против принуждения в эпоху пролетарской диктатуры совершенно то же, что вопли капиталистов о нарушении свободы труда профессиональными союзами, которые расставляют пикеты во время стачки и не дают капиталистам использовать штрейкбрехеров. Известно, что самые большие гнусности капиталистическая клика прodelывала как раз под лозунгом охраны свободы труда.

⁷⁴ Противоположные взгляды на крепость хозяйственных организмов развивались некоторыми идеологами экономической отсталости. Такова, напр., известная книга генерала *Гулевича* о войне и народном хозяйстве. С другой стороны, опасность видели (правда, в ограниченных рамках «бедствий», не выходящих за пределы капитализма) молодые русские империалисты *рун sang*. См., напр., статью *П. Струве* в сборнике «Великая Россия». Ср. также *С. Прокопович: «Война и народное хозяйство»*.

⁷⁵ Само собой разумеется, что в тексте предполагается равенство прочих условий. Простой механический перевес сил может находиться и на стороне более отсталых группировок, если они составляют количественно большую величину.

⁷⁶ Наиболее вульгарным «образцом» противоположной точки зрения является работа народника (левого эсэра) *В. Трутовского: «Переходный период»*.

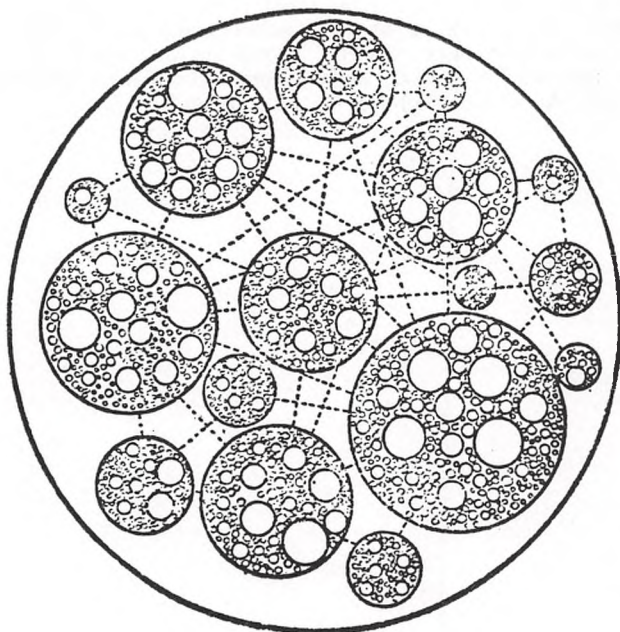
⁷⁷ Блестящий анализ революционной обстановки и ее типов читатель найдет у *Н. Ленина: Детская болезнь «левизны» в коммунизме* (опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике).

⁷⁸ *John Keyenes* пишет в своей книге «The economic consequences of the peace» (Macmillan and Co., London, 1920) о Европе после «мирного» договора: «The Treaty includes no provisions for the economic rehabilitation of Europe — nothing to make the defeated Central Empires into good neighbours, nothing to stabilise the new States of Europe, nothing to reclaim Russia; nor does it promote in any way a compact of economic solidarity amongst the Allies themselves: no arrangement was reached at Paris for restoring the disordered finances of France and Italy, or to adjust the systems of the Old World and the New (p. 211). *Keyenes* характеризует положение след. образом: «The significant features of the immediate situation can be grouped under three heads: first, the absolute falling-off, for the time being, in Europe's internal productivity; second, the breakdown of transport and exchange...; and third, the inability of Europe to purchase its usual supplies from overseas» (216). О грозящей социальной катастрофе см. стр. 213; о настроении господствующих классов — 222. Крах империалистической системы задним числом *вгоняет* империалистам любовь к содружеству в единых рамках мирового хозяйства. Так, инж. *Roedder* (I. c. S. 50) повествует: *Wie Bausteine eines grossen Gefüges sich gegenseitig tragen, an einander legen und schirmen, so beruht auch im Zusammenleben und gemeinsamen Vorwärtstreben der Nationen eine auf der anderen. Ist aber ein Baustein zermürbt, so muss bei Zeiten durch einen besseren ersetzt werden, damit nicht dem ganzen Bau eine Gefahr erwächst*» и т. д. Все эти меланхолические рассуждения заканчиваются трагическим: «To be or no to be, that is the question». *Капиталистической* системе история отвечает решительным отрицанием.

⁷⁹ В этих случаях, которые, как легко сообразить, отнюдь не могут считаться типичными, не будет иметь места полный распад аппарата, как это неизбежно бывает в типическом случае общественной трансформации.

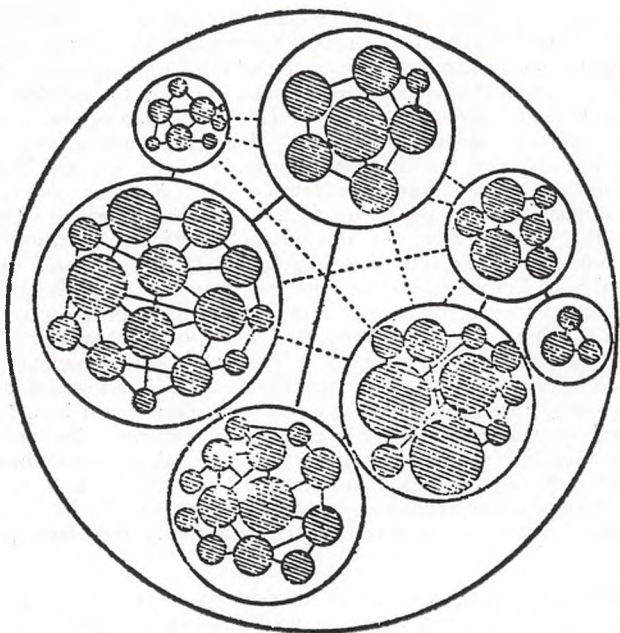
⁸⁰ *Prof. C. Ballod* в своей наивности полагает, что мы, русские коммунисты считаем коммунизм возможным на стадии пролетарской диктатуры, и делает нам целый ряд самых комичных упреков, которыми он обнаруживает лишь свое собственное невежество. См. *C. Ballod*; *Kommunismus und Sozialismus. Der Sozialist (Sozialistische Auslandspolitik)* No. 34, 23. August 1919.

А. Мировое хозяйство в эпоху промышленного капитализма.

1. Маленькие кружочки и точки означают отдельные предприятия внутри неорганизованных „национальных“ хозяйств.
2. Пунктиром обозначены связи между последними, имеющие, гл. образом, форму связи через обмен.

В. Мировое хозяйство в эпоху финансового капитализма.

1. Маленькие кружочки—связанные друг с другом организационно банки, тресты и синдикаты, система которых образует государственно-капиталистический трест.
2. Пунктиром обозначены менее прочные связи между государствами-капиталист. трестами; сплошной линией—прочные связи, гл. образом, через участие и финансирование.

Таблица II (к гл. III).

Система государственного капитализма.

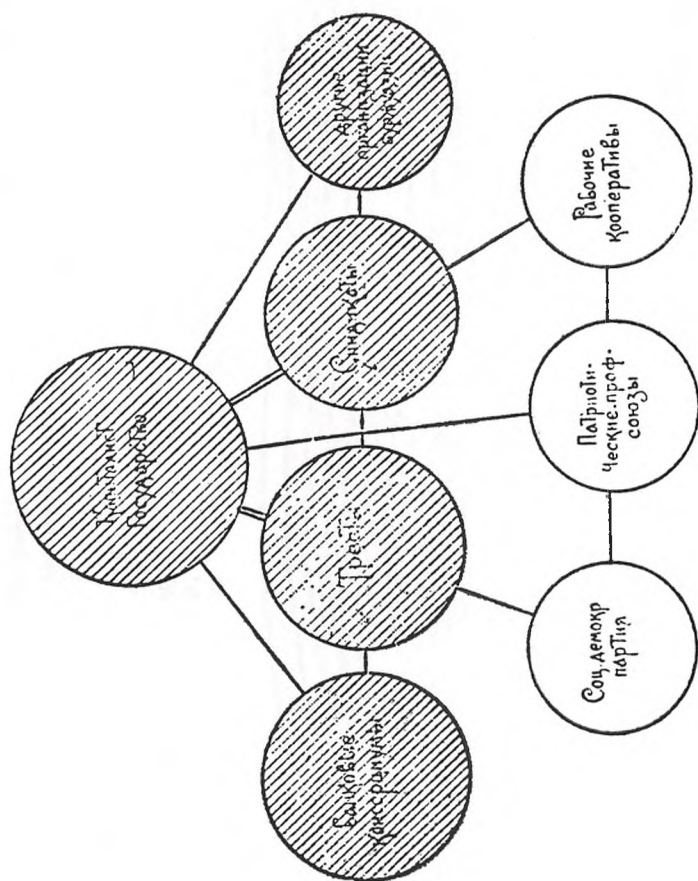
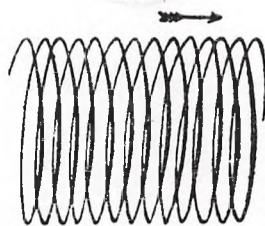

Таблица III (к гл. 3).

Процесс общественного воспроизводства.

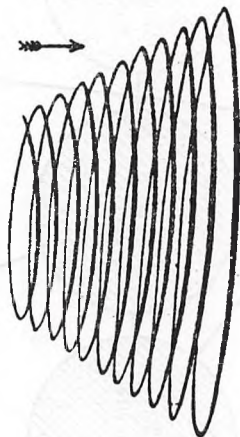
А. Простое воспр.

$A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 $A^1 \dots T^1 \dots P^1 \dots T^2 \dots A^2$
 $A^2 \dots T^2 \dots P^2 \dots T^3 \dots A^3$
 \dots
 $A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 н.т.а.

Производ. силы при простом вос-
производстве

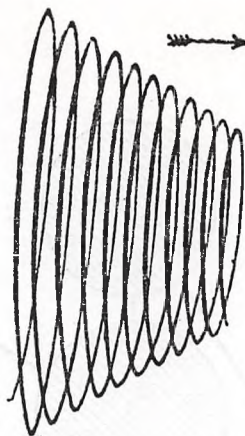
В. Расширенное воспроизводство.

$A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 $A^1 \dots T^1 \dots P^1 \dots T^2 \dots A^2$
 $A^2 \dots T^2 \dots P^2 \dots T^3 \dots A^3$
 \dots
 $A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 н.т.а.

Производительные силы при расширенном
воспроизводстве

С. Отрицат. расшир. воспроизводство.

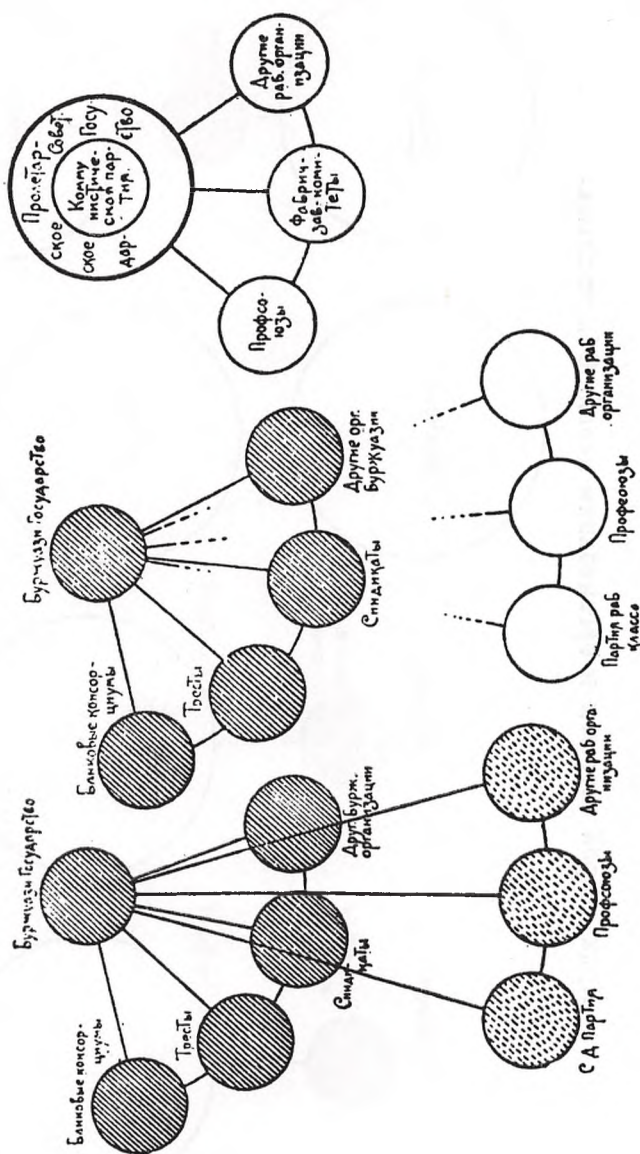
$A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 $A^1 \dots T^1 \dots P^1 \dots T^2 \dots A^2$
 $A^2 \dots T^2 \dots P^2 \dots T^3 \dots A^3$
 \dots
 $A \dots T \dots P \dots T^1 \dots A^1$
 н.т.а.

Производительные силы при
отрицат. расширенном
воспроизводстве

Для простоты всюду отвлекаемся от непродуодит. потребления, за искл. группы А.

Таблица IV (к гл. IV).

Государственный капитализм и система пролет. диктатуры.

А. Система госуд. капитализма.

В. Кризис госуд. капитализма.

С. Общая схема пролетарской диктатуры.

Крах старой системы и организация новой. Общая схема.

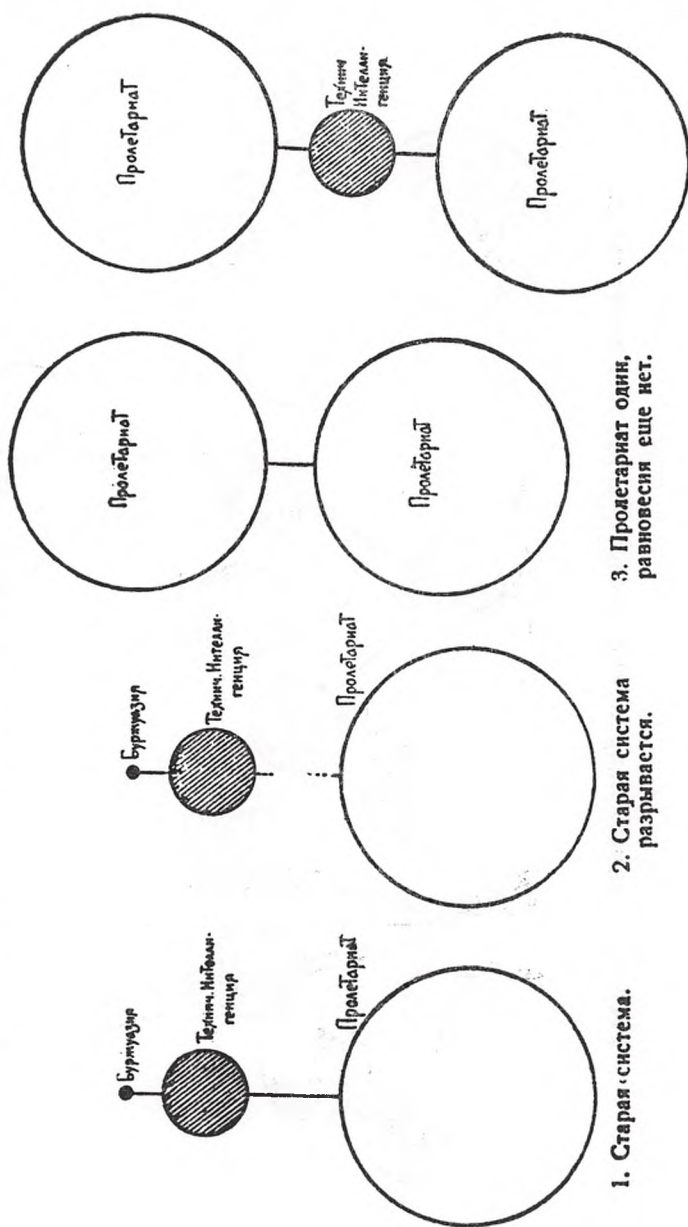

Таблица VI (к гл. III).

Отношения капиталист. иерархии.

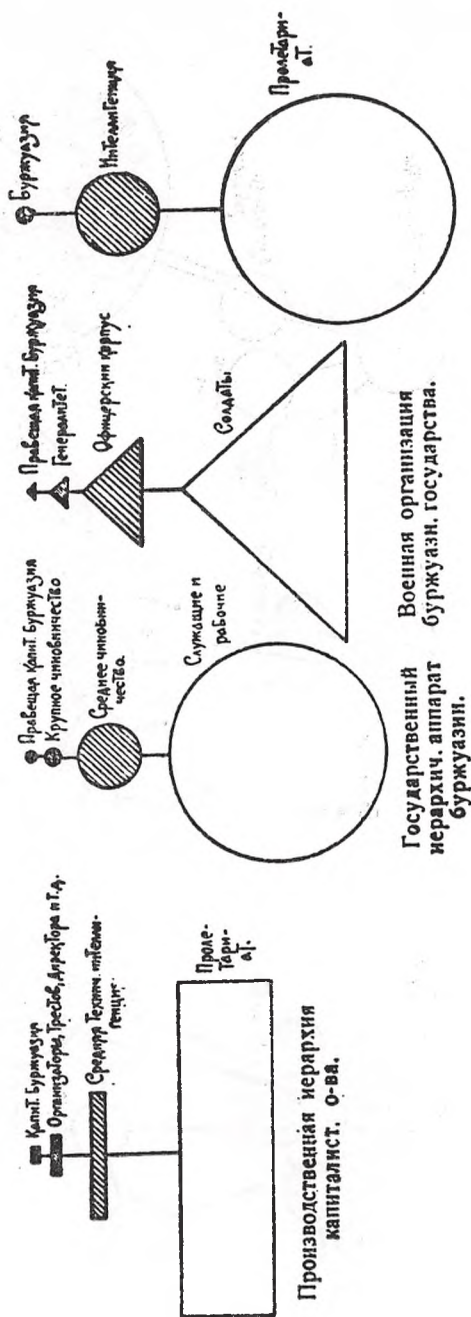
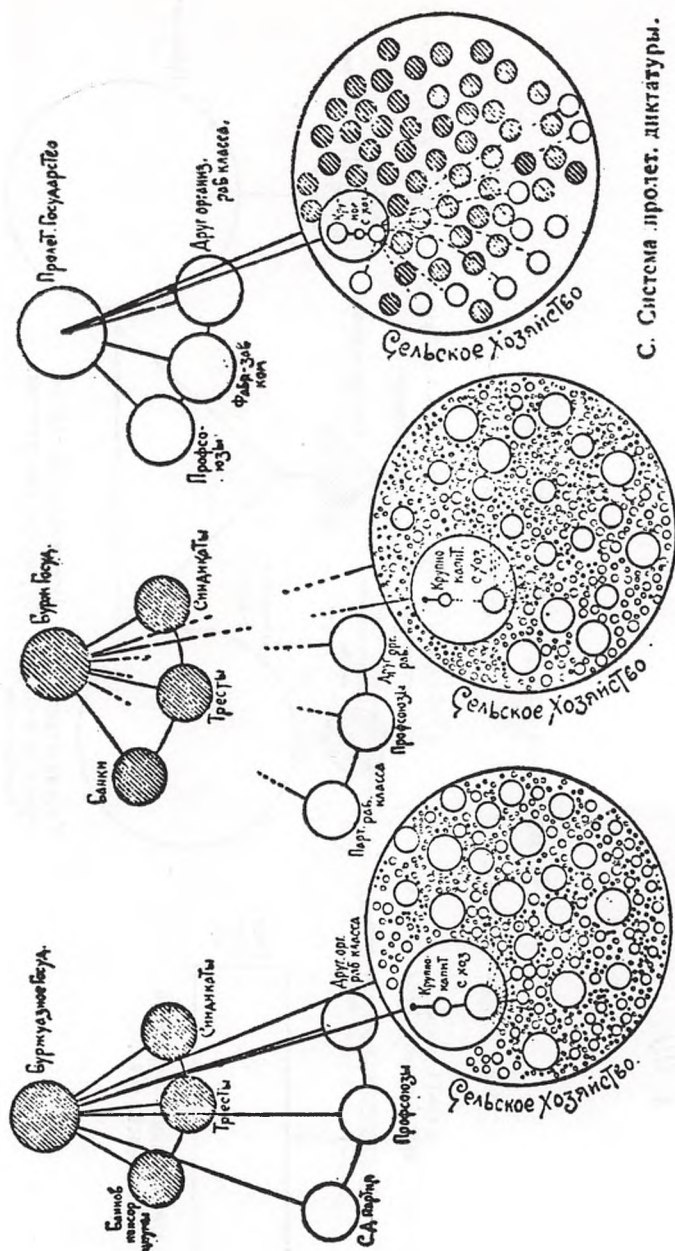

Таблица VII (к гл. V).

Город и деревня в процессе трансформации.

А. Государств.-капит. система.

В. Крах госуд.-капит. системы.

С. Система пролет. диктатуры.

III

Новый курс экономической политики 1921

Бухарин, будучи одним из первых партийных лидеров, поддержавших призыв Ленина к Новой Экономической Политике в начале 1921 года, стал главным апологетом и глашатаем того, что в то время явно считалось тактическим отступлением и вынужденной уступкой частному предпринимательству. Ввиду оппозиции НЭП'у многих членов партии, считавших его прямой изменой революции, Бухарин взял на себя задачу оправдания поворота политического курса и обеспечения его приятия. Из многочисленных работ, написанных Бухариным между 1921 и 1924 гг. в защиту НЭП'а, небольшая брошюра «Новый курс экономической политики», написанная в 1921 году и переизданная несколько раз (равно как и переведенная на немецкий язык), наилучшим образом отражает сомнения и опасения, разделявшиеся Бухариным с другими партийными руководителями в период, предшествовавший 1924 году; в этот период партийное руководство, не имея определенной линии, нещупывало новый курс политики. Нижеследующий текст — из первого издания 1921 года (Петроград, Государственное Издательство).

III

The New Course of Our Economic Policies 1921

One of the first of the Party leaders to support Lenin's call for the New Economic Policy in early 1921, Bukharin became the foremost apologist for and spokesman of what was frankly considered at the time a tactical retreat and forced concession to private enterprise. Because of the opposition to NEP by many Party members who regarded it as an outright betrayal of the revolution, he took the lead in rationalizing the turn and securing acceptance for it. Of the numerous works he produced between 1921 and 1924 justifying NEP, his small pamphlet, *Novyi kurs ekonomicheskoi politiki*, written in 1921 and reissued in several editions as well as in German translation, best expresses the uncertainties and apprehensions he shared with other Party leaders during the period preceding 1924, when they still groped without positive direction for a new course toward the common goal. The text of this pamphlet is taken from the original 1921 edition published in Petrograd by the State Publishing House.

НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Целью настоящей статьи является выяснить *общий смысл* нашей новой экономической политики, ее причины, ее цель; ее значение в общей *перспективе* развития нашего народного хозяйства к коммунизму.

Ибо то, чего недостает многим нашим товарищам по партии, — это именно перспективы: как будто она утрачена, как будто ясные и отчетливые линии расплылись в чем-то туманном и в высшей степени неопределенном.

I. Причины поворота экономической политики

Причины «нового курса» лежали глубоко в сфере нашей экономики и внешним образом проявились в необычайно остром социально-политическом кризисе весной 1921 года.

Наша хозяйственная политика эпохи, так-называемого, «военного коммунизма», по существу дела *не могла* быть политикой, направленной на развитие производительных сил. «Ударной» и притом всеобъемлющей задачей была задача красной обороны страны. Сюда шло все: материальные ресурсы, организаторские силы, словом, все квалифицированные элементы хозяйствования. По отношению к народному хозяйству при таком положении вещей, основным лозунгом была не забота об его прочном восстановлении (всякая «мелиорация» реализуется не «сию минуту»), а немедленное получение продукта *хотя бы ценой подрыва производительных сил*. Не «произвести», а «взять»; взять для того, чтобы снабдить в кратчайший срок Красную армию, рабочих оборонных заводов и т. д. Это и *только* это стояло в центре внимания. Победа над силами контр-революции есть историческое оправдание этой политики. При таких условиях «плановая нецелесообразность», поскольку ее элементы были налицо, неизбежно превращалась из плана развития *производства* при правильном распределении в план экономного *потребления* при второстепенном значении производ-ства.

Чрезвычайно ярко это сказывалось на сельском хозяйстве. Наша хозяйственная политика здесь сводилась почти исключительно к политике наркомпрода, т.-е. к реквизиционной системе продразверстки. При этой системе, однако, индивидуальный производитель, крестьянин, лишался интереса, стимула, к расширению производства: все равно возьмут, кроме части на прокорм, сколько ни расширишь запашки. Таким образом, здесь был налицо конфликт между потребностями развития индивидуального хозяйства и нашей политикой. Но так как сельское хозяйство России есть *крестьянское* сельское хозяйство (государственное хозяйство совхозов играет в общем и целом очень незначительную роль), то наша хозяйственная политика стояла — и не могла во время войны не стоять — в объективном противоречии с *развитием* всего сельского хозяйства: кризис сельского

хозяйства должен был обостриться, и он обострился в действительности. А так как базисом нашей индустрии у нас является сельское хозяйство, то в общем и целом это было и обострением *кризиса народного хозяйства вообще*.

Отсюда неизбежно вытекало и следующее. То равновесие между классами, которое установилось во время гражданской войны, опираясь не на «нормальный» хозяйственный процесс, а на взаимную военную заинтересованность пролетариата и крестьянства. Конечно, этот военно-политический союз был обоснован и экономическими мотивами: пролетариат получал хлеб за защиту крестьянской земли от помещика. Но в то же время совершенно ясно, что как только отпал факт войны, чисто экономические противоречия должны были обостриться до крайности. На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелко-буржуазного* хозяйства. Правильное соотношение между пролетариатом и крестьянством в экономике т.-е. такое соотношение, которое давало бы простор *развитию* производительных сил, стало в порядок дня со всей остротой.

Это основное противоречие всей революции — процесс развития к коммунизму при мелко-буржуазном характере страны — выразилось в резком *социальном кризисе*.

При общем процессе экономической разрухи город разоряется быстрее деревни; тот, кто командует хлебом, получает экономически преимущество над тем, кто командует продуктами городской промышленности. Экономически деревня высвобождается из-под власти города в той мере, в какой происходит разрушение производительных сил. Это происходило повсеместно во всех странах во время войны. Это же происходило и в России, где удельный экономический вес крестьянина повысился по сравнению с экономическим весом рабочего. К тому же в России, где рабочий класс стал у власти, *именно потому*, что он стал у власти, ему пришлось разбросать свои силы (для управления 160 милл. населения, для Красной армии и т. д.). Промышленная же разруха превратила значительную часть рабочего класса в деревенских ремесленников, а часть рабочих, оставшихся в городах, в мелких производителей другого порядка (выделка зажигалок, самостоятельная работа на себя и т. д.).

При развитии производительных сил, мелкая промышленная буржуазия превращается в пролетариат. При разрухе пролетариат превращается в мелкую буржуазию. Выделыватель зажигалок заинтересован в свободной торговле прямо и непосредственно, так же, как ремесленник или кустарь, или крестьянин.

Из 5 милл. рабочих¹ вряд ли около миллиона вместе с 700.000 коммунистами были против свободной торговли. При таком положении вещей мелкобуржуазный напор на кадровый пролетариат, напор, за спиной которого были к тому же реальные противоречия экономики военного коммунизма, грозил снести диктатуру пролетариата. Так экономические причины и причины политические слились в одно целое. Партия пролетариата вынуждена была учесть изменившееся соотношение классовых сил. Партия пролетариата должна была в этой изменившейся конъюнктуре поставить перед собой *новую задачу*, задачу *поднятия производительных сил*. Процесс

демобилизации, отмена блокады и т. д. давали уже реальную возможность для этой работы. Наступила новая полоса. Стал необходим «новый курс».

II. Основная задача нового «курса»

При всех и всяких условиях, при любом курсе экономической политики для строительства коммунизма основными интересами являются интересы *крупной промышленности*. Крупная промышленность есть исходный пункт всего *технического* развития; крупная промышленность есть база *экономических* отношений коммунистического общества; крупная промышленность есть опора *социальной* силы, осуществляющей коммунистическую революцию, индустриального пролетариата. Поэтому основной задачей хозяйственной политики, идущей по линии развития производительных сил, является *укрепление крупной промышленности*.

Но как только мы ставим вопрос об укреплении крупной промышленности, сейчас же мы сталкиваемся с одним «большим» вопросом. Для укрепления крупной промышленности нужны «фонды» (фонды продовольствия, сырья, дополнительного оборудования и т. д.). И здесь нам грозит опасность очутиться в таком порочном кругу: для промышленности нужны продукты, для получения продуктов нужна промышленность. «Земля на китах, киты на воде, вода на земле; земля на китах» и т. д.

Отсюда ясно: *для поднятия крупной промышленности нужно увеличить количество продуктов во что бы то ни стало и какими угодно средствами*.

Во что бы то ни стало! Потому что иначе у нас не будет элементарнейших предпосылок для этого подъема. На призывах к трудовому энтузиазму без сырья, без продовольствия и т. д. далеко не уедешь, как показал опыт предыдущего.

Какими угодно средствами! Потому что это *дополнительное* количество продуктов, которое должно влиться в нашу крупную индустрию, должно быть взято *извне*, не из сферы самой крупной индустрии, находящейся в руках рабочего государства, а со стороны, из других, внешних источников, какой бы ценой мы эти источники ни оплатили.

Это увеличение количества продуктов есть верховный закон текущего экономического момента. В вышеприведенном положении сказывается «вся мудрость» нового курса, его основа. На этот вопрос нужно ответить: да или нет. Здесь третьего не дано.

Какие же источники дополнительного количества продуктов мы можем иметь? Эти источники суть следующие: крестьянское хозяйство, мелкая промышленность, аренда, концессии, внешняя торговля.

Крестьянское хозяйство есть, как всем известно, хозяйство индивидуалистическое, мелкобуржуазное. Но выше мы уже видели, что без *усиления* роста, подъема этого мелкобуржуазного хозяйства нам не обойтись. Наоборот, его подъем есть необходимое условие роста нашей крупной индустрии. Совершенно неправильно рассматривать крестьянское хозяйство вне его связи с остальным миром, и втройне неправильно делать это теперь. Извлечение дополнительного количества продуктов из этой сферы предполагает ее рост, который — временно, в текущую фазу развития — есть не

что иное, как рост буржуазных отношений. Но этот рост дает возможность получить добавочное количество продуктов.

С *мелкой промышленностью* дело обстоит точно так же, как и с крестьянским хозяйством.

Аренда мыслима в двух формах: в виде капиталистической аренды (сдача предприятия капиталисту), или же в виде сдачи предприятия рабочим коллективам. Во втором случае перед нами не будет капиталистической опасности, но у рабочих коллективов обычно не будет хватать оборотных средств. В случае капиталистической аренды предполагается, что перед нами — не спекулятивный арендатор, а организатор производства, который имеет в той или другой форме капитал. Извлекать сырье, продовольствие и т. д. он должен будет не из государственных складов, а из сферы крестьянского хозяйства и мелкой промышленности. Так как в аренду будут сдаваться, главным образом, предприятия бездействующие, плохо работающие и т. д., и так как в виде арендной платы пролетарское государство будет иметь добавочное количество реальных ценностей, то эти ценности войдут в состав необходимого фонда крупной социализированной индустрии.

Концессии представляют собой по существу ту же аренду. Но здесь мы будем иметь перед собою капиталистических арендаторов более высокой марки, которым придется ввозить и части *основного капитала* (машинное оборудование, постройки и проч.).

Долевое отчисление со стороны концессионеров в пользу республики составит точно так же один из источников добавочного количества продуктов в фонд социализированной промышленности.

В связи с концессиями стоит отчасти и *внешняя торговля*, поскольку концессионеры будут платить нам за аренду ввозом иностранных продуктов.

Исходя из основной нашей задачи — увеличения количества продуктов — пролетариат идет на рост *непролетарских* (мелкобуржуазных и крупнобуржуазных форм хозяйствования) для того, чтобы сохранить, подкрепить, развить формы *пролетарского* хозяйства, социализированную крупную машинную индустрию.

III. Хозяйственная стратегия и опасности «нового курса»

В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм таится большая опасность. И здесь заложено точно так же объективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы увеличить дополнительное количество продуктов, а это можно сделать лишь в виде усиления буржуазных тенденций развития; с другой — именно это усиление представляет опасность для коммунизма, опасность, так сказать, с другого конца, с точки зрения *конкуренции хозяйственных форм*.

В самом деле, усиление мелкобуржуазного хозяйства означает не что иное, как выделение на основе товарооборота скупщика, торгового капиталиста, предпринимателя. Капиталистический арендатор, концессионер и т. д. будут точно так же иметь в растущей экономически мелкобуржуазной

стихии свою прочную базу. Как же представляется при таких условиях картина всего дальнейшего развития?

Эта картина будет вполне ясна, если мы поймем новый курс экономической политики, как грандиозную, на ряд лет рассчитанную, *стратегическую операцию пролетариата на хозяйственном фронте*.

Нам кажется, что на этом фронте пролетарской борьбы мы имеем положение, весьма похожее на наше положение во время Брестского мира на фронте вооруженной борьбы с международным империализмом.

Каково было это положение? И какова была наша стратегия в борьбе с сильнейшим врагом? Тут были такие элементы:

1) Основная опасность — германский империализм, ставивший под угрозу существование диктатуры пролетариата;

2) основная задача для нас — построение наших вооруженных сил, нашей Красной армии;

3) основной лозунг для этой цели — мир во что бы то ни стало, всеми средствами, какой угодно ценой;

4) основное содержание работы: использование передышки для построения Красной армии;

5) опасность производная: внутреннее влияние германского империализма;

6) завершение стратегической операции; когда построена Красная армия, можно поворачивать руль в другую сторону.

Сравните с этим положение дел на нашем хозяйственном фронте. Тут мы увидим те же самые элементы.

1) основная опасность — разруха, которая тоже ставит под угрозу все строительство коммунизма;

2) основная задача для нас — построение нашей красной промышленной армии, т.-е. нашей крупной социализированной промышленности;

3) основной лозунг для осуществления этой цели — увеличение дополнительного количества продуктов всеми средствами хотя бы ценой временного усиления мелкобуржуазных и крупнобуржуазных хозяйственных форм;

4) основное содержание работы: использование дополнительного количества продуктов для построения крупной социализированной промышленности, для приведения ее «в полную боевую готовность»;

5) опасность производная: внутреннее влияние растущих буржуазных форм хозяйства;

6) завершение стратегической операции: когда построена на основе использования дополнительного количества продуктов крупная социализированная промышленность, можно поворачивать руль в другую сторону.

Чем объяснялся успех нашей брестской политики? Тем, что нам удалось построить Красную армию, и тем, что германский империализм был подорван революцией изнутри. В чем будет гарантия нашей победы на фронте борьбы с хозяйственной разрухой? В том, что мы сумеем *поднять нашу социализированную крупную промышленность*.

Достигнув этого, мы — так говорили выше — «поворачиваем руль». Но этот новый поворот руля в обратную сторону отнюдь не будет означать возврата к прежнему, т.-е. к раздробленности и т. д. Ибо эти методы, при-

способленные к регулированию потребления на основе *падения* производительных сил, *падения* экономической мощи города относительно деревни, будут совершенно неподходящими к положению вещей, коего основа заключается в *развитии* производительных сил, особенно же в *растущей* мощи *крупной промышленности*. «Поворот руля» будет состоять в постепенной экономической ликвидации крупного частного хозяйства и в экономическом подчинении мелкого производителя руководству крупной промышленности: мелкий производитель будет втянут в обобществленное хозяйство не мерами внеэкономического принуждения, а, главным образом, теми хозяйственными выгодами, которые будут ему доставляться трактором, электрической лампочкой, сельскохозяйственными машинами и т. д.: он будет опутан (с пользой для себя) *электрическими проводами*, несущими с собой оплодотворяющую хозяйство животворящую энергию.

IV. Проблема труда в крупной индустрии

Выше мы видели, что главной нашей задачей является организация крупной национализированной промышленности. Но эта задача имеет свою внутреннюю сторону — вопрос о труде и его интенсивности. В период «военного коммунизма» рабочий класс в значительной степени играл роль резервуара организующих сил, которые «брались» на фронты во все возраставшем количестве. Оставшиеся поддерживались более или менее равномерно, независимо от того, выполняли они или не выполняли на деле свою производительную функцию. В результате, при общем понижении энтузиазма и работоспособности (от голода, истощения и т. д.), при росте мелкобуржуазных настроений и, следовательно, личных мотивов хозяйствования, получилось неизбежное *падение интенсивности труда*.

Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) здесь отчасти получилась такая же картина, как в сельском хозяйстве: отсутствие личной и групповой *непосредственной* материальной заинтересованности в производстве привело к падению производства; при наличии излишних поддерживаемых государством с грехом пополам рабочих рук производственный эффект падал.

Отсюда с неизбежностью вытекало и средство лечения этого недуга: *введение момента личной и групповой заинтересованности рабочих в выработку*. Другими словами: необходимо было поставить снабжение рабочих в зависимость от количества вырабатываемого продукта. Это и дается тем или иным применением, так-называемого, принципа «коллективного снабжения».

Принцип коллективного снабжения играет при этом двоякую роль: с одной стороны, он, давая стимул непосредственной заинтересованности, толкает рабочих к повышению интенсивности труда и к повышению, таким образом, *производительного эффекта*; с другой стороны, он становится рычагом *качественного улучшения состава пролетариата*. При его применении будет происходить постоянный отбор настоящих кадровых рабочих, которые и составят основной стержень крупной промышленности. И, наоборот, мещанские, непролетарские элементы будут отсеиваться и распыляться, уходя в мелкобуржуазную среду. Реорганизованная и развиваю-

щаяся крупная промышленность будет иметь и соответствующий кадровый пролетариат.

V. «Государственный капитализм» при системе пролетарской диктатуры

Нам остается сказать, в целях полной ясности, несколько слов о «государственном капитализме» при системе пролетарской диктатуры. Мы лично считаем этот термин неправильным. Но так как дело не в терминах, а в «сути вещей», не в слове, а в понятии (а здесь в рядах партии нет никаких разногласий), то эту «суть вещей» необходимо подчеркнуть.

Государственный капитализм в его, так сказать, западно-европейском и американском значении, есть доведенное до крайнего предела *всемогущество буржуазии*, когда производство сосредоточено в руках *буржуазного* государства. В таком случае собственником и верховным распорядителем всех средств производства является *буржуазия* в лице ее *государства*.

Когда *пролетарское* государство сдает в аренду концессионеру предприятие (т.-е. при таком небывалом еще в истории случае, когда капиталист является арендатором у рабочего), *собственником* предприятия все время остается *рабочий класс*.

Из этого проистекает совершенно различный характер развития.

При государственном капитализме в настоящем смысле этого слова вся прибавочная ценность поступает в распоряжение буржуазного государства, т.-е. буржуазии. При *нашем* «государственном капитализме» (концессия, аренда и т. д.) прибавочная ценность немедленно расщепляется на две части: одна поступает, как прибыль, в карман капиталисту; другая принимает форму долевого отчисления или арендной платы и поступает нашему государству, т.-е. переходит в руки *пролетариата*.

Чем больше мы будем расти сами, тем более выгодные договоры мы будем заключать, тем больше будет *пролетарская* доля, которая, все увеличиваясь, в конце-концов поглотит долю капиталиста. Это и будет конечной победой коммунизма. Тогда окажется, что иностранный капитал, помимо его воли и желания и несмотря на его волю и желание, сыграл в нашем общем хозяйстве роль «спеца», который помог вытянуть из трясины колымагу советского хозяйства.

Государственный капитализм европейско-американской марки пролетариат должен сломать путем революции. Наш «государственный капитализм» изживется совершенно мирным путем, если мы только правильно выполним свой стратегический план.

VI. Основные возражения против нового курса

Основные возражения, которые делаются иногда против нового курса экономической политики, основаны на непонимании всего «плана стратегической операции» и, как две капли воды, напоминают те возражения, которые некоторые товарищи («от них же первый есмь аз») делали против совершенно правильной тактики брестского мира, или которые делались против брестского мира открытыми противниками пролетарской диктатуры.

Главным «возражением» являлся вопрос о «пределах уступок». Где кончается предел уступок? Если мы сдаем Минск, сдадим ли Смоленск? Или Москву? Ясно, что вопрос был нелеп. Пределы уступок не могли быть *заранее* определены: они зависели от конкретных условий. Лишь бы была возможность *строить свои силы* — вот, как стоял вопрос.

То же и теперь. «Пределы» концессий, вплоть до фабрики и завода, *нельзя* определить. Ибо здесь можно сказать лишь *в общем*: база крупной промышленности и транспорта должна оставаться непосредственно в наших руках, что не исключает передачи того или другого предприятия или территории концессионеру.

Вторым возражением было: мы переродимся. А враги говорили: идя на уступки, вы превращаетесь в партию германского империализма. Ясно, что это был вздор.

Но теперь рассуждают иногда так же: *если* вы делаете уступки мелкой буржуазии *тем самым* вы превращаетесь в *партию* мелкой буржуазии. Если это так, то, напр., английское правительство, сделавшее уступки углекопам, является правительством рабочих или, по крайней мере, «общенациональным». Рассуждение не марксистское.

Конечно, мы находимся в опасном положении. Конечно, *если мы не построим крупной промышленности*, то *тогда* мы или переродимся, или будем свергнуты. Но мы *построим*, на страх врагам, нашу крупную индустрию. Пусть буржуазные «порядочные люди» смеются и предвещают нам близкий конец. Мы надеемся еще спеть над *их* могилой «вечную память».

¹ Эта цифра профстатистики к тому же явно преувеличена.

IV

Буржуазная революция и революция пролетарская 1922

Среди практических и теоретических проблем, возникших в связи с принятием Новой Экономической Политики, была и проблема «культурной фазы» революционного процесса, — как ее охарактеризовал Бухарин. Подобно Марксу, Энгельсу и Ленину, Бухарин, как правило, недооценивал сложность капиталистического общества, считая, что революциям в передовых странах при переходе капитализма в социализм придется встретиться лишь с незначительными трудностями, и одновременно переоценивал в высокоразвитых странах возможности пролетариата выполнить свою историческую миссию быстро и эффективно, в стихийном порыве. Приближаясь, однако, к действительности, он сознавал недочеты не только в отношении численности, но и в отношении классовой сознательности, сплоченности и культурного уровня русского пролетариата, лишь недавно предоставленного цивилизующим влияниям городской жизни и революционизирующегося капитализма. Отчасти именно поэтому он и другие ведущие большевики придавали такое важное значение успеху революций в Западной Европе, которые снабдили бы Россию не только материальными, но и техническими и «культурными» предпосылками для построения социализма, которых по всеобщему признанию Россия 1917 года была лишена. Отсутствие революций за пределами России, неосуществившиеся надежды на иностранную помощь, возрождение в России в 1921 году капиталистических форм предпринимательства и растущая зависимость советского режима от умения и услуг буржуазных «специалистов», все это поставило перед партией — как это открыто признавал Бухарин — серьезную опасность «вырождения» революции, как результат проникновения в государство, в экономику и во все общество в целом капиталистических влияний и буржуазных, а отнюдь не социалистических, ценностей и идеалов. Уже с 1917 года эта проблема была внутри партии постоянным предметом дебатирования, но один лишь Бухарин дал осуществимое разрешение вопроса в своем вызвавшем горячие споры исследовании «Буржуазная революция и революция пролетарская». Впервые это исследование было опубликовано летом 1922 года в журнале «Под Знаменем Марксизма» (№ 7 — 8), и переиздано в 1924 году в антологии бухаринских статей «Атака. Сборник теоретических статей», из которой и извлечен наш текст. Идеи, в этой статье выраженные и отражающие положение в России 1922 года, когда НЭП все еще рассматривался, как отступление, не переставали сохранять для Бухарина и для партии в целом свою действенность впродолжение всех двадцатых годов. Эти идеи являются одним из важнейших вкладов в дело эволюционирующей коммунистической теории пролетарской революции и особого ее применения в России в области культурного преобразования капитализма в социализм и изменения человеческой природы в переходный период.

IV

Bourgeois Revolution and Proletarian Revolution

1922

Among the practical and theoretical problems raised by the adoption of the New Economic Policy was that of the "cultural phase" of the revolutionary process, as it was designated by Bukharin. Like Marx, Engels, and Lenin, Bukharin generally underestimated the complexity of capitalist society and believed that revolutions in advanced countries would encounter few difficulties in transforming capitalism into socialism, while overestimating the capacities of the proletariat in highly developed states to carry out their historic mission with spontaneous efficiency and dispatch. More realistically, however, he was aware of the deficiencies not only in numbers, but also in class consciousness, cohesiveness, and cultural sophistication on the part of the Russian proletariat, which had only recently been exposed to the civilizing influences of urbanization and to the revolutionary conditioning of capitalism. It was in part for this reason that he and the other leading Bolsheviks placed such importance on successful revolutions in Europe, which would furnish Russia with not only the material, but also the technological and "cultural" prerequisites for building socialism that were admittedly lacking in Russia in 1917. The absence of revolutions abroad, the failure of foreign aid to materialize, the revival in Russia of capitalist forms of enterprise in 1921, and the growing dependence of the Soviet régime on the skills and services of bourgeois "specialists" all confronted the Party, therefore, with what Bukharin frankly admitted was a serious danger of "degeneration" of the revolution as a result of the permeation of the state, the economy, and all of society with capitalist influences and bourgeois, rather than socialist, values and ideals. This problem had been debated inconclusively in the Party since 1917, but it remained for Bukharin to offer a feasible solution in his provocative study, *Burzhuznaia revoliutsiia i revoliutsiia proletarskaiia*. Originally published in the summer of 1922 in *Pod znamenem marksizma* (No. 7-8), it was reprinted in 1924 in an anthology of Bukharin's articles, *Ataka; sbornik teoreticheskikh statei*, from which the text below is taken. The ideas expressed in this article, while reflecting the situation in Russia in 1922, when NEP was still considered only a retreat, retained their validity for Bukharin and for the Party, generally, throughout the nineteen-twenties and represent a major contribution to the evolving Communist theory of proletarian revolution and to its specific application in Russia as regards the cultural transformation of capitalism into socialism and the refashioning of human nature during the transition period.

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ^{1, 2}

1. Капитализм в недрах феодального общества и социализм в недрах общества капиталистического. 2. Противоречие между буржуазией и помещиками и отношение эксплуатации между пролетариатом и буржуазией. 3. Культура буржуазии против культуры феодальной аристократии и культурный уровень пролетариата в капиталистическом обществе. 4. Класс, партия и вожди у буржуазии и пролетариата. 5. Проблема административного кадра после завоевания власти у буржуазии и у пролетариата. 6. Культурный рост и опасность перерождения.

Чтобы понять, как следует, крупное общественное явление, нужно понять его во всем *его своеобразии* — такова одна из основных заповедей марксистского учения. Между тем, когда обсуждают «с общей точки зрения» вопрос о социалистической революции пролетариата, довольствуются обычно методом поверхностных аналогий, применением вульгарнейших (якобы «теоретических») шаблонов, штампов, моделей, которые при всем своем скучном однообразии отличаются все же одним оригинальным свойством: они не годятся. Чем больше аналогий и исторических параллелей проводят господа Каутские, Леви, Мартовы и весь этот несчастный сброд трусливых «старых баб», тем яснее становится полная теоретическая (не говоря уже о практической) беспомощность социал-демократического «марксизма», этого убогого, искривленного, искаленного и в то же время припорошенного обрубками великого пролетарского учения. Разбить шаблон и показать — хотя бы в самых общих чертах — все своеобразие пролетарской революции по отношению к революции буржуазной представляется нам очередной задачей дня. Ибо социал-демократическая теория опирается прежде всего на шаблон, в достаточной степени безграмотный. От этого, впрочем, он ни на йоту не делается менее вредным, — о чем достаточно красноречиво говорит социал-демократическая практика, это величайшее предательство, которое когда-либо видела история классовой борьбы.

Пожалуй, самым *общим* теоретическим вопросом о революции является вопрос о *зрелости*, вернее, о *вызревании* новых производственных отношений, нового общественного строя, или — что то же самое — нового «способа производства» в недрах старой общественно-производственной и политической оболочки. «Созрел» или не «созрел» капитализм для социализма — на этот вопрос приходилось отвечать решительно всякой партии, группе, организации, которая, хотя бы на словах, присоединяла себя к социалистическому движению рабочего класса. Революционный марксизм, политически представленный коммунистическими партиями, видел и видит в империалистских войнах достаточный ответ на этот вопрос. Ибо именно эти войны и говорят, что на капиталистическом базисе мировое хозяйство не может дальше развиваться. Социал-демократический, куновский, каутскианско-зомбартянский «марксизм» отвечает на вопрос отрицательно, проделывая при этом такие логические пируэты, которым могут позавидовать

лучшие американские фокусники. В самом деле, достаточно вспомнить хотя бы старушку Каутского. Его позиция по отношению к революции последовательно пробегала такие фазисы:

№ 1. *До войны*. Капитализм созрел. Мы вступили в эпоху кризисов. Идем к войне. Войну нужно использовать для революционного переворота. Пока не нервничать. Победа за нами. («Путь к власти», базельский манифест).

№ 2. *Во время войны*. Интернационал — мирный инструмент. Во время войны не может быть пущен в ход. Не нужно нервничать. Нужно ждать, когда будет мир. Тогда пустим его в ход. Победа будет, натурально за нами. (Военные писания Каутского).

№ 3. *Во время мира, после войны*. Где уже думать о революции? Разве можно? При таких-то разрушениях? Разве на этом социализм построишь? Не нужно нервничать. Нужно ждать. Победа, видит Бог, будет за нами.

Эта бессильная, жалкая жвачка, которая своеобразной «триадой» будет повторяться без конца, достаточно характеризует как логику, так и величие духа великих мастеров социал-демократической логики.

Жила была бабца
На горе под дубом.
Пошла баба париться
С своим милым другом.
Но, как баба умная,
Взяла пук мочалы.
Это песня скучная —
Начинай с начала.
Жила была бабца... и т. д.

Так как это, действительно, чрезвычайно «скучная песня», смысл которой при этом совершенно ясен, то на ней не приходится дольше останавливаться. Нас интересует здесь другой вопрос, на который обращалось гораздо меньше внимания.

Вопрос этот вот в чем. Социал-демократические теоретики для доказательства тезиса о незрелости приводят аналогию с буржуазной революцией. Там — говорят они — дело, действительно, было в шляпе. Там капитализм, действительно, созрел в недрах феодализма. Там революция была, действительно, об'ективно прогрессивным фактором, сбросила путы, дала простор развитию производительных сил. И поэтому достаточно было «снять головку», произвести кое-какую чистку, вывести кое-какой исторический мусор, чтобы открылась эпоха быстрого поступательного развития всего общества.

Таким образом легкость революции, ее относительно малые издержки и относительно громадные издержки русской революции и революции международной служат оппортунистам для доказательства двух вещей: во-первых, для доказательства того, что капитализм вообще не созрел для социализма, во-вторых, для доказательства того, что русская революция не может претендовать ни в коей мере на звание пролетарской революции. Мы не собираемся здесь спорить с нашими противниками по всему фронту. Но мы обращаем внимание на их *вульгарный шаблон*.

В самом деле. Они слышали звон, что новые отношения растут в старой оболочке. Но понять, *как* эти отношения растут — это уже сверх их сил.

Бесконечно, нудно, глупо повторять одно и то же о необходимости зрелости и т. д. — этому занятию они могут предаваться даже не годами, а десятилетиями. А вот увидеть, в чем состоит *своеобразие* роста капитализма внутри отношений феодального общества и роста социализма внутри общества капиталистического — этого им не нужно. И там, и здесь нужна «зрелость». Дальше этой *формальной* постановки вопроса оппортунистическая мысль не простирается.

А между тем процесс вызревания новых отношений в обоих случаях настолько отличен, настолько своеобразен, что это влечет за собой громаднейшие различия и по целому ряду других направлений.

Как вызревает капитализм в лоне феодального общества? Он, главным образом, вызревает как *город*, который развивается в противоположность феодальному *поместию*. Из города он запускает миллионы своих щупальцев в деревню, разлагает натуральное хозяйство, подтачивает старые отношения и начинает творить мир по образу и подобию своему. Что здесь характерного? Что нужно отметить в этом *типе* роста новых отношений? Характерно здесь то, что новые отношения растут *целиком, во всей их совокупности*. В «лоне феодализма» растет не только материальный остов капиталистического режима, его вещественный аппарат, его техника; не только существеннейшая часть его общественных связей, *но все эти связи целиком*. Вся капиталистическая иерархия, вся лестница живых людей, от чернорабочего через унтер-офицера промышленности вплоть до высшего командного состава и собственнической олигархии, все это в готовом виде уже имеется в рамках феодального общества. Другими словами: в рамках помещичьего строя вызревает не только новая техника, но и *живой, людской общественный аппарат капитализма*.

Здесь нужно оговориться. Социал-демократические талмудисты могут переиначить эти наши положения, изобразив дело таким образом, что, по-нашему, капитализм целиком вызревает в феодальном обществе вплоть до своих высших форм и в своем предельном общественном масштабе, так что при *капитализме* ему, капитализму, уже и развиваться нечего. Такую «мысль» нам, однако, приписать не удастся. Мы утверждаем лишь одно: капиталистическая организация, живой аппарат, вызревает в пределах феодализма целиком, т.-е. *вместе со своей административной верхушкой*. До буржуазной революции удельный вес капиталистических отношений, конечно, не очень велик, если сравнить эту эпоху с эпохой развитого капитализма или с нашим временем. Но в городах мы уже имеем *оба полюса* общественно-производственных отношений капитализма *сразу*: и буржуазию, и пролетариат.

Таков ли тип вызревания *социализма* в лоне капиталистических отношений производства?

Может ли он по существу быть таким?

Вот вопрос, который нужно поставить прежде всего. И здесь — стоит только хоть немного подумать над этим — сразу станет очевидно, что самый тип вызревания *должен быть иной* и не может быть таким, каким он был в эпоху перед буржуазными революциями.

Социалистические производственные отношения не могут вызревать в лоне капиталистического общества и капиталистического государ-

ства «целиком», т.-е. с административной верхушкой производственного аппарата. Даже в самой передовой капиталистической стране, с максимумом концентрации и централизации капитала, с громадным пролетариатом и пр. и пр. этого не может быть. Ибо у социализма нет, так сказать, другого экономического поля, где бы он мог «самостоятельно» расти. Против поместья и лэндлордов, помещиков, выросал город с буржуазией *наверху*, под которой был пролетариат.

Буржуазия была экономически не под поземельной аристократией, а *на-ряду* с ней и *против* нее.

Социализм же вовсе не занимает по отношению к буржуазной промышленности такого положения, какое город занимал по отношению к феодальному поместью. Он растет тут же, в том же проклятом каменном городском мешке, *под буржуазией и без своей административной производственной верхушки*. Этой административной верхушки быть не может потому, что в социалистических производственных отношениях она должна быть пролетарской. А такого положения вещей заведомо не может быть в недрах капиталистического общества. *Буржуа* мог в *городе* стоять на командном производственном посту при феодализме. Он *мог* быть монополистом промышленных средств производства и *был* им. Наоборот: пролетарий, пролетариат, как класс, *не может* быть на командном производственном посту при капитализме, не может владеть промышленными средствами производства. Ибо иначе не было бы и капитализма, как это сообразит даже любой двуногий осел.

Отсюда вытекает, что социалистические производственные отношения не могут вырасти в недрах капитализма *целиком, т.-е. со своей административной верхушкой*, что социализм «вырастает» в старом обществе по-своему, по-особому, *не так*, как вырастает в феодальном обществе капиталистический способ производства.

Особо «тонкие» критики могут нам здесь возразить примерно следующее:

Ваша постановка вопроса неверна. Неверна она потому, что в буржуазных отношениях производства предполагается два полюса — пролетариат и буржуазия; это — *классовые* эксплуататорские отношения; здесь может идти речь о «верхушке» аппарата, ибо «верхушка», это — классовое выражение. Наоборот, в социалистических производственных отношениях самый вопрос о верхушке нелеп. Социалистические производственные отношения не суть отношения *эксплуатации*. Поэтому нельзя ставить и вопроса о иерархии, а, следовательно, о «верхушке».

Такая аргументация была бы, конечно, не верна. И при том по многим причинам.

Во-первых, не всякая «верхушка» есть классовая категория.

Рабочий класс не однороден по своему составу, по степени культурности, политической зрелости, технической квалификации и т. п. своих членов, своих составных частей.

Поэтому он не может править (и в политической, и — что нас здесь интересует — в хозяйственной жизни) «новгородским вечем», миллионами рук: он неизбежно правит через свой *авангард*, через свой *административный кадр*, через своих руководителей. Но этот административный кадр не есть классовая категория.

Во-вторых. Не всякое классовое отношение есть отношение эксплуатации. Между развитым социализмом и капитализмом есть господство пролетариата. *Пролетариат* есть господствующий класс, командующий и в производстве. Эта начальная фаза социализма характеризуется тем, что классовая иерархия еще существует, но она имеет совсем необычный характер: *наверху* стоит пролетариат, про который, конечно, нельзя сказать, что он живет за счет эксплуатации — ну, скажем, инженерского состава, ему соподчиненного.

В-третьих. Целостная система социалистических производственных отношений предполагает определенное отношение *собственности*. В начальной фазе собственником средств производства является *пролетариат*. А это значит, что он, как класс, стоит наверху.

Итак, мы приходим к заключению, что по самому существу дела, по специфической природе рабочей революции, в недрах капитализма социализм не может расти «целиком»: он не может так расти потому, что в пределах и рамках капиталистического общества не может быть места коллективно-пролетарской классовой монополии на средства производства, он не может так расти потому, что в этих рамках немыслима командная власть пролетариата в производстве вообще и командная власть его классового административно-хозяйственного кадра — в частности.

Но что же в таком случае вырастает и созревает в пределах капитализма?

Во-первых, вещественно-материальный остов нового хозяйства, концентрированные и централизованные средства производства, технически допускающие *регулируемый* процесс труда. Во-вторых, пролетариат, как система производственных отношений сотрудничества, всего полнее воплощающая *общественный* характер труда. В-третьих, *элементы* квалифицированного организаторского, административного, «командующего» труда (техническая интеллигенция в первую голову). В-четвертых, рабочие *организации*, которые *могут стать* в будущем остовом административного аппарата при пролетарской диктатуре.

Техническая интеллигенция есть, так сказать, промежуточная командующая верхушка. Но в пределах капитализма она растет, как сила *буржуазная*, антипролетарская. Она может воспитаться в новом духе — и воспитывается, — но это происходит уже в период *распада* капиталистических связей. Во время переходного периода связь между рабочими и интеллигенцией (трудовая связь) лопается, и *это является одной из самых крупных причин громадных издержек революционного процесса* (см. об этом нашу работу: «Экономика переходного периода»).

Итак, нелепо «просто» сопоставлять «вызревание» капитализма и «вызревание» социализма, не видя громадной разницы в *типе этого вызревания*. Это одно.

В связи с этим обстоятельством стоит и другое капитальнейшее отличие между буржуазной революцией и революцией пролетарской.

Обычно «с маху» проводится аналогия между противоречием, которое имеется в отношении буржуазии и помещиков, и тем противоречием, которое имеется между пролетариатом и буржуазией. В буржуазной революции буржуазия свержает помещиков, в пролетарской — пролетариат свержает буржуазию, и дело в шляпе.

Между тем, по существу дела, аналогия здесь крайне рискованная. Ибо отношения здесь совершенно различны, «противоречия» *совершенно непохожи*. Более того, они *принципиально отличны* друг от друга.

В самом деле. Каково соотношение между буржуазией и феодальным помещиком? Является ли это соотношение отношением экономической эксплуатации? Является ли буржуазия эксплуатируемым классом в феодальном обществе? Смешно об этом говорить. Именно потому, что капитализм растет в феодальном обществе со своей верхушкой; именно потому, что город растет *на-ряду* с хозяйничаньем помещиков на земле; именно потому, что образуются *оба* полюса буржуазных отношений, — не может быть и речи об эксплуатируемой буржуазии. Между буржуазией и феодальными помещиками происходит раздел прибавочного труда. Феодалы, имея в руках государственную власть, могут в разной форме оттягивать часть прибавочной ценности у буржуазии. Но не буржуазия создает прибавочный продукт, не буржуазия находится на положении эксплуатируемого класса. Она политически неполноправна. Она страдает от экономической политики феодалов. Она делится с ними частью своей добычи. Но она — командир в мастерской и на фабрике, она — собственник промышленных средств производства, она — класс, выкачивающий прибавочную ценность из образующегося пролетариата.

Отношение между буржуазией и феодальными помещиками не есть отношение между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Совершенно иное отношение имеется между классом, который свержает капиталистическое общество, и классом, который его защищает, т.-е. между пролетариатом и буржуазией. Это *есть прежде и раньше всего отношение экономической эксплуатации.*

Скажут: это — общее место, это всякому известно. Зачем огород городить?

Предположим, что это всякому известно. Но тогда еще ярче подчеркивается бессмысленность некритических аналогий. Ибо из этой «всем известной» разницы между пролетарской и буржуазной революцией вытекает еще ряд особенностей, в сумме своей обуславливающих различный ход событий, различные издержки революции, различные проблемы, помимо тех, о которых действительно известно всем и каждому.

Прежде всего, необходимо отметить вот какое коренное отличие: *неэксплуатируемая буржуазия могла быть уже в лоне феодализма культурно выше того класса, который она затем свергла; наоборот, экономически эксплуатируемый пролетариат не может в пределах капитализма стать культурно выше, чем господствующая буржуазия, которую ему приходится свергать.*

Накопление капитала шло уже в пределах феодального общества. «Богатство» стало скопляться в руках у буржуазии еще до революционного краха «старого режима». Притом это богатство накаплилось в денежной форме, на основе всеобщего и повсеместного роста товарно-денежных отношений. За звонкий металл, как известно, можно достать все.

«Все куплю» — сказала Злато,

«Все возьму» — сказал Булат.

«Пошел вон!» — сказала Злато.

«И пойду!» — сказал Булат.

Таким образом уже в недрах феодального режима буржуазия была монополистом промышленных средств производства, командиром в производственном процессе, субъектом капиталистического накопления и собственником накапливаемых богатств. На этой основе в пределах враждебной ей строя почти беспрепятственно могла расти и буржуазная культура. Феодализм отнюдь не мог быть при таких условиях монополистом образования. Более того. *Развивать* свою культуру буржуазия могла в относительно все большей пропорции, так как все большая часть прибавочного труда переходила к ней, к буржуазии, вместе с ростом товарного хозяйства. Классовый носитель нового (по сравнению с крепостническим) строя экономических отношений, буржуазия, становясь в возрастающей степени монополистом средств производства и, следовательно, присвоителем прибавочной ценности, становилась сама тем самым в возрастающей степени и монополистом образования. Дворянская, «рыцарская» школа отступала быстро перед купеческо-промышленной. Именно этой последней был обеспечен рост, потому что деньги становились такой общественной силой, от которой зависело все. А деньги были в руках буржуазии.

При сравнении различных классовых культур и при обсуждении вопроса о культуре вообще можно различать три стороны проблемы: во-первых, вопрос о специфических, особых признаках, «*принципах*» данной культуры, о «*стиле*» данных идеологий, об основных ее тенденциях и методах и т. д.; во-вторых, вопрос о глубине разработки данных тенденций, методов, принципов, т.-е. об *интенсивности* данной культуры; в-третьих, вопрос о круге захватываемых этими идеологиями и навыками лиц, т.-е. вопрос о широте захвата, об *экстенсивном* поле данной культуры.

Возьмем теперь исторический перевал, грань между феодализмом и капитализмом, и посмотрим, в каких отношениях стояла буржуазная культура к культуре феодально-дворянской.

Методы и принципы. Совершенно ясно, что уже в пределах феодализма буржуазная культура была выше крепостнической по своей структуре. Статическая точка зрения заменилась динамической (эволюционной), схоластическая спекулятивная философия — принципом естественно-научного опыта, догматизм феодально-связанного общества — критицизмом «мыслящего индивидуума». Если искать критерия «высоты» культуры в ее практическом значении, т.-е. в том, насколько она помогает овладевать силами природы (а именно так и нужно ставить вопрос), то не подлежит никакому сомнению прогрессивность этой новой буржуазной культуры. И если теперь в буржуазном хоре идеологические заезвалы стремятся превозносить средневековых мыслителей, в особенности *мистиков*, то это лишь симптом упадка буржуазии, а вовсе не обретение затерянного «высшего принципа», как это стараются изобразить скорбные главою современные упадочники.

Интенсивность культуры. Нельзя оспаривать того факта, что феодальная идеология представляла довольно законченную «круглую» систему — взять хотя бы Фому Аквинского. Но если мы вспомним, что великая «Энциклопедия» французских материалистов, Дидро и проч., была написана до захвата власти буржуазией, то вряд ли можно сомневаться в том, что новые идеологические принципы были разработаны не менее глубоко, чем по

существование ограниченная культура относительно неподвижного феодального мира. (Не лишне в скобках заметить, предупреждая могущее быть сделанным возражение, что, если и неверно было старое представление о «Средних веках», как каком-то историческом провале, то, с другой стороны, *движали-то «Средние века» как раз новые, растущие буржуазные отношения*).

Экстенсивность культуры. Феодальная культура, поскольку мы под ней разумеем квалифицированную идеологию и навыки, имела резко выраженный *кастовый* характер. Вспомним о безграмотности королей и о монастырско-церковном характере ученых. Базис буржуазной культуры не мог не быть шире. Так называемая «демократизация знаний» началась по сути дела опять-таки *до* падения феодального режима в буржуазной революции. Таким образом и здесь буржуазия стояла выше поземельной аристократии еще до того, как был сломлен государственный становой хребет этой аристократии.

Сравним теперь с этим культурным противопоставлением культурное противопоставление пролетариата и буржуазии в *рамках капиталистического режима*.

Раньше всего следует обрисовать эти общие рамки, которые определяют неизбежно бытие пролетариата, а следовательно, и его культуру. Пролетариат в капиталистическом обществе — класс угнетенный и экономически, и политически. Он — основной резервуар эксплуатации, поставщик энергии, высасываемой в процессе капиталистического производства. Его бюджет — это средства, необходимые для его воспроизводства и функционирования как физической человеческой силы.

Его квалификация — это предельно низкая общественная квалификация исполнительского физического труда. В общем и целом, *только так* и воспроизводится эта часть общественного механизма в его капиталистической оболочке. Нужно смотреть правде в глаза. Поскольку самый ход капиталистического способа производства требует *новых* категорий квалификации рабочей силы, квалификации организаторской, командующей, идеологической и т. д., постольку выделяется новая общественная группа, новый «промежуточный» класс, так называемая техническая интеллигенция, «новое среднее сословие»; и только сравнительно незначительный слой рабочей аристократии несколько приближается к этому типу. Этому несколько не противоречит то положение, что с повышением техники повышается в целом и культурный уровень пролетариата. Ибо речь идет о *сравнительных* культурных уровнях пролетариата — с одной стороны, буржуазии и ее технической интеллигенции — с другой.

Крепостническая поговорка «всяк сверчок знай свой шесток» сохраняет всю свою силу и для буржуазного общества, которое воспроизводит не только материальные ценности, но и отношение между буржуазией и пролетариатом. И если чисто-экономическая сторона этого процесса заключается в капиталистическом распределении доходов, то *культурная* сторона этого дела заключается в различии *образования*. Монополии на средства производства в точности соответствует *монополия образования*, которая играет колоссальнейшую роль, роль еще недостаточно оцененную в нашем сознании.

Процесс образования есть одна из существеннейших (самая существенная, если брать специфическую сторону дела) составных частей процесса

производства квалифицированных «живых машин». А в капиталистическом обществе подрастающее поколение разных классов поступает и обрабатывается в *разных* школьных лабораториях: божие — богovi, кесарево — кесареви. А мытарь получает то, что полагается мытарю. Командующие классы отдают своих детей в высшую и среднюю школу, пролетариату она недоступна настолько же, насколько ему недоступна монополия на средства производства или присвоение прибавочной ценности.

Совершенно неправилен тот взгляд (довольно распространенный), что мало-по-малу уже в недрах капиталистического режима стирается разница между техником и рабочим, между технической интеллигенцией, как определенной социальной категорией, и рабочим классом. Конечно, было бы прекрасно, если бы уже при капитализме рабочий класс сам, по крайней мере в лице своих *крутых* прослоек, превращался в техническую интеллигенцию, сливался с ней и *таким* образом культурно вызревал к функциям производственного *управления*. Если бы это было так, то тогда под скорлупой капиталистического режима новый строй вызревал бы целиком. Тогда стоило бы лишь сбросить паразитическую, пустяковую, жалкую, бессильную, лишь формально господствующую верхушку капиталистических собственников, — и дело с концом.

Если бы, да кабы,
Да во рту росли грибы...

Но, к сожалению, совсем не то происходит в действительности.

Правда — как не совсем экономически грамотно выражает это профессор Вейраух: «повсюду на место человека выступает машина, а ему зато дается в руки руководство ею. Машина работает, а человек ее направляет (führt sie)».³

Но *направляющая* деятельность рабочего по отношению к *машине* или ее части отнюдь не опровергает того, что у рабочего нет направляющей деятельности по отношению к *людям* и всему процессу производства в *целом*. Эти организаторские, командные функции заперты, забронированы за *другими* группами и классами: за непаразитической буржуазией (крупные организаторы трестов, хозяйственные обер-вожди вроде Стиньеса, Баллина, Сименса, Круша в Германии) и за технической интеллигенцией. Не выходя из рамок *материального производства*, все же мы должны признать, что одна техническая интеллигенция представляет довольно большую силу даже только нумерически. Так, в Германии в 1906 г. в крупнейших предприятиях было такое соотношение между рабочими и интеллигенцией (Beamten):

Металлургия и горное дело на	30 — 26 рабочих	1	служащий.
Вязальные фабрики «	18 — 25	«	1 «
Ткацкие фабрики «	12 — 10	«	1 «
Верфи «	16 — 8	«	1 «
Машиностроит. заводы «	12 — 4	«	1 «
Газовые заводы «	9 — 4	«	1 «
Химические заводы «	7 — 6	«	1 « ⁴

Во всяком случае, эти «сухие цифры» довольно красноречивы. Опыт *командования*, организации, применения высших технических знаний, нака-

пливается *здесь* и оказывается недоступным рабочему классу.⁵ Если и бывают отдельные виды рабочих, близких к техникам по своей квалификации, то это очень незначительная прослойка (напр., сборщики в электротехнической индустрии). Зато резко выражена другая тенденция, отмеченная еще Марксом и нисколько не устраненная современной капиталистической техникой. «Если ранее разносторонне обученный ремесленник выполнял все работы, необходимые для производства готового фабриката, то машина, в особенности «специальная машина», *требует далеко идущего разделения труда* (Unterteilung der Arbeit). Она создала поэтому современного квалифицированного рабочего и допустила все большее и большее применение даже необученных рабочих сил».⁶ А вот что наблюдалось за самое последнее время: «Здесь (в области более экономного распоряжения рабочей силой. *Н. Б.*) прежде всего война показала новые возможности. Ибо нужно было в возрастающей степени заменять из-за мобилизаций и продолжительности войны все более редкие квалифицированные рабочие силы необученным трудом подростков и женщин. Чтобы это стало возможным, было необходимо подразделить возможно мельче ход производства и упростить таким путем отдельные производственные процессы. Таким образом оказалось возможным, благодаря дальнейшему разделению труда при выработке *сериями* (Serienfertigung) выделывать многие вещи руками необученных рабочих... Поднялось к жизни *пятое сословие*».⁷

«Главным условием здорового народного хозяйства является, чтобы каждый был доволен своим местом».⁸ Обучение в профессиональной школе (Werkschule) должно быть по возможности самым простым, охватывающим только элементы профессиональных знаний».⁹ «Разносторонне обученный (ausgebildet) рабочий никогда не найдет себе подходящего места и поэтому будет всегда недоволен».¹⁰ Так гласят капиталистические нормы обучения, имеющие, несомненно, свою внутреннюю логику. *Рабочий класс постоянно воспроизводится, как культурно низшее, хотя и самое большое, общественное звено.*

Так обстоит дело в процессе материального производства. Еще меньшую долю квалификации имеет пролетариат в процессе *товарного обращения* (взять хотя бы банки) и в *идеологических отраслях труда*. Если в процессе материального производства рабочий имеет все же точки соприкосновения с инженером в процессе труда, то швейцар, подающий мел господину профессору, когда тот пишет свои формулы господам студентам, уже стоит совсем в стороне от специфической логики труда. Буржуазный государственный аппарат, школа, наука, искусство и проч. имеют в капиталистическом обществе своих *«спецов»*, удельный трудовой вес которых в этих областях совершенно исключителен.

Следовательно, рабочий класс не может не быть классом, культурно глубоко придавленным всей механикой капиталистического режима, явление, которого не было по отношению к буржуазии до захвата ею государственной власти.

Тем не менее, благодаря, главным образом, двум обстоятельствам — росту рабочих организаций и интеллигентским перебежчикам (об этом речь будет подробно идти ниже) рабочему классу удается создать ростки своей идеологии, а следовательно, и своей, пролетарской, культуры. Нам нужно

противопоставить теперь эту пролетарскую культуру культуре буржуазной по тем трем основным линиям, по которым мы проводили сравнение буржуазной культуры с культурой феодальной.

Методы и принципы. По своей структуре, по своим методам и принципам, пролетарская культура, несомненно, *выше* буржуазной. Пролетариат, объединенный в производстве узами сотрудничества и общей борьбой, выдвигает принципом своей идеологии *объединение под общим углом зрения всей суммы человеческого знания*. Он выдвигает этот принцип против *такого* разделения труда, которое совершенно раздробляет различные отрасли культуры, устранивает в сознании буржуазии их связь, мешая их синтезу, которого тщетно ищет и не может найти буржуазия. Пролетариат выдвигает далее *практическую значимость* всякой «культурной ценности», уничтожая тем самым тот *фетишизм*, которым проникнуты идеологи буржуазии. Всяческие «категорические императивы» и «абсолютные идеалы» он заменяет принципом общественно-технической целесообразности. Пролетариат расширяет эволюционную точку зрения до точки зрения *революционной*, уничтожая буржуазные ограничения принципа динамики и обогащая его содержание. И само собой разумеется — пролетариат продолжает критическую и *опытную* струю идеологии революционной буржуазии, которая у буржуазии современной заменилась мистицизмом, теософией, оккультными науками и различными идеологическими Ersatz'ами, которые поставляются религией.

Интенсивность культуры. Если пролетарская культура выше по своим принципам, то ее интенсивность — поскольку речь идет о капиталистическом обществе — далеко, далеко уступает буржуазной культуре. Пролетариат не занимает командующих производственных *должностей*. Не он — организатор общества при капитализме. Свою культуру он развивает прежде и раньше всего в общественной классовой борьбе. Поэтому совершенно понятно, что эту сторону культуры он развивает раньше всего. *Отсюда* он устанавливает основы своей культуры — гениальнейшее учение Маркса лучший тому образец. Но он не может выработать кадра своих естествоиспытателей, инженеров, техников, агрономов, художников, архитекторов, геологов, организаторов производства, профессиональных квалифицированных изобретателей, математиков, поэтов, правоведов, банковых специалистов, артистов и так далее и тому подобное. Не может он в рамках капитализма внести здесь столько же своего, сколько он внес в сфере общественной теории или практической политики. Для решения *таких* задач у него нет возможностей в его *бытии*; он только в самых общих чертах намечает грядущее решение этих задач, — не более того. По сравнению с тем, что имеет буржуазия, это — настоящая крупница. Только в области общественных наук он может противопоставить себя (здесь речь идет об интенсивности культуры) буржуазии, да в области практической политики создает эквивалентную, а иногда даже превосходящую по своей квалификации кадровую силу (недаром, например, граф Keyserling говорит, что Советская Россия имеет лучших в мире вождей). Но в общем и целом, пролетариат отстает колоссально.

Экстенсивность культуры. С классовой точки зрения, т.-е. с точки зрения общественно-классовых масштабов, и здесь пролетариат обречен на

громадную отсталость самими условиями своего капиталистического бытия. Если приводить наиболее яркое доказательство этой мысли, достаточно упомянуть лишь, что над большим слоем пролетариата тяготеют горы, Альпы, «буржуазных предрассудков», тогда как нельзя найти ни единой горсточки буржуазии, которая бы страдала «пролетарскими предрассудками». Скажут: но в этом виновата государственная машина буржуазии, школа, церковь и т. д. Вот именно! Эти институты буржуазного режима держат в плену целые пролетарские армии. И если мы таких людей, как Шейдеман, Носке, Том Шоу, Гомперс и т. д., считаем предателями (что совершенно правильно практически-политически), то они, с другой стороны, представляют жалкий продукт, сделанный из *рабочего* буржуазной культурой, всей совокупностью общественных и идеологических связей буржуазного общества. Но кроме этого типа подчинения составных частей рабочего класса буржуазии (на *верхах*), мы видим элементарнейшую «необученность» широчайших масс пролетариата: техническую, образовательную, политическую и т. д.

Summa summarum, общий итог: в рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества: но в этих рамках он, культурно-угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества. Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу» и вызывает он, как организатор общества, лишь в период своей диктатуры. Отсюда добавочные издержки пролетарской революции, издержки такого типа, какого, в общем, не знала буржуазная революция.

Но здесь невольно появляется вопрос: каким же образом, несмотря на свою неизбежную культурную отсталость, пролетариат создает более прогрессивные основы культуры, чем буржуазия? И каким образом он все же создает кадр своих политических идеологов и руководителей?

Здесь мы переходим к вопросу о классе, партиях и других организациях класса и о так называемых вождах. Этот вопрос нам необходимо рассмотреть, ставя его опять-таки *сравнительно*, т.-е., беря отношения между этими величинами так, как они складывались у буржуазии — с одной стороны, и у пролетариата — с другой. Ибо, как мы увидим впоследствии, — и здесь имеется громадная разница, разница, которая ставит перед пролетариатом проблемы, неизвестные буржуазным революциям, и подвергает пролетариат опасностям, каких не знала и не могла знать буржуазия.

Но предварительно нам нужно сделать несколько замечаний общего свойства.

Организация какого-либо класса возникает из потребностей усиления мощи данного класса; существо всякой организации состоит в том, что здесь получается сила, по своей величине большая, чем простая арифметическая сумма слагаемых. При этом классовые организации не охватывают всех членов класса, не совпадают с классом. Это происходит потому, что, конкретно-рассматриваемый, класс не представляет из себя однородной по своему составу величины.

Он неоднороден по общественно-технической квалификации своих сочле-

нов (квалифицированный и неквалифицированный рабочий, напр.), по их культурному уровню; по чистоте классового типа, политической зрелости и т. д. Так как политическая борьба — в конечном счете борьба за власть — есть «высшая», наиболее принципиальная форма борьбы, то совершенно естественно, что политическая партия данного класса, или ее модификация (напр., якобинские клубы) является об'единением наиболее зрелых элементов класса, *через которые* класс может наиболее правильно выражать свои интересы. *Противопоставление* партии классу нелепо поэтому в высочайшей степени.

Из неоднородности членов организаций (и *партии* в том числе) вытекает об'ективная необходимость в группировках руководителей (вождей), *через* которых партия (или данная организация вообще) выражает свою волю. На этом мы пока кончим, возвратившись к очень сложным вопросам о вождах впоследствии, в другой связи.

Теперь еще одно предварительное замечание. Совершенно ясно, что организация, давая классу *добавочную* силу, создает для него *добавочную* возможность развития своей культуры и выделения своих руководителей. Рабочий же класс, несмотря на свою придавленность, другими сторонами своего бытия (централизация и концентрация на небольших пространствах, коллективный характер работы etc. при все же неизбежном росте своей интеллигентности) оказывался способным развить громадную энергию по сплочению своих рядов. Численный непрерывный рост и массовый характер этого класса, с одной стороны, коллективный характер его труда — с другой, были двумя основными факторами, делавшими возможной *организацию*, что отчасти компенсировало угнетенность и придавленность.

Все же эта последняя нашла себе выражение, кроме того, о чем мы упоминали выше, в двух специфических явлениях:

Во-первых, *в то время, как буржуазия не нуждалась в вождах из враждебного класса, пролетариат имеет своими вождами выходцев из буржуазной интеллигенции.*

Это вытекает с неизбежностью из всего предыдущего анализа. Буржуазия, которая культурно прекрасно могла развиваться в условиях феодализма, вырабатывала из своей собственной среды как кадры идеологов самого «высокого порядка» (философы, ученые и т. д.), так и своих политических руководителей. Конечно, и тут были перебежчики, но относительно процент «своих», «чистых» был очень высок. Неизмеримо труднее приходилось и приходится пролетариату. Вот почему он имел своими высшими руководителями (вождями, идеологами) выходцев из других классов, в первую очередь из интеллигенции. Это есть совершенно неоспоримый исторический факт. Наиболее обобщающая и правильная пролетарская идеология (марксизм) была выработана Марксом, Энгельсом и их учениками.

До сих пор в области теории и высших идеологических звеньев мы видим интеллигенцию. Правда, с течением времени в больших массовых организациях рабочего класса вырабатывается впоследствии целый слой, так наз. «рабочей бюрократии», т.-е. вождей-выходцев из рабочих. Но все же интеллигенция играет крупнейшую роль. Возьмем Англию и ее тред-юнионы. Над сложной системой «рабочего» кадра стоит группа фабиан-

цев, которые именно и являются поставщиками идей. Оппортунистический лидер тред-юниона из администраторов отвечает на вопрос об основных проблемах политики или другой «высокой материи»: «мы об этом не думаем; за нас думает Вэбб или профессор имярек». Германская социал-демократия и профсоюзы создали большой кадр выходцев из рабочего класса, своих профессиональных и партийных чиновников (Beamten). Но высшая инстанция — это ревизионистская клика, выросшая из редакции Sozialistische Monatshefte, насквозь интеллигентская.

Можно было бы умножить количество примеров. Мы приведем еще только один. Когда создавалась русская социал-демократия, то ее основным руководящим кадром были «профессиональные революционеры», выходцы из интеллигенции. Можно считать установленным, что в особенности велик приток интеллигентов в ряды оппортунистических рабочих организаций. Но никоим образом нельзя отрицать и руководящей роли интеллигентов, действительно ставших на точку зрения революционной классовой борьбы пролетариата. Это — первое.

Во-вторых: *в то время, как культурная разница между буржуазным лидером и средним капиталистическим буржуа относительно не особенно велика, эта разница между лидерами пролетарской партии и средним рабочим гораздо больше.*

Это вполне понятно.

Капиталистический буржуа при своем, если так можно выразиться, общественном производстве, получает высшую или, минимум, среднюю школьную обработку. Его доход обеспечивает ему базу для «культурного существования». Его роль в производстве, обращении, идеологических отраслях труда дает ему надлежащую тренировку, навыки, знания, опыт, т.-е. совершенствует его квалификацию. Уровень его жизни, быт, «духовная атмосфера», *тип функций* похож и довольно близок к лидерским функциям. Не так обстоит дело у пролетариата. Его вожди, в особенности *выходцы из интеллигенции* («академики»), часто имеют очень большую умственную тренировку и высокий культурный уровень; между тем средний член класса отстоит крайне далеко от этого уровня. С другой стороны, выходец из интеллигенции и даже «рабочий бюрократ» не имеет часто тех инстинктивных и стихийных коллективистических нот, какие характерны для пролетариата, поскольку он находится «у станка». Психологическая разница здесь таким образом больше, чем в соответствующем случае у буржуазии.

Итак, мы установили, что еще до завоевания власти рабочим классом, до того, следовательно, как рабочий класс стал классом господствующим, он в значительной мере руководится кадром вождей, выходцев из другой среды.

Перейдем теперь к периоду, когда новый класс *становится у власти*, минуя этап ожесточенной открытой *борьбы*, т.-е. перейдем к моменту, когда устанавливается некоторое социальное равновесие на новой основе.

На плечи класса, захватившего власть, ложатся громаднейшие задачи. Он становится классом-организатором общества, его руководителем на данной исторической основе. Расширяются области его борьбы, крайне обогащаются его функции. Приходится уже не только руководить классом, но и заниматься организационной «положительной работой», в ее общественном

масштабе, с бесконечными ее подразделениями и специальностями. Для этого требуется определенный кадр организаторов и конструкторов самого разнообразного вида.

И вот тут опять выступает громадная разница между становящейся у власти буржуазией и становящимся у власти пролетариатом, — разница, которая является продолжением и следствием явлений, разобранных выше: *буржуазия в общем и целом имеет свой кадр администраторов, управляющих государством, или же лиц, почти подготовленных к этому по своей общей культурной тренировке; пролетариат же должен долго учиться на опыте; поэтому он вынужден в большой степени пользоваться силами, на определенной стадии развития, ему враждебными.*

Культурных сил для государственного пролетарского аппарата во всем его объеме требуется немало: вспомним, какую громадную организационную задачу ставит перед собой рабочая революция! Не мудрено поэтому, что привлечение культурных сил «старой марки» совершенно неизбежно и исторически необходимо. Совершенно смешным и поистине детским является представление, что можно обойтись без технической и иной интеллигенции. Это вредная утопия, которая является абсолютно нетерпимой в рядах пролетариата и его партии. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что такое положение вещей таит в себе крупнейшую опасность, неизбежную для пролетарской революции, выражаясь на философском языке, «имманентную» пролетарской революции. *Мы говорим об опасности перерождения пролетарского государства и пролетарской партии.*

О перерождении буржуазного государства и буржуазной руководящей и ставшей у власти партии (или блока партий, или клубов и т. д.) не может идти речи по той простой причине, что буржуазия более культурна, чем помещики. Наоборот, опасность перерождения для пролетарского государства и партии рабочего класса имеется именно потому, что, несмотря на принципиально высшие *формы* своей культуры, рабочий класс все же гораздо ниже по своему культурному уровню, чем буржуазия.

Часто повторяется и всем известен исторический пример, вернее исторические *примеры*, когда варварский народ-победитель, осевший на более высокие в культурном отношении племена, через некоторое время оказывался побежденным по существу: усваивал себе быт, обычаи, нормы, даже язык «побежденного» народа. Более высокая культура, ловкость, навыки, техническое превосходство, тренировка, умение ориентироваться и т. д., бесчисленными каналами, маленькими молекулярными движениями разлагали, перерождали, деформировали, переделывали бытовую ткань, общественную связь, привычную для народа-победителя, который в таком случае исторически капитулировал.

В *похожем* на этот варварский народ положении находится и пролетариат. Мало, что его культура «принципиально» выше! Здесь вопрос решается не этой принципиальной высотой, а *количеством и качеством живых, действующих агентов, носителей той или другой культуры.* Вот что важно. Вот что существенно во всяком историческом споре, в том числе и в великом споре между трудом и капиталом.

Явное превосходство культурных сил в начале пролетарского диктаторского периода *не* на стороне пролетариата и тем более *не* на стороне спе-

цифической пролетарской культуры. Не нужно забывать, что интеллигентские силы, вынужденные работать с пролетариатом, и даже те из них, которые добросовестно работают, принося *необходимейшую пользу*, все же представляют из себя (подчеркиваем: на определенной фазе развития) опыт *старой* культуры. Что это значит? Это значит, что громадное их большинство в душе *не верит* в планомерное хозяйство, в общественную регулировку труда, в технико-экономическое преимущество социализма, в его экономическую рациональность. Все происходящее представляется таким элементом чем-то нездоровым, странным отклонением от нормы, что неизбежно должно быть изжито и будет изжито. У них нет социализма как *регулятивного принципа работы*. Да и в опыте у них не могло быть ничего подобного. Всякую неизбежную уступку капитализму они приветствуют. Но они с такой радостью будут приветствовать каждый легкий шагок, совершенно *лишний*, но «здорово-капиталистический». Схематически можно пояснить дело так. Предположим, что какую-нибудь техническую или экономическую задачу («задание», как у нас любят теперь выражаться) можно решить старым методом и новым методом. Про новый ясно видно теоретически, что его решить *можно*. Но нет живого опыта, нет практиков, исполнителей, «рукастых». А «рукастые» привыкли решать *не так*, а по-своему. И вопрос решается по-старому, ибо иначе ничего не поделаешь. Конечно, иная порция старых методов не вредна, и при отсутствии социалистических практиков обязательна, но «количество» имеет, как известно, ехидное свойство переходить в «качество». Так обстоит дело в области непосредственно производственной. Не иначе оно обстоит в области идеологической. Здесь разница культур, борьба «нового» и «старого» должна сказаться еще более резко; идеологии, как известно, вовсе не бессильное «ничто»; это весьма важные общественные *силы*, социальная квалификация которых небезразлична на всех идеологических ступеньках, вплоть до поэзии, вплоть до абстрактной философии. При недостатке своих кадров с выработавшимся и устойчивым коммунистическим, пролетарским мировоззрением и мироощущением (ибо и область *чувства* играет громадную общественную роль) здесь даже помимо сознательного желания «не совсем нашего» кадра специалистов может быть перетерта нужная новому обществу надстройка. Понятно, что речь идет здесь не о катастрофическом изменении, единократном перевороте и т. д., а о мельчайших, часто бесконечно малых, движениях, которые при своем интегрировании дают весьма определенную линию развития, если и не назад в прямом смысле этого слова, то во всяком случае от социализма, к *новой форме* старого классового общества.

Здесь следует упомянуть еще об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Культурная отсталость самой рабочей массы, в особенности при общей нищете, когда *volens-nolens* администраторскому и руководящему кадру вообще приходится уделять гораздо большее количество средств потребления, чем обыкновенному среднему рабочему, *возникает опасность очень значительного отрыва от масс даже той части кадрового состава, которая сама была выдвинута рабочей массой из своей собственной среды*.

Апелляция к рабочему происхождению и пролетарской добродетели сама по себе не может служить аргументом против возможности такой опасности.

Ибо мы должны знать и понимать, что в эпохи такой грандиозной социальной ломки, как наша эпоха, классы вообще до известной степени деформируются, и принципиально отнюдь не исключена возможность полной деформации некоторых частей старых классов и образования из них новых классов. В таком случае «оторвавшиеся» от масс кадровые работники *могут* (но не обязательно должны, как мы увидим ниже) быть ассимилированы более культурными своими коллегами по командующим функциям и вместе с ними превратиться в *зародыш нового господствующего класса*. Само собою понятно, что шансы такого трагического исхода еще более увеличиваются, если, благодаря хозяйственной отсталости страны, неблагоприятной внешней среде, пролетарская власть делает большие уступки капитализму и не препятствует росту новых капиталистических общественно-производственных узлов и соответствующих им людских группировок (как это имеет место, напр., в России при системе совершенно неизбежной для нее «новой экономической политики»). При этом довольно безразлично практически, конституируется ли новый класс в своей девственной чистоте именно, как *основной* класс общества, или он сам будет привеском «наповской» олигархии, новой буржуазии, которая вырастет, так сказать, сбоку. Различия эти будут касаться нашего потомства, коему мы, пока что, и предоставим решать соответствующие задачи. Наша же задача состоит в том, чтобы не *допустить вообще такого «эволюционного» возврата к эксплуататорским отношениям*.

Нарисованная выше опасность есть опасность всякой пролетарской революции. Она реально обнаружилась в русской революции по той простой причине, что ни одна революция не заходила так далеко, как большевистская революция российского пролетариата. Этого было вполне и за глаза достаточно для того, чтобы прохвосты от социал-демократии, называются ли они Мартовыми, Каутскими, Леви или еще как-нибудь, писали книги, брошюры и статьи с доказательствами, что Советская власть в России неизбежно превратится во власть буржуазную. Конечно, этим господам сейчас же приходят в голову всякие мысли во всех тех случаях, когда есть риск и борьба. Они пророчили полный крах, когда пролетариат только что брал власть. Они предрекали гибель большевикам в борьбе с Антантой и подло держали нос по ветру в случаях опасности. Они совсем похоронили диктатуру русского пролетариата, когда черные крылья голода распростерлись над страной. Так что же удивительного в том, что эти храбрецы пророчат гибель иного рода теперь, когда пролетариат подходит к новым, не «ударным» в непосредственно боевом, военном, смысле слова, но тем не менее крайне сложным и трудным задачам?

Эпоха перехода от капитализма к социализму, эпоха диктатуры пролетариата есть борьба. Но если до установления некоторого нового общественного равновесия это есть форма более или менее *открытой* борьбы, то в последующую фазу эта борьба между капитализмом и социализмом приобретает вид маленьких, но великих в своем целом, стычек на фронте *культуры*, технической ловкости и умелости, организационного опыта и навыков, идеологической борьбы во всех отраслях общественной надстройки. А так как все эти процессы затвердевают в определенной квалификации *людей*, от числа и качества которых зависит дальнейший ход развития, то

эта культурная борьба есть, прежде и раньше всего, борьба за *администраторский и идеологический классовый кадр*. Тот класс имеет, выражаясь «высоким штилем», историческое право господствовать в обществе и руководить им, который может выделить из себя достаточное количество администраторов, организаторов и идеологов, ведущих общество по определенному классовому пути. Таким образом на известной стадии революции *борьба за кадр* приобретает первостепенное значение не только с точки зрения строительства «вообще», но и с точки зрения всех дальнейших социально-классовых перспектив.

В дальнейшем изложении будет показано, как пролетариат может решить эту задачу и как он должен будет преодолеть те опасности, о которых шла речь выше.

¹ Настоящая статья представляет из себя первую главу подготовляемой работы «Проблема культуры в пролетарской революции».

² Журнал «Под знаменем марксизма» за 1922 г., № 7—8.

³ Robert Weyrauch, “Die Technik, ihr Wesen und ihre Beziehungen zu deren Lebensgebieten”, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart und Berlin 1922, S. 34.

⁴ Ibidem, SR. 43.

⁵ Применение «научной организации предприятий» только усиливает эту тенденцию. «Здесь открывается совершенно новая страница в профессии инженера: быть не только конструктором вещей, но в такой же степени конструктором (Gestalter) людей...», (Willi Hellpach. «Die geistigen Kräfte der Wirtschaft Technik und Wirtschaft, 14 Jahrg, Heft 1, S. 10).

⁶ R. Weyrauch, 1. с., S. 36.

⁷ Ibidem, 38 (последние два курсива наши. Н. Б.).

⁸ Gustav Frenz, “Kritik des Taylor-Systems”, Berlin, Julius Springer, 1920 S. 104.

⁹ Ibidem, 112.

¹⁰ Ibidem, 109.

V

О ликвидаторстве наших идей 1924

О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем 1924

Ленин как марксист 1924

1924 год являлся, как мы видели, водоразделом как в истории партии, так и в политической деятельности Бухарина. Недостаточная четкость, пессимизм и приспособление ко времени и обстоятельствам, характеризовавшие идеи Бухарина в отношении перспектив и возможностей в России социалистического строительства между 1921 и 1924 годами, быстро рассеялись после того как он, начиная с 1924 года, стал разрабатывать новый революционный план. Переход к новой установке, увенчавшейся в 1928 году переплавкой марксистской революционной теории, начался, однако, осторожно, и лишь в 1925 году Бухарин придал своим пересмотренным взглядам на переход в России к коммунизму связность и идеологическую последовательность. Основа этих взглядов была заложена в 1924 году, когда столкнулись сторонники Троцкого, призывавшего к возобновлению в России и за границей революционного наступления, со сторонниками бухаринского контрпредложения о расширении и усилении НЭП'а в качестве временного компромисса на пути к социализму. Аргументы, выдвигавшиеся в 1924 году Бухариным против Троцкого и Преображенского, были по своей сути критическими статьями, а не положительными альтернативами, но они имеют важное значение как в смысле воздействия на партию, так и в смысле дальнейшего развития мысли Бухарина. Из многочисленных трудов Бухарина, написанных им в 1924 году по этому вопросу, здесь приводятся три наиболее характерных исследования. Это, в порядке написания; «О ликвидаторстве наших идей», опубликованное в «Большевике» (№ 2, 1924), откуда и взят наш текст; «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем. Ответ профессору И. Павлову», впервые опубликованное в «Красной Нови» (№ 1/2, 1924) и затем перепечатанное отдельно, а также и в бухаринском сборнике «Атака», откуда взят наш текст; и «Ленин, как марксист», речь, произнесенная в Коммунистической Академии и впервые опубликованная в «Вестнике», а затем переизданная отдельно, получившая широкое распространение и включенная также в сборник «Атака», откуда и взят наш текст.

V

On the Liquidation of Our Ideas 1924

On the World Revolution, Our Country, Culture, Etc. 1924

Lenin as a Marxist 1924

The year 1924 was a watershed in both the history of the Party and Bukharin's career, as it has been seen. The uncertainty, pessimism, and temporizing that characterized Bukharin's thought regarding the prospects and possibilities of socialist construction in Russia between 1921 and 1924 were rapidly dispelled as he proceeded to work out a new revolutionary perspective from 1924 onward. The transition to a new position culminating in 1928 in his recasting of Marxian revolutionary theory began cautiously, however, and it was not until 1925 that he provided cohesion and ideological consistency for his revised view of the transition to communism in Russia. The foundation for it was laid in 1924, when the issue was joined between those who supported Trotsky's call for a renewal of the revolutionary offensive in Russia and abroad and those who supported Bukharin's counter-proposal that NEP be extended and reinforced as a half-way house on the path to socialism. The arguments advanced against Trotsky and Preobrazhensky by Bukharin in 1924 were essentially critiques, rather than positive alternatives, but they are important both for the effect they produced on the Party and the foundation they laid for the further development of his thought. Of the numerous works produced by Bukharin in 1924 dealing with the issue, three representative writings are reprinted here. These are, in the order of their writing during the year: "O likvidatorstve nashikh idei," which was published in *Bol'shevik* (No. 2, 1924), from which the text below is taken; "O mirovoi revoliutsii, nashei strane, kul'ture i prochem; otvet professoru I. Pavlovu," first published in *Krasnaia Nov'* (No. 1/2, 1924) and reprinted separately, as well as in Bukharin's anthology, *Ataka*, from which the text here is taken; and "Lenin kak marksist," an address delivered to the Communist Academy and first published in its *Vestnik*, after which it was reprinted separately and widely distributed and also included in *Ataka*, which is the source of the text below.

О ЛИКВИДАТОРСТВЕ НАШИХ ИДЕЙ

I. Крах иллюзий пролетарской революции

Маркс писал, что пролетарские революции постоянно критикуют самих себя. Это понятно. Ибо ни одна буржуазная революция не имеет перед собою таких *оригинальных* проблем, ни одна из них не поставлена пред такими *принципиально новыми* задачами, перед которыми неизбежно становится всякая пролетарская революция и в ее первоначальной фазе, когда пролетариат борется за власть, и на дальнейших этапах ее развития, когда пролетариат побеждает, укрепляет свою диктатуру и борется за изменение способа производства, являясь уже фактически, — хотят или не хотят того отдельные группы, слои, прослойки и даже некоторые классы, — руководителем всего общественного целого.

Эти сложность, новизна, оригинальность, трудность задач, стоящих перед победоносным пролетариатом, вызывают ряд ошибок, иллюзий, неправильных оценок, ложных ориентирующих попыток в его практике. И отсюда-то и вытекает та трезвая самокритика, в которой вырабатывается правильная линия поведения. В огне этой самокритики сгорают и исчезают без *следа иллюзии* детского периода, реальные отношения выступают во всей их трезвой наготе, и пролетарская политика приобретает иногда — по внешности — менее патетический, но зато более уверенный, прочный, плотно прилипающий к действительности — и потому гораздо вернее *изменяющий* эту действительность — характер.

С этой точки зрения переход к новой экономической политике явился крахом наших *иллюзий*. Противники коммунизма, бесконечно пустые меньшевистско-эсеровские болтуны, наравне с признанными оракулами нашей подлой либеральной буржуазии, оценивали и оценивают переход к новой экономической политике, как *крах коммунизма*. Заметьте: в этой оценке с ними сходятся и «сменившие вехи» российские интеллигенты, надеющиеся на эволюционное перерождение пролетарской диктатуры в российскую великодержавность буржуазно-демократического образца. Они «приемлют» Советскую власть не как диктатуру пролетариата, а как власть «Новой России». Они не разделяют глупого афоризма салонниц: «Ничто не ново под луной». Но в то же время они уверены, что с другого конца мы придем к «Великой России» господина Петра Струве, который так неудачно служил своей Прекрасной Даме под подозрительно-шарлатанскими знаменами «истинно-русского» барона Врангеля.

Таким образом, *все* оттенки буржуазной мысли и мелкобуржуазного недомыслия трогательно объединились на одной платформе: новая экономическая политика есть крах коммунизма. Для полноты картины напомним, что точно так же оценивали положение вещей и теоретики международной социал-демократической гнили. Эта падала тоже ухватилась за возможность констатировать пресловутый «крах».

И только одна сила занимала, занимает и будет занимать принципиальную позицию: рабочий класс и его революционная партия — партия коммунистов.

Что же по сути дела «крахнуло»? Крахнул «военный коммунизм», как система, и крахнула идеология военного коммунизма, то-есть те иллюзии, которые имелись налицо в нашей партии. Это вовсе не значит, что военно-коммунистическая система была в основе своей для того времени неправильна. В условиях внешней и внутренней блокады мы вынуждены были действовать так, как мы действовали. Но в том-то и дело, что мы не представляли себе всей относительности военно-коммунистической политики.

Тогда мы думали, что наша мирная организаторская работа, наша экономическая политика, строительство нашего хозяйства, будут дальнейшим продолжением централизованного планового хозяйства этой эпохи. А так как и в то время уже было достаточно много нацентрализовано, то отсюда, естественно возникало представление о близости вполне прочно поставленного на ноги социалистического планового хозяйства. Другими словами: военный коммунизм мыслился нами не как «военный», то-есть пригодный только для определенной ступени в развитии гражданской войны, а как универсальная, всеобщая и, так-сказать, «нормальная» форма экономической политики победившего пролетариата. Простые рационализированные формы строжайшей экономии при падении производительных сил принимались за рациональные формы мирной хозяйственной политики. И в этом, в своей основе, заключались иллюзии того периода. Они неизбежно должны были пасть, как только отпали нормы и идеология военного времени. Тогда сразу всплыло море новых вопросов настоящей хозяйственной политики; на арену выступила вся пестрота хозяйственных форм, заговорившая — а кое-где и завопившая — голосами своих классовых носителей. Иллюзии военного коммунизма лопнули в тот самый час, когда пролетарская армия взяла Перекоп.

II. Путь к коммунизму

С точки зрения «сознания» эпохи военного коммунизма новая экономическая политика была несомненным и очень крупным отступлением; с точки зрения реальной революционной линии она была предпосылкой, первым шагом, общим необходимым условием действительной хозяйственной политики пролетариата, то-есть политики, ориентирующейся на развитие производительных сил страны.

Если смотреть на весь переходный от капитализма к социализму период под углом зрения алгебры высшего порядка, то-есть наиболее абстрактно, тогда мы получим картину роста планового общества, строящегося пролетарской диктатурой. Но в действительности дело не так просто, не так одно-тонно, потому что в самом переходном периоде есть много переходных форм. План не устанавливается сразу, априорно, сверху, рационалистически. На деле он может лишь вырасти вместе с ростом крупного социализированного производства, вместе с его централизацией, под постоянным давлением упорядочивающего начала государственной власти рабочего класса. Это не значит, что он возникает только стихийно. Пролетариат имеет в своих

руках достаточно весомую величину в виде крупной промышленности и транспорта, которыми он может управлять, и которые он может направлять. Но он неизбежно должен считаться с громадным давлением разрозненных мелких хозяйств, вся распыленность и мелкобуржуазная ограниченность которых выражается в слепой, но еще мощной рыночной стихии, химически выделяющей купца и идущей в объятия новой буржуазии.

Переходный период в переходном периоде выражается в целом ряде фактов: в пестроте хозяйственных форм, начиная от социалистической промышленности, продолжая мелкобуржуазным крестьянским хозяйством на государственной земле и кончая хозяйством частного капиталиста, непмана; он выражается в рыночных отношениях, в силе денег, в анархичности общественного хозяйства в его целом; он выражается в капиталистических формах и методах хозяйственной политики наших госпредприятий, хотя эти формы и методы имеют совершенно антикапиталистическое содержание; он выражается в разнообразии хозяйственных стимулов и в удивительном сочетании этих стимулов; наконец, он выражается в молекулярном процессе борьбы антагонистических форм хозяйства и всех соподчиненных этим формам элементах. Таким образом, классовая борьба пролетариата принимает невиданные и крайне оригинальные формы: это есть борьба пролетарской крупной промышленности за господство над частным капиталом. А отсюда — в более конкретном разрезе: классовая борьба пролетариата за влияние над крестьянством принимает характер борьбы против частного капитала за хозяйственную смычку с крестьянским хозяйством через кооперацию и госторговлю. А отсюда, в свою очередь, классовая борьба пролетариата против собственнических вожделений мелкой буржуазии, даже деревенской, есть борьба за кооперирование крестьянства и за электрификацию.

В период гражданской войны речь шла о ясных категориях политики: бей буржуазию, ищи союзников в крестьянстве, давай отпор вандейцу-кулаку. Эти основные проблемы классовой борьбы надевают теперь на себя хозяйственный костюм, но от этого ни на дюйм не перестают быть проблемами классовой борьбы: госпромышленность против капиталиста, смычка с крестьянством против торговца; кооперация и электрификация — орудие в борьбе за постепенное преодоление мелкой собственности. Другими словами: раньше классовая борьба носила для нас, в первую очередь, военно-политический ударный характер; теперь же она стала носить мирно-хозяйственно-организационную физиономию. Победа в *этом* типе классовой борьбы (мы отвлекаемся здесь от проблем внешнего порядка) и есть окончательная победа социализма.

Можно подойти к вопросу и иначе, примерно так. При капиталистическом режиме налицо борьба самых различных форм. Но общая тенденция развития заключается в том, что крупное производство побеждает своего более мелкого противника, вытесняет его, преодолевает его и, в конце-концов, становится экономическим диктатором страны. В *пределе* мы имели бы здесь государственный капитализм (не в нашем русском, а в западно-европейском смысле слова). *Формально* мы имеем то же и у нас. Но с той принципиальной, существеннейшей разницей, что крупное производство у нас находится в руках *пролетарского* государства. Это крупное произ-

водство ведет борьбу с частным, более мелким, капиталом. Оно *конкурирует* со своим врагом. Оно пользуется при этом капиталистическими методами, и даже все счетоводство («калькуляция») ведется в капиталистических формах. Но объективно эти формы и методы обслуживают другой класс, т.-е. пролетариат. Процесс этой конкурентной борьбы должен обеспечить победу *крупному* производству, т.-е. нашему, пролетарскому. А по мере этих побед, по мере централизации хозяйства, по мере кооперирования крестьянства (все эти процессы регулируются и направляются диктаторской властью рабочего класса) будет все более реальным и хозяйственный план, который все скорее будет превращаться в действительный план *всего общественного производства*. В *пределе* мы будем иметь здесь не государственный капитализм, а *социализм*, так как чистые формы пролетарской общественной собственности вытеснят и государственно-капиталистическое (концессии, аренду, частный капитал, регулируемый нами, и проч.). Таким образом, наша конкурентная борьба теперь, внешне чрезвычайно похожая на ту борьбу, которую ведет крупный капитал с капиталом мелким, *по сути дела*, т.-е. *с точки зрения классов*, имеет резко выраженный пролетарский, антикапиталистический, социалистический характер.

«Декретами не построишь социализма», — любили говорить наши противники, когда диктатура рабочих экспроприировала экспроприаторов, цвет российских промышленных и торговых тузов. Конечно, одними декретами социализма не построишь. Нельзя его построить и одной голой экспроприацией. Но эта экспроприация, овладение командными высотами хозяйственной жизни, открыла этап *такой* форме классовой борьбы, открыла путь *такой* конкуренции хозяйственных типов, из которых неизбежно вырастает социалистический строй.

Преимущества крупного производства, которые в *наших* условиях суть преимущества пролетариата, не могли существовать в условиях падения производительных сил, хозяйственного распада, отсутствия источников сырья и топлива, полного отсутствия управляющих и знающих кадров. Но они неизбежно будут выявляться все резче и резче по мере роста производительных сил, роста крестьянского рынка теперь, когда у нас есть уже топливо, сырье и, что является колоссально-важным фактором, — знающие и умелые товарищи, прошедшие уже достаточную школу суровой хозяйственной борьбы.

III. О ликвидаторстве наших дней

Путь к коммунизму, таким образом, оказался вовсе не таким простым, каким мы предполагали раньше. Мы избавились от иллюзий, что само по себе означает нашу крупную победу: ведь, в переходный период пролетариат, по выражению Маркса, должен переделывать и свою собственную природу. Но этот гораздо более трудный и извилистый путь, несмотря на то, что он обещает нам победу, требует от нас и величайшей энергии в классовой борьбе. Более того: он сопровождается не только трудностями, *непосредственно* вытекающими из логики этой своеобразной борьбы (например, трудностями в деле осуществления лозунга «учитесь торговать»), но и совершенно новыми трудностями социального порядка внутри самого

борящегося пролетариата. Сюда относятся все проблемы так-называемого перерождения, когда перед рабочим классом и его партией возникает задача *дополнительной* борьбы уже в пределах самого рабочего фронта.

Таким образом, задача усложняется по *новой* линии. И опять-таки: теперь совершенно ясно, что это — не случайность, что эта проблема, наоборот, будет играть довольно крупную роль в любой рабочей революции. И здесь, следовательно, иллюзия более прямого и гладкого пути лопнула.

Крах иллюзий до известной степени аналогичен поражению. С известной точки зрения (очень условной и относительной) он сам может быть рассматриваем как поражение, хотя реально он является победой: он является поражением с точки зрения тех самых иллюзий, которые потерпели крах и, следовательно, с точки зрения реальных носителей этих иллюзий.

После всякого поражения появляются дезертиры. Но, если проанализировать ряды этих дезертиров, то всегда оказывается, что они вербуются из среды наименее устойчивых, наименее выдержанных бойцов.

В пролетарской армии таковыми являются мелкобуржуазные и интеллигентские элементы. Они могут легко увлекаться и идти на горячий штурм, но они так же легко выдыхаются, впадают в отчаяние, истерически «сомневаются», «теряют веру», впадают в скептицизм, «хнычут», «пересматривают» или же ударяются в какую-либо «высокую» область, предоставляя тащить лямку «верующим».

Тогда они, на самом дне отщепенства, разыгрывают из себя аристократов духа, которые высоко посматривают на то, из чего «все равно ничего не выйдет».

Картину такого бегства, бегства в настоящем смысле этого слова, мы видели после поражения революции в 1905 году, когда тысячи ушли от рабочего класса и ушли навсегда.

Некоторую аналогию мы имеем и теперь, после *краха иллюзий*. И здесь точно так же интересно проследить, как строится идеологическая цепочка отщепенства.

В *демократической* революции 1905 года либеральная буржуазия еще до декабрьского восстания перешла открыто в контр-революционный лагерь. Она стала центром идейного притяжения для тех попутчиков рабочего класса, которые после декабря массами стали покидать его ряды. Большевики стали плевать на восстание московских рабочих и пошли на сделку с кадетами: открытые дезертиры прониклись настроениями «Вех»; кое-кто из бывших «максималистов» начал обзывать русский народ несмысленной Фефелой, ради которой господам героям и стараться-то, в сущности нечего. И так далее, и тому подобное.

Еще до Октябрьской революции из лагеря пролетариата и крестьянства ушли меньшевики и эсеры, подобно кадетам в 1905 году. Но после краха иллюзий *военного коммунизма* эти меньшевики и эсеры стали центром идейного притяжения для дезертиров. С этой точки зрения чрезвычайно любопытен был бы анализ таких группировок, как «рабочая группа» (мясниковцы) и «Рабочая Правда». Крах иллюзий они приняли за крах коммунизма и, начав с «левой» критики нашей партии, сделали (в особенности «Рабочая Правда») полный оборот в 180°, придя целиком к меньшевистской концепции.

«Рабочая Правда», начав с критики РКП, как партии, якобы, *предавшей* Октябрьскую революцию, закончила свою карьеру критикой Октябрьской революции, т.-е. свернула на дорожку Либерданов в октябре 1917 года. Мясниковцы, начав с критики внутрипартийной «диктатуры» в кавычках, дошли до критики диктатуры пролетариата и до лозунгов, объединяющих всех врагов Советской власти, начиная от Милокова и кончая Даном. И все эти почтенные люди — и Даны, и «Заря», и эсеры, и дезертиры — все в одну дудочку кокетничают с *антиинэповскими* мотивами, хотя политически требуют неповской «демократии».

Все это — пропащие люди. Хуже всего, однако, то, что у нас есть — зачем это скрывать? — *скрытые* скептики, в особенности из среды квалифицированной учащейся молодежи. Среди них считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед, и, наоборот, они чрезвычайно охочи, с видом своего собственного превосходства (на то, ведь, они и «критически-мыслящие личности», не в пример всем прочим!) сладоустрастно посудачить о наших болезнях, промахах и ошибках.

Не священная тревога за судьбу революции живет в них, а глубоко скрытое неверие в наше будущее. Не поисками положительных решений они живут, а более «высокой» деятельностью, перед которой бледнеет «злоба дня сего».

Вот этот тип собачьей старости, который идейно родственен дезертирству, но облачается в туманную вуаль «высокого и прекрасного», нужно лечить, пока не поздно. Как резко контрастируют с ними свежие рабочие силы, которые сотнями тысяч приходят к нам в ленинском призыве! Какой глубокой уверенностью, каким громадным социальным оптимизмом проникнуты эти новые ряды! И они видят тысячи трудностей, и они видят громадные болячки на нашем теле. Но у них все дышит активной творческой уверенностью в том, что все трудности мы победим, если сплочены и дружны будут наши стальные ряды.

И в этом смысле то громадное обновление, которое переживает наша партия, само по себе служит могучим признаком роста пролетарской страны. Ликвидаторству приходит волею пролетариата бесславный конец.

О МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, НАШЕЙ СТРАНЕ, КУЛЬТУРЕ И ПРОЧЕМ¹

(Ответ профессору И. Павлову)

Академик И. Павлов — один из крупнейших русских ученых. Он имеет мировое имя. Он создал целое направление, целую школу в области физиологии. Крупнейшие его заслуги перед человечеством несомненны. В особенности они несомненны для нас, марксистов. Ибо объективно выходит так, что проф. Павлов, который политически, повидимому, страшно далек от рабочего класса, работает, в первую очередь, на рабочий класс. Его учение об условных рефлексах целиком льет воду на мельницу *материализма*.² И исходные методологические пути и результаты исследований проф. Павлова есть орудие из железного инвентаря материалистической идеологии. А материализм сейчас, в нашу эпоху, в общем и целом, есть мировоззрение *пролетариата*. Здесь не место объяснять, почему это про-

изошло. Мы констатируем лишь этот *факт*. В то время как буржуазия, преисполненная скепсиса, все больше поднимает свои очи к небу и философский идеализм расплывается, подобно масляному пятну, по всей поверхности буржуазного сознания, аналогичный процесс переживает и вся буржуазная наука в целом. Мистицизм и здесь свивает свое прочное гнездо. Неовитализм, критика дарвинизма, телеология, абсолютный релятивизм, чистый логизм и всякие прочие «измы» самого скверного пошиба быстро распространяются и в среде естественников. Если у нас «ученый батюшка» отец *Флоренский* пытался доказать бытие божие при помощи математических формул и астрономических вычислений, то подобные же явления носят характер настоящей эпидемии в западно-европейской науке. Она, эта наука, чрезвычайно приблизилась теперь к позиции какого-нибудь *Мережковского*, который копается в ассириологии, чтобы вывести «большие циклы» апокалиптического календаря, предсказывать гибель мира, и вместе с г. *Бердяевым* иметь, — как выражался Ницше, — «маленькое удовольствийце на день и маленькое удовольствийце на ночь», квалифицируя большевистскую революцию, как пришествие «Зверя», а советский режим, как «сатанократию». Мистицизм или, в лучшем случае, старческий скепсис с постоянным рефреном насчет бренности всего земного, — таковы основные черты современной западно-европейской научной мысли. Вполне понятно поэтому то уважение, которое в нашей марксистской среде имеет и будет иметь всякий ученый, который мужественно выступает против мутного мистического потока. Повторяем: такой ученый, независимо от его субъективных намерений, работает для того же дела, для которого работаем и мы, революционные марксисты. А именно к таким ученым и принадлежит проф. Павлов.

Однако, и на солнце есть пятна. И эти пятна принимают весьма и весьма почтенную величину, как только такие специалисты естественных наук, как акад. Павлов, берутся за дело, которого они — пусть простит меня автор теории условных рефлексов — просто *не знают*. А как раз это и произошло с акад. Павловым, взявшимся в своей вводной лекции за критику марксизма, нашей партии в частности и в особенности — за критику пишущего эти строки.

Проф. Павлов протестует против разрушения культурных и научных ценностей невежественными коммунистами. «Не берись за то, чего не понимаешь», — вот основная «мораль» нашего критика. Мы об этом будем говорить ниже. Но все же мы уже сейчас заметим, что и *общественная наука* есть *наука*. Ее нужно *знать*. А вот этого-то знания и нет у проф. Павлова. Оттого он и впадает в такие наивности касательно общественных вопросов, каким, напр., была бы в естественных науках защита линнеевской точки зрения или какой-нибудь флогистонной теории.

1. Философия научной свободы и теория ак. Павлова

Самое общее соображение, которое проф. Павлов выдвигает против нас, есть соображение о догматическом характере марксизма. «Догматизм марксизма или коммунистической партии... есть чистый догматизм, потому что

они (коммунисты *Н. Б.*) решили, что это — истина; они больше ничего знать не хотят (они. *Н. Б.*) постоянно быют в одну точку».³

Между тем «наука и догматизм» — совершенно несовместимая вещь. Наука и свободная критика — вот синонимы; а догматизм — это не выходит... Сколько было крепких истин? Возьмите, напр., неделимость атома. И вот прошли года, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами».

Отсюда проф. Павлов, обращаясь к слушателям, дает им и соответствующую директиву:

«И если вы, — говорит он, — к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы — коммунисты, «рабфаки» и т. д., тем не менее, вы признаете, что марксизм и коммунизм, это вовсе не есть абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной».

Этим призывом к свободе и заканчивается «общественная» лекция физиолога Павлова, который не хочет, как он выражается, быть «ученым сухарем».

Рассмотрим это, наиболее абстрактное, почти «философское» положение академика Павлова.

Прежде всего, что значит смотреть со «свободной», а не с «закабаленной» точки зрения? Мы не должны наивничать. Мы знаем, какие фокусы проделывают со словом «свобода» в области политики. Но ведь и в научной и даже философской области имеется такая же игра. Ведь протестуют же г.г. Бердяевы, Мережковские и проч. против «ценей разума». Ведь всем известен тот факт, что самые разнообразные мистические школы рассматривают *законы природы* как кабалу, а рациональное познание, в противоположность интуиции, как работу каторжника, от которого несет потом: ведь договорились же некоторые из них (напр., Булгаков в «Философии хозяйства») до того, что весь эмпирически данный мир представляется лишь «греховной скорлупой мира», где свобода невозможна по самой, этому греховному миру имманентной, логике вещей? Что же, разделяет *этот* взгляд на «свободу» проф. Павлов?

Конечно, нет. Это противоречило бы сущности его естественно-научных воззрений. А между тем, он настолько не продумал своих положений о «свободной точке зрения», что из них прямо вытекают «иррациональные» выводы.

Ибо: что значит у Павлова «свободная точка зрения»? Очевидно, *отсутствие* точки зрения. *Всякая* точка зрения есть «связывающее» начало. Раз вы имеете определенную точку зрения, вас всегда могут обвинить, что вы — ее «раб», что вы у нее «в плену», что вы — «закабалены» и проч. и проч.

Но самое забавное во всей этой абракадабре то, что полного отсутствия точки зрения *не может быть*. Что значит, напр., «свободная точка зрения» в механике? Последняя оперирует целым рядом понятий, которые *вы volens-nolens* должны употреблять. В каком смысле вы их употребляете? Вот *Э. Мах* произвел критический анализ этих понятий. Прав он или не-

прав? Любая наука говорит о «законах». Но что же, эти законы есть объективная связь явлений или продукт нашего упорядочивающего разума, который на манер хозяина, по Канту, устанавливает из хаоса «правовое государство» космоса? Любое понятие любой науки можно критически взять под лупу. Как же должен поступать «настоящий» ученый по Павлову? Не думать ни о чем? Но это тоже будет «точка зрения», только самая худшая из всех возможных: это будет точка зрения *обывателя в науке*. Это будет худший вид догматизма, ибо он на веру принимает все установившиеся понятия и оперирует ими с невинным видом дикаря.

Итак, *точка зрения*, и при том *определенная* точка зрения, есть вещь необходимая для всякого ученого, который не хочет ходить в идеологическом халате и стоптанных туфлях.

Спрашивается теперь, что же должен делать такой ученый, который стал на определенную точку зрения, смеет «свое суждение иметь», считает это «суждение» наиболее правильным, наилучшим из всех имеющихся решений задачи? Что должен делать в целях роста науки человек, который по безбрежному океану познания плывает не «без руля и без ветрил», а руководствуется выстраданной, проверенной, прошедшей через критическое сравнение с другими теориями, точкой зрения?

Он будет эту точку зрения защищать, бороться за нее. Ведь и наука знает своих борцов. Такие люди и двигали дело науки вперед: *они* были тем полезным общественным бродилом, которое обеспечивало рост научного познания, а вовсе не обыватели, *пугающиеся* определенной точки зрения. Последнее свойственно компиляторам, эклектикам *par excellence*.

И нам совершенно ясно, что в своих рассуждениях о «закабаленности» и «свободе» проф. Павлов совершенно зря *клеветает на самого себя*. В самом деле. Возьмите его сборник: «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных». По одной этой книге можно видеть, что ее автор «с превеликим упорством» *«бьет в одну точку»*. Но именно в этом-то и состоит достоинство работ проф. Павлова, что он в эту «точку» *«бьет»*. Разве не так, наш почтенный оппонент?

С каким усердием акад. Павлов защищает эту *точку зрения* даже в лабораторных исследованиях, мы видим из заявлений самого автора теории условных рефлексов. Он, между прочим, пишет: «Мы совершенно запрещали себе (в лаборатории был объявлен даже штраф) употреблять такие психологические выражения, как: «собака догадалась», «захотела», «пожелала» и т. д.». ⁴

Марксисты, «коммунисты» и «рабфаки», правда, еще не вводили штрафа за, скажем, употребление антропоморфических, телеологических или идеалистических выражений. Но они, несомненно, оправдали бы даже ту лабораторную «диктатуру рубля», которую ради науки устанавливали павловцы при своих экспериментах.

Как же, однако, все это вяжется с выпадами самого профессора против «закабаленной» точки зрения? Ведь малому ребенку ясно, что научная практика самого Павлова стоит в самом резком, самом кричащем противоречии с его положениями о «свободе» и «кабале».

Что сказал бы акад. Павлов, если бы его критик, став в благородную

позу защитника и рыцаря прекрасной дамы Свободы, разразился бы по адресу знаменитого ученого примерно следующей тирадой:

«Догматизм теории условных рефлексов или сторонников проф. Павлова... есть чистый догматизм, потому что они решили, что у них — истина; они больше ничего знать не хотят (совсем, напр., не слушают виталистов), постоянно бьют в одну точку и надоели со своими слюнными железами до смерти. Между тем наука и догматизм — совершенно несовместимая вещь... Сколько было крепких истин? Возьмите, напр., неделимость атома» и т. д. и т. д.

И что сказал бы проф. Павлов, если бы его критик обратился к нему и его ученикам уже с непосредственным увещанием, примерно, в таком стиле:

«И если вы к науке будете относиться как следует, если вы познакомитесь с нею основательно, тогда, несмотря на то, что вы — сторонники теории условных рефлексов, «павловцы» и т. д., тем не менее признаёте, что павловская теория, теория условных рефлексов, это вовсе не есть абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, есть частица правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной, и уж, конечно, никогда не будете штрафовать своих сторонников за вольные выражения, ибо ведь сказал поэт:

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет.

Мы не сомневаемся, что проф. Павлов с негодованием прогнал бы такого болтуна, даже если бы этот болтун имел большую бороду. Он сказал бы ему: «Не мешайте нам работать. Бросьте свою фразистую болтовню».

И он был бы совершенно прав. Очень опасным иногда бывает обывательское, некритическое употребление слов. Незабвенный Козьма Прутков писал: «Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе». Но «колбасам» подобны не только многие люди, но и многие словесные оболочки. Мы готовы бороться всеми силами за свободу общественных низов, за свободу от капитала, за свободу развития рационального начала над стихийным и проч. Но мы отнюдь не сторонники освобождения капитала от цепей пролетариата; мы не сторонники освобождения от цепей разума; мы не сторонники свободы от определенной точки зрения и т. д., и т. д.

Вот это нужно понять проф. Павлову. Ему нужно свести концы с концами в своих же собственных рассуждениях. Ему нужно сделать общественно-философские выводы из своих же материалистических предпосылок. Ему нужно разделаться с остатками *словесного фетишизма*, который еще тяготеет над ним, как только он заглядывает в область обществоведения.

Ему нужно понять то, что понял много лет тому назад даже либеральный *Тургенев*.

В «Стихотворении в прозе» есть один замечательный отрывок: «Житейское правило»:

«— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том

самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... и упрекайте!

Во-первых, — это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

Во-вторых, — негодование ваше может даже быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести.

Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он — лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — заметил я.

— И это можно, — подхватил пройдоха.

2. «Беспристрастие науки», или проф. Павлов против проф. Павлова

Проф. Павлов, критикуя мою брошюру «Пролетарская революция и культура», ссылается на свою объективность.

«Надо сказать, господа, — говорит он, — что я к делу отнесся чрезвычайно добросовестно... Мой обычай, когда я чем (нибудь *Н. Б.*) интересуюсь, читать не один раз книгу, а... несколько раз... Я эту маленькую брошюру прочел целых три раза, прочел (с *Н. Б.*) чрезвычайно напряженным вниманием и, как мне кажется... с возможным для меня беспристрастием. Вы понимаете, что я всю свою жизнь, стало быть, полстолетия, провел в лаборатории, в экспериментальной лаборатории. Это — что значит? — Что я каждый день проверял мое беспристрастие, мои мысли. Это — во-первых... Во-вторых, (я говорю о *Н. Б.*) моем беспристрастии, потому что всегда действительность должна была решить — прав ли я или неправ. Действительность никак не обманешь».

Уже из этого подхода видно, как наивна постановка вопроса проф. Павловым. *Менделеев* был знаменитым химиком, но вряд ли кто-либо решится утверждать, что он был «беспристрастен» по отношению к самодержавию и не имел слабости к протекционизму в сфере экономической политики. *Ньютон* был гениальным ученым, но вряд ли он отличался беспристрастием по отношению к Апокалипсису. *Вильям Крукс* был признанным астрофизиком и выдающимся экспериментатором, но всем известна была его слабость по отношению к спиритизму. Разве эту «действительность» можно обмануть?

Да и проф. Павлов противоречит самому себе, когда говорит не о ком ином, как о проф. Павлове. Ибо вот как он, по его же собственному утверждению, познает общественную действительность:

«Моя жизнь, — говорит он, — проходит чрезвычайно просто: я знаю свою квартиру, свою лабораторию, абсолютно никого и ничего не вижу, следовательно, жизни в целом у меня нет. По теперешним газетам понятие о жизни едва ли можно (составить *Н. Б.*): они слишком пристрастны, и я их не читаю».

И проф. Павлов поэтому читает наши книжки, а затем их «беспристрастно» критикует.

Посмотрим «в корень». Проф. Павлов «теперешних» газет не читает,

ибо они пристрастны. Но раньше проф. Павлов газеты (не «теперешние»), конечно, читал. Следовательно, он их читал потому, что они были, в общем, беспристрастны или — скажем лучше и осторожнее — гораздо менее пристрастны, чем «теперешние». Это вытекает с неумолимой логикой из заявления проф. Павлова о методах его ознакомления с общественной жизнью.

Мы спросим теперь проф. Павлова: неужели прежние газеты, которые во время войны писали о ее целях, были беспристрастны? Неужели те Гауризанкары лжи о свободе, цивилизации, самоопределении малых наций, о кресте св. Софии и проч. и проч., которыми были наполнены «прежние газеты», представляются Павлову даже теперь, даже в свете послеверсальского «мира» — святой и беспристрастной истиной? Или это — *такая* действительность, которую *можно* обмануть?

Быть может, однако, газеты после февральской революции были беспристрастны? Тогда, когда они Ленина объявляли германским шпионом? Тогда, когда они воспевали Корнилова?

Ведь нужно же договориться проф. Павлову до конца, чтобы быть честным с самим собой, чтобы *осознать* действительность. Он «беспристрастно» не видит «пристрастия» буржуазных газет к буржуазии, но зато ему в высшей степени претит «пристрастие» «теперешних» газет к рабочему классу. *Так* стоит в действительности вопрос, а не как-нибудь иначе.

Но если у проф. Павлова есть этакое «беспристрастие» по отношению к нашим газетам, то у него должно быть примерно такое же отношение и к нашим книжкам или брошюрам. Только непоследовательностью мысли можно объяснить себе «методологию» усилий проф. Павлова, подойти к решению общественных проблем, когда он не читает газет, но читает доклады тех людей, которые этими газетами руководят. Ясно, что «ложная апперцепция» здесь заранее дана.

Характерно то, что иногда все же проф. Павлов подходит к правильной постановке вопроса, но только тогда, когда этот вопрос берется в совершенно другом логическом контексте. Он, например, пугает «коммунистов и рабфаков» ужасами гражданской войны в Европе и выдвигает при этом ссылку на конфигурацию общественных сил, ссылку, которая, сама по себе, в высшей степени правильна.

Он пишет:

«В случае гражданской войны это (военная мобилизация сторон. *Н. Б.*) пройдет через всю нацию. Если бы там оказалось больше на стороне революции материальной массы, то сколько бы оказалось ума, знаний и т. д. на другой стороне?»

Много ума и много знаний. Мы в этом согласны с акад. Павловым. Но неужели он не видит, что этим утверждением он вдребезги разбивает свои ссылки на беспристрастие людей науки? Почему же, — спросим мы акад. Павлова, — почему же ваши ученые, привыкшие к экспериментам, к проверке действительности и проч., почему они обнаруживают такое удивительное «беспристрастие», что становятся *против* материальной массы? Нельзя ли здесь найти некоторую *объективную закономерность* такого «внешнего поведения» людей «ума, знаний и т. д.»? Почему это «Bildung und Besitz» становятся по одной стороне баррикады? Или, быть может, от господ бога так положено, что люди ума, знания и прочего обязательно

должны быть настолько «беспристрастны», чтобы *обязательно* выступать против «материальной массы»? Но тогда чем же объяснить «пристрастие» таких людей, как Тимирязев или Эйнштейн, к этой самой «массе»? Или чем тогда объяснить тот поворот в головах интеллигенции, который происходит у нас, а отчасти и в Германии? И что же тогда остается от «беспристрастного» поведения людей науки вообще?

На все эти вопросы проф. Павлов не сможет ответить, если он будет стоять формально — на точке зрения формального же беспристрастия, а по существу — на точке зрения охраны буржуазного режима, который нуждается в формальном идеологическом прикрытии, т.-е. на точке зрения, которая не может быть беспристрастна по *самой своей природе*.

После всего этого проф. Павлов, подходя к решению великой социально-экономической проблемы современности, благодушно поливает человечество розовой водицей успокоения. Прямо и непосредственно после совершенно правильного указания на то, *где* будут во время гражданской войны стоять силы «ума и знания», наш ученый с наивным (или наивничавшим?) видом приходит к следующему «выводу»:

«Лично я, — заявляет профессор, — по своей профессии ученого, думаю иначе (чем коммунисты. *Н. Б.*)... Выход все-таки один, выход все-таки в науке, и на нее я полагаюсь и думаю, что при помощи ее человечество разберется не только в своем состязании с природой, но и в состязании со своей собственной натурой... Так что для меня все-таки выход в развитии и в проникновении в человеческую массу научных данных. Они останавливают человечество перед этим страшным видом взаимного истребления, на пролетарском или капиталистическом основании, — все равно».

Относительно знака равенства между империалистской и гражданской войной и пр. речь будет идти ниже. Здесь нам интересно вот что. Конечно, распространяться «о пользе наук и искусств» — в высшей степени наивно. Но, — спросим мы проф. Павлова, — *какие* же научные данные, из *какой* научной области, «исправят» «человечество»? Нужны ли такие данные, чтобы понять, что дырка в черепе от свинцовой пули не способствует здоровью носителя этого черепа? Что же даст в *этом* смысле, в смысле избавления от империалистских войн, от эксплуатации, от колониального мародерства и проч. наука? Возьмем, напр., *химию*. Павлов признает, что люди науки *против* «материальной массы». Значит, они эту химию и повернут соответствующим образом. *Биологи и физиологи* помогут (и помогают) химикам: они открывают наиболее чувствительные места у организмов и дают директивы при выборе ядовитых газов. Или проф. Павлов думает, что *математика* спасет человечество? Или, быть может, *общественные науки*? Но здесь — да будет это известно проф. Павлову — существуют две *диаметрально противоположные системы*: одна из них — воинствующий марксизм, который, рассматриваемый прагматически, есть не что иное, как орудие революции; другая — буржуазные общественные науки, которые в целом являются не чем иным, как идеологической охранной частной собственности и капиталистического режима. Мы не в состоянии подробно доказывать это положение, в достаточной мере известное каждому «коммунисту и рабфаку», но, к сожалению, мало известное многим

ученым профессорам. Мы ограничимся только несколькими, наудачу выбранными, примерами.

Вот перед нами лежит новое, очень «солидное» исследование известного австрийского экономиста *Ludwig'a Mises'a*: «Die Gemeinwirtschaft». Это произведение кончается на 503 странице таким выводом: «Является ли общество добром или злом (ein Gut oder ein Uebel) — об этом можно судить по-разному. Но тот, кто предпочитает жизнь смерти, блаженство — страданию, благосостояние — нужде, тот должен приять и утверждать (bejahen) общество. А кто признаёт общество и желает его развития, тот должен также быть за *частную собственность* (Sondereigentum) на средства производства *без всяких ограничений и без всяких оговорок* (ohne alle Einschränkungen und Vorbehalte)». ⁵

Вот перед нами «углубленная» буржуазная общественная философия, представленная нашему вниманию *г. Бердяевым* в его последнем труде: «Философия неравенства». ⁶

Здесь мы читаем:

«Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное... Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица» (стр. 215).

«Аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, незаимствованными чертами. Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества» (стр. 105).

«Существование государства (разумеется, не какой-нибудь там Советской власти, а «всамделишного», т.-е., в первую очередь, буржуазного государства. *Н. Б.*) в мире имеет положительный религиозный смысл и оправдание. Власть государства имеет божественный онтологический источник» (стр. 64).

«Творчество — аристократично» (25).

«Социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя» (25).

«Безумны те из вас, которые думают достигнуть социального рая и блаженства... оставаясь в физическом теле, оставаясь подданными царства материальной природы и ее законов» (203).

«Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен. Это — рабий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения — евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь» (212).

Г-н Н. Бердяев — не первый встречный шарлатан, а «признанный» русский общественник и философ. Что же, прикажете *эту* «науку» считать за спасительницу мира? Эту чепуху, которую «выделяет» «в космическую жизнь» *г. Николай Бердяев*?

Вот вам один из русских экономистов, *г. Бруцкус*. ⁷ Он — человек более трезвый, чем *г. Н. Бердяев*. Вряд ли он склонен к наиболее совершенному «евхаристическому» питанию. Общественные столовые «Пресвятыя Троицы» и «Софии — Премудрости Божией» не особенно привлекательны для

людей «позитивного» мышления. Да и «выделяет» г-н Бруцкус не столько в космическую жизнь, сколько в среду белой эмиграции, куда он был, по всем правилам современной биологии, «пересажен» Советской властью, и где он отлично «прижился». Так вот сей ученый поучает:

«...время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению существующего общественного строя. Социалистам остается или благословить эти порывы масс и стать под знамя III Интернационала, или с полной решительностью отречься от марксистских идей Zusammenbruch'a и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы... нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, ...ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти».

Г-н *Бруцкус* мудро умалчивает о том, что «строй частной собственности» неизбежно приводит к империалистским войнам, которые являются такой же интегральной частью современного капитализма, как проституция, сифилис, религия и водка. Гораздо развязнее держит себя другой общественно-вед, представитель русской *исторической* науки, профессор *Р. Ю. Виптер*. В своей последней работе: «Круговорот истории», проф. *Виптер* ставит все точки над «i».

«Война, — пишет он, — не уродливый нарост культуры, а ее органическое свойство, ее могущественный фактор».

«Война нужна для того, чтобы дать выход героическому началу в человеке, чтобы найти применение его энергии, духу изобретательности»...

Само собою разумеется, что, приглашая людей, ради усовершенствования духа изобретательности, «мало-мало резать друг друга», наш энергичный, изобретательный, героический профессор тут же заявляет, что резать людей можно лишь — выражаясь языком проф. Павлова — «на буржуазном основании», ибо «в гражданской войне честность и порядочность исчезают».

Все это г-н *Виптер* «придумал» только после революции. Его блестящие прежние исторические работы говорили совсем другое:

Были когда-то и мы рысаками.

Но теперь «nous avons changé tout cela».

Итог: что же, *эта* наука нас спасет?

Евхаристическое питание Бердяева?

Частная собственность Бруцкуса (разумеется, беспристрастного)?

Война Виппера?

Или тысяча этаких же «выделений», которыми полна общественная наука буржуазии, — наука, которая «зады твердит и лжет за двух» с усердием, поистине неприличным?

Разве можно так *наивничать* перед лицом потрясающих грандиозных событий современности? Разве можно не видеть, что из этого Назарета дует гнилой ветер смерти, тлена, разложения?

Беспристрастие науки в том смысле, какой придает ему акад. Павлов,

есть *миф*! Мифотворчество же стоит в коренном противоречии с материалистической основой Павловского учения. И академику Павлову нужно здесь выбирать: или оставаться в сетях противоречий, или *уходить* от фактического *пристрастия* к тому строю частной собственности, который является альфой и омегой для «ликующих, праздно болтающих, обгагряющих руки в крови».

Не мифотворчество нужно нашему времени, а бесстрашное и мужественное понимание действительности. Не сладенькое самоутешение и не страховые повадки, а «физическая сила мысли» и стальная воля, необходимые для того, чтобы победоносно пройти, хотя бы с сотнями рубцов на теле — через историческую полосу мучительного и, вместе с тем, великого времени, в которое мы живем.

3. О шансах мировой революции, или павловский тушик номер первый

Для того, чтобы правильно ориентироваться в фактах современности, нужно, прежде всего, понять всю грандиозность исторического перелома, который переживается человечеством. Только тогда можно будет выбирать и надлежащие *масштабы* для оценки тех или иных исторических событий нашего времени. Обычная ошибка очень крупных людей (в первую голову ученых) «старого мира» состоит (если мы говорим о *логической* стороне дела; логика же опирается на психологию, в свою очередь, являющуюся функцией социального бытия) в том, что при оценке катастрофы всего старого уклада тщетно тщатся приложить масштабы, мерки, критерии, взятые из привычной, сросшейся с мозгами этих людей, практики мирного, спокойного, так называемого «нормального» капиталистического бытия. Это все равно, что Гулливеру натягивать штанишки младенца-лиллипута или измерять аршинами расстояние от земли до созвездия Ориона. Гулливеру нужны гулливеровские штаны, а для измерения межпланетных пространств употребляется, как известно, такая мера, как световой год. Но то же *mutatis mutandis* мы должны иметь в виду и для сферы общественных наук: нужно знать, что в нашу эпоху необходимо выбирать критерии не совсем обычного или, вернее, совсем не обычного типа.

Предпослав дальнейшему изложению это предварительное замечание, мы переходим к анализу «опровержений», которыми академик Павлов «опрокидывает» наше учение о революции.

«В этой книжке, — говорит ак. Павлов про брошюру пишущего эти строки, — прежде всего остановил мое внимание тот же пункт, который поразил меня в прошлом году в другой книге, в «Азбуке коммунизма». Это именно категорически высказываемое предположение, что пролетарская революция или коммунистическая революция может победить только как мировая революция, т.-е. в мировом масштабе».

«Вот моя мысль остановилась на этом пункте в первую голову. Но какие есть доказательства, что такая революция обобщится, что она действительно делается мировой?... И вот, сколько я ни роюсь в впечатлениях от жизни... я не вижу того, что бы указывало на *возможность мировой революции*».

«Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет, но я хочу спросить: до каких же пор они будут верить? Ведь, *нужно положить срок*. Можно верить всю жизнь и умереть с этой верой».

«Должны быть *осязательные признаки*, что это имеет шансы быть, а где эти признаки?»

Профессор Павлов переходит далее к анализу объективного положения вещей со своей «беспристрастной» точки зрения. Мы приведем сперва результаты этого анализа, по возможности текстуально.

«Возьмите крупнейшие державы, — говорит наш оппонент, — которые в своих руках держат судьбы наций, как Франция, Англия, Америка: там никаких признаков нет, *тишь да гладь*... А между тем они сейчас в руках своих держат мир, *от них все зависит, они — сохранившаяся сила*.

Где идут беспорядки, где *похоже* на революционный взрыв, — это в *побежденных странах*, в *Германии* прежде всего, в *Польше* (тут проф. Павлов делает промашку, ибо Польша вовсе не побежденная страна. Но этот lapsus можно извинить. *Н. Б.*). Почему? Именно потому, что они — *побежденные страны*. Германия находится в страшно трудном положении, потому что она *начала войну*, воевала с целым светом, и *теперь нужно расплачиваться со всем светом*. Откуда взять такие ресурсы? По иностранной прессе не поймешь (а по русской, может, и поймешь, да Вы ее не читаете. *Н. Б.*), не то она хочет платить, не то не может платить контрибуцию, как *полагается побежденной стране*. Но *это ничего общего с революцией не имеет*... Где те элементы, которые могут сделать революцию? Буржуазия не за революцию (еще бы! *Н. Б.*). Наиболее организованная часть (рабочих. *Н. Б.*), социал-демократы, против этой революции. Кто же ее может сделать? Значит, ее сделает *ничтожная там компартия*?.. Какие у них ресурсы?..

Теперь то же в *Болгарии*. Но это — побежденная страна, дикая страна. Что это за шансы для мировой революции? Я их не вижу при всем своем *беспристрастии*».

И проф. Павлов подводит по этому пункту такой итог: наша революция «стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения; а что если это все *впустую*, если мировая революция *не случится*?.. Тут я мучаюсь, и моя мысль бросается во все стороны, ища выхода, и его не находит. *Вот это — тупик*».⁸

Проф. Павлов читал свою лекцию несколько месяцев тому назад. Но те сдвиги, которые получились за это время, лучше всего показывают, насколько неверна оценка положения проф. Павловым. Прежде всего, остановимся на приеме, который применяется нашим оппонентом.

В Германии — *похоже* на революцию, но это — побежденная страна.

В Болгарии *похоже* на революцию, но Болгария — дикая страна.

В Польше *похоже* на революцию, но она слабая (или еще какая-либо: проф. Павлов ошибочно причисляет ее к побежденным) страна и т. д., и т. д.

Прекрасно. Пусть Болгария — дикая и побежденная, пусть даже Польша будет сопричислена к побежденным странам. Но почему же все это служит аргументом против «обобщения» русской революции? Что капитализм лопается, начиная с своих наименее крепких звеньев (а следовательно, начиная со стран, *наиболее* подорванных войной 1914—1918 г.г.),

это — бесспорно. Мы об этом неоднократно писали, и теоретически дело совершенно понятно. Но разве это опорочивает самый *факт* революции или *факт* глубоких революционных брожений? Ведь, этак рассуждая, можно объявить, что и русская революция, это — не революция (ибо Россия была и побежденной, и изрядно дикой страной), что никакой революции вовсе и не было и что все выдумали большевики (кто выдумал самих большевиков — в данной связи остается, очевидно, неисследованным). Еще более наивны фразы акад. Павлова относительно Германии. Эта последняя, изволите ли видеть, «находится в страшно трудном положении, *потому* что она начала войну, воевала с целым светом и теперь ей *нужно* расплачиваться со всем светом». Поистине, тут прямое *отступничество* от какого бы то ни было «объективного метода». Оставляем в стороне вопрос о том, кто «начал» войну (акад. Павлов здесь еще все живет под гипнозом «Биржевки» и ее коллег). Пусть ее начала Германия. Но разве *поэтому* она теперь в трудном положении? А не потому, что она была *бита*? И не потому, что ее *грабят*? При чем эта *мораль* в исследовании причинных соотношений? Это все равно, что «опровергать» теорию Павлова ссылкой на то, что хозяйка мопса, попавшего в греховную павловскую лабораторию, была мало добродетельна, и *поэтому* опыты Павлова имели успех. Аргументация, достойная «вумного» батюшки в рясе: «покарал Господь-Бог Германию за грехи ее — вот и похоже дело на революцию».

Вспомним все же кое-какие факты, ту самую действительность, о которой любит говорить наш оппонент. Мы знаем твердо следующее. После войны были революции:

- в России — две, обе победоносные,
- в Германии — одна, победоносная, и ряд восстаний,
- в Австрии — одна,
- в Венгрии — две,
- в Финляндии — две,
- в Болгарии — две,
- в Польше — одна, и т. д.

Мы не говорим уже о китайской революции и постоянном брожении в колониях, — в Индии, например.

Что же, все это — *факты* или большевистская блажь? А если это — факты, то как можно утверждать, что русская революция не обобщается, и что нет даже осязательных признаков этого обобщения? Мы очень сожалеем, что акад. Павлов не читал газет: может быть, поэтому он «верит», что короны Вильгельмов, Карлов и проч. продолжают еще существовать на головах этих монархов...

Но шутки в сторону. Совершенно очевидно, что мировая революция есть *факт*. Но что она находится в определенной *фазе* своего развития, когда пролетариат захватил только одну шестую суши, а не шесть шестых, это — тоже факт. Можно теперь спросить себя, куда же идет *дальнейшее* развитие мировой революции?

Или, быть может, мы имеем перед собой процесс революционного *упадка* и развития, укрепления, роста *капиталистических отношений*?

Послушаем некоторых «людей ума и знания».

«Перед нами — бессильная, бездеятельная, дезорганизованная Европа,

разделенная внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающаяся в усилиях борьбы и муках голода, полная грабежа, насилия и обмана. Чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках?»

Так пишет мистер *Кейнс*.⁹

«Мы наблюдаем в Европе явление необычайной слабости со стороны великого капиталистического класса, который вышел из промышленных триумфов XIX века и несколько лет тому назад казался нашим всемогущим повелителем. Запуганность и личная робость членов этого класса стала теперь так велика, их вера в свое общественное назначение, в свою необходимость для социального порядка до такой степени ослабела, что они легко становятся жертвами устрашения».¹⁰

Это говорит английский экономист, профессор, признанный правительственный эксперт.

Вот вам итальянский экс-министр, профессор и финансист *г. Нитти*.

«Революция, — пишет он, — находится в своем начале... Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного политического, социального и экономического порядка».¹¹

Немецкий приват-доцент *г. Шульце*:

«Почва для подобного (европейского. *Н. Б.*) умопомрачения лучше всего подготавливается всеобщим недоеданием и отчаянием. Шаман постится несколько дней, готовясь к экстатическим действиям. Если целые народы вынуждены длительно поститься, они попадают в такое же иступленное состояние» и т. д.¹²

Французский экс-министр *г. Кайо* резко критикует современное положение вещей в Европе. И — знаете, проф. Павлов, как он оценивает русскую революцию, о которой Вы думаете, не «выпустую» ли она? Вот как:

«Советские люди — справедливость требует признать это — подошли к проблеме. Сознательно или нет — они попытались ослабить экономическую неустойчивость, подчиняя промышленность и ее развитие общественным интересам... Какое же решение задачи предлагает другая сторона? Status quo! Спокойное и удобное *Laissez faire!*».¹³

А вот вам описание европейского положения в солиднейшем, архиспокойнейшем органе английской буржуазии, «*Economist*»:

«Наш германский корреспондент, которого... невозможно обвинить в том, что он стоит на стороне Германии (of being pro-German), сообщает:

«Текущие события доказывают без всякого сомнения, что Франция не преследует цели восстановления, а систематически уничтожает жизнь в Германии (is systematically, crushing the life out of Germany).¹⁴ «Правда о всем положении вещей в целом, как внутреннем, так и внешнем, такова, что Франция схватила Германию за горло и систематически уничтожает ее жизнь».¹⁵

Мы нарочно приводили отзывы людей, которых никто не заподозрит в склонности к «правящей в России партии», «коммунистам», «рабфакам» и прочим металлам и жупелам буржуазного сознания.

Большинство «свидетельских показаний», приведенных выше, не захва-

тывает самого последнего времени. А что говорят события именно *этого* времени? Они *целиком* против академика Павлова. Центральная Европа стремительно идет ко дну. В Германии кризис экономический, политический, социальный неоспорим. «Маленькая» компартия стала *решающей* силой. Прочность капиталистического режима в целом не только не увеличилась, а уменьшилась, — это ясно теперь даже слепым.

А что такое «рабочее правительство» Англии? Оно, быть может, недолговечно — мы этого не знаем. Но *факт* его есть доказательство того, что даже в самой могущественной, наименее от войны пострадавшей, европейской державе, с ее плифованным консерватизмом, прочными традициями, ручным рабочим классом, священным почтением всех слоев общества к церкви, королю, цилиндру и ростбифу, что даже в *такой* стране буржуазия не может править своими «нормальными» методами. С этой точки зрения рабочее правительство г. Мэк-Дональда есть такое же *выражение растущего общеевропейского кризиса капитализма* (его революционного кризиса), как и *гамбургское восстание немецких рабочих*.

Если бы проф. Павлов выдерживал объективный метод исследования, который он так удачно применяет к собакам, по отношению к исследованию человеческого общества, он, быть может, понял бы современную обстановку.

Из европейской капиталистической «системы» выдернута бывшая царская Россия. Соотношения между остальными частями «системы» весьма далеки от «взаимного уравнивания». *Динамика* отношений теперь вырисовалась с полной отчетливостью: это — динамика европейского *распада* и динамика действительного «*восстановления*» в наших советских странах, — восстановления, которое *стало возможным исключительно благодаря реорганизации социальной структуры этих стран*. Внутри нашего Союза мы уже, так сказать, вчерне, достигли уравнивания социально-классовых элементов на основе пролетарского господства. Не даром Ленин, вождь интернационального пролетариата, стал национальным героем нашей страны. А *внешнее* равновесие «советской системы» развивается с постоянным *плюсом* в нашу сторону. Разве это можно отрицать теперь, после признания со стороны Англии и Италии? Обратный математический знак имеется в «развитии» Западной Европы. Другими словами: среди европейского хаоса отложился твердый кристалл нашей диктатуры: именно он становится центром европейского притяжения и фактором разложения подгнивших старых форм. А проф. Павлов не видит «осязательных признаков» нашей победы!.. Не видит того, что видят уже господа Кайо и Ко.!

Даже если бы пролетариат Центральной Европы оказался не в состоянии прочно победить, *даже* в этом гипотетическом случае мы имели бы все же *своеобразную* полупобеду революции в Центральной Европе. Ибо тогда все же невозможным оказалось бы восстановление *капиталистических* отношений, Европа длительно гниет. Ее избыточное население выталкивается из сферы производительного труда. Лучшие, наиболее смелые, решительные, энергичные люди из рабочего класса, технической интеллигенции и даже — *horribile dictu* — из ученого сословия эмигрируют к нам — в страну, которую несколько лет тому назад считали страной «варваров-большевиков», — вот картина нашего будущего в *таком* случае. А наш Союз поднялся бы во весь рост, как *пролетарская, трудовая Америка*. Так

что, повторяем, *даже* в этом, *худшем* с точки зрения победоносного ритма революции, случае, мировая революция, т.-е. перестройка социально-экономических отношений, обеспечена.

Мы уже не говорим о другом. Проф. Павлов не хочет даже подумать над вопросом, когда он спрашивает себя, не «впустую» ли пошли все издержки революционного процесса. Они, наш почтенный оппонент, не пошли «впустую» с точки зрения объективного анализа, *даже* если бы революция *у нас* не удержалась на своей пролетарской основе. Ибо только эта революция и только руководство в ней партии большевиков обеспечили очистку России от остатков феодализма, железной метлой вывели весь царско-помещичий навоз, сняли феодальные путы с дальнейшего развития страны. Если не рассматривать исторического процесса под углом зрения целостности кисточек у занавеса или гербов на фарфоровой ночной посуде, если понять, что старые отношения *объективно* стали невозможны, тогда не приходится плакать в подушку и спрашивать себя, не «впустую» ли «случилась» революция. Даже отъявленные идеологи реакции, начиная с Жозефа де-Мэстра и кончая Бердяевым, понимают это. Нам, коммунистам, совсем не приятно думать о перспективе нашего превращения в удобительные туки нового могучего капиталистического цикла, ибо тогда мы *объективно* оказались бы самыми смелыми и решительными творцами последовательной *буржуазной* революции. Но не трудно сообразить, что и тогда революция не оказалась бы пустой и кровавой игрой, как это мерещится проф. Павлову.

Действительность, к которой апеллировать — в этом проф. Павлов прав — совершенно необходимо, превращает, однако, этот последний вопрос в «akademische Frage», в академический (в плохом смысле этого слова) вопрос. Ибо, как мы показали выше, капитализм в Европе *умрет*, а мы укрепляемся. Это есть коренной факт, которого не опрокинешь никакими софизмами.

Проф. Павлов ставит вопрос *о сроках* коммунистической победы и думает, что его постановка вопроса очень остроумна. А на самом деле она до бесконечности *наивна*.

О каких «сроках», в сущности, идет речь? О сроках всемирной пролетарской победы? Или о сроках европейской победы? Или о сроках германской? О чем, в сущности, спрашивает нас проф. Павлов?

Если речь идет о всемирной победе, то тут мы ничего не можем сказать. Но об этих сроках смешно и спрашивать. Победа *капитализма* была начата английской революцией в XVII столетии. Последняя *буржуазная* революция в Европе была в феврале 1917 года, — революция, опрокинувшая помещичий политический режим самодержавия. На очереди еще *стоят* буржуазные колониальные революции, которые получают, однако, иной смысл в силу совершенно особого исторического контекста. Разве есть сомнения в том, что перестройка *капиталистических* отношений вплоть до Азии, Африки и т. д. займет *целый исторический период*? Нужно же видеть исторические масштабы, нужно понять всю грандиозность переворота. Теперь дело пойдет *быстрее*, чем в буржуазных революциях, в силу гораздо большей взаимозависимости *частей мирового хозяйства*, которого не было в XVII столетии. Но ясно, что сам вопрос о сроках в этом смысле *нелеп*. Хорош был бы англичанин, который похлопывал бы по плечу Кромвеля и

уныло допрашивал его на предмет сроков, *когда слетит последняя корона с головы последнего ее носителя!* Александр Сергеевич Пушкин мечтал об этом «акте»:

Народ мы русский позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Сие событие произошло позже на целое столетие, да и не совсем в такой форме. Но что можно было бы сказать нашему гипотетическому англичанину-скептику с точки зрения объективного «исторического разума»? Вряд ли этот последний выдал бы ему удовлетворительный диплом.

Может быть, можно допрашивать насчет сроков *общевропейской* революции? И это мало остроумно по тем же причинам.

О чем же можно спрашивать? В первую очередь о *тенденциях развития*. Вот если бы проф. Павлов опровергнул наши положения, что в Центральной Европе дела *запутываются*, а у нас *распутываются*, тогда он имел бы право на свой скептицизм или свое издевательство над нашей «верой». Не «вера» у нас решает, профессор! У нас есть *уверенность*, основанная на холодном научном (объективном) анализе. А вот у Вас есть действительно *вера*, нелепая, консервативная, стихийная, привычная вера в прочность буржуазного порядка вещей. «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». Вы продолжаете *уповать* на старый порядок. *Вы невидимую и несуществующую* прочность капиталистических отношений принимаете за реальный факт. И здесь Вы расходитесь с теми требованиями науки, которые Вы считаете правильными, когда речь идет о Вашей специальности. Еще один пример того, как *опутывает* капитализм даже лучшие головы, как сужает он горизонты даже наиболее выдающихся людей!

Но проф. Павлов пытается возражать. Он говорит о моей контр-атаке на «буржуев разных оттенков» и признает кое-что из указанных фактов разложения. Его ответ по этому *важнейшему* пункту очень короток. Вот он:

«Это (т.-е. европейская неразбериха. *Н. Б.*) понятна, потому что война была действительно ужасная, на редкость истребительная. Затем перетасовка народов и государств произошла чрезвычайная... Конечно, *невозможно скоро привести в спокойствие так раскаченное равновесие*».

Этот ответ поистине великолепен. И в нем опять сквозит то же «беспристрастие» академика Павлова, которое является по сути дела подсознательным *пристрастием* к буржуазному режиму.

В самом деле. Да будет и нам разрешено спросить у проф. Павлова о *сроках*. В какие же *сроки* следует ожидать «приведения в спокойствие так раскаченного равновесия»? Пожалуй, «можно», — говоря словами проф. Павлова, — «верить всю жизнь и умереть с этой верой». Не правда ли? И позвольте переадресовать Вам еще один пикантный вопрос: «Должны быть осязательные признаки, что это имеет шансы быть, но где же эти признаки?»

На все эти вопросы у проф. Павлова *нет и не может* быть ответа. Ибо *факты* против него. Ибо у нас равновесие создается, а у «них» еще более «раскачивается». Умереть с верой в прочность капитализма проф. Павлов

может, но мы бы от всей души не пожелали ему такой веры: слабое утешение для такого сильного ума.

У старого мира нет будущего. У него нет поэтому никакой великой объединяющей идеи, которая бы сплачивала людей, цементировала их отношения. Параллельно с хозяйственно-политической наклонной, упадочной линией бежит и линия идеологического распада. Шпенглеры, Кайзерлинги, теософы, восточные мудрецы, гадалки, негритянские танцоры, курильщики опиума, святые пророки, утонченные эротоманы, отвратительные скептики, Пштейнеры. Андреи Белые, кликуши обоего пола, заумники всех мастей — вот герои современного капитализма.

Передо мною интересное исследование немецкого профессора *Frobenius'a* — «Das unbekannte Afrika». В этой работе почтенный профессор хватается за негров и старинную культуру их, как за последний якорь спасения. «Страсть к далекому» (*Sehnsucht nach Fernem*), к «наивному и нетронутому», «бегство из атмосферы пота и машины»¹⁶ — двигают его на научные подвиги. В Африке его удивляет прежде всего тупой консерватизм отношений: «Welches gewaltige Beharrungsvermögen!». ¹⁷ «Монументальный покой» — вот идеал. Африка, видите ли, спасет мир! Раньше, до войны, кричали в воинственном азарте:

Nach Afrika! Nach Kamerun!

Теперь хватаются, несчастные и жалкие, за допотопные реликвии, чтобы приобщиться к истоку жизни. Но чудес не бывает. Трупы не оживут. Зато *рабочий класс* продолжит дело культуры и цивилизации. Он не боится ни запаха пота, ни шума машин. И твердой рукой он будет делать свое всемирно-историческое дело.

4. Объективное значение революции и второй тупик мысли проф. Павлова

Академик Павлов великодушен: он готов сделать нам «уступку» и признать, что, по крайней мере, *наша-то* революция есть факт (да благословят его боги г-на Бердяева!). Но — думает наш профессор — ведь, по случаю этого факта не «осанну», а, пожалуй, «караул!» кричать надо.

«Затем, — пишет он, — если бы в элементах нашей революции было бы что-нибудь такое, что могло бы пособить, это другое дело. Вот вы несчастны, а мы очень счастливы, мы поможем вам, как выйти из этого затруднительного положения. *Но этого ничего нет*».

Теперь эта «злая» (в кавычках) ирония проф. Павлова над *нами уже* превратилась в злую (без кавычек) иронию проф. Павлова над проф. *Павловым*. Ибо, когда, например, коллеги нашего оппонента на съезде ученых постановляют оказать помощь ученым Германии, когда то же делают наши профсоюзы, то за этими, сравнительно мелкими, фактами на самом деле скрывается целый принципиальный переворот, опрокидывающий целиком павловские построения. Мы далеко еще не «счастливы», а вот жиры германским ученым посылаем, хлеб рурским рабочим посылаем, вообще налаживаем экспорт в Германию, а своей вооруженной мощью (одним фактом ее существования) удерживаем кое-кого от окончательного раздела Гер-

мании. Что же, все это не факты и не действительность, которую так любит (как «категорию») проф. Павлов? И если проф. Павлов любит действительность (критерий истины) не платонической любовью, *die keine Kinder produziert* (ибо платоническая любовь чрезвычайно мало подходит к стилю физиолога-экспериментатора), то не пора ли сделать кое-какие *практические* выводы?

Необходимо, прежде всего, *осмыслить* вышеприведенные факты.

Основной вывод, который нужно сделать, это — тот вывод, что *большевистская революция спасла страну от разгрома и превращения в колонию*.

Понимает ли проф. Павлов, что кроме пролетариата и его партии в России не было силы, которая могла бы вывести ее из империалистской войны и уберечь ее от настоящего разгрома и разложения? Пробовал ли он хоть примерно подсчитать, что стоили России одни *проценты* по государственному долгу? Читал ли проф. Павлов, как хозяйничали японцы, англичане, французы и проч. на территориях, занятых в свое время белыми? И так далее и тому подобное.

Неужели теперь, даже теперь, непонятно, что один выход из войны и неплатеж долгов являются двумя фактами, которые определили *жизнь* страны, как самостоятельной величины? Неужели это нужно еще *доказывать*?

Но спасти страну и *защитать* ее мог только рабочий класс и крестьянство. Почему?

Потому, что тут нужно было пробуждение величайшей *активности масс*. Эта активность масс могла быть стимулирована, разожжена исключительно тогда, когда крестьянин получил землю, рабочий взял фабрики и власть. Другими словами, социально-экономический и политический переворот был *объективной предпосылкой сохранения* того комплекса, который назывался Россией. Только потому, что была пробуждена активность миллионов рабочих и крестьян, что они могли развить беззаветную, безграничную, героическую преданность революции в ее борьбе с врагом, только потому мы стали, на *новой* основе (ибо старая объективно изжила себя), великой державой. Неужели это так трудно понять?

Это *общенародное* значение «узко-классовой» большевистской революции и есть основной признак того, что старый уклад жизни изжил сам себя: невозможна стала экономическая старая увязка; невозможна стала старая увязка между классами; невозможно — объективно невозможно — стало прежнее соотношение в области политической надстройки; лопнуло равновесие старого типа (империалистского типа) между различными национальными элементами. «Нужна» была в данных условиях *радикальная общественная переорганизация*. Только она и обеспечила *жизнь* стране, *возможность дальнейшего развития*. Этой возможности не видели близорукие идеологи буржуазии, для которых свет клином сошелся на священном принципе трижды священной частной собственности, с ее «религиозно-онтологической основой». Но теперь эта возможность *уже* реализуется, и параллельные синхронистические таблицы германского и русского развития были бы лучшей иллюстрацией к опровержению «опровержений» проф. Павлова. Ибо мы *еще* не «счастливы», но *становимся* «счастливее». А Германия *уже*

не «счастлива» и *становится* все более несчастной. Так — и только так — можно ставить вопрос.

«Возьмите Германию, — возражает нам, однако проф. Павлов, — она мучается, потому что побеждена, потому что должна платить непомерно много. А как бы — желал бы я знать — как ей пособит пролетарская революция? Теперь они все-таки, за исключением маленькой кучки, соединены между собой, а тогда они образовали бы стан враждующих друг с другом людей. И почему это вывело бы их из тяжелого положения, в котором они находятся? Я этого опять не представляю себе, и я опять в тупике. Конечно, кончилось бы тем, что Франция тем скорее эту Германию обработала бы, заняла бы еще большую территорию, отняла бы большие ценности, если бы они (т.-е. немцы. *Н. Б.*) устроили (! *Н. Б.*) гражданскую войну. Я совершенно не понимаю, каким образом это (т.-е. выход из затруднений. *Н. Б.*) бы вышло, и *опять становлюсь в тупик. Ответа нет*».

Аргументация проф. Павлова удивительно проста, прямо трогательна в своей святой простоте, до того трогательна, что невольно вспоминаешь старушку Иоганна Гуса: О, sancta simplicitas!

В самом деле. Проф. Павлов выставляет, по сути вещей, один *единственный* аргумент: если «они» — вместе, то «они» — сильнее. Если «они» идут друг против друга, то «они» — слабее. Но такой постановкой вопроса проф. Павлов *снимает с обсуждения самую основную проблему*. Ибо основная проблема современности и состоит в том, *кто* склеивает общество, рабочий класс или буржуазия. *Предпосылкой* является кризис теперешнего соотношения, *фактический* кризис. Ибо где это проф. Павлов видел, что «все немцы», «за исключением маленькой кучки», «соединены между собой»? Ведь, это *смею* подобно, такое утверждение. В Германии идет восстание за восстанием, Германия *расчленяется*, борьба классов невиданная, а проф. Павлов толкует о «маленькой кучке».

Правда, когда проф. Павлов читал свою лекцию, многих фактов еще не было. Но в том-то его, Павлова, и беда, что он не видит *объективных тенденций* развития и распада. Не видит — или *не хочет* видеть. Раскол между классами *на-лицо*. Можно ли восстановить старое равновесие или нужно искать *новой* общественной установки — вот в чем вопрос. Другими словами: сможет ли буржуазия скрутить пролетариат или пролетариат должен скрутить буржуазию и, переорганизовав общество, вести борьбу за его существование. *Только* так можно ставить проблему. Павловская постановка ее никуда не годится потому, что она не видит вопроса самого существенного, того, который навис над миром во всей его громадности.

Посмотрите, далее, на ход мыслей проф. Павлова по этому пункту. Ведь *все* его рассуждения, от слова до слова, с таким же правом могли бы быть «применены» и к русской революции. Представим себе период мировой войны, то время, когда царская армия начала терпеть поражение за поражением. Проф. Павлов мог бы слово в слово повторить свои аргументы. Был бы он прав? Нисколько. Потому, что он не видит больших исторических, совершенно объективных, детерминант, которые соответствующим образом расставляют классы и определяют *волю* этих классов (или, если хотите, их «внешнее поведение» — в данном случае это совершенно безразлично). Во время войны сначала была, действительно, «маленькая кучка»

ее решительных противников. Но нужно же понять, что эта «кучка» могла стать могучей силой *только* потому, что объективные условия жизни ставили массы в такое положение, когда они *неизбежно* должны были восстать. *Неизбежно* — понимаете ли вы это, сторонник объективного метода?

То же сейчас и в Центральной Европе. А при таком положении проповедь классового мира будет поповской проповедью, которая от масс все равно будет отскакивать, как от стены горох. Она будет, в лучшем случае, той слюнявой, «гуманной» *фразой*, которую извергают «в космическую жизнь» никчемные, не способные ни на какое действие, не приставшие ни к какой крупной общественной силе, юродствующие интеллигенты, «люди-слизни, люди-трава», как их называл когда-то Герцен. Эта расслабляющая проповедь *объективно* ничего, кроме вреда, никогда не приносила и не принесет.

Ну, а теперь самый «ужасный» вопрос, который привел в тупик проф. Павлова: *почему* же революция поможет; или, говоря по-кантиански: «как возможна объективно полезная роль революции». Что же: правда, что на этот вопрос *нет ответа*?

Vous vous trompez, monsieur! На *этот* вопрос ответ дала, прежде всего, *сама жизнь*. Наша революция уже ответила, *как* «это» происходит. Мы подробно останавливались на этом несколькими строками выше. Стоит только немного подумать, чтобы увидеть «значимость» этих строк и для Германии.

Теперьешнее германское правительство есть правительство «кучки». В условиях общего кризиса оно *не может* защищать Германии и поэтому будет объективно способствовать ее разложению, несмотря на все свои усилия. Мобилизация масс происходит не *за* правительство, а *против* него. Между тем, спасти Германию может только такое правительство, которое опирается *на массы*, их мобилизует, их ведет.

«Франция все отнимет, все разорит». А почему у нас Франция плюс Германия+Англия+ «и так далее» *не смогли* отнять наших завоеваний? *Именно* потому, что на защиту *своей* страны (а не страны денежного мешка) встали *массы*. У Германии, правда, нет таких пространств, какие были у нас, пространств, которые давали нам возможность маневрировать и выигрывать время («я уступаю пространство, чтобы выиграть время», говорил тов. Ленин во время брестских дебатов внутри нашей партии). Но мы были *одни*, а теперь *уже* есть такая база революции, как весь наш Союз. И — скажите, пожалуйста, по-совести: если бы ряды революционных масс сомкнулись от Рейна до Владивостока, *какая* сила могла бы их победить? *Какая* сила могла бы сосать жизненные соки из Советской Германии? И неужели, действительно, непонятно, *чем, как и почему* помогла бы Германии победоносная пролетарская революция?

Этот революционный выход не только возможен, но он — в той или другой форме — *исторически необходим*.

А вот у проф. Павлова — действительно пиковое положение, воистину хуже губернаторского.

Обретши у нас несуществующий тупик, он пишет:

«Когда автор говорит о перспективах капиталистического мира, он обращает внимание на то, куда устремилась энергия и мысль этой капиталистической Европы. Именно на выделку чрезвычайных истребительных

средств, на пушки, на аэропланы, которые летают одни и разрушают города и т. п. Право, это ужасная картина, и если бы все эти истребительные средства были пущены в ход, это угрожало бы истреблением человечеству. Конечно, перспективы ужасные, *если только человечество (!) не придумает (!!!) чего-либо (?) смягчающего (!?!)*».

М-да. Утешили вы, профессор Павлов, человечество!..

Это уж почти совсем по Щедрину:

«Карась — рыба смиренная и к идеализму склонная: не даром его монахи любят».

«— Надобно, чтоб рыбы любили друг друга! — ораторствовал он, — чтобы каждая за всех, а все за каждую — вот когда настоящая гармония осуществится!

«— Желал бы я знать, как ты с своей любовью к щуке подъедешь! — расхолаживал его ерш.

«— Я, брат, подъеду! — стоял на своем карась, — я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

«— А нутка, скажи!

«— Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, что такое добродетель, и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?»

Увы! У проф. Павлова нет даже таких *слов*... А карася-то щука все же, как известно, проглотила.

5. Ужасы гражданских войн, или третий тупик проф. Павлова

Предлагая «человечеству» свое «смягчающее» (не хотите ли, граждане, «смягчающего» на полтинник?), — при чем толком не поймешь, что же это, в конце концов, за штука, сия касторка для страждущего человечества, — проф. Павлов обрушивается изо всех сил на *не-«смягчающее»* средство гражданских войн. И тут — так уж, очевидно, ему на роду написано — попадает в свой очередной тупик, чему читатель, впрочем, перестал уже, наверное, удивляться: «привычка — вторая натура».

Но, позвольте, — восклицает И. Павлов, — а что же в этом будущем ужасном положении пролетарская революция могла бы сделать? Наш оппонент цитирует ссылку на Маркса, где Маркс говорит о длительной полосе гражданских войн и битв народов («15, 20, 50 лет»), и трагически вопрошает:

«Что же это за выход? Мировая война была четыре года, и то уже измучила человечество, а Маркс, оказывается, предполагает 50 лет, да еще ужасных, битв народов, да еще гражданской войны. Что это за выход?.. Я не понимаю, что это за выход — 50 лет всенародной войны при этих истребительных средствах. Мне кажется, что в этих случаях (?) — конечно, к Марксу это не относится, а относится к Бухарину (*merci bien! Н. Б.*) — они (т. е. большевики *Н. Б.*) соблазняются до известной степени легкостью русской революции, но я думаю, что соблазняться ею разумных оснований нет. Не говоря уже о чрезвычайных издержках, Россия на десятилетия разрушена... Если бы желание нашей партии осуществилось, то резня во всех нациях произошла бы такая, которая неизмеримо превзошла бы ту, которая была у нас».

В этой тираде проф. Павлова заключается целый букет ошибок.

Во-первых. И. Павлов наивным образом смешивает объективный прогноз с нормой поведения. Маркс *предсказывает* эпоху мировых войн, как некую реальность; Маркс предсказывает гражданские войны, как результат общей катастрофы, которая растягивается на целый период. И Маркс говорит, что в это «железное» время рабочему классу придется вести активную борьбу, которая закалит его и «переделает его собственную природу». Верны или неверны оказались эти предсказания? На этот вопрос можно ответить так: они *уже начали* сбываться. А проф. Павлов, перед лицом этих *фактов*, становится в благородную позу и говорит: «ах, как это нехорошо, все битвы, да битвы! Никакого покою нет».

Положим. Но почему же вы все эти «битвы» (в том числе и *мировую войну*) вменяете в вину пролетариату, как его «выход»? Это уж совершенная нелепица, ровно ничем не оправдываемая. Маркс «предполагает». Верно. Но «предполагать» это вовсе не значит «желать». Мы и сейчас «предполагаем», что царство священной частной собственности еще и еще раз приведет к кровавой бойне. Буржуазия с ее ученым и техническим окружением *не для детской забавы* строит смертоносные орудия и машины. Она не может иначе. А наше дело, дело рабочего класса, *использовать* вызываемые войной кризисы для подрыва того проклятого строя, для которого войны, захваты и грабежи так же характерны, как власть денег, угнетение масс, prostituiрование науки и т. п. Но разве из этого следует, что буржуазную кроваво-грязную политику можно вменять пролетариату? Это уж, знаете ли, логика по Мейерхольду, «логика дыбом». Иначе такие выводы обозначить нельзя.

Во-вторых. Откуда это профессор Павлов заключает, что мы «соблазняемся» легкостью русской революции? Проф. Павлов, не читающий «для ради беспристрастия» теперешних газет, «соблазняется» возможностью клепать на нас, как на мертвых. Если бы он немного больше *знал*, тогда ему бы «казалось» нечто совершенно другое. Ибо все коммунистические идеологи, во главе с товарищем Лениным, всегда говорили, что на Западе победить *труднее*, но зато *строить* будет легче. Труднее победить, потому что буржуазия гораздо крепче, умнее, сильнее, тренированнее, опытнее; потому что крестьянство в значительной степени не то, что у нас; потому что народ обезоружен и т. д. Все это *тысячи* раз твердилось всеми нами. А вот профессору Павлову, извольте ли видеть, «кажется», что мы думаем «совсем наоборот». Как замечательно такое чтение в сердцах подходит стороннику «строго-научных» методов! Конечно, если на свои выступления смотреть, как на лущение семечек (сплюнул шелуху в угол, да и ладно) — тогда другое дело. Но ведь, проф. Павлов — серьезный, уважаемый всеми, выдающийся работник науки. Вот что значит: «газет не читаю, а судить да рдить — берусь».

В-третьих. Проф. Павлов аргументирует от издержек революции. Но уже из предыдущего ясно, что он совершенно неверно подводит балансы этих издержек. У него получается вот такая картина:

1. Б у р ж у а з и я.

4 года мировой войны.

2. П р о л е т а р и а т.

50 лет великих международных и гражданских войн.

Они измучили человечество.

Они совершенно доканают человечество.

В этом виновата германская буржуазия, которая начала войну.

Это предлагает от имени пролетариата Маркс, а вместе с ним и все коммунисты.

А отсюда И. Павлов делает примерно такой вывод: *так как 50 больше 4, то «пролетарский» выход есть чистое безумие.* Все это было бы так, если бы «калькуляция» проф. Павлова хоть сколько-нибудь соответствовала истине. Но ее (этой «калькуляции») основное свойство в том и заключается, что она никакой действительности *не* отражает и *не* выражает. Правильная калькуляционная картина была бы:

1. Б у р ж у а з и я.

2. П р о л е т а р и а т.

4 года мировой войны.

Победоносная революция в России и ряд революций в других странах.

Послеверсальский хаос.

Неизбежные восстания.

Новые неизбежные войны.

Культурная гибель Европы, а, может быть, и гораздо более широкого культурного круга.

Спасение Европы от гибели (а, может быть, и всего культурного мира).

Все это длится «15, 20, 50 лет».

Все это длится «15, 20, 50 лет».

Тяжелы будут «издержки революции»? О, да! *Очень* тяжелы. Но если их сравнить с теми ударами, которые нанесла человечеству мировая империалистская война, то, ведь, все же это «две большие разницы». Мировая война (*первая!*) стоила человечеству 10 миллионов убитых и 20—30 миллионов раненых.¹⁸ Россия потеряла одними убитыми 2½ миллиона.¹⁹ Представьте себе, пожалуйста, новый цикл мировой войны, на основе *новых* изобретений (газы, теле-бомбы, самоуправляющиеся аэропланы и прочие продукты человеческого гения). Что *по сравнению с этим* представляют из себя «издержки революции»? Нельзя быть страусом, хотя страус и хорошая птица, и хвост у него красивый. Без уничтожения власти капитала мы идем к *гибели* — вот что должно быть выжжено в каждом мыслящем мозгу. И ради спасения человечества мы *должны* идти на жертвы, которых требует революция.

Профессор Павлов, изобразив не без яркости, как буржуазия будет, вместе с учеными, бороться против «материальной массы», как гражданская война «пройдет насквозь через всю нацию», как правящие круги обнаружат «последовательность действий» в деле подавления пролетариата и т. д. кончает своим обычным припевом:

«Что же выходит? *Опять для меня тупик*, опять не могу понять, каким образом этот ужасный вопрос (о том), что будет дальше с человечеством — будет разрешен при помощи (!) этой 50-летней гражданской и международной войны».

А вот *так* же, как «при помощи» русской революции *была спасена наша страна*. Ni plus, ni moins.

Еще одно небольшое замечание. Проф. Павлов походя утверждает, что «Россия разрушена на десятилетия». Откуда такое пророчество? Какими соображениями, какими *цифрами*, какими *объективными* данными подтверждается этот пессимизм? А вот, по-нашему, СССР через пять-шесть лет *будет самым могущественным европейским государством*. Так как проф.

Павлов не читает наших газет, то ему, конечно, приходится оперировать с данными, история которых «темна и непонятна». Все же в таких случаях не мешает заглядывать в кое-какие таблички. Американские сенаторы, французские ростовщики, купцы Великобритании — и то не страдают таким дальтонизмом, как проф. Павлов. Почему? Потому, что они знакомятся с нашей жизнью по источникам, несколько более подходящим, чем квартира и физиологическая лаборатория. Блокада с нас снята, профессор! И вам давно бы пора снять свою блокаду с наших газет, с «теперешней» нашей общественности. Та, старая, «беспристрастная», та, которая всегда против людской «материальной массы», — она умерла. И ее не воскресить никакими сомнениями и никакими lamentациями.

6. Наше культурное строительство. Тупик проф. Павлова номер четвертый и последний

В своей брошюре я говорил о том, что рабочий класс не только спасет мир, не только построит фундамент новых хозяйственных отношений, но создаст и новые формы культурной работы, осуществит, претворит в жизнь новые культурные принципы. Речь шла о понимании связи *любой* научной дисциплины и *любой* идеологической отрасли с *жизнью* — с одной стороны, о преодолении *анархии культурно-интеллектуального производства* — с другой.

Проф. Павлов заявляет, что эта проблема его «очень занимает». Проф. Павлов делает мне честь, признавая, что у меня здесь есть «много здравых вещей». Особенно нравится профессору Павлову положение, что рабочий класс — «неуч по сравнению с буржуазией». Приведя эти слова, проф. Павлов сейчас же открывает пальбу и заявляет, что он снова в тупике.

«Вот его (т.-е. Бухарина. *Н. Б.*) слова. А рядом с этим мне совершенно непонятное: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это *безвыходное противоречие*. Эту анархию можно устранить *только тому*, кто что-нибудь понимает в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять? *Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю*...»

Последнее положение, к сожалению, совершенно верно, соответствует действительности и — позволяйте ответить комплиментом на комплимент — является, как признание, вполне «здравой вещью». Постараемся объяснить и преодолеть эту, не вполне выгодную для проф. Павлова, действительность.

Популярно объяснять, значит — прежде всего — объяснять примерами. Так вот мы и начнем с примеров.

Знал ли рабочий класс дело управления государством? Не знал. «Кухаркиных детей» держали подальше даже от школы. Был рабочий класс неучем по сравнению с буржуазией? Был. «Навалил» ли он на свои плечи управление государством? «Навалил». Все это признаёт и сам проф. Павлов.

Позвольте! А где же ваше «безвыходное противоречие»? Как же случилось этакое чудо, что неучи расколотили противника и крепко, точно молодые дубы, стоят на завоеванной земле? Разгадка простая, проф. Павлов:

не знали — узнали; не учились — обучились и научились; не умели, а потом сумели. Только и всего. Вот некоторые очень почтенные и уважаемые буржуазные умы утверждают даже, что *у нас самое умное* правительство (см., напр., рассуждение по этому поводу графа Keyserling'a). Но оставим этот вопрос в стороне. Все же никто не станет оспаривать, что один факт нашей победы и нашего укрепления кое-что говорит и о руководстве нашего класса — не так ли?

Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не из рабочих, как это хорошо известно И. Павлову («тогдашние» газеты он, ведь, читал!), а, главным образом, из благородного дворянского сословия. Генералов из рабочих тоже, как будто, было маловато — не так ли? то касается неучей-революционеров, то им не приходилось командовать армиями. А вот поди ж ты! «Навалил» на себя рабочий класс этукую обузу? «Навалил». И, представьте себе: армию построил, ею командовал, победоносно вел ее в бой, получил признание от противника, полное, безоговорочное (рекомендуем проф. Павлову прочитать отзывы белых генералов о Красной армии — чтение весьма поучительное). Опять-таки, что за чудо? Ведь это «безвыходное противоречие»? Конечно, противоречие, — только с точки зрения заскоружлой, статической, чисто формальной, с позволения сказать, логики, которая — выражаясь гегельянски — не знает категории «*становления*». А загадка опять просто решается: *научились*, проф. Павлов! И так научились, что к новым условиям войны оказались *более* приспособленными, чем Колчаки, Врангели, Юденичи и прочие, которые, можно сказать «собаку съели» на военном деле.

Третий пример. Управлял ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и т. д.?

Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже *подучился*, стал на ноги. *Продолжает* учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве.

А теперь спросим себя: во всех этих областях внес рабочий класс что-либо *свое, новое*? Ясно, что внес: Красная армия — далеко не то, что белая; советская система совсем не похожа на так называемое парламентское государство; наше хозяйство весьма далеко от частного хозяйства буржуазии. И т. д., и т. п.

Теперь интересно узнать, почему же *культура* снабжена таким «табу», что здесь «неучи» ничего не смогут сделать, ничему не смогут научиться? Где попытка (*хотя бы* попытка!) доказать это? Увы, ни тени доказательства нет, если не считать за доказательство сердитые фразы и сердитые слова.

Сердится проф. Павлов ужасно свирепо.

«Люди вообразили, — пипет он про нас, — что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее».

Страсти-мордасти! Вот ужас-то, в самом деле! И *переделаем*-таки, как нам нужно, обязательно переделаем! Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство, как переделали «расейскую» «Федорушку-Варварушку» в активную, волевою, быстро растущую, жадную до жизни народную

массу, которая только теперь завоевала себе возможность настоящего развития.

По существу: возражает ли проф. Павлов против того, что я называл в своем докладе принципами пролетарской культуры? Нет, не возражает. Признал ли он сам необходимость *увязки* между различными идеологическими областями («уничтожение анархии интеллектуального производства») и отчетливого *сознания практической* ценности научных конструкций и т. д.?

Как будто признал. Может ли *буржуазия* решить эти задачи? По-нашему, *не* может. Если бы нужны были здесь доказательства, мы могли бы привести их немало. Современная буржуазная наука, начиная от самой абстрактной и кончая самой «практической», вроде техники, тщетно бьется в поисках синтезов — и не находит таковых. То же и в области искусства. Со всех сторон жалобы, со всех сторон разговоры и причитания о кризисе «духовной культуры», о «тупике» и проч. Разве это случайно? Выдающийся германский социолог *Георг Зиммель* пишет в одной из своих последних работ об общем духовном кризисе, который, по Зиммелю, есть результат столкновения между «жизнью» и существующими *формами* жизни. Переводя эту философскую абстракцию на язык конкретного, получаем: буржуазный строй, с его производственной анархией и дробностью, которая еще более усилилась процессом *распада* его форм, не может уже решать синтетических задач. Вот почему его культура идет к низу. Вот почему рост культуры должен иметь своей исторической предпосылкой господство рабочего класса.

Но проф. Павлову некогда заниматься такими высокими материями. Он берет исходной точкой для своей атаки нашу практику, обращаясь к нам — в нашем вольном переводе — примерно так: «Хорошо поёшь, где-то сядешь?». И оказывается, что «садимся»-то мы очень плохо, хотя и хорошо, быть может, «поем».

«Сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, напр., на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц... Надо разумно давать, *понимать* для того, чтобы делать, значение биологии, значение другого вопроса и т. д. *Этого ничего нет*».

И далее еще более сердито:

«И что же, *если эту самую науку будут третировать люди*, которые сами признают, что они *ничего в этой науке не знают*, что из этого выйдет? Разве это не *чрезвычайная опасность для науки*?»

Тут нужно объясниться начистоту.

Прежде всего, откуда это проф. Павлов узнал об «огромных деньгах» на «Японию»? Газет, ведь, он не читает. Что же, «знакомый рассказал»? Достойны ли *такие* приемы ученого объективиста? Хорошо ли это?

Далее. Мы, действительно, оказывали неоднократно помощь трудящимся разных стран. А они нам *не* оказывали такой помощи? Они нам не помогали бороться с интервенцией и блокадой? Не собирали крох во время ужасного голодного года? Не помогли, не заставили ряд государств признать нас, как великую державу? Нельзя же так *близорук*о подходить

к вопросу. Нельзя не видеть больших вопросов, которые иногда решают *всё*.

Проф. Павлов, как и многие, впрочем, профессора, не видит этой большой, исторически необходимой, стратегии рабочего класса: это не их забота.

Когда идет борьба, то приходится часто жертвовать *всем* для целей этой непосредственной борьбы, хотя *экономически* это нерационально с точки зрения *дня*. Но если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка для *всего остального*, то выбора нет: нужно жертвовать *всем*.

С точки зрения статической и с точки зрения рассуждений «вообще», — бессмысленно, что мы на оборону тратили больше, чем на просвещение. Но это *не* бессмысленно — с точки зрения всего нашего дела, которое опрокидывает старый *status quo*; это *не* бессмысленно — с точки зрения истории. Для того, чтобы это понять, нужно иметь горизонты побольше, чем горизонты «квартиры и лаборатории», нужно выйти за пределы узкой специальности, нужно не замыкаться в четырех стенах, нужно постараться понять события в их взаимной обусловленности, в их движении и в их — как это ни трудно — всемирном масштабе...

Само собой разумеется, что все сказанное не есть оправдание частных ошибок, излишнего «битья посуды», конкретных и общих случаев неумелости и неопытности. Это есть «издержки обучения», очень тяжелые, но временные. Не они решают дело. Проф. Павлов ведет атаку против *всей* системы и против *руководства* коммунистов, которые «ничего не знают в этой науке».

Что касается наших руководящих кругов, то — смеем уверить профессора Павлова — они в биологии и физиологии понимают много больше, чем проф. Павлов в области общественных наук, и проф. Павлов совершенно напрасно выступает со столь категорическими утверждениями. Но, что весь наш класс еще очень мало культурен, это мы признаем. Тем не менее и по отношению ко всему нашему классу нельзя выдвигать обвинения, будто он «третирует» науку. Для этого нужно было бы лишь почитать некоторые документы, вроде нашей партийной программы, ряда постановлений профсоюзов, органов Советской власти, разных конференций и совещаний рабочих и проч. Мы совершили и совершаем много ошибок, но линия нашей политики — совершенно правильная. Никакой опасности для науки нет: есть лишь опасность для тех якобы ученых *предрасsudков*, которые поворачивают «людей ума и знания» против «материальной массы». Вот для *этих* вещей существует *громадная* опасность, и будет в высшей степени хорошо, если эта *опасность* для них превратится в их *гибель*.

А потом невредно проверять свои положения *фактами* — в этом мы совершенно согласны с проф. Павловым. Притом не *отдельными* фактами, выдранными из общего контекста, а *итогами*, по всем правилам «закона больших чисел». Что же, может проф. Павлов утверждать, что культурная и научная кривая у нас за два последних года пошла вниз? Стоит только просмотреть цифры издающихся книг, журналов, специальных публикаций и т. д., чтобы увидеть, как быстро мы *растем*.

Разве можно это отрицать? Где же опасность? Не есть ли это доказательство того, что и здесь мы *уже кое-чему научились*, что и здесь мы *уже выходим* из того «*безвыходного* противоречия», которым так пугал себя и нас профессор Павлов? А, ведь, он прямо заявлял, что наша политика «*ведет к уничтожению русской культуры*» — ни больше, ни меньше. Профессор Павлов думает, что коммунисты действуют исключительно по принципу: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!» Не пора ли хоть теперь бросить это, мягко выражаясь, «неверное» представление?

Профессора Павлова в высшей степени удручает факт *классового приема* в высшие учебные заведения. «Уровень образования чрезвычайно понизится, благодаря... непоследовательности (в) приобретении знаний». С другой стороны, «масса людей подготовленных... отстраняется от школы, им ставятся всякие затруднения».

Если оставить в стороне всякие «эксцессы» и обсуждать основы нашей политики (классовый прием и т. д.), то нельзя *вырывать* этой проблемы из всего контекста наших задач. Как развитие производительных сил нашей страны, так и развитие в ней интеллектуальной культуры, теоретически говоря, возможно в *двух* формах: буржуазной и пролетарской. Если бы рост кадрового состава (управляющего, администрирующего, идейно «командующего» и т. д.) наворачивался по линии *анти-пролетарской* (что далеко не всегда предполагает *сознательно* анти-пролетарскую идеологию), то мы неизбежно сползли бы на «смено-веховских» тормозах к «идеальной» цели либеральной буржуазии: «здоровому» капитализму — в экономике, так называемому «правовому государству» — в области политической надстройки. Но, ведь, у нас есть совершенно достаточные основания для того, чтобы *бороться* с этими тенденциями *вырождения*. Само собой разумеется, что без ответа на этот *кардинальный* вопрос (социализм или капитализм) немислимо понять и вопросы производного характера. Нет роста производительных сил «вообще», а есть рост производительных сил в совершенно определенных *формах*, в совершенно конкретной исторической скорлупе. То же и с интеллектуальной культурой. Мы уже писали, что отнюдь не хотели бы выступить в роли навоза для нового цикла капиталистического развития, который привел бы с неизбежностью к новой и новой катастрофе. Песня «про белого бычка» в «мировом масштабе», это — слишком трагическая песня. Мы твердо ведем политику на уничтожение и преодоление капиталистического строя. И именно поэтому вся логика, и формальная, и диалектическая, на *нашей* стороне.

Ошибка академика Павлова состоит в том, что он *обходит* основной вопрос, вопрос о социальной сущности того или другого общественного порядка. А обходить этот вопрос - - *нельзя, недопустимо*.

Понятно, что с точки зрения «нейтральной» (на деле буржуазной) классовый прием из среды, вообще говоря, *менее* культурной и *менее* подготовленной, представляется нелепостью, и если оставаться в рамках *такого* аспекта, то коммунистов можно и в самом деле счесть за буйных помешанных.

Но в том-то и дело, что наша политика основана на совершенно определенной предпосылке. Нам нужны *такие* кадры и постоянное воспроиз-

водство *таких* кадровых элементов, которые вели бы *пролетарскую* политику на всех пунктах трудовой шахматной доски, на которой им придется впоследствии разместиться. Гарантией такой политики является определенная *социально-классовая прививка*, т.е. социальное происхождение. Отсюда — «классовый прием». Мы, конечно, «проигрываем» временно с точки зрения квалификации, «независимой» от социальной оценки, но зато мы имеем прочную гарантию того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не съедет где-нибудь под откос. Что же здесь удивительного и непонятного? Что необъяснимого в том, что мы, начав социалистическую революцию, производим ее во всех областях, играющих существенную роль в процессе производства всей общественной жизни в его целом?

И опять-таки: разумеется, чтобы это понять, нужно понять внутреннюю логику этого процесса в целом. И, наоборот, без предварительного понимания *всего* процесса, т.е. той основной орбиты, по которой движется наша политика в целом, совершенно невозможно понять и такого частного мероприятия (связанного с совершенно своеобразными и специфическими «расходами»), как классовый прием в наши вузы.

К числу таких «расходов» нужно отнести и упоминаемое акад. Павловым понижение уровня квалифицированных работников, выпускаемых вузами. Вообще говоря, революция в первой своей фазе безусловно сопровождалась разрушениями и в этой сфере, сфере производства квалифицированных интеллектуальных сил. Теперь и здесь мы видим быстрый прогресс. Но нам важно отметить, что революция создала все же некоторые, совершенно неслыханные, предпосылки для быстрого *расцвета* культурной жизни. *Интенсивность* культуры пала. Но *экстенсивность* ее колоссально возросла, *несмотря* на бывшую материальную разруху. Массовая психика стала гораздо более подвижной, гораздо менее косной; горизонты необычайно раздвинулись; воля закалилась; опыт обогатился в неизмеримой степени. Брошенная в широкие массы политическая, а затем и хозяйственная литература, сеть клубов, кружков и т. д.; методы массовой пропаганды и агитации; Красная армия, пропускавшая через себя сотни тысяч и миллионы людей, и т. д. и т. п. — все это в целом произвело громадный культурный сдвиг, результаты которого сказываются хотя бы на том перевороте, который произошел в *языке* нашего крестьянства, наиболее массовой и наименее культурной силы нашего общества. Разве трудно сообразить, что эта громадная экстенсификация культуры есть величайшее культурное завоевание, плоды которого не преминут сказаться через некоторое время? Разве не понятно, что это есть фундамент небывалого культурного расцвета в будущем?

Здесь вполне уместно поставить один общий вопрос, который имеет и прямое отношение к разбираемой проблеме. Вообще говоря, такой строй и такой порядок вещей способствует в наибольшей степени общественному развитию, который, при данном уровне развития производительных сил, дает возможность культурного развития и культурного подбора максимальному числу людей. Чем шире это *селекционное поле*, тем лучше, при прочих равных условиях.

И вот здесь наша революция совершила поистине величайший переворот. Она *еще* не догнала довоенного уровня в нашем хозяйственном развитии, она *еще* не обеспечила довоенного standart of life. Но она *уже* в гигантской степени расширила селекционное поле, она *впервые* вовлекла широчайшие пролетарские и крестьянские массы, в культурный оборот, давая возможность подбора не из «верхних десяти тысяч», а из «нижних» *миллионов*. Такие организации, как партия, профессиональные союзы, завкомы, клубы и проч. через которые направляется поток людей в наши высшие учебные заведения, есть не что иное, как громадная и неизвестная прежним временам школа, подбирающая людей из самой гущи жизни.

Это завоевание уже есть у нас: оно прочно, оно неоспоримо. И если на *первых порах* мы не будем иметь достаточно «полноценных» студентов, то эти недостаточно «полноценные» будут иметь одно несомненное преимущество над старым студенчеством: они будут всеми своими карьерами связаны с жизнью, с практикой, с активным участием в общественном строительстве. Этой чертой могут быть недовольны ученые — «олимпийцы», до которых не доносится гул жизни (да к тому же олимпийцы всегда бывают туги на левое ухо). Но это недовольство как раз и есть свидетельство их отсталости. Будущее принадлежит — это уже начинают понимать и в буржуазных кругах — не героям спекулятивной философии, спекуляция которых не многим лучше вульгарной и прозаической спекуляции рынка, а людям, которые связаны с практикой, у которых наука есть орудие этой практики, а не талмудическая похлебка или «летом сладкий лимонад». У рабочего же класса практика в крови. И тот синтез теории и практики, который дан был рабочим классом в *общественных науках* (т.-е. в теории обществоведения и в научной политике рабочего класса), он будет, несомненно, шаг за шагом завоевывать одну область за другой. Этот процесс *уже начался*. Разве не повернут нашей государственной властью руль в сторону гегемонии материализма и решительной борьбы против фантастических привидений религии, идеалистической метафизики и тому подобных бердяевских «выделений»?

Что же, это — положительный или отрицательный факт, — эта *гегемония* опытной науки, материалистического мировоззрения, материалистического воспитания и обучения?

Такой поворот стоит очень многого. Конечно, праздношатающиеся болтуны «демократической», с позволения сказать, «мысли» и по сему случаю не упускают толковать о диктаторской тирании и изнасиловании всяческих свобод. Но это есть не что иное, как та же самая, до крайности пошлая, фетишистская и — позвольте сказать совершенно откровенно — с исторической точки зрения *варварская*, мысль, как и мысль г-на Бердяева об «евхаристическом питании». Люди думают, что это — крайне умно. А на самом деле — перед нами, несмотря на всю рафинированность авторов, идеология, достойная каменного века, к которому сейчас не прочь апеллировать «беспристрастные» ученые буржуазии. Но как с этим совместить *научные* взгляды самого профессора Павлова? That is the question.

Заключение

Хотя мы не отличались и не отличаемся христианской добродетелью, но все же посылно старались помочь нашему оппоненту вылезать из его многочисленных тупиков и ям. Ибо этого требует от нас не категорический императив Канта и не заповеди христианской морали, а революционная целесообразность. Рабочий класс, вопреки профессору Павлову, отнюдь не собирался и не собирается третировать *en canaille науки*. Но он самым категорическим образом отмечает quasi-научное шарлатанство, которое теперь процветает на вымоченных кровью полях Европы, и в котором некоторые скорбные главою российские интеллигенты видят последнее слово божественного откровения. Рабочий класс прямо заинтересован в том, чтобы *лучшие* традиции науки, — а лучшие традиции науки связаны с опытным исследованием, с материализмом, с борьбой против всякой метафизики, — чтобы эти лучшие традиции науки сплелись и слились в один поток с усилиями победоносного пролетариата и его учащейся молодежи. И поэтому мы взяли за ответ профессору Павлову, этому выдающемуся представителю *честной науки*. С ним случился грех не только с точки зрения коммунизма, но и с точки зрения того самого *объективного метода*, который он так блестяще защищает, когда речь идет о слюнных железах, и который он так основательно позабывает, когда нужно анализировать события общественной жизни. Мы все время только и делали, что бросали профессору Павлову в ямы, куда он попадал, спасительную веревку *объективного метода*. «Веревка — вервие простое», но это «вервие» помогает вылезать из ям *не только* в области экспериментальной физиологии...

А вот хоть изредка выходить из квартиры и лаборатории на свежий воздух — все же очень не помешало бы. Об этом, правда, Заратустра не говорит, но медицина утверждает «с превеликим упорством» и, смею думать, не без основания.

¹ Журнал «Красная Новь» за 1924 г., книги 1 и 2.

² Автору этих строк, излагавшему диалектику материализма, с точки зрения *равновесия*, в особенности приятно отметить следующие положения проф. И. Павлова: «Что собственно есть факт приспособления? — Ничего... кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой. Но это, ведь, совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле. Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать как таковое лишь благодаря уравниванию отдельных атомов и групп их между собою и всего их комплекса с окружающими условиями. Совершенно так же грандиозная сложность высших, как и низших организмов остается существовать как целое только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собою и с окружающими условиями. Анализ уравнивания системы и составляет первейшую задачу и цель физиологического исследования». *Акад. И. Павлов*, «20-летний опыт» и т. д., стр. 14—15. См. нашу «Теорию ист. материализма».

³ Перед нами — стенограмма лекции проф. Павлова, повидимому, неисправленная. Поэтому мы позволяем себе вставлять в скобках стилистически необходимые слова, которые, само собой разумеется, ни в коей мере не нарушают смысла.

⁴ Акад. Павлов, «Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных», — указ. сборник, стр. 195.

⁵ L. Mises, «Die Gemeinwirtschaft», Jena, Gustav Fischer, 1922, S. 503.

⁶ Николай Бердяев, «Философия неравенства». Берлин, к-ство «Обелиск».

⁷ См. Б. Д. Бруцкус, «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта», Берлин, изд. Tritemis, предисловие.

⁸ Во всех цитатах подчеркивания сделаны мною. Н. Б.

⁹ Кейнс, «Экономич. последствия Версальского договора», Гиз. 1922 г., стр. 140.

¹⁰ Ibid., стр. 133.

¹¹ Ф. Нитти, «Европа без мира», Гиз. 1923, стр. 83.

¹² Э. Шульце, «Развал мирового хозяйства», Гиз. 1923, стр. 348.

¹³ Кайо, «Куда идет Франция? Куда идет Европа?», Гиз. 1923, стр. 176.

¹⁴ «Economist», Oct. 6, p. 511.

¹⁵ Ibid., 522.

¹⁶ Frobenius, «Das unbekannte Afrika». S. 3.

¹⁷ Ibidem, 13.

¹⁸ Jahrbuch für Politik Wirtschaft-Arbeiterbewegung 1922—23, S. 223.

¹⁹ Подсчет Döring'a. См. «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.г.». Статист. ежегодник под ред. проф. Фалькнера.

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ

В довольно широких кругах нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а может быть, и даже очень большую, ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина, как теоретика, обуславливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на $\frac{9}{10}$, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений и, как это нетрудно понять — именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде, — именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин, как теоретик, в значительной мере уступал Ленину-практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик, если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной «теоретической практики», если можно так выразиться. Мне случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического

строю внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма», стали встречаться — в целом ряде работ юридического, общеполитического и всякого иного порядка — с большей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совершенно искренно считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, в определенном разрезе, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось, — я увидал, что все это заключается буквально в четырех строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на VII съезде нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать сочинения Владимира Ильича, — они, несомненно, откроют в этих сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными, и теоретической обширности которых мы не понимали. Ленин еще ждет, как теоретик, своего систематизатора, и в будущем, когда эта работа будет проделана, и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, примет систематизированную форму, — Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича, как теоретика-марксиста.

1. Марксизм эпохи Маркса-Энгельса

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение, — и в чисто теоретической, и в теоретико-прикладной области, — представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, *вырождаться* при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, всем уже стало совершенно ясно, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии, или марксизма, соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии человеческого общества вообще, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития — это есть марксизм, как он был исторически сформулирован самими основоположниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм марксовский — в собственном смысле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органическая и отнюдь не мирная эпоха в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений, — эпоха, которая напла свое наиболее яркое выражение в революции 1848 года.

Главный материал для теоретических обобщений, то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренились в условиях и катастрофическом характере европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию новорожденного марксизма. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Мы знаем, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, являющееся философской платформой: «философы до сих пор объясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить». Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса отличалась резко выраженным ниспровергательным характером, — она была глубоко революционна по самому существу своему, начиная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически-политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории, все содержание *этого* марксизма было глубоко революционным. Ведь, недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим, — когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, — Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к *диктатуре пролетариата*. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму, — именно, что марксизм это есть алгебра революции, — эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильной. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практически-политических выводов.

2. «Марксизм» эпигонов

Вот это была первая фаза в развитии марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но мы отлично знаем, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм. Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов, не произошел катастрофически. Это был эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал, в первую очередь, европейский, а за ним и весь мировой капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революций 1848 года наступила относительная устойчивость капи-

талистического режима, и начался цикл органического развития капитализма, который свои наиболее яркие противоречия отодвинул на свою колониальную периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку — консолидированные национальные государства-«отечества». Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко стала проявляться, примерно, с 80-х годов прошлого столетия; на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса *рабочей аристократии, наметился прогресс медленного вставания рабочих организаций*, внутренние, идеологически перерождающихся, в *систему общего капиталистического механизма*, который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение, в политической головке капитала, т.е. в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения господствующей идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная неслаженность между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм стал перерождаться в двух своих основных формах. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало *ревизионистское течение внутри германской социал-демократии*. Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение. В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, оппортунистическая практика не получила нигде более ясных и точных формулировок, чем те, которые она получила в «стране философов и поэтов». В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировано, и не только сигнализировано, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойственен Марксу и Энгельсу и всей предыдущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной, или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным взгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы можем это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демократии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

В начале этого периода имелась известная неслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба вырабатывали практику германских соц.-дем., разработав *соответствующую* теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих *теоре-*

тических формулировок, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, *практически* преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов, — я говорю о начале всемирной войны, — «сразу» оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет никакой существенной разницы. По сути дела, эти два крыла — ревизионизм и каутскианство — выражали одну и ту же тенденцию *вырождения марксизма*, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития; они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский «марксизм» в его чистом виде, — это стало наиболее ясным в последние годы, — что этот ревизионистский «марксизм» или марксизм в кавычках, в его последовательной форме приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и проч., тогда как у Каутского и его группы мы имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали идти по одному и тому же руслу, которое все более решительно шло в сторону марксизма. Суть этого процесса заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно краха капитализма, революционного учения относительно развития капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д., — замене всего этого обычным буржуазным *демократически-эволюционным* учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Такой анализ, отчасти, я давал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается, между прочим, и у Плеханова, и у Каутского, в одном из центральных пунктов марксистской теоретической систематики: в теории государственной власти. Наличие такого ревизионизма в *теории государства* делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалистической войны. Настоящая марксова формулировка в области теории государственной власти всем нам известна. Это учение можно выразить, примерно, таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии и начинается создание новой диктатуры — «анти-демократического» и в то же время *пролетарски-демократического* государства, — совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д. марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук

одного класса в руки другого так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, *без того*, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал *по-новому*. Из этой же формулировки, в своем роде логичной и последовательной, вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на социал-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имела, как основа оборончества, немалый успех. Само собою разумеется, что если данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а, наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по-иному, чем у Маркса. Если государства нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих руках, то нельзя дезорганизовать армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и проч. Все здесь слажено, и само собою понятно, что, когда государства были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, и ревизионизм, в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделали соответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать насчет теории крушения капиталистического общества, насчет теории обнищания, насчет колониального и национального вопросов, насчет учения о демократии и диктатуре, насчет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе, и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошюру Каутского «Социальная революция», которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней не трудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские «эпигоны» учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую лупу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни, то они эти новые явления всегда по сути дела учитывали под одним углом зрения, — под углом зрения *врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма*.

Появилась, например, новая форма акционерных компаний, --- сейчас же они ее привлекали для «доказательства» того, что капитал демократизируется. Появлялось на континенте улучшение положения рабочего класса. --- сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватались за целый ряд цитат, за отдельные вырванные из контекста положения и слова. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: «в Англии, может быть, дело обойдется и

без кровопролития». Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс однажды выдавал не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы. Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом все явления рассматривались под углом зрения вращающихся рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетела, в конце концов, его революционная сущность; случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социал-демократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марксистская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского *содержания*, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами по сути дела было уже учение, которое *соответствует оппортунистической практике* германской социал-демократии, оппортунистических рабочих партий, объективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было даже нарисовать своеобразную социально-политически-географическую карту степени подлости этих «марксистов». Чем сильнее страна в области мирового рынка, чем могучее были ее позиции, чем более прожорливую и алчную империалистическую политику вела данная страна и данная национальная буржуазия, чем больше и сильнее была рабочая аристократия, и чем крепче, чем более толстой цепочкой был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации, — тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические формулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной стороны, и сферой идеологического развития, в данном случае идеологии рабочего движения, — с другой.

Такова была *вторая* полоса в развитии марксизма. Физиономия *этого* марксизма представляется иной, чем лицо марксизма Маркса и Энгельса. Как мы видим, здесь имеется совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что налицо в значительной мере другая опора для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистических государств, в особенности же рабочая аристократия этих могучих империалистических государственных тел. И когда процесс вырождения в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали иметь наиболее классические формулировки, *отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма*.

3. Марксизм Ленина

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказы-

вали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры написано: «Марксизм в науке, ленинизм в тактике, — таково наше знамя». Мне кажется, что деление в высшей степени неудачно и отнюдь не соответствует «передовому авангарду на идеологическом фронте», как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм как практика — это не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи.

Он не может быть простым повторением марксизма Маркса потому, что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и наша эпоха в еще меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционного времени. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так много нового в самом ходе общественного развития, а самом эмпирическом материале, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех задачах, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, — так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что отнюдь нельзя *противопоставлять* ленинизм марксизму, я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. *Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого.* Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую *новую фазу в развитии капиталистических отношений*. Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще. Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали складываться такие организации, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития, с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал, как монополистический капитализм, — сумму всех явлений, ясное дело, Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретически выразить и обобщить.

Эти новые явления должны быть теоретически схвачены, и поскольку они теоретически схвачены, они представляют из себя *дальнейшее звено* в старой цепи теоретических рассуждений, и положений. Все это — явления из области *финансового капитала*, из области империалистиче-

ской политики этого финансового капитала. Вопрос о создании и сплочении мировых экономических организаций капитала и его государственной организации и целый ряд аналогичных вопросов, вытекающих из специфической структуры капитализма, как он выражен в последние годы XIX и в первые десятилетия XX столетия, — это все есть вопросы, которые не были известны Марксу и которые должны были подвергнуться теоретическому анализу. *Вторая* сумма вопросов, — это суть вопросы, связанные с *мировой войной* и с *распадом* капиталистических отношений. Как бы я сейчас ни оценивал степень и глубину распада капиталистических отношений, какой бы прогноз я ни ставил в этом отношении, как бы я ни оценивал в частности теперешнюю экономическую ситуацию в Западной Европе, как бы я ни говорил о глубоком кризисе или крахе, какую бы радикальную формулировку ни привести в ту или другую сторону, — все-таки совершенно ясно, что перед вами на-лицо такого рода явления, которых не было раньше. Ни государственного капитализма в его специфической формулировке, ни связанных вместе с ним явлений распада и дезорганизации капиталистического механизма с совершенно специфическими явлениями в области социальной, распада по всей линии, начиная от производственного базиса и кончая явлениями из области денежного обращения, — всех этих явлений не было во времена основоположников научного коммунизма. Эти вопросы ставят перед нами ряд интереснейших и новых теоретических проблем, и само собою разумеется, что вместе с этими теоретическими проблемами необходимыми являются и соответствующие практически-политические выводы, которые на них основаны и с ними связаны. Это другой род явлений, очень большой, делающий эпоху в точном смысле слова, явлений, которые не были известны ни Марксу, ни Энгельсу. Наконец, *третий ряд явлений* которые связаны непосредственно с *рабочими восстаниями* в период краха капиталистических отношений — в период, который получается в результате громадного столкновения этих чисто капиталистических тел в их войнах, которые суть не что иное, как своеобразная форма их капиталистической конкуренции, специфическая формулировка, неизвестная тому времени и той эпохе, в которую жил и учил сам Маркс и его ближайшие единомышленники и друзья. Сейчас же эти вопросы непосредственно связаны с процессом социалистической революции, они тоже представляют из себя громаднейший социальный феномен, социальное явление совершенно объективного порядка, которое точно так же нужно теоретически изучить, которое имеет своеобразную закономерность, которое ставит перед нами целый ряд теоретических и практически-политических вопросов. Само собою понятно, что во времена Маркса можно было давать лишь самые общие формулировки этого, а теперешний эмпирический материал дает громаднейшее количество всевозможных новых явлений, которые подлежат теоретической обработке. Вот это есть третий род явлений и связанных с ними вопросов и связанных с решением этих вопросов практически-политических выводов. Это есть третий род проблем и теоретических и практических, которые не были известны Марксу, потому что они не были известны вообще той эпохе. Наконец, есть еще *четвертый* ряд, который стоит, как глыба совершенно новых постановок вопроса,

это — ряд, связанный с эпохой, или *началом эпохи, господствующего рабочего класса*. Как Маркс ставил вопрос? Я напомним марксовскую формулировку, которую я приводил: «Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, а в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата». Вот это была граница. Когда эта диктатура пролетариата является уже фактом, то совершенно естественно, что дальше мы уже выходим за границу. Сущность марксова учения — это есть неизбежная диктатура пролетариата и только. И здесь остановка.² Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатура не была дана, как реальный факт, и сопутствующие ей явления не были даны, как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить объектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Поэтому само собою разумеется, что весь цикл этих громаднейших явлений представляется совершенно новым, ибо мы уже пришли к тому, о чем Маркс сам сказал: для меня это — грань. Теперь мы имеем род явлений, стоящих за этой гранью. Чем более эти явления принципиально новы, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно, оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть 4-й разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и объектом теоретического рассмотрения, и теоретически-систематизированных норм поведения со стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 ряда. Само собою разумеется, что все они представляют из себя не что иное, как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха, во всей ее сложности и конкретности, представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале, — он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или — это определенная сумма идей, — скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений, и проч., и, *кроме того*, включаем целый ряд *конкретных* положений, т.-е. берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных *приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая

сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм — есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом.

Так разрешаются, мне кажется, противоречия, которые в значительной мере базируются на смещении терминов, на том, что целый ряд терминов употребляется в различных значениях. Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, как *синтез* *тройного* порядка. *Во-первых*, это есть возврат к марксовой эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, т.-е. это — синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений; сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это *во-первых*. *Во-вторых*, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса* и, *в-третьих*, это есть синтез *разрушительной и созидательной* работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным.

Здесь я позволю себе по поводу этого третьего положения сказать несколько слов в его разъяснение. Ортодоксальный марксизм, т.-е. революционный марксизм, т.-е. наш марксизм, само собою разумеется, имеет перед собой разные практические задачи в разные исторические эпохи и соответственно этому идет и логический, идеологический, подбор, потому что практические задачи, в конечном счете, определяют и наши теоретические суждения и сцепления отдельных теоретических положений и звеньев в некоей системе, в теоретической цепочке. Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех решительно идеологических работах, всюду и везде, мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все *противоречивые* стороны, мы должны отмечать все основные неслаженности капиталистического общества, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то, что разъединяет различные элементы этого общества. По той простой причине, что для нас практически важно, выискивая щели, вогнать в эти щели наиболее остро и наиболее резко действующий клин. Перед нами задача *разрушительная*, нам нужно опрокинуть капиталистический режим, и поэтому само собою понятно, что в первую очередь подбор всех теоретических положений и звеньев идет именно по этой линии. *Нам теоретически важно отмечать все противоречия*, которые практически важно углублять; нужно от общих теоретических положений идти через промежуточные звенья, через наших агитаторов, дальше, *потому что здесь перед нами основная разрушительная*, ниспровергательная задача. И весь характер всех теоретических сочинений Маркса был построен по этой линии. Когда рабочий класс становится у власти, перед ним встает задача *склеивания* различных

частей общественного целого под определенной *гегемонией рабочего класса*. Практический интерес представляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сейчас не разрушать, а *строить*. Это совершенно другой аспект, совершенно другой угол зрения. Я думаю, что каждый из нас, когда он сейчас читает целый ряд вещей, или даже делает целый ряд наблюдений над текущей жизнью, скажет, что у него порой получается совершенно иной аспект на те же самые явления, на которые он раньше смотрел другими глазами, по той простой причине, что раньше практически он должен был разрушать какой-нибудь определенный комплекс, а теперь он должен его построить, так или иначе склеить. Вот почему мне кажется, что эта струя находит себе соответствующее теоретическое отражение и теоретическое выражение в целом ряде вопросов, относящихся к этому порядку проблем. Они не ставились раньше, в эпоху первой формулировки марксова учения, — формулировки, которую давал сам Маркс. В эпоху II Интернационала они ставились под углом зрения *врастания в буржуазное государство*, и, так как они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, т.е. поскольку социал-демократические оппортунистические партии ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима, ясное дело, что эти зачатки теории «строительства» встречали враждебное отношение у нас, марксистов-революционеров. Ибо все это обобщалось с точки зрения врастания в капиталистическое государство, врастания организаций в механизм капиталистического аппарата, который мы ставили своей целью разрушить. Но диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то, как это совершенно понятно для нас, стал необходим другой аспект как практический, так и теоретический. Ведь нам надо, с одной стороны, разрушить, а с другой — *построить*. Мы должны были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали *синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом*. Вот с этой точки зрения, поскольку дело идет о теоретических обобщениях, В. И. этот синтез дал. Здесь чрезвычайно для нас трудно сформулировать общие основные положения из этой области, потому что здесь опять-таки мы имеем перед собой целый ряд отдельных замечаний, разбросанных по всем решительно томам сочинений В. И., и особенно в его речах и пр., но совершенно ясно, что *это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм, как теоретическая система, в дальнейшем развитии марксизма*. Конечно, было очень много сделано в области теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать таким образом: у Маркса была главным образом *алгебра капиталистического развития и революционной практики*, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра *новых* явлений (разрушительного и положительного порядка) и

их арифметика, т. е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

4. Теория и практика у Ленина

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек и теоретического и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно, — это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным *преобладанием практики* во всей деятельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая, по существу, есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система, теоретическая доктрина не представляет из себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей — не помню в какой — я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичем. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт, заключалась в *осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения*. Очень часто мы между собой иногда даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов; но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих. Ибо в нем, ведь, сказалось не что иное, как специфически интеллигентская узость, привычка «книжников», ограниченность узких специалистов: журналистов, литераторов или людей более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно так же, как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и ученостей специфических, — что иногда нам тоже не совсем нравилось, а он над нами издевался, — точно так же он терпеть не мог ничего лишнего и чисто практическим относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют. Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы, грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело, ведь, еще притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это — черта, которую можно было бы назвать

дефетишизированием, срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необычайной смелостью Владимир Ильич ставил некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой; это возмущало нашу интернациональную совесть до глубины души, при чем наш «интернационализм» покоился на теоретическом непонимании того, насколько изменилась вся конфигурация, когда мы взяли власть. Вспомните лозунг — «учитесь торговать!», который мозолил глаза многим и хорошим революционерам, который тоже имел теоретическую основу и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, прочно связанную с практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма, как застывшую догму, а как метод, как инструмент ориентации в определенной среде; — человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я никоим образом не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок и не работал даже над ними; но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одно из его самых общих тактических положений относительно ошибок гласит: *«Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную историческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую обстановку, на иное соотношение сил, на другое положение вещей»*. Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников. — Возьмем, напр., такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период «демократами», все мы требовали демократической республики и Учредительного Собрания за несколько месяцев до того, как мы его разгнали. Естественно. Но, тем не менее, только те могли перейти к другой ориентации, кто понимал *относительную* общественную роль этих лозунгов, кто понимал, что при капиталистическом режиме мы не можем выставить по отношению к *капиталистам* требования: «закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям!»; кто давал себе ясный отчет в том, что свобода для *наших*, рабочих, организаций неизбежно должна была принимать формулировку: «свобода для всех», и что когда мы переходим в иную историческую полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто не осмыслил этого, кто *фетишизировал* старое, тот не поспел за ходом вещей и стал по другую сторону баррикады. Это — один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался совершенно изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в его общей формулировке. Я говорил здесь относительно необходимого угла зрения эволюционности, *после* того как мы произвели революцию. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как: «учитесь торговать», или: «один спец лучше столько-то и столько-то коммунистов». Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того, чтобы эти вещи говорить, необходимо было строгое теоретическое продумывание вопроса. Вопрос о коммунистическом кадре, о невозможности на первых порах строить иначе, чем чужими руками; вопрос о капиталистических формах и социалистическом содержании и т. д. должны были быть решены в теории предварительно, т.-е. до практического выбрасывания лозунгов. Если раньше для всякого революционера слово «торгаш», «торговля», «банк» и пр. звучали, как самые оскорбительные слова, то для того, чтобы перейти к лозунгу «учитесь торговать», нужна была глубочайшая уверенность в правильности целого ряда совершенно новых теоретических положений крупнейшего принципиального значения. То, что *только сейчас* для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то ведь у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что В. И. был человеком, вырубленным топором, чем-то вроде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это — абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги вроде «грабь награбленное», что звучало необычайно ужасно и варварски для всех нашим «цивилизованных» противников, то, ведь, они были на самом деле результатом проникновенного теоретического анализа того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет. Ленин всегда ставил вопрос, *как* можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергических величин, брошенных против классового врага. Это требовало очень сложного теоретического «обмозговывания». Когда Ленин говорил — «нужно учиться торговать!», это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг В. И. в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой колумбова яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что оно могло быть поставлено только так. «Простой» лозунг: «учитесь торговать!» опирается на целый ряд предварительных решений сложнейших теоретических вопросов: вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения, вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения и т. д. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целой цепи теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда вы начнете читать один том за другим и подбирать по определенным направлениям мысли В. И., только тогда перед вами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел В. И., разрабатывая эти вопросы. Все эти большие повороты, которые так удачно Ленин делал, как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать

теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически-политические выводы. В основе основ здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало как нечто неподвижное, а которое было действительно могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала *практическая действительность*. Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, нет ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который отлично понимает значение любой теоретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил В. И. к идеологическим вопросам? Когда у нас в партии или за пределами партии возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма, он сразу подходил к ним с определенной *практической* меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода и, повторяю, арифметика его. Приведу один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом контексте. Анализ марковского «Капитала» ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется *крестьянство*, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И вот то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на самой высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории многообразия, и, с другой стороны, арифметики, т.-е. арифметического расшифрования алгебраических формул; соединение большого и малого: заботы (в области практической) об электрификации огромной страны и заботы о сбережении какого-нибудь маленького гвоздика; и, с другой стороны, в области теоретической — занятие крупнейшими теоретическими проблемами, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выживание каждой теоретически неправильно сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это *умение видеть эпоху и видеть каждую малейшую деталь*, анализировать, рассматривать такие вопросы, как вопрос о «вещи в себе», и в то же время понимать теоретическое значение отдельной формулировки в какой-нибудь резолюции (вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, «как не надо писать резолюций» в своей брошюре о двух тактиках) — вот эта несравненная способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое и самое мелкое, малейшие детали устанавливаются на шахматной доске политической стратегии и теории как раз в тех местах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия, — вот эта способность нашла свое выражение в замечательном *смысле, объединяющем теорию и практику*.

5. Империализм. Национальный вопрос. Колонии

Теперь остановимся на некоторых проблемах, которые имеют значение с точки зрения, главным образом, *того нового*, что В. И. сюда внес. Один из крупнейших вопросов — это вопрос об *империализме*. Вопрос об империализме сформулирован у В. И. в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так *актуальна*, как работа В. И., потому что там буквально всякое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практически-политическими выводами, которые из них В. И. делает.

Перед нами простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи: этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу, намечаются те пути, по которым рабочий класс должен идти в связи с развитием господствующего класса, в связи с развитием империализма. К этому общему вопросу непосредственно примыкает вопрос, не получивший своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это *вопрос национальный и вопрос колоний*, колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде сочинений В. И. совершенно правильную постановку проблемы, и национальной и колониальной, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь, действительно, Владимир Ильич создал *целую школу*. Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в «Капитале» имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновения различных капиталистических тел, проблемы государства, поскольку оно находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны, т.-е. ряд вопросов более конкретного порядка в «Капитале» не анализируется. Для того, чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые *сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы*. Кто работал над вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, почти все, за очень немногими исключениями, принадлежали к наиболее ярким ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд отдельных замечаний и целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог, потому что тогда проблема не была еще дана с той остротой, которая была ей придана потом. Эпигоны же не могли по самой сути дела этого

сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени, и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты, люди такого типа, которые развивали всякие «марксистские» теории по отношению к колониям для того, чтобы *оправдать* политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая действительно создалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Правда, в начальной стадии своего развития, это ленинское учение в национальном и колониальном вопросе не всегда и не всеми было осознано, но теперь его смысл выступает совершенно отчетливо. Перед нами — эпоха мировых войн, и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по ницшеанскому правилу, «подтолкнуть». Для того, чтобы их подтолкнуть, нужно поддерживать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального, национального движения, т.-е. все те разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь того железного государственного обруча, того государства, которое представляет из себя наиболее могущественную и рациональную организацию буржуазии. Отсюда, из этой практической постановки вопроса, вытекали как своеобразные теоретические задания, так и практические лозунги (право на отделение и т. д.). Сюда относится тот прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу угнетенных наций против великодержавия и проч. Все эти прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада капиталистических отношений, — все они, само собой разумеется, предполагают сложную теоретическую работу мысли, проделанную Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороной дела полемическую статью Владимира Ильича против Розы Люксембург, написанную во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидело позже, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому, что он был ловким тактиком и стратегом? Откуда это? Потому, что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений *во всей их сложности и конкретности*. Точно так же для другого периода развития, когда рабочий класс уже имеет в своих руках власть, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех явлений, которые выражают собой продукт распада старых великодержавных империалистических отношений, историческую силу их инерции, явлений, которые должны быть теоретически учитываемыми, для того, чтобы быть уничтоженными практически. Все это суть вопросы, которые были совершенно неразработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять его идеи и делать из этих идей таран против буржуазно-капиталистического общества, — с одной стороны; а с другой стороны, строить, пользуясь рычагом пролетарской власти, на других принципах, новые политические образования, из

которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так и продуктом нового строительства, с другой стороны. И все это подытожено и увязано в одну теоретическую систему. Это — вещь абсолютно не маленькая; она послужит нам в дальнейшем, в течение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы только вспомним, какую роль в общем процессе распада теперешних капиталистических отношений будут играть и колониальные восстания и национальные войны; если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие дает теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе, какую огромную силу, какие великолепные методы мобилизации масс представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичем в области национального и колониального вопросов.

6. Государство. Пролетарская диктатура. Советская власть

Я думаю, что следующим теоретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно *государства в период социалистической революции*. Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции, — я имею в виду теорию разрушения государственной власти и объективной исторической необходимости распада государственных связей, — а с другой стороны, дал конкретизацию вопроса, или, можно сказать, арифметическую расшифровку вопроса о пролетарской диктатуре, то-есть *учение о советской власти, как о форме рабочей диктатуры*. Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими собственными руками, государство построили на новой классовой основе и по другим принципам строительства; но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в общем историческом контексте, в действительном историческом развитии. Если мы возьмем старую «марксистскую» литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспроектное искажение марксова учения. Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции, здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то-есть дать конкретную оболочку учению о рабочей дикта-

туре, это была *узловая* задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас *центральный вопрос, является вопросом всех вопросов*. Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к его совокупной силе, есть в первую очередь и в первую голову отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на иных, новых, началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подсобного характера, и теоретических и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке В. И.: «Государство и Революция». Но это развитие Вл. Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть *синтез старой марксовой, ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс*, когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современности, и не дооценивать этой теоретической работы В. И. ни в коем случае нельзя. Одновременно с этим был поставлен и решен вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму, совершенно оторван от своей исторической базы, и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным, практически-политическим выводам. Советская власть сейчас есть уже «явление», которое признается *de jure* нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о советской власти, поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то-есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наибольшее количество народа, рабочего класса, является *лозунг советской власти*. Вы вспомните то время, когда В. И. впервые приехал к нам в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным апрельским тезисам В. И., когда часть нашей собственной партии, и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии! Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, для нас теперь вполне очевидно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения о диктатуре пролетариата. Жизнь убедительно доказала, что советская власть есть наиболее устойчивая форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громадных практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первона-

чально формулировке В. И. даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо вспомнить, что было до сегодняшнего дня, как была встречена эта теоретическая концепция и как были встречены ее практические выводы, которые из нее происходили. Повторяю, они не только не были встречены признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные нападки. *Теперь* они пользуются всеобщим признанием, и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти, и с точки зрения практической, здесь, действительно, было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас, в конце концов, является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический и практический; вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса; только для рабочего класса во много и много раз больший интерес и большие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда еще не имел. Буржуазные государства сложились давным-давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов — опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию, когда устанавливались формы государственного режима, приобретался громаднейший опыт и т. д. Рабочему же классу приходится строить наново, без предварительной проверки. Он не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь проделывать принципиально новую работу. То обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась великолепной по своей устойчивости и обнаружила способность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам, все это говорит за громадность той теоретической и практической заслуги, которую мы должны вменить Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства, его активным практическим строителем, его руководителем и его неустанным апостолом в среде международного пролетариата.

7. Рабочий класс и крестьянство

Наконец, дальше стоит вопрос о *рабочем классе и крестьянстве*. Этот вопрос в нашей практической политике играет роль, о которой не нужно распространяться. Но чем быстрее мы идем вперед в развитии революции в других странах, тем больше мы видим, что этот вопрос имеет не только русское значение, что этот вопрос имеет громаднейшее значение для целого ряда других стран; можно сказать, что страны, в которых этот вопрос

не имеет большого значения, составляют исключения, можно по пальцам пересчитать те страны, где бы крестьянский вопрос, в его сочетании с вопросом о революции, не играл самой выдающейся роли. Конечно, основы для решения этого вопроса были заложены в обще-марксистской теории. Само собой разумеется, что методология для решения этого вопроса имеется в обще-марксистских построениях. Мы знаем формулу Маркса по отношению к Германии, где он говорит о желательном счастливом сочетании сил с точки зрения победоносной рабочей революции, когда пролетарская революция совпала бы с крестьянской войной. Маркс предвидел события, наиболее благоприятные с точки зрения развития победоносной рабочей революции. Но *специальная разработка этой проблемы*, которая с точки зрения стратегии и тактики классовой борьбы является первостепенной проблемой, — эта разработка принадлежит Владимиру Ильичу. Конечно, многое здесь объясняется тем, что В. И. родился, рос и действовал в первую очередь, в такой стране, где, уже в силу социально-экономического строения, крестьянский вопрос не мог не обратить на себя громаднейшего внимания. Но имейте в виду, что здесь речь шла не о поверхностном признании его важности, а о действительной, чрезвычайно глубокой разработке этого вопроса, начиная от самых основных глубинных теоретических вопросов, кончая практически-политическими выводами. Владимир Ильич был, мне кажется, самым выдающимся *аграрным теоретиком*, который есть в среде марксистов. Аграрный вопрос в сочинениях В. И. представляет из себя вопрос, которому были посвящены лучшие страницы в писаниях и работах В. И. С самого начала своей сознательной деятельности, как экономист и статистик, В. И. стал заниматься аграрным вопросом, и здесь ряд проблем самого абстрактного порядка, как вопрос об «убывающем плодородии почвы», об абсолютной ренте и т. д. и т. п. и вопросов практического характера, которые идут все по линии соотношения между рабочим классом и крестьянством, — ряд этих вопросов был самым детальнейшим образом проработан и разработан В. И. Мне кажется, никем не было сделано так много и так существенно много важного, как В. И., в этой области, в области аграрного вопроса. Опять-таки, если бы перед нами была другая эпоха и если бы перед нами речь шла только о самой высокой ступени абстракции, то можно было бы ограничиться и анализом абстрактного капиталистического общества, где какой-нибудь остаток феодальных отношений, как крестьянство, не играет существенной роли и может быть выброшен из анализа. Но как только речь идет о том, чтобы начать расшифровывать алгебраические формулы и превращать их в формулы арифметические или в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить, как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и арифметикой, — то сейчас же вы упретесь в этот вопрос: осознание того, что рабочий класс должен в период социалистической революции иметь на своей стороне какого-нибудь союзника, который представляет из себя большую народную массу — осознание этой проблемы привело к анализу аграрного вопроса. И ученье Владимира Ильича о союзе рабочего класса и крестьянства, о соотношении между этими классами — это есть один из краеугольных камней того специфического, что внес Влади-

мир Ильич в обще-марксистское учение. Притом здесь очень интересно отметить тот факт, что это учение выработалось в борьбе на двух фронтах: с одной стороны, в бешеной борьбе против народничества, с другой стороны, в такой же бешеной борьбе против специфически либерального, если так можно выразиться, «марксизма». На двух фронтах боролся и теоретически и практически Владимир Ильич, и эта борьба на двух фронтах с политической точки зрения, с точки зрения революционной практики, находит себе совершенно достаточное и понятное объяснение, потому что здесь решался вопрос о союзнике рабочего класса; для рабочего класса, в целях победоносного развития социалистической революции, этот вопрос был связан с другим коренным вопросом, с другой коренной проблемой, которая должна быть и теоретически и практически осознана, — с вопросом о *гегемонии пролетариата*. Нужно было прощупать теоретически такое положение, которое дало бы возможность высвободить крестьянство из-под влияния либералов и всяческой иной буржуазии и соединить его с рабочим классом; крупнейшим практическим вопросом, который разделял нас с меньшевиками и эс-эрами, был следующий вопрос: рабочий класс с либеральной буржуазией, или рабочий класс с крестьянством, или крестьянство, как величина, стоящая *над* всеми. Народническая радикальная группа ставила в первый ряд крестьянство. Либеральное народничество стояло за смычку с либеральной буржуазией, которая должна была быть гегемоном над крестьянством. Меньшевистская формулировка стояла за поддержку рабочим классом либеральной буржуазии.

Из всех этих комбинаций единственно правильной была комбинация из рабочего класса и крестьянства, но такая, где *рабочий класс ведет за собой крестьянство*. Это был практический фон для целого ряда теоретических проблем. Под этим углом зрения В. И. рассматривал и ставил все проблемы, которые объединялись под общим названием «аграрный вопрос» в его целокупности, в его большом историческом масштабе, во всех своих деталях и производных, вытекающих отсюда, вопросах. В этом отношении мы тоже должны сказать, что этому вопросу предстоит еще играть колоссальную роль в будущем, потому что если он с одного бока связан с вопросом о гегемонии пролетариата, то с другого бока он связан с национальными и колониальными вопросами. Если мы приподнимемся над теперешней нашей планетой и посмотрим на всю расстановку сил в международном масштабе, на всю Европу в целом, на промышленные части Америки, если сравним всю Западную Европу в целом со всеми колониями, с Китаем, Индией, с остальной колониальной периферией, то станет понятным, что национально-революционное движение и колониальное движение, сочетание этих движений, есть другая формулировка вопроса о соотношении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства с другой. Ибо если Западная Европа в общих рамках мирового хозяйства представляет из себя великий город, собирательный город, то колониальная периферия капиталистических стран представляет из себя великую деревню. И поскольку на историческую арену выступает индустриальный пролетариат промышленных стран, поскольку он объединяет свои силы для нападения на капиталистический режим, постольку он

вводит в бой миллионы крестьян и будет вводить еще резервы из сотен миллионов колониальных рабов, поскольку эти миллионы колониальных рабов есть не что иное, как великий крестьянский арьергард нашей международной революции. Поэтому проблема об отношении рабочего класса к крестьянству подводится здесь к другой проблеме, о которой я уже упомянул, к вопросу о нациях, о национальных войнах и колониальных восстаниях.

Таким образом, товарищи, этому вопросу предстоит сыграть еще колоссальнейшую роль. Первые основные слова здесь были сказаны тоже Ленинской школой. Основы вопроса, краеугольные камни теоретической концепции и практической линии, которые здесь намечаются, несомненно, даны В. И. О гегемонии пролетариата и о руководящей роли рабочего класса, я полагаю, говорить здесь излишне, потому что это есть теоретический пункт, который всем нам известен и который не нуждается ни в каких комментариях.

Таковы, в общем и целом, теоретические вопросы с их практическими выводами, которые были поставлены и разработаны В. И. и из которых были сделаны общие тактические выводы. Общее здание уже построено, нам нужно его доделать, нам нужно его детально разработать, учитывая конечно, те новые факты, то оригинальное, что принесет нам развитие последующих лет.

8. Стоящие перед нами теоретические проблемы

Ставя вопрос очень общо, мы найдем, примерно, около пяти основных теоретических проблем, которые наметил В. И. и которые нам необходимо разработать. Это, во-первых, учение, или намечающееся учение, о *врастании в социализм после победоносной рабочей революции*. Вообще говоря, этот термин, «врастание в социализм», является для нас термином, в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен, потому что это был термин, обозначающий учение ревизионистов, эпигонов марксизма, или, если хотите, изменников марксизма, которые создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из объективного хода исторического развития; и что рабочему классу можно прекрасно обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу внутренне присущих самому капиталистическому развитию условий капитализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим; пролетариат постепенно развивает свои щупальцы в разных направлениях, и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и, таким образом, в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате, и в области экономического аппарата, без революции, без диктатуры пролетариата.

Это учение всем вам хорошо известно, оно обозначалось ярлычком: «врастание в социализм». Но, товарищи, *после* диктатуры пролетариата, ведь, *начинается* органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то совершенно ясно, что меняется вся постановка вопроса, радикально меняется, как меняется постановка мно-

гих других вопросов. И вот, когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе идти. Т.-е., другими словами: *после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное вращение в социализм*. В. И. этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из сочинений В. И. для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно, в своих последних статьях, например, в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа. Этой формулировкой он говорит то же самое, что я сейчас только что сказал; само собой разумеется, однако, что это положение нужно разработать по ряду направлений, ибо здесь вопросов бесконечное количество. Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определенном процессе сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей, опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И обратно — всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры объективно есть не что иное, как контр-революция. Именно потому, что рабочее государство есть государство совершенно особого типа, точно так же, как и наша армия, которая в самой себе таит зародыш своего собственного эволюционного уничтожения, — именно поэтому весь порядок развития выстраивается в оригинальный эволюционный ряд. И действительно, после завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это вращение в социализм только и начинается. Само собой понятно, что здесь должна быть *особая закономерность*, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода. И это по очень простой причине. Потому что, если капиталистическое развитие есть не что иное, как расширенное воспроизводство капиталистических противоречий, которые исчезают в один период для того, чтобы появиться в другой, и каждый следующий этап, каждый следующий цикл, сопровождается обострением всех противоречий, которые упираются в крах системы, — в то время в новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии), мы имеем перед собой натуральный ряд, где развитие противоречий с *известного времени* начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма. Весь характер развития принимает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме. Можно указать несколько

мест из сочинений Владимира Ильича, которые подтверждают эту мысль. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития. Этому теоретически новому соответствуют свои практически-политические выводы.

Если брать совершенно конкретные вопросы о напе в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеем нап не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень маленький примерчик, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов совершенно нового порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект — другой, сумма практических и теоретических вопросов — другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своей конкретности не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, который должен быть поставлен и разработан с теоретической точки зрения, а именно вопрос о *культурной проблеме* в переходный период. Я думаю, что это проблема, замечания о которой рассеяны у Владимира Ильича в целом ряде работ: сюда нужно привлечь и речь его на съезде молодежи, и работы по вопросу, относительно роли специалистов и использования их, и речь Владимира Ильича относительно коммунистического просвещения, и его высказывания по поводу соотношения между пролетарской культурой и старой культурой, и его суждения об определенной преимственности в этом отношении. Вся сумма этих вопросов тоже подлечит теоретической разработке, это есть точно также одна из крупнейших проблем современности, и я полагаю, что можно уже теперь сказать, что и здесь некоторые основы теоретической концепцией Владимира Ильича уже заложены. Нам нужно продолжать это дело. Вопрос этот опять-таки совершенно новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития. И у самих революционных марксистов, и у самого Маркса этого не было. Эта задача — новая задача нашего грядущего.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом о *различных типах социализма*. У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайней мере, приблизился к нам и стал задачей практической политики. Как мы ставили вопрос о социализме раньше? как он ставился у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образом: «Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития». Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмем последнюю статью Вла-

димира Ильича относительно кооперации и разберем выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, В. И. говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась: если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было бы осуществлением социализма. Но эта формула не будет годиться в такой степени для советской Англии. И Владимир Ильич неоднократно подчеркивал — и в частных разговорах, и в речах, статьях, другого рода работах, что нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть большое своеобразие в типе строящегося, оригинальность, которая вытекает из того, что социализм строится *на том материале, который дан*. Яснее ясного, что капиталистический режим, находящийся на пороге своей гибели, имеет общие законы капиталистического развития; но несомненно также, что, при общих чертах, в капитализме разных стран, капитализм в одной стране имеет специфическую организацию, в другой — другую. Если капитализм даже в период своего упадка, когда он в результате своего развития, продолжавшегося несколько сот лет, под страшной силой действующих нивелирующих тенденций, сохранил существенные оригинальные черты в разных странах, — то, само собою разумеется, эти оригинальные особенности будут и при строительстве социализма, потому что отправная точка этого нового развития есть не что иное, как капитализм.

И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь свои оригинальные черты. Если у нас роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя будет сказать относительно Англии, потому что у нас был другой капитализм, другая была социально-экономическая структура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик. Поэтому совершенно естественно, что, так как отправные пункты развития социализма различны, то и те промежуточные формы, через которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, будут тоже чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, из которого нужно и необходимо сделать практически-политические выводы. Когда В. И. руководил Коммунистическим Интернационалом, то одним из его предостережений нам, которые работали там, между прочим, было: ни в коем случае не упускать оригинальности развития, не шаблонизировать, уметь выделять, уметь видеть самое общее и в то же самое время и частности, которые иногда играют решающую роль в деле дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Вот, это есть третий ряд тех вопросов, которые намечены В. И., в основе решены, которые нам нужно разработать и систематизировать.

В связи с вопросом о крестьянстве и рабочем классе выступает также весьма оригинальная проблема, которая подлежит теоретическому анализу. В одном из семинариев, где я занимался, эту проблему выдвинул один из товарищей, тов. Розит. Мне кажется, что его постановка вопроса заслуживает теоретического внимания, и для нее В. И. точно так же сделал очень много. Это есть вопрос о *теоретическом анализе двухклассово-*

го общества при рабочей диктатуре. Два класса, это — рабочие и крестьяне. Если при капитализме мы занимались, главным образом, вопросом об анализе трехклассового общества, (буржуазия, землевладельцы, рабочий класс), если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут, по мере приближения к конкретному пути, будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно видоизменить картину, и теоретически и практически. Этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его, как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство это есть носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы *хотим* ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством, это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался В. И., которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры, *противоречиях и вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам*. Из того, что после рабочей диктатуры будет идти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого отнюдь не следует, что мы не будем иметь, особенно в *первую* фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже *нарастать*. Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма, то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь *в общем*. Но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий. Так вот, в связи с этим стоит вопрос о так называемой возможности *перерождения* для рабочего класса. Это вопрос, политически чрезвычайно важный для нас всех. В. И. его ставил на съезде металлистов, В. И. его ставил неоднократно на целом ряде других собраний. Он первый говорил о возможности для некультурного пролетариата быть сведенным со стороны более культурной буржуазии, которая победит нас «мирно» силами своего культурного тренажа.

Он прямо говорил об этой опасности, которая, действительно, имеет для нас громаднейшее значение. Эта опасность заложена в противоречивых тенденциях нашего развития и противоречивом положении самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит внизу социальной пирамиды, а с другой стороны стоит наверху социальной пирамиды. Это противоречивое положение рабочего класса, в свою очередь, вызывает целый ряд других противоречий, которые могут быть разрешены и изжиты в течение очень многих лет, целых исторических полос. Эти вопросы поставил В. И., эти вопросы в основе своей решены В. И., эти вопросы нам нужно продолжать решать, делая соответствующие практические выводы. Вопрос о том, что всякой рабочей революции, в силу того, что рабочий класс был культурно угнетенным рабочим классом, очень опасно внутреннее перерождение, которое должно быть и будет преодолено в силу противоборствующих тенденций: анализ всех этих тенденций, вредных и полезных, в их взаимной борьбе и механике их сцеплений, — этот вопрос не мог быть поставлен в конкретной форме в середине прошлого столетия, он не мог быть поставлен в начале этого столетия. Но он мог и должен был быть поставлен тогда, когда получился известный, накопленный материал, чтобы судить о конкретных формах этих опасностей и тех тенденций, которые мы должны поддерживать, усилить чтобы эти опасности преодолеть.

Я не могу останавливаться на ряде второстепенных вопросов и точно так же сейчас не могу останавливаться на вопросе относительно общих формулировок рабочей тактики и стратегии. Скажу лишь, что в этой прикладной области есть свои обобщения, обобщения прикладного марксизма; то-есть в области прикладной теории точно так же есть свои закономерности, как, например, в прикладной механике. Владимир Ильич в этом отношении сделал колоссально много, но нет ни одной книги, где бы все это было написано, разбито по §§ и преподнесено вам. Попыткой наброска этого общего учения стратегии и тактики является его книжка относительно «Детской болезни левизны», которая сейчас читается нами совершенно другими глазами, чем раньше. Потому что, нужно сказать, мы здесь имеем зародыш или, вернее сказать, краткий набросок общей теории прикладного марксизма в революционную эпоху. В этой замечательнейшей работе даны все вехи для того, чтобы составить стратегию и тактику борьбы рабочего класса, вехи, по которым можно, как по конспекту, идти при изучении стратегии и тактики рабочего класса. И в этой области Владимиру Ильичу принадлежит пальма первенства, потому что такого колоссального опыта, в различных ситуациях, когда наша партия была и маленькой группкой из нескольких человек, когда она выступила в 1905 году на политическую арену, как полулегальная партия, когда она выступала в качестве загнанной в подполье партии, когда она и наступала и отступала и т. д. и т. д. и стала, наконец, господствующей партией, — такого опыта, такой пестрой игры различных сил, положений и ситуаций и вытекающих из них совершенно различных норм поведения нигде не было. И такого понимания оригинальности различных положений, такого выискивания разнородных путей, — вы ни у одного деятеля не встретите, ни в буржуазном лагере, ни у самого Маркса. По этому поводу не может быть никакого спора. Одна из составных частей этой общей

суммы вопросов прикладного марксизма, которые можно объединить, — это *организационные или внутрипартийные вопросы*. В этом отношении точно так же мы в учении у Ленина — об организационном вопросе, о строительстве партии, о соотношении между партией, классом, массой и вождями и проч. — имеем совершенно несравненные образцы, которые теперь проверены опытом нескольких революций и которые теперь вошли в значительной мере в сознание очень широких масс. Ленинизм является здесь прочным приобретением на время нашей классовой борьбы; эти положения станут ненужными только тогда, когда классовая борьба прекратится. В этом отношении и в этой области, в области прикладного марксизма, в области строительства партийной организации, соотношения партийных организаций со всеми другими организациями, с беспартийными массами, с другими классами, — в этом отношении, конечно, ничего лучшего у нас нет и не будет, потому что здесь захвачена новая эпоха с ее основными особенностями и сложным механизмом движения победоносной рабочей революции. Мы сказали, что лучше ленинского учения в этом отношении мы ничего не придумаем, но, конечно, здесь ленинская традиция продолжает применяться к *конкретным* обстоятельствам.

Ленину ничего не могло быть более противным, чем превращение ленинизма в догму. Он очень нехорошо отзывался о «старых» большевиках в дурном смысле слова, которые умеют по-попугайски повторять то, что было написано несколько лет тому назад. В частных разговорах он их называл — старыми дураками. Он печатно порывался прибегнуть к такой не совсем академической формулировке, и решительно во всех своих построениях он требовал и от самого себя и от других, чтобы наряду с определенной методологией, определенным методологическим содержанием все время учитывалась оригинальная конъюнктура. Тот, кто не учитывает движения событий, не учитывает оригинальной конъюнктуры, тот не создает ничего, ни теоретически, ни практически правильного. Нельзя ориентироваться в новых событиях без того, чтобы не видеть нарастания этого нового, потому что жизнь, есть вечное движение, и она постоянно производит новые формы, создает новые ситуации и отношения. Чувать это новое, есть непрременная обязанность и теоретика и практика, есть обязанность всякого марксиста. И Владимир Ильич это новое чуял больше, чем кто бы то ни было. Если мы посмотрим на его деятельность, и на теоретические формулировки и на практические лозунги, которые он давал, — мы видим то самое бесстрашие, смелость, чуткость к этому новому, которая была поистине несравненна. Огромные повороты руля нашей партийной политики и соответствующие критические формулировки, которые или предшествовали, или сливались с этими поворотами руля, — они представляли собой великолепнейший образчик *марксистской революционной диалектики*, которая не боится никаких изменений и на всякое изменение в сфере объективного отвечает соответствующим изменением, приспособлением к этому новому в тактике и стратегии пролетарской партии.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос — кто больше: Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли

бы взвесить такие крупные фигуры, по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, выросших в разных условиях, игравших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне ошибочна. Но одно мы можем сказать совершенно безошибочно: эти два имени будут определять пути рабочего класса до тех пор, пока рабочий класс будет существовать как таковой. Вот это — вполне бесспорно, и мы можем утешать себя мыслью после смерти Владимира Ильича, что мы жили, боролись, сражались и победили под постоянным руководством нашего великого учителя.

¹ Настоящая статья представляет собой доклад автора на торжественном заседании Коммунистической Академии от 17 февр. 1924 г.

² Парижская Коммуна была лишь намеком, послужившим для Маркса основой для ряда гениальных предвидений. Но *разработать* вопроса Маркс, конечно, не мог.

VI

Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз 1925

Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б) 1926

Если в 1924 году главной задачей Бухарина было поражение взглядов Троцкого и Преображенского, в 1925 и 1926 годах он от критики перешел к положительным альтернативам и стал творцом всеобъемлющей новой теории о социалистическом строительстве в России путем НЭП'а. Никким образом не имея ввиду ослабления над жизнью страны партийного контроля, он в ряде статей и выступлений предлагал, чтобы рабоче-крестьянский блок, смешанная экономика и мирное соревнование между социализированным и частным предпринимательством, ранее рассматривавшиеся как временные мероприятия, были продолжены на неопределенный срок, будучи в специфических условиях дня прямым путем к социализму. На тот факт, что эта политическая линия отражала также и взгляды Ленина, было уже указано. Но в то время как Ленин не выработал связанной и последовательной теории о переходе к коммунизму в наполовинуразвитых странах, каковой являлась Россия, Бухарин не только выразил идеи Ленина, но и, приняв их, как свои собственные, теоретически их обосновал и примирил выдвинутую им политическую линию с марксизмом и с опытом партии. Наиболее значительным его исследованием в 1925 году была его книга «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», которая, как указывалось во вступлении, была результатом его бесед с Лениным в конце 1922 года. Текст перепечатывающегося здесь исследования взят из издания 1927 года. Дальнейшей разработкой новой установки Бухарина по вопросу строительства социализма был его «Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б)», опубликованный в 1926 году Государственным Издательством, из которого и взят нижеследующий текст.

VI

The Road to Socialism and the Worker-Peasant Alliance 1925

Report to the Extraordinary XXIII Conference of the Leningrad District RCP(b) 1926

If Bukharin's main concern in 1924 was to defeat the views of Trotsky and Preobrazhensky, during 1925 and 1926 he moved from criticism to positive alternatives and emerged as the author of a comprehensive new theory of socialist construction in Russia by way of NEP. While in no way implying a lessening of Party control over the life of the country, he proposed in a series of writings and statements that the worker-peasant bloc, the mixed economy, and the peaceful competition between socialized and private enterprise, earlier viewed as temporary expedients, be indefinitely extended as a direct course toward socialism under the distinctive conditions of the day. That these policies also reflected Lenin's views has already been noted. But whereas Lenin had not, before his death, elaborated a coherent or consistent theory of the transition to communism in semi-developed countries such as Russia, Bukharin not only expressed Lenin's ideas, but in adopting them as his own, also provided the theoretical basis for them and reconciled the new policies he advanced with Marxism and with the Party's experience until that time. The most significant work he produced in 1925 was his book, *Put' k sotsializmu i raboche-krest'ianskii soiuz*, which, as seen in the introduction, was based on his discussions with Lenin in late 1922. The text of this work reprinted here is taken from the 1927 edition. A further elaboration of his new stand on the issue of building socialism was his *Doklad na XXIII chrezvychainoi leningradskoi gubernskoi konferentsii VKP(b)*, published in 1926 by the State Publishing House, from which edition the text below is taken.

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ

I. Мы выходим из нищеты. Мы строим свое хозяйство без помещиков и крупных капиталистов

Начиная с 1924 года, мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы. Всякому — другу и недругу — теперь уже делается ясным, что хозяйство огромной страны начинает становиться на ноги. Какую отрасль производства мы ни возьмем, всюду мы замечаем оживление, подъем, продвижение вперед.

В нашей стране основой всего хозяйства является *сельское хозяйство*. *Промышленность* у нас развита сравнительно слабо, и она в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства. Сельское же хозяйство в наших условиях — это есть хозяйство *крестьянское*, больше 20 миллионов крестьянских дворов.

За годы империалистической войны, за годы войны гражданской, за годы великой разрухи это крестьянское хозяйство было подорвано, разорено, обнищало. Но теперь всякий видит, что мало-по-малу деревня наша начинает накапливать силы: увеличивается запашка, растет производство, поднимаются новые культуры, крестьяне переходят от трехполья к многополью, кое-где появляются новые машины и тракторы; словом, помаленечку начинается и здесь движение вперед. Правда, царит еще море нищеты и море темноты. Но, если сравнить теперешнее положение с годами гражданской войны, нет сомнения в том, что *мы вылезаем из нищеты*.

Вспомним прошедшие годы. В *городах* большинство фабрик и заводов стояло, лучшие рабочие дрались на фронтах, не было в городах топлива, не было сырья, не было хлеба. Огромные фабрики и заводы не работали, магазины стояли пустыми, города быстро таяли, и народ из них бежал в поисках за куском хлеба в далекие деревушки, чтобы поближе быть к земле, чтобы как-нибудь отсидеться, чтобы хоть где-нибудь раздобыть кусок хлеба или мешок картофеля. Можно сказать, что все города ходили тогда «в куски», ходили побираться, растекались и расплескивались по всей стране.

А теперь мы видим, как снова быстро начинает расти город, как оживают фабрики и заводы, как начинают строиться новые дома, как кипит городская жизнь. Рабочий класс, истощенный голодухой, начинает оправляться от ужасных годов разрухи. Поднимая производительность труда, он (рабочий класс) обеспечивает себе все больше и больше лучшую жизнь. Понемногу начинаем мы строить и *новые* заводы. Понемногу идет

вперед постройка электростанций, и электролампочка становится уже не такой редкой гостьей и под соломенной деревенской крышей.

Быстро подвигается вперед и развитие нашего *транспорта*. Стоит только сравнить и здесь прошлые годы с тем, что есть сейчас. Все мы помним, как ползли редкие поезда с выбитыми стеклами вагонов, все облепленные, точно муравьями, бесконечным количеством людей с мешками за спиной. Вся страна точно разбилась тогда на ряд осколков, и часто было почти невозможно в течение долгого и долгого времени перебраться с одного места на другое. А так-называемые «паровозные кладбища» (груды старых, испорченных, поломанных, заржавевших покойников-паровозов, разбитых, разломанных, изуродованных вагонов) были свидетелями того хаоса, той великой неурядицы, которые царили тогда в нашем транспорте.

Теперь мы упорядочили наше хозяйство и здесь. И железнодорожный, и водный транспорт делают все большие и большие успехи, начинают приносить государству прямую прибыль. Канули в вечность годы разрухи, исчезли навсегда старые неурядицы.

Вспомним также судьбу наших советских денег. Помним мы, как все падала и падала ценность наших советских знаков, которые брались уже на фунты, точно простые лоскутья негодной бумаги. На волоске этих несчастных советских знаков держалась государственная казна. Это было время, когда хозяйство и государственная казна были совсем близки к своему полному краху.

А теперь мы имеем *твердые деньги*, по городам и селам гуляет уже давно серебряная и медная монета, прочно стоит наш червонец. И крестьянин, и рабочий, и крестьянский двор, и завод, и фабрика, и рудник могут теперь считать, строить план своего хозяйства, знать наперед, что им нужно и можно расходовать, что им придется платить. Государственная казна может правильно считать свои доходы и расходы, составлять правильный план в своем собственном огромном хозяйстве.

Таким образом, по всем направлениям мы продвигаемся к лучшему будущему. Страна наша становится богаче, мы начинаем наносить удары бедности и нищете.

Подавляющее большинство всего того, что есть в нашей стране, *принадлежит рабочему классу и крестьянству*. Правда, мы допустили частного торговца, купца, посредника: мы разрешили кое-где, — где сами не могли справиться, — вести свое дело частным капиталистам. Местами мы сдали в концессию (в аренду) крупным иностранным капиталистам кое-какие предприятия, поднять которые нам самим еще не под силу и за аренду которых иностранный капитал платит нашему государству. Но если мы будем рассматривать наше хозяйство в целом, то на долю частных, арендованных и концессионных предприятий, промышленных и торговых придется не так уже много. Подавляющее большинство хозяйств — это хозяйство рабочего государства или хозяйства крестьян, или мелкие хозяйства кустарей и ремесленников.

О чем, прежде всего, говорят эти факты?

Эти факты, прежде всего, говорят о том, что рабочие и крестьяне одни, без помощи капиталистов и помещиков, без прежних хозяев и

управителей, без тех, кто командовал в течение десятков и сотен лет, простой народ, могут строить свое хозяйство.

Это обстоятельство имеет поистине огромное значение. Никогда еще в мире не было такого великого переворота, какой произошел у нас в октябре 1917 года. Ни разу и нигде, ни в одной стране, не удавалось еще трудовым народным массам согнать с теплых местечек командиров буржуазного строя. Нигде еще рабочие и крестьяне не были в состоянии сами приняться за дело устройства своей собственной судьбы. И защитники буржуазного строя, защитники помещиков и капиталистов, постоянно жужжали во все уши, что трудовые массы — рабочие и крестьяне — не в состоянии будут, даже если бы захотели, вести хозяйство, управлять страной. Говорилось и писалось, что «простой», «неученый» народ никогда не сможет вести такого сложного дела. И после октябрьского переворота почти каждый день и каждый час предсказывалась наша неизбежная гибель. Всего за несколько дней до октябрьского переворота самый умный представитель русской буржуазии, кадет Милюков, писал, что большевики никогда не посмеют взять в свои руки власть. А когда большевики, т.-е. партия рабочего класса, опирающегося на крестьянство, эту власть «взяли», то все враги трудящихся со злорадством ожидали ее падения. И тем не менее, рабочий класс и крестьянство оказались в состоянии обойтись и без помещиков, которые навсегда сметены и выкорчеваны с лица нашей земли, и без крупных воротил капитала, которые доживают свои дни по заграничным столицам.

То обстоятельство, что трудовые массы *управляются сами*, имеет громаднейшее значение не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Этот неслыханный и невиданный пример постоянно будет звать трудящихся других стран к великой переделке мира, к великой его перестройке. Этот пример на опыте, делом, опровергает рассказы и басни защитников буржуазного порядка, что нельзя обойтись без капиталистов и помещиков. Этот пример вселяет бодрость и уверенность в души всех революционных борцов, в души строителей нового общества.

II. Почему мы до сих пор побеждали? (Союз рабочих и крестьян)

Если до сих пор мы оказались в состоянии выйти из всех трудностей, вывернуться из самых тяжелых положений, то это, главным образом, могло случиться потому, что в нашей стране создался против *союза помещиков и капиталистов* другой союз, *союз рабочих и крестьян*.

Во всех странах богатые (банкиры, заводчики, фабриканты, крупные помещики, владельцы железных дорог, рудников и т. д.) держатся тем, что поработают волю значительной части трудовых масс. И только тогда приходит смертный час государству капитала и государству помещиков, когда *рабочий класс* целиком уходит из-под влияния буржуазии, и когда он, этот рабочий класс, *вырывает* широкие слои *крестьянства* из-под этого влияния буржуазии, помогает крестьянству освободиться от него, помогает стать ему на новые рельсы, на новые самостоятельные пути. И только когда против капиталистов и помещиков, против этого союза бога-

тых классов, классов нетрудящихся, вырастает союз классов трудящихся, союз рабочих и крестьян, — только тогда оказывается возможной победа над старым строем и укрепление строя нового. Эту истину нужно помнить всегда, о ней нельзя позабывать ни на одну минуту. И всякий сознательный рабочий и крестьянин должен ее прочно усвоить, ибо только при таком условии можем мы надеяться на свои дальнейшие успехи.

Эта истина подтверждается, прежде всего, на ходе самой революции у нас. Возьмем нашу октябрьскую победу и посмотрим, благодаря чему мы оказались в состоянии победить. Не трудно будет убедиться, что октябрьская победа оказалась возможной именно благодаря тому, что в ходе борьбы рабочий подал руку крестьянину, а крестьянин протянул свою руку рабочему. Что было главным требованием крестьянства? Главным требованием крестьянства было требование земли и мира. Что было главным требованием рабочего класса? Главным требованием рабочего класса было требование перехода фабрик и заводов от капиталистов в народную собственность, было требование мира, было требование Советской власти. Крестьяне никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали рабочих, и рабочие, со своей стороны, никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали всей своей силой требований крестьян. Таким образом создался и выковался тот союз, тот «блок», между рабочим классом и крестьянством, который сделал сравнительно легкой победу в великие октябрьские дни. Дело было решено совместными и необычайно дружными действиями рабочих и солдат, солдат, которые были плотью от плоти и костью от кости нашего крестьянства. Солдаты хотели мира, — и крестьяне хотели мира; крестьяне хотели земли, — и солдаты хотели земли; крестьяне хотели расправы с помещиками, — и солдаты хотели расправы с помещиками. Все эти требования поддерживались, распространялись, становились боевыми лозунгами в руках рабочего класса и его партии. Требования крестьян сплелись с требованиями рабочих. Требования рабочих сплелись с требованиями крестьян. И против этого соединенного напора огромнейшего, подавляющего большинства населения нашей страны не могли устоять никакие силы. *В этом лежит корень октябрьской победы.*

Почему победили мы, далее, *в гражданской войне*, тянувшейся целый ряд лет? Ведь, после нашей октябрьской победы против нас ополчились и иностранные капиталисты, которые поспешили на помощь российской буржуазии. Ведь, наша буржуазия и ее вооруженные силы были поддержаны всеми средствами — и военно-политическими, и финансовыми — со стороны целого ряда буржуазий могущественных государств. Неоднократно наша советская страна была в огненном кольце, была окружена со всех четырех сторон войсками неприятеля. Ведь, бывали минуты, когда Советская республика сводилась всего к нескольким губерниям, плотно сжатым наступающими отрядами врагов. Ведь, бывали минуты, когда под непосредственной угрозой находился Петроград — передовой город пролетарской революции. Ведь, было время, когда Деникин подходил к Орлу, а в Москве белые заговорщики уже формировали свои штабы и свои офицерские кадры для грядущей расправы с «коммунистическими собаками». Ведь, мы переживали неоднократно целые месяцы, будучи отрече-

занными и от нефти, и от угля, и от хлеба. Ведь, целые годы мы жили на положении со всех сторон осажденной крепости, в которой уже начался голод и мор. И *тем не менее*, мы все же победили в этой исключительной по своей жестокости и по своему напряжению гражданской войне между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами — с другой. Где же корни *этой* победы?

Эти корни лежат, *во-первых*, в том обстоятельстве, что *трудящиеся массы Запада*, иногда сознательно, а иногда повинувшись лишь голосу своего классового инстинкта, становились на нашу сторону, оказывали сопротивление своему начальству, своим правительствам, своим командирам и в разных формах, по-разному, мешали этим правительствам выполнять палаческое дело удушения победоносной революции в России. Не раз случалось, что отряды иностранных войск поднимали красные флаги и уходили с наших фронтов.

Второй, внутренней, причиной нашей победы был опять-таки крепкий *военный союз между рабочими и крестьянами нашей страны*. Крестьяне поддерживали рабочих в их борьбе против наседавших со всех сторон врагов. Этот военный союз между рабочим классом и крестьянством был продолжением и развитием боевого союза этих классов во время Октябрьской революции.

Этот военный союз, само собой разумеется, не висел в воздухе: он опирался на связь коренных интересов. Крестьянство, борясь с врагами, защищало недавно отвоеванную от помещика землю. Вражеские войска вели за собой целый хвост капиталистов, крупных землевладельцев, князей, баронов и графов, вытуренных из своих поместий и жаждавших получить обратно насиженные в течение веков старые, родовые дворянские гнезда. И когда крестьянские сыновья — солдаты нашей Красной армии, испытывая голод и холод, болея тифом, босые, отстаивали границы Советской страны и штыками отбивались от противника, они защищали великое дело освобождения от *ига помещиков*. Они видели, что нельзя укрепить за собой отвоеванную землю иначе, чем в союзе с рабочим классом, который посылал на фронты своих лучших сынов. Они подчинялись руководству рабочего класса, потому что видели, как в революционной, классовой схватке сыны фабрик и заводов героически отстаивают революционное дело, жертвуя всем ради победы над врагом. Они видели также, что только Советская власть является надежной опорой в этой невиданной борьбе. Со своей стороны, рабочий класс точно так же видел, что пришествие помещиков означало бы и пришествие капиталистов, и возврат всего старого режима в целом, и потерю завоеванных в октябрьской битве фабрик и заводов, и уничтожение Советской власти. Военный союз рабочего класса и крестьянства в гражданской войне опирался, таким образом, *на общность основных и коренных задач*, которые стояли на очереди перед обоими трудящимися классами нашей страны. Правда, тяжести этого времени, когда нужно было с необычайной твердостью собирать все, что необходимо было для прокормления Красной армии, для поддержки фронта, для поддержки оставшихся в голодных городах рабочих, — тяжести этого времени не раз и не два колебали

некоторые свои крестьянства. Не раз и не два эти слои крестьянства, измученные тяжестью борьбы и не понимавшие необходимости в огромных жертвах, перебегали на сторону противника, на сторону белых, на сторону учредиловцев, на сторону колчаковцев. Но суровый опыт гражданской войны всякий раз показывал им, что в стане белых нельзя искать спасения, ибо этот стан есть стан заклятых врагов не только рабочего класса, но и крестьянства. Колчаки и Деникины вколачивали шомполами веру в правоту большевистского дела и понимание необходимости тесного сотрудничества с рабочим классом. В результате этого мучительного опыта, опыта, завоеванного кровью, крестьянство нашей страны убеждалось все более и более в необходимости жертв ради великой победы над противником. Так выковывалась спайка между рабочим классом и крестьянством в борьбе против общего врага. И здесь лежит *второй* корень нашей победы над всеми противниками, своими, отечественными, и иностранными. *Победа над союзом помещиков и капиталистов есть победа союза рабочих и крестьян.*

Когда последние отряды буржуазно-помещичьих армий были сброшены в море, и под советским знаменем, под красным флагом революции, вновь объединилась на новых основах, на основах мирного и добровольного сотрудничества многочисленных трудовых народов, наша страна, началось *новое* время, стали на очередь *новые* задачи. Мы уже переставали быть осажденной, воюющей, отбивающейся крепостью. Гражданская война заканчивалась. Нужно было возможно более быстро переходить к мирному труду. Нужно было начинать чинку потрепанного хозяйства. А для всего этого нужно было перейти к другой экономической политике, которая соответствовала бы новому времени и новым задачам, ставшим в упор перед трудящимися классами нашей страны. Продразверстка нужна была для того, чтобы во что бы то ни стало прокормить армию и остатки голодного рабочего класса, без которого крахнуло бы все дело революции. Но продразверстка и запрещение торговли совсем не годились для того времени, когда нужно было перейти к подъему производительных сил сельского хозяйства и к развертыванию нашей промышленности. Так совершился переход к новой экономической политике. Мало-по-малу отступали на задний план, а потом исчезали и совсем, остатки вооруженной борьбы против нас со стороны капиталистических держав. Наше хозяйство стало подниматься. Мы начали все больше торговать с капиталистическими государствами, и после ряда колебаний они стали, скрепя сердце, признавать, одно за другим, Советскую власть за «законную» власть на землях бывшей царской империи. И вот здесь перед нами в новой форме встает вопрос: как обеспечить нам дело своей окончательной победы, дело укрепления власти трудящихся, дело нашего хозяйственного роста, дело строительства нового общества, новых порядков, новых отношений? На этот вопрос мы должны ответить: мы победим окончательно, мы победим полностью и целиком, мы действительно устроим новое трудовое общество только тогда, если в этих новых мирных, не военных условиях сумеем вновь укрепить тот союз между рабочим классом и крестьянством, который обеспечивал нам победу на протяжении всей нашей революции. Вот почему мы должны вновь и вновь ставить перед собою вопрос о союзе

между пролетариатом и крестьянством. Это не просто *повторение* старого вопроса, потому что речь идет о *новых* условиях, *более* сложных, чем раньше. Мы растем, мы хозяйственно становимся все сильнее и сильнее. Но зато не так виден наш общий враг, как в былое время гражданской войны. И нужно разобрать все опасности, лежащие на нашем пути, чтобы не поскользнуться и не проворонить того дела, ради которого мы сражались в течение стольких лет.

III. Рабочий класс и крестьянство

В союзе рабочего класса и крестьянства, в союзе, благодаря которому мы устояли в борьбе с врагами и начали подымать заново хозяйство нашей страны, *руководящая роль принадлежала рабочему классу*. Рабочий класс в нашей стране не есть большинство трудящегося населения. Громадное большинство этого трудящегося населения состоит из крестьян. И тем не менее, рабочий класс был и остается руководящей силой. Для того, чтобы понять, почему это так случилось, и почему это нужно для победы над помещиками и капиталистами, необходимо подробно рассмотреть положение этих классов в капиталистическом обществе.

При капитализме, при господстве буржуазии, во всех странах, в том числе и у нас, *город* всегда был кровососом по отношению к *деревне*. Все достижения техники и науки, все завоевания культуры сосредоточивались главным образом и прежде всего в городе. Деревня, сельское хозяйство были и есть на втором плане. Они неизбежно далеко отставали в своем развитии от города. Город притягивал к себе все лучшие силы, наиболее энергичных, дельных и способных людей. Деревня постоянно пустела, отдавая городу свои соки. В городе сосредоточивалась вся грамотность, все образование современного общества. В городе накапливались все сведения о том, что происходит в различных уголках земного шара. В городе находились и находятся основные узлы государственного аппарата, правительственные учреждения, все орудия сильных и мощных буржуазных государств. Деревня неизбежно обрекалась на замкнутое существование, деревня на целые века отставала по своим знаниям, по своей грамотности от города.

Вот эта основная разница наложила свою печать на рабочих, с одной стороны, и на крестьян — с другой стороны. Но дело, конечно, не только в этом. *Рабочий класс* фабрик и заводов *не связан ни с какой собственностью*. Он продает в капиталистическом обществе свои рабочие руки хозяину. Он видит ежедневно, ежечасно, что он работает на этого хозяина. Он начинает ненавидеть буржуазию, не верить ей. А с другой стороны, каждый рабочий привыкает *работать бок-о-бок с другим таким же рабочим*. Рабочие живут и работают, будучи скоплены огромными массами на гигантских фабриках и заводах, в шахтах и на рудниках. Они не только научаются ненавидеть буржуазию, не верить ей, раскрывать всякий обман с ее стороны, но они научаются давать ей *общий* отпор. Они привыкают все время к мысли, что только *сообща* можно победить врага, что только *сообща* можно, свалив врага, вести по-новому все хозяйство, управлять по-новому отвоеванной у буржуазии страной. Городская куль-

тура все же дает в их распоряжение кое-какие средства, которые позволяют рабочему выстроить свои ряды в стройную армию, идущую в бой против господства помещиков и капиталистов, разгадывая все хитрости врага. Не так обстоит дело с крестьянином. Крестьянин работает сам, своим *особым хозяйством*, своей семьей, своим двором. Он не привык, за немногими исключениями (например, покосы и т. д.), работать сообща и совместно со своими односельчанами. У него особое, *частное*, хозяйство, он видит, прежде и раньше всего, интересы этого *своего* мелкого хозяйства. Условия деревенской жизни редко выводят его за пределы деревенской околицы. До сих пор есть еще крестьяне, которые никогда не выезжали даже в уездный город, есть и такие, которые никогда не ездили по железной дороге.

Конечно, это не «вина» крестьянина, а его беда. Но тем не менее, это — факт, и с этим фактом, с этой действительностью нужно считаться, нужно принимать ее во внимание.

Крестьянство к тому же *совсем не однородно*. Крестьянином зовется и зажиточный трактирщик, деревенский ростовщик, кулак; крестьянином зовется и крепкий хозяин, имеющий нескольких батраков, получающий прибыль с их работы и держащий их в узде; крестьянином зовется и трудовой хозяин, работающий со своей семьей сам для себя, не живущий за счет чужого труда; крестьянином зовется и бедняк, безлошадный, еле-еле сводящий концы с концами и часто подрабатывающий где-нибудь на стороне; крестьянином, наконец, зовется и полубатрак, полурабочий, для которого его крестьянское хозяйство составляет лишь подсобный источник существования.

В капиталистическом строе громадное большинство крестьян обречено, по сути дела, на такое существование, когда люди лишь сводят концы с концами. Но каждый крестьянин, имеющий свое хозяйство, свою *собственность*, ищет, главным образом, выхода в том, чтобы, увеличивши свое хозяйство и свою собственность, попасть в следующий, высший, разряд крестьянского населения и таким образом подниматься со ступеньки на ступеньку. Имея свою собственность и надеясь ее увеличить (хотя эти надежды, по сути дела, являются в огромном большинстве случаев пустыми надеждами), крестьянин поэтому имеет *известное уважение и известное доверие к более крупным собственникам*, а следовательно, и к буржуа. Он не научается поэтому ненавидеть богатый класс той ненавистью, которой отличается рабочий класс, стоящий лицом к лицу с капиталом. Часть крестьян даже чувствует известного рода почтение к крупным собственникам, и нужен опыт классовой борьбы и прямых столкновений с противником, чтобы развенчать в глазах крестьянина его классовых врагов. *Поэтому капиталисты и помещики гораздо скорее могут обмануть крестьянина, чем рабочего.*

А с другой стороны, крестьянин, не привыкший к постоянной совместной работе и к совместной борьбе, не в состоянии бывает давать систематический постоянный отпор своим противникам. *Разбросанное по деревням, селам и деревушкам, разбросанное и распыленное, точно песок речной, крестьянство не представляло и не могло представлять из*

себя той стройной и организованной армии, какую удавалось сколотить городскому рабочему.

Если при этом вспомнить, что городская жизнь давала и дает городскому жителю гораздо *больше всяческих знаний*, грамотности, умения распознавать хитрости врагов и т. д., то нетрудно будет сообразить, что *руководство в блоке крестьян и рабочих должно было неминуемо принадлежать рабочему классу*. Ведь, из всего того, что мы только-что видели, вытекает, что рабочий класс является силой, гораздо более сознательной, гораздо более организованной и гораздо более способной вести за собою широкие слои трудящегося населения. Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что не «вина» крестьянина его меньшая сознательность, а его беда. Но точно так же ясно, что руководство со стороны пролетариата будет полезно не только для самого рабочего класса, но и для крестьянства. Без этого руководства проиграли бы не только рабочие, но и широкие слои крестьянства.

Так обстоит дело, если мы рассмотрим вопрос о таком времени, когда рабочий класс и крестьянство идут на штурм против союза помещиков и капиталистов. А как обстоит дело, когда, уже после свержения господства этих помещиков и капиталистов, приходится управлять государством и вести все хозяйство страны, отвоеванное у буржуазии и помещиков?

Здесь опять-таки нужно внимательнейшим образом рассмотреть вопрос. Рабочий класс и крестьянство не сваливаются с неба, когда они впервые завоевывают власть. Они выходят из недр капиталистического общества. В этом капиталистическом обществе и рабочий класс, и крестьянство находились на положении классов угнетенных. Даже рабочий класс не в состоянии был при капиталистическом строе подняться настолько, чтобы обучиться делу управления. Ведь, вся высшая школа была в руках у буржуазии, все командные высоты в правительстве, а армии, в хозяйстве, в науке и т. д. находились в руках господствующих классов. Поэтому рабочий класс не мог никоим образом в пределах капиталистического общества выработать из своей среды все те силы, которые нужны для того, чтобы налаживать самим, и исключительно своими собственными силами, весь огромный и сложный государственный и хозяйственный аппарат страны. Когда трудящиеся массы сбрасывают господство помещиков и капиталистов, то на их плечи немедленно же взваливаются такие тяготы, с которыми раньше не приходилось встречаться. Рабочему классу и трудящейся массе вообще, нужно думать теперь уже решительно обо всех областях хозяйства и управления. Им нужны техники и инженеры, химики и агрономы, судьи и администраторы, ученые и учителя, — словом, все силы, без которых нельзя вести страну по пути хозяйственного и всякого иного совершенствования. А так как рабочий класс не имел и не мог иметь в своем распоряжении своих собственных сил такого рода, то, естественно, сейчас же после завоевания власти трудящимися массами на очередь становится и вопрос об *использовании* многих из тех сил, которые раньше, в общем и целом, служили верой и правдой, не за страх, а за совесть, старому, теперь уже свергнутому буржуазному режиму. Следовательно, перед трудящимися массами возникает новой сложности задача, задача *подчинения своим целям* и задача *переработки* всех вышеупомя-

нутых сил в том духе, в каком это нужно для упрочения и укрепления нового строя.

Если у рабочего класса не оказывается сразу достаточных сил и он вынужден, борясь с врагами и неустанно искореняя их открытое и скрытое сопротивление, использовать силы, вначале ему враждебные или полувраждебные и только впоследствии переходящие на его сторону, то тем менее сил оказывается у крестьянства, которое, как мы видели раньше, в условиях капиталистического режима оказывается неизбежно *гораздо более отсталым* и гораздо менее способным разгадывать планы врагов и вести правильную политику.

Рабочий класс все же, несмотря на свою придавленность в условиях капиталистического общества, *оказывается способным руководить общей политикой*, общим направлением этой политики и, неизбежно делая ряд ошибок, все же, в конце-концов, учится побеждать и те трудности, которые встречаются на его новом пути.

Само собою разумеется, что рано или поздно и крестьянство все больше и больше будет учиться на опыте делу хозяйственного и политического строительства. Но если уже в то время, когда задачей трудящихся классов было лишь ниспровержение союза помещиков и капиталистов, если в это время необходимой была руководящая роль пролетариата в союзе рабочих и крестьян, то *после завоевания власти* это руководство *отнюдь не становится излишним или менее необходимым*. Наоборот, можно сказать, что в особенности в *первый* период, в первую полосу укрепления и развития нового строя, когда появляются огромные массы новых и чрезвычайно сложных задач, это руководство должно быть обеспечено *во что бы то ни стало*. Дело вовсе не в том, что рабочему классу обязательно «хочется» быть на первом месте. Дело в том, что, — как бы ни думали об этом некоторые слои крестьянства, — это руководство необходимо и *в интересах самой широкой крестьянской массы*. Если бы рабочий класс потерял, в силу каких-нибудь причин, свое руководство по отношению к крестьянству, то тогда совершенно неизбежно дело кончилось бы победой буржуазии.

Руководство со стороны пролетариата является, таким образом, необходимейшим условием победы рабоче-крестьянского дела. Но вопрос обстоит еще более сложно, чем это кажется на первый взгляд. Дело в том, что и сам рабочий класс неоднороден. У него и внутри него есть *различные составные части*, которые, хотя и не так резко отличаются друг от друга, как это имеет место между различными слоями, группами и классами внутри крестьянства, но, тем не менее, все же должны быть приняты во внимание. Возьмем, например, такой слой рабочего класса, как сельскохозяйственные рабочие — батраки. Они являются наемными рабочими, они большей частью не связаны ни с какой собственностью, но в то же самое время общие условия их труда (деревня и деревенские условия вообще; связанная с этим культурная и политическая отсталость; большая разбросанность в работе; большое сходство с условиями труда в крестьянском хозяйстве и т. д.) страшно затрудняют рост их сознательности по сравнению с городскими рабочими, живущими и работающими скопом, в культурных центрах страны. Если мы рассмотрим весь

рабочий класс в целом, то увидим, что здесь есть и выходцы из крестьянства, и выходцы из ремесленников, мелких торговцев и т. д. С другой стороны, есть и рабочие, которые уже являются рабочими, быть-может, во втором или третьем поколении и с молоком матери уже всосали в себя пролетарский образ мысли, пролетарские привычки и взгляды. Целый ряд других условий влияет по-разному на различные слои рабочего класса. И поэтому немудрено, что *по своей сознательности* рабочий класс никогда не был — и до сих пор еще не является — совершенно однородным. Наиболее сознательные рабочие, которые яснее и лучше других видят и понимают пути и основные интересы трудящихся масс, объединяются в самой передовой организации трудящихся — *в коммунистической партии*, партии которая самым последовательным и самым умным образом ведет борьбу за уничтожение власти капитала и за постройку будущего нового общества. Если в партии объединяется наиболее сознательная часть пролетариата, то совершенно очевидно, что *внутри* самого пролетариата ей должна принадлежать, в свою очередь, *руководящая роль*. И здесь мы точно так же можем сказать: конечно, не «вина» наиболее отсталых слоев рабочих в том, что они отстали, и в том, что они по своей сознательности уступают место другим слоям рабочего класса, — это не вина, а «беда» их. С другой стороны, совершенно понятно и очевидно, что, *если бы выпало руководство со стороны партии, если бы это руководство каким-нибудь образом было уничтожено, то это в высокой степени повредило бы всему рабочему классу в целом*, ибо это означало бы уничтожение руководства со стороны наиболее сознательной, наиболее передовой и наиболее организованной части рабочего класса.

Итак, к чему мы пришли? Мы пришли к тому, что для победы рабоче-крестьянского дела, дела трудящихся масс, необходимы следующие основные условия: *во-первых, необходим союз между рабочими и крестьянами, их блок; во-вторых, в этом союзе руководящая роль должна принадлежать рабочему классу; в-третьих, в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии*. Если внутри рабочего класса уничтожится руководящая роль коммунистической партии, или если уничтожится руководящая роль рабочего класса над крестьянством, тогда совершенно неизбежно лопается все рабоче-крестьянское дело, тогда неизбежно побеждают заклятые враги и рабочего класса, и крестьянства.

Можно, однако, поставить вопрос и о таких вещах, где интересы рабочего класса и крестьянства не совпадают, а иногда даже противоречат друг другу. Например, можно указать, что крестьянин продает хлеб, а рабочий этот хлеб покупает. Крестьянин, продающий хлеб, заинтересован поэтому в более высоких ценах; рабочий, покупающий хлеб, заинтересован в ценах более низких. Это противоречие, действительно, существует в жизни. Но мы, ведь, не говорили, что рабочий класс и крестьянство — это *один и тот же* класс. Мы вовсе не говорили, что между рабочим классом и крестьянством нет *никакой* разницы. Нужно смотреть правде в глаза и не замазывать дело всякой пустопорожней болтовней. Эти *расхождения между рабочим классом и крестьянством существуют, но они отступают на задний план перед такими интересами и такими*

вопросами, которые имеют более коренное и более основное значение для обоих классов. Точно так же помещики и капиталисты никогда не были одним и тем же классом; между ними были очень крупные противоречия интересов; городская буржуазия точно так же покупала хлеб и сырье у помещиков, помещики продавали ей этот хлеб и это сырье; и наоборот, буржуазия продавала помещикам продукты промышленности, и помещики покупали у нее эти продукты. И тем не менее, несмотря на это довольно существенное противоречие, союз капиталистов и помещиков, в особенности за последнее время, был основным фактом общественной жизни, и всюду и везде блок помещиков и капиталистов, под руководством буржуазии, т.-е. под руководством этих капиталистов, являлся господствующей силой, с которой приходилось и приходится вести борьбу рабочему классу и крестьянству. Точно так же, как помещики и капиталисты, не будучи одним классом и отличаясь друг от друга, шли и идут в *блоке*, в *союзе* друг с другом и все больше объединяются в хозяйственной жизни и в классовой борьбе против рабочего класса и крестьянства, так и пролетариат, не являясь тем же классом, что и крестьянство, тем не менее, должен идти в *блоке*, в тесном союзе с крестьянством; а крестьянство, со своей стороны, должно, ради собственных основных интересов, поддерживать пролетариат, быть с ним в союзе, добровольно соглашаться на руководящую роль рабочего класса, ибо только при этих условиях возможна общая победа рабоче-крестьянского дела.

IV. Борьба рабочего класса с буржуазией за крестьянство

То обстоятельство, что деревня неизбежно отстает в своем развитии от города, приводит к очень важному явлению. А именно, крестьянство обычно оказывается не в состоянии играть совершенно самостоятельную роль, оно неизбежно подпадает либо под влияние буржуазии, либо под влияние пролетариата. Очень часто крестьянство колеблется между этими двумя основными классами капиталистического общества. Со своей стороны, буржуазия, используя все преимущества своего положения, используя свои финансовые средства, свое политическое господство, свою монополию на науку, школу, газеты и т. д., ведет систематическую, упорную, никогда не прекращающуюся борьбу за то, чтобы подчинить своему господству, в том числе и своему *идейному* господству, широкие слои крестьянства, при чем проводниками этого буржуазного влияния на крестьянство являются обычно более зажиточные слои крестьянства, естественно тяготеющие к буржуазии. Рабочий класс, в свою очередь, борется за то, чтобы *высвободить* крестьянство из-под влияния буржуазии, разъяснить крестьянству необходимость борьбы с капиталистическим строем, который противоречит основным интересам широкой массы крестьянской бедноты и отчасти среднего крестьянства. В зависимости от того, куда склоняется, в какую сторону колеблется крестьянство — в сторону пролетариата или в сторону буржуазии, — решается вопрос о том, крепко ли стоит на ногах блок помещиков и капиталистов, или же ему, действительно, грозит серьезная опасность со стороны блока рабочих и крестьян. На примере нашей революции можно прекрасно видеть, каким образом буржуазия пы-

талась использовать темноту крестьянства и его излишнее доверие к крупным собственникам, использовать для того, чтобы сделать из крестьянства пушечное мясо против пролетариата. И точно так же на примере нашей революции и ее развития можно великолепно видеть, как при правильной политике со стороны пролетарской партии можно вырвать крестьянство, в его же собственных интересах, из-под влияния буржуазии и создать из крестьянства добавочную, очень значительную и мощную силу, острей которой направлено против эксплуататорского капиталистического общества.

Буржуазия непосредственно после февральской революции пыталась обмануть крестьянство в вопросе *о войне*. Буржуазия, играя на крестьянской темноте и на крестьянской приверженности к родине, пыталась изобразить империалистическую войну, которую она вела по прямой указке английских и французских империалистов, подгоняемая хлыстом этих капиталистов, как войну справедливую, как войну неграбительскую, как войну исключительно оборонительную. Буржуазия играла на патриотических и собственнических струнках крестьянства, буржуазия пыталась изобразить самую революционную партию нашей революции, партию большевиков, как сброд немецких шпионов, немецких агентов, поставивших себе целью распродажу нашей страны германскому империализму. И нужно сказать, что одно время, благодаря бешеной травле со стороны всей буржуазной печати, ей удалось достигнуть известных — с ее точки зрения хороших — результатов. Нашей партии и рабочему классу пришлось испытать тяжелые времена, когда мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров оказалась во главе крестьянства и проводила целиком вместе с меньшевиками — другой мелкобуржуазной партией в нашей стране — ту политику, которую диктовала им *наша буржуазия*. И только энергичнейшая работа нашей партии и опыт войны и революции, из которого сами массы убеждались постепенно в полной правоте большевиков, сделали то, что буржуазный обман и буржуазная ложь относительно войны были разоблачены до конца.

Буржуазия пыталась точно так же использовать очень искусно и известные предрассудки среди крестьян *в вопросе о земле*. Широкие массы крестьянства желали получить (и это была вековая мечта нашей деревни) помещичью землю, желали страстно и упорно забрать эту землю от помещиков. Но, с другой стороны, некоторые слои крестьянства, в первую очередь более зажиточные слои, которые, с одной стороны, меньше нуждались в помещичьей земле, а с другой стороны, имели гораздо больше почтения и уважения к крупным собственникам вообще, естественно находились в состоянии колебания и нерешительности. Буржуазия через партию своих лакеев, через партию социалистов-революционеров, пыталась задержать естественное стремление крестьянства к завоеванию помещичьей земли. На все лады твердили, что нельзя забирать землю «до учредительного собрания», что нельзя выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений; пугали ужасной резней и ужасным земельным хаосом, который должен возникнуть, если крестьяне «самочинно», т.-е. не дожидаясь никаких распоряжений сверху, будут забирать эту землю, выгонять помещиков, расправляться с ними так, как они этого

заслужили. *Только* одна партия, партия большевиков, партия рабочего класса, стояла за *немедленную конфискацию помещичьих земель*, кричала крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать землю у помещиков. Мы помним то время, когда в правительстве сидели представители буржуазии совместно с представителями партии социалистов-революционеров, и когда это правительство арестовывало крестьянские земельные комитеты за их не совсем деликатное обращение с помещичьей землей. Наоборот, наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли. Ибо только развязав революционную энергию крестьянства (а развязывать ее нужно было прежде и раньше всего на вопросе о земле), мы могли создать действительно прочные гарантии революционной победы. Совместный план буржуазии, эсеров, меньшевиков и т. д. план *оттяжки разрешения земельного вопроса*, план, который на самом деле был не чем иным, как поддержкой всего старого режима в целом, этот план провалился потому, что в *вопросе о земле крестьянство пошло не за буржуазией, а пошло за рабочим классом*, пошло не за умеренными лозунгами буржуазии и соглашательских партий, а пошло за *последовательными революционными лозунгами, выставлявшимися партией рабочего класса*.

Эта же ожесточеннейшая борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство продолжалась и далее. Самым опасным для буржуазии было, конечно, *завоевание власти рабочим классом и укрепление этой власти*. Буржуазия отлично понимала, что это неизбежно случится, если крестьянство в решительный момент поддержит рабочий класс. Наша буржуазия отлично учитывала тот опыт, который оставил ей в наследство ниспровергнутый царский режим, она помнила, что помещицкому царю удалось разбить силы революционного народа в 1905 г. именно потому, что *тогда рабочий класс не был во-время поддержан крестьянством*: крестьянство выступило значительно позже, уже тогда, когда разбит и разгромлен был головной отряд революционного движения — городской рабочий класс. Царизму удалось тогда покончить с революцией именно потому, что ему удалось разбить революционную армию *по частям*. Поэтому понятно, что буржуазия прилагала все усилия, чтобы разъединить рабочих и крестьян. Непосредственно перед октябрьскими днями и позже, во время борьбы Советской власти за существование, буржуазия, при помощи своих агентов — эсеров и меньшевиков, пыталась обмануть крестьянство *лозунгом «демократии»*: против власти Советов, т.-е. против руководства пролетариата, выставлялся лозунг так-называемой «демократии» и «учредилки», т.-е., по существу дела, лозунг буржуазного господства и руководства, руководства частью *прямого*, частью *через эсеров и меньшевиков*. Рабочий класс и его партия обвинялись в том, что они изменяют лозунгу «равенства», лозунгу «свободы» и т. д. Время было тогда боевое. Нужно было во что бы то ни стало, твердой рукою, беспощадно и мужественно, душить все контр-революционные попытки со стороны буржуазии и помещиков. Буржуазия и помещики в нашей стране имели своих многочисленных сторонников в лице не только меньшевистской и эсеровской партии, но и в лице огромных слоев чи-

новничества, служащих, так-называемой интеллигенции (врачей, адвокатов, учителей, профессоров, духовенства и проч.) не говоря уже об офицерских кадрах бывшей царской армии, которые в своем подавляющем большинстве совершенно открыто стояли за возвращение старых порядков. И вот в такое время, когда нужно было вести *всеми средствами* беспощадную борьбу и обезоруживать противников, буржуазия, эсеры и меньшевики выставляли лозунг «равенства» и «свободы», т. е. свободы для *заговорщиков* вести свою работу, свободы для *бывших помещиков* обманывать крестьян, свободы для *капиталистов* использовать свою денежную суму для подкупа и организации своих сторонников и т. д. Если меньшевики и эсеры не совсем хорошо понимали, что в таких условиях требование «демократии», которое выставлялось против лозунга Советской власти и диктатуры пролетариата, на самом деле означало не что иное, как требование всяческих свобод *для буржуазии*, то эта последняя прекрасно понимала, в чем дело. Она подготавливала военную диктатуру кровавых генералов, но ей прежде всего необходимо было обмануть хотя бы часть широких народных масс, оторвать крестьянство от рабочего класса, подорвать, таким образом, крепость Советской власти обманным лозунгом «демократии» и «учредилки». Буржуазия справедливо надеялась на то, что если ей удастся через своих подручных ниспровергнуть Советскую власть, уничтожить руководство пролетариата, то совсем нетрудно будет разделаться «в два счета» с эсерами и меньшевиками, которые совершенно неспособны на какое бы то ни было твердое руководство.

Опыт действительной борьбы показал, что там, где часть крестьянства шла за этими обманными лозунгами, переходила на сторону учредильцев, там ход событий неизбежно приводил к тому, что через короткий промежуток времени воцарялся и начинал обладать безраздельной властью какой-нибудь из царских генералов. Так было на юге (Деникин, Врангель и проч.), так было на востоке (Колчак и т. д.). Крестьяне, убедившись на собственном опыте в том, к чему приводит учредильская «демократия», вновь поворачивали к Советской власти, вновь освобождались из-под руководства буржуазии и переходили на сторону пролетариата, — на этот раз гораздо более прочно, решительно и беззаветно. И вновь восстановившийся союз рабочего класса и крестьянства снова продвигал поистине великие чудеса в борьбе против объединенных сил помещиков, капиталистов и иностранной буржуазии.

И сейчас, по сути дела, не прекращается эта борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство. Несмотря на наш хозяйственный рост, у нас налицо громадное количество трудностей. Наследство старой разрухи висит еще тяжелой гирей на наших ногах. Рабочий класс и городская промышленность не сразу могут дать достаточное количество товаров по достаточно дешевым ценам. Советская власть и руководящая партия прилагают все усилия, чтобы возможно скорее поднять производство, снизить себестоимость и направлять в деревню возможно более дешевые товары. Но нельзя прыгнуть выше своих ушей, и поэтому лишь постепенно наша государственная промышленность оказывается в состоянии решать поставленные ей задачи.

Постройка огромного государственного аппарата, обеспечение страны

необходимой обороной, налаживание всего дела управления и т. д. требуют значительных расходов. Эти расходы, в свою очередь, вызывают необходимость в налоговом обложении, в том числе и налоговом обложении крестьянства. На разоренные и обнищавшие крестьянские хозяйства эти налоги ложатся тяжелым грузом. И рабочий класс не сразу, а лишь постепенно может понижать эти налоги, лишь постепенно может улучшать самую систему обложения, учитывая на опыте, каким образом облегчить крестьянству приходящиеся на его долю тяготы.

Молодое государство в начале своего рождения не имело достаточного количества умелых и знающих людей, преданных делу революции; рабочий класс и крестьянство никогда раньше не учились управлять государством. Немудрено поэтому, что и рабочие, и крестьяне, вовлекаемые в общегосударственное строительство, делали ряд ошибок, которые в свою очередь тяжело отражались на крестьянстве. Выработать достаточное количество людей, нужных для управления такой огромной страной, как наша, — дело вовсе не легкое. Господствовавшие прежде классы вырабатывали своих, нужных им людей в течение целых сотен лет и целого ряда поколений. А Советская власть, власть трудящихся, насчитывает всего-навсего несколько лет своего существования в нашей стране. Отсюда неизбежны недостатки в системе нашего управления, отсюда целый ряд печальных явлений и так-называемых «недостатков механизма».

И вот все эти недостатки используются сторонниками буржуазии для того, чтобы *вбить клин между рабочим классом и крестьянством*, для того, чтобы расщепить и расколоть союз рабочих и крестьян, вырвать крестьян из-под руководства пролетариата и захватить хотя бы их значительную часть под руководство и идейное влияние сторонников буржуазии.

Следует вспомнить еще о том, что борьба за влияние на крестьянство, эта классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, в теперешнее время ведется, между прочим, в нашей стране в совершенно особой, совершенно своеобразной форме, а именно, в *форме борьбы за хозяйственную, экономическую смычку с крестьянством*. Эта борьба ведется нашей государственной промышленностью и государственной торговлей против частного капитала, частного торговца и купца, который со своей стороны отчаянно борется за рост своего экономического, хозяйственного влияния на крестьянство, т.-е. борется за то, чтобы получить с этим последним экономическую смычку. Эта борьба между пролетариатом и буржуазией ведется особыми средствами, и пролетариат сможет победить в этой борьбе лишь в той мере, в какой ему действительно удастся поднять свою промышленность, наладить хороший и дешовый торговый аппарат и показать всему крестьянству, что *государственное хозяйство в состоянии лучше удовлетворять насущные экономические потребности и нужды крестьянского населения, чем частный капиталист, частный торговец, частный купец, частный посредник*.

V. Как может возвратиться с заднего хода старый режим

В руках рабочего класса, в распоряжении государственной власти находятся сейчас вся крупная промышленность, транспорт и крупная опто-

вая торговля. В руках у новой и остатков старой буржуазии находятся сравнительно незначительные капиталы, но зато имеются огромнейший опыт, ловкость, пронырливость, умелость. С этими средствами частный капитал ведет против нас систематическую, отчаянную, прямо бешеную борьбу. Эта борьба не проходит в формах кровавых сражений, но, тем не менее, она имеет крупнейшее значение для всей судьбы нашей страны. И поэтому для рабочего класса и крестьянства особенно важно понять, какие условия обеспечивают победу союза рабочего класса и крестьянства, и какие условия могут привести к победе союза помещиков и капиталистов.

Мы уже сказали, что задачей рабочего класса и задачей городской промышленности является такое развитие производства, которое бы полностью и дешево удовлетворяло бы нужды крестьянского населения. Если этого нет, и если частный предприниматель, например, мелкий частный фабрикант, производит лучше или дешевле, чем государственные заводы, то само собою разумеется, что действительную смычку с крестьянством получает этот частный предприниматель, который в глазах крестьянства повышает свой хозяйственный вес, свой авторитет; наоборот, в таком случае хозяйственный авторитет государственных предприятий, а вместе с тем и всего государства, в глазах крестьянства падет. Если наша государственная торговля, наши торговые агенты продают товар дороже, благодаря своей неумелости, благодаря высоким накладным расходам своего аппарата, благодаря халатному ведению дела и т. д., в то время, как частный торговец, привыкший использовать всякую мелочь, продает дешевле, то в таком случае крестьянство опять-таки будет ценить гораздо выше торговлю частную, чем государственную. Хозяйственный авторитет частного торговца будет стоять выше хозяйственного авторитета государственных учреждений. Действительную экономическую смычку, действительное влияние будет получать частный капитал, а это все означает не что иное, как победу буржуазии над рабочим классом в борьбе за *экономическое влияние* на крестьянство.

Можно сказать, что вопрос стоит сейчас таким образом: смычка *кого* с кем будет происходить, — частного торговца и капиталиста с крестьянством или пролетарской промышленности с этим самым крестьянством? От ответа на этот вопрос и зависит исход классовой борьбы. Совершенно не важно, что эта борьба ведется в мирных формах, что эту борьбу мы ведем без звона металлического оружия. Несмотря на это, она имеет поистине гигантское значение, она, эта борьба, на деле решает все.

Если частный торговец и капиталист будут отвоевывать себе все большее и большее место в нашей хозяйственной жизни, и если именно эти классы будут устанавливать свою хозяйственную смычку с крестьянством, то это будет означать разрыв и трещину в том фундаменте, на котором в настоящее время нужно строить весь союз рабочего класса и крестьянства. Если бы буржуазии действительно удалось все больше отеснять *экономически* государственную промышленность и государственную торговлю, то это неизбежно повлекло бы за собою и растущее *политическое* влияние этой буржуазии на крестьянство. В настоящее время, когда кончилась гражданская война, и когда главнейшей задачей является укреп-

ление хозяйства, вполне понятно, что рост политического влияния рабочего класса на крестьянство, рост доверия этого крестьянства к Советской власти, может быть обеспечен лишь в той мере, в какой Советская власть будет показывать себя способной к *хозяйственному* руководству всей страной. Если бы этого не было, если бы было обратное, то тогда *совершенно неизбежным* окажется *переход политического влияния на крестьянство от пролетариата к буржуазии*.

Если бы крестьянство ушло из-под политического руководства со стороны пролетариата и подпало бы под влияние буржуазии и частного капитала, то это неминуемо повлекло бы за собой падение Советской власти и водворение буржуазного режима, т.-е. установление политического господства новой буржуазии и остатков старой буржуазии, разбитой во время великой революции. Первым делом такого нового правительства была бы неизбежно отмена всяческих национализаций, фабрики и заводы перешли бы в руки частных лиц, частных заводчиков и фабрикантов; была бы немедленно отменена национализация земли, и было бы введено разрешение полной *свободы торговли и спекуляции этой землей*; началась бы бешеная, горячая скупка этой земли, в первую очередь, той ее части, которая находится в руках бедноты, не имеющей достаточного инвентаря. Произшло бы в очень короткий срок гигантское *обезземеление крестьянства* и сосредоточение крупных земельных фондов (запасов) в распоряжении *ловких земельных спекулянтов*, которые частью сами превратились бы в *новых помещиков*, частью, перепродав эти земли другим богатым людям, способствовали бы тому, что из этих последних точно так же образовались бы *добавочные слои помещиков*. Эти новые помещики, само собою разумеется, начали бы сдавать часть своей земли в аренду крестьянам, заставляя их платить большие деньги в виде арендной платы. Таким образом, мы пришли бы снова к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые смела наша революция, и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство.

Новые правящие классы должны были бы платить полностью все долги царского правительства, все долги правительства Керенского, и чтобы быть в состоянии выплатить эти поистине огромные суммы, они неизбежно должны были бы обложить неслыханной данью крестьянство, во много раз увеличив его налоговое обложение и беспощадно нажимая на рабочий класс для того, чтобы попытаться на хозяйских началах пустить в ход частную промышленность. Само собой разумеется, что были бы совершенно уничтожены не только советские органы, но и всякое подобие вмешательства со стороны рабочего класса в ход производства; были бы уничтожены всяческие фабзавкомы, профессиональные союзы были бы лишены прав, рабочий класс целиком и полностью был бы устранен от всяческой командующей роли в производстве. Очень скоро и крестьянство поняло бы, что оно проиграло дело, что *разрыв союза между рабочим классом и крестьянством* привел к громадному ущербу для широких масс крестьянства, что он оказался на-руку только и исключительно кулацкой верхушке эксплуататорским слоям, т.-е. *сельскохозяйственной буржуазии*. Массы вновь пришли бы в великое движение, крестьянство снова стало бы

точить топоры и поднимать вилы на новых помещиков, и вся история началась бы с начала, с громадными потерями, при обессилении рабочего класса и обессилении крестьянства, при гораздо большей опытности буржуазии, при гораздо большей поддержке этой буржуазии со стороны всего иностранного капитала, не разделенного, как это было в 1917 г., своей собственной империалистической потасовкой.

Конечно, на самом деле *ничего этого не будет*. На самом деле будет совершенно другое. Наша государственная промышленность, наша государственная торговля, наша кооперация будут все более и более расти, все более и более оттеснять частного торговца и частного посредника, и в конце-концов, на этой почве рабочий класс будет все лучше и лучше притягивать под свое влияние и свое руководство широкие крестьянские массы, вовлекая их в дело *активного строительства нового режима, нового строя*. Мы пойдем не по обычному капиталистическому пути, мы пойдем и уже идем по совершенно самостоятельному пути, по своей собственной, особой, социалистической дороге. Это становится возможным, раз рабочий класс, поддержанный крестьянством, завоевал и укрепил свою государственную власть.

VI. Столбовой путь к социализму в нашей стране

Враги рабочего класса и крестьянства доказывали, что всякая попытка осуществить социалистический строй означает на самом деле не что иное, как всеобщее обеднение и «равенство в *нищете*». Враги рабочего класса, которые в годы нашей гражданской войны душили и мучили нашу страну и тем самым вызывали ее нищету и ее разорение, говорили, что эта нищета и разорение вытекают именно из самой сущности социализма и коммунизма. Конечно, все это сплошной вздор. Задача нашей партии заключается в том, чтобы поднять на небывалую высоту богатство нашей страны; а затем и всего мира: не богатство отдельных лиц, не богатство отдельных групп миллионеров, частных капиталистов, спекулянтов, банкиров, биржевиков и т. п., а богатство всего народа, всех трудящихся в целом, богатство страны и стран, которые отвоеваны от прежних господствующих классов. Мы должны быть проводниками наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда, словом, наша роль, наше значение в такое время, когда мы отвоевали власть у капиталистов и помещиков, сводится, в первую очередь, к тому, чтобы быть носителями всяческих хозяйственных улучшений. Что касается промышленности, то эти улучшения сводятся к тому, чтобы строить новые, все более крупные заводы, чтобы переходить на электрическую энергию, чтобы подводить основы элетрификации под работу всей промышленности, чтобы вводить более правильную, более планомерную организацию этой промышленности и труда в ней; чтобы все больше и больше идти к такому порядку вещей, когда вся промышленность была бы объединена *общим планом*, при котором ничего не пропадает зря, не делается никаких лишних трат и расходов, и при котором поэтому себестоимость производства на производимые продукты становится все меньшей и меньшей. Однако, такого рода *плановое хозяйство* в промышленности само по

себе немыслимо: ведь, наша промышленность работает в огромной степени на *крестьянский рынок*, потребителями продуктов промышленного производства являются, в первую очередь, наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности. Чтобы промышленность имела все больше и больше возможностей для своего развития, для этого необходимо, чтобы развивалось и *само крестьянское хозяйство*; а с другой стороны, необходимо также, чтобы это крестьянское хозяйство было само все более и более *организованным*, было бы таким хозяйством, где отдельные дворы и отдельные маленькие хозяйства все больше и больше шли бы по пути *к взаимной связи друг с другом*. Очень часто приходится слышать со стороны крестьян жалобы на то, что они живут хуже рабочих, работают в день больше, не могут и мечтать ни о каком 8-часовом рабочем дне и т. д., и т. п. Но, ведь, не трудно понять, что все это происходит из-за страшной отсталости самого крестьянского хозяйства по сравнению с фабрикой и крупным производством. Крестьянское хозяйство — это то же самое, что в области промышленного производства маленькое хозяйство ремесленника или кустара: тот тоже сидит в своем маленьком хозяйстве, трудится дни и ночи напролет и, тем не менее, не может выдержать никакого сравнения с крупной фабрикой, на которой есть и лучшие машины, и лучшая организация труда, и лучшее использование топлива, сырья и проч. Таким образом, если крестьянство хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, оно должно идти *по пути к своему объединению*. Само собой разумеется, что нельзя думать, будто можно уговорить, или даже будто следует уговаривать крестьянство *сразу* переходить всем до одного *к объединению своих земельных наделов*. Старые привычки и старые способы хозяйства так въелись в людей, что переломить круто эти привычки не представляется возможным. И тем не менее, крестьянство, исходя из интересов своего частного хозяйства, отдельного и маленького двора, неизбежно пойдет по пути своего объединения и тем самым все дружнее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью. Каким образом можно представить себе это развитие? Это развитие пойдет через *кооперацию*. Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы лучше и выгоднее *сбыть* продукты своего производства, любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы возможно выгоднее и дешевле *покупать* необходимые ему продукты городской промышленности: и по линии так называемого потребительского спроса (покупка мануфактуры, обуви и тому подобных продуктов непосредственного потребления), и по линии спроса производительного (закупка всевозможных средств производства, как-то: улучшенных семян, сельскохозяйственных орудий и проч.). Точно так же любое частное крестьянское маленькое хозяйство заинтересовано в том, чтобы иметь в случае нужды возможно более дешевый кредит. И вот это обстоятельство, которое не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется, это обстоятельство толкает крестьянство на путь

его *кооперативного объединения*. Так было решительно повсюду, решительно во всех странах мира. Чтобы выгоднее закупать продукты промышленности или продукты сельского хозяйства других стран (например, лучшие семена или лучшие породы скота и т. д.), крестьянство организовывало закупочные кооперативные общества. Отдельные крестьяне организовывались, совместно создавали кооперативы, выбирали правление своего кооператива, вносили пай и получали, таким образом, возможность гораздо более организованным путем покупать необходимые им предметы. Здесь вместо отдельных лиц, действовавших вразброд, на свой страх и риск, выступала уже целая организация, которая имела возможность лучше разузнать, где выгоднее и что выгоднее купить; которой продавец, естественно, доверял больше, чем отдельному лицу, и поэтому готов был идти на известный кредит; так как, с другой стороны, такая организация покупала гораздо больше, чем отдельное лицо, отдельный крестьянин, и так как оптовые цены всегда дешевле, чем цены розничные, то совершенно понятно, что при такого рода кооперативных закупках крестьяне-покупщики сберегали себе изрядное количество грошей; если при этом принять в соображение, что общая перевозка и организованное распределение дают тоже немало выгоды, по сравнению с тем случаем, когда каждый крестьянин отдельно должен запрягать свою кобылу, ехать в город, и каждый отдельно привозить необходимый ему товар, то станет понятным, что и этого рода расходы точно так же во много раз уменьшаются при кооперативных закупках. Таким образом, отдельное крестьянское хозяйство, ни капли не нарушая обычных для него способов ведения хозяйства, в то же самое время, под влиянием своих же собственных, частных, мелко-хозяйских интересов, приходит к созданию *общественных организаций*, именно — кооперативов по закупкам.

Или возьмем другой случай, а именно *продажу продуктов крестьянского производства*: продажу молока, яиц, мяса, хлеба и т. д. Если отдельный крестьянин или крестьянка тащится со своей кружкой и ведром вразброд и особо на городской рынок, то это одно; если же крестьяне объединяются в общий кооператив по сбыту, то они, благодаря лучшему знакомству с запросами рынка, лучшей организацией поставки, экономии на всех накладных расходах, транспорте, перевозке, хранении и проч., неизбежно выигрывают и тем самым получают больше дохода, чем в том случае, когда они выступают отдельно и неорганизованно. Общий *сбыт* продуктов своего производства в некоторых отраслях производства приводит довольно быстро и к *организации самого производства*. Так, например, почти во всех странах, в том числе и у нас, замечалось и замечается, что крестьяне, имеющие кооперативы по сбыту молока, быстро заинтересовываются в том, чтобы перейти и к совместной продаже через свои кооперативы всевозможного рода *молочных продуктов*, как-то: сыра, масла и проч. А отсюда один шаг к тому, чтобы перейти к организации общих кооперативных *маслобойных заводов* или кооперативных *сыроварен*. Отдельные крестьянские дворы организуют общий маслобойный завод, выписывают и сообща закупают нужные машины — сепараторы и проч. В этот маслобойный завод несут молоко, производимое в их отдельных хозяйствах, и затем получают соответствующую выручку путем

организованной кооперативом продажи масла, сыра и т. д. В результате, эта выручка, идущая, за известными вычетами на содержание и развитие общего кооператива, в карман частного хозяйства, оказывается неизбежно выше, чем та выручка, которая получается у отдельных, не организованных в кооперативы, производителей. Здесь мы видим, следовательно, такой случай, когда от организации торговли крестьяне переходят уже к *организации совместного производства*.

Так же обстоит дело, например, и в таких районах, где производится картофель. Там нередко крестьяне приходят к необходимости организовать собственные заводы, занимающиеся *переработкой картофеля*, — крахмало-терочные заводы. Сходные общие кооперативные предприятия имеются и в других отраслях: например, сушка фруктов и овощей, кооперативное производство вина в районах, где крестьянство занимается возделыванием винограда, производство консервов из рыбы в тех местностях, где крестьянство занимается по преимуществу рыболовством, и т. д.

Наконец, кооперативные организации *кредита* точно так же ни в малой степени не противоречат интересам частного производителя-крестьянина. Наоборот, кредитные кооперативные товарищества точно так же, как и кооперативы по сбыту и по закупкам, а равно и по организации отдельных производственных отраслей, неизбежно приносят выгоду этим крестьянским хозяйствам; и поэтому совершенно не случайно, что во всех странах крестьянство идет по этому пути.

Однако, есть существенная, прямо-таки гигантская разница между условиями развития сельскохозяйственной кооперации в капиталистических странах, с одной стороны, в нашем Советском Союзе — с другой. При капиталистическом режиме все виды крестьянской кооперации неизбежно подпадают под влияние капиталистического хозяйства. Громадная мощная промышленность находится в руках у буржуазии, могущественная кредитная система, во главе с чрезвычайно сильными банками, принадлежит кучке крупнейших капиталистов, транспорт, железные дороги находятся точно так же в руках либо частных капиталистов, либо буржуазного государства. Весь город, по сути дела, находится в распоряжении буржуазии; его влияние на деревню, в которой, кроме того, командуют помещичье-капиталистические верхушки, владельцы огромных имений, — это влияние является решающим. Кооперативные организации при таком положении вещей, если они развиваются, неизбежно *подпадают под хозяйственное руководство буржуазии и помещиков*, постепенно срастаются с хозяйственными организациями этих капиталистов и помещиков и в значительнейшей мере сами превращаются в особого рода капиталистические организации, опирающиеся на использование и эксплуатацию наемного труда. В самом деле, предположим, что у сельскохозяйственной кооперации, все равно какой, имеется свободный капитал, который неизбежно образуется, если только эта кооперация развивается, а не чахнет. Само собой понятно, что в целом ряде случаев — и чем дальше, тем больше — этот свободный капитал вкладывается непосредственно или косвенно в различного рода банковые учреждения (или в частные банки, или в государственный банк, который находится в распоряжении буржуазного государства). В этом случае получается «сращи-

вание» между кооперативной организацией и буржуазным банком. Кооперация попадает в несомненную зависимость от этого банка и через такого рода экономическую смычку подчиняется хозяйственному (а в силу этого, политическому) руководству со стороны буржуазии. Если мы имеем перед собою закупочные кооперативы, то этим кооперативам приходится иметь дело с буржуазными синдикатами и трестами, т.-е. с организациями крупных заводчиков и фабрикантов. И здесь неизбежно получается, таким образом, экономическая смычка и экономическая зависимость от организаций крупного капитала, которые связываются с кооперативами целой сетью взаимных договоров относительно поставок, кредитных обязательств и т. п.

Точно так же обстоит дело, если речь идет о кредитных товариществах, которые еще более тесно связываются с буржуазными банками и попадают в непосредственную от них зависимость. Таким образом, общие условия развития кооперации в пределах капиталистического строя, даже в том случае, если кооперативные организации являются организациями неэксплуататорских слоев крестьянства, т.-е. не кулацкими организациями, а организациями трудового крестьянства, — даже в этом случае эти кооперативы неизбежно, самым ходом вещей, в силу общих условий своего развития, в силу того, что они вынуждены работать в тех рамках, которые ставит им господство капиталистического строя, превращаются в органы громадной хозяйственной машины капиталистического порядка, частями которой они необходимо становятся. Кооперативные организации, таким образом, врастают в обще-капиталистический механизм, становятся его составной частью, растут с ним, сами превращаются в своего рода капиталистические предприятия.

Наконец, огромное значение имеет то обстоятельство, что в условиях капиталистического строя, где вся наука, вся техника, все образование, вся школа и вся пресса (печать) находятся в распоряжении буржуазии, кадровый состав кооперативов (члены правлений, руководящие и командующие люди, советчики, агрономы, счетоводы и т. д.) происходит обычно из буржуазных слоев. Поэтому они в кооперативах гнут такую линию, которая выгодна для господствующей буржуазии, линию, которая всячески замазывает противоположность интересов между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками. Нередко можно видеть в Западной Европе и Америке, что во главе кооперативных крестьянских организаций стоят даже крупные помещики, попы и преданные им не за страх, а за совесть различного рода их агенты.

Если какая-нибудь кооперативная организация пожелала бы вести свою особую, самостоятельную, против капитализма направленную, политику, то она неизбежно была бы тем самым обречена на гибель, она подверглась бы своеобразному хозяйственному бойкоту со стороны мощных капиталистических организаций: она не получала бы кредита или получала бы его на худших условиях, чем другая кооперативная организация, настроенная верноподданически по отношению к капитализму; она не могла бы нигде покупать необходимые ей продукты промышленности на таких же условиях, как другие кооперативы, и т. д.

Все эти причины определяют собою путь развития крестьянской кооперации в условиях капиталистического хозяйства.

Совсем другие условия имеются налицо при нашем строе, т.-е. при строе пролетарской диктатуры. Общие рамки кооперативного развития определяются у нас не тем, что фабрики, заводы, рудники, железные дороги и банки находятся в руках у буржуазии, а тем, что вся крупная промышленность, транспорт и кредитная система *находятся в распоряжении пролетарского государства.* Следовательно, если у нас, при общем развитии производительных сил в нашей стране, город все в большей степени будет становиться хозяйственным руководителем деревни и все в большей степени будет налаживать экономическую смычку, то, если будет крепнуть наше государственное хозяйство, это будет означать растущую смычку *пролетариата* с крестьянством. Крестьянская кооперация будет неизбежно *врастать* в систему *пролетарских* хозяйственных органов, точно так же, как в условиях режима буржуазного она врастает в систему органов хозяйства *капиталистического.* Если при капиталистическом режиме всякая кооперативная организация, которая захотела бы стать на путь развития, противоречащий капитализму, постепенно душилась кредитными и другими хозяйственными учреждениями буржуазии, то в условиях пролетарской диктатуры, наоборот, будут пользоваться всемерной поддержкой именно трудовые кооперативы, кооперативы середняков и бедноты, которые будут получать льготы по сравнению с кооперативами кулаков и деревенских богатеев, т.-е. сельскохозяйственной буржуазии. Наконец, *кадровый состав кооперации,* кооперативные работники, кооперативные служащие и руководители всех видов, при пролетарской диктатуре образуются не буржуазией, а специально обучаются и готовятся в соответствующих учебных заведениях и на практике, *таким* образом, чтобы все лучше и лучше вести работу, необходимую с точки зрения строительства нового общества, а не с точки зрения служения крупному капиталу. Здесь видна вся громадная разница между условиями развития деревни при господстве капитализма и условиями развития этой деревни при господстве пролетарской диктатуры. Нельзя себе представлять, что развитие при нашем строе будет таким же, как и при строе капиталистическом. Власть Советов, диктатура рабочего класса вовсе не есть только *политическая власть*, и наше государство отличается от буржуазного государства не только тем, что оно находится в распоряжении другого класса, но также и тем, что оно держит в своих руках всю крупную промышленность и транспорт и поэтому, является громаднейшей, мощной экономической, *хозяйственной* силой, силой, которая накладывает свой отпечаток на все развитие страны в целом, и в том числе на все развитие деревенских отношений.

Если крестьянские кооперативы будут, в общем и целом, *врастать* в систему хозяйственных органов пролетарского государства, это будет означать хозяйственное руководство со стороны пролетариата, это будет означать укрепление союза рабочих и крестьян, это будет означать, что мы идем крупными шагами по пути к социализму.

В самом деле, при общем подъеме народного хозяйства, у нас будет расти все больше и больше государственная промышленность, которая все

теснее и теснее, через кооперацию, будет срастаться с крестьянским хозяйством. Само крестьянское хозяйство будет, незаметно для себя и все время с выгодой для себя, постепенно и медленно переделываться и перерабатываться. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные, крестьянские дворы все больше и больше будут объединяться между собою на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций кредита крестьяне будут постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

Этот процесс организации будет идти все дальше и глубже, по мере того, как крестьянство на собственном опыте будет все больше и больше убеждаться в выгодности перехода к коллективным формам труда. Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить и к коллективному использованию их. Отрасль за отраслью крестьянское хозяйство будет, таким образом, подобно маслобойным заводам, организовываться уже на новых началах. Вместе с этим развитие крупной городской промышленности и возрастающее накопление материальных средств государственного хозяйства дадут возможность усиленной *электрификации* сельского хозяйства. Подача электрической энергии целому ряду крестьянских хозяйств окажется, в свою очередь, еще более мощный толчок к переходу на коллективные формы обработки самой земли, потому что с переходом на электрическую энергию будет становиться уже совсем ясным вся выгода коллективных форм использования этой электрической энергии. Ибо на долю каждого крестьянского двора, на долю каждого отдельного крестьянского хозяйства будет падать гораздо меньшее количество расходов, если трата электрической энергии будет производиться не отдельным крестьянским двором, а целыми объединениями этих дворов. Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начнется с кооперативной организации торговли, перекидывается постепенно, через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства, и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова. С переходом на электрификацию этот процесс получает свое наиболее полное завершение. Так растет все более и более становящаяся *организованной* система крестьянских хозяйств, которые из отдельных и распыленных единиц превращаются в одно организованное целое. Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с *государственной промышленностью*. А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела и есть социализм.

Таким путем мы приходим к социализму, несмотря на хозяйственную и техническую отсталость, которой теперь отличается еще наша страна. Конечно, этот путь в условиях технической и экономической отсталости есть путь очень долгий. Но, тем не менее, это есть верный путь, путь, по которому мы придем к социализму, если только будем вести правильную политику по отношению к крестьянству.

VII. Промышленность и сельское хозяйство должны взаимно помогать друг другу

Общий подъем нашего народного хозяйства, подъем промышленности, с одной стороны, и подъем крестьянского хозяйства — с другой, означают одну из величайших побед, которую сделала наша революция. Но в то же самое время этот хозяйственный рост сопровождается особым рода «болезнями» роста, т.-е. скрывает в себе некоторые своеобразные противоречия, которые могут быть опасны, если наиболее сознательная часть трудящихся, авангард рабочего класса — наша партия, не сумеет их вовремя разглядеть и достаточно ясно объяснить их широким слоям трудящихся. Дело в том, что уже прошло время, когда крестьянин ясно помнил и постоянно имел в уме, что рабочий класс и его партия дали ему помещичью землю и помогли смести с лица нашей страны весь помещичий класс в целом. С переходом на мирную хозяйственную работу и с началом подъема крестьянского хозяйства, равно и государственной индустрии, крестьянское хозяйство все больше и больше становится хозяйством товарным, т.-е. производит все возрастающую часть своей продукции для сбыта на продажу. Чем больше крестьянское хозяйство вылезает из нищеты, тем большая часть всего того, что производится внутри этого хозяйства, идет на рынок, выменивается на деньги, а на эти деньги, в свою очередь, происходит покупка других товаров, которые в крестьянском хозяйстве не производятся, но которые ему нужны. Эти продукты идут, в первую очередь, со стороны нашей государственной промышленности. Таким образом, крестьянин сталкивается на рынке с государственной промышленностью, находящейся в руках рабочего класса. При этом, если речь идет о продуктах сельского хозяйства, выступает как продавец, а городское население, и в первую очередь рабочий класс, выступает как покупатель. Если же речь идет о продуктах государственной промышленности, то рабочий класс, организованный в государственную власть, выступает в качестве продавца, тогда как крестьянин выступает здесь в качестве покупателя. Но, как известно, интересы покупателя и продавца на рынке противоположны: покупатель заинтересован в том, чтобы купить товар возможно более дешево, тогда как продавец непосредственно заинтересован в том, чтобы продать свой товар по более высокой цене. Чем больше развивается хозяйство в данный период, т.-е. до осуществления единого организованного хозяйства и крестьянских дворов, и государственных фабрик, тем все более существенным вопросом становится *вопрос о ценах*: о ценах на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, о ценах на продукты государственной промышленности — с другой. Мы видим, таким образом, что здесь налицо имеется *непосредственное противоречие интересов* у рабочего класса с крестьянством. Это противоречие неизбежно порождает трения между обоими основными трудящимися классами нашей страны, трения, которые представляют известного рода опасность для рабоче-крестьянского блока.

В чем здесь, однако, дело? Есть ли противоречие интересов между рабочим классом и крестьянством — неразрешимое противоречие? И не скрываются ли за этим противоречием в то же самое время какие-нибудь более

коренные интересы, общие у рабочего класса с крестьянством? Мы уже видели: *основной и самый общий интерес обоих классов лежит в их совместном движении к социализму*, что невозможно без упрочения союза рабочих и крестьян и без руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Но этот основной и самый коренной интерес рабочего класса и крестьянства находит свое выражение в необходимости *взаимной помощи со стороны промышленности и сельского хозяйства, которые в самой основе своей зависят друг от друга*. Наша промышленность работает, как мы уже об этом говорили, прежде и раньше всего на крестьянский рынок. Она и раньше в своем развитии зависела от этого рынка, но в условиях пролетарской диктатуры она неизбежно зависит от этого рынка *в еще большей* степени, чем при старом режиме: во-первых, у нас отпадает *внешний рынок*, потому что мы не ведем той грабительской политики, политики захвата новых областей, которую вел царизм; во-вторых, у нас отпадают заказы на флот, военно-морские сооружения и целый ряд громадных военных заказов вообще, ибо мы неизмеримо в меньшей степени тратим на наши военные нужды, так как ограничиваемся лишь одной обороной страны, ни в коем случае не имея каких бы то ни было завоевательных целей; отсюда необходимость переоборудования ряда заводов и перевода их с производства военных предметов на производство предметов мирных, необходимых для сельскохозяйственного труда — в первую очередь: сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственного инвентаря; в-третьих, политическая необходимость укрепления диктатуры пролетариата и укрепления влияния рабочего класса на крестьянство диктует нам точно так же гораздо большее внимание к крестьянскому рынку.

Наша промышленность, таким образом, зависит в своем развитии от крестьянского хозяйства. Наша промышленность развивается тем быстрее, чем больше платежеспособный спрос со стороны крестьянства. *Накопление в нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление в нашем крестьянском хозяйстве*, т.-е. чем скорее это крестьянское хозяйство выходит из нищеты, чем больше оно богатеет, чем больше покупает оно сельскохозяйственных орудий и машин, чем скорее улучшает оно свою технику, чем быстрее переходит на новую форму обработки земли, и чем больше поэтому становится в состоянии покупать у городской промышленности. В свою очередь, развитие крестьянского хозяйства немыслимо без развития городской промышленности. Для того, чтобы идти вперед, сельское хозяйство нуждается в продуктах, которые в нем не производятся, а идут из различных отраслей нашей промышленности. Если бы в один прекрасный день кончилась жизнь нашей промышленности, тогда сельское хозяйство было бы обречено на жалкое прозябание, оно должно было бы ограничиться самыми примитивными, самыми первобытными способами обработки земли; в лучшем случае оно должно было бы вечно топтаться на месте и не в состоянии было бы сделать ни одного сколько бы то ни было заметного шага вперед. И наоборот, если развивается промышленность (*металлическая*, с выделкой сельскохозяйственных машин, *химическая*, с изготовлением разного рода удобрений и т. д.), то сельское хозяйство начинает иметь в этой промышленности своего могучего помощника и свою опору, которая

сможет, в конце-концов, перевернуть старые способы обработки земли и быстро двинуть вперед дело развития производительных сил всего сельского хозяйства. *Таким образом, промышленность нуждается для своего развития в успехах сельского хозяйства и наоборот, сельское хозяйство для своих успехов нуждается в развитии промышленности.* Эта взаимная зависимость друг от друга есть самое *коренное*, что должно определять собою правильную политику со стороны руководящей партии, обязанность которой, в первую очередь, состоит в том, чтобы частные и преходящие, моментальные и временные, второстепенные и производные интересы подчинять интересам постоянным, наиболее общим, наиболее *коренным* и основным.

Мы должны в настоящее время помнить, что наша политика должна быть рассчитана не на один год, а на целый ряд лет. В настоящее время наша забота состоит не в том, чтобы как-нибудь удержаться у власти (ибо в настоящее время Советская власть твердо и прочно стоит на ногах): нам нужно думать о том, чтобы проводить политический план, рассчитанный на долгие-долгие годы. Если бы речь шла лишь о том, чтобы разделить между рабочим классом и крестьянством ту сумму национального дохода, которая получается в результате годового труда в нашей стране, и если бы речь шла *только* об этом и не шла бы ни о чем другом, тогда, разумеется, нелепо было бы говорить рабочему классу: «не бери слишком много», или уговаривать крестьянство, чтобы оно занималось самоограничением: при таком положении вещей, конечно, каждый из классов неизбежно руководствовался бы своим *непосредственным* интересом и стремился бы забрать себе возможно большую долю из совокупного национального дохода, т.-е. из всего дохода страны.

Однако, мы живем и надеемся жить вовсе не один год; мы надеемся жить долгие-долгие годы, мы надеемся идти все время вперед по пути к социализму. И поэтому задача, стоящая перед нами, задача, стоящая перед обоими классами, вовсе не так проста, как в только-что приведенном случае. Если бы эта задача состояла только в дележе *раз и навсегда* данного дохода, общего дохода страны, который *неизменен*, который раз и навсегда определен, который представляет некоторую неизменяющуюся, *постоянную*, величину, тогда, конечно, невозможно было бы никакое быстрое развитие, мы постоянно топтались бы на одном месте. Но, ведь, не в этом дело. Дело заключается в том, *чтобы постоянно повышать общий национальный доход, постоянно увеличивать и увеличивать количество и ценность товаров, ежегодно производимых в нашей стране, и следовательно, увеличивать национальный доход, весь доход всего общества в целом.*

Если увеличивается общая сумма национального дохода, то тогда есть из чего производить и дележку; если из года в год эта сумма национального дохода *постоянно увеличивается и растет*, то тогда ежегодно и на долю рабочего класса, и на долю крестьянства будет приходиться все *большая и большая* сумма ценностей, и материальное положение *обоих классов будет быстро улучшаться*. Поэтому и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения *коренных* интересов крестьянства, развивающего свое хозяйство в условиях Советской власти, необходимо вести

такую политику, которая обеспечивала бы в первую голову и в первую очередь развитие производительных сил государственной промышленности и крестьянского хозяйства, а следовательно, из года в год все быстрее идущее возрастание национального дохода.

С этой точки зрения нужно обсуждать все вопросы нашей экономической политики, и с этой точки зрения необходимо точно так же обсуждать и вопрос о политике цен. Предположим, что какая-нибудь группа рабочих говорит нам: «У нас, рабочих, в руках крупная промышленность, мы вольны ставить высокие цены, давайте их ставить, чтобы получить возможно больше прибыли для нашей промышленности; если эта промышленность будет получать большую прибыль, то она будет в состоянии больше платить рабочему, и поэтому в наших интересах политика высоких цен на продукцию нашей промышленности; всякое отступление от такой политики означало бы не что иное, как уступку мелкой буржуазии, означало бы отступление от чисто-пролетарской линии».

Было бы правильным такое мнение? Конечно, оно было бы неправильным, а предполагаемая политика была бы вовсе не пролетарской политикой, а была бы политикой цеховой, ограниченной, тупой, не видящей дальше своего носа, т.-е. попросту была бы *глупой* политикой. Эта политика предполагала бы непонимание основной связи между государственной промышленностью и сельским крестьянским хозяйством, она неизбежно привела бы к тому, что сама государственная промышленность через короткий срок остановилась бы в своем развитии, натолкнувшись на слабую покупательную силу со стороны крестьянского рынка. Можно было бы при такой политике получать, быть-может, довольно высокую прибыль в ближайшие годы за счет подрыва крестьянского хозяйства, но эта политика жестоко отомстила бы за себя через небольшой промежуток времени. Государственная промышленность неизбежно *лишилась бы рынка сбыта*, который в таких условиях был бы обречен на резкое сокращение, и, вместо дальнейшего развития и непрерывного поступательного хода промышленности, настал бы жестокий кризис, который отбросил бы эту промышленность далеко назад. В случае продолжения такой политики мы имели бы хронический промышленный застой, и если не попятное движение, то, во всяком случае, бессмысленное топтание на месте.

Предположим, с другой стороны, что известные широкие слои крестьянства смогли бы проводить на деле такую политику, которая путем чрезвычайно высокой цены на хлеб и сырье подрезала бы возможности дальнейшего развития промышленности. Тогда, при таких условиях, взявши довольно много за один хозяйственный год, сельское хозяйство через некоторый промежуток времени стало бы страдать от невозможности восстановления своего сельскохозяйственного инвентаря, не говоря уже о том, чтобы переходить к дальнейшему улучшению способов ведения своего хозяйства. Таким образом, и здесь близорукая, ограниченная, не видящая связи между городом и деревней, политика неизбежно привела бы к падению национального дохода и тем самым к ухудшению материального положения обоих основных классов нашего советского общества.

Отсюда вытекает, что *противоречие между рабочим классом и крестьянством, о котором мы говорили выше, является противоречием срав-*

нительно второстепенного порядка, и что с точки зрения правильно понятых интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил. Рабочий класс с точки зрения своих собственных интересов должен прилагать все усилия к тому, чтобы возможно быстрее налаживать свое производство, возможно дешевле производить продукты государственной промышленности и возможно дешевле продавать эти продукты, выигрывая, с одной стороны, на все большей массе продаваемых продуктов, а с другой стороны, обеспечивая каждый год все большее и большее расширение всего народного хозяйства.

Совершенно нельзя смешивать положение рабочего класса, *стоящего у власти*, с положением рабочего класса, который только еще *борется* за эту власть. Когда рабочий класс только борется за свою власть, *не его* забота — забота о всем народном хозяйстве в целом, *не его* забота о росте национального дохода, *не его* забота о цельности всего общества. Наоборот, основной и коренной его интерес заключается в том, чтобы *разломать, разбить, разрушить капиталистическое общество*. Когда же рабочий класс является классом, стоящим у власти, он становится руководителем всего общества в целом, забота о росте национального дохода есть его собственная забота, забота о развитии производительных сил есть точно так же его собственная забота, интересы развития народного хозяйства точно так же суть его собственные интересы. Это нужно понять, и из этого нужно исходить при определении нашей политики. Мы видим, таким образом, что взаимно связанные промышленность и сельское хозяйство есть основной факт, из которого нужно исходить, *а необходимость взаимной помощи промышленности и сельского хозяйства есть основное условие для прочности рабоче-крестьянского блока, без которого немислимо движение к социализму.*

VIII. Рост кооперации и классовая борьба в деревне

Когда мы говорим, что в условиях пролетарской диктатуры рост кооперации означает, по сути дела, рост социализма, это вовсе не означает еще, что весь этот процесс будет проходить совершенно гладко, без внутренних трений. Наоборот, можно сказать, что ход развития через кооперацию к социализму будет сопровождаться, в особенности первое время, т.-е. до тех пор, пока государственная промышленность не в состоянии будет провести фундамента электрификации под все сельское хозяйство, *классовой борьбой* между различными группами и различными слоями крестьянства, которые, со своей стороны, будут находиться в разных отношениях с рабочим классом. Сейчас у нас, как мы уже об этом говорили раньше, имеется налицо целый ряд слоев в крестьянстве, неодинаковых по своему социальному положению. Эти разные слои крестьянства, несомненно, будут по-разному строить кооперацию и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние. Уже самые задачи и цели, которые ставят себе кооперативные организации, несколько разнятся в зависимости от того, какой слой крестьянства имеется в виду. Если, например, мы говорим о крестьянской бедноте, о безлошадных, которые не в состоянии спра-

виться со своими наделами, у которых нет инвентаря и самых элементарных средств производства, то нам будет совершенно ясно, что эти слои крестьянства должны неизбежно тяготеть к разного рода коллективным хозяйствам (колхозам) в непосредственном смысле этого слова. Организовывать теперь же товарищества по сбыту своих продуктов им невозможно, потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего; они должны пройти еще через такую полосу своего развития, когда они будут становиться на ноги и мало-малышки поднимать производство, чтобы потом перейти уже к сбыту все большей части своей продукции на рынок. Пока они не достигли такой ступени своего развития, т.-е. пока они еще переживают время отчаянной нужды, самым важным для них является общая закупка инвентаря, рабочего скота, машин и совместное использование этого скота и этих машин на коллективных началах. Поэтому *колхозы* являются естественной формой организации *бедняцких* хозяйств. Однако, нужно сказать, что непосредственный переход к такого рода хозяйству требует очень крупной ломки старых привычек, унаследованных, от дедов и отцов, и поэтому вряд ли можно думать, что колхозное движение захватит собою *всю* широкую массу крестьянской бедноты. Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в сельскохозяйственную кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. *Основной* массой, основным ядром крестьянства, является, в первую очередь, *крестьянин-середняк*. Поэтому *основной* формой кооперации является точно так же *сельскохозяйственная кооперация* соответствующего вида. Зажиточные и крупные крестьяне равным образом будут стремиться создавать свои кооперативные организации, в том числе и кредитные, и будут стараться делать эти организации своими опорными пунктами. Так как классовая борьба в деревне начнет отмирать еще только через очень значительный промежуток времени, так как в ближайшем будущем мы будем иметь перед собою процесс *расслоения* крестьянства, т.-е. выделение его зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев — с другой, то совершенно очевидно, что будет идти классовая борьба и *между* различными ячейками обще-кооперативной организации, и *внутри* одних и тех же кооперативов: вопрос о выборах правления, о выборах должностных лиц, о паях и об их величине, об уставе кооперативных организаций, о политике, которую должно вести правление, и т. д., и т. п.; на всех этих отдельных вопросах будут развиваться целые («мирные», конечно) сражения между различными слоями крестьянства.

Таким образом, картина будет представляться довольно пестрой. В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть может, иногда и чисто-кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа. Однако, в этой картине будет все же известный *основной фон*. Ведь, нужно иметь в виду, что, несмотря на процесс расслоения крестьянства, все же будет сохраняться его *основное ядро, а именно крестьянин-середняк*, эта, как выражался тов. Ленин, «центральная фигура нашего земледелия». Если даже в условиях капитализма, при капиталистическом городе и при диктатуре буржуазии, сохраняется все же относительно до-

вольно устойчиво слой средних крестьян, то в условиях рабочей диктатуры крестьянство будет разлагаться несколько не более быстро, а, наоборот, *более медленно*. С другой стороны, по мере того, как государственная власть будет все больше и больше оказываться в состоянии подавать руку материальной помощи крестьянской бедноте и середняку, мы будем иметь *новый поворот к поравнению, но уже на совершенно иных основаниях, чем раньше*. Раньше мы в той или иной форме отнимали у зажиточных, у кулаков, и отдавали отнятое беднякам, т.-е. зажиточных делали более бедными, и таким образом достигали, как это было, например, во время комбедов, известного поравнения. Теперь же будет другое, а именно: все быстрее и быстрее будет вылезать из нищеты крестьянин-середняк и бедняк при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особым покровительством, особыми льготами, особой поддержкой, материальной и всякой иной, со стороны государственной власти рабочего класса.

Чем больше будет двигаться вперед все народное хозяйство в целом, и чем быстрее будет расти наша государственная промышленность, тем все более мощной будет поддержка именно этих слоев крестьянства, которые будут по уровню своей жизни *догонять* зажиточную деревенскую верхушку, но которые в то же самое время будут расти не за счет эксплуатации, не за счет чужого труда, а в силу *улучшенных способов ведения своего хозяйства и объединения усилий ряда крестьянских дворов через кооперативную организацию*, которые будут, следовательно, переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования. Таким образом, основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а *«трудового»* типа, ячеек, вырастающих в систему наших обще-государственных органов и становящихся таким путем *звеньями единой цепи социалистического хозяйства*. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д., вырастать в эту же систему; но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям. Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем? Предположим, например, что у нас есть кредитное товарищество, во главе которого стоят кулаки, пользующиеся там всем авторитетом. Этот кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же как и все прочие, связан с экономическими государственными органами; он, например, будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент; даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были бы быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране *заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры*. Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы. Конечно, можно, вообще говоря, было бы представить

себе такое положение вещей, когда кулацкое хозяйство нарастало бы со страшной стремительностью, когда накопление в этих хозяйствах шло бы гораздо быстрее, чем во всей государственной промышленности, и когда кулак, таким образом, *перерос бы* всю остальную экономику и, сомкнувшись с частным торговым капиталом, опрокинул бы весь строй — и экономический, и политический — пролетарской диктатуры. Но это предположение является совершенно невероятным. Ибо предположить, что кулацкие хозяйства будут расти быстрее, чем вся государственная промышленность, — это означало бы предположить нечто прямо противоположное действительности. При развитии нашего народного хозяйства в целом *быстрее всего будет развиваться ставшая уже на ноги крупная промышленность*, которая находится целиком в руках пролетарского государства. Этот рост будет определять собою всё и будет служить достаточной гарантией того, что кулак, или зажиточный крестьянин, нанимающий нескольких сельскохозяйственных рабочих, должен будет подчиняться нашему общему строю.

Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т.-е. социалистических, форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом, между прочим, будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии.

IX. Строительство социализма и формы классовой борьбы

В нашей стране в настоящее время имеются три класса, из которых два класса — рабочие и крестьяне — являются *основными* классами нашего общества и нашего строя, а третий класс — буржуазия (кулаки, нэпманы и т. д.) — существует лишь постольку, поскольку он «допущен» до известной степени и на определенных условиях «к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством. Мы видели выше, что из того положения, которое занимает теперь рабочий класс, как класс господствующий, вытекает целый ряд основных выводов для политики рабочего государства. Основной и главный вывод, как мы об этом уже говорили, заключается в следующем: *в то время как при капиталистическом строе задачей рабочего класса являлось разрушение общества, в условиях пролетарской диктатуры задачей рабочего класса является не разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества, а, наоборот, его всемерная поддержка, укрепление его, руководство им.* Из этого, в свою очередь, неизбежно следуют и другие выводы, а именно выводы, касающиеся *самой формы* классовой борьбы в нашем обществе. Классовая борьба, как мы отлично знаем, не прекращается и не отмирает сразу, а будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще. Но уже теперь мы видим, как неизбежно меняются вопрос о главном *пути* классовой борьбы и вопрос о *формах* этой борьбы. В капиталистическом обществе, где дело пролетариата заключается в том, чтобы разрушить это общество, постоянной задачей является всемерное *обострение и разжигание*

ние классовой борьбы до тех пор, пока эта классовая борьба не примет самой ожесточенной своей формы, а именно формы *гражданской войны* и вооруженной борьбы со стороны трудящихся масс против господствующего капиталистического режима. В этой борьбе старое общество ломается сверху донизу, и положение классов, в конце концов, делается совершенно иным: так называемые «низшие», угнетенные классы становятся наверху, эксплуататоры становятся классом, сопротивление которого подавляется и которому приходится, после своего разгрома, подчиниться новой власти, власти пришедших с низов классов. Итак, в капиталистическом строе задача рабочего класса — вести линию на обострение классовой борьбы, на превращение ее в *гражданскую войну*. Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны*. Положение совершенно переворачивается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуазии разбита, и поскольку на ее место уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится *партией гражданского мира*, т.-е. требует *подчинения рабочему классу* со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс *карает* и преследует теперь *всех нарушителей* этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников, — словом, всех, кто *мешает делу мирного строительства нового общества*.

В своем собственном государстве рабочий класс, после того, как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирание на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти. В соответствии с этим появляется и изменение в самих *формах* классовой борьбы. Поясним это рядом примеров. Возьмем, прежде всего, отношение к *буржуазии*. В пределах капиталистического строя по отношению к ней мы проповедывали развитие борьбы вплоть до применения вооруженной силы. Конечно, если бы буржуазия пыталась и теперь выступать против нас с оружием в руках, как она это делала в 1917, 1918, 1919 и т. д. годах, то мы тотчас же пустили бы в ход нашу вооруженную силу и расправились бы с таким противником так, как он этого заслуживал бы. Но сейчас у нас совершенно другое положение. Сила Советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим порядком вещей. В определенных рамках этой буржуазии разрешена хозяйственная деятельность. Мы вовсе не запрещаем теперь частную торговлю, мы допускаем ряд частных предприятий, мы не запечатываем уже частных лавок, мы даем, следовательно, известную возможность существования для этих кругов. Значит ли это, что прекращается классовая борьба? Нет, никоим образом. Но эта борьба существенно изменила свою форму. Со стороны рабочего

класса она продолжает вестись: наше законодательство, гарантирующее рабочее дело, обеспечивающее определенные права за профессиональными союзами, заставляющее платить частного предпринимателя страховые взносы, лишаящее эти предпринимательские круги избирательных прав в политические органы власти и т. д. — это есть новая форма *классовой борьбы*. Система налогового обложения, при которой соответствующим образом облагаются доходы и прибыли капиталистических предприятий, это налоговое обложение буржуазии, такое, какого нет ни в одной стране, — это точно так же новая форма *классовой борьбы*. Конкуренция со стороны государственной промышленности, государственной торговли, кооперации — это есть опять-таки новая форма *классовой борьбы*. Когда наше государство дает особые льготы и преимущества кооперативным предприятиям, когда это государство особо финансирует, т. е. поддерживает денежными средствами, кооперативные организации, когда оно в законодательном порядке обеспечивает за ними большие права, — все это есть новая форма *классовой борьбы*. Если в процессе конкуренции на рынке государственная промышленность, торговля, кооперация вытесняют постепенно частного предпринимателя, — это есть победа в *классовой борьбе*, но победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а совершенно в новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства.

Точно так же *меняется форма классовой борьбы и в деревне*. Правда, то тут, то там *классовая борьба* в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, причем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление *классовой борьбы* в самой острой форме. Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций, такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут. Еще всего несколько лет тому назад главной формой *классовой борьбы* внутри деревни был непосредственный административный нажим на деревенскую верхушку: вначале постоянные конфискации и реквизиции у более зажиточного крестьянства и передача этого конфискованного добра в пользу бедноты (время комбедов); затем, по сути дела, система постоянных и произвольных нажимов, которые чрезвычайно затрудняли, а иногда и делали совершенно невозможным хозяйственное продвижение вперед и соответствующую деятельность зажиточных слоев деревни, в первую очередь, деревенской буржуазии. В то время, как в городе уже с самого начала новой экономической политики мы разрешали хозяйственную деятельность частным торговцам и предпринимателям, в деревне, по сути дела, для деревенской буржуазии ставились такого рода рогатки, которые эту деятельность сильно ограничивали или делали ее почти невозможной. Теперь (лето 1925 г.) мы приходим к тому, чтобы отменить на практике такого рода систему и даем большую свободу движения буржуазным элементам деревни. *Но это вовсе не означает, что*

мы перестаем вести классовую борьбу против деревенской буржуазии. Это вовсе не означает, что мы отказываемся поддерживать бедняков и середняков против эксплуататорских слоев. Мы лишь меняем форму нашей классовой борьбы против мелких деревенских капиталистиков. Мы переходим к новой, *более целесообразной* в настоящих условиях, форме этой классовой борьбы.

В городе мы вовсе не запечатываем лавки частного торговца, мы допускаем его «работу». В результате мы получаем от этого большее оживление товарооборота во всей стране. А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности, и у нашей оптовой государственной торговли; он, с другой стороны, продает, — поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень слабой, — наши товары в различные уголки нашей страны. При этом, конечно, он наживает и получает в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И тем не менее, независимо от своей воли, он способствует, благодаря общему оживлению товарооборота, и росту нашей государственной промышленности, и росту нашей государственной торговли, более быстрому оборачиванию общего капитала страны, и в том числе капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли. Быстрее поэтому вертится и машина самого производства, быстрее идет процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности, — этой основной базы, основного фундамента, социалистического общества. С другой стороны, путем налогового обложения буржуазных слоев мы точно так же получаем добавочные средства, идущие в нашу государственную казну. Вот этот прирост материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой — от налоговых поступлений *мы направляем на помощь разного рода начинаниям, которые служат делу трудящихся классов, делу социализма.* Такого рода политика есть точно так же классовая политика с нашей стороны. Эта классовая политика имеет своей целью поддержку трудящихся против остатков эксплуататорского мира. Но форма этой политики, форма этой классовой борьбы, как мы видим, совершенно иная, чем в том случае, если бы мы просто-напросто запечатывали бы лавки частного торговца. Благодаря этой новой форме классовой борьбы, мы не только не проигрываем, а наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что мы в гораздо большей степени усиливаемся, и притом усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния.

Правда, мы не сразу могли повести такого рода политику. Когда у нас на руках были фабрики и заводы, которые не работали; когда у нас выпускалась масса денег, представлявших из себя бумажки, не имевшие почти никакой ценности на рынке; когда у нас вместо банков были одни здания этих банков; когда железные дороги не ходили; когда для работы крупных предприятий не было самых необходимейших условий (не было сырья, топлива, не было даже хлеба для голодных рабочих), то тогда давать свободу частной хозяйственной деятельности и полную свободу торговле для частных лавочников и частных мелких капиталистов было бы в высшей

степени опасно. Нам нечем было бы с ними конкурировать. У нас не было тогда в руках достаточно сильного и мощного орудия борьбы. В условиях разрухи мелкому капиталистиче-скому было гораздо легче обернуться со своим небольшим капиталом; он отличался гораздо большей ловкостью и пронырливостью, чем наши казенные учреждения, внутри которых была пустота. И если бы в то время мы дали полную хозяйственную свободу всем этим элементам, не обеспечивши самих себя, т.-е. не имея крепких позиций в хозяйственной борьбе, тогда была бы величайшая и чрезвычайно грозная опасность, что тысячи этих мелких капиталистиков захлеснут нас и побьют нас в конкурентной хозяйственной борьбе. И поэтому нам приходилось действовать с известной осторожностью, обеспечивая за собой солидные позиции на поле экономической хозяйственной битвы, т.-е. на поле классовых боев и классовой борьбы в ее новой форме. Такой позицией является в наших руках крупная промышленность, транспорт, банковая система (кредит), а также государственный бюджет и государственные финансы.

По мере нашего роста и по мере укрепления этих, — как их называют, — *«экономических командных высот»*, мы могли все более решительно разжимать наш зажим по отношению к частному предпринимателю — мелкому и среднему. Нам теперь, например, уже совершенно нечего бояться этой свободы торговли, потому что *на почве* свободы торговли, на фундаменте этой свободы торговли, *используя сами* эту свободу торговли, мы уже в состоянии, укрепив свои командные высоты, вести победоносную хозяйственную борьбу.

Теперь мы можем перенести такого рода политику и на нашу деревню, добившись того, чтобы наши деревенские работники не практиковали системы простого административного «зажима» и «прижима» по отношению к более зажиточным слоям деревни. И опять-таки, значит ли это, что мы хотим здесь отказаться от классовой борьбы с этой сельскохозяйственной буржуазией? Ничуть не бывало. Точно так же, как мы не отказываемся от классовой борьбы с городской буржуазией (нэпманами), когда мы разрешаем ей заниматься своим «делом», так и соответствующая политика в деревне отнюдь не означает отказа от борьбы. Мы изменяем лишь форму ее. Против лавок деревенских торговцев мы должны выставить не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика, который дает взаймы деньги за безбожный процент, или который сдает в наем свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешевого кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. Наши товары должны быть лучше и дешевле, чем товары частного торговца, наши кредитные ссуды должны быть больше и гораздо дешевле, чем ссуды, которые дает ростовщик, кооперация должна торговать лучше и быть более приспособленной к местному деревенскому спросу, чем частная торговля. Вот *эти* орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплуататорскими элементами деревни.

Можно, однако, спросить себя: правильно ли переносить такую политику, которая пригодна для города, на деревню? Ведь, есть одна важная для данного вопроса и крайне существенная разница между условиями хозяй-

ственной борьбы в городе и условиями этой хозяйственной борьбы в деревне. В городе у нас уже есть более или менее хорошо организованные и хорошо работающие «командные высоты»; это, ведь, наша тяжелая артиллерия в борьбе с городскими нэпманами. Но где такого рода «командные высоты» в деревне? Что мы можем выставить в деревне против ее зажиточной верхушки? Где те экономические кулаки, которыми мы могли бы на почве хозяйственной борьбы барабанить по спине деревенского кулака? Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее *экономически*, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлестнуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?

На этот, совершенно законный, вопрос мы должны дать такого рода ответ: *командной высотой по отношению к деревенской буржуазии является пролетарский город*. Нельзя себе представлять дело таким образом, что деревня развивается совершенно самостоятельно и независимо от города. Мы уже говорили, что с ростом производительных сил в стране влияние города будет все более и более решающим по отношению к развитию нашего сельского хозяйства. А сердцевина этого города, его пролетарская промышленность, его банковая система, его законодательство и т. д., и т. п., все это обернуто «лицом к деревне», т.-е. все это служит могущественнейшей опорой середняцким и бедняцким элементам деревни, опорой против ее кулацких слоев.

Промежуточным звеном между пролетарским городом и трудящейся деревней является кооперация, которая как раз и стоит на стыке между этим городом и деревней, воплощая собой в первую очередь ту экономическую смычку между рабочим классом и крестьянством, укрепить которую является основной задачей рабочего класса и нашей партии. Рост этой кооперации, в недрах которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков и мелких сельскохозяйственных капиталистиков, означает, как мы видели, непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Шаг за шагом государственная промышленность и государственная торговля, смыкаясь с деревенской кооперацией, которая, в свою очередь, перекидывается с торговли на самое производство, будет вытеснять частный капитал: промышленный, торговый и ростовщический. В общую государственно-кооперативную организацию будут вовлекаться и всасываться крестьянские хозяйства точно так же, как через различные формы кооперативных организаций (в первую очередь, промысловую кооперацию) будут сюда вовлекаться и всасываться мелкие ремесленники и кустари. Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т.-е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся, и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся.

Частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы, необходимо должно будет, однако, вызывать и

другие формы классовой борьбы, помимо борьбы чистохозяйственной, т.-е. помимо борьбы различных хозяйственных форм друг с другом. Например, батраки, которые нанимаются у сельскохозяйственной буржуазии, могут совсем не иметь своего хозяйства, борьба у них идет не такая, какая идет, напр., между середняком и кулаком, или же между бедняцким хозяйством и хозяйством кулацким. Борьба между кулаком и батраком идет по линии вопросов, касающихся условий наемного труда (величина рабочего дня, заработная плата, формы оплаты труда, общие условия работы и т. д., и т. д. Но и здесь линия классовой борьбы со стороны батраков, являющихся частью рабочего класса, стоящего в настоящее время у власти, имеет все же другие формы, чем те формы классовой борьбы, которые были свойственны капиталистическому режиму. Это вытекает из того обстоятельства, что батрачество, которое в кулацком хозяйстве находится, так сказать, под своим хозяином, в то же время, как часть господствующего класса, стоит над ним, хотя бы отдельные батраки этого и не сознавали. В чем находит себе выражение этот факт? В том, что все законодательство нашей страны направлено своим острием против эксплуататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих; в том, что профессиональные союзы рабочего класса и профессиональные союзы батраков пользуются законом признанными правами, каких они не имеют ни в одной капиталистической стране; в том, что суды нашей страны карают предпринимателей за нарушение этих законов, и т. д., и т. д. Поэтому классовая борьба со стороны батрачества в конечном счете направлена вовсе не на то, чтобы разгромить хозяйство кулаков и разделить его между собой. Мы теперь уже не можем повторять вечно одну и ту же сказку про белого бычка. Батрачество ведет свою классовую борьбу в других формах, вынуждая через свои профессиональные организации и через свою государственную власть, власть Советов, соответствующие условия труда и прибегает к судам своего класса, если необходимо обуздывать сельскохозяйственных предпринимателей. Точно так же батрачество помогает, будучи частью всего рабочего класса, организации не только наемных рабочих в сельском хозяйстве, но и оказывает всемерную помощь делу организации крестьянской бедноты и середняков, являясь, таким образом, живой соединительной тканью между городскими индустриальными рабочими и широкими слоями трудящегося крестьянства. Это не значит, что у нас не может быть никаких старых форм борьбы. К стачке, например, батракам не раз придется прибегать в их борьбе с кулачеством. Но и в случае таких столкновений дело идет по-иному, так как за батраков стоят все органы власти, оказывающие давление на частного хозяина.

Х. На кого нам нужно ставить свою ставку?

Нам нужно разобрать те вопросы, которые мы только-что выяснили, и несколько с другой стороны. Дело в том, что некоторые товарищи, не понимая сути вопроса, недоумевают по поводу принятого нашей партией политического курса по отношению к деревне. У некоторых, например, появляются такого рода рассуждения.

Во время гражданской войны мы-де опирались на союз городского рабочего класса и деревенских полупролетариев, батраков, полубатраков, мелких крестьян, деревенской *бедноты* вообще. Эта линия нашей политики выражала «истинно-пролетарскую» линию, «левый», настоящий, чисто-«пролетарский» курс. Через некоторое время мы переместили центр тяжести нашей политики в деревню. Раньше мы ставили ставку на деревенскую бедноту и опирались в деревне на такие организации, как комитеты бедноты; потом мы провозгласили лозунг поддержки *середняка*, крестьянин-середняк стал выпячиваться, как «центральная фигура нашего сельского хозяйства»; таким образом, мы, быть-может, незаметно сами для себя, от *ставки на бедноту* перешли к *ставке на середняка*, т.-е. повернули курс *направо, в сторону* от «чисто-пролетарской» линии; прошло еще несколько времени, и мы теперь заговорили о большей хозяйственной свободе для *зажиточного крестьянина* и даже для кулака; другими словами, мы теперь повернули еще *более «вправо»* и, повидимому, ставим свою ставку именно на этого зажиточного, поскольку «провалилась» наша ставка сперва на бедноту, а потом на середняка. Не есть ли это новый поворот нашей политики вправо? Не обозначает ли все это, вместе взятое, неуклонного и систематического *отступления* от пролетарской политики и все большего превращения политики нашей партии в политику постоянных и все дальше идущих уступок, сперва середняку, а потом более чем среднему буржуа? Не есть ли это, другими словами, ясно очерченная линия *вырождения* нашей партийной политики? Не есть ли это *сдача* наших позиций и *капитуляция* перед растущими капиталистическими отношениями в нашей стране?

Такого рода мысли и такого рода возможные возражения необходимо самым внимательным образом разобрать. Оставлять их без ответа никоим образом нельзя; тут нужно договориться совершенно на-чистоту, потому что без понимания сути нашей политики (а такое понимание невозможно, если нет ответа на только-что поставленные вопросы), без этого понимания нашей политики, конечно, немисливо вести сколько-нибудь хорошо дело руководства такой огромной страной, как наша, со столькими внутренними противоречиями и с такими сложными задачами, какие стоят на нашем пути.

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы и возражения, целесообразно будет, прежде всего, поставить вообще вопрос о так-называемой новой экономической политике. Когда мы переходили от системы военного коммунизма к новой экономической политике, то некоторым казалось, будто эта новая экономическая политика означает на деле капитуляцию перед буржуазией. Все враги коммунистической партии и диктатуры пролетариата, «свои» и заграничные, неустанно говорили и писали о *крахе* коммунизма в России, о том, что русские большевики, проделав неудачный опыт осуществления настоящего социализма, быстро разочаровались в этом опыте, ибо он показал полную неосуществимость социалистического строя, и, призвав на помощь ту же самую буржуазию, которую они хотели уничтожить, тем самым расписались в полном своем бессилии. В начале новой экономической политики заговорщики иностранные и русские, эмигрантская (белая) печать неустанно твердили, что в России сделан огромный шаг по пути к восстановлению старого порядка, что за этим шагом неизбежно

будут делаться и остальные шаги по пути назад к капитализму: будут-де возвращаться фабрики и заводы, прежние владельцы будут призваны в качестве варягов, спасающих Русь и наводящих в ней порядок, исчезнут все и всяческие «национализации» и «монополизации», и вновь водворится с помощью самих «образумившихся» большевиков старый капиталистический строй, который тем самым еще и еще раз докажет свою громадную жизнеспособность и все свои преимущества перед всеми и всяческими социализмами и коммунизмами. Говорилось также, что большевики, которые раньше «ставили ставку» на рабочий класс, теперь ставят эту ставку на буржуазию, старую и новую, которая вывелась под крылышком военного коммунизма, прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знает все ходы и выходы в новом советском строе и поэтому неизбежно окажется гораздо более приспособленной к большевистскому режиму.

Однако, можно ли сказать, что новая экономическая политика означала капитуляцию перед капитализмом? Можно ли сказать, что дело трудящихся *проиграно* вместе с введением новой экономической политики? Можно ли сказать, что новая экономическая политика означала отказ от социалистического строительства, крах коммунизма и т. п.? Можно ли, наконец, сказать, что эта новая экономическая политика означала ставку на буржуазию?

Теперь, когда эта так-называемая новая экономическая политика насчитывает уже изрядное количество лет, когда она уже получила проверку на опыте, и когда мы можем уже подвести довольно внушительные итоги этой политики, мы ясно видим, что в результате ее мы имеем *громадный прирост сил на стороне рабочего класса и трудящихся масс вообще*, на стороне социализма в его борьбе с частно-капиталистическим хозяйством. Благодаря новой экономической политике, мы одержали крупные успехи в области хозяйства, и притом развитие производительных сил нашей страны шло в таком направлении, что все больший и больший перевес получали и получают *социалистические* формы хозяйства и формы, близкие к ним, идущие по пути к социализму. В общей сумме хозяйства нашей страны вовсе не видно того, чтобы по сравнению с государственным и кооперативным хозяйством все рос и рос частный капитал. Наоборот, позиции государственного и кооперативного хозяйства все более и более *укрепляются* на поле общего подъема благосостояния в стране. Раз это так, — а это именно так, — то как же можно говорить о какой бы то ни было капитуляции? или об отступлении от пролетарской линии? или о ставке на буржуазию? Хороша «ставка на буржуазию», в результате которой выигрывает в первую голову социалистический пролетариат! Хорош «крах» коммунизма, в результате которого государственное хозяйство пролетарской диктатуры идет после целого ряда лет оцепенения и мертвого состояния к своему быстрому экономическому подъему!

На самом деле «крах коммунизма» был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так-называемого «военного коммунизма». Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, не мог представлять себе всей слож-

ности того пути, по которому ему придется идти. В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплуататоров, конфискации, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением (карточки и прочее). Опыт показал нам, однако, что такого рода задача нам не под силу, да и по существу эта задача не может быть разрешена, когда имеется в наличии колоссальное количество мелких хозяйств, которые никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Долго держаться на запрещении свободной торговли по отношению к мелкому производителю, в том числе, и в первую голову, по отношению к крестьянину, было нельзя; это означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречена на слом. Крестьянин и мелкий производитель вообще, который привык свободно распоряжаться своим продуктом (продавать его, если он захочет этого), теряли всякий интерес к улучшению и расширению своего производства при системе военного коммунизма. Поэтому получалось то, что сельскохозяйственное производство не могло развиваться и идти вперед при такой системе. *Не было правильного сочетания между частными интересами мелкого производителя и задачами и целями пролетарского социалистического строительства.* Это сочетание, эту связь нужно было в первую голову найти. Новая экономическая политика и означала, прежде и раньше всего, такого рода связь и сочетание. Выше мы видели, как, зацепляя за частно-хозяйственные интересы мелкого производителя, можно — через кооперацию — постепенно подводить его к социализму, не ломая сразу и круто привычного строя жизни и не возбуждая, таким образом, против себя мелкобуржуазных привычек и даже суеверий широких трудящихся масс крестьянства. Вспомним, что в нашей стране около 100 миллионов крестьянского населения, больше 20 миллионов крестьянских дворов; вспомним, что крестьянское хозяйство есть хозяйственная основа нашей государственной промышленности, — и тогда сразу станет ясным, какой толчок вперед должна была получить наша страна с переходом к новой экономической политике. Мы теперь ясно видим наш путь к социализму, который пролегает не там, или, вернее, не совсем там, где мы искали его раньше. Мы думали, что мы можем одним взмахом и сразу уничтожить рыночные отношения. Оказалось, что мы придем к социализму *именно через рыночные отношения.* Можно сказать, что эти рыночные отношения будут уничтожены *в результате своего собственного развития.* Каким образом?

Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, *крупное производство в конце-концов вытесняет мелкое, средний капитал отступает перед более крупным капиталом,* и, в конце-концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группы крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается, и производство

сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто *по виду* похожее будет происходить и у нас, и происходит уже и теперь, с тою только существеннейшею разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные «предприятия»; у нас есть *государственные* предприятия, у нас есть *кооперативные* предприятия, у нас существуют, наконец, *частно-капиталистические* предприятия и т. д. *Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства.* В руках частно-капиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышленности крупное производство точно так же находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела, — а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем, — все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей «мелкости», как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей *кооперативной организацией*, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно так же отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, *в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию* государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т.-е. частный капитал. В конце-концов, развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д., и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов.

Таким образом, наше представление о развитии к социализму в значительной мере изменилось; но эти изменения ни капли не выражают собой отступления от пролетарской политики; наоборот, они выражают собой учет громадного революционного опыта. Мы впервые в новой экономической политике нашли правильное сочетание между частными интересами мелкого производителя и общим делом социалистического строительства. *Новая экономическая политика есть не измена пролетарской линии, а единственно правильная пролетарская политика.* Теперь это стало уже яснее ясного.

Определить, не является ли наша политика отступлением от правильной пролетарской линии, вообще говоря, можно наилучшим образом тогда, когда

мы привлекаем к делу *результаты* этой политики. И если результаты эти говорят, что социалистические хозяйственные формы усиливают свой вес в общем хозяйстве страны, то одного этого вполне достаточно, чтобы решить весь вопрос. Политика комбедов в деревне разрешала, по сути дела, две задачи, которые выдвигались тогда на очередь дня: во-первых, задачу борьбы с *сопротивлением* кулаков; во-вторых, задачу *сбора хлеба по продразверстке*, без чего нельзя было прокормить *армию*. Но эта политика не решала и не могла решить *задачу хозяйственного подъема деревни*. Хозяйственный подъем в деревне, т.-е. подъем громадного количества мелких хозяйств невозможен без подъема основной хозяйственной массы крестьянства, крестьянина-середняка. Поскольку этот хозяйственный подъем имеется налицо, постольку даются и основы для подъема государственного хозяйства в городе. Значит ли это, что здесь забывается беднота? Никак не значит, ибо общий подъем хозяйства в стране и подъем государственного хозяйства дает *гораздо больше возможности* не на словах только, а на деле, не на бумаге, а в жизни, не одними декретами, а *настоящей материальной помощью оказывать содействие бедноте*. И если еще до сих пор эта помощь не оказывается в надлежащей степени, то основной причиной этого является *недостаточно быстрый ход накопления средств в нашем государственном хозяйстве*. Поэтому, именно поэтому, нам нужно приложить все усилия, чтобы ускорить рост наших материальных средств, ускорить «темп» накопления в нашей государственной промышленности, ускорить приток добавочных средств в нашу государственную казну.

Для того, чтобы решить эту задачу, необходимо *дальнейшее развязывание товарооборота* в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая большая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т.-е. *перенесение новой экономической политики на деревню*. Теперь это нам ни капли не опасно, ибо у нас, как мы говорили выше, *уже есть командные высоты*; а, с другой стороны, это даст возможность, ускоряя товарооборот в стране, более быстро накапливать, даст возможность и *более быстрой помощи бедняцкой и середняцкой кооперации*, колхозам, сельскохозяйственной кооперации, потребительским обществам. *Наша действительная ставка есть ставка на нас самих, есть ставка на рабочий класс и трудящееся крестьянство, есть ставка на рост социалистических хозяйственных форм, на рост государственной промышленности — в первую очередь, на рост сельскохозяйственной кооперации — во вторую. Смычка между двумя этими основными формами есть необходимое условие нашей победы.*

XI. Диктатура пролетариата и ее разное значение по отношению к разным классам

Развитие нашего теперешнего общества по направлению к социалистическому обеспечивается тем, что у власти стоит рабочий класс, и что у нас имеется налицо его *революционная диктатура*, т.-е. *его единовластие*. Общее значение диктатуры пролетариата состоит, во-первых, в том, что она есть орудие подавления эксплуататоров, орудие подавления с их стороны всяческих попыток возвратиться к власти; с другой стороны, общее значе-

ние пролетарской диктатуры состоит в том, что она есть основной рычаг экономического преобразования общества. Рабочий класс использует машину государственной власти, находящейся в его руках, для того, чтобы *все время преобразовывать экономические отношения общества на социалистический лад*. В самом начале, после захвата власти, лишь только был заложен фундамент нового государственного строя, эта власть была употреблена рабочим классом на то, чтобы «экспроприировать экспроприаторов», т.-е. отнять у фабрикантов и заводчиков их фабрики и заводы и сделать их собственностью государства. Рабочая власть закрепила точно так же окончательно и раз навсегда конфискацию всей помещичьей земли и объявила эту землю собственностью всего народа (национализация земли). По мере своего упрочения, Советская власть, ведя политику постоянного и систематического укрепления всех ростков социалистических — общественных и хозяйственных — форм, является, таким образом, орудием общественного преобразования. После всего сказанного в предыдущих главах можно сделать тот вывод, что, по мере роста прочности советского строя, *центр тяжести все более и более перемещается с дела непосредственного и механического подавления эксплуататоров и остатков враждебных рабочему классу общественных групп на дело хозяйственного преобразования общества, на мирно-организаторскую работу, на хозяйственную борьбу с частными предприятиями, на дело строительства социалистических хозяйственных форм (государственные предприятия, кооперация и т. д.)*.

Диктатура пролетариата, т.-е. рабочего класса, организованного как государственная власть, не может не относиться *по-разному* к различным слоям общества, к различным классовым группировкам. Было бы в высшей степени странным, если бы власть рабочего класса не различала этих слоев, не видела громаднейшей разницы между различными общественными классами и группами и вела одну и ту же, совершенно одинаковую, политику, т.-е. находилась бы в одинаковых отношениях к этим различным классам, слоям и группам.

Роль пролетарской диктатуры по отношению к *сопротивляющимся ее режиму слоям буржуазии* состоит в *подавлении* этих слоев. Если, например, к нам приезжают из-за границы агенты российской контр-революции создавать у нас тайные организации и кружки, ставящие себе целью борьбу с Советской властью и ее свержение, то по отношению к такого рода буржуазно-помещичьим слоям пролетарская диктатура означает собою меч разлий, который беспощадно расправляется с заговорщиками, желающими подорвать всякую возможность общественного преобразования в социалистическом духе. Совершенно другой является наша пролетарская власть, и совершенно другой является роль пролетарской диктатуры по отношению к тем слоям буржуазии, которые, по выражению тов. Ленина, *«допущены к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством*. В самом деле, мы знаем, что у нас целый слой буржуазных предпринимателей, в первую очередь торговцы, занимаются своей деятельностью, так-сказать, на законных основаниях; наши советские законы допускают эту деятельность. В чем состоит роль пролетарской диктатуры по отношению к этим слоям буржуазии? Она состоит, во-первых, в *ограничении* этой деятельности целым рядом

условий (рабочее законодательство и законы о труде, права профессиональных союзов, налоговое обложение различных видов и т. д.); во-вторых, роль пролетарской диктатуры заключается в *использовании* этих элементов для дела социалистического строительства (общее оживление товарооборота, употребление налогов, получаемых с этих слоев, на поддержку социалистических хозяйственных форм и т. д.); в-третьих, в *хозяйственной борьбе* с этими слоями путем *конкуренции* с ними на рынке (государственные предприятия, поддержка конкурирующей с частным капиталом кооперации и т. д.). Если мы спросим теперь себя, какова же главная задача пролетарской диктатуры по отношению к новой буржуазии, то короткий ответ на этот вопрос может быть выражен, примерно, в такой форме: эта задача есть задача *использования и вытеснения*. Здесь имеются, следовательно, такого рода отношения, которые в конце-концов приведут к уничтожению частнокапиталистических форм путем их *вытеснения*. Поставим теперь вопрос о роли и значении пролетарской диктатуры по отношению к *трудовому крестьянству* — беднякам и середнякам. Есть ли здесь хоть какой-нибудь элемент борьбы? Элемент борьбы здесь, несомненно, есть, но он неизмеримо меньше, чем в отношениях с новой буржуазией. В чем выражается этот элемент борьбы? Он выражается в борьбе с *колебаниями* некоторых слоев крестьянства в сторону буржуазии. Мы уже видели, что, благодаря частному характеру своего хозяйства, благодаря своей темноте и вековой заботности, благодаря тому, что крестьянство не привыкло к коллективным формам и только-только начинает к ним переходить, оно склонно при известных условиях, в особенности в тяжелые критические моменты, к колебанию в сторону буржуазии. И вот с этими-то колебаниями, с этими уклонами, вытекающими из двойственной природы самого крестьянства (с одной стороны — труд, с другой стороны — частный характер хозяйства), пролетарская диктатура должна вести, разумеется, каждый раз в подходящей форме, решительную борьбу. Однако, основной задачей пролетарской диктатуры по отношению к трудящемуся крестьянству является задача *помощи и перделки*, переработки хозяйственного уклада крестьянства. Крестьянское хозяйство при помощи пролетарской диктатуры будет превращаться, в первую очередь через кооперирование, в *новую, высшую* форму, гораздо более крупную, гораздо более культурную и развивающуюся по пути к социализму. Этот процесс будет идти не через «вытеснение», «пожирание», «уничтожение» крестьянского хозяйства, а именно через его *медленную переработку*. Если частнокапиталистические предприятия, в результате пролетарской диктатуры, в результате ее политики, будут вытесняться и *гибнуть*, отступая перед конкуренцией государственных предприятий и кооперативов, то крестьянское хозяйство отнюдь не будет гибнуть, а будет *переходить* в иные, высшие, формы. Государственное предприятие *конкурирует* с частным предприятием и, в конце-концов, *завоевывает* его. Государственное предприятие *не* конкурирует с крестьянским хозяйством, а *помогает* ему подняться на высшую ступень, *не* *завоевывает* его в конкурентной борьбе, а *организует* его через кооперацию.

Таким образом, у пролетарской диктатуры по отношению к крестьянству есть такого рода связь, которую можно обозначить словом *союз*. В этом

союзе, как мы уже знаем, *руководство* принадлежит рабочему классу, организованному в государственную власть.

Чтобы совершенно ясно и отчетливо представлять себе дело так, как оно есть, нужно строгое различие между двумя вещами: между *сотрудничеством в обществе, с одной стороны, и сотрудничеством во власти, т.-е. разделом* этой власти между классами, — с другой. *Сотрудничество и даже союз*, союз крепкий и ненарушимый, не есть еще *раздел* власти. У рабочего класса с крестьянством есть полное сотрудничество в обществе, есть отношение союза. Это значит, что государственная промышленность и крестьянское хозяйство должны помогать друг-другу, это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе сражаются против помещиков и капиталистов, если они идут походом против советских республик; это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе борются на хозяйственном фронте против частного капитала. Но это еще не значит, что у нас есть *раздел власти*, что у нас имеется не диктатура рабочего класса, а диктатура двух классов, т.-е. и рабочего класса, и крестьянства. Ведь, самый союз есть союз между кем? Между рабочим классом, организованным как государственная власть, и крестьянством; в самой государственной власти крестьянства, как соучастника этой власти, нет, но эта рабочая власть находится в союзе с крестьянским классом. Почему это так, и почему в наших условиях, т.-е. в условиях перехода общества к социализму, необходима именно диктатура *одного* класса, т.-е. пролетариата? Это необходимо потому, что *только* пролетариат представляет из себя такого рода общественную силу, которая совершенно сознательно и твердо может вести все общество к социализму. Мы видели выше, что руководство на этом пути, руководство в союзе между рабочим классом и крестьянством должно принадлежать пролетариату, и что только при таком руководстве возможно победоносное продвижение вперед к социализму. Но диктатура пролетариата, т.-е. организация пролетариата в государственную власть, и есть организация *руководства* по отношению к широким массам крестьянства. Однако, рабочий класс вовсе не ставит своей целью вечное «царство пролетариата», он вовсе не ставит своей задачей вечное существование пролетарской диктатуры, а равно и свое собственное существование, как постоянно и вечно существующего господствующего класса.

Рабочий класс ставит своей действительной задачей, к которой он медленно, но неуклонно идет и ведет за собою все общество, *переделку широких народных слоев* и, в первую очередь, переделку *самого крестьянства*, перевоспитание его на социалистический лад, постоянный его подъем и подтягивание к тому уровню, материальному, экономическому и культурно-политическому, на котором находятся самые передовые слои пролетарского населения. По мере переработки широких слоев крестьянства, по мере их перевоспитания, *они будут все более и более сближаться с пролетариатом*, смешиваться с ним и превращаться в одинаковых членов социалистического общества. Разница между классами будет все более и более исчезать. И, таким образом, самые широкие слои крестьянства, «переделывая свою собственную природу», будут сливаться с работниками города, диктатура пролетариата, как особого класса, будет все более и более отмирать.

В капиталистическом обществе про буржуазию можно тоже до известной степени сказать, что она, эта буржуазия, являлась *руководительницей* всего общества, его самым передовым и самым образованным классом; но руководство со стороны буржуазии и руководство со стороны пролетариата самым резким, самым глубоким, самым коренным образом отличаются друг от друга. Ибо развитие капиталистического общества, во главе которого стояла буржуазия, приводило к тому, что разница между господствующими классами и классами угнетенными, между буржуазией, с одной стороны, рабочим классом и крестьянством — с другой, все более и более обострялась и увеличивалась. Немыслимо и думать, чтобы в рамках и пределах капиталистического строя рабочий класс и крестьянство выравнивались по своему материальному положению, по уровню своей жизни, по своему образованию, по своему общественному положению с буржуазией. Это противоречило бы самым коренным основам буржуазного общества. Наоборот, самая суть этого буржуазного общества состоит *во все более резком делении его на классы*, самая коренная суть буржуазной политики состоит в том, что при ее помощи буржуазия обеспечивает за собою, *исключительно* за собою, все преимущества материального положения и все преимущества образования: буржуазия имеет в странах, где она господствует, не только монополию (т.-е. исключительное владение) на средства производства, фабрики, заводы, железные дороги и прочее; она имеет монополию не только на государственную власть, к которой никого не подпускает; но она имеет и полную фактическую монополию на высшее образование, на прессу (газеты, журналы), на науку и т. д. Новые ученые, новые администраторы, новые инженеры, новые офицеры и генералы, одним словом, новые *руководящие кадры* общества постоянно воспроизводятся не из низших слоев народа, не из рабочих и крестьян, а из слоев той же самой буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые без конца пользуются, фактически наследственным путем, всеми преимуществами своего положения. Буржуазия никогда не ставила и не могла ставить своей задачей поднять и поднимать, систематически и неуклонно, новые и новые народные пласты к культурной жизни, ибо это означало бы падение ее собственного могущества.

Совершенно другую политику, *прямо противоположную*, ведет рабочий класс. Его задачей является не воспроизводство того же отношения между классами: его задачей является *преодоление* классовых различий, уничтожение этих классовых различий путем перевоспитания широких народных масс; для этого он пользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами и всем могуществом своей государственной власти. Основой этой переделки является переделка *экономических отношений* общества, развитие этого общества по пути к социализму. А вместе с этим и наряду с этим рабочий класс употребляет все усилия, чтобы перерабатывать широкие народные слои и, в первую очередь, своего надежнейшего союзника по борьбе с помещиками и капиталистами — крестьянство. Это находит, между прочим, свое выражение в политике *вовлечения крестьянства в советское строительство*. Привлекая все большее и большее количество беспартийных крестьян к советской работе и помогая им на этой работе перевоспитываться, расти, переделывать свою природу, приобретать навыки,

необходимые для дела государственного управления, учиться пониманию не только местных, но и общегосударственных задач и т. д., рабочий класс тем самым постепенно начинает стирать границу между собой и передовыми слоями крестьянства. Через эти передовые слои будут переходить на более высокую ступень и подниматься к новой жизни, активной и сознательной, другие слои, новые группы крестьянства, и мало-по-малу, на основе пролетарского руководства, крестьянство будет все ближе и ближе срастаться по своим привычкам, навыкам, мыслям, целям и задачам с рабочим классом. Подобно тому, как через кооперацию крестьянское хозяйство будет срастаться с государственным хозяйством пролетариата и, в конце-концов, переработав само себя, волеется в единое плановое социалистическое хозяйство, подобно этому всем ходом жизни крестьянство будет срастаться с рабочим классом, изменять в этом процессе свою собственную природу и, в конце-концов, сольется с рабочим классом в едином социалистическом трудящемся обществе. Если в начале этого процесса между городским рабочим классом и крестьянством проходила широкая борозда, которая отделяла рабочего, как прирожденного сторонника коллективных форм (общественных форм) труда и борьбы, от крестьянина, как сторонника мелкого частного хозяйства, то, по мере роста кооперации, по мере роста политического и общекультурного воспитания крестьянства, оно будет все более превращаться сперва в нечто похожее на просто-напросто отставший и отсталый широкий слой рабочего класса, а затем будет все более и более приближаться к нему, пока борозда, проходившая между обоими классами, не будет окончательно засыпана, и оба класса не сольются раз и навсегда в едином типе трудящихся членов социалистического общества. Это будет и уничтожением (отмиранием) за «ненадобностью» самой пролетарской диктатуры. Но для того, чтобы дойти до этой цели, необходима постоянная и твердая политика, которая, имея в виду эту цель, властно направляет ход общественного развития. Вот почему нужно сохранение полностью на данной ступени развития единственной действительной гарантии правильной политики, каковой гарантией является строй пролетарской диктатуры, опирающейся на крестьянство и находящейся в союзе с этим крестьянством.

ХII. Формы пролетарской диктатуры

Общая форма пролетарской диктатуры — это есть Советская власть, Советское государство, в его отличие от так-называемой буржуазной демократии. Специальной особенностью этой формы государственной власти являются следующие ее отличительные черты. Прежде всего, она *не допускает* к выборам в государственные органы *представителей буржуазии*. Она ограничивает избирательные права с совершенно обратного конца, чем это делается в буржуазном государстве, где в той или иной форме прямо или косвенно, прикрыто или открыто, лишаются избирательных прав, или ограничиваются в своих избирательных правах представители *трудящегося* народа. Во-вторых, Советская власть ограничивает целый ряд «свобод», или вовсе уничтожает эти свободы для *представителей буржуазии*. Она запрещает, например, политические организации буржуазии. Она запрещает этой буржуазии иметь свои политические боевые органы, в том числе и

органы печати и т. д. В-третьих, зато она в небывало широкой степени *осуществляет на деле свободу рабочих* организаций, их печати, их собраний и проч., вызывая тем самым небывалый расцвет всевозможных объединений рабочего класса и трудящихся масс вообще, проводя, таким образом, на деле широкую *демократию трудящихся* в отличие и в противоположность *демократии для богатых*, демократии для буржуазии, как это практикуется в капиталистических странах. В этих последних рабочий класс и крестьянство часто имеют разного рода права, но эти права имеют в подавляющем большинстве случаев формальный (т.-е. лишь на бумаге существующий, а в действительной жизни не существующий) характер. Например, на бумаге может быть признана свобода и рабочей печати, но так как все типографии, вся бумага, все здания находятся в руках крупных капиталистических собственников, то революционная рабочая газета не может найти себе фактически места: ее отказываются печатать даже в том случае, если есть материальная возможность ее издавать; или на бумаге может существовать право собраний, но рабочие организации не могут собраться за «неимением помещения» и т. д., и т. п. У нас при Советской власти последняя обеспечивает все более и более на деле эти свободы, т.-е. осуществляет *проведение этих свобод в жизнь*, ибо Советская власть дает *гарантии* этого осуществления; она материально поддерживает рабочую печать, она предоставляет рабочим организациям лучшие помещения в городе, она дает крестьянам-передовикам возможность устройства своего клуба, отдавая лучшие помещения в деревне и т. д., и т. п. Ее почта распространяет рабочую печать, ее милиция охраняет рабочие собрания. Словом, все организации государственной власти претворяют в жизнь то, что является необходимым для действительного осуществления самого широкого участия рабочих масс в активном строительстве нового общества.

В-четвертых, Советская власть не оторвана от организаций рабочих и крестьян; наоборот, ее существеннейшей особенностью является то, что она непосредственно связана и непосредственно опирается на огромную сеть разнообразнейших организаций трудящегося народа: профессиональные рабочие союзы, крестьянскую кооперацию, кусткомы, комнезамы, рабкоровские и селкоровские организации, всевозможные добровольные общества и объединения и т. д., и т. п. Советская власть поднимает все новые и новые слои даже наиболее отсталого трудящегося населения; например, она организует и всемерно поддерживает различные формы объединения женщин-работниц, крестьянок, женщин угнетенных прежде империализмом и наиболее отсталых национальностей, всемерно пробуждая в них сознание необходимости идти к новой жизни и самим принимать участие в построении этой новой жизни. Многочисленные и разнообразные организационные ячейки всех этих объединений трудящегося народа, и, прежде всего, рабочего класса, связаны прямо или косвенно тесной связью с органами Советской власти, образуют, по сути дела, единую с нею систему, которая охватывает, организует, просвещает, перерабатывает громаднейшие слои трудящихся.

При капиталистическом режиме государственная власть опирается на замкнутые организации небольших слоев крупных капиталистов. Если она связана с организациями трудящихся, то исключительно в целях их *развращения*

щения и обмана; в таких случаях целью этой связи является не привлечение трудящихся к установлению нового порядка, а к тому, чтобы *отвлечь* рабочий класс и крестьянство от осуществления их *самостоятельных* целей и классовых задач, к тому, чтобы заставить их лучше работать *на буржуазию* и лучше подчиняться государственной власти этой *буржуазии*.

В условиях советского режима сама Советская власть есть по существу дела выражение воли трудящихся масс, есть наиболее широкая и всеобъемлющая форма организации этих масс. Если государство у нас есть государство рабочего класса, если существующая у нас диктатура есть диктатура пролетариата, то связь этого государственного аппарата не только с рабочими, но и с крестьянскими организациями является его предпосылкой, является мостиком, по которому крестьянство постепенно переходит *«на точку зрения пролетариата»*.

В-пятых, Советская власть построена таким образом, что участие в политической жизни, например, участие в избирательных кампаниях в советы и работа в этих советах, в корне отличается от избирательных кампаний и участия в так-называемой парламентской работе. В буржуазных республиках граждане выбирают раз в 4 или 3 года, или в какой-нибудь другой срок, депутатов в парламент, и тем почти ограничивается их политическая жизнь. С другой стороны, депутат парламента, не могущий быть отозванным своими избирателями, представляется исключительно парламентским говоруном. В наших условиях избирательные кампании в советы и работа в этих советах означают вовлечение и *избирателей* и, в очень большой степени, *депутатов в действительную, настоящую работу по управлению государством*, ибо избиратели участвуют в этой строительной работе даже в самых низовых избирательных ячейках, например, на фабриках или на заводах, тогда как их представители в советских органах точно так же обязательно выполняют какую-нибудь руководящую работу по управлению государством или той или иной частью государственного хозяйства и т. д., и т. п.

Можно еще было бы указать ряд признаков, которые глубоко отличают советскую форму государства от всякой иной государственной формы. Легко видеть, что назначения, цели, задачи Советской власти, власти основного класса, переворачивающего весь старый порядок, весь старый мир, в корне *противоположны* характеру, целям и задачам буржуазных государств.

Но эта самая форма Советской власти, со своей стороны, испытывает ряд изменений в зависимости от той обстановки, в которой приходится *трудящимся бороться за осуществление своего дела*.

В эпоху так-называемого военного коммунизма, когда вся страна была превращена в осажденную крепость, когда главнейшей задачей власти была организация вооруженного отпора противнику, когда нужно было, в первую очередь, быстро и решительно отбиваться от него, не столько обсуждать, сколько руководить в виде приказов и команды, *по-военному*, тогда, совершенно естественно, форма пролетарской диктатуры была *формой военно-пролетарской диктатуры*. Широкие органы Советской власти, пленумы советов, фактически, на деле, почти-что отмерли, и руководство перешло исключительно к президиумам исполкомов, т.-е. к узким коллегиям, к «тройкам», «пятеркам» и т. д. Очень часто, в особенности в местностях,

близких к территории, занятой неприятелем, или в таких местностях, которые были под угрозой со стороны неприятеля, создавались, вместо «правильных» органов Советской власти, т.-е. органов, действительно, на деле, выбранных всем трудящимся населением, местные так-называемые «революционные комитеты» (ревкомы), которые, вместо того, чтобы выносить вопрос на массовое обсуждение и на предварительное решение широких кругов трудящихся, действовали совершенно самостоятельно. Эта форма власти советов не переставала, конечно, быть выражением интересов трудящихся; она была *необходима* для того периода, была целесообразной для того времени, когда нужно было сократить до минимума всякую говорильню, всякую дискуссию, когда нужно было временами даже поступаться задачей воспитания масс, а когда нужно было действовать, действовать и еще раз действовать на поле вооруженной борьбы с врагами трудящегося народа. В связи с этим строем *военно-пролетарской диктатуры* тогдашнего периода стояло и отсутствие точно определенных и подлежащих строгому выполнению *законов*, которые по большей части заменялись приказами и распоряжениями, менявшимися в зависимости от боевой обстановки.

Методы конфискации и реквизиции были совершенно обычными методами в это время. Все это вытекало из навязанной рабочему классу и крестьянству невероятно жестокой гражданской войны, в условиях мучительно-трудных.

С переходом к мирному времени, и в особенности с переходом нашей страны к *хозяйственному подъему* по всей линии, совершенно естественно должна вновь *измениться форма Советской власти в смысле изживания и уничтожения остатков военно-коммунистического периода.*

Революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного. В полосе мирного строительства, когда хозяйственная деятельность стоит на первом плане, всякое бессистемное, произвольное, случайное, непредвиденное вмешательство в ход экономической жизни может чрезвычайно печально отражаться на этой хозяйственной жизни. Начать, прежде всего, с крестьянского хозяйства. Мы сами говорим и пишем, обращаясь к крестьянству, о необходимости более правильного ведения дел в крестьянском хозяйстве; мы предлагаем переходить с трехполья на многополье, мы предлагаем целый ряд новых улучшенных способов земледелия и животноводства, мы говорим о необходимости лучшего учета всех элементов хозяйства, об их лучшем, более целесообразном и более правильном использовании; наша агропропаганда вся пропитана такого рода предложениями, и крестьянство, в особенности его наиболее сознательные и наиболее культурные слои, так-называемые «крестьяне-передовики», охотно идут по этой линии. Но если мы предлагаем крестьянину лучше учитывать все то, что у него есть в хозяйстве, и лучше это учтенное использовать, то, само собой разумеется, всякий произвол и все непредвиденное, что идет со стороны Советской власти, приходит в резкое противоречие и резкое столкновение с нашей собственной пропагандой и с требованием правильности в ведении хозяйства. В самом деле, как может крестьянин *рассчитать*, что ему необходимо сделать и какие затраты произвести, если он, например, не будет совершенно точно знать, как и в какие сроки ему придется вносить сельхозналог?

Как он будет правильно вести свое хозяйство, если на него может сыпаться град совершенно непредвиденных распоряжений, и если нет твердой, заранее известной системы законов, подлежащих строгому и безусловному выполнению? Эта *новая* обстановка, в корне отличающаяся от военной обстановки времен гражданской войны, властно требует правильной постановки всего дела управления; она требует такого рода управления, которое опиралось бы на заранее известные законодательные постановления, могущие быть учтенными, принятыми во внимание, *заранее*. *Переход к революционной законности*, к строгому выполнению декретов Советской власти, переход к уничтожению, решительному и безоговорочному, остатков административного произвола, есть поэтому одна из основных черт, характерных для нового периода в развитии нашей революции.

Вовлечение масс точно так же становится в настоящее время задачей гораздо более необходимой, чем в предыдущий период. Общекультурный подъем и рост политической активности всех решительно слоев трудящихся, в том числе и крестьянства, гораздо большее количество свободного времени, чем раньше, в мучительные годы гражданской войны, улучшение материального положения вместе с хозяйственным ростом, — все это заставляет Советскую власть обратить гораздо большее внимание на крупнейшую и благодарнейшую задачу *все более решительного привлечения к государственным делам широких слоев трудящегося населения*. Нужно иметь в виду, что в теперешних условиях, более, чем когда бы то ни было, важно для рабочего класса повернуть разбуженную политическую энергию крестьянства *по тому руслу, которое укрепляет союз крестьянства и рабочего класса*. И именно для того, чтобы укрепить руководство со стороны рабочего класса, необходимо в настоящее время, т.-е. в период «мирно-организаторский», употреблять все усилия, чтобы сделать все возможное для переработки крестьянства в необходимом духе. Важнейшим способом такого рода воспитания крестьянства является привлечение его, в лице его беспартийных передовиков, прежде и раньше всего, к работе в наших советских органах. Именно здесь, *учась* на этой работе пониманию общегосударственных задач, и будет происходить эта переработка, а с другой стороны, только таким путем, т.-е. путем привлечения широких масс и в деревне, и в городе можно будет с большим успехом вести борьбу против бюрократизма, язвы, которая еще до сих пор разъедает наш государственный организм.

Наконец, для наиболее активного людского ядра наших советских органов, а именно для членов нашей партии, руководителей этих советских органов, является в текущий период необходимым изживание *методов команды и приказа и решительный, полный и безоговорочный переход к методам убеждения*.

Вся эта система мероприятий послужит делу упрочения и развития советской системы как особой формы государственного строя и будет обеспечивать все более и более рост (материальный, политический и общекультурный) самых широких слоев трудящейся массы.

Можно, вообще говоря, сказать, что политический строй тем более хорош, тем более представляет собою шаг вперед по сравнению с историческим прошлым, чем *большому количеству людей он дает возможность расти*.

Капиталистический строй ограничивает эти возможности слоем избранных: буржуазия, буржуазная интеллигенция, помещики и т. п. Громадные массы трудящихся остаются за бортом этого движения. Возможности приподняться, постоянно переходить на все более и более высокие ступеньки, — этой возможности нет для трудящихся масс, т.-е. для основной массы человечества, при капиталистическом режиме. Если мы будем оценивать Советскую власть с *этой* точки зрения, то мы легко увидим, что она представляет из себя *самую лучшую* из всех существовавших до сего времени форм государственной власти. Не в том дело, что мы уже достигли всего, чего хотим достигнуть (мы делаем лишь *первые шаги* в направлении к социализму и в направлении к необыкновенному культурному подъему народных низов); дело в том, *что в эту сторону повернут руль общественного развития, и рулем этим*, который определяет собою возможность такого небывалого культурного подъема и движения по направлению к нему, является *Советская власть*.

ХIII. Экономическое неравенство и его преодоление

Коммунистический строй есть высшая ступень развития человеческого общества, при котором производительные силы этого общества, степень власти человека над природой, далеко превосходят даже ту ступень технического развития, которой отличался капиталистический порядок времен своего расцвета; а на-ряду с этим коммунистическое общество представляет собою такую хозяйственную организацию, где господствует полное равенство между людьми, и где отсутствует всякая эксплуатация человека человеком, а также и всякая команда, всякое насилие одних людских групп над другими. Стоит только сравнить между собой это состояние человеческого общества с тем его состоянием, в котором мы получаем его в наследство от капиталистического строя, чтобы понять, какую поистине грандиозную работу, работу, которой хватит на целый ряд десятилетий, необходимо произвести, чтобы подняться на эту наивысшую ступень человеческого развития. Совершенно понятно поэтому, что всего-навсего лишь через *несколько лет* после завоевания рабочим классом власти нельзя и думать об уничтожении *сразу* всякого вообще неравенства и всякой нищеты. Но в то же самое время необходимо всемерно *ускорять* наш путь к коммунизму, а для этого необходимо, в свою очередь, иметь совершенно ясное представление о том, *каким образом* будет постепенно преодолеваться существующее у нас еще до сих пор неравенство между людьми.

Рассмотрим по порядку главные виды этого неравенства, имеющиеся в настоящее время у нас в *экономической* области. Прежде всего, бросается в глаза неравенство материальных условий существования между *городом и деревней*. Мы уже писали в предыдущих главах о том, что капиталистический способ производства неизбежно вызывает деревенскую отсталость, задерживает развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью и превращает город в исключительное сосредоточение всех основных жизненных удобств. Такое соотношение между городом и деревней достается в наследство захватившему власть рабочему классу и поддерживающему его крестьянству.

Мелкое хозяйство крестьянина чрезвычайно далеко отстает от современной фабрики с ее техническими усовершенствованиями. Мелкое крестьянское хозяйство точно так же отстает от этой фабрики и по внутреннему своему устройству, по организации труда. В результате производительность труда в этом мелком крестьянском хозяйстве чрезвычайно низка, приходится затрачивать громадные массы этого труда, чтобы получать сравнительно ничтожный результат. Каким образом может быть изжито *такого рода* неравенство между городом и деревней? Было бы совершенно бессмысленным решать его каким-либо механическим путем, одним ударом, одним каким-либо мероприятием. Можно, конечно, представить себе дикую мысль о растаскивании по кирпичикам всех крупных городов со всеми крупными городскими предприятиями, машинами, электрическими установками и т. д. Но это, ведь, ни капли не поправило бы дела. Прежде всего, потому, что это повлекло бы за собой подрыв и разрушение крупной промышленности, которая, как мы уже видели, служит основным источником для оплодотворения самого сельского хозяйства, поставляя ему машины, орудия труда и целый ряд предметов, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства, а равно и науку, которая все более и более является решающей силой в области сельскохозяйственного производства. Такого рода мысль была бы поистине безумной мыслью, и люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, должны ее сразу же отбросить. Совершенно естественно, наоборот, прийти к выводу, что лишь при помощи городской промышленности, руководимой рабочим классом, этим верным помощником крестьянства, можно будет поднимать деревню; и не путем разрушения городов, а путем *сближения промышленности с деревней* и путем хозяйственной и технической помощи этой деревне мы будем постепенно заполнять ту пропасть, которую создала между городом и деревней вся предыдущая история развития человеческого общества. Задачей рабочей партии и задачей Советской власти является именно устранение этого противоречия между городом и деревней. Постепенно мы должны будем строить новые заводы, электрические станции и тому подобные крупные производственные промышленные единицы не только в городских центрах, но и среди сел и деревень, разбрасывая эти предприятия по всей стране и делая их рассадниками и очагами культуры, грамотности, хозяйственных улучшений, политической сознательности среди крестьянского населения страны.

Техническая помощь города, в особенности *электрификация*, а на-ряду с этим *кооперирование* крестьянских хозяйств, которое, как мы уже знаем, определяет столбовую дорогу в нашей деревне к социализму, явятся мощным рычагом подъема, возрастания деревни, и мало-по-малу материальные условия существования в городе и деревне будут выравнены, и притом, по сути дела, *с величайшей пользой для той и другой стороны*. Городской житель, залпегнутый в каменных мешках современных городов, не видящий природы и обреченный в таких условиях, несмотря на относительное материальное благосостояние, на вырождение, выиграет от своего приближения к этой природе. И наоборот, житель деревни, чрезвычайно выиграет от того, что повысится производительность его труда, и что он будет, наконец, пользоваться всеми теми благами культуры и цивилизации, которые раньше

приходились на долю одних наших врагов. Само собой понятно, что для достижения такого рода общественного строя необходимы громадные перемены, произвести которые возможно лишь в течение долгих и долгих лет. Но, тем не менее, мы уже сейчас видим, как мы вступили на этот путь.

Внутри города, в свою очередь, мы наблюдаем в настоящее время точно так же чрезвычайно резкое и бросающееся в глаза неравенство. Стоит только сравнить нэпманов и уровень их жизни с жизнью беспризорных и голодающих детей, или даже с толпами безработных, чтобы увидеть, как далеки еще мы от того идеального состояния, которое мы поставили себе задачей. Если мы расположим различные уровни жизни в порядке их нисходящей величины, то мы получим целую лестницу разрядов, довольно резко отличающихся друг от друга. Если взять одни лишь крупные подразделения, то все эти разряды можно, примерно, изобразить в таком виде:

1) *Новая буржуазия* (нэпманы), получающая *прибыль* за счет эксплуатации чужого труда, будет ли то прибыль с промышленного предприятия, будет ли то торговая прибыль или барыш поставщика, или спекулятивный барыш, или какой-нибудь другой вид так-называемого «нетрудового дохода». Очень часто уровень жизни лиц этой категории подходит под тот уровень, который был характерен для не особенно крупных капиталистов довоенного времени.

2) *Высшие советские служащие*, главным образом служащие хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директора трестов, члены правлений синдикатов, крупные незаменимые спецы и т. д.).

3) *Так-называемые ответственные работники вообще.*

4) *Квалифицированные рабочие.*

5) *Неквалифицированные рабочие.*

6) *Безработные, люмпен-пролетариат* (люди, выбившиеся из колен, хронические безработные, нищие и т. д.).

Вся эта картина наглядно показывает нам опять-таки, насколько мы *далеки* еще от того, чтобы достигнуть равенства даже в пределах города, который является пока-что центром нашей работы, и где резче всего выражено господство пролетариата. И тем не менее, мы уже ясно видим, что развитие нашего общества необходимо поведет, при правильной политике со стороны нашей партии и Советской власти, к смягчению этих противоречий, к их преодолению и к их уничтожению. В самом деле, возьмем, прежде всего, наиболее яркое проявление неравенства — неравенство в материальном положении буржуазии (нэпманов) и положении рабочего класса в его целом. Как будет изживаться это неравенство. Это нетрудно сообразить после всего того, что было уже нами сказано.

Ведь, подъем нашего государственного хозяйства, а равно и кооперации, будет сопровождаться *вытеснением* частно-предпринимательской формы хозяйства. Еще до того, как эти формы совершенно погибнут и отомрут, сдаваясь перед победоносным шествием развивающихся социалистических хозяйственных отношений, подъем государственной промышленности будет повышать заработную плату рабочего класса, а, с другой стороны, система налогового обложения будет ограничивать дальнейший рост жизненного уровня новой буржуазии. Окончательное вытеснение частно-капиталистического хозяйства, окончательная победа над ним доведет дело до конца,

и это *основное* противоречие, это *основное* неравенство в городах будет таким образом уничтожено. Довольно сложно обстоит вопрос относительно неравенства *между высшими кадрами советских служащих и руководителей*, с одной стороны, и *средним рабочим — с другой*. В числе этих высших и ответственных служащих Советской власти имеются, на-ряду со всевозможными специалистами, и бывшие рабочие из наиболее талантливых и культурных «рабочих-передовиков» (например, красные директора и т. п.). Совершенно очевидно, что *это* неравенство вытекает, в своей самой глубокой основе, из *культурной отсталости рабочих масс*, которые были в капиталистическом обществе классом эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно придавленным. Для выполнения сложной работы по управлению хозяйством и для ведения целого ряда других подобных работ в других областях управления страной необходим большой запас знаний, опыта, умения. Количество людей из рабочего класса, которые оказались способными выполнять такую роль и научились ей за время революции, а отчасти получивших опыт в руководстве массами и в политической борьбе еще до победы рабочего класса, сравнительно само по себе мало. Вполне понятно, что *далеко не вся* рабочая масса в целом могла подняться до такого уровня. С другой стороны, разного рода *специалисты*, которые были таковыми еще и при капиталистическом режиме и накопили большой опыт, научный, управленческий, хозяйственный и т. п., являясь необходимыми для жизни и для дела управления людьми в теперешних условиях, точно так же представляются до известной степени незаменимыми силами: *вся* рабочая масса, в целом, всеми своими составными частями, точно так же не могла еще за короткий срок достигнуть такого высокого культурного уровня. Выполнение же подобного рода работы требует само по себе довольно значительной оплаты, обеспечивающей соответствующий образ жизни. Между тем, давать такую же плату всем решительно слоям рабочего класса при теперешней степени развития производительных сил представляется невозможным и неосуществимым. Если бы все рабочие обладали таким же высоким культурным уровнем, то руководящие должности могли бы заниматься по очереди или лишь на определенный срок, и, таким образом, на так-называемых «ответственных постах» постоянно стояли бы все новые и новые работники, так как в любой деятельности можно было бы одного в любое время заменить другим. Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс. Опять-таки здесь нужно отметить, что это вовсе не *вина* этих масс, а их *беда*; таковыми их сделали десятилетия капиталистического господства. Однако, задачей рабочего класса, который за годы революции чрезвычайно быстро учится в самом ходе борьбы все большему участию своему в активном строительстве социализма, а также все больше обучается в специальных учреждениях (разного рода рабочих организациях, клубах, партийных и советских школах, рабфаках и даже ВУЗ'ах), задачей этого рабочего класса является *преодоление такого рода отсталости в своей собственной среде*. Понятно, что не вся масса рабочего класса движется *совершенно одновременно*, всеми своими слоями. Как не все рабочие могут, при настоящих условиях, стоять на командных постах и занимать совершенно одинаковые места в системе управления, точно так же не могут, в силу совершенно понятных причин, все

рабочие поголовно быть пропущенными через среднюю и высшую школу.

До более или менее высокого уровня современной науки и техники рабочий класс поднимается, если можно так выразиться, *пачками*, сравнительно *небольшими своими отрядами*, к которым год за годом будут прибывать все новые и новые пачки, все новые и новые отряды, *пока развитие производительных сил нашей страны не создаст достаточного экономического фундамента для того, чтобы дети всех рабочих совершенно нормальным порядком проходили через средние и высшие учебные заведения, через соответствующую практику и, таким образом, вступали в жизнь, преодолевши всяческое, создававшееся прежде, культурное неравенство внутри трудящихся.*

В ослабленной степени то, что мы говорили только-что о различии между наиболее культурными из рабочих-передовиков, а равно прежних специалистов, с одной стороны, и рабочей массой вообще — с другой, годится и для вопроса о *неравенстве между различными слоями рабочего класса*, различными в смысле различной квалификации их труда (например, металлисты — с одной стороны, землекопы, строительные рабочие и т. д. — с другой). Механика Советской власти, советского режима в целом, направление всей политики пролетарской диктатуры состоит как-раз в том, чтобы, поднимая культурный уровень широких рабочих масс, тем самым *уничтожать «незаменимость» наиболее передовых слоев самого рабочего класса*, уничтожать *разницу культурных уровней* и уничтожать *разницу материальных условий существования*. Конечно, мы никогда не достигнем полного равенства людей в том смысле, что люди будут совершенно одинаковы по своему уму, по своей талантливости, по цвету своих волос или форме носа, и совершенно это не нужно. Такое равенство было бы, как две капли воды, похоже на отчаянную скуку. Не в этом заключается цель наших стремлений. Цель наших стремлений заключается в том, чтобы *достигнуть равенства материальных условий существования, чтобы всем обеспечить нормальные условия развития и, таким образом, дать возможность идти вперед всей массе и выделяться наиболее талантливым и способным не из узкого круга «образованных людей», отделенных перегородками от остальных, а из всего огромного трудящегося человечества.*

И здесь нетрудно понять, что это неравенство, вытекающее из очень глубоких причин, не может быть уничтожено одним взмахом. Можно было бы, конечно, в один прекрасный день издать декрет, по которому все решительно высшие советские служащие, все инженеры, все профессора, все директора трестов и т. д. получали бы столько же, сколько получает простой поденщик. Но мы скоро убедились бы, что при таком положении вещей рабочий класс в целом не выиграл бы, а проиграл; он проиграл бы потому, что при таких условиях работа на этих командных должностях пошла бы неизмеримо туже, дело в значительной степени было бы дезорганизовано, и общие успехи сменились бы положением застоя или попятным движением. Рабочему классу *выгоднее лучше содержать* свою собственную верхушку, а равно и выходцев из буржуазного мира, так-называемых специалистов, ибо в таком случае он достигнет в гораздо более короткий срок общего повышения производительных сил и за счет этого повышения может гораздо быстрее улучшить свое собственное положение, а с определенного времени,

используя этот рост производительных сил, начать усиленное производство «образованных людей» из все более широкой массы своего собственного класса и трудящихся вообще. Из этого, конечно, не следует, что нужно перебарщивать с высокой оплатой; наоборот, с такого рода «перебарщиваниями» партия должна вести упорную борьбу.

Внутри деревни, наконец, мы имеем точно так же *различные слои крестьянства*, жизненный уровень которых отличается друг от друга довольно резко. Стоит сравнить кулака с батраком, или с крестьянином-бедняком. Но это коренное противоречие, характерное для современной деревни, будет точно так же медленно уничтожаться по мере роста производительных сил и по мере подъема государственного и кооперативного хозяйства. Мы уже видели раньше, что мы будем все более и более в состоянии оказывать помощь хозяйству середняков и бедноты, которая будет переставать быть беднотой, а с другой стороны, путем целого ряда мероприятий, мы будем обрезать и хозяйственно вытеснять предпринимательские слои крестьянства, т.е. сельскохозяйственную буржуазию. Таким образом, и здесь основной линией нашего развития через определенный промежуток времени, когда начнут еще более быстро подрастать социалистические формы нашего хозяйства, является линия *на уничтожение, на преодоление экономического неравенства*, существующего теперь.

Нужно видеть всю глубину нищеты, темноты, культурной отсталости, неравенства, оставленных нам в наследство капиталистическим порядком вещей, чтобы понять, сколько времени потребуются на переделку всего человеческого материала и на преодоление этого проклятого наследства. Но уже теперь мы видим подъем социалистических форм народного хозяйства, что является главной гарантией, обеспечивающей действительную и реальную политику, ставящую своей целью осуществление экономического равенства. А, с другой стороны, уже и теперь мы замечаем, как следующее поколение рабочих и крестьян во все большем масштабе, сплошной массой поднимается к новой культурной жизни, чему способствует работа нашей партии, чему способствует вся деятельность и вся политика Советской власти. Раньше лишь одиночки из рабочих и крестьян могли попадать в высшие учебные заведения; теперь с каждым годом во все более широких размерах целые большие слои подрастающего поколения трудящихся уже систематически, так-сказать, «в нормальном порядке», проходят через рабфаки и поступают в наши высшие школы. Раньше обычно лишь в зрелом возрасте трудящийся человек вступал в активную политическую жизнь; теперь мы имеем около полутора миллиона одних членов *комсомола*, сынов рабочих и крестьян, которые более или менее равномерно приобщаются с юного возраста к активной обще-политической и обще-культурной работе; а поколение еще более молодое — *юные пионеры* — начинает охватывать огромные круги людей, которые уже с самого юного возраста воспитываются, растут и учатся работать на *иной* культурной основе, чем предшествующие поколения.

Завоевание власти пролетариатом не может создать исторического чуда, один только факт победы над буржуазией в гражданской войне не обеспечивает сразу и немедленно равенство между людьми. Но это завоевание власти и укрепление рабочей диктатуры в стране, в конце-концов, создает

такого рода условия, при которых отчетливым становится *наше движение по направлению* к этому экономическому равенству.

XIV. Политическое неравенство, его преодоление и уничтожение политики вообще

Перейдем теперь к рассмотрению того неравенства, которое у нас имеется в области *политической*, в области политических прав. Здесь, прежде всего, необходимо перечислить те факты, в которых находит свое выражение это политическое неравенство.

1) По нашему законодательству не имеют избирательных прав люди, *живущие на нетрудовой доход* (напманы, кулаки, всякого рода лица, эксплуатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде). «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни стоят на *самой высокой* ступени, являются в нашем строе осколками прежнего капиталистического общества, прежних господствующих классов, которые теперь попали под железную руку пролетарской диктатуры.

2) *Трудовое крестьянство* не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах и фабричных поселках. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом — с одной стороны, трудящимся крестьянством — с другой, при чем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса.

3) *Пролетариат* пользуется политическими преимуществами (привилегиями) и в нашем законодательстве занимает первенствующее положение.

Причины такого рода законодательства, закрепляющие политическое неравенство между различными классами нашего общества, довольно ясны и довольно понятны. У нас имеются налицо три класса: рабочий класс, широкая крестьянская масса и, наконец, допущенная к сотрудничеству в обществе буржуазия. Мы знаем, что если мы хотим обеспечить коренные интересы трудящихся, то необходимо обеспечить *руководство пролетариата* и его *союз* с крестьянством *против буржуазии*; мы знаем точно так же, что крестьянство склонно, в силу своего социального положения, а также в силу особых трудностей момента, переходить временами к колебаниям в сторону этой буржуазии, и, наконец, мы знаем, что если бы новая буржуазия возрастала, укреплялась, расправляла свои крылья и осиливала рабочий класс в борьбе за крестьянство, то отсюда проистекли бы неизбежные опасности подрыва всего дела революции. Рабочий класс в нашей стране является наиболее сознательной силой, но он, по своей численности, насчитывает, примерно, лишь *одну десятую* крестьянского населения. Для того, чтобы руль не вырвался из его рук, необходимо на *данной* ступени развития, прежде и раньше всего, политически *обезвредить буржуазию* и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и на промежуточные мелкобуржуазные городские слои. От-

сюда вытекает и лишение политических прав частных предпринимателей, купцов, лавочников, торговцев, кулаков, нэпманов вообще.

Из того обстоятельства, что крестьянство склонно к величайшим *колебаниям*, и что существует опасность, в силу которой темнота и некультурность крестьянства, в связи с его социальным положением, может толкнуть его, иногда *вопреки его же собственным коренным интересам*, идти за буржуазией, вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в нашем законодательстве по отношению к *рабочему классу*. Эти преимущества и привилегии служат *добавочной страховкой*, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу в нашей стране.

Что касается ограничения или лишения избирательных прав всяческой буржуазии, то вряд ли кто-либо из трудящихся будет против этого возражать; против этого могут возражать лишь явные или тайные приверженцы этой буржуазии, в роде меньшевиков и эсеров, которые ни капли не верят в возможность осуществления на деле социалистического строя, о котором так много болтают на словах. Им до сих пор кажется, что в России произошла какая-то историческая случайность, что развитие нашего общества неизбежно пойдет по капиталистическому пути, и что чем скорее лопнет Советская власть, чем скорее кончится этот тяжелый сон (для буржуазии), тем будет лучше. Для всякого человека, который всерьез верит словам о социализме, и для которого, следовательно, слово не расходится с делом, который верит в необходимость и возможность построения социалистического общества, и который отнюдь не хочет возврата к капиталистическому строю, — для такого человека более чем понятно ограничение и лишение политических прав буржуазных элементов в нашей стране.

Неизмеримо сложнее является вопрос о *политическом неравенстве между рабочим классом и крестьянством*. Здесь люди очень часто подменяют трезвые рассуждения моральными, которые ничего общего с политикой не имеют. Говорят, например: разве крестьянин не трудится иногда больше, чем рабочий? Где же справедливость, когда вы ему даете меньше политических прав, чем городскому рабочему? Разве крестьянство не составляет огромнейшего большинства населения в нашей стране? Почему же, если большинство трудящихся состоит из крестьян, почему же пролетарское меньшинство должно искусственно навязывать свою волю огромнейшему большинству трудящихся? Крестьянин не дармоедствует, он не паразитствует, он — не буржуа, а трудящийся. Где же опять-таки здесь хотя бы самая элементарная (простая) справедливость? И не есть ли это отступление от заветов равенства среди трудящихся, на которых только и можно строить настоящий мост к социализму?

Такого рода рассуждения, кажущиеся иногда убедительными, страдают, однако, тем основным пороком, что они, вместо трезвого учета сил и вместо трезвого обсуждения вопроса, говорят лишь жалкие слова. Если уж зашла речь о справедливости, то вопрос нужно поставить таким образом:

Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы *проворонили все дело социализма*? Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы дали возможность буржуазии *околпачить нас и вернуть старый порядок вещей*? Стоит только таким образом поставить вопрос, чтобы получить на этот вопрос сразу же отрицательный ответ. Конечно, было бы в высшей

степени «несправедливо», а попросту говоря, прямо глупо, если бы мы действительно проворонили дело социализма. Но, ведь, мы знаем, что дело социализма не только не противоречит коренным интересам всех трудящихся, но что, в конечном счете, от осуществления социализма выиграют *не только рабочий класс, но и широкие крестьянские массы*. Следовательно, и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения *коренных* интересов крестьянства провал социализма был бы с нашей стороны прямым политическим преступлением, если бы мы провалили наше дело по своей собственной вине.

Но, ведь, мы знаем и мы твердо уверены в том, что мы можем прийти к социализму *только и исключительно* при условии союза рабочего класса и крестьянства; мы знаем, что мы придем к победе *только и исключительно* при руководстве рабочего класса в этом союзе. Мы знаем, что подрыв пролетарской диктатуры, т.-е. подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Вот почему мы должны принять *все меры для того, чтобы это руководство обеспечить*. И если в настоящее время еще есть опасность известных колебаний со стороны крестьянства или его некоторой части, при чем эти колебания на деле идут *против коренных интересов этого же самого крестьянства*, то мы должны пойти на известное политическое неравенство между пролетариатом и крестьянством для того, чтобы дать в руки пролетариату некоторую *добавочную* гарантию, обеспечивающую за ним руководящую роль.

В конце-концов, как нетрудно понять, такого рода политика не только не противоречит, но, наоборот, выражает *коренные* интересы крестьянства, которые очень часто, благодаря отсталости и темноте крестьянского населения, *прикрыты* от его глаз *целеной временных* или *кажущихся*, или *второстепенных и производных интересов*, менее важных и менее существенных для крестьянства, интересов, которыми нужно уметь жертвовать ради интересов более основных и более коренных.

Рабочий класс и его партия говорят об этом политическом неравенстве между пролетариатом и крестьянством совершенно открыто, признавая перед всеми существование этого неравенства; но точно так же мы открыто говорим, что эти привилегии рабочего класса являются лишь *временными* и будут *исчезать* по мере роста сознательности и по мере переделки нашей крестьянской массы. Чем дальше будет идти вперед дело социалистического строительства, чем больше и больше будут отходить на задний план оставшиеся еще у буржуазии силы, и чем больше и быстрее будут укрепляться социалистические формы нашего народного хозяйства; чем крепче, следовательно, будет фундамент экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, а следовательно, чем больше будет политическое влияние пролетариата на это крестьянство, — *тем меньше будет необходимости в этих привилегиях для рабочего класса*. Они будут постепенно все уменьшаться и сделаются, в конце-концов, совершенно излишними. А общее дальнейшее укрепление пролетарского влияния и переработка в социалистическом духе широких масс трудящихся сделают неопасным противоположное влияние со стороны даже оставшихся буржуазных элементов, и, таким образом, мы, в конце-концов, перейдем к системе всеобщего и равного избирательного права в наши советские органы.

А если мы посмотрим еще дальше вглубь нашего будущего, то мы увидим такое время, когда все перегородки между классами упадут, когда уничтожится грань между трудящимися города и деревни, когда исчезнет необходимость в органах государственного принуждения вообще (если только к тому времени будут низвергнуты капиталистические государства в других странах мира), и когда целиком и полностью отомрет всякая политика. Эта политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством.

XV. Обеспечение правильной политики руководства и коммунистическая партия

Мы видели уже раньше, что правильная политика обеспечивается правильным руководством, а правильное руководство обеспечивается совершенно определенным сочетанием различных общественных классов и их организаций друг с другом. Для того, чтобы это руководство действительно было обеспечено, необходимо, чтобы крестьянство шло за рабочим классом, чтобы рабочий класс шел за своими профессиональными союзами, чтобы эти профессиональные союзы, в свою очередь, шли за головным отрядом рабочего класса, за его *партией*, которая должна являться основной руководящей силой всего рабоче-крестьянского блока.

В нашей жизни имеется, как мы знаем, бесконечное количество всевозможных противоречий: противоречия между классами, противоречия между рабочим классом и крестьянством, противоречия внутри самого рабочего класса, противоречия между различными по своему национальному составу частями нашей огромнейшей страны. Необходимо, чтобы существовала в недрах самого рабочего класса такая сила, которая наиболее ясно видела бы все эти противоречия, стояла бы на дозорной вышке и во-время замечала бы все опасности, умела бы на всех ступенях развития подчинять второстепенное коренному и основному и обнаруживала бы небывалое единство воли и способности к руководству.

Такой организацией рабочего класса и является *коммунистическая партия*, этот самый передовой отряд пролетариата, отряд, вобравший в себя самые решительные, самые сознательные, самые передовые и самые смелые элементы рабочего класса нашей страны.

Именно потому, что коммунистическая партия представляет из себя головной отряд рабочего класса и основную руководящую силу в стране, именно поэтому, прежде всего, по ней стреляют все враги рабочего класса: открытые белогвардейцы и сторонники возвращения к помещичье-буржуазному или буржуазному режиму, вроде российских белых монархистов, кадетов и прочих открытых сторонников помещичьего и буржуазного строя; прикрытые враги социализма и прикрытые сторонники капиталистического строя, в роде меньшевиков, так-называемых социалистов-революционеров и т. п. Все они считают своей политической задачей подпилить партийные столбы для того, чтобы вслед за ними свалилось и все здание рабочей диктатуры, Советской власти и был оборван тот путь, на который рабочий класс вступил с первых же дней своей октябрьской победы.

Укрепление влияния партии есть предпосылка, необходимейшее условие пролетарской диктатуры: если нет руководящей роли со стороны партии по отношению к рабочему классу, а затем и к крестьянству, то нет и диктатуры рабочего класса; если нет связи между партией и беспартийными рабочими и крестьянами, тогда не может существовать и быть крепкой Советская власть.

Мы видели выше, что если мы будем рассматривать отношения, складывающиеся внутри рабочего класса, то мы будем иметь во главе этого рабочего класса коммунистическую партию, которая обеспечивает свое влияние на целый ряд других организаций рабочего класса, более широких по своему составу, в первую очередь, на профессиональные союзы, эту чрезвычайно широкую форму организации пролетариата, а с другой стороны, на советы рабочих депутатов, которые представляют из себя государственную форму организации этого пролетариата, опирающуюся на широкие крестьянские слои. Через эти организации, которые, в свою очередь, непосредственно смыкаются с беспартийными рабочими, партия обеспечивает правильное руководство всей совокупностью и всеми составными частями пролетарских масс.

Можно спросить себя, однако: что же соответствует у крестьянства тому, чем у пролетариата является его *профессиональная организация*?

Если мы берем таких же рабочих, как в промышленности, но только работающих на земле, то речь идет, конечно, о сельскохозяйственных батраках, о сельскохозяйственных наемных рабочих, для которых, конечно, целесообразно иметь точно так же, как и для рабочих тех или других профессий, свой профессиональный союз. Такой профессиональный союз работников земли существует, это есть Всеработземлес. Если мы спросим себя, однако, в чем состоят особые интересы («профессиональные интересы») крестьянина, то мы совершенно ясно увидим здесь, прежде всего, что крестьянин не работает, как рабочий, а работает в своем собственном хозяйстве, и его частно-хозяйственный интерес, который вытекает из его положения, как мелкого самостоятельного производителя, имеющего свое собственное хозяйство, заключается в том, чтобы выгоднее *продавать* продукты своего хозяйства, чтобы выгоднее *покупать* те продукты, которые поступают к нему из государственной промышленности и которые необходимы для него и в его качестве потребителя, и в его качестве руководителя своего маленького хозяйства; наконец, для него выгодно иметь более дешевый кредит, который нужен ему в хозяйственной деятельности. Его общий коренной интерес заключается в том, чтобы совместно с рабочим классом не допустить возвращения старого порядка вещей, не допустить образования новых помещиков и постепенно улучшать свое хозяйство на основе все дальше и дальше растущего кооперативного объединения крестьянских дворов. Но, ведь, все эти задачи решает именно сельскохозяйственная кооперация, а на-ряду с нею такого рода подсобные организации, как крест-

Не нужно, однако, скрывать от себя, что до последнего времени крестьяне еще не получили особого доверия к кооперативному движению. Это происходило, в значительнейшей мере от того, что кооперация у нас страдала

многочисленными недостатками, и крестьянин не находил в ней того, что он должен был в ней находить.

Эти недостатки достались нам в наследство от времени военного коммунизма. Теперь их нужно решительнейшим образом изживать. Прежде всего, речь должна идти о полной *добровольности* кооперации и о *внутрикооперативной демократии*, т.-е. о *выборности* правления и всех должностных лиц. Крестьянин не понесет своих паев и не будет доверять своих денег сплошь назначенным сверху лицам. Он хочет иметь людей, которых он знает, которым он доверяет. Только тогда он будет энергичным образом строить кооперацию, только тогда он будет кровно в ней заинтересован.

Чтобы кооперация сыграла ту роль, какую мы ей отводим, необходимо решить две задачи:

во-первых, задачу *хозяйственного* укрепления кооперации, т.-е. задачу накопления кооперативного «капитала», задачу роста кооперативных оборотов и так далее;

во-вторых, задачу *втягивания масс* в дело кооперативного строительства, если этого втягивания масс не будет, то кооперация потеряет одну из самых существеннейших своих особенностей.

Эти задачи нельзя, однако, решить, если не будет проведена *добровольность* кооперативного членства и полная *выборность* руководителей кооперативных организаций. Разумеется, партия, опираясь на бедняков и середняков, должна бороться на выборах *убеждением*. Но *сами* крестьяне должны выбирать. Тогда самостоятельность крестьянских масс и рост их активности неизбежно приведут к быстрому росту нашей сельскохозяйственной кооперации.

Необходимо далее, поставить дело так, чтобы *избавить* кооперацию от *излишних* задач, которые прямо подлежат решению со стороны *государственных органов*. Кооперация, конечно, должна быть связана с органами Советской власти, но у нее свои, особые, задачи, на-ряду с общими задачами. Если бы, например, кооперация стала собирать налог, это было бы неправильно, точно так же, как неправильно было бы, если б в городах профсоюзы рабочих выполняли *непосредственно* задачи государственного управления фабриками и заводами. Если на кооперацию накладывают такие задачи, которые требуют больших *жертв* со стороны крестьянства, то, разумеется, туда будут идти не с большой охотой; и не так поэтому нужно вести дело. Кооперация должна стать для крестьянина *органом его хозяйственного подъема*. Тогда, при обеспечении выборности и добровольчества, кооперация станет *любимейшей* организацией крестьянства. А при связи ее с промышленностью и органами советского государства вообще она сыграет *на деле* ту роль, которую отводит ей сейчас наша партия.

Оживление советов и подъем кооперативного движения — основные задачи нашей партии в деревне. Если партия, а вместе с нею и через нее — рабочий класс упрочит свое влияние на крестьянские массы, тогда дело социализма будет *обеспечено у нас наверняка*.

Мы уже говорили о том, что даже у трудового крестьянина, как это принято говорить, есть «две души»: с одной стороны, он является тружеником, борется с помещиком-капиталистом, а с другой стороны, он является собственником, не прочь сам принанять, если разбогатеет, работничка и

поэтому имеет известное уважение к крупным собственникам, т.-е. к буржуа. Это — во-первых, а во-вторых, в среде крестьянства есть различные слои, начиная от эксплуатируемых и кончая эксплуататорами (беднота и кулаки; полубатраки, подрабатывающие частично продажей своей рабочей силы и их наниматели, зажиточные, богатые, так-называемые «мироеды»). Когда крестьянина организует и на него влияет коммунистическая партия (прямо или косвенно, непосредственно включая крестьянина в свой состав или косвенно влияя на него через свое влияние на кооперативы, кусткомы и ряд других организаций), то эта коммунистическая партия организует его *трудовую душу*, переводит его постепенно на рельсы общественной работы через кооперацию; приучает к этой работе через советы, вовлекая его в дело социалистического правительства, через партию — непосредственно перерабатывая его в том духе, который соответствует целям и задачам социалистического строительства. Если бы в крестьянстве выросла *другая партия против* коммунистической партии (под каким-угодно названием), она могла бы иметь и неизбежно должна была бы иметь только один смысл, только одно значение, она будет всемерно усиливать, организовывать *«нетрудовую душу»* крестьянина; она будет организовывать и усиливать как-раз его уклоны в сторону к *буржуазии*; она будет холить и лелеять, растить и выхаживать как-раз те черты, которые воплощают собою эти *колебания* крестьянства, *вредные* для дела социалистического строительства; она, в силу самого хода вещей, будет неизбежно, так-сказать, натравливать временные и производные интересы крестьянства против коренных и основных интересов, мелкобуржуазные предрассудки против социалистической линии развития, кулацкие замашки против пролетарской солидарности; она не только не будет сглаживать трения между рабочим классом и крестьянством, а она будет *обострять* эти трения; она не только не будет вести линию на рабоче-крестьянский союз и на добровольное признание пролетарского руководства, — наоборот, она будет ставить своей задачей так-называемое «высвобождение» от пролетарского руководства, что *на самом деле означает не что иное, как влияние на крестьянство и руководство крестьянством со стороны буржуазии* и идейной агентуры этой буржуазии (эсеров, меньшевиков, трудовиков и тому подобных соглашательских партий).

Таким образом, победа рабоче-крестьянского дела предполагает руководство со стороны коммунистической партии. Но это руководство, в свою очередь, должно опираться на всемерное укрепление *советов и кооперации*, на *подъем промышленности*. Будут правильно решаться эти задачи, — тогда крестьянство наново убедится, что рабоче-крестьянский союз и руководство пролетариата необходимы, как воздух, с точки зрения коренных крестьянских интересов.

XVI. Международная революция и СССР

До сих пор мы рассматривали все вопросы исключительно с нашей *внутренней точки зрения*. Между тем, мы, ведь, живем вовсе не одни на земном шаре, а мы окружены капиталистическими государствами, которые

боятся нашего роста, и которые по сути дела являются нашими непримиримыми врагами. До сих пор ни в одной стране, кроме нашей, рабочий класс не был в состоянии свалить свою буржуазию и захватить власть в свои руки. Естественно поэтому встает перед нами вопрос: да можем ли мы построить социализм в одной нашей стране без прямой поддержки со стороны победоносного пролетариата других стран?

Мы сумели *захватить власть* в одной стране, мы сумели отбиться от со всех сторон нападавших на нас противников, мы сумели начать подъем нашего хозяйства, мы сумели укрепить и упрочить строй пролетарской диктатуры. Но есть ли у нас гарантия от того, что на нас не нападут иностранные хищники, что не будет никаких новых «интервенций» с их стороны? Такой гарантией могла бы явиться лишь *победа пролетариата в нескольких других капиталистических странах*. Вот почему наши интересы крепко и раз навсегда связаны с интересами международного рабочего класса и с интересами угнетенного колониального крестьянства, которое в своих возмущениях против гнета империализма подтачивает силы наших злейших противников и врагов. Вот почему наша партия совершила бы измену и предательство по отношению к интересам нашего рабочего класса и крестьянства, если бы она перестала быть *партией международной революции*. Никогда не нужно забывать ни на одну минуту того обстоятельства, что наше мирное строительство может быть нарушено внезапным прыжком на нас со стороны ближних соседей. Никогда не нужно баюкать себя мечтой о том, будто бы мы оставлены в покое раз и навсегда. И потому неразрывной и нерушимой должна быть наша *братская связь с трудящимися массами других стран*, с массами, которые являются нашими надежнейшими союзниками и нашей могущественнейшей опорой в стане противника.

По опыту гражданской войны, по опыту прошлой интервенции капиталистических держав, которые поддерживали всех взбунтовавшихся контрреволюционных генералов, мы знаем, какую огромную помощь уже тогда принес нам международный пролетариат, все время державший за фалды свою буржуазию, не раз мешавший ей успешно проводить ее палаческое дело в нашей стране. Всем известны бунты французских матросов в Одессе, всем известно, как с архангельского фронта ушли английские отряды, все знают, что неоднократно рабочие массы Европы мешали посылке войск, снарядов и оружия, направлявшихся нашим противником для расправы с молодыми советскими республиками. Этот опыт показывает нам, что международная пролетарская солидарность, что солидарность трудящихся вообще, не есть просто красное словцо, которым можно утешать себя и которым можно забавляться по праздничным дням. Нет, это самое *реальное дело*, которое имеет громаднейшее практическое значение для вопроса о всей нашей судьбе, о всем нашем будущем, о путях всего нашего развития.

Таким образом, *окончательной гарантией от восстановления старого порядка, принесенного на штыках иностранных армий*, может служить лишь международная революция, приверженцем, сторонником и носителем которой должна быть наша партия.

Но, может-быть, нам суждено погибнуть не от нападения внешнего врага, а от нашей собственной отсталости, от того, что, не имея *технической и экономической* помощи со стороны победоносного пролетариата других стран, не имея этой помощи в течение довольно долгого срока, мы неизбежно падем *жертвой своей отсталости, своего экономического слабосилия?* Быть-может, *мелкобуржуазный характер* страны, подавляющее большинство в ней крестьянского населения, незначительность рабочего класса, к тому же обесиленного долгими годами империалистической и гражданской войны, приведут с «железной необходимостью» к краху всего нашего строительства?

Такие утверждения, выражающие глубочайшее неверие в силы нашей революции, совершенно *неправильны* и ни на чем ровно не основаны. Правда, отсутствие помощи, технической и экономической, со стороны рабочего класса других стран, который, к сожалению, еще не пришел к власти, чрезвычайно *замедлит* наш хозяйственный рост, а вместе с ним и весь темп социалистического строительства в нашей стране. Получи мы такую добавочную помощь, мы, конечно, пошли бы несравненно *быстрее* по пути хозяйственного подъема, а вместе с тем сравнительно быстро стали бы развертывать все дело нашего строительства: и в области экономической, и в области политической, и в области культурно-бытовой, и в области всевозможных наук и так-называемой «духовной культуры». Конечно, *без* такой помощи мы пойдем *медленнее* в своем развитии, но *мы все же будем неуклонно идти вперед, как то уже с достаточной ясностью показал опыт первых лет, свободных от гражданской войны* и от непосредственной работы на поле сражения.

В самом деле, на протяжении этой брошюры мы не раз уже говорили о том, что, поднимая производительные силы всего нашего народного хозяйства в целом, мы в то же самое время замечаем все больший рост *социалистических форм* в нашем народном хозяйстве и таких форм этого народного хозяйства, которые все более и более развиваются по *социалистическому пути*. Никак нельзя сказать, что в хозяйственной борьбе частно-предпринимательского капитала всех его видов и оттенков, с одной стороны, и государственных предприятий и кооперации, — с другой, частный капитал выходит победителем. Наоборот, мы знаем, что он относительно *отстывает* на задний план, что все сильнее и могучее становятся хозяйственные командные высоты, и что, таким образом, дело социализма идет вперед. Если оно шло вперед уже в *первые* годы мирного времени, то где же основания утверждать, что в дальнейшем мы будем иметь попятное движение? Где хоть тень доказательства или тень намека на доказательство того, что в *последующие* годы условия развития будут более неблагоприятны для государственного хозяйства и кооперации, чем они были в первые годы нашего хозяйственного подъема? Наоборот, если *таких* доказательств нет, то можно, с другой стороны, указать на целый ряд причин, которые говорят о вероятности *гораздо больших успехов* в будущем. Все больше и больше будут обнаруживаться преимущества *крупного производства* вообще; все большая экономия и выгода будет получаться для государственного хозяйства от роста его *плановости*, т.-е. планомерного и наиболее целесообразного использования всех материальных средств и рабочей силы этого хо-

зайства; все большие суммы будут находиться в распоряжении государственной власти, которая будет в состоянии с большей широтой помогать делу организации крестьянства через строительство кооперации и т. д., и т. п.

По сути дела мы уже теперь доказали, что можно строить социализм даже *без непосредственной технико-экономической помощи из других стран*. Правда, формы нашего социализма в ближайший период его строительства будут неизбежно формами отсталого социализма, но это не беда потому, что даже и эти формы гарантируют нам все дальнейшее и дальнейшее продвижение вперед к формам социализма, все более совершенным и все более полным.

Нужно помнить, что даже капиталистический строй, который развивался в течение *ряда столетий*, на закате своего развития, в свою империалистическую эпоху, имел, несмотря на такой почтенный возраст, различные формы и различные, так-сказать, «национальные черты». Американский капитализм еще и сейчас довольно сильно отличается от французского, германский — от английского и т. д., и т. п. Американский капитализм носит резко выраженные черты монополистического капитализма с господством банков, сросшихся с могучими организациями отечественной промышленности (тресты). Французский капитализм — это капитализм по преимуществу ростовщического типа, со сравнительно слабо развитой внутри страны промышленностью, капитализм, дающий деньги в *ссуду* другим государствам, сосущий эти другие государства и отличающийся чрезвычайно малой производственной деятельностью внутри страны; в его лоне приютились и мелкие крестьянские хозяйства, тогда, как, например, в системе английского капитализма этот капитализм пожрал уже целиком хозяйство свободного крестьянина и сумел соединить черты мирового грабителя с энергичной деятельностью по развитию своей собственной отечественной промышленности. Русский капитализм точно так же имел свои особые черты. Эти черты заключались, прежде всего, в том, что капиталистический строй вообще у нас был слабо развит, если брать все народное хозяйство страны в его целом. Это находило свое выражение в том, что в системе русского капитализма громаднейшее значение имело мелкое крестьянское хозяйство, барин-помещик полукрепостнического типа (вместо капиталиста-помещика, употребляющего наемный труд); громадное значение имела также мелкая промышленность (ремесленники, кустари), которую далеко не успел слопать в своем победоносном шествии крупный капитал. Но в то же самое время, если взять одно лишь крупное промышленное производство, то в области этого крупного промышленного производства мы имели очень значительный процент так-называемых «гигантских предприятий» (свыше 10.000 рабочих, вроде морозовских мануфактур, южно-русских сталелитейных заводов и т. п. промышленных гигантов). Это объясняется, в значительной мере, влиянием *иностранного капитала*, который насаждал в нашей стране огромные предприятия, оборудованные часто по последнему слову западно-европейской техники.

Вот это соединение страшного, полукрепостнического варварства и страшной хозяйственной отсталости вообще с самыми передовыми формами, до которых дошел западно-европейский капитализм, и составляло

отличительную особенность российского капитализма, его, как это называют, «национальное лицо».

Но, ведь, движение к социализму начинается не с пустого места; движение к социализму начинается после захвата политической власти в руки рабочего класса, при чем на долю этого рабочего класса *достается наследство, оставленное ему капиталистическим строем*. После вышесказанного совершенно ясно, что это наследство в разных капиталистических странах будет выглядеть *по-разному*. И если капитализм в разных странах имел свои особенности, то совершенно понятно, что и *социализм в первый период своего развития, до слияния всех стран мира в одно единое целое, неизбежно будет отличаться точно так же своими особенностями, которые вытекают из особенностей предыдущего развития*. То, что у нас налицо имелось сочетание передовых капиталистических крупных предприятий с крайне отсталыми хозяйственными формами, неизбежно накладывает свою печать и на формы строящегося в нашей стране социализма. Из наличия мелких торговцев и мелких предпринимателей вытекает, что они останутся существовать еще известное количество времени и при нашем режиме; из наличия огромнейших слоев крестьянства, с его неизмеримо крупным хозяйственным значением в нашей стране, вытекает, во-первых, сравнительно долгий путь к достижению полного социализма, во-вторых, огромнейшее значение *сельскохозяйственной кооперации*, как столбовой дороги развития крестьянского хозяйства к социализму; а из наличия крупных предприятий, объединяющих в своих стенах многие тысячи пролетариев, вытекает самая возможность пролетарского руководства в нашей стране.

В других странах (если не говорить о колониях), например, в Англии, где крестьянское хозяйство играет совсем маленькую роль, формы организации народного хозяйства будут неизбежно другими, и ход развития будет отличаться гораздо более *быстрым* темпом по сравнению с нашим. Наоборот, если мы будем рассматривать и те задачи, которые станут перед западно-европейским пролетариатом по отношению к бывшим колониям, где живет масса крестьянского населения, то там будет много задач и много хозяйственных форм, напоминающих те вопросы и задачи, которые мы решаем у себя, и те организационные формы хозяйственной жизни, которыми отличается *наше* строительство. Мы несколько не должны стыдиться того, что наш социализм, который строим мы, является неизбежно отсталым типом социалистического строительства. Не наша в том вина; но мы можем быть вполне уверены, что у нас *есть возможности для бесконечного продвижения вперед*, для совершенствования этих форм, для изживания нашей отсталости, для все ускоряющегося перехода к действительно полному типу социалистического общества.

Наша страна сейчас еще только-только начала вылезать из поистине ужасающей нищеты, и было бы прямо безумием даже заикаться о том, чтобы почить на лаврах или начать отдыхать. Нам предстоит изжить еще ужасную нищету, остатки голода, грязи, темноты, варварства и косности; но мы уже ясно видим перед собою широкий и правильный путь, по которому мы доберемся и до нашей окончательной победы.

ДОКЛАД НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б)

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать вашу конференцию от имени Центрального Комитета нашей партии (аплодисменты). Ваша конференция замыкает собою целый период в развитии ленинградской партийной организации. Она является заключительным актом очень тяжелой полосы в истории ленинградской организации и, вместе с тем, в истории нашей партии вообще. На этой конференции ленинградская организация должна — и безусловно сделает это — выравнивать общий партийный фронт и всеми своими составными частями, своей верхушкой, средней прослойкой масс, низовыми партийными рядами снова занять то место, которое принадлежит ей по праву в авангарде всей нашей партии и всего рабочего класса нашей страны (аплодисменты).

Товарищи! Наша дискуссия возникла на фоне чрезвычайно сложной обстановки внутри нашей страны. С одной стороны, всем известно, что мы за последнее время переживали, как принято выражаться, полосу бурного хозяйственного роста, роста нашей промышленности, роста сельского хозяйства, роста нашего транспорта, роста нашей внешней торговли, роста оборотов внутренней торговли и т. д. В то же время совершенно бесспорным является тот факт, что в пределах и рамках этого нашего общехозяйственного роста нашей страны мы имели относительное усиление социалистических элементов нашего хозяйства, всех наших командных высот, мы имели резкое усиление главной нашей командной высоты — социалистической промышленности. Мы имели усиление в общих рамках нашего совокупного хозяйства — нашего транспорта, наших банков и наших кредитных институтов; развитие внешней торговли, на принципе государственной монополии, укрепление государственной торговли, в особенности, в ее головных частях, т. е. в оптовой и оптово-розничной торговле, укрепление — хотя далеко недостаточное и далеко не в той пропорции, которая нужна нам — кооперации. Но, с другой стороны, и это составляет главную особенность нашего положения, наше хозяйственное развитие протекает в противоречивых формах. Мы росли, но в то же время рос и частный промышленник, мелкий, отчасти, средний; рос торговый капиталист в деревне, скупщик, кулак, — одним словом, на основе общехозяйственного расцвета и на основе продвижения нашего хозяйства вперед, одновременно с нашим наступлением, с наступлением наших командных высот в общей экономике, против этих командных высот на основе НЭП'а росли и капиталистические элементы различных оттенков и различных степеней. Я считаю необходимым сказать несколько слов относительно противоречий другого типа, другого порядка, а именно о противоречиях между пролетариатом и крестьянством, о противоречиях, которые нашли свое наибольшее отражение в области

товарооборота, где интересы рабочего класса, как покупателя, и интересы крестьянства, продающего хлеб, как продавца, до известной степени противоречивы.

Нельзя забывать также о противоречиях внутри самого рабочего класса, противоречиях, которые будут давать себя чувствовать в нашей стране еще довольно долгое время. Конечно, противоречия между рабочим классом и крестьянством — не сравнимы с противоречиями, которые существуют между рабочим классом и крупным капиталом, но тем не менее они тоже суть противоречия. Несомненно, далее, что противоречия внутри рабочего класса — не то, что противоречия между пролетариатом и капиталом, и это также не то, что противоречия между рабочим классом и крестьянством, но все-таки эти противоречия внутри нашего пролетариата существуют, они отражаются и выражаются в известного рода колебаниях внутри определенных слоев рабочего класса и они, в известной мере, отражаются и находят свое выражение точно также внутри нашей единственной в советской стране партии. Я имею здесь в виду противоречия внутри рабочего класса такого порядка, как известные противоречия между «управляющими» кадрами и «управляемыми» массами нашего рабочего класса, хозяйственными и рядовыми рабочими, противоречия между квалифицированным трудом и неквалифицированным трудом, т.-е. чернорабочими; противоречия между старыми коренными пластами рабочего класса и пластами вновь приходящих и только-что вливающихся в наши фабрики рабочих и, наконец, возрастные противоречия, противоречия между взрослыми рабочими кадрами и кадрами рабочего молодняка, противоречия, обусловленные разницей жизненного опыта.

Эти последние противоречия не суть противоречия классового характера, эти противоречия имеют совершенно другую природу, чем противоречия между рабочим классом и капиталистом. Эти противоречия имеют совершенно другую природу даже по сравнению с теми противоречиями, которые существуют между рабочим классом и крестьянством. Эти противоречия суть известные трения внутри нашего собственного класса, но тем не менее они есть, тем не менее они порождают определенные практические трудности, и эти трудности мы должны преодолевать в упорной и систематической работе.

Эти противоречия внутри нашего класса, вытекающие из неоднородности состава самого рабочего класса, обостряются неизбежно рядом отрицательных явлений вроде хозяйственного обрастания и бюрократического извращения явлений, с которыми наша партия должна будет еще в течение долгого периода вести борьбу. Совокупность всех этих противоречий, — противоречия между рабочим классом и его хозяйственными формами, и капиталистами и их хозяйственными формами, между рабочим классом и крестьянством и внутри рабочего класса, — все это в свою очередь еще более обостряется в момент, когда у нас намечаются некоторые хозяйственные затруднения.

Необходимо подчеркнуть, что именно в силу роста затруднений, связанных с известными неудачами в области нашей хлебозаготовительной кампании, с сокращением нашего импортного плана, с необходимостью урезывания наших производительных программ, с необходимостью урезывания

наших сметных бюджетных ассигнований и т. д., — более затруднительной является и борьба с антипролетарскими элементами в нашей стране.

Мы имеем перед собой такого рода явление, что именно, в силу некоторых просчетов и создавшихся затруднений в хозяйственной области, выигрышные позиции на различных участках экономического фронта заняли кое-где скупщик-хлебозаготовитель частник, что в связи с обострившимся товарным голодом, на основе новых хозяйственных затруднений, частный капиталист, купец, торговец могут извлечь для себя добавочные выгоды и, извлекая и кладя себе в карман разницу между оптовыми отпускными и розничными ценами, спекулировать на этом товарном голоде и т. д. и т. д. Словом, я хочу, товарищи, подчеркнуть здесь ту мысль, что очень часто, именно в силу хозяйственных затруднений, противоречия, которые и без того имеются в нашей стране, обостряются, усложняются стоящие перед ними задачи и создают благоприятную почву для некоторых колебаний в партийных рядах.

Для того, чтобы понять весь круг ошибок новой оппозиции, которая дрогнула в этот период очередного нарастания трудностей, я считаю необходимым поставить вопрос о тех общих идейных истоках, у которых новая оппозиция встречается с рядом прежних оппозиционных течений. Мне кажется, что такие общие истоки, общие корни есть, что они у теперешней оппозиции выражены с наибольшей яркостью и что нужно их вскрыть для того, чтобы понять, а понять для того, чтобы правильно преодолеть. Я, товарищи, поставлю здесь, прежде всего, вопрос, который на первый взгляд не имеет прямого отношения к делу, но который, как вы увидите, имеет самое непосредственное отношение к правильной постановке всех тех основных вопросов нашей политики, коренных и кардинальных, которые всплыли во время нашей последней дискуссии. Это — вопрос следующий: что есть самого нового, оригинального в ленинском учении? Вы знаете, что на этот вопрос отвечают по-разному.

По нашему мнению, на этот вопрос может быть только один ответ. Самое новое, принципиально новое, чего не было у Маркса, чего не было у Энгельса и чего не могло быть ни у Маркса, ни у Энгельса, это есть постановка вопроса и проблем, которые *связаны со строительным периодом социалистической революции*, т. е. с тем периодом, когда диктатура пролетариата уже налицо, когда она уже укрепилась, когда центр тяжести переносится с разрушительной работы на строительную. Если вы возьмете такой вопрос, как вопрос о диктатуре пролетариата, то убедитесь, что здесь Владимир Ильич сделал колоссально много для развития этого учения, но в основном оно было намечено Марксом. А если вы себя спросите о тех задачах рабочего класса, которые идут в новой полосе строительства, уже после упрочения пролетарской диктатуры, то вы легко увидите, что об этом у основоположников научного коммунизма не написано ничего или совсем — ничего, и есть у Ленина, давшего первые наброски в этой области (я имею в виду теорию НЭПа, кооперации и т. д.).

В том, что Маркс и Энгельс не смогли дать теорию переходного периода, нет ничего удивительного, ибо в их опыте, в условиях тогдашнего времени для этого не было никаких предпосылок.

Эту мысль с достаточной отчетливостью высказал сам тов. Ленин. В своей статье «О значении золота» Владимир Ильич, оценивая радикальные изменения, внесенные диктатурой пролетариата, писал о соотношении между реформой и революцией следующее: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, причем *Маркс мог видеть это отношение с одной стороны*, а именно: *в обстановке предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране...*» («О значении золота», т. XVIII, ч. 1, стр. 414). Вот эта небольшая цитата дает очень много для уяснения соотношения между марксизмом и ленинизмом, потому что сам Ленин совершенно точно, с совершенной полной отчетливостью, ясностью и определенностью поставил этот основной вопрос и сказал, что Маркс мог видеть соотношения между реформой и революцией, между различными основными тактическими и стратегическими методами пролетарской классовой борьбы только с одной стороны, т. е. только до того, как рабочий класс укрепил свою рабочую диктатуру, и он не мог видеть того, что лежит после упорочения пролетарской диктатуры.

Вот, товарищи, я прочту вам еще два отрывка из сочинений Владимира Ильича, которые иллюстрируют его основную мысль относительно другого бока марксизма, который обнаруживается только в ленинизме. Тов. Ленин в своей статье «О кооперации» пишет: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр *тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную и «культурную» работу*. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на «культурничество», если бы не международные отношения, не обязанность бороться за наши позиции в международном масштабе...» («О кооперации», т. XVIII, ч. 2, стр. 144).

Следовательно, и здесь Ленин говорит о радикальном отличии наших современных задач от тех задач, которые стояли до завоевания политической власти пролетариатом и непосредственно во время этого завоевания; он утверждает, что центр тяжести переносится теперь на мирную культурную организационную работу и что лишь в отношении мирового пролетарского движения центр тяжести мы попрежнему видим в содействии мировому социалистическому перевороту, победоносному завершению гражданской войны. И, наконец, разрешите мне процитать еще одну цитату, которая идет по той же самой линии. Тов. Ленин в своем письме к Мясникову, который начал отходить от нашей партии, а потом, в конце концов, совсем от нее отошел, писал: «В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже». (Письмо тов. Мясникову, т. XVIII, ч. 1, стр. 339).

Вот три основных положения т. Ленина. Первое, что в поле нашего зрения сейчас находится другая полоса социалистической революции, которая не была видна во времена Маркса и не могла быть видна. Второе, что является расшифровкой этого первого положения, состоит в том, что у нас центр тяжести внутри страны переносится на мирную организаторскую работу. И третье положение, которое, так сказать, является политическим

выражением второго положения, это то, что мы сейчас в нашей стране являемся партией не гражданской войны, а партией гражданского мира. Вот три положения, которые по данному вопросу выставляются Владимиром Ильичем.

В этих положениях вы видите в резкой форме выраженное разъяснение того, что нелепо, глупо, не по-марксистски, не по-ленински переносит все то, что мы писали до завоевания политической власти рабочим классом, на то время и на те условия, которые наступают после упрочения пролетарской диктатуры в нашей стране. Вы согласитесь, товарищи, что это ведь не шуточные вещи. До завоевания политической власти в нашей стране мы были партией гражданской войны, после завоевания политической власти и укрепления пролетарской диктатуры мы стали партией гражданского мира. До завоевания политической власти центр нашей тяжести заключался в политической революционной борьбе за завоевание власти. После укрепления пролетарской диктатуры центр тяжести нашей работы заключается в мирной организаторской деятельности. Правильно это или неправильно по существу? Конечно, правильно.

Основной задачей организованного пролетарского авангарда в капиталистическом обществе является расширение, обострение, разжигание, доведение до последнего каления классовой борьбы, чтобы по мере и в результате этого разжигания, расширения, обострения классовой борьбы, в конце концов взорвать, разрушить, разбить буржуазное общество. Такова наша генеральная основная «линия» в капиталистическом обществе. В то же время, в обществе пролетарской диктатуры наша задача заключается не в том, чтобы его укрепить; не в том, чтобы его разваливать, а в том, чтобы его организовать; не в том, чтобы выставлять лозунг гражданской войны в нашем обществе, а в том, чтобы преследовать всякого, кто пытается вызвать гражданскую войну в нашем обществе, ибо мы стали руководящей силой этого общества и наша позиция заключается теперь в том, чтобы противоречия между классами и различные, но иного рода, противоречия в господствующем классе нашей страны преодолеть, обеспечивая своим постоянным вмешательством рост социалистических форм хозяйства, стремясь к тому, чтобы на основе роста социалистических форм хозяйства, на основе роста наших экономических высот, на основе укрепления пролетарской диктатуры, которая является одним из величайших орудий современной классовой борьбы, обеспечить вытеснение и преодоление различных других хозяйственных форм, носителями которых являются другие классы.

Я, товарищи, привел вам три важнейших записки, три важнейших документа из работ тов. Ленина. Очень характерно, что у тов. Зиновьева в его книге: «Ленинизм» все эти три цитаты отсутствуют, ибо тов. Зиновьев самых характерных черт для теперешнего периода, самого характерного в ленинизме, не заметил; все идеологи новой оппозиции ставят вопросы однобоко и в значительной мере поэтому впали в те политические ошибки, которые выразились в их выступлении на съезде, вокруг съезда, после него и т. д.

Товарищи, в связи с приведенными заявлениями, у тов. Ленина есть еще одно заявление, где он утверждает, что наше теперешнее общество по-коится на сотрудничестве двух классов: рабочего класса и крестьянства,

к коему (т. е. сотрудничеству) на известных условиях допущена и буржуазия. Это совершенно справедливо и тоже обусловлено особенностями переживаемого нами периода. Когда мы одни не можем справиться, например, с выпечкой хлеба и позволяем частным капиталистам открывать булочные, то в этом выражается известный факт нашего сотрудничества, и не только сотрудничества рабочего класса с крестьянством, но и на известных условиях даже с буржуазией. Но в то же самое время здесь есть и другая сторона явлений. Между рабочим классом и крестьянством есть сотрудничество, но исчерпывается ли только этим соотношение между названными двумя классами? Нет, не исчерпывается, потому что на ряду с этим сотрудничеством есть и элементы борьбы. Исчерпываются ли соотношения между нами и буржуазией сотрудничеством, тем, что мы допускаем ее, например, торговать? Нет, у нас есть сотрудничество, но в десятки раз больше, даже в сотни раз больше, *борьба* с ней. Мы, с одной стороны, допускаем эти капиталистические элементы, идем на сотрудничество с ними, но, с другой стороны, мы их допускаем *для того*, чтобы, в конце концов, радикальнейшим образом вытеснить, преодолеть и уничтожить их хозяйственно и социально. Это — тип сотрудничества, который предполагает ожесточенную, хотя и бескровную, борьбу против них.

Мы в неизмеримо большее количество раз сотрудничаем с крестьянством и в то же самое время нашей задачей по отношению к крестьянству является, во-первых, постоянное *преодоление* враждебных тенденций с его стороны, которое обеспечивало бы наше руководство им, во-вторых, переделка этого крестьянства, т. е. уничтожение его как класса мелких собственников и превращение его в составную часть работников крупного сельскохозяйственного производства, — хотя не путем превращения в батраков, а по совершенно другим линиям. Таким образом, вы видите здесь крайне сложные отношения. Из этой сложности положения вытекает то, что возможно очень легко, не учтя надлежащей пропорции и надлежащего тона, поскользнуться в правую или левую сторону от правильной позиции.

Как можно поскользнуться в правую сторону? Очень легко. Можно, например, сказать себе так: ну да, мы есть партия гражданского мира — сам Ленин сказал, что центр тяжести теперь в мирной организационной работе. Все мы должны далее понимать, что у нас классовая борьба будет постепенно уменьшаться и уменьшаться пока не отомрет в коммунистическом обществе без всякой третьей революции. Это тоже ясно, но отсюда можно сделать такой неправильный вывод, что всякий, кто говорит о классовой борьбе, или о том, что она обостряется, делает неправильные антиленинские выводы. Это было бы архи-неправильно. Так рассуждать — это значит поскользнуться на правую ногу и делать крупнейшую политическую ошибку, совершенно сойти с ленинских позиций. Почему? Да потому, что вопрос не стоит так просто. В общем и целом, у нас классовая борьба будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться. Нужно иметь достаточно чуткое ухо, достаточно острый взгляд, чтобы сказать, что на этом отрезке времени потому-то и потому-то классовая борьба не только не будет утихомириваться, а, наоборот, будет обостряться, и что наша задача на этой определенной стадии надлежащим образом вести себя в этой обостренной классовой борьбе.

Если, в конечном счете, в обществе переходного периода сгладятся противоречия, то из этого вовсе не следует, что в каждый данный момент они сглаживаются. Может быть такой момент, когда они, в силу целого ряда исторических причин, будут обостряться. И вот сейчас, мне кажется, мы переживаем такой момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне, обостряются. Они будут обостряться до тех пор, скажем, пока мы не найдем в распоряжении нашего государства такого рода, такой степени и такого количества материальных благ, — говоря простым языком, денег, которыми мы могли бы поднять настолько высоко коллективное хозяйство бедноты и кооперированное хозяйство середняка, что подвели бы его жизненный уровень на высокую ступень развития, при которой кулак не будет являться экономически мощной силой по сравнению с этими оперившимися благодаря нашей помощи хозяйствами, ставшими на путь большего или меньшего обобществления. Тогда начнется другая полоса, тогда классовая борьба начнет утихать. А сейчас, пока мы этого не можем сделать, она будет обостряться и весь тот период, пока мы не сможем по настоящему поднять основные массы крестьянских хозяйств, — борьба будет продолжаться. Поэтому, если бы кто-нибудь сейчас вышел к нам и сказал, что из ленинских положений, только что зачитанных нами, вытекает, что нельзя говорить о классовой борьбе или что нужно сейчас во что бы то ни стало ее свертывать, — тот поступил бы неправильно, посколькунулся бы вправо.

Из этих рассуждений нельзя делать грубо прямолинейных выводов, не обоснованных условиями того исторического конкретного отрезка нашего развития, в котором мы живем. Представьте себе, например, такое положение, что где-нибудь в каком-нибудь из наших уездов или в ряде уездов кулак пошел бы против нас прямо лобовой атакой.

Мы должны были бы в этом случае выставить против него пулеметы и без особых рассуждений и сантиментов «умиротворить» его так, как делали это в 1918 г. И если бы кто-нибудь в такой обстановке сказал бы — позвольте, это же есть обострение классовой борьбы и проч., то мы ответили бы: ну да, совершенно верно, но надо понимать, что к чему и когда. Самое основное, золотое правило ленинской тактики заключается в том, чтобы понимать — что к чему и когда, чтобы, выражаясь образно, не плясать на похоронах и не голосить заунывных песен на свадьбе. Вот как обстоит дело.

Следовательно, вы видите, товарищи, что посколькунуться здесь страшно легко. Я изобразил вам сейчас, как можно посколькунуться вправо, но можно посколькунуться, разумеется, и влево (по внешности — влево) от правильной позиции. Это было бы тогда, если бы люди не понимали разницы задач в эпоху укрепленной пролетарской диктатуры, с одной стороны, и задач, которые стоят перед рабочим классом до завоевания политической власти, — с другой. Сейчас наша задача заключается не в ориентации на какую-то новую третью революцию, а в том, чтобы мирной организационной работой, ведя классовую борьбу преимущественно в экономических формах, ведя борьбу за рост социалистических элементов нашего хозяйства, могучим политическим рычагом нашей пролетарской диктатуры продвигать дальше наше строительство вперед, не отрываясь от крестьянской основной массы и выравнивая ее в общий фронт борьбы против частного капитала. Вот наша установка, и если кто-нибудь этого не понимает, тот отходит от ленинского

учения с другого бока, тот тащит нашу партию назад, тот не понимает основного и самого оригинального, чем ленинизм дополняет марксизм, тот не понимает того, что самое оригинальное, самое новое, что есть в ленинском учении, связано со строительным периодом нашей социалистической революции, связано с эпохой, наступающей после укрепления рабочей диктатуры.

Мы точно также знаем, и это рассуждение идет по тем же основным линиям, о которых я до сих пор говорил, что основная форма нашей классовой борьбы сейчас есть борьба различных хозяйственных форм. Если, например, рабочий класс укрепляет свою социалистическую промышленность в борьбе с частно-капиталистической промышленностью, это есть форма его классовой борьбы с частным капиталом и буржуазней. Если рабочий класс помогает бедняку и середняку организовать кооперацию против лавки кулака, или организовать свое кредитное товарищество против ссудных операций кулацкого ростовщика, то пролетариат этим самым ведет в своеобразных формах классовую борьбу против частного капитала.

Но, товарищи, если центр тяжести переносится на эти формы классовой борьбы, в первую очередь, на борьбу между различными хозяйственными формами и на «вытеснение» враждебных нам форм, то из этого вовсе не вытекает прямолинейный и простой, как линейка, и грубый, как дерево, из которого линейка сделана, вывод, что поэтому — никакой специфически-политической работы мы не ведем и не будем вести. Ничего подобного из этого не вытекает. Я уже сказал, что обстоятельства могут вызывать очень резкие формы политической борьбы, такой борьбы, которая выражается даже в военных столкновениях. Это, конечно, не типично, но если бы наш классовый противник вынудил бы к этому, мы стали бы это делать.

Но мы и без того в нынешних условиях ведем политическую борьбу: это есть борьба на выборах в советы, борьба с кулачеством, организация групп деревенской бедноты и т. д. и т. д. Словом, из того, что центром нашей теперешней классовой борьбы является борьба наших хозяйственных форм и борьба на экономическом фронте, не вытекает вовсе, что этими формами исчерпывается современная классовая борьба. Мы действуем комбинированными методами. Мы ставим вопрос в зависимости от целесообразности, и мы обязаны, мы должны использовать все решительно рычаги нашей власти, нашей экономики, нашей организованности для того, чтобы выяснить все силы в борьбе с классовым врагом. Вот та общая постановка вопроса о классовой борьбе, вот та, мне кажется, единственно ортодоксальная ленинская постановка, из которой необходимо исходить при решении разного рода вопросов, касающихся конкретных проблем, важных кардинальных проблем нашей текущей политики.

Товарищи, я уже сказал, что у оппозиционных товарищей нет понимания этого своеобразия, или нет достаточного понимания своеобразия того положения, которое складывается в период после упрочнения политической диктатуры рабочего класса, и они очень часто склонны механически переносить то, что писал тов. Ленин до завоевания власти рабочим классом, на то, что происходит у нас, теперь. И это находит свое выражение, между прочим, и в решении такого основного вопроса, как вопрос о крестьянстве, при обсуждении такой кардинальнейшей проблемы нашей политики, как

проблема втягивания крестьянства в дело социалистического строительства. И вот к этим двум вопросам, касающимся наших идейных разногласий, я сейчас и перехожу. Я перехожу к вопросу о наших экономических командных высотах и соотношении их с крестьянским хозяйством.

В этой связи я должен прежде всего отметить, что во время нашей дискуссии у оппозиционных товарищей очень часто проглядывал известного рода скептицизм к тому, что крестьян вообще можно привлекать к делу социалистического строительства. Между тем, формулировка Ленина была здесь совершенно ясна. Ленин совершенно точно говорил, что нам нужно вести такую политику, которая обеспечивала бы каждому мелкому крестьянину возможность объективного участия в деле социалистического строительства. Вот если мы поставим этот вопрос так, что мы должны обеспечить участие мелкого крестьянина в деле строительства социализма, если мы взглянем на эту проблему, на эту постановку задачи, на этот вопрос с точки зрения обычных до-ленинских представлений о старой социалистической политике, то мы должны здесь сразу сказать, что эта задача сама по себе совершенно невиданная и что это — задача, которая никогда не ставилась так определенно, так в упор, как поставил ее Ленин.

Все мы отлично знаем мелкого крестьянина, знаем, что он — мелкий собственник и социализмом от него не пахнет, и тем не менее Ленин ставит проблему вовлечения этого мелкого крестьянина и мелкого собственника в строительство не чего-либо другого, а социализма. Нам, товарищи, необходимо прежде всего, поставив перед собой во весь рост эту проблему, ее осознать, понять, что это не есть какая-то боковая маловажная проблема. Нам нужно понять, что мы от этой проблемы не можем отвертеться, что мы должны или ее решать и решить, или мы должны вообще отказаться от всего дела социалистического строительства.

Товарищи, с точки зрения до-ленинского марксизма, эта проблема, конечно, ставилась, т. е. к ней подходили, можно сказать, на самые малюсенькие шажки, а по существу дела она как следует и не ставилась. Между тем, когда рабочий класс вступил в такую полосу своей политики, когда он, действительно, в упор подошел к решению основных задач социалистического строительства, то на каждом шагу он стал наталкиваться на этот вопрос. У нас нет почти ни одной крупной политической или экономической проблемы, при разрешении которой мы не сталкивались бы в лоб с этим вопросом. И, товарищи, здесь нужно, действительно, выбрать одно из двух: или ставить вопрос о простой нейтрализации подавляющего большинства населения — крестьянства, или установить с основными массами крестьянства прочный союз. Существует представление, что можно ограничиться нейтрализацией основной массы крестьянства, достаточно держать их на отлете, достаточно их увязелинить, чтобы они сделались смирными и бездейственно молчали. Но это недопустимая, неленинская постановка вопроса. Ленинизм предполагает постоянный рост социалистических элементов и постоянную переделку большинства народа, а в конце концов, и всего народа и работников социалистического общества.

Мы не можем представлять себе нашу главную строительную задачу так, что у нас где-то растет городская промышленность, хотя бы и четырехжды последовательно-социалистического типа, а огромные крестьянские

массы существуют где-то сбоку, изолированно от города. Строительство социализма предполагает коренную переделку всего сельского хозяйства и всего населения страны. Наша задача заключается не только в том, чтобы переделать весь рабочий класс на новый культурный социалистический лад, но наша задача заключается и в том, чтобы со стороны этого господствующего и постоянно меняющего и улучшающего свою природу рабочего класса укреплялось бы и ширилось все более могущественное воздействие на основные народные массы, которые постепенно и систематически меняли бы свою классовую природу. В этом смысле господствующий пролетариат представляет собой такую творческую и руководящую силу, которая должна переделывать старый и творить новый мир.

Если мы ставим перед собой эту задачу и видим нашу страну со всей ее отсталостью, с огромным морем крестьянства, со всеми трудностями, которые из этой обстановки вытекают, то нам нужно, конечно, совершенно ясно понимать, что самый наш социализм будет отличаться в своем развитии большими особенностями по сравнению, скажем, с социализмом, который будет расти в Англии, или в Германии, или в Америке. И тут ничего удивительного, ничего ужасного, ничего такого, что должно повлечь за собой нашу гибель, — абсолютно нет.

Посмотрите, товарищи, на капитализм. Капитализм растет во всех странах в течение многих сотен лет. В одной стране одну сотню лет, в другой стране — две сотни лет, в третьей стране еще больше и т. д. В общем капитализм имеет очень почтенный возраст и, несмотря на это, т. е. несмотря на то, что он имеет очень почтенный возраст, вы видите, что в разных странах имеются различные типы капитализма. Во Франции капитализм имеет свои черты. В Америке свои черты. Американский капитализм в основе это то же, что немецкий или французский, но все же наряду с общими признаками капитализма он обладает и особыми специфическими чертами в отношении организационных форм и в отношении общекультурном. И наш капитализм в России имел свои особые черты. Капитализм в России, например, отличался тем, что он был капитализмом в стране, где была масса феодальных остатков, был таким капитализмом, где капитализм вырастал зачастую сразу в высших формах под влиянием иностранного капитала. Таким образом, капитализм в нашей стране развивался в условиях крайне противоречивых: с одной стороны, у нас был капитализм, с другой стороны, значительные патриархально-бытовые остатки где-нибудь на Кавказе или в Туркестане и т. д., остатки чуть ли не дофеодальных форм. И в то же время, наряду с этим, можно было видеть довольно значительные пристройки первоклассного модернического капитализма. И само собой разумеется, что и социализм вырастает из того, что ему оставлено в наследство капитализмом. И наш социализм растет в известном смысле на иной основе, чем будет расти социализм в Америке. У нас он растет в иных — российских — условиях, а не американских и не французских. Совершенно естественно поэтому, что подобно тому, как капитализм в различных странах имел свои особые черты, так точно и социализм в этих странах в начале будет иметь свои особые черты, которые только, в конце концов, когда все мировое хозяйство объединится на развернутой социалистической основе, сгладятся и выравниваются.

Отсюда вытекает, что, когда мы говорим о строительстве социализма в нашей стране, то мы должны понимать, что наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои собственные черты, я сказал бы, если можно так выразиться, что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом, т. е. социализмом, который будет иметь особенности, обусловленные в известной мере типом предшествовавшего ему капиталистического развития. Но, все-таки, он будет социализмом, потому что его развитие будет идти по совершенно определенному пути, он будет отличаться большой отсталостью его по сравнению с темпом развития американского социализма, который будет развиваться на основе американского капитализма, но все-таки он будет социализмом. Главная черта нашего социализма заключается в том, что он строится в крестьянской стране и что поэтому задача вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства у нас особенно важна. Но, товарищи, у нас основная масса крестьянства является середнячком — с этим все согласны. Итак, — давайте исходить из главного положения: основную массу крестьянства составляет крестьянин-середняк. Крестьянин-середняк сейчас торгует своим хлебом, продуктом своего хозяйства, выбрасывая определенную часть своего продукта на рынок. Торгует он на основе свободной торговли, введенной с началом НЭПа.

Товарищи из новой оппозиции определяют положение так: «Свободная торговля есть капитализм», но свободная торговля у нас, как известно, в первую очередь, введена для того, чтобы дать возможность «дышать» основной массе крестьянства, сохранить с ней союз и повести на этой основе правильную хозяйственную политику рабочего класса. Товарищи из новой оппозиции нам говорят: «Свободная торговля есть капитализм» и ссылаются на одно место из Ильича, где написано, что свобода торговли обозначает свободу капитализма. Выходит так, что, с одной стороны, они цитируют правильное положение Ленина, а, с другой стороны, с их точки зрения не подлежит сомнению, что крестьяне ведут свое хозяйство на основе свободной торговли, которая есть капитализм; тот, кто оспаривает это положение, идет по совершенно ложному, неленинскому пути, прикрашивает действительность, борется за нечто невыполнимое, отходит от классовой точки зрения и т. д. и т. д.

Я сперва задам предварительный вопрос, товарищи: если свободная торговля есть капитализм, и если эта свободная торговля по отношению к основной массе крестьянства есть капитализм, то как же, вообще говоря, привести крестьянство к делу строительства социализма? Выходит, как будто бы, что мы непременно должны привести его к капитализму, а с другой стороны, должны обеспечить социалистическое строительство. Быть может, лучше возвратиться от этой свободной торговли к военному коммунизму? Но этого тоже не говорят, и у нас получается совершенное отсутствие какой бы то ни было перспективы. Это приводит к тому, что считается второстепенной, не такой важной сама проблема привлечения крестьянства к делу социалистического строительства.

А по сути дела, товарищи, как правильно надо решить этот вопрос? Прежде всего я должен разъяснить положение тов. Ленина, что свобода торговли есть капитализм. Всякий, кто прочитает это место, легко увидит,

что когда Ленин говорит о тесной связи свободы торговли с капитализмом, то он хочет сказать только, что на основе свободы торговли постоянно рождается капитализм. Это вовсе не значит, что он утверждает, что свобода торговли равна капитализму. Я приводил несколько раз, повторяю и сейчас, такой пример: если какое-нибудь наше государственное учреждение покупает у другого государственного учреждения что-нибудь на основе свободы торговли — это никак не капитализм, никакого капитализма из этого не высосешь, потому что нет здесь капиталистических отношений, нет капиталиста, а капитализм без капиталистов не существует, — никто еще в мире не открыл такого капитализма. Но, бесспорно, что на основе свободы торговли может развиваться капитализм. Если, скажем, средний крестьянин торгует, если он наживается, если он начинает нанимать рабочих, он превращается в капиталиста. Свобода торговли и есть капитализм в этом смысле, т. е. в том смысле, что она приводит при определенных условиях к росту капиталистических отношений. Но, товарищи весь вопрос заключается в том, *всегда ли, при всех ли* условиях свобода торговли приводит к капиталистическим отношениям, правильно ли из того положения, что свобода торговли ведет к известному развязыванию капитализма, делать вывод, что всегда, при всех обстоятельствах, при всех условиях, во всякой исторической обстановке она приводит к капиталистическим отношениям? Я заявляю, что это последнее утверждение неправильное и что те, которые уверяют, что это правильно, не понимают всего характера строительного периода социализма — они прибегают к некритическому перенесению на новую обстановку тех представлений, тех речей, тех положений, которые писались, говорились, утверждались для капиталистического периода общественного развития.

Средний крестьянин покупает и продает, но он не применяет наемного труда. Всякий ли, кто покупает и продает, есть капиталист? Нет. Капиталистом является тот, кто употребляет наемный труд. Является ли крестьянин социалистом по форме своего хозяйства? Нет, потому что он — частный собственник. Является ли средний крестьянин капиталистом? Тоже нет, потому что он не употребляет наемного труда. Является ли он составной частью пролетариата? Нет, потому что он — частный собственник. Но, опять таки из этого нельзя делать вывода, что он является капиталистом. Это было бы так же неверно, так же нелепо, так же неумно, так же не по марксистски. Тов. Каменев в своей речи на партийном съезде набросился на одну статью, помещенную в «Правде», статью тов. Зайцева, где было сказано, что средний крестьянин не буржуа в том смысле, что он — не капиталист, но в этой статье было сказано, что средний крестьянин есть мелкий буржуа.

И вот в непонимании того, что мелкая буржуазия — это одно, а буржуазия капиталистическая — это другое, в непонимании этого таится очень многое. Почему? Потому, что я, например, товарищи, никогда не выставил бы положения, что вы должны обеспечить каждому капиталисту переход на социалистическую точку зрения. Мы с пропагандой социализма, скажем, к Рокфеллеру не идем и, насколько мне известно, никто этого до сих пор не предлагал, а вот к крестьянину мы идем, массу среднего крестьянства на свою сторону хотим привлечь и прочный союз хотим с ним обеспечить.

Следовательно, совершенно нелепо и дико не понимать, что есть громадная разница между простым товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, и капиталистом, между мелким собственником и капиталистом.

Если нелепо и преступно замазывать разницу между мелким собственником и рабочим классом, то нелепо и антима르크систски замазывать разницу между мелким собственником и крупной буржуазией, между трудовым слоем крестьянства и эксплуататорами-капиталистами. Ведь это же нужно видеть! И вот, товарищи, если мы ставим в качестве очередной, главной задачей, рассчитанной на эпоху, чтобы каждый мелкий крестьянин был обеспечен возможностью принять участие в деле строительства социализма под руководством рабочего класса, то совершенно естественно, что мы закрыли бы себе всякую дорогу, всяческий путь, всякую перспективу, если бы трактовали среднего крестьянина, как капиталиста. Но средний крестьянин имеет двойственную природу, потому что, с одной стороны, он хочет, на основе частного хозяйства, поднажиться и самому пролезть в кулачки, а с другой стороны, он имеет вторую душу, трудовую, которая соединяет его с пролетариатом, и наша задача использовать это положение так, чтобы за трудовую душу тянуть его по нашему пути в то время, как кулак тянет его к себе за собственническую душу.

И сейчас происходит борьба за этого крестьянина, за крестьянина-середняка. Но возможно ли вообще перетянуть его на нашу сторону? Как нужно поставить этот вопрос с ленинской точки зрения? Если мы подойдем к этому вопросу с экономического конца, с хозяйственного конца, то надо поставить его в такой форме: при каких условиях, как и почему товарное хозяйство простого товаропроизводителя, не эксплуатирующего наемного труда, может перейти к социализму, минуя капитализм, и может ли оно это сделать? Вот как стоит вопрос. Товарищи, которые привыкли читать старые книжки и при этом плохо их читать, которые не понимают, что есть разница между капиталистическими отношениями и нашими отношениями, рассуждают очень просто. Они говорят, правда ли или не правда, что мы, большевики, всегда с давних времен боролись с иллюзиями, с неправильными, фальшивыми, замазывающими действительное положение вещей, взглядами, что массы средних крестьян, средних мелких хозяйчиков могут улучшить свое положение. Они подчеркивают, что мы всегда боролись с этими взглядами, что мы всегда указывали на неизбежность роста дифференциации этого крестьянства, на неизбежность его вымывания, на неизбежность отхода небольшой, сравнительно, части в кулацкое лоно и другой подавляющей массы на положение пролетария и полупролетария. Они вспоминают, что большевики клеймили как обманщиков и либералов тех, кто затушевывает дифференциацию в деревне, кто затушевывает распадение среднего крестьянства на два полюса, указывали, что это не марксистская, а народническая постановка вопроса. Так мы говорили.

Правы ли мы были? Да, правы целиком, потому что в условиях капиталистического развития никакого другого пути для крестьянина-середняка нет как распадаться на два полюса, вымываться с двух концов. Если он начнет лучше жить, он неизбежно всегда и при всех условиях в обстановке капиталистического режима превращается в кулака. Если он беднеет, он

идет в батраки, идет в город и проч. Но подняться своей собственной середкой — так, чтобы все выше и выше идти вперед без того, чтобы не прибегнуть к наемному труду, и без того, чтобы не превратиться в капиталистика, такого пути у среднего крестьянина не было. И мы были правы, когда с этой точки зрения критиковали и кооперацию, говоря, что всюду и везде во всех капиталистических странах кооперацией верховодят капиталисты, верхушечные слои самых богатых крестьян, пользующихся наемным трудом. И мы всегда направляли острие своего критического анализа именно сюда и всегда обнаруживали, что народники, либералы, буржуазные экономисты и проч. скрывали это, замазывали дифференциацию в деревне, что они скрывали распадение середняка на две части, что они врал, говоря, что кооперация там не капиталистического характера, и утверждали, в противоположность им, что она эксплуататорского характера, что она основана на эксплуатации наемного труда, что она развивалась всегда при помощи крупных банков и проч., и проч.

Все это — абсолютная истина. Но, товарищи, Ленин совершенно правильно неоднократно говорил, что одна из основных ошибок оппозиционеров состоит в том, что они правильное для определенного исторического периода переносят на другой период, когда это правильное превращается в неправильное, и что это стало нелепо, неправильно и что этого делать нельзя, что это противоречит учению Маркса. Тов. Зиновьев пишет в своей книжке «Ленинизм», что и сейчас еще находятся некоторые чудаки, которые говорят о возможности некапиталистической эволюции. Но этот аргумент направляется не против кого другого, как именно против Ленина, против его плана кооперирования крестьянства. И тут, товарищи, я должен раскрыть все скобки. У нас в наших условиях простой товаропроизводитель стоит на перепутьи двух дорог. Средний крестьянин находится у стыка так, что он может пойти и по одним рельсам и по другим, а находится он у стыка этих двух дорог, которые расходятся в разные стороны: одна капиталистическая, а другая некапиталистическая — социалистическая. Нужно понять, что у нас сейчас не буржуазное государство, а диктатура пролетариата, что наши государственные банки находятся не в руках буржуазии, а в наших руках, что промышленность находится не у буржуазии, а в наших руках и что Рудзутак — не Джон Пирпонт Морган, а наш товарищ Рудзутак.

Вот если мы все это соответствующим образом взвесим, если мы будем исходить из того, что командные высоты находятся в руках рабочего класса, в руках его пролетарского государства, то тогда, сейчас же перед нами встанет такой вопрос: неужели деревня будет развиваться непременно и только капиталистическим путем, независимо от того, кто стоит у власти: пролетариат или буржуазия. И если бы наша деревня была под властью буржуазии, если бы наш город был под властью буржуазии, тогда бы середняк пошел по капиталистическому пути, если бы у нас не было пролетарского города, а была только одна деревня (предположим, что вдруг химическими газами отравили бы все население городов), а была бы одна деревня, она ползла бы одна, она пошла бы сначала назад, но потом сдвинулась бы, пошла по капиталистическому пути. Но у нас есть пролетарский город, есть пролетарские командные высоты. Что же это — со-

вершенно маленькая штука, которая никакого отношения к развитию деревни не имеет? Ясное дело, так рассуждать глупо. Я утверждаю, что эти командные высоты воздействуют на деревню, на среднего крестьянина, который является простым товаропроизводителем и который сейчас стоит на перепутьи двух дорог, наталкивают его на социалистический путь. Каким способом? Через кооперацию. И вот здесь уместно вспомнить тот план кооперативного строительства, который развернул тов. Ленин. Мы не желаем гнать железной метелкой середняка в коммунизм, подталкивая его пинками военного коммунизма. Это оказалось неверным, неправильным, негодным с точки зрения социализма. Мы вовлекаем его обходным путем через кооперацию, которая в его интересах. Но эта кооперация развивается не в условиях господствующего капиталистического способа производства, она смыкается не с кредитным банком капиталиста, а с кредитным банком пролетариата, не с капиталистической промышленностью, а с нашей пролетарской промышленностью, не с трестами Моргана и Рокфеллера, а с нашими пролетарскими трестами, не с капиталистическими железными дорогами, а, железными дорогами, находящимися в руках пролетариата. Кооперация будет постепенно расти, мы будем играть в ней все более и более крупную роль, будем все больше и больше направлять в основном ее политику, будем все больше и больше влиять на нее хозяйственно, поддерживая бедноту и середняка против кулака, поднимая те слои крестьянства, которые нужно поднимать с точки зрения строительства социализма. Мы имеем в своих руках рычаги, которые с каждым годом все больше и больше будут определять общее развитие страны, мы имеем в своих руках тот мостик, по которому госпромышленность соединяется с крестьянским хозяйством. Организационный мостик, имя которому — кооперация. И таким образом, поддерживая бедноту и середняка против кулака, помогая некапиталистическим формам, содействуя развитию различных способов общественного пользования машинами, а в конечном счете переходу к электрификации, мы будем систематически отводить среднее крестьянство от капиталистического пути к социалистическому.

Ленин в своей статье «О кооперации» говорит об этом очень ясно. У кооператоров старого времени, — заявляет он, — было много негодного, никудышного, реформистского, даже пошлого с точки зрения классовой борьбы. Почему? Потому что они не вели борьбу за захват власти. Но это мечтательное и даже пошлое становится действительностью после того, как мы политическую власть завоевали. Это есть аргумент со стороны самого тов. Ленина против того, что говорили против нас товарищи из оппозиции. Само собой разумеется, если бы у нас не было пролетарской диктатуры, если бы у нас не было экономических, политических и партийных командных высот, тогда бы этот весь план не мог быть осуществлен. Если эти высоты есть, то мы обязаны сейчас вести здесь определенную борьбу.

Нам говорят, что мы затушевываем классовую борьбу и т. д. Но, товарищи, когда недооценивают середняка и кооперативный план Ленина, то как раз в этом и выражается отказ от основной классовой задачи пролетариата. Какие социальные силы стоят сейчас на политической арене: стоит рабочий класс, стоит основная масса крестьянства, т. е. в первую очередь крестьянин-середняк, и стоит третья сила — капиталистические элементы,

кулак в деревне, частник, скупщик, купец. Главная борьба сейчас идет между рабочим классом и буржуазией. За что? За среднего крестьянина. Вот как сейчас стоят основные проблемы, основные проблемы большой классовой стратегии и тактики. А в чем они выражаются? Выражаются они в том, что кулак, капиталист, частник отдирают этого среднего крестьянина от нас, стремятся повернуть его на капиталистические рельсы развития. Если это им удастся, они получают громадную подмогу, а мы, с другой стороны, тянем его, этого середняка, на социалистические рельсы, через кооперацию.

Более трудной классовой задачи, более острой классовой борьбы, более важной проблемы, с точки зрения классовой борьбы пролетариата в нашей стране нет. Следовательно, эта задача есть самая важная задача классовой борьбы рабочего класса в текущий исторический период. Нам надо отбить, отвоевать середняка, постараться его в возрастающей степени переводить с капиталистических рельс на рельсы социалистического строительства, таким путем отбивая эту основную массу крестьянства у кулаков, который влечет его на рельсы капиталистического развития. Можно сделать второстепенные ошибки в целом ряде других вопросов. Но если в этом вопросе сделать ошибку, это значит — каюк пролетарской диктатуре. Если эту задачу не видеть, это значит не видеть основную задачу классовой борьбы в текущий период. Если эту задачу затушевывать, это значит затушевывать основную проблему классовой борьбы, как она стоит перед нами теперь и как она будет стоять в ближайшее время. Вот постановка вопроса относительно задачи строительства социализма и наших командных высот.

Товарищи, на очереди у меня стоит вопрос о вовлечении крестьянства в дело социалистического строительства, в связи с вопросом о дифференциации, т. е. о расслоении крестьянства. Само собой разумеется, что я должен и здесь, прежде всего, подчеркнуть сложность вопроса. Это, товарищи, быть может, и не совсем благодарная задача — все время и при каждом случае говорить о сложности вопроса, но я предпочитаю говорить о сложности вопроса, чем предлагать вам решения, по видимости простые, но по существу не имеющие за собой политической мысли и серьезного анализа.

В конце первой части своего доклада я поставил главную проблему, главный вопрос — о возможности приближения середняцкой массы крестьянства к делу социалистического строительства, к делу кооперации. Но, само собою разумеется, что эта сама по себе сложная задача еще более осложняется тем, что в деревне у нас налицо вовсе не один середняк, а налицо, минимум, три основные группировки: кулак, середняк и бедняк и еще, кроме того, известная часть чистого, так сказать, сельскохозяйственного пролетариата, т.-е. батрачества; следовательно, ко всему тому, что говорилось, прежде всего, нужно добавить ясное понимание разнородности классового состава самого деревенского населения. Раз у нас в деревне сейчас уже имеется налицо, кроме середняцкой массы, на одном полюсе — кулак, а на другом полюсе — беднота и батрачество, то, само собою разумеется, что постановка вопросов и наша задача осложняется этим обстоятельством.

Если бы мы были в настоящее время чрезвычайно сильны, т. е. если бы мы были в настоящее время уже настолько сильны, что немедленно в ближайшие годы могли бы осуществить полностью наши электрификационные планы; могли бы иметь в наших руках настолько сильные и настолько мощные экономические ресурсы, что могли бы в ближайшие годы поднять бедняцкое и крестьянское хозяйство на чрезвычайно высокий уровень материального благосостояния; если бы мы уже в настоящее время были настолько сильны, чтобы в ближайшие годы кооперировать, на основе очень хорошей работы кооперативных аппаратов, огромное большинство крестьянства; если бы мы были уже теперь настолько сильны, что наша государственная промышленность могла бы полностью и без остатка покрывать спрос на продукты промышленности, спрос, идущий со стороны сельскохозяйственного населения, — тогда мы безусловно в ближайшем же будущем могли бы подавляющее большинство, а, может быть, и всех середняков отвести от капиталистического пути к пути некапиталистического, социалистического развития. Но — и это надо подчеркнуть одной, двумя, тремя чертами — мы еще настолько не выросли, и поэтому положение в деревне у нас в ближайшее время будет характеризоваться тем, что у нас будут расти капиталистические элементы, с одной стороны, и бедняцкие и пролетарские — с другой стороны, а затем, во-вторых, тем, что мы в ближайшем будущем не будем в состоянии — и тут нечего строить себе иллюзий — всю совокупность крестьян-середняков сразу перевести на некапиталистический путь. И поэтому в ближайшее время середняцкое крестьянство будет идти одновременно в разных своих частях двумя путями: будет происходить, безусловно, на ряду с социалистическим кооперированием крестьян, наперекор этому, в противоречии с этим процессом и другой процесс — капиталистического разложения середняка и выделения его двух крайних социальных флангов, т. е. кулака, с одной стороны, и бедняка, пролетария и полупролетария — с другой.

Нужно заметить, что стихия мелкобуржуазного развития сама по себе стоит против нас, потому что условиями товарного хозяйства питается тенденция отсложения от крестьянской массы мелких капиталистов-кулаков. И лишь в той мере, в какой мы обеспечиваем вмешательство нашего пролетарского города, лишь в той мере, в какой мы пускаем более или менее мощные рычаги пролетарской диктатуры, хозяйственных организаций нашей промышленности, всех наших командных высот — лишь идя против развивающейся мелкобуржуазной стихии, мы можем совлечь основную массу крестьянства не на капиталистический, а на социалистический путь развития. Отсюда совершенно естественно, что в первое время расслоение даже среди середняцкого крестьянства будет обостряться и те противоречия, которые у нас в деревне уже налицо (а кулацкий слой в деревне у нас уже есть налицо), будут усилены и обострены. Вот почему во всех выступлениях, которые делались с нашей стороны, в выступлениях всех естественных товарищей, сторонников большинства съезда и решений партии, в том числе и я во всех моих персональных выступлениях, — все мы подчеркивали и подчеркиваем, что в настоящее время классовая борьба в деревне несомненно будет обостряться. Значит, с одной стороны, у нас кулак уже есть теперь, как есть и широкие слои бедноты, а с другой — и

самый середняк будет идти по двум путям: с одной стороны, по капиталистическому пути, т.-е. по пути своего расслоения, выделения двух социальных полюсов, а с другой стороны — по нашему пути, т.-е. по пути своего социалистического кооперирования, развивающегося под воздействием нашей последовательно-социалистической промышленности. Вот это раздвоение пути мы будем видеть в самых разных формах, на разнообразнейших фронтах нашего хозяйства и политической борьбы в деревне. Это найдет свое отражение в том, что часть поднимающегося середняцкого хозяйства будет в возрастающей степени прибегать к наемному труду, т.-е. превращаться в мелких капиталистов и кулаков, это будет иметь свое выражение и в том, что будут расти скрытые формы превращения части середняков, зажиточных середняков в кулацкие хозяйства, скрытые формы, примерно, такого рода, что более сильные середняки, накопившие у себя кое-что, приобретшие какую-либо машину, будут сдавать ее в аренду маломощным середнякам и беднякам и проч. и, таким образом, будут эксплуатировать в скрытой форме другие слои крестьянства. Это будет находить свое выражение и в том, что такие элементы, превращающиеся в кулаков, будут частью в открытой, частью в скрытой форме пролезать в кооперацию и кое-где занимать, по всей вероятности, руководящие места, несмотря на запрещение кулакам быть в правлении кооперации и т. д.

Так в борьбе хозяйственных форм, в открытых формах и в скрытых формах, в борьбе частного хозяйства и кооперации и даже в некотором смысле в самой кооперации будет проявляться борьба капиталистического начала и нашего начала, будут пересекаться друг друга два пути, которые сейчас неизбежны, и борьба между которыми неизбежна. Она будет проявляться в самых разнообразных, иногда уродливых формах. Мы должны это совершенно отчетливо видеть, мы должны это совершенно отчетливо понимать. Но, товарищи, из этой пестроты и сложности отношений отнюдь не вытекает, что мы должны спасовать и сложить руки. Нет, мы с удвоенной, с утроенной энергией должны бросать всю свою организованную мощь на чашку весов социалистически-кооперативного развития против линии частно-капиталистического развития. Усиливая государственную промышленность, усиливая наши командные высоты, усиливая экономические ресурсы пролетарского государства, мы тем самым будем в состоянии в возрастающей степени давить на одну чашу наших весов, бросать все более и более тяжелые гири на эту нашу чашу, и таким образом, в перспективе при нашей правильной политике, при условиях единства нашей партии, при условии правильной политики в крестьянском вопросе мы постепенно будем уменьшать шансы капитализма и в возрастающей степени увеличивать шансы победы социалистического пути.

Теперь, товарищи, я перейду к более конкретной постановке вопроса о борьбе с капиталистическими элементами в хозяйстве, на основе того, что я уже изложил в первой части своего доклада. Товарищи из новой оппозиции считают, — особенно ярко это было выражено во время дискуссии Вардиным на страницах «Ленинградской Правды», — что мы слишком увлекаемся вопросом о середняке, в то время, как основная опасность надвигается на нас со стороны кулака. Я, товарищи, на всех районных партийных конференциях уже говорил, что считаю этот пункт

чрезвычайно важным и прошу на меня не сетовать за то, что я повторяю здесь кое-что из того, что уже говорил на районных партийных конференциях. Те товарищи, которые противопоставляют задаче привлечения середняка на нашу сторону задачу борьбы с кулаком, упрощают и не понимают действительности. В чем заключается это упрощение и непонимание? Кулак представляется им в деревне какой-то самодовлеющей, из себя самой растущей экономической и политической силой. Между тем это представление совершенно неправильно. Его надо разбить — для того, чтобы вести правильную борьбу с кулаком. Всякий, кто жил в деревне, связан с ней или хотя бы сколько-нибудь читал о том, что делается в деревне, отлично знает, что кулак для нас опасен не сам по себе, а своей ролью по отношению к середняку. Когда нас пугают ростом кулака, то обычно приводят ряд примеров, не понимая смысла этих примеров. Нам говорят, например, что вот-де, в южных казачьих станицах при перевыборах в совет кулак в некоторых местах уже поднялся по ступенькам советской иерархии и захватил ряд крупнейших политических позиций в нашей советской организации, захватил низовой советский аппарат и поднимается по этой низовой советской организации дальше. Есть такие случаи? Есть. Опасны они для нас? Опасны. Нужно с этим бороться? Нужно. Но я спрашиваю вас, как же кулак пролез в эти самые советы, когда он является ничтожным меньшинством в деревне? Как он пролез? Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос честно и без обиняков. Как это, несмотря на все наше законодательство, на все желания и стремления нашей партии, наших хозяйственных и пр. органов, направленные к тому, чтобы изолировать кулака, последний все-таки пролез к этим позициям. Давайте здесь рассуждать без иллюзий, без замазывания реальных соотношений и противоречий. А он пролез потому, что за него голоснул середняк, а быть может, и бедняк.

Далее возникает вопрос, каким образом и почему середняк, а иногда даже бедняк, голоснули за кулака? Как это могло случиться? Когда мы этот вопрос поставим и разрешим, тогда мы поймем, как надо бороться с кулаком. А за этим явлением обычно кроется следующее: в деревне, в станице, или еще где-нибудь существует наш кооператив и существует частный торговец-кулак, но кооператив торгует плохо, а кулак торгует лучше. В нашем кооперативе галosh нет, а у кулака есть. Наши госорганы вели закупку хлеба гораздо хуже, оперировали хуже, а кулак, как скупщик хлеба, оперирует лучше; наш кооператив, или наше кредитное товарищество, или еще какой-нибудь орган не располагает деньгами, а кулак, хотя и дерет ростовщические проценты, но предоставляет кое-какой кредит. Эти явления далеко не единичны, в особенности, при системе растрат и кооперации, при системе безответственности руководителей кооперации, при системе слабого вовлечения масс в кооперативные органы. При таком положении вещей середняк видит в кулаке, патриархально выражаясь, отца благодетеля, который хотя и дерет с него шкуру, но который кое-что все-таки дает, а мы кормим его хорошими декретами, прекрасными речами о Чемберлене, но почти ничего ему не даем. Несомненно, что в этих случаях, о которых идет речь, устанавливается фактическая хозяйственная смычка кулака с середняком, при отсутствии хозяйственной смычки нас с середняком; а если

кулак завоевал на свою сторону середняка *хозяйственно*, то он тем самым завоевал его в значительной мере и *политически*.

Если мы, т.-е. пролетарское государство и зависимые от него органы, если мы плохо торгуем с середняком, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо боремся хозяйственно за середняка, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо строим кооперацию, то мы отталкиваем его к кулаку; если у нас увеличиваются растраты в кооперации, то мы отталкиваем середняка к кулаку; если у нас не изживается административная волокита по отношению к середняку, то мы его отталкиваем к кулаку; если мы во-время не наладим ни хозяйственной, ни политической смычки с середняком, то мы отталкиваем его к кулаку. Я утверждаю — и никто не может опровергнуть этого, что главная сила кулака и главная опасность его заключается в возможном блоке с середняком и в его гегемонии, т.-е. его руководящей роли в этом блоке. И отсюда с абсолютной ясностью вытекает основная директива для нашей партии: главное средство борьбы с кулачеством лежит по линии отвоения от кулака середняцких слоев крестьянства, — именно так должна быть определена стратегическая линия нашей борьбы против кулака. И те товарищи, которые в простоте душевной противопоставляют этой задаче борьбы за середняка другую задачу — борьбу против кулака, совершенно не понимают, что нет лучшего способа помочь кулацкому хозяйству, лучшего способа помочь капиталистическим элементам в деревне, как упустить середняка из-под своего влияния, не посвящать достаточного внимания этой проблеме завоевания середняка и отодвигать на задний план эту хозяйственную задачу.

Само собой разумеется, что, когда перед нами стоит классовый противник — а кулак есть наш классовый противник и опасный классовый противник — само собой разумеется, что мы должны стрелять по нему, используя все средства, находящиеся в наших руках. Среди этих средств главным является наша борьба за середняка — этого никто не может опровергнуть, никто, кто хоть сколько-нибудь считается с фактическими соотношениями классовых сил деревни и кто хоть сколько-нибудь трудится понять жизнь, экономическую жизнь в том числе, в ее, далеко не простой, а чрезвычайно сложной сущности.

Я, товарищи, перехожу теперь к другому полюсу деревенской жизни и деревенской экономики — к хозяйству бедняка и к вопросу о помощи бедноте. Я позволю себе напомнить вам, что и по вопросу о кулаке и по вопросу о помощи бедноте, товарищи из оппозиции не выдвинули ни единого добавочного предложения к тем, которые были предложены со стороны большинства ЦК, которые были приняты на октябрьском пленуме ЦК и которые потом были одобрены нашим партийным съездом. Вообще, что касается практических предложений, то новая оппозиция была в такой мере бедна этими предложениями, в какой мере богата визгами, шумом и криками по поводу позиции большинства ЦК и партийного съезда. Но, товарищи, в наших условиях эти методы визга и шума чрезвычайно мало помогают уяснить действительную сущность серьезнейших и ответственных вопросов, которые стоят перед нашей партией. И вот тут, когда речь идет о помощи бедноте, надо перед собой поставить в первую очередь вопрос, каким порядком, за счет чего помогать, откуда брать средства для

этой помощи. Так надо ставить вопрос партии, отвечающей за свои обещания, отвечающей за те лозунги, которые она выбрасывает, отвечающей за ту политику, которую она намечает в своих резолюциях. И тут, товарищи, надо подчеркнуть, что, ведь, суть вопроса как раз и заключается в добыче материальных ресурсов, а не в чем-либо другом. Вопрос разрешается не тем, чтобы поговорить возможно больше о помощи бедноте, или из всех сил кричать, что беднота лучше, чем кулак, не проповедью азбучных истин, что дважды два четыре, что лошадь жует овес, а Волга впадает в Каспийское море, — весь вопрос в том, откуда добыть ресурсы, чтобы действительно помочь бедняцкому хозяйству, чтобы дать возможность машинному товариществу бедняков купить трактор, чтобы подсобить беднякам купить лошадей, чтобы дать известную ссуду на обсеменение, чтобы помочь организовать и развиваться тому или иному кооперативному объединению.

И, товарищи, отвечая на этот вопрос, мы должны перейти к вопросам нашей экономической политики вообще. На XIV партконференции мы приняли решение о дальнейшем развязывании товарооборота. Это решение мы приняли для того, чтобы обеспечить усиленный темп накопления в нашей социалистической промышленности. Мы развязываем товарооборот для того, чтобы получить в нашу государственную казну на основе этого добавочное количество денег. Мы развертываем товарооборот для того, чтобы путем налоговой политики получить с капиталистически вырастающих элементов добавочную сумму денег: мы для того все это продельваем, чтобы, усиливая наши денежные капитальные ресурсы, быть в состоянии двинуть вперед накопление в нашей социалистической промышленности, с одной стороны, и для того, чтобы не на словах, а на деле, помогать материальными ресурсами бедняцким хозяйствам, при этом в возрастающей степени, в тех формах, которые повлекут переход к коллективистским принципам хозяйствования на место старых, частных, индивидуалистических. Вот наша постановка вопроса. Вот если бы новоявленные пророки из новой оппозиции, на вопрос о том, откуда достать добавочные ресурсы, дали бы нам какие-нибудь новые рецепты, указали бы особливые источники получения добавочных ресурсов, открыли бы не кладезь оппозиционной премудрости, а кладезь добавочных материальных средств, мы бы не только не голосовали за свою точку зрения, но на руках вознесли бы всю оппозицию до небес. Но в том-то и дело, что никакого источника у них нет, кроме огромного источника вредного и ненужного «словесного производства». (Смех. Аплодисменты). Ставя вопрос о борьбе с кулаком, мы утверждаем: главное средство борьбы, правильное применение которого решит дело в нашу пользу, это завоевание середняка на сторону пролетариата. Если речь идет о помощи бедноте, то главное средство у нас — ускорение быстроты оборота и извлечение дополнительных денежных ресурсов, на основе общего хозяйственного подъема, стимулируемого решениями XIV партконференции. Если речь идет о формах борьбы, то мы заявляем, что центр тяжести сейчас, с нашей точки зрения, в экономической борьбе, в противопоставлении хорошо налаженной кооперации частнику, в материальной помощи нашего государства и определенной кредитной политике, в профсоюзной защите нашего батрачества от кулака; но эта борьба ведется и

путем законодательства об охране труда, путем налогового законодательства, которым мы экспроприируем часть доходов капиталистических групп, работой нашей партии по организации деревенской бедноты в политической борьбе при перевыборах в советы, занятием командных высот в области нашей кооперации и т. д. и т. д.

Подытоживая эту часть своего доклада, я должен отметить, что, развязав товарооборот в деревне, развязав новую экономическую политику в деревне, мы пока еще не получили значительного добавочного количества ресурсов и еще не почувствовали ощутительных результатов развития товарооборота. Точно так же, как мы, проделав огромный маневр с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике, увеличили материальные ресурсы на основе этого перехода не в первые месяцы новой экономической политики, а лишь впоследствии, — и здесь мы будем жать свою жатву только через некоторое количество времени. Именно, учитывая эти перспективы, мы приняли определенное решение на XIV партконференции. И когда, в результате политики, намеченной этими решениями, будет расти наше социалистическое накопление, и когда в наших руках будет сконцентрировано гораздо большее количество материальных ресурсов, тогда мы в возрастающей степени будем помогать бедняцким мало-мощным хозяйствам в деревне, тогда мы не на словах, а на деле создадим очень мощное противодействие процессу дифференциации в деревне, ибо мы будем нищающее теперь хозяйство переводить в хозяйство, поднимающееся экономически. И это вовсе не утопия. Это вовсе не неисполнимые надежды. Но, товарищи, если мы перед всей страной по этому поводу не кричим во всю глотку и не даем направо и налево тысячи и десятки тысяч обещаний, то это происходит потому, что мы сознаем свою ответственность. Нам нечего сейчас уподобляться некоему герою грибоедовской комедии, говорящему: «шумим, братец, шумим». Нет, лучше меньше шуметь и больше делать. (Аплодисменты). Подождем, выдержим, пока у нас исправится хозяйственное положение, подождем, пока у нас будут накапливаться определенные ресурсы на основе нашей правильной политики, не будем направо и налево бросаться обещаниями, а когда будет, что дать, тогда и дадим. Подобно тому, как за последнее время мы создали целый ряд облегчений в области сельско-хозяйственного налога, быть может, иногда не все справедливо рассчитав, мы проведем соответствующие мероприятия в отношении бедняцкого хозяйства, когда мы, благодаря нашей правильной, неистерической, а точно рассчитанной политики, получим для этого необходимые ресурсы.

Так, товарищи, обстоит дело с вопросом и дифференциации крестьянства. Вообще говоря, у нас процесс дифференциации, расслоения крестьянства сам по себе не может идти так быстро, как он идет в капиталистических странах. Он не может идти так быстро потому, что у нас налицо пролетарская власть и помощь середняку и бедноте; он не может идти так быстро потому, что у нас земля изъята из товарооборота и национализирована. А национализация земли есть известный фактор, известное явление, которое мешает такому росту кулацкого хозяйства, который мог бы иметь место при свободной купле и продаже земли. Если бы у нас была свободная купля и продажа земли, то, естественно, богачи скупали бы земельные участки один

за другим, богатели бы и таким образом выросли и укреплялись бы новые помещики. У нас есть рычаги — командные высоты, у нас есть становящаяся сильнее кооперация, и поэтому процесс дифференциации не может идти так быстро, как в капиталистических странах. Первое время он будет обостряться по причинам, о которых я говорил, а затем застынет. Когда мы станем настолько экономически сильными в основных наших хозяйственных узлах, то сможем уже решительно и круто повернуть основную массу крестьянских хозяйств на социалистический путь развития. Но это дело будущего, хотя и не особенно отдаленного; в настоящее время происходит обострение классовых отношений в деревне и поэтому дело нашей настоящей политики в деревне и дело нашей общей политики состоит в том, чтобы, осознав эту растущую дифференциацию, привести в движение все экономические и политические батареи, под руководством командных пролетарских высот, под руководством нашего класса и под руководством нашей партии.

Я говорил сейчас о процессе дифференциации крестьянства и перспективах социалистического развития; теперь я перехожу к другому разделу, а именно к разделу о командных высотах и о самом рабочем классе. Рабочий класс опирается у нас и на свои экономические высоты, и на свои политические высоты, и на мощь своей внутренней организации. Из экономических высот крупнейшую роль играет наша государственная промышленность. Политические высоты — это, в первую очередь, наша партия. В той чрезвычайно сложной борьбе, которую рабочий класс должен вести в нашей стране, в условиях, когда трудности и враждебные нам силы растут, нам необходимо во что бы то ни стало сплачивать, консолидировать силы самого рабочего класса. И вот, товарищи, нужно подойти с этого конца к целому ряду взглядов, развиваемых нашей оппозицией.

Для того, товарищи, чтобы как следует вести политику, для того, чтобы давать отпор всяческим мелко-буржуазным напорам, нужно сплачивать как следует в один кулак сам наш класс, а для этого необходимо, чтобы у рабочего класса и у партии была некоторая, хотя бы элементарная уверенность в том, что мы сейчас нашим строительством продолжаем дело социалистической революции. Если мы сейчас укрепляем промышленность и хорошо торгуем в кооперативе, то не забудьте, что мы этим самым продолжаем дело социалистической революции; вот этого очень многие никак не могут понять.

Каков путь социалистической революции? Сделать социалистическую революцию значит: низвергнуть буржуазию — раз, построить пролетарское государство — два, добить буржуазию — три, экспроприровать ее — четыре, строить общество на новых началах — пять, и в этой борьбе вести свою линию, хотя бы медленно, но последовательно и неуклонно, изменяя производственные отношения в стране, переделывая их на социалистический лад.

Что представляет собою переживаемый нами строительный период? Это есть следующий за утверждением диктатуры этап революционной борьбы рабочего класса за социализм. И когда товарищи из оппозиции сейчас по отношению к нашей строительской работе выступают с подрывом веры в это дело, то объективно это есть помеха социалистической революции рабо-

чего класса, хотя бы соответствующие товарищи этого и не сознавали. Наша партия и рабочий класс не могут спокойно и уверенно вести эту работу и продолжать социалистическую революцию, если в ее рядах распространяются идеи о том, что в нашей отсталой стране мы технически не в состоянии будем справиться с задачами нашей революции.

Когда мы обвиняем товарищей из оппозиции за неправильную постановку вопроса о строительстве социализма в нашей стране, то в чем мы их обвиняем и против чего мы считаем нужным бороться? Мы считаем, что нужно решительно бороться против одного положения, выдвинутого тов. Каменевым и тов. Зиновьевым на заседании Политбюро, — положении, что мы погибнем из-за нашей технической отсталости, если своевременно не подоспеет экономическая помощь со стороны победоносного западноевропейского пролетариата. Нас обвиняют за это в национальной ограниченности, но этот упрек имел бы какие-нибудь основания лишь в том случае, если бы мы сказали, что мы вообще продержимся во всех условиях одни. Это было бы неправильно, это было бы национальной ограниченностью. Но ведь не было национальной ограниченности в том, что мы вели массы на октябрьские баррикады, хотя бы в одной стране? Конечно, не было. Мы защищаем настоящую ленинскую точку зрения, если утверждаем, что, несмотря на нашу техническую отсталость, несмотря на то, что у нас много крестьянства, несмотря на то, что техника и экономика еще чрезвычайно отстали, мы все-таки шаг за шагом можем строить социализм и построим его до самого конца, если этому не помешает вооруженное вмешательство со стороны капиталистических держав. Вопрос поставлен так: если бы минуточку представить себе, что не было бы никаких капиталистических держав вокруг нас, то рухнули бы мы, или не рухнули? Мы ответили бы: мы не рухнули бы, а достроили бы до самого конца. (Аплодисменты). Но ведь мы живем не в пустом пространстве, а живем окруженные капиталистическими державами. Могут ли они нас победить вооруженной силой? Мы отвечаем: «могут». Поэтому можем ли мы в действительности отказаться от курса на международную революцию? Нет, не можем. Международная революция есть единственная гарантия того, что нас не задавят капиталистические державы. Но можем ли мы из этого делать заключение, что наша техническая и экономическая отсталость погубит нас? Мы говорим: это совсем другой вопрос и кто так говорит, тот вселяет неверие в наши строительные силы, тот вселяет неверие во внутреннюю мощь нашего рабочего класса, в возможность с его стороны руководить крестьянством, тот стоит в полном противоречии с Лениным.

Если у нас нет уверенности в достаточности наших внутренних сил для построения социализма, тогда ведь нам нечего было идти на октябрьские баррикады, тогда были бы правы все меньшевики, которые говорили, что в такой отсталой стране, как Россия, нечего затевать социалистическую революцию, тогда бы оказался прав тов. Троцкий, утверждавший, что без государственной помощи со стороны победившего западноевропейского пролетариата мы обязательно столкнемся с мужиком, который нас обязательно свалит.

Некоторые наши товарищи, которые спорили против Ленина, начиная с февраля по октябрь 1917 года, исходили из точно такой же предпосылки,

что внутренних сил в нашей стране достаточно для доведения до конца буржуазной революции, но недостаточно для перехода к борьбе за социализм. Но ведь этим идейным шатанием партия в свое время дала отпор. Однако, если мы имеем здесь дело с известной недооценкой наших сил, то мы не можем хвастаться тем, что у нас все выполнено. Я все время старался разъяснить в своем докладе, где у нас больные места, не скрывал их, но какой смысл говорить, что у нас нет сил настолько, насколько они имеются. Это значит с другого конца подкапываться под самих себя и подрубать тот сук, на котором мы сами сидим.

Совсем коротко останавлиюсь теперь на вопросе о роли НЭП'а. В этом вопросе, товарищи, у нас есть расхождения с оппозицией, главным образом, в том, что оппозиция не понимает, что НЭП есть не только отступление. Тов. Зиновьев в своей книжке, как вы отлично знаете, определил НЭП только как отступление, мы же считаем, что НЭП был отступлением, а теперь мы на рельсах новой экономической политики, а не на рельсах возврата к военному коммунизму, наступаем на капиталистов в нашей стране, потому что успехи нашего социалистического строительства суть не что иное, как наше наступление на рельсах новой экономической политики. Еще на московской губернской партийной конференции я поставил в первый раз этот вопрос в связи с вопросом о госкапитализме, к которому я потом перейду. Я заявил тогда — и это полностью теперь подтверждается — что если мы будем неправильно трактовать о НЭП'е и если мы будем неправильно говорить о госкапитализме, то тем самым мы исключаем возможность правильного воспитания новых слоев рабочего класса и в особенности новой молодежи из рабочего класса, что тем самым мы подрываем организационные и идейные силы нашего класса. Я прочту вам сейчас кое-какие выдержки из письма, написанного одним молодым рабочим очень смело, — с подписью и проч., — для иллюстрации того, на какую мельницу льет воду наша оппозиция. Письмо под заголовком: «Что делать? Стоит ли идти в налетчики»... (Смех). Не смейтесь, вы увидите, что это далеко не смешно. Сперва идут имя, фамилия, год рождения — 1909 (молодой парень — всего семнадцать лет). Затем он описывает, как он учился в школе, как ему приходилось трудно, насколько тяжело его материальное положение, описывает свои мытарства по нашим бюрократическим органам, а потом пишет: «следует ли мне идти в налетчики и не будет ли это в ущерб моей основной цели — водворению диктатуры пролетариата, — конечно, не в виде самоцели, на всей земле и при том и немедленно?» Дальше он разъясняет идейный путь, которым он «дошел до жизни такой». «Вот, — говорит, — в двух словах, как я к этому пришел». Он пишет так:

«Большевики отказались от проведения своей классовой линии. Эпоха «военного коммунизма» и была эпохой диктатуры пролетариата, а на X съезде диктатура пролетариата была подменена революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Подмен этот окончательно был завершен на XIV партконференции и теперь дело остается только в названии. Большевики все еще называют современное положение диктатурой пролетариата, но уж и то некоторые из них предлагают не так ясно говорить: «руководство пролетариата» — крестьянам это, мол, не особенно нравится. Удержат диктатуру пролетариата, по-моему, большевики могли

бы не введением НЭП'а, что произошло на X съезде, а объявлением революционной войны международному империализму (конечно, нас могло ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — «или пан или пропад»). О революционной войне много говорилось при решении вопроса о заключении Брестского мира, и Ленин, ратуя за его заключение, говорил: «нам необходимо задуть буржуазию, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда сможем вести революционную войну с международным империализмом». И вот в 1921 году буржуазия задута, но большевики, забыв революционную войну, ударяются в мирное строительство и наивно думают, что это мирное строительство — с каждодневными уступками нэпачам, кулакам, частной инициативе — доведет до социализма.

Долой мирное строительство — да здравствует революционная война!

Да здравствует диктатура пролетариата в мировом масштабе!

Да здравствует коммунизм!»

(Следует подпись и адрес).

Правда, он смелый парень, но, по чести говоря, он додумал все до конца, больше, чем некоторые из оппозиционных товарищей. (Смех). Я вам сейчас скажу — почему. В самом деле, представьте себе такое положение вещей. Человек учится по книжке Зиновьева «Ленинизм» и на всех страницах, которые я точно перечислил в своей речи на партийном съезде, он читает, что НЭП есть отступление, отступление и отступление. Если мы с 21-го года только и занимаемся, что отступаем, если это отступление заключается в возрастающих уступках — тогда совершенно естественно, что у нас, за этот период, кроме черной полосы отступления ничего нет. Ведь ясно это? Тогда, конечно, совершенно ясно, что если это отступление связать с нашей технической отсталостью, то выходит, что мы едва-едва кряхтим и кряхтя отступаем все время назад, делаем все время уступки капитализму. Где же тогда строительство социализма? С этим хорошо увязывается и другой вопрос, — вопрос о госкапитализме в нашей государственной промышленности. Ведь, если наша промышленность социалистическая, то тогда рассеивается мираж всеобщего постоянного отступления, потому что мы имеем рост социалистической промышленности, но если у нас постоянное отступление, то тогда легко примирить это положение с тем, что наша промышленность не социалистическая, а госкапиталистическая. И тогда получается, что мы сделали экспроприацию буржуазии, потом делаем ей все время уступки: нашу промышленность подняли, но не на социалистических началах, а на капиталистических, в деревне растет кулак, строительство социализма невозможно из-за нашей технической отсталости, и мы неизбежно подойдем к такому моменту, когда мы должны будем свертываться. Если НЭП как общая форма нашей политики, о которой Ленин говорил как о единственно правильной политике пролетариата, является, по словам тов. Зиновьева, сплошным, самым широко задуманным отступательным движением большинства, — что же получается? Получается, что мы из-за технической отсталости погибаем. НЭП только отступление, мы все годы только отступаем, госпромышленность — капиталистическая, а так как госпромышленность есть головной отряд, то раз уж она госкапиталистическая, то все остальное и подавно. Куда дальше идти? Значит, у нас цепочка

событий только отрицательных. На чем сидит пролетарская диктатура? Ясно, что если под пролетарской диктатурой экономически самым твердым местом является госпромышленность, которая не есть социалистическая, то все остальное, во всяком случае, мелкобуржуазная жижка и дрянь. И совершенно естественно, что мы, сидя на такой штуке, сами не имеем уже ни грана социализма, ибо ясное дело, что ни одна власть не может выражать иную сущность, чем та, на которой она сидит. Значит, наша собственная власть не есть диктатура пролетариата, а мы только пускаем пыль в глаза рабочему. Значит, наша власть есть блок наших выродившихся хозяйственников и термидорианцев, по выражению тов. Залуцкого. И тогда люди, которые не связаны с нашей партией, доводят эту мысль до логического конца. Что выступления, вроде тех, какими занималась новая оппозиция, поддерживают в среде рабочего молодняка, который не может додумать проблему до конца, такого рода настроения — не подлежат никакому сомнению, потому что, если криво усмехаться и говорить: социализм, какой это социализм — госпромышленность? Хорош социализм, когда рабочие мало получают, плюем мы на такой социализм: свобода торговли, НЭП — вот вы кричите, что идете вперед, а сами широко отступаете; затем вы говорите, что свобода торговли обслуживает социализм, ничего она не обслуживает, это капитализм... Вот, если так говорить, тогда действительно уже нечем крыть. Тогда плевал я на такую власть, плевал я на такую экономику, плевал и на такую партию, которая всякой ерундой занимается. Ведь это же прямой вывод из всего этого. Вот, если бы говорили так: у нас госпромышленность социалистическая, но бедная — это было бы правильно; что мы, строим социализм, но у нас трудные задачи — это было бы правильно; что у нас, в общем и целом, кооперация на социалистическом пути, но и тут громадные трудности — это было бы правильно. Но если говорят, что ЦК термидорианский, а термидорианцы были контр-революционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контр-революционный переворот, то это вздор. Если ЦК термидорианский, то-есть контр-революционный, если наши основные партийные кадры перерождены, то наша партия ни чорта не стоит, то она ведет по совершенно негодному термидорианскому пути. А я думаю, что некоторые товарищи чрезмерно начитались белогвардейских газет и очень испугались того, что они пишут, страшно испугались того, что наши противники говорят про нас, так испугались, что сами стали верить тому, что там пишут. Таких вещей допускать нельзя.

Тут, товарищи, совершенно ясно, что мы должны вести против такого рода уклонов борьбу. Мы знаем, что у нас многое чрезвычайно плохо, мы знаем, что существует тенденция к перерождению и среди хозяйственников и среди партийной бюрократии, но не нужно всего этого преувеличивать, а нужно рационально со всем этим бороться. Так мы ставим вопрос. Я думаю, что когда представители новой оппозиции разрушают веру в социалистическое строительство, вселяют совершенно неправильное представление об общих основах нашей политики, они подрывают доверие к нашим экономическим высотам: они подрывают и доверие к нашей общей политике, а когда они говорят о нашей партии, то они также подрывают основы политической власти рабочего класса.

Когда Надежда Константиновна на партийном съезде говорит о Стокгольме, то она подрывает авторитет нашего партийного съезда и всей партийной организации. Когда тов. Зиновьев предлагает блок всех фракций и группировок, т.-е. нарушает основные принципы большевизма в организационном вопросе, он подрывает силы нашей партии. Когда товарищи противопоставляют комсомол нашей партии, они подрывают авторитет партийного руководства, они ударяют, хотя и бессознательно, по делу рабочего класса и они объективно помогают всем кулакам, напманам и проч., они подрывают веру в наши экономические высоты и общие принципы нашей политики; они подрывают силы рабочего класса тем, что ударяют по нашей партийной организации, выдвигая такие вещи, как рассуждения о Стокгольмском съезде, как вопрос о блоке фракций и группировок, такие вещи, как обстрел и неподчинение резолюциям партийного съезда, такие вещи, как натравливание комсомольской организации на нашу партийную организацию, все переворачивают и ставят на голову. Мы против этого будем бороться до конца. Если потакать такому якобы ленинизму в организационном вопросе и в вопросах общей политики, то это значит погубить нашу партию.

Я хочу сказать, товарищи, еще несколько слов относительно тех задач, которые стоят перед нами, специально относительно ленинградской организации. Мне кажется, что текущая конференция должна подчеркнуть свою солидарность с решениями партийного съезда, она должна, мне кажется, показать всем ленинградским коммунарам, что во внутрипартийной истории ленинградской организации должен быть сделан определенный поворот в сторону нефальшивой, а настоящей внутрипартийной демократии. (Аплодисменты).

Мне кажется, да простят мне некоторые товарищи из бывших руководителей ленинградской организации, что тот режим, который здесь был, можно характеризовать как соединение демагогии с фельдфебельскими методами управления партией. (Аплодисменты). Нужно понимать, что наша партия стоит перед большими трудностями. Если возникают какие-нибудь серьезные вопросы и разногласия, то нам надо их как следует проработать по существу. А вы посмотрите, что здесь делается. Спросите любого из оппозиционных комсомольцев, или, соберите их всех вместе и попробуйте немножко проэкзаменовать, что они читали, что они знают, и что они понимают, — картина будет наверняка далеко не утешительная. Какой-нибудь из дорогих вождей прочитает доклад, а потом этот доклад сплошь и рядом механически повторяют на всех перекрестках без того, чтобы вдуматься. серьезно проработать эти вопросы, без того, чтобы воспитать чувство ответственности, без того, чтобы внимательно прислушаться к каждому аргументу своего противника, вникнуть в вопросы, уметь слушать других и т. д. Пусть будет поменьше парадов, поменьше словесной трескотни, пусть будет поменьше показного, пусть будет поменьше внешнего лоска, пусть будет поменьше внешних эффектов, но побольше работы по существу и притом работы, проводимой более демократическим путем. Ведь всякий легко поймет, почему руководящий аппарат старого типа в Ленинграде так скоро потерял свой авторитет не только потому, что сюда понаехало много пекистов (копечно, и это имело значение), но потому, что ЦК опирался здесь

на демократическое недовольство партийных низов против бюрократического аппарата ленинградских организаторов. (Аплодисменты).

Само собой разумеется, что мы всему знаем границы, всему знаем меры; что мы не можем перескакивать через огромные овраги, через которые перескочить сразу не в силах, но основной курс по отношению к ленинградской организации должен быть примерно такой: то, что мы от имени Исполкома Коммунистического Интернационала писали о необходимости нового внутрипартийного курса ЦК германской партии секретарю Рут Фишер, ваша конференция должна преподать всей ленинградской организации. Я, товарищи, думаю, что если мы поведем работу так, то достигнем не очень быстрых, но значительных успехов.

По отношению к молодежи нужно обязательно проявить здесь максимум терпения, нужно, конечно, хлестать их за то, за что нужно хлестать, но нужно понимать, что они действительно — наша смена, что здесь нужен все же осторожный подход, что нужно бороться за каждого человека, чтобы его переубедить. ЦК стоит на той точке зрения, что мы не можем пвыряться людьми, что мы должны сохранять людей, пока есть некоторые шансы добиться их сохранения для общего дела, для дела, ради которого мы работаем, за которое мы живем, и, если нужно, умрем. Это будет очень сложная работа, она потребует от нас добавочного внимания, она потребует от нас добавочных усилий, но эти усилия будут окупаться не механическим, а органическим сплочением рядов нашей партийной организации на основе твердого убеждения в правильности решений партийного съезда. Если сейчас нам приходится переживать некоторые — и довольно серьезные — экономические затруднения, если на этой почве создаются благоприятные условия для различных колебаний внутри рабочего класса и нашей партии, то в рядах нашей партии необходимо крепить единство и уверенность в правильности нашего пути. Если мы наши партийные ряды сплотим по настоящему, а мы их сплотим, то из хозяйственных затруднений, в которых мы находимся, мы вылезем (в этом я несколько не сомневаюсь), свое положение через некоторое время укрепим еще в небывалой степени и на почве роста хозяйственной мощи дадим сильнейший толчок укреплению нашего международного влияния, влияния на западно-европейский пролетариат, влияния на внешнюю политику, влияния на растущее революционное движение колониальных народов.

Нужно помнить и быть совершенно уверенным в том, что, строя наше социалистическое хозяйство, укрепляя социалистические элементы в нашей стране, мы делаем величайшее в истории дело — международную социалистическую революцию. Мы должны помнить, что одним из главнейших факторов роста революционного движения во всем мире является укрепление нашего хозяйства, укрепление мощи пролетарской диктатуры, укрепление влияния нашей партии; это есть один из величайших, а в настоящее время главный рычаг международного пролетарского движения. Мы должны сплотить наши ряды, ибо только при условии этого единства, при условии этого единодушия ленинского руководства мы в состоянии вести за собой в такой трудной обстановке рабочий класс.

Да здравствует ваша организация!

Да здравствует вся наша партия! (Бурные аплодисменты).

Заключительное слово

Товарищи, вы сами видите, что мне по сути дела можно было не делать заключительного слова, так как среди выступавших выявился только один единственный товарищ, который возражал против нашей линии. Но мне кажется, что к этому товарищу следует применить хорошую русскую поговорку: лежачего не бьют. (Смех, аплодисменты). Затем я позволю себе допустить некоторое расхождение с моим другом тов. Кировым. Он говорил, что у нас с вами была размолвка, хотя и временная. Я бы сказал, что известная размолвка у нас была не с вами, а с теми, про которых можно сказать словами стихотворения: «Одних уж нет, а те далеко». (Смех, аплодисменты).

Товарищи, несмотря на то, что я получил изрядную кучу записок, я решаю себе, надеюсь с вашего массового благословения, остановиться лишь на нескольких вопросах, которые я считаю наиболее интересными и нуждающимися в ответе. Ответ на эти вопросы составит первую часть моего заключительного слова, а главную часть его я посвящу анализу некоторых вопросов организационного характера, на которых я в своем докладе почти не останавливался.

Первая записка, на которой я намереваюсь остановить ваше внимание, написана сногшибательно учено, но автор оказался недостаточно грамотным для того, чтобы разборчиво подписать свою фамилию (смех), что свидетельствует о его больших познаниях и о его не совсем большом мужестве, ибо чего же стесняться подписывать фамилию под запиской, в которой нет ничего ни уголовного, ни политически особенно предосудительного? Очевидно, осторожность является добродетелью этого товарища. (Смех, аплодисменты).

Для большей понятности я сам сформулирую мысли и вопросы автора, нашедшие отражение в этой записке.

Товарищ говорит так: вот и в ленинской книжке и в моей книжке относительно мирового хозяйства и империализма сказано, что объединения всего мирового хозяйства в одно организованное целое ожидать нельзя, а из этого он делает вывод, что при капитализме оно разбито на куски; а если оно разбито при капитализме на куски и если считать возможной победу социализма в одной стране, то она будет сперва в одной стране, потом в другой, потом в третьей, и таким образом, сложатся разные социализмы, ничем не связанные между собою. Такова первая мысль товарища.

Мне кажется, что это рассуждение со всех сторон не «круглое», неправильное: прежде всего мирового хозяйства, как организованной системы, не существует, т.-е. нет такого учреждения, нет такого центра, который бы регулировал мировое хозяйство подобно тому, как тов. Дзержинский регулирует нашу крупную промышленность, как регулируется хозяйство всех капиталистических, промышленных стран. Этого нет и не может быть при капитализме, но, товарищи, из этого вовсе не вытекает, что нет экономической связи между различными странами. Такая связь на самом деле есть, и эта связь является предпосылкой того, единого мирового социалистического хозяйства; так что из того, что сейчас нет организованного мирового хозяйства, нельзя делать заключения, что вообще нет мирового хозяйства.

Далее этот товарищ говорит: что если победа социализма возможна сначала в одной стране, а потом в другой, то, повидимому, социалистические системы разных стран будут вечно не связанными, отдельными кусками. Откуда это следует? Мы утверждаем, что социализм может победить в одной стране. Но разве мы выдвигаем такую замечательную гениальную мысль, что если в одной стране мы победим, а в другой стране не можем и не будем побеждать? И разве не ясно, что вся логика классово-борьбы в международном масштабе будет вести к хозяйственному и политическому объединению стран, возглавляемых диктатурой пролетариата.

Далее товарищ ставит вопрос, охватывающий два подвопроса. Прежде всего он вопрошает: признаете ли вы, что без наличия международной революции на дело строительства в нашей стране потребуются не менее нескольких десятилетий? Это абсолютно верно. Если мы будем строить социализм одни, без прямого вторжения капиталистических государств, но в то же время и без государственной помощи со стороны западно-европейского пролетариата, то до полного социализма мы дошли бы лишь в течение нескольких десятилетий минимум. Это совершенно верно — без помощи мы будем идти медленно, с помощью — быстрее, так что в этой части записки ничего порочающего нашу пролетарскую честь — нет. Зато нужно остановиться на второй части записки, в которой товарищ спрашивает: неужели в ваших головах — сторонников этой теории — не возникло вопроса о том, что до всеобщей международной революции пролетариат может победить в нескольких капиталистических странах?

Я думаю, что такая мысль возникла у каждого, и совершенно напрасно товарищ сомневается в том, что она у нас возникала. Но что из того, что она возникала? В действительности, конечно, прежде чем мы сами дорастем до полного социализма, будет пяток, а, может быть, и десяток революций. Вопрос не в этом. Разве мы когда-нибудь говорили, что сперва мы доползем до конца, и только потом будут революции в других странах? Кто это утверждал? Разве об этом шел вопрос? Не в этом вопрос заключается: вопрос заключается в том, — а если будет очень длительная задержка международной революции, можем ли мы продвигаться вперед к социализму? Вот в чем вопрос. Является ли наша техническая и экономическая отсталость такой вещью, которая нас обязательно погубит? В этом и только в этом заключается вопрос. Ясное дело, что международная революция в некоторых других странах придет раньше, чем мы доползем до конца — это святая истина. Но из этого вовсе не следует, что мы обязательно должны, как утверждают т.т. Зиновьев и Каменев, крахнуть из-за нашей технической отсталости. Мы говорим: если скоро будет международная революция, если скоро будет помощь — мы будем двигаться скорее; не будет этой помощи — будем двигаться медленно, но двигаться будем и строить социализм будем.

Теперь, товарищи, я буду говорить о других проблемах, затронутых в записках. Я прежде всего должен, товарищи, подчеркнуть то, что я дважды, а, может быть, и большее количество раз, подчеркивал в своей речи, — что задачи, стоящие перед нами, настолько сложны, что мы вечно должны ходить по острию бритвы — на полволоска ступишь влево — ошибка, на полволоска ступишь вправо — ошибка. Тут задачи настолько большие и

настолько сложные, что нужно всегда учесть правильную пропорцию, чтобы определить верную линию. Вот мы говорим, что оппозиция слишком перепугалась роста кулака. Это правильно. Но если, например, говорить, как говорил один из выступавших здесь товарищей, наших сторонников, который чуть-чуть на волосок отошел в сторону и сказал, что кулак вообще нам не опасен, — это уже неправильно. Этот товарищ перегнул палку, и я должен заявить, что так говорить нельзя. Одно дело сказать — оппозиция преувеличивает кулацкую опасность. Это правильно. Но сказать, что кулак нам не опасен — это неправильно, потому что из этого сейчас же можно сделать практический вывод — значит, не надо с ним бороться. Это неправильно. Во всех этих вещах нужна мера.

Мне была подана записка, в которой говорится, что в уездах сейчас идет разговор относительно создания особой крестьянской партии, и товарищ, наш сторонник, который нас поддерживает, не знает, как на этот вопрос ответить. Я хочу ответить на этот вопрос. Ясное дело, мы должны быть против особой крестьянской партии, потому что организация особой крестьянской партии неизбежно выросла бы в организацию, направленную против нас, как партии пролетариата, которая обострила бы отношения между нами, как партией рабочего класса, и всем крестьянством. Поэтому мы должны здесь, как это ни трудно и ни сложно, объяснять, что для того, чтобы крестьянство сохранило свои революционные завоевания, сохранило землю, сохранило правильный путь своего развития, необходимо руководство рабочего класса, что это руководство не может быть без той роли, которую занимает наша партия, и что всякая любая другая партия в нашей стране неизбежно оказалась бы своим острием направленной против нашей партии, а следовательно, подорвала бы пролетарскую диктатуру. На этой теме я долго останавливаться не могу, а делаю только основную пометку.

Вот когда мы не знаем, как ответить на вопрос о крестьянской партии, когда мы не знаем или преуменьшаем опасность кулака, как это здесь произошло у одного из товарищей, то совершенно естественно, что нам необходимо еще раз подчеркнуть то, что я уже говорил в своем докладе, а именно: что сейчас в деревне кулак иногда с первого раза не виден, что формы эксплуатации бывают скрытыми и что формы наемного труда у таких хозяйств бывают скрытыми. Ведь мы знаем, что кулак есть эксплуататор, деревенский капиталист, а основа деревенского капиталиста, как и всякого капиталиста, заключается в том, что он эксплуатирует наемный труд. Но бывают такие случаи, что крестьянин-кулак сам в своем хозяйстве непосредственно наемных рабочих не имеет, но он, скажем, сдает в аренду свою жнейку, веялку или трактор и получает за это большие деньги. Что это такое по сути дела? Это значит, что наемный рабочий, или полунаемный рабочий, или превращающийся в наемного рабочего бедняк работает на хозяйской жнейке или молотилке, воображая, что он совершенно самостоятелен. Это — скрытая форма наемного труда, первоначальная ступенька, не отчетливая, но которую нам необходимо иметь в виду, чтобы распознавать по-настоящему рост капиталистических отношений в деревне. Этот вопрос я подчеркнул потому, что у меня есть несколько записок, которые говорят, что очень часто, при распределении ввозимых из-за границы ма-

шин, они попадают в руки кулацких слоев и что нужно обратить внимание на более правильное их распределение, что, конечно, совершенно верно.

Одна записка ставит вопрос о другой стороне дела — в области крестьянской политики, в отношении помощи бедноте. Товарищ, написавший эту записку, говорит таким образом: вы хотите помогать бедняку путем развязывания товарооборота. Сейчас, — говорит он (он говорит про меня), — вы говорите, что не в состоянии в достаточной степени помогать, но после того, как разовьете товарооборот, вы получите добавочные ресурсы, вы будете ему помогать. И он ставит такой вопрос: что же вы делаете? Ведь на основе развертывающегося товарооборота вы будете получать средства от кого? От того же бедняка. Значит, будете помогать бедняку из его же собственного кармана, а это очень нехорошо. Вы должны помогать ему из другого кармана.

Я тут, товарищи, должен сказать, что эта постановка вопроса слишком упрощенная. Мы помогаем здесь из нашего общего кармана, общего кармана нашего государства, куда стекаются все добавочные суммы, получаемые от ускорения общего товарооборота, при чем, конечно, эти суммы в конечном счете создаются трудом, — трудом ли рабочего, трудом ли крестьянина, трудом ли крестьянина-середняка или крестьянина-бедняка, но во всяком случае трудом, — ибо иначе ни откуда ценности поступать не могут. Но неправильно сказать, что эти ценности идут от бедняков, потому что мы часть налогов получаем из доходов капиталистических слоев, часть получаем от середняцких хозяйств, часть с рабочего и часть мы получаем с бедноты. От разных слоев мы получаем этот приход. Если мы часть получаем через экспроприацию в налоговой форме доходов капиталистических слоев, то этим самым мы экспроприуем и перераспределяем капиталистические доходы: с богатого берем, бедному даем.

Если же мы получаем с середняка или даже частично с бедняка, то ведь, товарищи, суть нашей политики в значительной мере состоит в том, что мы из разного рода различных источников собираем доходы, держим в своих руках, для того, чтобы наиболее целесообразно и по плану их распределять. И в этом ничего абсолютно плохого нет. Если мы, скажем, из общего количества прибавочной ценности, которая получается в городской промышленности, 10% отдаем на дело жилищно-рабочего строительства, так что же тут плохого? Ничего плохого нет. Но мы должны наиболее целесообразно распределять эти суммы.

Дальше неверно утверждение, что мы помогаем бедняку за счет бедняка. Нет, мы собираем жатву с различных слоев, мы берем часть с богатых, часть со средних и распределяем все из общего котла.

Меня спрашивают, какой путь преобладает в деревне, социалистический или капиталистический: я по чести вам скажу, что в настоящее время с полной уверенностью насчет деревни, какая там струя преобладает, я сказать не берусь, потому что статистика у нас поставлена не особенно хорошо, обследования у нас сделаны только по отдельным волостям детальные, а те сводки, которые имеются, не дают еще права утверждать, как обстоит дело по всему Союзу. И вот только перепись, которая предполагается на этот. 1926-й год, позволит с большей точностью судить об этих основных соотношениях в деревне.

Товарищи, теперь я сделаю еще одно замечание в связи с некоторыми записками оппозиционного характера, правда, очень немногочисленными, их было 1 или 2, которые в общем повторяют то, что говорил здесь один из выступавших товарищей. В записках этих говорится: вы сняли такого-то товарища, вы предприняли такие-то меры. Товарищи, я на это и возражать не буду, а приведу только одно единственное соображение. Неужели товарищи не понимают, что за одно то, что люди восстали против готовых решений партийного съезда, их можно было бы без всяких разговоров исключить из партии? (Аплодисменты). Разве это не так? Ведь для нас нет более высокого учреждения, чем партийный съезд, и если люди не подчиняются партийному съезду, если они оспаривают решения партийного съезда, борются против этих решений, то ведь не может же быть большего преступления против партии. (Аплодисменты). За что же тогда исключать? И если, тем не менее, наш Центральный Комитет к этой репрессии не прибег, если он счел необходимым действовать здесь в первую очередь путем убеждения, то это он делал потому, что руководился не только формальными соображениями о своих правах, но он руководился еще очень важной заботой о том, чтобы по возможности большее количество убедить и завоевать. И он поступил вполне правильно. Он действовал совершенно в духе той внутрипартийной политики, которую он защищал раньше. Следовательно, одно это соображение, что можно было бы по сути дела, исключить за неподчинение решениям партийного съезда, убивает все эти аргументы оппозиции. На чем товарищи играют и чего они не в состоянии осмыслить, так это следующее: люди думают, что если подчиняются Губкому, который идет против партийного съезда, то они являются дисциплинированными членами партии, а если какой-нибудь товарищ заступает за решения партийного съезда против недисциплинированного Губкома, то он разлагает организацию. Но ведь это рассуждения для собутыльников, а не для людей, принадлежащих к партии. (Аплодисменты).

Теперь, товарищи, позвольте мне от этого мостика перейти к различного рода организационным задачам, которые стоят перед нами. Я буду просить у вас извинения за то, что, быть может, буду говорить с такой резкостью, которая не считается вполне парламентской и вполне приличной для порядочных людей. (Аплодисменты. Голоса: просим). Я должен остановиться на одном из зол прежнего руководства Ленинградской партийной организацией, о которой я упустил сказать в своем первом реферате и которое я повторно обязан подчеркнуть, для того, чтобы исправить свое упущение, потому что всякое упущение есть своего рода ошибка. Я говорил здесь о том, что прежний метод управления ленинградской организацией можно определить как смесь фельдфебельства с демагогией. Но в качестве третьего члена этого триединства нужно включить еще один момент — это искусственное насаждение местничества, интересов своей колокольни, отчужденности, противопоставления себя общепартийной организации. (Аплодисменты). Не нужно смешивать две вещи — гордость за свою организацию, которая сделала очень много и имеет очень крупные заслуги перед партией. Такая гордость вполне законна, и в этом смысле нет решительно ничего плохого, кроме хорошего, в том, что члены организации, вспоминая минувшие дни, исторические пути, по которым организация шла, исполнены из-

вестной пролетарской солидарности, гордости, внутренней сплоченности, гордости за свою организацию, которая является передовой частью всей партийной организации и всего рабочего класса. Но, товарищи, в нашем мире все так устроено, что очень часто можно испоганить хорошее и превратить в плохое и, исходя из одного хорошего, можно из этого хорошего налепить такую мазню, которая, сросшись с телом этого хорошего, превращает его тоже в плохое. Можно использовать хорошие струнки членов организации, наигрывая на них ловкими и опытными руками так, что польза от этого льет воду на мельницу кое-чего плохого.

Для этого достаточно не заметить некоторые совсем «маленькие» вещи. Представьте себе славную ленинградскую организацию, которой надо гордиться, но упустите на один моментик из определения того, что организация славная, одну только черту ее — постоянную верность общепартийным задачам, и тогда у вас славная организация превратится в бесславную. Если вы говорите, что у вас в Ленинграде всегда была величайшая сплоченность — один за всех, все за одного — это великая вещь, этим можно гордиться перед всей партией, но лишь в том случае, если эта солидарность служит спайке всей партии. Но предположите, что у вас эта солидарность направлена против партии, тогда хорошее превращается в плохое. Предположите, что вы верны единственно старому Губкому, повторяете старые песни и т. д., тогда такая сплоченность из добродетели, с общепартийной точки зрения, превращается в порок. Гордость вашей собственной организации тогда правильна, когда она вставлена в рамки общепартийные. Гордость, «патриотизм» внутрипартийной организации тогда правильны и тогда законны, когда они вставлены в общепартийные рамки, подчинены общепартийному «патриотизму». Когда люди гордятся тем, что они стоят впереди партии, а не сбоку ее, тогда это хорошо. Но когда они гордятся своим сплочением, направленным против партии, тогда это плохо. Упускать этого нельзя. Такие превращения в истории неоднократно случались. В этом смысле мы имели бы дело с идеологией своих людей, компанейских начал, вместо правильного руководства парторганизацией. Это было бы местничеством, вместо правильного руководства партийной организацией, местной колокольней, вместо правильного понимания заслуг своей организации перед партией *в целом*. И вот, товарищи, мне кажется, что эту идеологию «своих людей» в управлении большой партийной организацией, этот асторийский принцип надо уничтожить, с ним нужно покончить, и только тогда можно достигнуть правильного взаимоотношения с ЦК, правильного взаимоотношения со всей партией. Вместо всех этих склок, группировок, обвинений друг друга и т. д., вместо этого будут здоровые начала управления всей партийной организацией.

Тут и тов. Котов и т.т. Киров и Молотов говорили относительно отчуждения верхушки ленинской организации от ЦК, которое наблюдалось раньше. Товарищ Ворошилов заявлял — и многие другие товарищи говорили об этом — что вам надо уничтожить, как некоторые грубо выражались, удельно-вечевой период, феодальные княжества в рамках нашей партии. (Аплодисменты). К этому надо обязательно приступить. И это должен сделать не кто-нибудь другой сверху, а это должны сделать вы сами. (Аплодисменты). Вы должны быть гарантией того, что это не по-

вторится. Вы, товарищи, должны решительно встать на путь внутрипартийной демократии, вы должны сделать невозможным существование таких кумпановских принципов, вы имеете полную возможность это сделать, если только предпримете со всей смелостью и решительностью те мероприятия, которые необходимо сейчас предпринять для того, чтобы действительно обеспечить проведение внутрипартийной демократии в вашей организации.

Я должен сказать здесь, товарищи, что, по моему личному мнению, вы должны здесь по меньшей мере ослабить — а с моей точки зрения и уничтожить — некоторые организационные вещи, которые въелись в вашу организацию и составляли до сих пор известную традицию — я имею в виду принцип партийных организаторов, вместо секретарей. Вы можете их не называть секретарями, а продолжать называть организаторами — пускай они будут называться организаторами, астрономами, как вам угодно (смех), но совершенно естественно, что общий принцип, специфический принцип, который был, это — замена выборной должности поставленным сверху командиром; совершенно естественно, что при таком положении вещей страшно трудно осуществить внутрипартийную демократию, потому что такой метод влечет за собою неизбежно чрезмерную «твердость» аппарата, коя, будучи доведена до абсурда, может превратиться в окаменелость этого аппарата; но мы не строим каменных изваяний, а наши организационные формы должны обладать достаточной эластичностью, чтобы решать сложные задачи.

Необходимо перейти на старый метод выборных секретарей, которые — я готов лично сделать уступку — пускай продолжают называться организаторами. По этому поводу каждый может повторить слова Кузмы Прутоква: «Если на клетке слона увидишь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Тогда каждый, кто услышит слово «организатор», не будет верить своим ушам, а будет подразумевать, что это — настоящий, выборный секретарь. Если мы, товарищи, сделаем эту, хотя бы небольшую, реформу, или даже если сделаем более или менее крепкие шаги в сторону перехода к этой правильной системе, то тем самым мы создадим до известной степени организационную гарантию против излишней окаменелости партийного аппарата, создадим известную гарантию против возникновения группировок в этом аппарате — группировок, которые, будут стоять ошестинившись друг против друга даже в том случае, если они не имеют за душой никаких принципиальных разногласий. Это будет, если не полной — на все 100% гарантией, то все же известной гарантией против возникновения различных группировок внутри нашей организации. Я, товарищи, должен здесь сказать, что было бы совершенно нетерпимо с точки зрения всей партии в целом, если бы после того, как мы одержали крупнейшую победу над неправильной политической линией, в наших рядах проявились бы разногласия без достаточных на то оснований.

Давайте сделаем все возможное для того, чтобы не только на другой день после победы, но и на третий, и на четвертый, и на следующий месяц, и на следующий год у нас было невозможным повторение остатков старой закоренелой местнической, сепаратической, вырожденческой, склочнической, беспринципной болезни. Надо сделать так, чтобы наша Ленинградская организация шла нога в ногу со всей партией и никогда не противопоставляла

бы себя всей партии в целом и ее ЦК. Сделаемте так, чтобы у нас было по возможности больше гарантий непосредственной связи с ЦК и непосредственного влияния ЦК на работу ленинградской организации. Не будем смотреть на других, как на чужестранцев, варягов, гостей. Будем все-таки помнить, что нам дороже всего на свете — единство всей нашей партии и что гордость любой организации не должна иметь почвой противопоставление себя всей партии, а гордость и плодотворную работу внутри партии, без тени, без волоска, без малейшего намека на какое бы то ни было противопоставление партии. Дадим себе такое слово, включим сие в резолюцию, дадим наказ будущему Губкому, наказ, который повесил бы Дамоклов меч над всяким, кто осмелится ради интересов групповой борьбы пожертвовать интересами партийного единства.

Давайте самым смелым и решительным образом проведем внутривнутрипартийную демократию, сделаем так, чтобы большим влиянием на деле пользовались самые широкие массы членов партии. Поднимем нашу партийную организацию на более высокую ступень и в идейном смысле, в смысле идейного понимания принятых съездом решений, и в смысле возможности систематически воспитывать себя на новых рельсах, на рельсах нового курса, с таким расчетом, что все раны, все обиды, все прорехи, все грехи, все тяжелые потери, которые мы понесли за время дискуссии, были бы покрыты одним — самой крепкой сплоченностью на основе внутреннего убеждения, самой полной солидарностью всей партии. И тогда нашей гордостью, гордостью нашей организации будет то, что она быстро поправив ошибки, снова встанет в передние ряды. Ленин говорил когда-то: не тот умен, кто не делает ошибок, а кто делает ошибки не слишком большие и кто их быстро исправляет. Мне кажется, что эти слова можно применить и к любой партийной организации: не та организация хороша, которая не делает никаких ошибок, а та, которая может их быстро исправить. Ваша организация в лице своей верхушки сделала ошибку, в лице своей массы поддалась ошибке, но она быстро эти ошибки поправила. Так сделаем же все возможное для того, чтобы в будущем этих ошибок делать поменьше и по возможности совсем не делать. И будем помнить о том, что один ум хорошо, а семеро лучше, что одна организация хороша, а все организации, т.-е. совокупность их, т.-е. наша партия, — еще лучше.

И пойдем в первых рядах нашей партии, которая была, есть и будет с вашей помощью, товарищи, единой, сплоченной, железной нашей старой славной большевистской партией. (Бурные аплодисменты).

VII

Ленинизм и проблема культурной революции

1928

Заметки экономиста

1928

Несмотря на то, что бухаринская теория социалистического строительства была принята в качестве официальной партийной линии и формировала и выражала советскую политику между 1925 и 1927 годами, к началу 1928 года появились первые признаки предстоящего развенчания Бухарина. Неудача в 1927 году в Китае бухаринской политики единого фронта зародила сомнения относительно его иностранной политики и ее идеологической основы. Повторяющиеся трудности в сборе зерновых, растущая зависимость экономики в целом от зажиточного крестьянина, или так-называемого «кулака», и упорная жизнеспособность во многих секторах экономики частного предпринимательства также создали в 1927 году почву для опасений и беспокойства. Наконец, растущие трудности, на которые наталкивались советские учреждения в осуществлении пятилетнего плана экономического развития, порученном им партией, трудности, обусловленные невозможностью заранее точно учесть сельско-хозяйственное производство, а также вытекающей отсюда неопределенностью промышленных заданий — привели к возобновившемуся давлению в целях более непосредственного и действенного регулирования экономической жизни, чем это было возможно при существующей системе рынка, защищаемой Бухариным. Хотя эти проблемы и вызывали в партии тревогу, Бухарин продолжал относиться к ним невозмутимо. Убеденный в принципиальной правильности своей установки, он допускал, что требовались лишь простые корректировки основной политики, проводившейся с 1925 года; этот взгляд он много раз подтверждал в речах и статьях в 1927 и 1928 годах, не предполагая, повидимому, того, что всей его политической установке скоро будет брошен роковой вызов со стороны Сталина. Два характерных для того периода исследования, написанные в 1928 году и разрабатывавшие и подтверждавшие его основные взгляды, это: «Ленинизм и проблема культурной революции», впервые опубликованное в «Правде» в начале 1928 г. (источник нашего текста), и «Заметки экономиста (к началу нового хозяйственного года)», также впервые опубликованное в «Правде» 30 сентября 1928 года (откуда и перепечатывается наш текст). Тот факт, что в «Заметках экономиста» прозвучала явная нота безотлагательности, если не растущего отчаяния, свидетельствует о том, что Бухарин стал ощущать усиленное давление, вынуждающее его отказаться от своих взглядов и возобновить революционное наступление против частного предпринимательства. Но он не предвидел еще своего полного поражения, немедленно за этим последовавшего.

VII

Leninism and the Problem of Cultural Revolution

1928

Notes of an Economist

1928

Although Bukharin's theory of socialist construction was adopted as the official Party line and both shaped and expressed Soviet policy between 1925 and 1927, by early 1928 the signs of its approaching repudiation could be discerned. The failure of his united front policy in China in 1927 cast doubt upon his foreign policy and its ideological basis. Recurring difficulties in grain collections, increasing dependence of the entire economy on the well-to-do peasant, or so-called "kulak," and the persistent viability of private enterprise in many sectors of the economy also gave rise to misgivings and concern in 1927. Finally, mounting difficulties encountered by Soviet agencies in projecting a five-year plan of economic development with which they had been commissioned by the Party, owing to the unpredictability of agricultural production and the resulting uncertainty regarding industrial goals, led to renewed pressure for more direct and effective regulation of economic life than was possible under the existing market system advocated by Bukharin. Though these problems created alarm in the Party, Bukharin viewed them with equanimity. Convinced of the essential correctness of his stand, he conceded only that simple adjustments of the basic policy followed since 1925 were required, a view he reaffirmed numerous times during 1927 and 1928 in speeches and writings, seemingly oblivious to the fact that he was soon to confront a fateful challenge by Stalin of his entire political stand. Two characteristic works written in 1928, which elaborated and reaffirmed his basic views were "Leninizm i problema kul'turnoi revoliutsii," first published in *Pravda* early in the year (the source of the text below), and "Zametki ekonomista (k nachalu novogo khoziaistvennogo goda)," also first published in *Pravda* on September 30, 1928 (from which the text below is reprinted). The fact that the latter work now contained a clear note of urgency, if not growing desperation, indicates that Bukharin was beginning to feel the mounting pressure to abandon his views and to renew the revolutionary assault against private enterprise. As yet, however, he did not envision his total defeat, which lay directly ahead.

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*(Речь тов. Н. И. Бухарина
на траурном заседании памяти Ленина)*

Товарищи! На сегодняшнем траурном заседании я хотел бы взять одну лишь тему: ленинизм и проблема культурной революции. Я ее беру потому, что в настоящее время этот вопрос является одной из центральных, одной из главнейших проблем, которые стоят перед советской властью и перед нашей партией. Лучшим почитанием нашего великого учителя будет, если мы в день памяти о нем, от нас ушедшем, будем снова и снова приходить к нему для того, чтобы вновь и вновь почерпнуть силы из того учения, которое Владимир Ильич нам оставил. Ибо наша задача есть задача «изменения мира», задача, которая теоретически была сформулирована гениальным основоположником научного коммунизма — Марксом. Нам приходится сейчас бороться и преодолевать трудности совершенно исключительного порядка, нам приходится жить и бороться с капиталистическим окружением. Это — противник, который, по сути дела, объявил нам войну не на живот, а на смерть. Это — враг сильный, уже вооруженный до зубов и все более вооружающийся. Буржуазно-капиталистическая наука и техника, организация капиталистического труда в настоящее время растут. Серийное и стандартизованное производство, электрификация, целый ряд новейших технических изобретений, жидкий уголь, улучшенное производство и подача газа, выделка искусственного волокна, которая занимает все большее и большее место в капиталистическом производстве и которая может быть, по мановению правительственного жезла, превращена в изготовку взрывчатых веществ; наконец, крупнейшие военные изобретения, самоуправляющиеся моторы на земле, под водой, на воде и в воздухе, — все это знаменует собою такое техническое «переоборудование» капитализма, при помощи которого наш капиталистический противник плотнее усаживается на свой трон. Военный и послевоенный кризис нанес ему глубокие кровоточащие раны; этот кризис еще не изжит; на горизонте вырисовываются буревестники новых катастроф. Но, пока что, в рамках еще неизжитого кризиса наш противник укрепляется в основных центрах своей силы и своего могущества. Нам нужно совершенно отчетливо понять, что мы переживаем время состязания с этим еще могучим империалистическим противником. Ни на одну минуту, ни на одну секунду мы не должны упускать этого из виду. Нам суждено еще долгое время жить в кольце империалистических мечей. Нам суждена длительная борьба с этим «Священным Союзом» буржуазной контрреволюции, который не хочет и не может оставить нас в покое, ибо наш покой, наше строительство, наш мирный труд, наш рост нарушают «покой» империалистических царств. Поэтому наше строи-

тельство и те задачи, которые мы решаем внутри страны, так тесно увязаны с вопросами «большой» международной политики и реально от этих вопросов неотделимы.

Наш противник борется с нами всеми родами оружия, наш противник борется с нами и на идеологическом фронте. Одним из важнейших орудий на этом последнем фронте является спекуляция на нашей технико-экономической отсталости, на нашей некультурности, на нашей еще неизжитой нищете. Все заправилы империализма и его певцы, все враги строящегося социализма, все ненавистники железа пролетарской диктатуры, все циники социал-демократии, все путаники мелкой буржуазии, все разъеденные сомнениями и скептицизмом и кукующие о нашей гибели, — все они спекулируют на нашей отсталости. На крайнем фланге стоят матерые вожди международного капитализма, а на другом конце этой цепочки — наши всевозможные «друго-враги», которые — увы! — нередко заимствуют свое оружие из идеологического арсенала открытых противников социализма. Часто можно наблюдать, как какой-нибудь прожженный делец и идеолог капитала не без фальшивого пафоса вешает, что большевизм это — «великая чума», великая азиатская болезнь, которая грозит хлынуть на Европу. Истощенными голосами кликуш вопят о том, что большевизм несет с собой «гибель всей цивилизации и культуры». Некоторые из особенно ретивых, особенно усердных и особенно лицемерных империалистических крикунов, в первую очередь бывшие «властители дум» императорской России, переходя все грани зоологического бешенства, договариваются до того, что считают советскую власть воплощением царства «Диавола», «сатанократией». Так, распаляясь контрреволюционной злобой, пишет трубадур аристократии г-н Бердяев. Наши социал-демократические противники с усердием, достойным лучшей участи, распространяют злостную басню, будто мы в полуазиатской стране, издревле привыкшей к точному типу деспотии, создали режим, который ни капельки не отличается от режима Хорти и Муссолини. (В скобках замечу: когда некоторые молодые люди из троцкистской оппозиции ругают нас фашистами, они заимствуют целиком это отравленное оружие у своих социал-демократических единомышленников). Вся социал-демократия утверждает, что мы, большевики, взялись за утопическое дело построения социализма, предполагающего большую культурность масс, и поэтому все наши «затеи» заранее обречены на неизбежный крах, на неизбежную гибель, как бы мы ни суетились и какие бы прекрасные лозунги мы ни придумывали. В великой исторической книге судеб предназначена наша гибель, ибо мы-де пошли против железных законов истории. И отошедшие от нашей партии оппозиционные осколки точно так же идут по этой же линии, когда утверждают, что гибель наша, если только нас не спасет немедленный взрыв в Западной Европе и власть пролетариата там, почти «предрешена». Так, нажимая на различные клавиши, люди разыгрывают одну и ту же мелодию.

Характерным является тот факт, что довод об отсталости, об некультурности приводится не только против нас, большевиков СССР, когда наша революция делает один успех за другим и одерживает одну победу за другой. Чрезвычайно характерно то, что, примерно, этот же довод приводился очень и очень давно противниками рабочего коммунистического движения

вообще, которые критиковали самую цель коммунизма, «доказывая», что не может осуществить ничего хорошего класс некультурный, класс при-
давленный, класс-парий, который способен только разрушать, разнузды-
вать дикую стихию и который неизбежно возвратит общество чуть ли не к
доисторическим временам. Характерным является то, что даже полудрузья
коммунистического движения не раз и не два, с самого зарождения комму-
низма, в страхе отступали перед теми, которых они иногда сами же призы-
вали в качестве спасителей от пороков современной капиталистической
цивилизации. Такой крупный человек, такой великий поэт, как Гейне, че-
ловек, которого Маркс называл своим «другом», и который действительно
находился в самых дружеских и истинно-близких отношениях с основопо-
ложником научного коммунизма, писал о коммунистах и коммунизме неза-
долго до своей смерти (в 1854 г.):

«Нет, меня одолевает внутренний страх художника и ученого, когда
мы видим, что с победой коммунизма становится под угрозу вся наша
современная цивилизация, добытые с трудом завоевания столких сто-
летий, плоды благороднейших трудов наших предшественников».

И в следующем 1855 г. этот друг Маркса, революционный поэт Германии,
одна из самых радикальных фигур германской общественности, совсем на
пороге своей личной смерти писал о коммунистах и коммунизме:

«Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконо-
борцы станут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления
разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они
уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так
милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят
картофель. Лилии, которые не сажали и не жали и все же были так же
великолепно одеты, как царь Соломон во всем его блеске, будут повы-
дерганы из общественной почвы. Розы, праздничные невесты соловьев,
подвергнутся той же участи. Соловьи, эти бесполезные певцы, будут
разогнаны, и — увы! — из моей «Книги песен» лавочник наделает
мешочков и будет в них развешивать кофе или табак для старушек бу-
дущего».

Интересно отметить, что такая крупная фигура нашей общественности.
впоследствии ставший членом нашей партии, как Валерий Брюсов, в
1904-05 г. написал очень красивое само по себе стихотворение, которое он
назвал «Грядущие гунны», взяв эпиграфом лозунг: «Топчи их рай, Атил-
ла!» «Атилла» — здесь псевдоним коммунизма; «рай» — буржуазный рай.
Здесь мы читаем такие строфы:

«Где вы грядущие гунны.
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой
Рухнете с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело

Волной пылающей крови.

.

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном».

Валерий Брюсов тех времен пел нам и нашему классу «приветственный гимн». Но оценивал наш класс, как «грядущих гуннов».

Вот эти настроения были чрезвычайно характерны не только для мелкобуржуазных филистеров, но и для лучших голов буржуазно-капиталистического мира, даже для тех, которые, в силу своих исключительных личных свойств, пытались выпрыгнуть из сетки буржуазно-капиталистической идеологии. Даже те, кто в коммунистическом рабочем движении предчувствовали нечто иное, новое, исторически великое, что должно «волной пылающей крови» оживить «одряхлевшее тело» буржуазной культуры и цивилизации, даже они видели в рабочем классе новых «гуннов», которые разнесут все в щепки, отдадут на слом все великолепные создания человеческого гения, засеют «элементарной» рожью новые поля, стерев предварительно с лица земли все наследие старой докапиталистической и капиталистической культуры.

С тех пор, как это писалось, прошло довольно изрядное количество времени. Утекло много воды и, пожалуй, еще больше крови. Это время, однако, своим железным языком сказало нам целый ряд истин, которые вряд ли подлежат сейчас сомнению для всякого мало-мальски мыслящего человека.

Оказалось, что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и все ее ценности, которые напластывались в течение веков, ставят под нож, ставят под топор, ставят под угрозу гибели не мрачные коммунистические «иконоборцы», не гунноподобные воители коммунистического рабочего движения, а очень изящно одетые, «блестящие» и «великолепные» лейтенанты и генералы империалистических армий, вооруженных всеми приобретениями этой же цивилизации; еще более изящно одетые и лощеные дипломатические деятели христианнейших государств, с их утонченным языком, с их лайковыми перчатками, с их «благородными» заботами о Боге и культуре, с их «благочестивыми» мыслями об убиении коммунизма; тузы банка и биржи, со всеми своими нежными и одетыми, подобно царю Соломону, «лилиями», как женского, так и мужского пола; их ученые, которые изощряют свой ум, свои знания, свои таланты, чтобы изобретать на потребу капитала наиболее смертоносные орудия разрушения материальных и духовных пенностей современной цивилизации; священнослужители, художники, литераторы и певцы, которые всеми способами, на разных языках обслуживают истребительную политику империализма.

В стальных осколках, в ядовитых газах, во впах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться «благородная» культура капитализма, которая пожрет самое себя. И не мы «мрачные иконоборцы» (как это к нам подходит!) несем эту гибель. Мы спасаем все, что есть ценного в этой культуре. Ее ставят под удар наши капиталистические противники. Это против

них должен точить нож каждый честный человек, который способен размышлять над великими вопросами нашего времени.

Выяснилось и другое. Наша эпоха, наше время открыло всем и другую истину: выяснилось, что после периода временной разрухи мрачные «коммунистические иконоборцы» не только спасают все ценное, что остается от старого, но самым быстрым образом, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную человеческую массу вперед по культурной дороге, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну, вызывают к жизни не отдельные бриллиантовые ручеечки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства.

И, наконец, третья истина раскрылась в течение этого времени. Перед нами распахнулись широчайшие перспективы творческого, строительного труда, перспективы, которых не знал и не мог знать капиталистический мир. В области хозяйства, в области работы среди масс, в области научного творчества, в области культуры вообще мы стали уже на пороге задач грандиозного масштаба, из маленьких комнатух «камерной» культуры мы выходим на городские улицы и площади и шлем вестников культуры в села и деревни, во все медвежки закоулки и уголки. Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она — прямо или косвенно — получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы. Он поднимает к исторической жизни задавленные и замученные национальности, помогает братской рукой развитию их культуры, он ставит поэтому и перед наукой новые задачи. Он увязывает в одну огромную организованную систему хозяйственное строительство, объединяя все большую и большую часть народного хозяйства своим государственным планом и единством плановой цели. Эти задачи точно так же ставят перед наукой интереснейшие проблемы, совершенно неведомые для науки буржуазного мира. Рабочий класс, наконец, обращает сугубое внимание на самого человека, на его труд, на его здоровье. Это, в свою очередь, вызывает к жизни молодые побеги новых отраслей знания, ставит новые задачи, по новым направлениям сближает теорию и практику, науку и жизнь.

Так все более властно механика рабочей диктатуры вовлекает культуру в массовый, всеобщий жизненный оборот, подчиняя обогащающуюся науку новым потребностям жизни и приводя в соответствие ритм ее развития с биением пульса всего великого исторического процесса. Все это весьма далеко от тех мрачных пророчеств, которыми занимались даже лучшие умы буржуазно-капиталистического мира, и от того унылого, соединенного с злорадством, нытья, которым занимаются социал-демократические «критики», визгливыми голосами подлаивающие против пролетарской диктатуры. Правда, за период революционных битв очень много «лилий» было пообщипано. Но еще больше «лилий» было пообщипано и еще больше «соловьев» было разогнано под грохот пушек империалистической войны. Важно то, что если мы будем сравнить разрушительную работу, которую обнаружил сам капитализм, с разрушительными сторонами революционного

процесса, то мы можем с чистой совестью сказать, что мы с меньшими издержками творим дело, которое до конца подорвет возможность разрушительной работы лощеных варваров капиталистической цивилизации.

На первый план, с точки зрения культурной работы, рабочий класс и его партия поставили массу; не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения. Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести ее лежит именно здесь.

Как смешны, жалки и неумны обвинения, выдвигаемые против победоносного коммунизма, все эти «аргументы от культуры»!

Не кто иной, как Владимир Ильич, этот бешеный революционер, этот великий разрушитель, этот полководец рабочего класса, ведший его на штурм капиталистических крепостей, дворцов и особняков, в своих последних статьях самым резким образом поставил культурную проблему, как центральную проблему нашей партийной и советской работы. Тов. Ленин с полным правом заявил, что после завоевания и укрепления рабочей диктатуры коренным образом изменяется наша точка зрения на социализм. Он писал:

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Эту мысль, во всей ее глубине и во всем ее историческом масштабе, должен понять каждый член нашей партии, каждый рабочий, который хочет ясно усвоить цели своего класса и его исторического движения. В основных чертах эта мысль была намечена еще Марксом. Период рабочей диктатуры, период перехода от капиталистического строя к строю социалистическому и — далее — строю коммунистическому, может быть рассматриваем с особой точки зрения, а именно с точки зрения переделки самого руководящего класса, рабочего класса. В самом деле, мы можем процесс рабочей диктатуры рассматривать с точки зрения укрепления рабочей власти, мы можем ее рассматривать с точки зрения развития хозяйственного базиса социализма, т.-е. с точки зрения роста нашей социалистической промышленности, транспорта, того, что мы называем пролетарскими «командными высотами», или «социалистическим сектором» нашего хозяйства. Мы можем, однако, весь этот процесс рассматривать с точки зрения изменения природы рабочего класса. Мы можем рассматривать, другими словами, весь этот огромный всемирно-исторический процесс с точки зрения переделки масс, изменения их природы, и, в первую очередь, с точки зрения переделки самого пролетариата.

Маркс, как известно, писал, что в великих гражданских битвах, и битвах народов, наполняющих тот бурный период, который отделяет капиталисти-

ческое общество от коммунизма, рабочий класс переделывает свою собственную природу. Ленин, который ни на одну иоту не отступал от марксистского учения, а лишь развивал и углублял его, рассматривал эту проблему «переделки масс» в качестве важнейшей, труднейшей и могущественнейшей проблемы, которая стоит перед нашей партией.

Как ставил вопрос Владимир Ильич, когда он подходил к расшифровке понятия культурной революции?

Он говорил:

«Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделывать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обоими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции».

Когда мы читаем снова и снова эти строки, то невольно прежде всего набегает мысль: куда же девался во всей этой установке тов. Ленина рабочий класс? Выдвинуты на целую эпоху (это нужно подчеркнуть: речь у Владимира Ильича идет именно об эпохе) две задачи: переделка госаппарата и поголовное кооперирование крестьянства. Для поверхностного «критика», всюду выискивающего «национальную ограниченность» и «крестьянский клан», ничего бы не стоило объявить эти задачи эпохи выражением какого-нибудь «сползания». Как же решается, однако, вопрос по существу? Когда тов. Ленин говорит о переделке нашего государственного аппарата, то он этот вопрос берет в неразрывной связи с вопросом о культурном подъеме самого рабочего класса. Ибо что в самом деле государственный аппарат в СССР? Это — остов государственной власти. А что такое государственная власть в нашей стране? Это есть, говоря языком Маркса, рабочий класс, «конституированный, как государственная власть». Государство у нас — это есть самая широкая организация рабочего класса. Следовательно, переделка государственного аппарата, задача, которую тов. Ленин устанавливал на эпоху, является одной — и важнейшей — стороной нашей работы среди рабочего класса. По какой линии надо переделывать наш государственный аппарат? По линии борьбы с бюрократизмом, по линии воспитания рабочих масс, по линии обучения рабочих масс искусству управления. Переделка госаппарата — это есть в огромной степени культурная проблема. В своей речи о программе партии (VIII съезд) тов. Ленин говорил:

«Мы отлично знаем, как эта некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократизм. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при бур-

жуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы, — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадного длительного труда».

Лишь понемногу рабочий класс «вызревает» в культурном отношении; он «вызревает» не сразу; он «вызревает» не всеми своими пластами одинаково; он «вызревает», если можно так выразиться, «по частям»: не все рабочие проходят через рабфаки и вузы; не все рабочие становятся красными директорами или советскими администраторами; не все в одинаковой степени близки органам советской власти и т. д., и т. п. Но хотя по частям все же рабочий класс поднимается со ступеньки на ступеньку. Когда его подавляющая масса будет прочно сидеть у рычажков управления, тогда бюрократия и бюрократизм умрут естественной смертью. Повышение культурного уровня рабочих есть поэтому предпосылка действительного улучшения нашего госаппарата.

Итак, весь огромный план Владимира Ильича, который беглыми, но очень четкими штрихами намечен в цитируемой статье, распадается на две огромных проблемы: первая — кооперирование крестьянских масс, для чего нужна целая культурная революция; вторая — переделка нашего государственного аппарата и заполнение всех его пор культурно выросшими рабочими. Смычка между поголовно кооперированным крестьянством и костяком государственной власти, избавленным от бюрократических зол, костяком, представляющим собой действительно «конституированный», как государственная власть, рабочий класс, это и есть великая организационно-культурная задача эпохи. Для Ленина в центре всего, повторяю, стоит масса. У нас много лет тому назад (и в самой нашей партии, и около партии) была целая полемика по поводу культурных задач. Владимир Ильич выступал тогда со всем своим темпераментом, со всей революционной страстью и со всеми тяжелыми булыжниками своей подавляющей логики против ошибок, замечающихся в наших рядах. Многие после Октября сразу хотели взвиться на пролетарские небеса, слишком увлекались, яростно и горячо дебатировали вопросы пролетарской культуры, готовили немедленную революцию во всех сферах науки и техники; некоторые мечтали создать пролетарскую культуру чуть ли не опытно-лабораторным путем. Владимир Ильич громил всеми родами оружия такую постановку вопроса. Почему? Теперь это более, чем ясно. Он поступал как дальновидный стратег. Он справедливо опасался, что люди увлекутся надуманными, лабораторно-узкими, тепличными проблемами, отвернутся от массовых, неизмеримо более элементарных, но абсолютно насущных в своей элементарности — культурных нужд. Вот почему «болтовне», «фразам» о пролетарской культуре он противопоставлял борьбу с такими вещами, как взятки, комчванство, безграмотность. Вот враг, — говорил он, — нужно бить по нему, сосредоточить таран ваших усилий именно здесь, и тогда что-нибудь да выйдет. Если мы будем замыкаться, если мы будем отъединять рабочий класс от массы, или часть класса от всего класса, или какую-нибудь маленькую группировку из пролетариата от ее социальной пуповины, то мы сделаем огромную и непростительную ошибку. Не в том дело, чтобы сразу же перевернуть все науки, а дело в том, чтобы взять на мушку

элементарнейших врагов грамотности и культуры и их подвергнуть наиболее быстрому разгрому, эти задачи поставить на первый план, на этом концентрировать все внимание нашей партии и этого врага смертным боем бить.

В связи с этим Владимир Ильич ставил вторую задачу, а именно, задачу взять *все*, что можно, от капитализма. Нельзя говорить «б», не сказав «а», нельзя переносить центр тяжести на революцию в области математики, биологии, физики, не решивши хотя бы на известный процент задач предварительных, элементарных, тех, которые вопиют к небу, тех, без разрешения которых можно погибнуть и свалиться. Вот почему Ленин с такой сокрушительной настойчивостью ставил задачу взять от капитализма все, что можно взять. На митинге в Ленинграде (в марте 1919 года) Ленин говорил:

«Масса его (т.-е. капитализм. Н. Б.) раздавила; но от раздавленного капитализма сыт не будешь; нужно взять всю его культуру, которую капитализм оставил и построить социализм; нужно взять всю технику, науку, знание, искусство, — без этого жизнь социалистического общества невозможно построить. А эта наука, техника, искусство в руках социалистов и в их головах».

Нужно вспомнить, что в то время значительная часть рабочих — да и членов нашей партии в том числе — не понимала всей необходимости этого, и нужна была железная воля и железная логика Ленина, чтобы не дать «левой фразе» заесть живое дело правильной революционной политики, через сложнейшие зигзаги исторического пути выведившей пролетариат из лабиринта величайших опасностей.

Однако, было бы абсолютно неправильным изображать дело так, будто бы Ленин считал необходимым простой перенос буржуазной культуры к нам во всей ее целостности и неприкосновенности. Такой установки у него не было. Ленин неоднократно говорил, что надо заимствовать то, что полезно пролетариату, решительно отменяя все вредное. Достаточно известно его отношение к религии, философскому идеализму, буржуазной общественной науке и т. д. Он неоднократно выступал против людей, у которых весь их головной зарядный ящик начинен буржуазными традициями. В частности, есть даже его выступления, где он говорит, что в области искусства у нас оказалось много выходцев из буржуазного мира, которые под видом пролетарского искусства преподносят нам нечто «совершенно несуразное». Но Владимир Ильич, как гениальнейший полководец умел распределять силы в зависимости от важности того или другого участка культурного фронта. А это есть одно из главнейших условий правильной политики вообще, культурной политики — в частности. Ибо — по Ленину — наша «мирно-организаторская», «культурническая» и проч. работа не есть какая-то мирная идиллия, а есть особая форма классовой борьбы пролетариата за социализм. Даже тогда, когда Ленин говорил, что «коммунизм мы должны строить руками врагов», или, что «хороший буржуазный специалист лучше десяти плохих коммунистов», он говорил не о чем другом, как об этой, особыми методами ведущейся, классовой борьбе.

С тех пор, как Ленин писал свои последние статьи, прошло уже изрядное количество времени. Каждый грядущий год будет говорить нам со все возрастающей ясностью, что у Владимира Ильича по каждому отдельному случаю будет оказываться все менее готовых рецептов. Ленинизм, однако, заключается отнюдь не в этих готовых рецептах. Владимир Ильич требовал от нас изучения того, что есть, во всей его конкретности, во всех особенностях. Владимир Ильич был чрезвычайно далек от мысли, что можно лозунги и мероприятия, которые мы предпринимали 2, 3 и 4 года назад, переносить на любое время. И если мы хотим действовать в духе Владимира Ильича, то мы должны отдать себе отчет во всех изменениях, которые произошли с тех пор, мы должны учесть часть каких задач мы уже выполнили, часть каких задач нужно еще выполнить, как эти задачи расставить по-другому, взять в иной пропорции, какие совершенно новые проблемы стали перед нами и т. д. Только так должны ставить вопрос ученики Ленина.

В цитировавшейся уже статье о кооперации тов. Ленин писал:

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».

Верными остаются эти положения? Конечно, верными. Но кое-какие количественные изменения все-таки с тех пор произошли. Мы сейчас не переживаем периода голодовки; мы, несмотря на чрезвычайное напряжение нашего государственного бюджета и ряд крупнейших хозяйственных затруднений, все-таки всю нашу экономику и весь наш бюджет безусловно перевели с тех пор на гораздо более высокую степень. То, что тогда могло звучать в значительной мере как благое пожелание (увеличение материальных средств на культуру), сейчас становится для нас не только необходимостью, но и — в известной мере — такую необходимостью, которую мы, несмотря на целый ряд затруднений на других фронтах, все же должны удовлетворить. Если Владимир Ильич в одной из своих речей говорил о том, что нам нельзя скаредничать в деле просвещения, то это нужно повторить сейчас с гораздо большим заострением, ибо даже целый ряд вопросов хозяйственного строительства упирается сейчас в проблему культуры. Всем известно, например, что у нас есть целый ряд крупных недостатков в нашей работе по капитальному строительству: и просчетов и халатности, и достаточного количества плохих проектов и т. д., и т. п. В конечном счете это есть вопрос нашей культуры; мы страдаем даже по непосредственно-производственной линии от того, что мы не всегда достаточно следим за западно-европейским и американским опытом, что мы желаем нередко открывать Америки, которые давным-давно уже открыты; что не научились еще достаточно хорошо считать, хотя это нам важнее, чем для капиталиста, потому что у нас хозяйство большего масштаба. Мы слишком дорого строим и потому, что у нас очень дорог материал, и потому, что мы

применяем устарелые, технические приемы, тогда как объективно возможна другая строительная техника. Но это только одна из очень многих сторон дела. Разве рационализация производства не упирается в проблему большей культурности нашего рабочего, нашего служащего, нашего инженера, нашего администратора? Разве плохая работа нашего аппарата и в городе и в деревне не связана с этим? Разве мы не подняли бы темпа увеличения мелких сбережений при более культурных привычках масс? Разве не шла бы успешная борьба с бюрократизмом, который есть не только социальное зло, но и тормаз развития производительных сил нашего хозяйства? И т. д., и т. п.. Словом, мы страдаем по непосредственной линии производства очень часто потому, что мы недостаточно еще культурны. Как никак, однако, средства у нас в известном количестве теперь появились, и это есть очень крупное завоевание. Вспомните о том положении вещей, когда Владимир Ильич говорил, как о крупном успехе, о 20 млн., которые мы накопили. Теперь мы имеем дело с шестимиллиардным бюджетом. В этом отражается огромный прогресс, который совершило наше советское строительство.

Во-вторых, мы разбудили и подняли активность народа в высочайшей степени — и пролетариата и крестьянства. Мы подняли и культурные запросы масс. Наш крестьянин и наш рабочий, это — уже не крестьянин и не рабочий дореволюционного времени. Более того, мы даже за четыре последних года видим огромный рост культурности нашего рабочего класса, культурности нашего крестьянина, повышения культурных потребностей масс. Один из деятелей среди крестьян и педагог, теперь член нашей партии, т. Шацкий, рассказывал мне, что даже в такой отсталой губернии, как Калужская, в деревнях у отдельных крестьян можно встретить свои библиотечки по 400-500 томов. Иногда «мужички» рассуждают о Толстом, Тургеневе и т. д. Разве было что-либо подобное до октябрьского пришествия коммунистических «гуннов»? Мы настолько распевелили сейчас культурные потребности масс, что нам трудненько становится уже платить по векселям, которые мы выдали по этой линии. Поэтому совершенно естественно, что наша партия, актив рабочего класса, наиболее передовые слои крестьянства должны из всех сил подтянуться, чтобы этот растущий спрос широких масс удовлетворить.

Культурность масс поднялась и по линии элементарной грамотности. Культурность масс поднялась и потому, что страшно расширился кругозор масс вообще. Культурность масс небывало поднялась и по линии политического просвещения.

Если мы говорим о наших завоеваниях, то, я думаю, мы можем сказать, не погрешая против действительности, что в области политической сознательности, классовой сознательности, — такого пролетариата, как наш пролетариат, нет во всем мире. Пожалуй, даже можно сказать, что по политическому кругозору, который имеется и у нашего крестьянина, т.-е. по степени его политической осведомленности в больших вопросах мировой политики, вряд ли он стоит ниже, чем гораздо более культурный, в смысле своего хозяйства и проч. западно-европейский крестьянин.

Если мы возьмем эту область культуры, то мы можем сказать, что великая переделка масс, которая произошла за время революции (отчасти стихийно, отчасти сознательно: через Красную армию, нашу политпросветительную

работу, через весь механизм рабочей диктатуры), поставила эти массы политически в авангарде всех трудящихся мира.

Огромнейшая работа проведена среди рабочего класса, среди крестьянства. Огромнейшая работа произведена среди народов, которые раньше считались «инородцами». Этой стороной дела ни в коем случае не надо пренебрегать. Она имеет значение гораздо большее, чем мы обычно думаем. Мы провели также значительную воспитательную работу среди наиболее отсталых слоев трудящихся, в первую очередь, среди женщин. Всего этого нельзя было бы ни в коем случае достигнуть без диктатуры рабочего класса. Предварительным условием успеха был тот язык железа и стали, которым говорила рабочая диктатура в период гражданской войны.

Следовательно, мы можем сказать, что мы сделали очень значительные завоевания в работе среди масс. Мы сделали, однако, значительные завоевания и в работе над младшим составом наших работников. Мы приобрели большие организационные навыки, мы приобрели большие знания; мы приобрели большой опыт. Разве мы теперь уже не выдвинули значительного количества наших собственных военных кадров? Выдвинули. Командный состав Красной армии, это — уже в значительной мере не старые специалисты, а квалифицированные силы, выдвинутые из социальных «низов». Костяк, скрепляющий всю армию, состоит уже не из своего социального материала, из элементов, обработанных той великой политической машиной, имя которой есть рабочая диктатура. Мы уже начинаем выдвигать кадры наших техников. Мы по всей стране имеем кадры наших, уже сравнительно опытных, администраторов, в первую голову из рабочих, прошедших суровую школу гражданской войны, борьбы с голодом, борьбы с нищетой. Эти люди сделаны из очень крепкого, очень добротного материала. Это — рабочие крепкие передовики, в огне нашей революции получившие не только великолепную закалку «плеч и рук и голов», но и приобретшие огромный опыт, соединенный с известной теоретической выучкой. Они то непосредственно и держат различные, большие и маленькие рычажки нашего огромнейшего механизма: хозяйственного и политического, советского и партийного. Все они по своей административной культурности, по своему опыту, по своим знаниям, по своим навыкам, по своим культурным запросам весьма далеко стоят от тех очень революционных, но мало опытных людей, которыми они вошли в период гражданской войны. Так обстоит в общем дело с нашими кадрами.

Но за последнее время мы начали ставить (и решать) также и те задачи, которые отодвигались В. И. на неопределенное будущее, ибо в то время их, действительно, нельзя было ставить. Таковы задачи, которые суммарно можно было бы назвать задачами научной революции, революции в науке, в ее методе, в ее системе. Несколько лет назад этого еще не было и не могло быть. А теперь эта задача не только ставится, но уже частично решается. В целом ряде наук, не только общественных, где марксизм давно уже имеет свою прочную гегемонию, но и в области естественных происходит глубокая переделка; марксизм нащупывает свои позиции и там, запускает и туда свои щупальцы. Это чрезвычайно интересное явление, которое, к сожалению, чрезвычайно мало освещается в печати. У нас есть уже крупные биологи из старых ученых, которые с азартом обсуждают во-

прос о марксистской диалектике в области биологии. Физика, химия, физиология — захвачены тем же потоком. То же нужно сказать о рефлексологии, психологии, педагогике. Есть даже общество математиков, которые обсуждают вопрос о методах марксизма в математике. Все это показывает, что наш культурный рост добирается до самых высоких областей культуры, что марксизм, который орудовал винтовкой, политической пропагандой, хозяйственной борьбой, развернул свою работу решительно по всему фронту культуры, забрался во все этажи культурного здания, проник до самых «святая святых» прежней культуры, переделывая ее по своему образу и подобию. То же самое происходит и в области искусства. Не моя задача перечислять все новые и новые завоевания в этой области, но всякому беспристрастному человеку ясно, что новая литература, очень близко к нам стоящая, у нас в значительной степени уже народилась. Все могут отметить также, что текущий год есть год решительного перелома в нашем театре. Такие постановки, как «Мятеж», «Бронепоезд», «Любовь Яровая», «Разлом», совсем не случайны.

Разумеется, все это имеет огромное практическое значение. Если искусство начинает говорить более или менее настоящим языком, и притом не заикаясь, не сюсюкая и не оглядываясь по сторонам, — это означает, что значительные массы людей «заряжаются», «настраиваются» на революционный лад. Если естественные науки — не говоря уже об общественных — начинают переживать свою революцию — это значит, что они гораздо скорее станут орудием культурной и хозяйственной революции. Если широкие круги педагогов будут стоять на нашей точке зрения не «страха ради иудейска», а по убеждению, не формально, а по существу, — это значит, что новое поколение смелее пойдет за нами и скорее будет расти к социализму.

Таковы наши успехи и завоевания

по линии переделки масс;

по линии переделки и выработки кадров;

по линии революции в науке и искусстве.

Выполнена ли тем самым наша «историческая миссия»? Конечно, нет. Мы сделали только первые шажки. Мы плаваем еще по горло в целом океане нищеты и бескультурия. И работы перед нами, работы бешеной и страстной, целые горы.

Правда, некоторые «культурные» наши враги, осененные всей благодатью старого мира, предвещают нам быстрый конец, за нашей, так сказать, «исторической ненадобностью». Так, например, пресловутый профессор Устрялов считает, что мы победили потому, что мы были, по сравнению со всеми «белыми» людьми, много более энергичными. Однако, нам все же предстоит погибнуть, по всем правилам устряловского гороскопа. Г-н Устрялов пишет про нас:

«Железные чудища, с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?

Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгущих конденсированной энергией!

Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей и миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей «опустошенности».

Г-н Устрялов предвидел, правда, кое-каких нытиков, начавших «внутренне опустошаться», в своей «опустошенности» начавших даже атаку против всего нашего дела. Но эти «микробы» были передвинуты на более северную зону. (Смех, бурные аплодисменты).

Что же касается нашей «опустошенности», «опустошенности» нашей партии, то г-н Устрялов оказался пророком поистине некудышным. Партия настолько «опустошилась», что рабочий класс на попытку «микробов» погрозиться в порах партийного организма ответил посылкой армии в сто тысяч бойцов, которые влились прямо от станка в коммунистические ряды. «Железные чудища» разгромили белых вовсе не потому, что Колчаки и Деникины были воплощением трех сестер (то, что они тоже кричали «в Москву, в Москву!», делало их мало похожими на провинциальных барышень: профессиональные вешатели, они имели и пушки и иностранное золото!). «Железные чудища» разгромили их потому, что вели за собой массы, что опирались на пролетариат. И эти «железные чудища» не только не собираются помирать от каких-то дрянных микробов, а смело и твердо строят и бьются с еще более возросшей энергией, с полным сознанием своей творческой миссии на всех фронтах культуры, ведя массы к новым и новым победам и преодолевая со зверским упорством отчаянные трудности на своем пути.

Если мы сейчас спросим себя, что же нам нужно делать и какие главные задачи на этом культурном фронте борьбы стоят в настоящее время перед нами, то, мне кажется, на этот вопрос следовало бы ответить таким образом: в области культурного строительства или нужно скорее изживать период, когда «старое» разбито, а «новое» еще не построено. Есть известная закономерность во всей нашей великой революции: и в области хозяйства, и в области политики, и в области культуры. Было время, когда мы разворотили старый хозяйственный аппарат, разбили его, когда старая дисциплина труда покачнулась. Мы разрушили эту старую дисциплину труда, но не сразу наладили новую. Мы разрушили старую систему хозяйства, старую систему управления, но не сразу выстроили новую. Так было и в области армии, в области военного дела. Старую армию мы разложили и это нужно было сделать: нельзя ведь изготовить яичницу, не разбив яйца. Но не сразу мы добились организации Красной армии.

Так было в области государственного аппарата. Так сейчас происходит, еще происходит, в области культуры. Мы, например, буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками, но сказать, что мы уже построили собственные нормы поведения, такие, которые бы соответствовали нашим задачам, еще нельзя. Многие с презрением относятся к старой морали (и это хорошо), но своих норм еще не имеют, болтаются в каком-то безвоздушном пространстве без узды. Это очень плохо, и от этого мы терпим величайший урон.

В области быта, в области норм, регулирующих отношения между людьми, в области искусства и в целом ряде других областей, которые по существу дела и составляют то, что называется «духовной культурой», мы еще не «построились», а в некоторых областях у нас нет еще и чернового чертежа постройки. Это имеет часто весьма крупное отрицательное значение. Всем известны соответствующие примеры из разных сфер быта и общественной жизни вообще: разрушенная (и поделом разрушенная) старая.

семейно-половая «мораль», но еще очень слабое воздействие вырабатывающихся новых норм поведения в этой области; отсюда из такого промежуточного положения вытекают уродливые и в высшей степени отрицательные черты нашего быта; разрушенная старая идеология «двадцатого числа» у служащих, но отнюдь не выколоченная еще со всей необходимой силой идеология работы для трудящихся, уважения к «просителю», особого уважения к трудящемуся «просителю», бережливого отношения к государственным средствам и т. д., и т. п.; прежний «идеал» послушного начальству подданного мы разнесли в щепки — и в массовом масштабе, — но что мы воспитали уже тип сознательного общественника, борца на всех фронтах строительства, преследующего и шкурника, и подхалима, — этого сказать еще нельзя. Мы только идем к этому, но сделали лишь первые шаги. Вся проблема рационализации не только производства, но и быта, стоит перед нами именно как проблема, как задача, которую еще только нужно решать или, вернее, начать решать. Здесь нам нужно подтянуться, идет ли речь о массах, или о кадровом составе, или даже о «верхушечных» руководителях. Здесь мы не только не доделали нашего дела: мы еще часто не заложили даже фундамента. Таким образом, если мы говорим о некоторых общих задачах, которые перед нами стоят в этой области, то мы можем сформулировать их так: мы должны скорее изживать остатки промежуточного положения, когда старое разрушено, а новое еще не построено. Исходя из этой установки, мы должны поставить перед собою целый ряд задач по отношению к массе — во-первых; по отношению к кадровому составу, который является передовым слоем этой массы — во-вторых; даже по отношению к самым квалифицированным руководящим слоям — в-третьих. Если речь идет о массе, разумеется, перед нами стоит еще в качестве основной задачи возможно быстрее идти вперед по линии элементарной грамотности. В высокой степени неправильно, — а это иногда бывает, — когда «сокращают» наши читальни, библиотеки, даже школы. «Скаредничать» здесь теперь прямо недопустимо; воспитывать «цивилизованных кооператоров» без расширения сети образовательных учреждений нельзя. Возможно шире мы должны поставить и заботу о здоровье массы, в частности, развернуть борьбу с алкоголизмом и сифилисом. Только безграмотные и действительно некультурные люди могут проходить мимо этих задач. Недавно я просматривал книгу одного немецкого профессора, Бумке, под названием «Культура и вырождение», повлиявшую и на русский язык. Бумке целым рядом данных доказывает, что в послевоенный период особенно подрывают дееспособность масс именно алкоголь и сифилис, а у нас это особенно сильно чувствуется. Борьба с алкоголизмом, организация действительно разумных развлечений, надлежащая постановка кино и радио, всемерное развитие физкультуры, — все это должно быть нашей задачей.

Нам необходимо, далее, из всех сил учить широкие народные массы рационализации хозяйства и умению правильно считать. Это годится не только для рабочего класса, но и для крестьянства. Тов. Шапкий привел, например, обследование целого ряда крестьянских дворов и пришел к совершенно неоспоримому выводу, что, несмотря на низкий уровень бюджета, можно было бы — даже в рамках этого бюджета — достигнуть много большего производственного эффекта. Приводились примеры точных обследо-

ваний крестьянских бюджетов и соответствующих расчетов, которые были через школьников розданы крестьянам и произвели сильное впечатление. Эти расчеты наглядно показывают, как даже в рамках обычных бюджетов крестьянское хозяйство может прыгнуть на ряд ступенек выше. Далее, следовало бы подумать о целом ряде мероприятий, которые помогли бы крестьянину заботиться не только о его дворе, а, скажем, о целой волости, волостном бюджете, т.-е. о хозяйстве «общественном». Мы ведь должны держать курс на то, чтобы эти волости превращались в составные части того, что Ленин называл «государство-коммуна». Вопрос о бюджете рабочего, о его семейном бюджете, вопрос об участии его в производстве, о более прочной заинтересованности в ходе производства, о более сознательном и социалистически культурном отношении к этому производству есть один из крупнейших вопросов нашего хозяйства. Но нужно двинуть и дело рационализации быта. Нужно сказать, что мы еще в высшей степени некультурны, в особенности по сравнению с теми задачами, которые стоят перед нами. Мы иногда палец о палец не можем ударить, чтобы исправить мелочи, от которых многое зависит. Вопрос о развлечениях, клубах, радио, кино; вопрос о банях, прачечных, хлебопекарнях, школах и библиотеках; целый ряд других «житейских», «бытовых» вопросов нередко «решается» так, что нарисуем хорошую картину общих «заданий», «планов», «установок», а приведение всех этих пожеланий «во исполнение» движется чрезвычайно медленно. Между тем, еще Ленин отмечал, что наша пропаганда должна быть пропагандой показа, примера, делового выполнения, а не той «политической трескотней», которая в свое время была полезна, а теперь уже в значительной степени устарела. Есть целый ряд указаний на то, что наша работа весьма бы выиграла, если бы мы формы теперешних ре-визий и бумажной отчетности заменили бы хорошим инструктажем. Реальная практическая помощь не разочаровывала бы ни крестьянина, ни рабочего, ни трудящегося человека вообще, тут чувствовалось бы настоящее, живое дело, а не бюрократическая волокита. Вот, примерно, главные задачи, которые стоят перед нами, поскольку речь идет о массах.

Эти задачи не могут быть, однако, решены, если мы не подтянем наш кадровый состав. Один крестьянин дал весьма выпуклую формулировку наших недостатков, когда сказал: «Стремительных людей у вас, коммунистов, много, а делопроизводительных людей мало». (Смех). Это в значительной степени правильно. «Стремительность» заключается в том, что мы с большой быстротой что угодно «намечаем» и «планируем». Но проверки исполнения (а сколько раз эту задачу подчеркивал Владимир Ильич!) у нас еще нет. Между тем именно практическое выполнение принятых хороших решений есть наилучший способ пропаганды примером. Внимание к практическим вопросам хозяйства и культуры в деревне, помощь на практике даже в мельчайшем «вопросике» убедительнее, лучше, чем целые горы «политической трескотни». Вот этот вид пропаганды и этот вид работы необходимо выдвигать на первый план. Но есть также многие элементарнейшие «добродетели», которые нашему кадровому составу практически мало известны, очень мало еще ввелись в плоть и кровь. Весьма и весьма полезно напоминать те простые лозунги, которые Владимир Ильич ставил во главу угла для строительного периода: знай счет деньгам, веди экономно хозяйство

и т. д. Этого в значительной мере у нас еще нет. Если бы эти необходимейшие свойства действительно были усвоены нашими кадрами, разве были бы у нас такие просчеты, какие есть теперь? Их не было бы. «Будь аккуратен», это — тоже весьма и весьма элементарное правило. Но разве можно сказать, что наш кадровый состав усвоил себе это правило, что наш кадровый состав на сто процентов аккуратен? Этого сказать никак нельзя: еще до сих пор сидят в нас остатки истинно-русской растяпистости. Нужно учиться еще большей быстроте ориентации, еще большей исполнительности, еще большей деловитости. Нужно воспитывать в себе чувство массы, чувство связи с массами, чувство постоянной и непрерывной заботы об этой массе, всюду и везде, сидишь ли ты в кабинете треста, синдиката, профсоюза, горсовета, губкома и укома. Необходимо воспитывать еще и еще чувство ответственности: у нас нередко бывает, что в силу нашей организационной неразберихи совершенно неизвестно, кто и за что отвечает. Воспитание этого чувства ответственности, ответственности перед нашим классом, ответственности перед нашим государством, ответственности перед самим собой, это — тоже одна из культурных задач. В некоторых прослойках нашей партии имеются некоторые тенденции самодовольного почивания на лаврах: из голода, мол, вылезли и слава Богу! Это бюрократическое самодовольство нужно всячески громить, ибо психология самодовольства есть небольшевистская, некоммунистическая психология. С ней мы далеко не уедем. Нужно со всей энергией поставить перед каждым работником, перед каждым настоящим, верным солдатом нашей партии этот вопрос. Пока мы живем — никакого успокоения, никакого душевного «жирка»!

Нам необходим, далее, подъем социальных знаний в нашем кадровом составе. Мы имеем тут целый ряд прорех. Например, у нас очень мало средних техников, наши новые инженеры недостаточно квалифицированы. Средних техников, средних астрономов — вот этого персонала у нас чрезвычайно мало. Очень часто наши партийные работники, которые незнакомы с целым рядом конкретных практических вопросов, требующих специальных знаний, не могут выполнять теперь и своих партийно-политических функций, ибо теперь ни крестьяне, ни рабочие не могут удовлетвориться такого рода политическим руководителем, который говорит о Чемберлене, но не понимает ничего ни в крестьянском хозяйстве, ни в агрономии, ни в технике. Члены нашей партии не только правят, но и управляют, не только намекают «линию», но и практически ее проводят: они являются не только «политиками вообще», но и администраторами. Раз это так, то эти работники должны обладать с каждым годом все большими и большими знаниями по целому ряду вопросов. И здесь нужно, наряду с подъемом этих знаний, с возрастанием чувств ответственности перед массой, обратить особенное внимание на так называемую проблему «мелочей».

Попробуем произвести такой опыт: вырежем из отделов «рабочей жизни», из соответствующих корреспонденций с фабрик, заводов и т. д. корреспонденций, помещенных в «Экономической Жизни», в «Труде», в «Гудке», в «Правде», «Рабочей Газете» и т. д. замечания относительно всяких недостатков и безобразий. Попробуйте теперь проанализировать эти различные недостатки и вы придете к заключению, что 9/10 различных безобразий не вытекают из «объективных условий», а могут быть устра-

нимы при внимательном отношении к делу. Если среди рабочей массы есть значительные остатки несознательного отношения к государственным интересам, то, с другой стороны, мы имеем дело с некультурностью наших управляющих кадров, в том числе партийцев. Если у рабочего, который работает непосредственно на производстве, бывает иногда психология халатности, то у кадровиков частенько встречается желание «как-нибудь обойти» («живали и хуже, как-нибудь проживем и теперь», «не так уж все плохо» и т. д.). Это гнилая психология. Каждый руководитель — и в первую голову коммунист — должен быть примером пионера культуры, самым внимательным образом вылавливающего все его недостатки и решительным образом их исправляющего. Ни одна мелочь не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего влияния. Таких «мелочей» не должно быть. Из этих мелочей составляется «быт»! Эти мелочи могут стать даже политическим фактором. Сопливое, обломовское отношение к этим «мелким» недостаткам есть чума, которую мы должны раздавить и уничтожить. Мы должны изо всех сил нажать на всех наших работников — профсоюзных, советских, партийных, которые имеют непосредственную связь с массами. Тот не коммунист, кто относится к этим вопросам «спустя рукава». Эта халатность, это невнимание к непосредственным нуждам масс легко перерастает в гнусный бюрократизм, в самодовольство чиновника. Это есть варварство, которое мы должны уничтожать всеми средствами. Нужно сказать всем нашим работникам, что нельзя воспитывать массу, нельзя требовать от массы, чтобы она поднималась на все более и более высокую ступеньку трудовой культуры, если ты сам подаешь пример бюрократической самовлюбленности и самодовольства. Необходимо прислушиваться к каждому критическому замечанию со стороны массы, а не объявлять всякую критику антисоветским выступлением, как иногда делают злостные дураки или бюрократические самодуры.

Что касается еще более «высоких» руководящих кадров, то здесь нужно выдвинуть, примерно, такие вопросы: большее знакомство с опытом Запада и Америки, большее продумывание наших крупных хозяйственных и всяких иных планов и маневров: разработка целого ряда научных вопросов по специальным линиям, периодические выезды СССР. Мы говорили неоднократно, что задачей коммунистов является революционность и деловитость, революционность и американизм. Но что такое революционность? Революционность — это есть соподчинение каждого шага основной революционной идее, в наших условиях идее международной революции — с одной стороны, строительства социализма — с другой. Революционность предполагает не только такую умственную, интеллектуальную установку. Революционность предполагает и определенную настроенность, революционную страсть, революционный оптимизм. Революционность предполагает определенную веру в свое дело, революционность предполагает отрицание нытья, пессимизма, уныния и всякого гнилья. Это гнилье в корне противоречит всякой по-настоящему революционной установке. Класс восходящий не может сочувствовать или быть связанным так или иначе с гнилой и упадочнической психологией. Наш оптимизм нельзя, конечно, смешивать с глупым оптимизмом, который утверждает, что все на свете есть благо: у Вольтера был такой герой, Панглосс, который в случае землетрясения, и в случае весьма не-

приятной болезни утверждал, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Мы не можем стать и на точку зрения какого-нибудь блаженного Августина, который утверждал, что Господь-Бог создал «зло» только для того, чтобы лучше оттенить «добро». Мы — не Панглоссы и не блаженные Августины. Но мы должны решительно бороться со всякими проявлениями перерождения, упадка, разложения, проявляются ли они в литературе (есенинщина), в политике, в быту — где угодно. Естественно, что класс восходящий только тогда может выполнить стоящие перед ним задачи, творить свое великое дело, когда он полон веры в свои собственные силы и в то дело, которое он делает. Бывали в истории нашей революции очень тяжелые времена. Но наша партия потому и вышла победоносно из этих тяжелых времен, что она была несгибаемой партией и никогда, ни при каких условиях не теряла веры в свое важное дело. В этом отношении ее вождь, Владимир Ильич был образцом нового человека-борца. У одного из величайших поэтов, у бельгийского поэта Верхарна, есть замечательное стихотворение, которое называется «Трибун», где почти каждое слово может быть отнесено к Владимиру Ильичу, этому железному вождю пролетарских масс:

Что смерть ему? Свое предназначенье
Он выполнил — земное свершено...

.

И, покидая жизненную сцену,
Он знает, кто-нибудь идет ему на смену.
Он юных духом вел с собой
Завесу поднимать над будущим счастливым.
Не он смутился временным отливом,
Всегда сменяющим стремительный прибой.
Его душа жила в грядущем так далеко,
Как только мог проникнуть взор
В его неведомый простор.
Не всем дано вместить крылатый жест пророка:
И все же мысль его оделась в кровь и плоть.
Он жизнь сумел согнуть и побороть.
Он выпрямил ее, в порыве к формам новым,
Открытым в первый раз умом его суровым.

Владимир Ильич «умом своим суровым» открыл «новые формы» нашего общественного бытия. Это закреплено в лозунге, ставшем лозунгом всемирной революции: власть советам! Владимир Ильич поднял перед всеми нами завесу нашего будущего и Владимир Ильич показал в то же время образец человека, который, несмотря ни на какие препятствия, ни на какую, даже самую тяжелую, обстановку, не опускал революционного знамени и, как вылитый из стали, шел к своей цели. Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали. Гигантские массы приходят в движение все больше и больше; в нашей стране распахиваются ворота к дальнейшему великому творчеству. Когда мы читаем глупые строки, продиктованные страхом перед «дикими гуннами», когда «цивилизованные» мясники международной буржуазии обвиняют нас, строителей новой жизни,

в «варварстве», мы можем с полной совестью сказать: мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

(К началу нового хозяйственного года)

I

Наступает новый хозяйственный год. И совершенно естественно, что у всякого мыслящего рабочего, — а тем более рабочего-коммуниста, — появляется потребность подвести известные итоги, наметить известные перспективы, увидеть всю картину нашего хозяйственного развития в целом. Посмотрите на письма рабочих, на записки, подаваемые во время многочисленных собраний, послушайте выступления рядовых пролетариев. Какой огромный культурно-политический рост! Какой уровень вопросов и проблем, копошащихся в головах массы! Какая жгучая потребность доискаться до «корня вещей»! Какая неудовлетворенность ходячей и стертой монетой штампованных и пустоватых фраз, элементарных, как бревно, и похожих одна на другую, как две горошины. Надо сознаться, что здесь, в этих «ножницах» между запросами массы и той «духовной пищей», которая ей подается (подается часто холодной или неряшливо едва-едва разогретой), есть большая доля вины с нашей стороны вообще, со стороны нашей печати — в особенности. Разве те вопросы, жгучие и «больные», которые сверлят мозги многим и многим, находят у нас достаточно живой отклик? Разве разного рода сомнения получают достаточно разъяснение с нашей стороны? Разве у нас достаточно удовлетворительно поставлено дело серьезной информации о нашем хозяйстве? Разве мы в достаточной степени ставим перед массой, и *рабочей* массой в первую очередь, сложнейшие проблемы нашего хозяйствования? Нет, и тысячу раз нет: здесь у нас громадный пробел, который нужно заполнить, чтобы иметь право говорить о серьезных усилиях по вовлечению масс в активное социалистическое строительство.

Но дело, разумеется, не только в пропаганде. Стремясь извлечь уроки из нашего собственного прошлого и непрерывно критикуя самих себя, мы должны притти также к следующему выводу: мы и сами недостаточно осознали еще всю *новизну условий реконструктивного периода*. Именно поэтому мы так «запаздывали»: проблему своих спецов поставили лишь после шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно-русской поговорке: «гром не грянет — мужик не перекрестится».

Когда мы в свое время переходили от военного коммунизма к новой экономической политике, мы самым смелым, самым решительным образом стали перестраивать все наши ряды. Эта огромная перегруппировка сил, наряду

с бешеной пропагандой таких лозунгов, как «учись торговать» и т. д. была предпосылка наших хозяйственных успехов.

Переход к *реконструктивному периоду*, разумеется, не выражает принципиального сдвига хозяйственной политики, что, несомненно, было в 1921 году. Однако, он имеет огромное значение, так сказать, в *другом измерении*. Ибо существует величайшая разница между, скажем, простой *починкой* моста и его *постройкой*: последнее требует знания и высшей математики, и сопротивления материалов, и тысячи других премудростей. То же и в масштабе *всего* хозяйства. Реконструктивный период поставил ряд *сложнейших технических задач* (проектирование новых заводов, новая техника, новые отрасли промышленности), ряд *сложнейших организационно-экономических задач* (новая система организации труда на предприятиях, вопросы *standart'a* индустрии, районирования, формы всего хозяйственного аппарата и проч.), ряд величайшей трудности задач *общего хозяйственного руководства* (сочетание в новых условиях основных элементов хозяйства, вопросы социалистического накопления, вопросы экономики в связи с вопросами классовой борьбы, опять-таки в *новых* условиях этой борьбы и т. д.), наконец, ряд проблем, касающихся *людского* аппарата (вовлечение масс в процесс рационализации — с одной стороны, проблема квалифицированных кадров — с другой). Крупные технические завоевания капиталистического мира (особенно в Германии и Соединенных Штатах) и рост мирового производства крайне заостряют постановку наших внутренних проблем. Между тем, мы не произвели необходимой перегруппировки наших сил или, вернее, производили ее не в той мере, не в том темпе и не с той энергией, как это требовалось объективным ходом вещей.

Истекший год подводит итог целому *трехлетию* реконструктивного развития нашей экономики. Страна сделала громадный прыжок вперед. Прямо смешно бывает читать проученные рассуждения наших беглых Бруцкусов и Загорских и различных «светил» иностранной науки, которые, подцепив парочку газетных сенсаций из области «сведений» *made in Riga* и напаялив на себя важнецкие колапки, с превеликим усердием тискают доказать «крах советского хозяйства», «крах коммунизма», «крах большевизма» и прочие «крахи» на тему: что думают Чемберлены, когда им не спится. Между тем, всякому непредубежденному наблюдателю, у которого сохранилась хотя бы минимальная способность объективного суждения, ясно, что, как ни верти и как ни вертись, хозяйство СССР по большинству главнейших направлений бешено мчится вперед и что самые зигзаги этого бега, как будто внезапные своеобразные «кризисы» этого хозяйства, являются всем, чем угодно, но только не предвестниками любезного белым сердцам «краха большевистской системы».

За последние годы в ряде производственных отраслей, в первую очередь промышленных, мы уже подошли к серьезным техническим сдвигам: наша *нефтяная* промышленность, черное гнездо которой прочно сложено в Бакинском районе, пережила настоящую техническую революцию и почти переоборудована на американский лад; наше *машиностроение*, основной рычаг дальнейшего переворота и индустриальной перedelки страны, двинулось большими шагами вперед; его особый отряд, *сельскохозяйственное машиностроение*, втрое превысил цифры довоенного уровня; выросла целая по-

вая ветвь промышленности — *электротехническая* промышленность; заложен фундамент нашей *химической* промышленности, и впервые на нашей территории мы приступаем к добыче азота из воздуха; *электрификация*, постройка электростанций, неуклонно завоевывает все новые и новые позиции; хозяйственно-техническая революция выбрасывает свои щупальцы и в деревню: мощно поддерживая и развивая кооперативные объединения крестьян, она уже выслала около 30.000 тракторов в поля и степи нашей страны, и тракторные колонны, как боевые дружины технического переворота, появляются уже нередко гостями на самых отсталых, поистине варварских участках нашего Союза, — впервые ножи тракторных плугов поднимают целину сальских, украинских, заволжских, казахских степей и вольный ковыль в последний раз поет свою предсмертную песнь.

Посмотрите на сухие цифры, которые своим строгим языком рассказывают нам о продолжающейся революции в нашем Союзе.

Основной капитал всего государственно-кооперативного сектора народного хозяйства СССР вырос за три года (1925-26 — 1927-28) на 4 миллиарда рублей по ценам 1925-26 года (+ 14 проц. слишком).

Основной капитал государственной и кооперативной промышленности за те же годы и в тех же ценах поднялся с 6,3 млрд. руб. до 8,8 млрд. руб., т.-е. на 2½ миллиарда (+ 39-40 проц.), причем темп прироста достиг за последний год огромной цифры в 15 проц.

Эти данные говорят о реальном накоплении, т.-е. о *расширенном воспроизводстве*. Если же взять всю сумму капитальных вложений, т.-е. включать и возмещение изношенных частей «капитала», то мы получим такие цифры.

Весь обобщественный сектор: здесь цифра годовых вложений поднялась с 2 млрд. до 3,4 млрд. рублей по тем же ценам.

Государственная и кооперативная промышленность: здесь соответствующие цифры будут составлять 890 млн. руб. в 1925-26 году и 1,5-1,6 млрд. в 1927-28 году.

Интересно также отметить систематический рост совершенно *нового промышленного строительства*. Доля средств, идущих на это строительство, в процентах к общим ассигнованиям на промышленность неуклонно возрастает: 1925-26 год — 12 %, 1926-27 год — 21 %, 1927-28 год — 23 %. Чрезвычайно быстро растет удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве, удельный вес производства средств производства в промышленном секторе и т. д. Характерно при этом то обстоятельство, что доходы *крестьянства*, по последним исследованиям, почти *наполовину* состоят из доходов *промышленных* (промыслы, строительство, доходы от лесоразработок и проч.).¹ Все это показывает, насколько быстро идет процесс индустриализации страны, насколько ярко идет в то же время процесс *социализации* (обобществления) всей ее экономики. Цифры, касающиеся вытеснения частника, общеизвестны. Растет товарооборот страны, в частности, оборот между городом и деревней. Растет грузооборот. Растет бюджет. Из года в год увеличивается численность рабочего класса. Растет материальный и культурный уровень его жизни. И т. д., и т. д.

И в то же время рост нашей экономики и несомненный рост *социализма* сопровождается своеобразными «кризисами», которые при всем *решающем* отличии закономерностей нашего развития от капиталистиче-

ского, как будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма: и тут и там диспропорция между производством и потреблением, но у нас это соотношение взято «навыорот» (там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь, этот спрос больше предложения); и тут и там идет вложение огромных сумм «капитала», которое связано со специфическими кризисами (при капитализме) и «затруднениями» (у нас); но у нас и это соотношение взято «навыорот» (там — перенакопление, здесь — недостаток капитала); и тут и там — диспропорция между различными сферами производства, но у нас типичен *металлический голод*. *Безработица* у нас имеет место одновременно с систематическим ростом численности занятых рабочих. Даже аграрный «кризис» у нас идет «навыорот» (недостаток предложения хлеба). Словом, в особенности истекший год поставил перед нами проблему *наших «кризисов»*, имеющих место в начальные периоды переходной экономики в стране отсталой, мелкобуржуазной по составу своего населения, находящейся во враждебном окружении.

Маркс, как известно, дал теорию *капиталистических кризисов*. Эти кризисы он выводил из общей бесплановости («анархии») капиталистического производства, из невозможности при капитализме правильных пропорций между различными элементами процесса воспроизводства, в том числе между производством и потреблением, или, другими словами, из невозможности для капитализма «сбалансировать» различные элементы производства. Это вовсе, конечно, не значит, что Маркс обходил проблему класса и классовой борьбы. Потребление масс, его уровень, самая ценность рабочей силы включают, по Марксу, и момент классовой борьбы. Во всей механике разворачивающихся противоречий между производством и потреблением, между ростом производства и отношениями распределения, уже включена эта борьба классов, *напавшая на себя костюм экономических категорий*. Отрывать классы и классовую борьбу от экономических отношений пытался известный буржуазный экономист *проф. Туган-Барановский*, который в своей «социальной теории распределения» подчеркивал только момент «классовой борьбы», *выбрасывая за борт ее экономические определения*, а в своей теории кризисов, выбрасывая момент потребления масс, выбрасывал тем самым целиком и момент классовой борьбы. Единственно правильной является, однако, именно теория Маркса, а не буржуазная теория *Туган-Барановского*. Поэтому и к вопросу о *наших «кризисах»* можно и должно подходить с методологией Маркса, а не «социальной теорией распределения» *Туган-Барановского*, хотя она внешне и «базируется» на «классовом» принципе. С другой стороны, смешно упрекать, скажем, схемы воспроизводства во II томе «Капитала» в том, что они, эти схемы, игнорируют проблему классов: это значило бы не понимать ни теории классовой борьбы, ни марксовской теории воспроизводства.

В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются, и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное *единство*, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом

«Капитала», «схемы воспроизводства», т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия *подвижного экономического равновесия*. По сути дела, в этом и состоит задача выработки *народно-хозяйственного плана*, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом) и директивой одновременно.

Поставим теперь дальнейший вопрос: если у нас «кризисы» имеют как будто характер «вывернутых наизнанку» капиталистических кризисов; если у нас эффективный спрос масс шагает впереди производства, то *не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития?* Не обречены ли мы на — периодические или непериодические — «кризисы» на *обратной* основе, на *ином* соотношении между производством и потреблением? Не суть ли эти «критические» затруднения *железный закон* нашего развития?

В этой встречающейся и в нашей экономической литературе постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей («спроса» — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, «кризисная» форма, а именно форма *товарного голода* (где уже идет речь о спросе *платежеспособном*). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является *непосредственной* двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится *средством* и т. д. Совсем другое — *моменты кризисного характера*, которые *нарушают ход воспроизводства*. Они могут лежать лишь в *нарушении* условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из *неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления)*. «Извращенный» — по сравнению с капиталистическим — характер «кризисов» определяется действительно принципиально *новым* соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть *развивающийся антагонизм* (наоборот, производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для «закона кризисов», для закона *неизбежных* кризисов. Но здесь *могут* быть «кризисы», вытекающие из *относительной анархичности*, т.-е. *относительной бесплановости* хозяйства переходного периода.

Относительная *бесплановость* — или *относительная плановость* — хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т.-е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее «законченный» план развитого социалистического общества. В этом плане есть много элементов предвидения *стихийной равнодействующей* (например, исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского производства вообще, а, следовательно, и цен и т. д., и т. п.),

которая становится исходным пунктом для той или другой директивы. Именно поэтому у нас невозможен «идеальный» план. Именно поэтому здесь до известной степени могут иметь место ошибки. Но ошибка, имеющая свое объяснение, и даже неизбежная ошибка, не перестает быть ошибкой. Это во-первых. Во-вторых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны. В-третьих: если любой хороший план не всемогущ, то плохой «план» и плохое хозяйственное маневрирование вообще могут загубить и хорошее дело.

В давнишней полемике с троцкистами (см. сборник: «К вопросу о троцкизме») нам приходилось доказывать, что *нельзя переоценивать планового начала* и не видеть очень значительных элементов *стихийности*; приходилось еще тогда разжевывать ту истину, что понятие пропорции между отраслями промышленности, взятой «в себе», т.-е. безотносительно к крестьянскому рынку, есть *бессмысленное* понятие, что именно поэтому сила нашего плана *относительна* и структура его *своеобразна*. А в полемике с Е. А. Преображенским (см. «К вопросу о закономерностях переходного периода») приходилось разъяснять, что нельзя при анализе закономерностей переходного периода отвлекаться от экономической политики пролетарского государства, ибо здесь огромная часть хозяйства есть *государственное* (и связанное с ним кооперативное) хозяйство, важнейшие хозяйственные организации суть *государственные* организации и т. д. Поэтому, несмотря на относительность нашего планирования, роль его поистине *огромна*; крупные ошибки хозяйственного руководства, вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых *экономических* соотношений имеет своей другой стороной нарушение *политического* равновесия в стране.

Из того, что «товарный голод» не есть абсолютный закон развития переходной экономики, что «кризисные» нарушения основных хозяйственных пропорций не неизбежны, вытекает следующее:

Чтобы добиться возможно более благоприятного (возможно более бескризисного) хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а, следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране, — необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы).

Всякий отказ от этой важнейшей и насущнейшей задачи является *капитуляцией перед мелкобуржуазной стихией*, воплощением знаменитых исторических лозунгов мелкобуржуазной расхлябанности: «авось», «небось» и «как-нибудь». По сути дела смешно даже доказывать эту аксиому. Но такова консервативность и рутина нашего бюрократического аппарата, что ее еще приходится «доказывать», ибо там сплошь и рядом еще гнездится эта изумительная идеология: раз затруднения *все равно* будут, — айда, на печку!

Реконструктивный период требует от хозяйственного руководства самого тщательного продумывания проблем текущей политики. Здесь прежде всего вновь ставится все тот же «проклятый» вопрос о *соотношении города и деревни*, и вновь разгораются старые «рецепты», долженствующие якобы спасти нас от всяких зол и напастей: троцкистские чревоущепатели, эти садовники, дергающие растение за верхушку, чтобы оно «скорее росло», и мелкобуржуазные рыцари крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу «форсированного наступления на кулачество», — все они загомонились на фоне затруднений в связи с хлебозаготовками, ожили, возобновили продукцию своих панацей, выступили — в который раз! — со своими пожеланиями, требованиями, предостережениями, угрозами. Рассмотрим и мы эту «проблему проблем», еще раз критически проверив свою линию.

Мы провели историческую борозду между капиталистическим миром и миром пролетарской диктатуры, но нам полезно использовать исторический опыт капитализма. Нам полезно использовать этот опыт и с точки зрения интересующей нас проблемы, тем более, что все мы помним положение Маркса: различные типы соотношений города и деревни отмечают целые исторические эпохи.

В пределах и рамках капитализма нетрудно различить три основных типа отношений. *Первый* тип — наиболее отсталое, полукрепостническое *сельское* хозяйство, крестьянин-паупер, голодная аренда, беспощадная эксплуатация мужика, слабая емкость внутреннего рынка. (Пример: дореволюционная Россия). *Второй* тип — гораздо меньшие остатки крепостничества, крепостник-помещик в значительной степени уже капиталист, более защиточное крестьянство, большая емкость крестьянского рынка и т. д. *Третий* тип — «американский» — почти полное отсутствие феодальных отношений, «свободная» земля, на начальных ступенях развития отсутствие абсолютной ренты, зажиточный фермер, огромный внутренний рынок для промышленности. И что же? Нетрудно видеть, что *мощь и размах* индустриального развития, *мощь и размах* роста производительных сил были максимальны именно в *Соединенных Штатах*.

Троцкисты, ставя проблему *максимальной* перекачки (взять все, что «технически достигаемо»; брать больше, чем брал царизм и т. д.), хотят поместить СССР в этом историческом ряду «за» *старой Россией*, в то время как его нужно поместить «за» *Соединенными Штатами Америки*. Ибо, если Соединенные Штаты осуществляют наиболее быстрое, в *пределах капитализма*, развитие сельского хозяйства и движения производительных сил в целом, то мы — на *социалистическом* базисе, на основе решительной борьбы со всеми капиталистическими элементами — должны идти еще быстрее, в тесном *союзе* с решающими массами крестьянства. В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший *длительно* темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на *быстро растущем* сельском хозяйстве. Именно тогда и *индустрия* дает *рекордные* цифры своего развития. Но это предполагает возможность быстрого реаль-

ного накопления в сельском хозяйстве, следовательно, отнюдь не политику троцкизма. Переходный период открывает *новую эпоху* в соотношении между городом и деревней, эпоху, которая кладет конец систематическому отставанию деревни, «идиотизму деревенской жизни», которая закладывает фундамент курса на *уничтожение* противоположности между городом и деревней, которая поворачивает самую индустрию «лицом к деревне» и индустриализирует сельское хозяйство, выводя его с исторических задворков на авансцену экономической истории. Троцкисты не понимают, следовательно, того, что *развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства*.

С другой стороны, мелкобуржуазные рыцари, «защищающие» сельское хозяйство от всяких доленых отчислений в пользу индустрии, стоят по сути дела на точке зрения увековечения мелкого хозяйства, его убогой техники, его «семейной» структуры, его узенького культурного горизонта. Глубоко консервативные по существу, видящие в хуторском хозяйстве альфу и омегу техники агрономии, экономики, — эти идеологи «хозяйчика» отстаивают рутину и индивидуализм в эпоху, которая ставит на своем знамени революционное преобразование и коллективизм, и по сути дела расчищают путь махрово-кулацким элементам. Если троцкисты не понимают, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства, то идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что *развитие сельского хозяйства зависит от индустрии*, т.-е., что без трактора, химического удобрения, электрификации, сельское хозяйство обречено топтаться на месте. Они не понимают, что именно индустрия есть рычаг радикального переворота в сельском хозяйстве и что без *ведущей роли* индустрии невозможно уничтожение деревенской узости, отсталости, варварства и нищеты.

Исходя из преодоления обоих этих флангов «общественной мысли», мы должны теперь разрешить конкретный вопрос о соотношении между индустрией и сельским хозяйством у нас в СССР в *данный* период. Основные факты, которые мезолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней — товарный голод, т.-е. и недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны — затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т.-е. как будто отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства, и в то же время — весьма значительный *товарный дефицит*. Все эти «парадоксы» нашей хозяйственной жизни должны получить свое разрешение. От этого разрешения зависят и основные директивы нашей политики.

Троцкий в своем заявлении Коминтерну («Июльский пленум и правая опасность») — документе неслыханно клеветническом и кликушеском — пытается местами *аргументировать*, опомнясь на минуту от перманентного визга. Важнейшие места аргументации: 1) «что отсталость сельского хозяйства является причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно»; 2) «по типу своему нынешнее сельское хозяйство бесконечно отстало, даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью»; но 3) «несмотря

на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т.-е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но и не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, *задерживая* тем самым ее развитие»; 4) «поднять сельское хозяйство вверх (точно его можно подымать и вниз! Н. Б.) можно только через промышленность. Других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней».

Из этих рассуждений делаются и выводы: партия с XII съезда (!!) вела *правую политику*, политику недостаточной индустриализации и, следовательно, утери темпа, откуда и вырос кризис хлебозаготовок; партия в феврале признала, — утверждает Л. Д. Троцкий, — отставание промышленности, но теперь (после июльского пленума и отмены чрезвычайных мер) партия снова взялась за старое и т. д., и т. д. *Генеральный* вывод: необходимо форсировать индустриализацию *сверх* того, что делается в настоящее время (о других «выводах» автора здесь говорить не место).

В этих рассуждениях поражает не только то, что они кричаще противостоят «музыке социализма», которую автор перманентной революции слышал в первых контрольных цифрах, появившихся, как это всем известно, *гораздо позднее* XII съезда. В этих рассуждениях поражает прежде всего полное отсутствие анализа динамики развития. Ни вопрос об основных фондах промышленности по сравнению с основными фондами сельского хозяйства, ни вопрос о величине продукции промышленности и сельского хозяйства, ни вопрос о движении этих соотношений не интересуют автора. Между тем, соответствующие факты кое о чем говорят даже для людей, трижды оглушенных буржуазной ложью о СССР.

Эти факты находят свое выражение в следующих цифрах:²

А. ПРИРОСТ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ (в % к предыдущему году)

	1925-26 г.	1926-27 г.	1927-28 г.
I.			
Госпромышленность	+ 8,0%	+10,7%	+13,1%
Электростроительство	+21,3%	+44,1%	+44,0%
Госпромышленность с электростр. ...	+ 8,6%	+12,4%	+15,1%
II.			
Весь обществ. сектор в целом (госпром. + электростр. + транспорт + жил. ком. стр. + кооперация и т. д.).	+ 3,5%	+ 5,5%	+ 7,6%
III			
Сельское хозяйство	+ 4,6%	+ 4,3%	+ 4,7%
В том числе частное	+ 4,5%	+ 4,0%	+ 4,3%

В. ПРИРОСТ ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ (в % % к предыдущему году)

I.

Вся промышленность (по довоенным ценам)	+39,3%	+13,7%	+13,4%
В том числе цензовая	+45,2%	+15,1%	+14,3%
В том числе ВСНХ'овская (по отн. ценам на 1/X-1926 года)	—	+19,6%	+23,1%

II.

Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты; цены довоен.)	+20,6%	+ 3,9%	+ 3,0%
В том числе зернов. культуры	+32,4%	+ 3,8%	— 1,9%

С. ПРИРОСТ ТОВАРНОЙ ПРОДУКЦИИ (в % % к предыдущему году)

I.

Вся промышленность (цены довоен.) .	+38,5%	+13,5%	+13,9%
В том числе цензовая	+45,2%	+15,0%	+15,1%
В том числе ВСНХ'овская (по отпускным ценам 1/X-1926 года)	—	+15,1%	+17,6%

II.

Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты, довоен. цены)	+11,3%	+ 8,1%	+ 8,9%
В том числе зерновое хозяйство	+30,8%	+10,2%	+ 6,8%

Из этих *рекордных* цифр по промышленности вытекает, что дело не просто в «техничко-производственном типе» промышленности, который более высок, чем «тип» крестьянского хозяйства (эта святая истина вряд ли нуждается даже в упоминании), что не только «тип», но и конкретная динамика развития дает гигантский перевес индустрии и обществу в целом. Из этих рекордных по промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком темпе развития (при данных средствах, ресурсах и возможностях) лежит корень объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса, — темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами несильно высок (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства. Словом, из этих цифр вытекает необходимость искать какое-то другое, менее элементарное, но более действительное объяснение.

Характерно, что Троцкий и троцкисты не только «не интересуются» всеми вышеприведенными фактами (в 1925 году они аналогичными фактами все же интересовались, правда, с «музыкальной» точки зрения), но они «не замечают» и других крупнейших по своему значению фактов. Видимость аргумента у Троцкого — *непокрытие деревенского спроса*. Но он отнюдь не затрудняет себя вопросом о характере этого спроса, о структуре спроса на промтовары вообще и т. д. Между тем, эти вопросы, как мы сейчас увидим, имеют решающее значение.

Во-первых, почему у «сверх-индустриалистов» троцкистского толка *деревенский* спрос отождествляется со спросом *сельского хозяйства* и, в частности, со спросом со стороны *зернового хозяйства*, — спросом, основанном на движении соответствующей сельскохозяйственной или даже *зерновой продукции* (ибо говорить об «отставании» или «неотставании» промышленности от сельского хозяйства на основании непокрытого деревенского спроса можно только при условии такого отождествления)? Почему не делается никакой, *равно никакой*, попытки проанализировать структуру *деревенского спроса*?

Между тем, уже в «Контрольных цифрах» на 1927-28 год мы читаем, что, «по последним исследованиям, сумма этих доходов (доходов не специально сельскохозяйственного характера — Н. Б.) оказывается *почти равной* сумме доходов от реализации сельскохозяйственных продуктов».³ В 1927-28 году доход от реализации сельскохозяйственной продукции (вне деревни) составлял 2.634 млн. черв. рублей, а от неземледельческих занятий (вне деревни) — 2.400 млн. рублей.⁴

Таким образом, действительно, *почти половина доходов крестьянства* (а следовательно, *почти половина деревенского спроса*) есть результат не земледелия, а других заработков и, в первую очередь, заработков, связанных с *самой промышленностью* (строительные работы и проч.). Поэтому *делать вывод об отставании от сельского хозяйства, на основе только факта непокрытого деревенского спроса, — нелепо.*

Во-вторых, делать этот вывод вдвойне нелепо, если связывать его (как это и делают г-да критики) с кризисом *хлебозаготовок*, т.-е. с проблемами *зернового хозяйства*. Теперь-то и малому дитяти ясно, что опозиционные побасенки об «ужасно-аграмадных» натуральных зерновых фондах деревни, все эти разглагольствования о 900 миллионах пудов разлетелись, как яркие пузыри, и лопнули навсегда. *Никто* больше этим рассказам не верит. Наоборот, все яснее и яснее становится то обстоятельство, что *хлеба* у нас производится вообще *мало*, что у нас часто в подсчетах *смешивали* растущие доходы деревни, ее *общие* доходы с доходами от *зерна*, т.-е., по росту суммарных деревенских доходов неправильно судили о *движении производства зерновых хлебов.*

Даже по предположительным данным «Контрольных цифр» на 1927-28 год, данным, которые оказались для 1927-28 года по зерну *преувеличенными*, отмечалось *сокращение* валового сбора зерновых культур. По этим данным, сбор зерновых хлебов составлял в 1926-27 году 3.779 млн. рублей по довоенным ценам, в 1927-28 году — 3.708 млн. руб.; в процентах к предыдущему году составляет для 1926-27 года прирост на 3,8 проц., а для 1927-28 года — *сокращение на 1,9 проц.* (а в действительности, сокращение оказалось еще больше). В червонном исчислении *оба* года показывают сокращение: в 1926-27 году на 15,5 проц., в 1927-28 г. — *дальнейшее сокращение на 0,6 проц.*⁵

Таким образом, *при бурном росте индустрии, при значительном росте населения, при подъеме потребностей этого населения количество хлеба в стране не растет.* Разве не ясно, что наплевистское отношение к *зерновой* проблеме являлось бы, при таких условиях, настоящим преступлением? И разве не ясно, что троцкистская постановка вопроса и

троцкистское его «решение» вели бы прямехоньким путем к действительному, а не иллюзорному, краху.

Хлебозаготовительный кризис явился выражением вовсе не *изобилия* хлеба при голоде на промтовары. Это «объяснение» не выдерживает никакой критики. Он *подготавливался* в обстановке измелчания крестьянского хозяйства стабильностью или даже падением зернового хозяйства и *проявился* 1) при выросшей диспропорции цен на зерно, — с одной стороны, техкультур, — с другой; 2) при росте добавочных доходов от не-земледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкие хозяйства; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне.

В своем существе кризис этот связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства. В результате этого происходило перераспределение производительных сил *в сторону от* зернового хозяйства, их (относительное) *бегство* из области зерновой продукции. Само собой разумеется, что этот процесс наиболее ярко проявлялся в *производящих районах*. Вопиющим примером (не типичным, однако, примером) неправильного маневрирования с ценами является *Северный Кавказ*. Здесь валовой сбор пшеницы с десятины был: в 1925-26 году — 69,9 пуд.; в 1926-27 г. — 37,9 пуд.; в 1927-28 г. — 29,8 пудов. При этом сбор в 69,9 пуд. сопровождался со стороны заготовительных органов ценой в 1 р. 15 коп., а при сборе в 37,9 пуда — в 1 р. 02 коп. В результате, если вычесть семена, крестьянин выручал с десятины: в 1925-26 году — 72 руб., в 1926-27 году — 32 руб., в 1927-28 году — 24 рубля. Если даже допустить, что эти данные не вполне точны, все же они с достаточной ясностью характеризуют определенную тенденцию. Конечно, это — пример исключительный, по нему нельзя судить об общем положении вещей. Но он указывает на большие прорехи не только в области нашего общего планирования (просчет с зерном в масштабе СССР), но и в области нашего порайонного маневрирования.

Если процесс топтания на месте (и даже падения) зернового хозяйства наиболее резко проявлялся в производящих районах, то он не мог не отражаться, в конце концов, и на районах потребляющих: отсутствие снабжения хлебом этих районов должно было приводить к росту натурализаторской тенденции.

Здесь — несколько слов о значении закона цен. С легкой руки *Е. А. Преображенского* идеологи троцкизма воображают, что закон социалистического накопления должен чем дальше, тем больше, изнасиловать закон ценности, который есть закон равновесия *товарного* производства. Здесь не место разбирать подробно всю абсурдность этого положения. Укажем здесь, что самое противопоставление закона ценности, как закона товарного производства, и закона социалистического накопления, как заместителя и наследника закона ценности, *нелепо* уже по одному тому, что и при капитализме был закон накопления, действовавший на *основе* закона ценности: поэтому закон ценности может перерасти в наших условиях во что угодно, но только не в закон накопления. Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на основе которого он «дей-

ствует». Что это — закон трудовых затрат или что-либо иное — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо *регрессирует*. Этот закон «годится» и для зернового хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс *перераспределения* производительных сил. Если этого нет — происходит, в наших условиях, общий процесс *натурализации сельского хозяйства*. Думать, что рост планового хозяйства означает возможность (на том малом основании, что отрицает закон ценности) действовать, как левая нога захочет, значит не понимать *азбуки* экономической науки. Эти соображения являются достаточным базисом для определения границ «перекачки». *Противники индустриализации* возражают против всякого отчуждения хотя бы части прибавочного продукта, т.-е. против всякой «перекачки». Но в таком случае замедляется темп индустриализации. *Троцкисты* определяют величину перекачки в пределах «технически достигаемого» (т.-е. *выходит даже за пределы* прибавочного продукта). Ясно, что в таком случае не может быть и речи о развитии сельского хозяйства или его зерновой отрасли, что необходимо для развития индустрии же. *Здесь истина лежит посередине.*

Но развитие (именно развитие, т.-е. расширенное производство) сельского хозяйства вообще (в том числе и производства сырья, и зернового хозяйства) необходимо и с точки зрения *экспорта и импорта*. За ввоз оборудования нужно платить. То же самое за ввоз сырья. Было бы совершенно дикой вещью, если бы мы, после выпадения хлебного экспорта, на основе зернового кризиса, вообще переориентировались так, что навсегда поставили бы крест на этом экспорте. Довольно с нас временной зависимости от заграницы по линии импорта оборудования. Зависеть от нее одновременно и по оборудованию, и по сырью, и по хлебу — *немыслимо*. Мы должны, опираясь на нашу сельскохозяйственную базу и используя ее продукцию, платя за импортное оборудование «сельскохозяйственной валютой» (что, конечно, вовсе не исключает необходимости усиления и промышленного экспорта), *развивая свою тяжелую индустрию*, постепенно эмансипироваться от зависимости и по линии оборудования и становиться, таким образом, все более и более на собственные ноги (что, разумеется, не исключает необходимости дальнейшего использования международных экономических связей).

В-третьих, почему троцкисты умалчивают о *внедеревенском спросе*? Разве у нас сполна покрывается спрос рабочего населения? Разве у нас сполна покрывается производительный спрос *самой промышленности*? Разве у нас покрывается спрос на промтовары (металл, топливо, строительные материалы и проч.), предъявляемый *прочими отраслями общественного хозяйства* (транспортом, жилстроительством и т. д.)? Ведь нужно же понять, какое огромное значение имеют эти обстоятельства для понимания корней товарного голода, для понимания хода воспроизводства у нас.

Правда, в этой области у нас нет вразумительных статистических данных: наши хозяйственные органы еще не поняли всей *абсолютно неотложной необходимости* тщательного и вдумчивого изучения *структуры спроса*⁶ на промтовары, хотя это значение, с точки зрения анализа *воспроизводства*, является совершенно исключительным. По чрезвычайно грубым и лишь примерным исчислениям, произведенным по моей просьбе некоторыми товарищами и дающим представление не столько о точных пропорциях, сколько о *порядке* интересующих нас величин, дело представляется в следующем виде:

	%% от общего спроса на промтовары
1. Спрос на промтовары, предъявляемый самой промышленностью (как для нужд текущего производства, так и для капитального строительства)	37-39%
2. Спрос прочих отраслей обобщественного хозяйства ..	15-16%
<hr/>	
Итого спрос всего обобщественного хоз-ва (без зарплаты)	52-55%
3. Спрос лиц, живущих на заработную плату	15-16%
4. Спрос прочего городского населения	около 5%
5. Спрос крестьянства	23-25%
6. Экспорт промтоваров	2-2,5%

При этом спрос, создаваемый обобщественным *капитальным строительством* (со включением зарплаты строительных рабочих), входит в совокупный спрос на промтовары в размере, вероятно, 16-17 проц.

Таким образом, эти примерные исчисления, касающиеся структуры спрос-ский спрос даже в *его целом* составляет лишь одну пятую или одну четвер-са на промтовары на предстоящий 1928-29 год, показывают, что деревен-тую всего совокупного спроса на промтовары.

Что касается других частей спроса (т.-е. трех четвертей или даже четы-рех пятых его!), то ведь *здесь налицо тоже «отставание»!* В частности, и сама промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъ-являет и бешеный спрос на промтовары же, но *не может* его удовлетворить. Когда Троцкий говорит, что промышленность отстает от роста деревенского спроса, от роста сельского хозяйства, то этот аргумент лишь на первый взгляд может выглядеть убедительно. Но вот при внимательном анализе оказывается, что *промышленность «отстает» от самое себя!* Что это значит? «Промышленность отстает от самое себя». Как понимать эту фор-мулу? А это значит, что *промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития*. Вот тот вывод, который обходится сверхинду-стриалистом Троцким и замазывается рассуждениями о деревенском спросе на промтовары, рассматриваемом изолированно от всего совокупного спроса на промтовары. А «натываться» на границы означает следующее: 1) оче-видно, взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности (напр., явное отставание металлургии); 2) очевидно, взя-ты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего произ-водства промышленности и ростом капитального строительства (как про-

мышленности, так и всего обобщественного сектора в целом): если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено (по техническим условиям) больше определенной величины, то *нельзя* сочинять программы строительства, *превышающие* этот предел, и вызывать этим спрос, который не может быть покрыт, ибо сколько ни форсируй строительство дальше все равно из воздуха не сделаешь фабричных зданий и жилищ (к этому вопросу мы еще вернемся при обсуждении проблемы капитальных затрат); 3) очевидно также, что границы развития даны *производством сырья*: хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. равным образом не могут быть добыты из воздуха. Но как ведомо всем, эти предметы суть продукты *сельскохозяйственного производства*, и их недостаточность является причиной недостаточного развития валовой продукции промышленности, которая не может, в свою очередь, покрыть целиком ни спроса городского, ни спроса деревенского населения. Если, следовательно, налицо недовыпуска сырья плюс недовыпуска хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недовыпуск» экспорта и недовыпуска импортных товаров), плюс недовыпуска строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверхиндустриалистской» программы.

Подводя общие итоги, нужно сказать: 1) *По основным фондам, по валовой и товарной продукции темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства*; 2) *Зерновое хозяйство, поставленное в крайне невыгодные условия, угрожающе отстает даже от минимально необходимых темпов*; 3) *Спрос со стороны деревенского населения наполовину является неземледельческим спросом, и сам в значительной мере порождается развитием крупной промышленности, обобщественного хозяйства*; 4) *Дальнейшее увеличение темпов в развитии индустрии определяется в значительной мере сельскохозяйственными сырьевыми и экспортными лимитами*; 5) *Очевидно далее, что при распределении средств внутри промышленности (а в части капитального строительства — внутри всего обобщественного сектора) нужно добиться всестороннего учета всех факторов, определяющих «более или менее бескризисное развитие» (из резолюции XV съезда), более правильное сочетание отраслей промышленности и отраслей обобщественного сектора.*

Из всего комплекса вытекающих отсюда проблем на первое место становятся проблемы *капитального строительства и зернового хозяйства*. Что касается последнего вопроса, то партия в своих решениях — в особенности в своих последних решениях — подчеркнула все его огромное значение: отсюда выпрямление политики цен, отсюда постановка вопроса о совхозах и колхозах, отсюда необходимость громадных практических усилий в данной области. Разумеется, *если бы* не было угрожающего отставания зернового хозяйства, его дробления, понижения его товарности и т. д., то целесообразнее было бы, пожалуй, деньги, ассигнуемые на совхозы, вложить, скажем, в производство черного металла, которое является «узким местом» нашей промышленности. Однако, даже «сверхиндустриалисты» не решаются напасть на совхозы. Почему? Потому что очевидно именно отставание зернового хозяйства. «Чисто производственная» точка зрения, т.-е. точка зрения «увеличения продукции» (Ленин), совпадает здесь с

точкой зрения «классового замещения», постепенного замещения капиталистических элементов сельского хозяйства возрастающей коллективизацией индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, *укрупнением* и обобществлением сельскохозяйственного производства. Эта огромная, новая проблема, которая отнюдь не предполагает пренебрежительного отношения к индивидуальному трудовому хозяйству, а, наоборот, должна решаться *на подьеме индивидуальных хозяйств* (именно так ставил вопрос тов. Ленин), требует особого внимания и особого напряжения усилий именно благодаря своей новизне. Это есть, до известной степени, крупное капитальное строительство в сельском хозяйстве, требующее и *новой техники* (тракторизация, механизация, химизация и т. д.) и *квалифицированных кадров*. Подъем индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, ограничение кулацкого хозяйства, строительство совхозов и колхозов, при правильной политике цен, при кооперировании масс крестьянства и т. д. должны выправить крупнейшую хозяйственную диспропорцию, находившую свое выражение в стабильности и даже регрессе *зерновых культур и в слабом развитии сельского хозяйства вообще*. В общем и целом при составлении наших планов необходимо помнить о директиве XV съезда: *«Неправильно исходить из требований максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей хозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны»*.⁷

III

Осью всех наших плановых расчетов, всей нашей хозяйственной политики должна быть забота о постоянно развивающейся *индустриализации страны*, и партия будет бороться против всякого, кто задумает свернуть нас с этого пути. Со всех точек зрения (развития производительных сил, развития сельского хозяйства, роста удельного веса социализма, укрепления смычки внутри страны, укрепления международного экономического веса, обороноспособности, роста массового потребления и т. д., и т. п.) индустриализация СССР есть для нас *закон*. При этом нужно постоянно иметь в виду, что наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической тем, что она проводится *пролетариатом*, в целях *социализма*, что она *по-другому, по-иному* воздействует на крестьянское хозяйство, что она *по-другому, по-иному* «относится» к сельскому хозяйству вообще. Капитализм создавал *приниженность* сельского хозяйства. Социалистическая индустриализация это не паразитарный по отношению к деревне процесс (при капитализме, несмотря на развитие сельского хозяйства под влиянием индустрии, элементы такого паразитизма налицо), а средство ее величайшего *преобразования и подьема*. Индустриализация страны означает поэтому и индустриализацию сельского хозяйства, и тем самым

она *подготавливает* уничтожение противоположности между городом и деревней.

Понятно, что процесс индустриализации не может идти одинаково плавно на всех ступенях развития. Понятно также, что он ставит нас перед труднейшими проблемами: в полунищей стране необходимо собрать и производительно применить, превратив в новую технику, новые здания и т. д.. огромные суммы «капитала». Проблема *капитального строительства* выдвигается поэтому на первый план. Здесь мы сталкиваемся с труднейшими и сложнейшими задачами, которые никак не могут быть решены ни криком, ни «интуицией», ни другими аналогичными качествами. Здесь нужно вдумчивое изучение проблемы, здесь неуместно какое бы то ни было дилетантство, здесь необходима коллективная проработка вопроса, здесь необходим *счет*.

Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы *все* должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в достаточной мере нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос, вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения.

Прежде всего, при составлении программ капитального строительства необходимо иметь в виду директиву партии о *резервах* (валютных, золотых, хлебных, *товарных*). За последнее время вошло в очередную «моду» по-малкивать насчет политики резервов:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
О том, что очень близко,
Мы лучше помолчим.

Однако, хотя «молчание» — золото, а золота у нас мало, все же играть в молчанки тут никак нельзя. У нас не только нет резервов, но перебои в снабжении, «очереди» и «хвосты» стали «бытовым явлением», в значительной мере дезорганизующим и нашу *производственную* жизнь.

Мы говорим о том, что в известной мере ошибки планового руководства неизбежны, что затруднения у нас велики, что международная обстановка напряжена. Можно ли при этих условиях хозяйствовать *без резервов*? Политика, постоянным спутником которой было бы отсутствие резервов, по-пахивала бы авантюризмом. Именно поэтому партия в последние годы ставила проблему резервов во главу угла. Но эта директива до сих пор выполнялась явно недостаточно. *Нужно создать здесь решительный перелом*, ибо партия выносит свои резолюции вовсе не для забавы. В настоящее время нет ровно никаких оснований для ревизии решений XIV и XV съездов о резервах. Наоборот, вся обстановка диктует нам *выполнение* этих решений. Мы специально интересовались вопросом о том, как обстоит дело с выполнением этой директивы при составлении наших перспективных наметок. Возьмем, напр., последние наметки, имеющиеся в области проектировки пятилетки промышленности. У меня такое впечатление, что при составлении контрольных цифр пятилетки в ВСНХ о политике резервов позабыли и подумать. Так, из отчета «*Экономической Жизни*» видно, что слишком большие требования, предъявляемые пятилеткой к бюджету, де-

лают ее «*нереальной*».⁸ А «нереальность», это недостаток «довольно» существенный.

Понятно, что вопрос о резервах стоит в ближайшей связи и с вопросом о *производительном* потреблении (в том числе и капитальном строительстве) и с вопросом о *личном* потреблении (личном потреблении масс). Общеизвестно, что здесь у нас струна натянута крайне туго. *Натягивать ее дальше, еще более обострять товарный голод невозможно.* XV съезд и здесь дал совершенно правильную директиву:

«Нельзя... исходить из одностороннего *интереса накопления* в данный отрезок времени (как того требовал тов. Троцкий...) или исходить из одностороннего *интереса потребления*».

К сожалению, и в вопросе о товарном голоде и пятилетних перспективах промышленности перед нами такая же картина, как в вопросе о резервах. Отчет «Экономической Жизни» говорит о представленной пятилетке промышленности, что здесь *отсутствует баланс спроса и предложения* (см. речь тов. Межлаука). Если план, который составляется в период кризиса снабжения, не проанализирован под углом зрения баланса спроса и предложения,⁹ то это, конечно, не «внешний» недостаток, не «формальная» промашка, а глубокий *внутренний порок.* *Острота товарного голода должна быть решительно смягчена и притом не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы. Первые шаги в этом направлении нужно сделать теперь же.*

Необходимо далее поставить вопрос о *материальных элементах* капитального строительства. Для того, чтобы индустриализация страны проводилась в жизнь, а не оставалась на бумаге, для того, чтобы капитальное строительство было реальностью, а не бюрократической «игрой в цифирки» (Ленин), необходимо обеспечение не только соответствующего количества *денег*, выражающего собой спрос на строительные материалы и т. д., но и соответствующее *предложение* этих последних, их физическое, натуральное бытие, их простая наличность, притом не их будущая «наличность», а их наличность в настоящем, ибо из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие» фабрики даже по Бем-Баверку. У нас, однако, часто становятся на какую-то странную точку зрения своеобразного «*денежного фетишизма*», полагая, что деньги будут — все будет. Между тем, если у нас нет налицо тех или других материалов в нужном (с учетом экономии) количестве, и если для их производства требуется период, выходящий за рамки того времени, когда они должны быть производительно потреблены, то не выручат никакие деньги. Можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится. Можно надеяться на правило: «авось проскочим!», можно играть в чет-и-нечет, «загадывать» и т. д., но, увы, объективные соотношения выполнят все равно на свет Божий.

Как же, однако, у нас обстоит дело здесь на ближайший год? Отчет дает следующая таблица:

БАЛАНС СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА 1928-29 ГОД

Материалы	Емкость	Производство	Дефицит или избыток	Тоже в %%
Цемент (в тыс. б.)	15.100	13.460	— 1.640	— 10,8%
Кирпич (млн. шт.)	2.677	2.445	— 232	— 8,7%
Алебастр (в т. т.)	335	281	— 54	
Известь (в т. т.)	734	700	— 34	
Мел (в т. т.)	250	252	+ 2	
Огнеупорные матер. (в т. т.)	758	683	— 45	
Лес пиленный (т. к. м.)	10.368	10.191	— 177	
Стекло оконное (т. т.)	184,8	158,2	— 32	— 17,4%
Балки швеллера (т. т.)	208,8	147	— 61,8	— 29,7%
Проволока катан. (т. т.)	157,3	122	— 35,3	— 22,4%
Сортов. жел., фасон и сталь (т. т.)	1.246.6	958	— 288,6	— 23,2%

Эти данные¹⁰ показывают, что если по кирпичу и цементу были приняты кое-какие меры (хотя 8,6 проц. и 10,8 проц. все же — больше, чем «достаточный» дефицит), то дефицит по стеклу, балкам и швеллерам, проволоке, сортовому железу и стали чрезвычайно высок. К сожалению, автор статьи, откуда мы заимствуем эти цифры, не объясняет, при каком именно приросте физического объема строительства будут иметь место эти дефициты. Но если это исчисление дефицитов правильно, то перед нами вырисовывается довольно сложная задача: как же *строить на деле*, если не хватает 20 проц. строительного металла? И нельзя ли здесь иметь более точный подсчет и программы, рассчитанные на *реальные* балки и железо, а не эфирные и воображаемые?

Интересно проследить положение вещей на наиболее отсталом фронте нашей крупной промышленности, на фронте *черной металлургии*, производящей чугун, рельсы, балки, швеллера, листовое, кровельное и оцинкованное железо, жечь, трубы железные и чугунные, катанку и др. Здесь «Контрольные цифры баланса черных металлов на 1928-29 год» дают нам такую картину развития по 3-м годам:

	1926-27 г. %% удовлет. потребн.	1927-28 г. %% удовлет. потребн.	1928-29 г. %% удовлет. потребн.
1. Транспорт	95,1	91,0	87,0
2. Наркоматы и учрежд.	97,5	96,0	78,5
3. Металлопром. ГУМП	91,5	87,4	77,2
4. Металлопром. местная	75,2	87,2	66,0
5. Проч. неметаллич. пром.	81,3	81,8	77,5
6. Коммун. хоз. и строит.	79,4	73,6	57,7
7. Кустарн. пром.	62,4	67,8	48,5
8. Индивид. потреб. города и села ..	68,2	60,5	56,6
Итого	82,3	80,0	71,0 ¹¹

Таким образом, дефицит (*дефицит!!*) быстро возрастает (*возрастает!!*) по всем решительно категориям потребителей.

Для того, чтобы понять, каким же это образом получается такой парадокс, что у нас идет по всей линии — и по личному потреблению и по потреблению производительному — рост дефицита, так обостряющийся как раз на 1928-29 год, нужно посмотреть, как проектируются у нас цифры прироста капитального строительства.

Какую директиву давал на этот предмет XV съезд партии?

«В вопросе о темпе развития необходимо... иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший год* или несколько лет, а из такого соотношения, которое обеспечило бы *длительно* наиболее быстрый темп развития...

В области соотношения между развитием *тяжелой и легкой индустрии* равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести с производства средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупном строительстве, реализующихся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии».

Как мы видим, XV съезд партии был очень осторожен. В вопросе о темпе XV съезд прямо говорил *против* бешеного разгона темпа на первые годы и последующего неизбежного снижения. Как же в ходе работ выполняется *эта* партийная директива? К сожалению, у нас нет свежих материалов о предположениях по капитальному строительству всего обобщественного сектора. Но вот данные о проектировании капитального строительства по промышленности (т.-е. примерно о 35 проц. всего обобщественного строительства).

Прирост капитальных вложений в процентах к предыдущему году составляет по вырабатываемой пятилетке (*к счастью, не принятой Президиумом ВСНХ*):

1929/30	30/31	31/32	32/33
+ 39,6%	+ 7,3%	— 1%	— 8,3% ¹²

Таким образом, здесь поступлено «как раз наоборот». В 1929-30 году дан разгон почти на 40 проц. прироста только для того, чтобы эта цифра слетела до 7, а затем до — 1 и, наконец, до — 8. Не ясно ли, что это — проектировка без *установки*? Какие предпосылки легли в основу акробатических salto mortale в области *такого* серьезного дела, как капитальное строительство? На эти вопросы нельзя найти сколько бы то ни было удовлетворительного ответа. Эти фантастические курбеты покрывают без всякого дефицита самый пылкий спрос на «товары» *плохого* качества...

Нельзя ли и здесь, в вопросе о темпе, потребовать *точного* выполнения решений XV съезда?

Ведь перенапряжение капитальных затрат: 1) не будет сопровождаться *реальным* строительством такого объема, 2) неизбежно через некоторое время поведет к свертыванию уже начатых работ, 3) крайне неблагоприятно

ятно отразится на других отраслях производства, 4) обострит товарный голод по всем линиям, 5) в конечном счете *снизит темп развития*.

Такое положение вещей в условиях стабильных и полустабильных цен имеет еще отрицательное воздействие на *денежную систему*. Но эта тема особого порядка, хотя и *в высшей степени важная*.

Для всякого коммуниста понятно, что нужно идти вперед так быстро, как это *возможно*. Понятно, что нам в высокой степени не желательно снижать *уже достигнутый* темп, который — это нужно помнить — мы достигли ценою величайшего напряжения бюджета, ценою отсутствия резервных накоплений, ценою сокращения доли потребления и т. д. Мы идем с напряжением *огромным*. И нужно понять, что если мы должны *сохранить* (а не раздуть!) этот темп и в то же время: 1) смягчить товарный голод, 2) сдвинуть вперед дело с резервами, 3) обеспечить более бескризисное развитие, — то для этого нужно принять ряд самых решительных мер, обеспечивающих большую эффективность строительства, *большую производительность всех наших производственных единиц и гораздо большую производительность новых, входящих в процесс производства, предприятий*, — эффективность и производительность, серьезно превышающие теперешние требования в этой области.

Конкретные обследования РКИ показали, что здесь у нас уйма непроизводительных трат и расходов. Эти *faux frais*, связанные с рядом организационных вопросов, нужно свести до минимума. Нужно зверски работать над снижением индекса строительных материалов. Нужно зверски уменьшать период производства (то, что строят в Америке два месяца, у нас строят около 2 лет!). Нужно в значительной мере изменить *тип* строительства (слишком тяжелые здания и т. п.). Нужно гораздо более экономно расходовать материалы (у нас, например, расходуется в 1½-2 раза больше металла, чем это необходимо). Вся эта рубрика в целом может дать *гигантскую* экономию, если принять во внимание, что капитальное строительство в промышленности составляет только *одну треть* совокупного строительства по обобществленному сектору (1,25-1,30 млрд. рублей по промышленности без электростроительства из общей суммы в 3,4 млрд. руб. за 1927-28 год).

Высвобождающиеся суммы должны пойти: 1) на смягчение напряженности на рынке, которая бьет и промышленность, и все общественное хозяйство, и рабочих, и крестьян (как мы это видели выше из анализа структуры спроса), и нашу денежную систему; 2) на образование *резервов*; 3) на сохранение реально нами достигнутых темпов.

Одновременно необходимо всемерно подымать производительность наших предприятий, снижать себестоимость продукции (обеспечить действительное массовое производство продукции). Новейшие изобретения, важнейшие технические достижения вообще, серьезная рационализаторская работа, втягивание масс, развитие и применение *науки*, роль которой должна быть теперь повышена *в несколько раз*, — все это должно стоять в центре нашего внимания. Нужно покончить с российским провинциализмом: мы должны следить за каждым движением научно-технической мысли Европы и Америки и использовать каждый их действительный шаг вперед; мы должны научно поставить дело нашего статистического учета; мы должны кон-

чать — и возможно скорее — с неразберихой, дерганием и проч. в системе нашего хозуправления. Мы должны научиться *культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода*.

Эту задачу возможно решить, лишь поняв следующее: *мы не перестроили так своих рядов, как того требует реконструктивный период*.

У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы *слишком* все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны? Это вовсе не значит «распускать возжи». Наоборот. Основное руководство, важнейшие вопросы должны гораздо тверже, более жестко (*но зато и более продуманно*) решаться «в центре». Но в строгих рамках этих решений действуют уже нижестоящие органы, отвечающие за свой круг вопросов и т. д. Гиперцентрализация в ряде областей приводит нас к тому, что мы сами лишаем себя *добавочных сил, средств, ресурсов и возможностей*, и мы не в состоянии использовать всю массу этих возможностей благодаря ряду бюрократических преград: мы действовали бы гораздо более гибко, маневренно, гораздо более успешно, если бы, начиная с отдельного госпредприятия, были бы в состоянии больше применяться к реальным, конкретным условиям и не делать поэтому тысяч маленьких и больших глупостей, которые в сумме «влетают в копеечку».

* * *

Хлебозаготовительный кризис сигнализировал нам крупные опасности. Экономика обернулась здесь и своей классовой стороной.

Эти опасности еще не изжиты, и нужна еще большая работа, чтобы они были изжиты. В стране, несомненно, колобродят враждебные нам силы: кулачество в деревне, остатки старых и новые буржуазные группировки в городах. В побрах нашего гигантского аппарата гнездятся тоже элементы бюрократического перерождения с их полным равнодушием к интересам масс, их быту, их жизни, их материальным и культурным интересам. Если активные идеологи мелкой и средней буржуазии протягивают свои щупальцы и тихонечко пробуют колебать нашу политическую линию (таковы противники индустриализации, противники совхозов, колхозов и т. д.), то чиновники «чего изволите?» готовы выработать какой угодно, хотя бы сверхиндустриалистский план, чтобы завтра хихикать над нами в «узком кругу», а послезавтра итти под руку с нашими противниками. У рабочего класса есть, однако, масса козырей на руках. В борьбе с классовыми врагами, усиливающими свою политическую активность, пролетариат, опираясь на бедноту, организуя ее силы против кулачества, развертывая смелую самокритику в своих рядах, будет все успешнее преодолевать и свои собственные недостатки. Мы растем и мы можем расти, и мы будем расти с меньшими потрясениями, если станем культурнее и научимся лучше управлять. Именно об этом говорил в последнее время тов. Ленин.

¹ См. «Контр. цифры» Госплана на 1927-28 год, стр. 16.

² Данные берем тоже из контрольных цифр Госплана, только не на 1925-26 г. (как это делал Троцкий в 1925 г.), а на 1927-28 г. (стр. 520-521, — проценты вычислены нами, — 464-467), кроме данных по ВСНХ-овской промышленности, которые взяты из «Сводного Промфинплана» на 1927-28 г. (стр. 97 и 99). Необходимо иметь в виду, что данные Госплана на 1927-28 г. оказались для промышленности преуменьшенными, а для сельского хозяйства — несколько преувеличенными. Более свежие данные тт. смогут получить из «Контрольных цифр» Госплана на 1928-29 г., которые, вероятно, скоро выйдут из печати.

³ «Контрольные цифры» Госплана на 1927-28 г., стр. 16.

⁴ «Контрольные цифры» на 1927-28 год, стр. 468.

⁵ Ibidem, стр. 464, 465.

⁶ Под «спросом» в данном случае понимается не только денежный спрос, но и «спрос», удовлетворяемый, допустим, данным производственным объединением его же собственной продукцией (например, спрос передельных заводов Югостали на чугун, производимый самой же Югосталью, и т. д.).

⁷ Резолюция XV съезда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

⁸ См. «Эконом. Жизнь», № 188: «Проблемы пятилетнего плана».

⁹ Судя по некоторым примерным исчислениям, дефицит по КЦ пятилетки чрезвычайно возрастает.

¹⁰ См. *Барский*: «Промышл. строит. материалов», «Эк. Жизнь», № 220. Проценты вычислены нами.

¹¹ «Контр. цифры баланса черных металлов на 1928-29 г.», издание (и данные) ВМС. Стр. 8-9.

¹² «Экон. Ж.», № 188. Газета не дает процента для 1928-29 г., но, судя по более поздней информации, этот процент достигает 25.

VIII

Политическое завещание Ленина

1929

К началу 1929 года Бухарин в борьбе против Сталина уже потерпел поражение, публичного же сообщения о разрыве не появлялось в продолжение нескольких месяцев. Прибегнув к последней попытке изменить ход событий с последних месяцев 1927 года, Бухарин воспользовался случаем, который представился на собрании, отмечавшем день смерти Ленина, чтобы выступить со своим толкованием ленинизма. Эта речь, как указывается во вступлении, была новым подтверждением основной теории Ленина — и Бухарина — о социалистическом строительстве в России. Речь была одновременно опубликована в «Правде» и «Известиях» (24 января 1929 года), а также выпущена отдельной брошюрой издательством «Правда» и «Беднота», откуда и взят наш текст. Но эта речь была лебединой песнью Бухарина, как политического руководителя, а также прелюдией его падения: уже никогда более не была дана ему возможность выразить свои взгляды открыто и беспрепятственно. Речь эта явилась вехой окончания одной из критических фаз советского коммунизма, — фазы, вызванной к жизни Лениным и приведенной к апогею Бухариным, и ознаменовала собою начало новой фазы, отождествляемой со Сталиным. Надлежащим образом, темой этой речи было политическое завещание, составителем которого Бухарин был в такой же мере, как и Ленин.

VIII

Lenin's Political Testament

1929

By the start of 1929 Bukharin had already lost the struggle against Stalin, though a public disclosure of the rift was not made for several months. In a final effort to reverse the course of events since late 1927, Bukharin took advantage of an opportunity provided by a memorial meeting commemorating Lenin's death to deliver an exegesis of Leninism, which, as seen in the introduction, was a restatement of Lenin's and Bukharin's—basic theory of socialist construction in Russia. The speech was published simultaneously in *Pravda* and *Izvestiia* (January 24, 1929) and also separately by "Pravda" and "Bednota," the source of the text reprinted here. It was, however, Bukharin's swan song as a political leader and the prelude to his fall, for he was not again afforded an opportunity to express his views openly and without restraint. This speech marked the end of one crucial stage in the history of Soviet Communism, inaugurated by Lenin and brought to its culmination by Bukharin, and the start of a new one identified with Stalin; fittingly, it dealt with a political testament that was as much Bukharin's as Lenin's.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Доклад на траурном заседании, посвященном
пятилетию со дня смерти Ленина

Товарищи! Творения великих людей, — а одним из величайших людей был наш покойный учитель и вождь, — представляют собою чудесную сокровищницу идей. Из замечательного многообразия этой сокровищницы приходится выбирать. Приходится ограничивать свою тему, ибо богатства идейного наследства неисчерпаемы и необъятны. Я ограничиваю поэтому тему своего выступления *политическим завещанием Ленина*, то-есть совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву. Я буду говорить о проникновенном и гениальном плане всей работы, оставленном партии, которую Ленин создавал, которую он вел, которую он привел к победе, которой он руководил в героические железные дни гражданской войны, которую он перестраивал и вел снова в бой в начавшуюся эпоху *великих хозяйственных работ*.

Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях: «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации». Все эти статьи, если приглядеться к ним внимательно, представляют собой не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного *большого плана* ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной *перспективы*, которую провидел гениальный и острый взгляд полководца мировых революционных сил.

Я очень хорошо знаю, что все эти статьи неоднократно цитировались, что почти каждая фраза этих статей подвергалась изучению. Но есть до сей поры один пробел, который мне хочется заполнить на настоящем торжественно-траурном вечере. Этот пробел заключается в том, что до сих пор не было сделано — насколько мне известно — попытки разобрать все эти статьи *в их взаимной связи*, понять их именно как частицу большого перспективного плана всей нашей коммунистической работы.

На перевале к шестому году со дня мучительной кончины нашего учителя, может, пожалуй, появиться опасение: не мудрствуем ли мы здесь через край, не связываем ли мы задним числом сами, и притом искусственным образом, то, что у Владимира Ильича было только отдельными, хотя и гениальными замечаниями? В самом деле, что общего между оценкой всей нашей революции и замечаниями о том, как реорганизовать Рабкрин? А тем не менее, сам автор статей смотрел на них, как на выражение некоторого целостного плана.

Как раз в статье о Рабкрине, — казалось бы, здесь «только» «частный» вопрос! — Ленин пишет: «Вот как я связываю в своих мыслях *общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина*».

Если мы внимательно присмотримся к предсмертным статьям Ленина, мы увидим, что в них есть и общая оценка нашей революции с точки зрения возможности строительства социализма в нашей стране, и общие резко очерченные линии нашего развития, и очень глубокий, хотя и очень краткий анализ международной обстановки, и основы нашей стратегии и тактики, и вопросы нашего экономического строительства, и вопросы культурной революции, вопросы об основных классовых соотношениях, о *госаппарате*, об *организации масс*, наконец, об организации нашей партии и ее руководства. В сущности говоря, нельзя назвать *ни одного* сколько-нибудь крупного вопроса нашей политики, анализ которого не находил бы себе места в этом общем плане, развитом тов. Лениным в его последних директивах. Эти главнейшие вопросы политики Ленин развивал не с точки зрения моментальной и быстро проходящей конъюнктуры: он ставил их с точки зрения «большой политики», широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги нашего развития. Его анализ — не крохоборческий анализ маленького участка, а громадное полотно, на котором с необычайной мощью, убедительнейшей простотой и выразительностью изображена тяжелая поступь исторического процесса. Из этого анализа Ленин делает громадные выводы: по этому же анализу он соподчиняет и сравнительно второстепенную организационную деталь. Изобразить весь план Ильича как целое — вот задача, которую я себе ставлю сегодня.

I. Общая оценка нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства

Начну прежде всего с вопроса об *общей оценке нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства в нашей стране*. Этому посвящена статья, которая так и называется: «*О нашей революции*». С первого (поверхностного) взгляда можно счесть эту статью случайной, почти рецензионной «заметкой». Это, однако, вопиюще-неверно. По своим мыслям «заметка» «*О нашей революции*» является одним из самых оригинальных и самых смелых творений Владимира Ильича. Он, конечно, не случайно выбрал тему «*О нашей революции*», т.-е. об оценке этой революции и ее возможностей *в целом*. Он предвидел, что могут возникнуть разные сомнения относительно строительства социализма в нашей стране; он знал, что нашему рабочему классу придется, быть может, пережить не одну волну разных «атак» и со стороны партий, которые когда-то действовали в качестве активных политических врагов внутри нашей страны, и со стороны их преемников, и со стороны отщепенцев нашей собственной партии. Он отлично понимал, что различные трудности строительства могут ставить снова и снова перед колеблющимися интеллигентами вопрос о возможности социализма в нашей стране; что найдутся скрытые поклонники «нормальных», капиталистических, отношений; что сменевеховские рос-

сказни о великой пользе Октябрьской революции с точки зрения уничтожения старых дворянских гербов, феодальных конюшен и царского средневековья, но в *то же* время и с точки зрения благоденствия и грядущей победы *наш*мана, — будут время от времени разогреваться. Мы отлично знаем, что такие сомнения были, что они кое-где есть, и что они, по всей вероятности, известное количество времени *будут*.

Вот почему Ленин еще раз поставил *коренной* вопрос «О нашей революции», о *характере* нашей революции, об *оценке* ее в целом.

Тов. Ленин ставит коренной вопрос: утверждают, что у нас не было достаточных объективных экономических и культурных предпосылок для перехода к социализму. Хорошо. Но это еще не решает дела. Чего не понимают педанты-каутскианцы? Они не понимают того основного, что если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть *особые исключения*, определяемые *своеобразием* внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно: сочетанием *крестьянской войны с пролетарской революцией*. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригинальная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы *сначала* завоевываем себе «рабоче-крестьянскую власть», а *потом* уж должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы». Эти чрезвычайно смелые рассуждения необходимы Владимиру Ильичу и для того, чтобы протянуть отсюда нитку для дальнейшего. *Если* у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том *особом* сочетании классовых сил, которое было учтено еще Марксом, то это «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» (т.-е. союз рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса¹ должно быть продлено и удержано во что бы то ни стало; ибо если *лишиться* этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадает вся основа развертывания *социалистической* революции в нашей стране.

Оценивая еще раз «нашу революцию» как социалистическую, отбив самые основные аргументы людей, кокетничающих с возвратом к «здоровому капитализму», к буржуазной реставрации, охарактеризовав «нашу революцию» во всем ее объеме, Ленин с необыкновенной заботливостью ставит и самый общий вопрос о *характере развития «нашей революции»* и, следовательно, об *основах*, о *направлении нашей тактики*. Ленин предвидит опасность того, что люди, прикрываясь революционной фразой, не поймут всего *огромного*, решающего, принципиального изменения, которое происходит во всем развитии общества после завоевания власти пролетариатом.

II. Общее направление нашего развития и генеральная установка политики

Отсюда, — опять-таки необыкновенно смелая, яркая, отчетливая и необычно энергичная формулировка этого вопроса. Ее Владимир Ильич дал в своей замечательной статье «О кооперации».

В этой статье тов. Ленин пишет:

«Мы вынуждены признать *коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм*».

Когда и где с такой резкостью формулировался этот тезис? Я утверждаю, что из всех сочинений наиболее отчетливо и со всей суровой и страстной политической энергией этот тезис сформулирован именно в статье «О кооперации».

«Мы вынуждены признать *коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм*», — пишет тов. Ленин.

«Эта коренная перемена состоит в том, что *раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу*. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на *культурничество*, если бы не *международные* отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться *внутренними экономическими отношениями*, то у нас, действительно, теперь центр тяжести работы *сводится к культурничеству*».²

Это вовсе не значит, что Ленин здесь отрицает классовую борьбу, ибо «мирная организационная» «культурническая» работа есть тоже *особая форма* классовой борьбы. Это значит, что пролетариат ведет за собой *весь* трудящийся народ, что он отвечает за развитие *всего общества* в целом, что он становится великим коллективным организатором *всего «народного хозяйства»*, что направление развития *не* идет по линии раздвигания пропасти между основными классами (рабочим классом и крестьянством), что дело идет отнюдь *не* к «третьей революции» и т. д.

Разумеется, действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни», в действительности сложнее: сложнее могут оказаться и объективные условия, и не совсем идеальной может оказаться наша тактика. Поэтому реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда мы не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Было бы, конечно, абсолютно неправильно, если бы мы не учитывали особых черт каждого отдельного этапа нашей борьбы. Но в то же самое время основные положения тов. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги.

III. Международная обстановка и ее оценка

В своем политическом завещании Ленин отнюдь не ограничивается этими общими вопросами: от общего он идет к частному, ко все более конкретному и рукой мастера набрасывает все более живые и яркие краски, ставя все более и более животрепещущие проблемы. Владимир Ильич был международным революционером, первоклассным марксистом-теоретиком, и, само собой разумеется, он понимал, что наиболее крупные трудности, наиболее коварные угрозы и опасности связаны с нашим *международным положением*. Мы забываем подчас, что писал Владимир Ильич в своем политическом завещании насчет нашего международного положения, а между тем там дан анализ, который, за немногими исключениями, подтвердился всем дальнейшим ходом мировых событий. В одном пункте жизнь внесла крупнейшую поправку, пункте, который я ставлю первым. Тов. Ленин так изображал международное положение: 1) В Западной Европе раскол империалистических государств: Германия лежит на дне, Германию клюют страны-победительницы и не дают ей подняться. Этот пункт в значительной мере «снят»: Германия, как известно, поднялась под живительным американским золотым дождем, хотя и натывается на огромнейшие трудности. 2) С другой стороны, — анализирует положение Ленин, — победители, т.-е. Франция, Англия, Соед. Штаты, Япония, на основе своих побед могут укрепить свою власть, могут делать рабочему классу уступки, которые «все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие социального мира».³ Эта формулировка точна, правильна и в должной мере осторожна. 3) В то же время назревает революционное движение в странах Востока (Индия, Китай и т. д.) — в революционный водоворот втягивается большинство человечества. 4) Зреют внешние конфликты между, — как пишет В. И., — *«преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока»*. 5) Зреют противоречия и конфликты между контрреволюционными империалистами и *национально-революционным движением* на Востоке, материальные силы которого еще малы. 6) Зреет конфликт между империализмом и страной Советов.

Тогда, когда Владимир Ильич писал эти строки, мы не ставили вопроса относительно стабилизации капитализма — не было характеристики этой стабилизации. А Владимир Ильич по сути дела дал в основном тот анализ, до которого мы с огромнейшим трудом доработались лишь в течение целого ряда последующих лет. Владимир Ильич ни капли не боялся быть заподозренным в оппортунизме или каком-нибудь подобном смертном грехе и писал, что победившие империалистические государства будут «преуспевать»; а с другой стороны, он отмечал и те *противоречия*, которые рождает капиталистическая стабилизация. И, — что особенно интересно, — Владимир Ильич связывал следующий революционный взрыв непосредственно с *грядущей войной*.

Что касается крупных *народных движений*, то в первую очередь он искал их на Востоке, там видел он революционную ситуацию и возможность непосредственных революционных взрывов больших народных масс. Разве история не оправдала полностью этого прогноза?

IV. Основы нашей стратегии и тактики с точки зрения международной обстановки

В свете этого анализа международной обстановки Владимир Ильич определял и основы нашей стратегии и нашей тактики.

Тов. Ленин рассматривал наше международное положение в первую очередь с точки зрения *военной опасности*. Это он безусловно считал *основным*.

В самом деле, *как* он ставил вопрос? Как он *его* формулировал?

«Какая тактика *предписывается* нам таким положением?»

«Можем ли мы *спастись* от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?»

Какой тактики мы должны держаться, чтобы «помешать западно-европейским контрреволюционным государствам *раздавить* нас»?⁴

Кто знает точность выражения у Владимира Ильича, кто знает, насколько целомудрен был Владимир Ильич в обращении с «большими» словами, и кто вспомнит, что речь идет о его *политическом завещании*, тот не может в этих постановках вопроса не прочесть глубочайшей тревоги (тревоги серьезного мыслителя и мудрого стратега) за судьбы всего социалистического строительства, за судьбы всей революции. Ленин отнюдь не был легкомысленным «ура-патриотом», он серьезно учитывал могущественные силы врагов. Он *открыто* говорил и о наших слабостях, призывал *массы* к их преодолению. Он, прежде всего, указывал на *низкую производительность народного труда*. Он отмечал, что империалистам не удалось уничтожить советское государство, но удалось его разорить, затруднить его развитие, затормозить это развитие, т.е., что им удалось решить задачу наполовину («полурешение задачи»).

Нужно признать, что хотя мы и сделали большой скачок в область экономического и культурного развития, но мы живем вместе с тем в обстановке *полублокады*. А что касается «низкой производительности народного труда», то хотя мы и здесь сделали крупнейший скачок вперед, но, по сравнению с Западной Европой и Америкой, мы все еще находимся на чрезвычайно низкой, полуварварской ступени развития.

Но как же отвечал на поставленные выше вопросы сам Владимир Ильич? Он отвечал чрезвычайно осторожно. Он говорил: решение *общего* вопроса об исходе гигантской борьбы зависит от «многих обстоятельств», которые заранее учесть нельзя. *В конечном счете*, однако, наша победа основана на силе исполинской *массы*. Основная масса человечества (СССР, Индия, Китай и т. д.) решит исход борьбы. Однако, этот исход предполагает определенную тактику.

Итак:

«Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны?»

Очевидно, следующая: мы должны проявить *в величайшей степени осторожность* для сохранения нашей рабочей власти, для *удержания под ее авторитетом и под ее руководством мелкого и мельчайшего крестьянства*»⁵

Таким образом, когда Ленин ставил вопрос, что же является *основной внутренней гарантией* в борьбе против нападения империалистов, что является *основным тактическим правилом*, необходимым, чтобы революция пролетариата победила в борьбе против контрреволюционных западно-европейских правительств, он отвечал: *величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству*. В другом месте той же статьи он ясно, точно и с крайней скупостью в словах дал формулировки, которые тем более выразительны, чем более они кратки:

«Нам следует держаться такой тактики или принять *для нашего спасения следующую политику*:

Мы должны построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое *руководство над крестьянами*, *доверие* крестьян по отношению к себе и с *величайшей экономией* изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии...»

На первый взгляд это как-будто бы маловато для «нашего спасения» при нападении западно-европейских капиталистических держав. Но дальше тов. Ленин по всем направлениям развертывает из этих, как-будто бы «бедных», директив богатейшую цепь все более конкретных указаний, при чем одно звено цепляется за другое, и вырастает вся сложная и живая практика революционной борьбы и строительства. Мысль, которую Ленин так могуче подчеркнул, обрушив ее тяжеловесной глыбой, как-будто бедна: руководство над крестьянством, «величайшая осторожность», доверие крестьянства, сокращение аппарата до минимума, — этого как-будто слишком мало, все это как-будто слишком просто.

Но простота бывает двоякого рода: бывает «простота», которая *«хуже воровства»*, и бывает *гениальная простота*, такая простота, которая представляет собою продукт глубочайшего проникновения в предмет и глубочайшего знания этого предмета. В области художественного творчества такая гениальная простота была у Льва Толстого. В области политики такая гениальная простота была у Владимира Ильича.

Из того, что я уже сказал, вытекает, что Владимир Ильич считал военное столкновение рано или поздно неизбежным и утверждал, что может выйти из него наша революция победоносно только тогда, когда крестьяне будут доверять рабочей власти. По ленинскому завещанию, это есть *решающая* предпосылка, без которой вся революция существовать не сможет. Это, в свою очередь, предполагает величайшую экономию в нашем хозяйствовании. Почему? Здесь тов. Ленин раскрывает все внутреннее богатство этих лозунгов: смысл «величайшей экономии» оказывается гораздо более глубоким, чем это кажется на первый взгляд.

V. Основы экономической политики

В своей известной статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин развивает свой план по двум направлениям, которые увязаны с директивой союза рабочих и крестьян и с директивой экономии. Это — план *индустриализа-*

ции и план кооперирования населения. Поставив вопрос о том, что нам нужно сохранить доверие крестьян, изгонять все лишнее из наших общественных отношений, сократить госаппарат до минимума, накапливать постепенно, тов. Ленин вслед за этим спрашивает: «Но не будет ли это царством крестьянской ограниченности?»

Владимир Ильич хорошо знал наших людей, он отлично знал, что будут такого рода нападения, будто он проповедует «царство крестьянской ограниченности», будто он слишком много говорит о крестьянстве и т. д. В ответ на это Владимир Ильич говорит:

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность *ценой величайшей и величайшей экономии* хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития *нашей крупной машинной индустрии*, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч. *В этом и только в этом будет наша надежда*».⁶

Тогда мы удержимся *наверняка*, и притом «не на уровне мелкокрестьянской страны..., а на уровне, *поднимающемся неуклонно вперед к крупной машинной индустрии*».

В чем здесь «гвоздь»? В чем особо глубокая политическая мысль? В чем здесь то особое, что отличает ленинскую установку от всякой иной? Во-первых, то, что в основе всего плана лежит союз рабочих и крестьян и «величайшая осторожность» в этом пункте, осторожность, так резко отделяющая ленинскую «землю» от троцкистских «небес»; во-вторых, то, что здесь дан совершенно определенный ответ, *на чем* нам нужно строить дело индустриализации страны, где *источники тех добавочных сумм*, которые мы должны в возрастающей мере тратить на дело индустриализации страны. Эти источники могут быть разные. Они могут заключаться в *трате резервов*, которые у нас были (возрастающий пассивный баланс), они могут заключаться в *выпуске бумажных денег* с риском инфляции и товарным голодом; они могут заключаться в переобложении крестьянства. Но все это не здоровая база индустриализации. Все это не солидно, не прочно; все это может угрожать разрывом с крестьянством. Тов. Ленин указывает другие источники. Эти источники есть, прежде всего *максимальное сокращение всех непроизводительных расходов*, которые у нас поистине огромны, и повышение качественных показателей, в первую очередь, *повышение производительности народного труда*. Не эмиссия, не преобразование запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а *качественное повышение производительности общенародного труда и решительная борьба с непроизводительными расходами* — вот главные источники накопления. Это есть определенная директива, определенная политическая линия, и мудрость ее заключается в том, что это единственная линия, при которой дело хозяйственного строительства, социалистического накопления и пр. будет иметь и на *экономической* стороне и на стороне *социально-классовой* настоящую, крепкую, здоровую базу. Курс на индустриализацию, ответ на вопрос об источниках накопления, директива о том, чтобы политика индустриализации *не только не разрывала с крестья-*

яством, а наоборот, сплачивала союз с крестьянством, и общая оценка вопроса об индустриализации, как решающего вопроса («в этом, и только в этом, наша надежда», писал Ленин о *крупной машинной индустрии*), — вот те директивы, которые вытекают у Ленина из всей социально-хозяйственной обстановки и анализа международного положения.

Конкретизируя вопрос о том, на какой же организационной базе должна получиться смычка между растущей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами, Ленин развивает свой «кооперативный план», план смычки через «кооперативный оборот» (стр. 141). Почему через кооперацию должна идти эта смычка? Почему кооперация предлагается в качестве решающего метода? Потому, что это есть переход, как очень осторожно выражается В. И., к «новым порядкам», «путем возможно более простым, легким, доступным для крестьянина» (стр. 140), когда население идет к социализму через кооперацию, *руководствуясь собственной выгодой*.

Вопрос о смычке между рабочим классом и крестьянством (с хозяйственной и социально-классовой точки зрения) можно, конечно, ставить по-разному. Можно поставить его так, что *рабочий класс* будет строить социализм, крестьянство же не строит никакого социализма, как мелкая буржуазия (собственники), которая *ни при каких условиях* не способна ни на что в этом отношении. Владимир Ильич не так ставил этот вопрос. Отметив, что кооперация — самый простой и легкий способ вовлечения крестьянства, он продолжает:

«А, ведь, это опять-таки главное. Одно дело фантизировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться *практически* строить этот социализм, так, чтобы *всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении*. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало»

Последнее верно и по сей день.

Всем известно, как тов. Ленин вообще оценивал кооперацию, он говорил, что поголовное кооперирование населения в наших условиях, это — есть социализм, и что нам нужно «только» это.

«Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития *народной массы*. Поэтому нашим правилом должно быть: *как можно меньше мудрствования, как можно меньше выкрутас*. НЭП представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он *не требует от него ничего высшего*» (141).

Когда мы сейчас переживаем целый ряд новых трудностей с крестьянством, нам очень не вредно вспомнить это очень простое и в то же самое время очень мудрое правило. *Нам нужно зацеплять крестьянина за его интересы, не мудрствуя, без всяких выкрутас, нам нужно искать самые*

простые подходы к нему. Для осуществления кооперативного плана нужна *культурная революция*, ибо для осуществления поголовного кооперирования нужно, в первую очередь, чтобы кооператоры *цивилизованно торговали*. Наш кооператор, — писал тов. Ленин буквально: — «*торгует сейчас по-азиатски*, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо *торговать по-европейски*».

Итак, за основу берется положение, что нужно исходить из *простых и доступных крестьянину методов*: зацепить «наше дело» за частные *интересы* крестьянина. В другом месте, в той же статье Владимир Ильич в чрезвычайно острой форме ставит этот вопрос: НЭП, — пишет он: — это «степень соединения *частного* интереса, частного *торгового* интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов». Ленин учил: зацепить крестьянина за его собственные выгоды и на этой базе, через кооперативный оборот, через кооперацию вести его к социализму. А для того, чтобы кооперация привела к социализму, нужна *цивилизованная кооперация*, для чего нужно торговать *не по-азиатски, а по-европейски*.

VI. Вопросы основных классовых отношений

Владимир Ильич подходил ко всем экономическим вопросам не с точки зрения какой-то внеклассовой экономики: он увязывал любой крупный вопрос одним концом с международным положением, другим концом — с классовой борьбой в нашей стране. Экономика у него развивается вместе с постоянными передвижками и переплетами в области классового строения нашего общества. При этом *главной гарантией социалистического строительства у нас есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма... забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной» форме.* Это — *главное*. Это — то, на что указывал Маркс, что, вопреки ласальянским традициям, вопреки всяким каутскианцам, меньшевикам и проч., является продолжением *марксистских взглядов*. Необходимость крепчайшего союза рабочих и крестьян особо подчеркивается тяжелой и трудной международной обстановкой. В связи с этим центральным положением Ленина находится то замечательное место, которое каждому из нас нельзя терять *ни на минуту*. Это место всем известно, но я считаю своим долгом его здесь еще раз напомнить:

«Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на *сотрудничестве двух классов*: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «напманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут *серьезные классовые разногласия* между этими классами, тогда *раскол будет неизбежен*, но в нашем социальном строе *не заложены с необходимостью основания такого раскола*, и *главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом*, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может

вытечь раскол, и предупредить их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем ясней мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской Республики» (124).

Я обращаю внимание на некоторые, казалось бы для марксиста, «чуждые» вещи. Всем известно, что рабочий класс, это — не то же, что крестьянство. Крестьянство, даже если говорить о крестьянине-середняке и бедняке, есть деревенская мелкая буржуазия (Вл. Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих статьях). Всякому понятно, что если существуют два класса, то между этими двумя классами *есть классовые различия*, а Вл. Ильич дает такую формулировку, в которой говорится, что если возникнут *серьезные классовые разногласия* между этими классами, тогда раскол неизбежен, и тогда гибель Советской республики неизбежна. В чем же дело? Отступил Ленин от марксизма или перестал Ленин считать крестьянство особым классом? Этого «дела» нельзя понять никак, если стоять на плоской, вульгарной, антиленинской точке зрения, если не понимать всей действительной диалектики оригинального, «советского» развития. Перед рабочим классом теперь стоит задача постоянно *переделять крестьянство*, переделять его «по образу и подобию своему», не отграничиваясь от него, а слившись со всей массой, вести его за собой. Совсем другое соотношение между пролетариатом и крестьянством существует в капиталистическом обществе. Наша Красная армия, которая состоит в огромной степени из крестьян, это — величайшая культурная машина для переделки крестьянина, который из нее выходит с новой психологией.

Владимир Ильич совершенно прав: раскол между этими двумя классами, т.-е. появление между ними *серьезных классовых разногласий*, которые этот механизм переделки одного класса другим уничтожили бы, *означает гибель Советской республики*. И поэтому совершенно понятно, что любое свое положение Владимир Ильич рассматривал под углом зрения соотношения рабочего класса с крестьянством. И именно отсюда следует его генеральная директива: *главная задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы смотреть, из чего может произтечь раскол, и, во-время заметив опасность, ликвидировать ее*.

VII. Вопросы культурного строительства

Итак, индустриализация плюс кооперирование. Но кооперирование предполагает культурную революцию. Тут Ленин, выставляя лозунг культурной революции, отнюдь не ограничивается этим голым лозунгом. Он и здесь раскрывает его конкретное содержание, он говорит, что нужно *делать*, на что нужно обратить самое *основное* внимание, где *здесь* «звено». Этому специально посвящена его статья, которая называется «*Странички из дневника*». И этот вопрос Ленин ставит, конечно, с точки зрения соотношения

между рабочим классом и крестьянством: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции» (116). *Общая установка ясна. Мы не делаем «главного»: мы не поставили народного учителя на надлежащую высоту.* Вот одна директива. И Ленин сразу же идет дальше: взяв строение нашего государственного бюджета, он говорит: если хотите культурную революцию проводить, то моя директива вам: необходима перестановка *всего нашего госбюджета в сторону первоначального образования.* Значит, Ленин не только провозгласил лозунг культурной революции: он сейчас же сделал из этого практические указания, и притом указания очень широкого размаха. Никто не скажет, что это можно выполнить сразу и даже в текущем году, но директива смелая, революционная, глубоко правильная. Вы посмотрите, что в самом деле это значит: изгнать все излишества из наших общественных отношений, все барские игрушки, все ненужное; передвинуть госбюджет в сторону первоначального народного образования, поднять нашего народного учителя на надлежащую высоту. Это, конечно, целая «революция». Эту революцию *можно* провести, но против нее стоят стихийные силы привычек, быта, предрассудков, бюрократической рутины, обезьяничанья с бар. Владимир Ильич не стеснялся сказать, что мы «не делаем почти ничего для деревни, помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений» (117). И исходя из задач культурной революции, он выдвигает идею *массовых рабочих организаций*, которые бы проникали в деревню, ставит вопрос о шефских обществах, дает формулу, что рабочие-передовики должны нести коммунизм в деревню. Но сейчас же тов. Ленин расшифровывает содержание этого понятия, опять-таки зная, как у нас любят фразу и барабанный бой вместо дела. Он поясняет свою мысль:

«Нельзя нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, «гибелью для коммунизма».

«Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы» (116).

Это — мудрость организатора, который организует не ячейку молодых людей из советских служащих, а организует десятки и сотни миллионов и знает, как к этим десяткам миллионов подходить. Обсуждая вопрос о формах связи деревни с городом (шефство и т. д.), он настаивает: не делайте это бюрократически, — и выдвигает лозунг *всевозможных объединений рабочих, избегая всемерно их бюрократизации.*

Так ставится Лениным вопрос о культурной революции и специально вопрос о деревне, при чем характерно, как высоко оценивал Владимир Ильич эту работу. В статье «О кооперации» он говорит: перед нами стоят две главные задачи: 1) переделка госаппарата и 2) культурная работа для крестьянства. Эту культурную работу среди крестьянства он в другом месте оценивает, как *всемирно-историческую культурную задачу.*

Вы видите, таким образом, какой широкий план выставляется Владимиром Ильичем касательно культурной работы и как он тесно связан, как он, можно сказать, «притерт» к другим его положениям: о кооперативной организации, об индустриализации страны, о борьбе с международным капитализмом и проч.

VIII. Вопросы госаппарата и государственного и партийного руководства

Тут Владимир Ильич подходит к тому, что одним из величайшей важности составных моментов культурной революции, одним из величайших рычагов социалистического накопления и вовлечения масс в строительство, — а всякий мелкий крестьянин должен строить социализм! — является состояние госаппарата и качества руководства.

Этот вопрос развивается в двух статьях: «Как реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Интересен уже самый подход Владимира Ильича:

«Надо во-время взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к *скоропалительно быстрому движению вперед*, ко всякому хвостовству и т. д., надо задуматься над *проверкой тех шагов вперед*, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их *непрочность, несолидность и непонятность*. Вреднее всего здесь было бы спешить» (125/126).

Исходя из такой установки, которая предполагает «солидность», «прочность», «понятность», — вещи довольно простые, — Владимир Ильич подходит к вопросу о нашем аппарате.

Вы помните, какие предпосылки в вопросе об аппарате у Владимира Ильича были: нужна *экономика*, потому что только тогда можно провести индустриализацию. Нужно упрощение, потому что только тогда мы можем *вовлечь массы*. Нужно добиться общего повышения *производительности труда*. Таким образом, вопрос о госаппарате, с точки зрения вовлечения масс, экономики, производительности труда — связывается со всеми вопросами. В вопросе о госаппарате связываются, как в фокусе, все вопросы — от экономических до культурных.

И это понятно. В конце концов, государственный аппарат, это — тот самый рычаг, та самая машина, через которую наша партия, победоносная руководительница пролетариата, направляет всю свою политику; в конечном счете, если посмотреть с точки зрения перспективы, то наш госаппарат есть та самая организация, которая потом должна, охватывая миллионы, охватывая поголовно всех трудящихся, составить собой известный этап в переходе к государству-коммуне, от которой мы еще, к сожалению, очень и очень далеки. Так вот, т.т. Вл. Ильич спрашивает, если встает так вопрос о государственном аппарате, то чем его чинить, куда мы должны обратиться, за какие рычаги мы должны ухватиться? И он дает замечательную формулировку. Он говорит: мы должны обратиться к самому глубокому источнику диктатуры; а этот самый глубокий источник — «передовые рабочие».

Итак, во-первых, нам нужно обратиться к *передовым рабочим*, а во-вторых, к *«элементам действительно просвещенным»* в нашей стране. Нужно позаботиться о сосредоточении в Рабкрине «лучшего, что есть в нашем социальном строе», «человеческого материала, действительно современного качества, не отстающего от лучших западно-европейских образцов».

С этого конца нужно чистить госаппарат.

Элементы, «действительно просвещенные», должны иметь такие свойства: они, во-первых, ни слова не возьмут на веру; во-вторых, ни слова не скажут против совести (совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике) (смех); в-третьих, они не побоятся признаться ни в какой трудности, в-четвертых, не побоятся никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Вот какие требования предъявлял Влад. Ильич к этим людям.

Но этого мало. Для того, чтобы обновлять госаппарат и начинать с Рабкрина, объединяемого с ЦКК, т. Ленин предлагал ввести особые испытания, *«экзамены»* (*экзамен* на кандидата в служащие РКИ и *экзамен* на кандидата в члены ЦКК). Эти *экзамены* должны состоять в проверке знаний по устройству нашего государственного аппарата, по теории организации той отрасли труда, в которой они желают работать, и пр.

Сделав из РКИ такой первоклассный аккумулятор рационализаторской энергии, необходимо сделать его рычагом, *определяющим собой все другие наркоматы*, переделывающим весь строй работы, повышающим производительность труда. Но почему В. И. предлагал объединение с ЦКК, как это увязывается со всем планом? Это, товарищи, становится очень просто и понятно при внимательном изучении всего плана Вл. Ильича *в целом*. У него есть две главные оси плана; первое — лучшая работа, экономия, индустриализация, повышение производительности труда, повышение качественных показателей, второе — правильные соотношения между рабочим классом и крестьянством и забота о том, как бы не начался раскол между этими двумя классами через нашу партию, через раскол в нашей партии. Отсюда объединение РКИ и ЦКК, организация этого двуединого тела, которое должно смотреть за двумя главнейшими задачами, которое состоит из самых лучших элементов страны. Этот организационный проект связан таким образом целиком со всем предыдущим, начиная от международной политики. И, наконец, в этом же плане развиты и соответствующие требования *насчет масс*. Эти требования Вл. Ильич в одной чрезвычайно короткой, но выразительной формуле свел воедино: *«действительное участие действительных масс»*. Ибо можно собрать кучу народа, но это не будет действительная масса; можно собрать их так, как будто они «участвуют», но они действительно не участвуют. Отсюда формула: *«действительное участие действительных масс»*.

Итак, если мы теперь сведем весь план воедино, то мы видим, что помимо общей оценки нашей революции дана оценка международного положения. Из этой международной обстановки выводится проблема *утверждения власти, ее укрепления* и главная директива рабочему классу *удержать власть над мелким и мельчайшим крестьянством*. Отсюда, в свою очередь, раз-

вивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на основе повышения качества работы при кооперировании крестьянства, т.-е. наиболее легким, простым и без всякого насилия способом вовлечь крестьянство в социалистическое строительство. Отсюда опять-таки вытекают лозунги культурной революции, перестройки аппарата в деловой, хорошо работающий, вовлекающий массы аппарат. Из заботы о правильном соотношении классов выводится забота о партийной линии, об единстве нашей партии, отсюда же строится и план двуединого органа (Рабкрин плюс ЦКК), который следит, с одной стороны, за качеством работы, совмещает в себе контроль, практические занятия и научно-теоретические занятия в области организации труда, и, с другой стороны, следит за единством партии — и через нее — за дружным осуществлением рабоче-крестьянского союза.

Весь план грандиозный, весь план рассчитан на много лет. Весь план исходит из широчайшей перспективы. Весь план стоит на крепком фундаменте основных ленинских положений. И весь план в то же самое время конкретизирован, т.-е. дан целый ряд указаний действительно практического свойства.

* * *

Товарищи, я здесь попытался не пропустить ни одной важной мысли Ленина и не прибавил абсолютно ничего от себя, кроме некоторых комментариев, которые вытекают из соответствующих статей Владимира Ильича. Я старался представить их как нечто целое, как *политическое завещание Владимира Ильича*. Само собой понятно, что та большая историческая полоса, которую мы прожили со времени его кончины, внесла значительные изменения в объективные условия развития: и в области международных классовых соотношений, и в области отношений между империалистическими государствами и Советским Союзом; и в области нашего экономического строительства, и в области соотношений между классами (сюда относится и возросшая активность кулачества), и в области перегруппировок внутри нашей партии, и т. д., и т. п. Можно, пожалуй, сказать, не рискуя ошибиться, что вряд ли кто-нибудь из нас ждал, что мы можем поставить целый ряд крупных рекордных цифр, скажем, в деле строительства промышленности. А мы действительно поставили целый ряд рекордных цифр, мы имеем много достижений и в области рационализации нашей промышленности, и в области научного оплодотворения хозяйства, и в области непосредственной технической реорганизации, и в области увеличения продукции, и т. д., и т. д.. Экономически мы сделали огромный шаг вперед.

Мы в известной мере укрепились и на международной арене, хотя противоречия развития дают себя здесь знать наиболее остро. Однако, наш рост шел крайне неравномерно, что вызвало целый ряд трудностей, о которых мы теперь так много говорим. Перед нашей партией был поставлен за последнее время целый ряд новых задач, которые буквами не написаны в текстах завещания Владимира Ильича.

Мы поставили вопросы колхозного строительства (что связывало с кооперацией, и на чем теперь мы делаем ударение), вопросы совхозного строи-

тельства, задачи технической реконструкции — вопросы и задачи, которые Владимир Ильич ставил только в общих чертах. У нас многие проблемы стали несколько по-иному. Но основной рисунок нашей политики, нашей стратегии, нашей тактики гениально Владимиром Ильичем предвосхищен и предопределен. И те трудности, которые сейчас переживают наша страна и наша партия, еще и еще раз заставляют нас обратиться к одному из неиссякаемых источников политической мудрости, к завещанию Владимира Ильича, и еще и еще раз самым внимательным образом просмотреть основной вопрос: об отношении рабочего класса с крестьянством. Ибо вопросы индустриализации, хлеба, товарного голода, обороны, это — все те же вопросы о рабочем и крестьянине. Недаром наша партия на своей ближайшей конференции ставит этот вопрос в порядок дня.

Товарищи, пять лет назад в тихий зимний день отошел от нас гений пролетарской революции. Многим из нас выпало на долю счастье работать вместе с этим человеком, этим железным «Стариком», как мы его называли, вождем, революционером, ученым.

Через пять лет после его кончины, после проверки его заветов жестоким опытом жизни мы больше, чем когда бы то ни было, с большей горячностью, с большим упорством и с большим знанием действительности подыдем наши красные стяги, чтобы идти *вперед и вперед!* (Продолжительные аплодисменты. Оркестр играет «Интернационал»).

¹ Маркс писал Энгельсу 16 авг. 1856 г.: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело пойдет прекрасно».

² Ленин. Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 144-145.

³ Ленин. Соч., т. XVIII. «Лучше меньше, да лучше», стр. 136.

⁴ «Лучше меньше, да лучше», стр. 136, 137.

⁵ «Лучше меньше, да лучше», стр. 136.

⁶ «Лучше меньше, да лучше», стр. 138.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Страница</i>
Sidney Heitman. Introduction	30
Сидни Хэйтмен. В в е д е н и е	5
Б у х а р и н	
I. Теория пролетарской диктатуры	56
II. Экономика переходного периода	76
III. Новый курс экономической политики	145
IV. Буржуазная революция и революция пролетарская	155
V. О ликвидаторстве наших дней	175
О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем	182
Ленин как марксист	214
VI. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз	245
Доклад на XXIII Чрезвычайной ленинградской губерн-	
ской конференции ВКП(б)	317
VII. Ленинизм и проблема культурной революции	354
Заметки экономиста	375
VIII. Политическое завещание Ленина	398

